

Владимир Иванович Ламанский

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова
Международный центр изучения русской философии

В. А. Куприянов, А. В. Малинов

**АКАДЕМИК
В. И. ЛАМАНСКИЙ**

*Материалы к биографии и научной
деятельности*

ДБ

Санкт-Петербург
2020

УДК 629:94(47)
ББК 72.3
К92

Рецензенты:

доктор исторических наук *В. С. Соболев*;
доктор исторических наук *Е. А. Ростовец*

Куприянов, В. А.

К92 Академик В. И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности / В. А. Куприянов, А. В. Малинов. — Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. — 560 с.

ISBN 978-5-86007-945-8

В монографии предлагается исследование биографии и философского творчества видного российского слависта профессора Санкт-Петербургского университета и академика Императорской Академии наук Владимира Ивановича Ламанского (1833—1914). Опираясь на ранее неизвестные архивные источники, авторы проводят реконструкцию научной карьеры Ламанского в Санкт-Петербургском университете начиная с его студенческих лет, показывают историю его взаимоотношений с современниками (А. С. Хомяковым, И. С. Аксаковым, Ю. Ф. Самариным, Н. И. Кареевым, А. С. Лаппо-Данилевским). Подробно рассматривается деятельность Ламанского в Академии наук. Важной частью монографии является изучение философии Ламанского в контексте философских дискуссий его времени: сравнительное рассмотрение учения Ламанского с концепциями Н. Я. Даниевского, И. С. Аксакова, детально анализируется полемика Ламанского и Н. Г. Чернышевского. Авторы показывают, что важное место в славянофильской концепции Ламанского занимала его цивилизационная теория, тесно связанная с панславизмом. Указывается, что ряд положений философии истории Ламанского были развиты евразийцами. Монография содержит анализ учения Ламанского о языке как геополитической силе и политической философии. В приложении публикуются новые архивные документы, письма и редкие материалы, позволяющие более полно и всесторонне представить биографию, научную деятельность Ламанского и его взгляды.

The monograph proposes the study into biography and philosophical activity of the notable Russian Slavic scholar and the professor of St. Petersburg University V. I. Lamansky (1833—1914). Basing on the hitherto unknown archival sources, the authors reconstruct V. I. Lamansky's academic career in St. Petersburg University, beginning from his student days; the history of his relationships with his contemporaries (I. S. Aksakov, Y. F. Samarin, N. I. Kareev, A. S. Lappo-Danilevsky) are also investigated. The authors study V. I. Lamansky's philosophical views which they connect with the Slavophile philosophical program. In this regard, the monograph presents comparative research of V. I. Lamansky's, N. Y. Danilevsky's, I. S. Aksakov's conceptions; the detailed investigation into Lamansky — Chernyshevsky controversy is also given. The authors show that a civilization theory played a considerable role in Lamansky's theory closely tied with panslavism; the new analysis of V. I. Lamansky's panslavism is presented. The authors demonstrate that Lamansky's philosophy of history and civilization conception can be acknowledged as a precursor of the Eurasionism. The monograph includes the study in the history of science by Lamansky and the analysis of his philosophy of language and political philosophy as well. The new archival document allowing to understand Lamansky's scientific activity more fully and thoroughly are published in the supplementary material to the book.

УДК 629:94(47)

ББК 72.3

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 20-19-00070, не подлежит продаже

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

ISBN 978-5-86007-945-8

© Куприянов В. А., Малинов А. В., 2020
© Бакланова А. П., дизайн обложки, 2020
© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научное наследие академика Владимира Ивановича Ламанского (1833—1914) насчитывает более 400 опубликованных работ, включающих четыре монографии, многочисленные статьи, лекционные курсы, отзывы, рецензии, газетные публикации, издание архивных материалов и т. п. Основная тематика его исследований — славяноведение. Ламанский был крупнейшим славистом своего времени, более тридцати лет преподававшим в Петербургском университете. Он стоял у истоков славяноведения в Петербурге, а его влияние «на ученых своего времени было не меньшим, чем влияние Срезневского»¹. Еще современники воспринимали Ламанского как главу «исторической школы», что подтверждает и новейшая историография². Современники различно относились как к его личности, так и к его научным трудам, поскольку Ламанский никогда не отрывал своих ученых занятий от жизни, нередко откликался на современные события в газетах и журналах, указывал на истоки и связь политических и культурных реалий с историей и мировоззрением народов в чисто научных, казалось бы, работах и лекциях. Он открыто объявлял себя последователем славянофильства и, без сомнения, был крупнейшим представителем этого направления в Петербургском университете. Современных исследователей привлекает, в первую очередь, геополитическая концепция Ламанского (сам он относил свои работы к области политической географии), в которой видят предвосхищение идей евразийцев. Полнее всего его философско-историческое учение, переходящее в геополитические

¹ История Академии наук СССР : в 3 т. Т. 2 : 1803—1917. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 607.

² *Лантвеа Л. П.*: 1) В. И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX—XX вв. // Славянский вопрос: Вехи истории. М. : Ин-т славяноведения РАН, 1997. С. 118—129 ; 2) История славяноведения в России в XIX в. М. : Индрик, 2005. С. 378—431 ; 3) Владимир Иванович Ламанский (1833—1914) и его ученики // Славяноведение. 2014. № 6. С. 82—96.

построения, выражено в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Ламанский указывал как на географическую обусловленность формирования цивилизаций и особенностей их культурно-исторического развития, так и на геополитическую роль языков, конкуренция и борьба между которыми, по его мысли, будет определять цивилизационное развитие целых регионов. Больше всего споров и отзывов вызвала первая книга Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859), в которой был собран не только уникальный исторический материал, не всегда соответствовавший научным представлениям своего времени, но и впервые была обоснована точка зрения славянофилов на историю славянских народов. Если ранние славянофилы исходили из романтической идеи народности и ее духа, выраженного в языке, литературе, фольклоре, то Ламанский на исторических фактах старался продемонстрировать общность исторических судеб славянских народов, единство основных психологических установок, типичность многих явлений как исторической, так и современной жизни славян, что позволяло проводить нетривиальные параллели и фиксировать подобию как в истории отдельных славянских народов, так и в истории одного народа. В докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира» (1871) был предпринят историографический и философско-исторический анализ взглядов европейских ученых, прежде всего немецких, на славянство. Однако сам ученый считал своей главной заслугой перед наукой публикацию обширного сборника архивных материалов «*Secrets d'État de Venise et rapports de la République avec les Grecs, les Slaves et les Turcs au XVI siècle. Documents, extraits, notices et études*» (1884).

Долгая и плодотворная творческая жизнь Ламанского, его многообразная деятельность дают богатый материал для исследователей различных гуманитарных наук: славистики, историографии, истории русской философии и политической мысли, фольклористики и этнографии. Судьба связала Ламанского с Санкт-Петербургским университетом, Академией наук, Императорским Русским географическим обществом, Санкт-Петербургским славянским благотворительным обществом, Санкт-Петербургской духовной академией, Академией генерального штаба. С годами менялись его взгляды (от романтического увлечения народностью до панславистских ожиданий и фактического разочарования в идее славянского единства) и оценка некоторых событий, однако постоянной оставалась вера ученого в объединяющую роль русского языка, который должен

стать общим научным, дипломатическим и литературным языком славян — пожалуй главная, заветная мысль Ламанского, которую он пронес через всю жизнь.

Долгое время, особенно после фактического разгрома «школы Ламанского» в 1930-е гг., его наследие не изучалось. Реабилитацией учения Ламанского мы обязаны, в первую очередь, трудам славистов Л. П. Лаптевой¹ и М. А. Робинсона². В 2004 г. была защищена первая историческая диссертация, целиком посвященная Ламанскому³. В работах О. В. Саприкиной, пожалуй, полнее всего представлено многообразное творчество Ламанского, особенности восприятия его идей и оценка их современниками⁴.

¹ *Лаптева Л. П.*: 1) В. И. Ламанский и славянская тема ... С. 118—129 ; 2) Владимир Иванович Ламанский (1833—1914) : (К столетней кончине знаменитого слависта) // Славянский мир в третьем тысячелетии : Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2014. С. 47—59.

² *Робинсон М. А.*: 1) Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX — начала XX в. (В. И. Ламанский, П. А. Кулаковский, К. Я. Грот) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М. : Наука, 1986. С. 91—112 ; 2) В. И. Ламанский и его историософский трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славянский альманах, 1996. М., 1997. С. 90—106 ; 3) «Патриарх русского славяноведения» В. И. Ламанский: отношение к нему и его школе как отражение состояния славистики в России и Советском Союзе // *Lo sviluppo della slavistica negli imperi europei = Развитие славяноведения в европейских империях* : материалы Международной конференции Комиссии по Истории Славистики при МКС (Verona 16—17 ottobre 2007). Milano, 2008 ; 4) В. И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о нем учеников и коллег // Славянский альманах, 2013. М. : Индрик, 2014. С. 136—151 ; 5) Регионы Европы в историософском трактате В. И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славяноведение. 2019. № 3. С. 4—12.

³ *Саприкина О. В.* В. И. Ламанский: научное наследие и деятельность : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

⁴ *Саприкина О. В.*: 1) Славянская идея в трактовке В. И. Ламанского на страницах российских периодических изданий (60—80-е годы XIX века) // Россия и Европа: поиск единства или апология самобытности : Бюллетень научного семинара молодых ученых и преподавателей гуманитарных наук, 1998 г. М. : РГГУ, 1999. С. 5—18 ; 2) Академик В. И. Ламанский: патриарх русского славяноведения // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). С. 157—177 ; 3) Образ «славянской цивилизации» в российской исторической мысли на рубеже XIX—XX веков (на основании идейно-научного наследия В. И. Ламанского) // Модерн. Модернизм. Модернизация = Moderne.

В последнее время учение Ламанского привлекает историков русской политической мысли¹. В его работах видят начатки

Modernismus. Modernisierung : по материалам конф. «Эпоха “Модерн”: нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX—XX вв.: Россия, Австрия, Германия, Швейцария». М. : РГГУ, 2004. С. 427—440 ; 4) Концепция «славянской цивилизации» в научных трудах академика В. И. Ламанского // Славянский мир в социокультурном измерении. Ставрополь ; Пятигорск : Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2004. С. 112—130 ; 5) В. И. Ламанский: конфликт мировоззрения ученого и исторической реальности // Конфликты и компромиссы в социокультурном контексте : тезисы международной научной конференции. М. : РГГУ, 2006. С. 124—127 ; 6) Участие «порепорформенных славянофилов» в общественных дискуссиях по восточному вопросу в последней четверти XIX в.: В. И. Ламанский // Международные отношения в исследовательских практиках и преподавании всеобщей истории : тезисы межвузовского круглого стола: памяти профессора ИАИ М. Т. Панченковой. М. : РГГУ, 2006. С. 54—60 ; 7) Академик В. И. Ламанский и его архивное наследие // Труды Историко-архивного института. М. : РГГУ, 2007. Т. 37. С. 217—234 ; 8) Теоретические воззрения О. М. Бодянского и В. И. Ламанского на славянство: общее и особенное // О. М. Бодянский и проблемы истории славяноведения : К 200-летию со дня рождения ученого. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2009. С. 79—98 ; 9) Трактовка славянской идеи В. И. Ламанским на страницах Журнала Министерства народного просвещения // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2010. № 18 (61). С. 258—269 ; 10) Вспоминая коллегу и учителя (некрологи В. И. Ламанскому как исторический источник) // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2012. № 9 (89). С. 257—269 ; 11) Трансформация образа историка: В. И. Ламанский в оценках современников и исследователей // Человек и общество перед судом истории. М. : РГГУ, 2013. С. 276—321 ; 12) Историческое развитие славянских народов в интерпретациях российских ученых-славистов второй половины XIX в.: О. М. Бодянский, В. И. Ламанский, А. Н. Пыпин // Информационное пространство истории : Международная научная конференция : рабочие материалы. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2013. С. 20—21 ; 13) Историческое развитие славянских народов в информационном дискурсе российской славистики второй половины XIX в. // Люди и тексты : исторический альманах. 2014. № 5. С. 272—291 ; 14) Академик В. И. Ламанский как исследователь славянской филологии и истории // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV). Bd. 17 / hrsg. von Enrique Gutiérrez Rubio, Marta Falkowska, Ekaterina Kislova, Marzena Stepień. München ; Berlin ; Washington, 2014. (Die Welt der Slaven: Sammelbände ; Bd. 53). С. 165—173 ; 15) Чешская и польская тематика в научном наследии академика В. И. Ламанского // Beiträge zum 19. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav). 2016. (Die Welt der Slaven. Sammelbände ; Bd. 60). S. 240—249.

¹ Гудков А. Д., Ширинянец А. А. Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского ун-та. Серия 12 «Политические

геополитики¹ и предвосхищение идей евразийцев². В современных исследованиях рассматриваются отношения Ламан-

науки». 2001. № 1. С. 94—119 ; *Прокудин Б. А.*: 1) Историческое и геополитические идеи В. И. Ламанского // Вестник Московского ун-та. Серия 12 «Политические науки». 2013. № 2. С. 117—127 ; 2) Непубликованная статья В. И. Ламанского «Славянский союз» // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени (Спб 2013) : сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых ученых и специалистов. М. : РОССПЭН, 2013. С. 339—345 ; 3) В. И. Ламанский о единстве славян // Вестник Российской нации. 2016. № 3 (48). С. 70—82 ; *Болдин В. А.*: 1) «Языки не изучаются по симпатиям или антипатиям, а по требованиям практической надобности»: о споре академиков Ламанского и Стояновича о роли русского языка в деле объединения славян в начале XX в. // Русин. 2018. № 4 (54). С. 318—334 ; 2) Эволюция панславистских политических концепций в начале XX века (на примере журнала «Славянский век», 1900—1904) : дис. ... канд. полит. наук. М., 2018.

¹ *Гердт Я. В.* Роль экспансии в российских панславистских теориях второй половины XIX века // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 29 (167). С. 144—151 ; *Чемшит А. А., Шенгеля И. Ш.* Поздние славянофилы: геополитическое предчувствие евразийства // Вісник СевНТУ. 2010. № 112. С. 3—6 ; *Ромашов Ю. В.* Геополитика России на Балканах и идея славянского единства // Вестник Саратовского гос. техн. ун-та. 2012. Т. 4. № 1 (68). С. 258—262 ; *Матвеева А. М.* Геополитика внутреннего пространства как направление русской геополитической школы и методология истории // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 6-2. С. 114—120.

² *Селиверстов С. В.* В. П. Семёнов-Гян-Шанский: становление евразийской интеллектуальной тенденции в начале XX в. // Вестник Омского ун-та. 2011. № 3 (61). С. 131—134 ; *Исаева О. С., Кошарный В. П.* Об источниках геосоциологии классического евразийства // Известия учебных заведений. Поволжский регион. 2015. № 2 (34). С. 112—120 ; *Задорожнюк Э. Г.* Предвосхищение евразийства // Диалог со временем. 2016. № 57. С. 24—40 ; *Шульга М. А.* «Русинский вопрос» и геополитические миры Владимира Ламанского // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (36). С. 15—26 ; *Павлов П. А.* «Россия — Евразия» П. Н. Савицкого и наследие В. И. Ламанского: географические и социокультурные «миры» // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия «Философия». 2017. № 4. С. 137—143 ; *Шириняц А. А.* В. И. Ламанский — евразиец до евразийства // Евразийская идея и интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Кокшетау : Кокшетауский гос. ун-т им. Ш. Уалиханова, 2017. С. 7—17 ; *Панченко А. Б.* Евразийская парадигма в отечественном народоведении (история становления и научный потенциал) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 1 (22). С. 11—18.

ского с другими славистами, в том числе его учениками¹, славянскими учеными (чехами и словаками)²; предпринимаются попытки определить место Ламанского в славянофильском движении³; изучается его вклад в развитие отечественной этнографии

¹ *Ковыльникова Т. С.* Научно-исследовательская деятельность студентов Санкт-Петербургского императорского университета (на примере К. Я. Грота) // *NovaInfo.Ru*. 2013. № 16. С. 109—112 ; *Макарова Е. А.* Личная переписка в научной биографистике: слависты М. И. Соколов, В. И. Ламанский // *Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения медиевистов Арона Яковлевича Гуревича и Марэна Михайловича Фрейденберга*. Тверь : Изд-во Тверского гос. ун-та, 2014. С. 123—133 ; *Гостева С. Р., Золотарев Д. П.* Русское национальное самосознание и изучение славянства в трудах поздних славянофилов (на примере В. И. Ламанского и К. Я. Грота) // *Общество и цивилизация*. 2014. № 3 (10). С. 54—61 ; *Бринзей Г. В.* Эпистолярное наследие профессора Санкт-Петербургской духовной академии И. С. Пальмова (1856—1920) // *Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной академии*. 2018. № 2. С. 95—105.

² *Баратов П.* «...и с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил» : О чем спорили Юлиус Грегр с Владимиром Ламанским // *Родина*. 2010. № 1. С. 70—72 ; *Ващенко М. С.* Ватрослав Ягич и его восприятие России (к 90-летию со дня смерти хорватского ученого) // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2013. № 8-1. С. 111—123 ; *Бондаренко Н. А.* Размышления чешского президента Т. Г. Масарика о России и русской революции // *Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия — Запад — Восток : материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVIII Кирилло-Методиевские чтения»*. Ярославль : Ремдер, 2017. С. 121—126 ; *Недашковская Н. И., Мягков Г. П.* Poleмика вокруг трактата Л. Штура «Славянство и мир будущего»: романтизм и нигилизм в дискурсе проектов славянского национального возрождения XIX века // *Ученые записки Казанского ун-та. Серия «Гуманитарные науки»*. 2017. Т. 159, № 4. С. 856—871.

³ *Селиверстов С. В.* «...Я смотрю несколько менее оптимистически»: к вопросу об интеллектуальных взаимоотношениях Н. Я. Данилевского и В. И. Ламанского в 1860—1880-е годы // *Magistra Vitae : электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2009. № 32 (170). С. 116—125 ; *Кудряшев В. Н.* Трансформация славянофильства в панславизм как смена концепции русского национализма // *Вестник Томского гос. ун-та*. 2012. № 364. С. 65—71 ; *Недашковская Н. И.* Дискурсивные практики славистики второй половины XIX века: тексты академика В. И. Ламанского // *Преподаватель XXI век*. 2015. № 2-2. С. 357—363 ; *Капустина И. О.* Критика журнала В. В. Кашпирева «Заря» в современной печати (на примере «Отечественных

и фольклористики¹, истории народов Восточной и Южной Европы², славистики в целом³. Количество работ биографического характера невелико, в основном это статьи, обзорно описывающие жизненный путь и профессиональную деятельность Ламанского⁴. К ним примыкают и словарные статьи⁵. В истории русской философии

записок») // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2016. № 2 (71). С. 65—70 ; *Гостева С. Р., Золотарев Д. П.* Греко-славянский синтез как основа формирования восточноевропейской цивилизации в трудах В. И. Ламанского // Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности : материалы V Международной научно-практической конференции / отв. ред. Э. П. Комарова. Воронеж : Научная книга, 2017. С. 420—425 ; *Котов А. Э.* Петербургское славянофильство 1860—90-х гг. // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 123—133.

¹ *Дякиева Б. Б.* Журнал «Живая старина» (1891—1916 гг.) и фольклор народов Российской империи (на примере устного народного творчества калмыков) // Вестник Калмыцкого ун-та. 2018. № 3 (39). С. 22—29 ; *Лебедева Г. Н.* Влияние научных командировок В. И. Ламанского на становление антропологии и этнографии славянского мира // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы международной научной конференции / отв. ред. В. А. Веремко. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 264—269.

² *Шумило С. М.* Научное наследие академика В. И. Ламанского и теория хазаро-русской миссии Кирилла и Мефодия // Начала Русского мира. 2014. № 1 (1). С. 195—203 ; *Жугра А. В.* Из истории албановедения в России // Acta Linguistica Petropolitana : Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10, № 1. С. 565—587.

³ *Лебедева Г. Н.* Путешествия русских славистов в славянские земли (из истории становления отечественной славистики) // Запад — Восток. 2016. № 9. С. 96—106 ; *Аржакова Л. М.* Славистика в Санкт-Петербургском университете // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. № 2 (22). С. 172—184.

⁴ *Эзериня С. А.* «...к чести и достоинству русского слова» (к 100-летию со дня смерти В. И. Ламанского) // Русский язык в школе. 2014. № 10. С. 73—79.

⁵ *Лантеева Л. П.* Ламанский Владимир Иванович // Славяноведение в дореволюционной России : библиографический словарь. М. : Наука, 1979. С. 214—217 ; *Шилов Л. А.* Ламанский Владимир Иванович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры : библиографический словарь. СПб. : Изд-во РНБ, 1995. С. 306—310 ; *Шириняц А. А.* : 1) Ламанский В. И. // Общественная мысль России XVIII — начала XX века : энциклопедия. М. : РССПЭН, 2005. С. 248—249 ; 2) Ламанский Владимир Иванович // Русская философия : энциклопедия. М. : Книжный Клуб «Книговек» : Терра, 2014. С. 315—316 ; Ламанский Владимир Иванович / А. И. Васкул // Русские фольклористы: Библиографический словарь. XVIII—XIX вв. : в 5 т. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. Т. 3. С. 158—164.

имя Ламанского менее известно, хотя его по праву можно поставить в один ряд с Н. Я. Данилевским и К. Н. Леонтьевым. Современная историография показывает, насколько изменилось восприятие Ламанского за прошедшее столетие. Его значение как филолога-слависта или историка славянства потеснено Ламанским — политическим мыслителем и философом. Изучение его творчества может существенно расширить исследовательский контекст русской философии, прежде всего содержательно обогатить изучение славянофильского направления и его влияния на последующую русскую мысль. Творчество Ламанского раскрывает актуальные ныне смыслы славянофильства, заложенные в этом учении; показывает, что славянофильство не является «реликтовой» теорией, представляющей исключительно антикварный интерес.

Творчество Ламанского следует отнести к *позднему* славянофильству, как и учение К. Н. Леонтьева и Н. Я. Данилевского. Однако позднее славянофильство, сформировавшееся в качестве самостоятельного политического и литературного мировоззрения к 1860-м гг., нетождественно по своему интеллектуальному содержанию и даже своим общим философским установкам славянофильской мысли 1840-х гг. — наряду с преемственностью, позволяющей отнести писателей, философов и публицистов разных поколений к единому мировоззренческому направлению; в истории славянофильства прослеживается и развитие, даже существенная трансформация ряда его важных идей. Этот историко-философский факт становится наглядным при сопоставлении философской позиции Ламанского с ранними славянофилами. Как известно, исходная проблематика, в связи с которой произошло зарождение славянофильства, составляла вопрос об отношении России к западноевропейскому просвещению и в целом к истории Западной Европы. Этот очевидный факт был в свое время отмечен еще Н. А. Бердяевым, который понимал славянофильство как первую попытку русского самосознания и первую самостоятельную русскую идеологию¹. Так, по его словам, русское «национальное сознание родилось в постановке проблемы Востока и Запада. <...> Уже один факт борьбы славянофильства и западничества, которым заполнена русская литература, русская философия <...>

¹ См.: Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков // Бердяев Н. А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков М. : АСТ : Хранитель, 2007. С. 229.

свидетельствует о центральности этой проблемы»¹. Таким образом, тематика русской историософии, тесно переплетенная с поиском религиозной правды, оказалась конституирующей для славянофильства. Но как славянофилы понимали русскую историю, русскую жизнь в ее внутреннем существе и в ее отношении к иностранным началам, прежде всего к началам западноевропейским? Представляется, что в этот вопрос, который в силу его важности следовало бы знать особенно тщательно и подробно, закралась некоторая неточность, способная замутнить всю сущность славянофильства. Зачастую по отношению к славянофилам можно услышать упреки в национализме, шовинизме, изоляционизме и реакционности. Этот подход к славянофильству зародился еще в XIX в. и имеет своих последователей и по сей день. Представляется, что этот упрек игнорирует ряд важнейших особенностей славянофильства — в первую очередь факт его исторической эволюции.

Наиболее наглядным представляется сравнение взглядов Ламанского по этому вопросу с историософией А. С. Хомякова, которого можно по праву признать главным мыслителем раннего славянофильства, определившим основные мировоззренческие ориентиры этого учения. В целом для понимания места Ламанского в славянофильском движении важно учитывать, что критика западной цивилизации всегда оборачивалась для славянофилов призывом к самобытности России и попыткой выработки оригинальной культуры, но если для ранних славянофилов — прежде всего для Хомякова — развитие русской самобытности ни в коем случае не означало полного разрыва с традицией Запада, а, наоборот, предполагало достижение истинного единства Востока и Запада, то для позднего славянофильства, одними из ярких представителей которого можно считать В. И. Ламанского и Н. Я. Данилевского, идея единства Европы и мира, или органической целостности, которую Хомяков метко обозначил словом «соборность», оказалась недоступна. В результате в позднем славянофильстве мы встречаемся с философией, построенной на идее полного отчуждения России от Запада.

Этот факт вполне известен в исследовательской литературе о славянофильстве, но характер его объяснения не всегда можно

¹ Бердяев Н. А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // Книга о Владимире Соловьеве. М. : Советский писатель, 1991. С. 358.

считать полным. Так, чаще всего отмечается разочарование в Западе. В. А. Фатеев верно отмечает, что «славянофилы выступили против Западу не из-за незнания уклада европейской жизни или из-за национальной гордыни — напротив, именно глубокое проникновение в суть западной цивилизации привело их к разочарованию в Западе и отрицанию его духовных оснований»¹. В качестве примера в таком случае приводятся взгляды Ф. И. Тютчева — тонкого интеллектуала, который в Западной Европе провел значительную часть своей жизни. Немалую роль в отчуждении России от Европы сыграли и обстоятельства политического плана: несомненно, огромное влияние на формирование негативного отношения к Западу сыграли печально известные итоги Крымской войны и общий ход восточного вопроса, польские восстания и общая политика Франца Иосифа I и Гогенцоллернов. Фактор политики Западу оказал, безусловно, сильнейшее влияние на русскую общественную мысль; реакцией на нее вполне можно считать мировоззрение Данилевского. Но думается, что далеко не все можно в данном случае свести к политике. Немалую роль в столь резком размежевании с Западом, примеры которого видят в позднем славянофильстве, сыграло его *внутреннее интеллектуальное развитие*, независимое от политики — пусть даже политика и играла в данном случае важную роль.

Еще в период зарождения славянофильства в связи с известным вопросом о том, что лучше: старая или новая Россия, для Хомякова становится очевидно, что ответ на этот вопрос предполагает и ответ в смысле настоящего и будущего исторического пути России. В известной статье «О старом и новом» Хомяков поставил вопрос о сущности русской истории, который означал для него также и вопрос о самостоятельности русской культуры. В более ясном смысле альтернатива, предлагаемая Хомяковым, может быть сформулирована так: если русская старина и исконно русские начала образованности пусты и бессодержательны, то единственной задачей и идеей русской культуры может быть только усвоение достижений просвещения других народов — в таком случае нет и быть не может никакого особого пути России; если же русская старина демонстрирует лучшие плоды культурного развития, то нужно лишь осознать свои национальные традиции и построить жизнь на основе заветов благополучного прошлого.

¹ Фатеев В. А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: PRO ET CONTRA. СПб. : Изд-во РХГА, 2009. С. 17.

В той же статье Хомяков опровергает обе эти мыслительные стратегии. Вывод, который он предлагает по итогам рассмотрения русской истории, по сути лег в основу понимания проблемы России в раннем славянофильстве. По мысли Хомякова, древняя русская история сосредоточена на формировании единого государства, главным вдохновителем которого был Петр I. Но по достижении государственного единства перед Россией возникают совершенно новые задачи. Хомяков заключает свою статью следующей важнейшей мыслью: «...мы будем подвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными, спрашивая у истории церкви и законов ее — светил путеводительных для будущего нашего развития и воскрешая древние формы жизни Русской, потому что они были основаны на святости уз семейных и на неиспорченной индивидуальности нашего племени. Тогда, в просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо, воскреснет Древняя Русь, но уже сознающая себя, а не случайная, полная сил живых и органических, а не колеблющаяся вечно между бытием и смертью»¹.

В этих словах можно усмотреть квинтэссенцию понимания Хомяковым задач России и смысла русской истории. Кратко можно характеризовать эту задачу как создание русской самобытной культуры на основе принципа *народности*. Причем из приведенной цитаты видно, что формирование самобытности и оригинальности культуры *не означает для Хомякова противостояния Европе и европейской культуре*. Подчеркнем, что в указанной цитате речь идет о заимствовании открытий Запада и поисках человеческих начал, которые остались тайными для Запада, но каким-то образом проявились в древних формах русской жизни. Это свидетельствует о том, что любые утверждения о национализме, ксенофобии и изоляционизме применительно к славянофильству в его подлинном смысле оказываются глубоко ложными. Следует в этом контексте отметить, что в своем ответе И. В. Киреевский фактически признает эту позицию Хомякова.

¹ Хомяков А. С. О старом и новом // Сочинения : в 2 т. М. : Медиум, 1994—1995. Т. 1. С. 470.

При рассмотрении критики Запада Хомяковым и прочими ранними славянофилами непременно нужно учитывать вышеописанный контекст. Славянофилы сформулировали развернутую и стройную систему критики Запада, в основе которой лежало опровержение одностороннего рационализма и формализма западноевропейской образованности, наиболее полно, по их мнению, проявившихся в Римско-католической церкви и затем в протестантизме. Но критика Запада не была противостоянием с Западом, а являлась попыткой побудить Россию к развитию самобытной культуры. Поэтому важнее оказывается не столько критика Запада, сколько критика России, которая особенно последовательно была развита в творчестве Хомякова. Думается, что именно этот «внутрироссийский» контекст оказался для славянофилов определяющим.

Суть русской идеи, т. е. историческую задачу России, Хомяков видел не в разрыве с Западом и не в борьбе и противостоянии цивилизаций России и Западной Европы, а в самостоятельном и критическом усвоении результатов западноевропейской образованности и возвращении к подлинным *соборным* началам русской общины с ее чистейшей религиозностью.

Хомяков часто писал о том, что помимо раздвоения на земщину и государство Россия в послепетровский период страдает раздвоением внутренних просветительных начал: в ней живет как бы две страны — народ с его сельским миром и интеллигенция с ее поверхностным западничеством. Эта мысль составляет стержень хомяковской критики современной ему русской жизни, которая отражена в целом ряде статей 40-х гг. XIX в.

Следует обратить внимание на статью «Мнение иностранцев о России», которая посвящена ответу на вопрос, почему у иностранцев (прежде всего имеется в виду европейская публицистика) сформировалось столь негативное мнение о России. Действительно, как отмечают исследователи, именно в эти годы почти вся западноевропейская пресса поражена русофобией и антирусскими настроениями. Советский исследователь истории панславизма В. К. Волков отмечал, что именно «в 20—30-е годы XIX века в Западной Европе сложился тот традиционный стереотип, который стал характерен для враждебного отношения к России на протяжении почти всего XIX в. и отдельные элементы которого пытались оживить в более

поздние времена»¹. В основе этого стереотипа лежит представление о варварской экспансионистской и полуазиатской империи, которая стремится во что бы то ни стало поработить европейский цивилизованный мир. В этом отношении размышления русских славянофилов о столь негативном отношении к России в Европе имели под собой весьма конкретную историческую почву.

Но ответ Хомякова на вопрос о таком отношении к России со стороны Европы поражает своей глубиной и неординарностью. По мнению Хомякова, проблема заключается в самой России и тех духовных проблемах, которые сопровождают ее новейшую историю. В статье «Аристотель и всемирная выставка» он, критикуя разного рода англоманов, пишет, что англичане, сохранившие устои своей нравственной жизни, никогда не признают русского, чуждающегося всего русского, в качестве равного себе. «Действительно, — пишет Хомяков, — англичане могут видеть себе братьев в людях, принадлежащих другому племени и другому народу, но никогда не признают своих братьев в своих обезьянах»². Поэтому проблема русской жизни, вернее жизни части ее образованного слоя, заключается в «обезьянничении», т. е. поверхностном и примитивном подражании всему западному.

Как известно, Хомяков объяснял этот факт особенностями реформ Петра I. В период послепетровских преобразований Россия охотно приняла в себя начала западной образованности, но эта ученическая рецепция превратилась в глупое подражание. Хомяков пишет: «В первые и, так сказать, наши ученические годы мы старались не только быть подражателями, но обратиться в простой сколок с западного мира. Не для чего толковать о том, удалось ли нам это или до какой степени удалось. Уже одной страсти ко всему иноземному, уже одного ревностного желания уподобиться во всем нашим иностранным образцам было достаточно, чтобы оторвать нас от своих коренных источников умственной и духовной жизни. Продолжая в глубине сердца любить родную землю, мы уже все-

¹ Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М. : Наука, 1969. С. 35.

² Хомяков А. С. Аристотель и всемирная выставка // Хомяков А. С. Всемирная задача России. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 692.

ми силами ума своего отрывались от ее истории и от ее духовной сущности»¹. В результате Россия сама своим некритичным отношением к Западу превратила себя в его колонию. Потеряв уважение к себе, Россия не может рассчитывать на уважение других. Россия свела себя на уровень рабов и прислужников. В то же время народ, далекий от западноевропейского просвещения, продолжал хранить заветы истинной религиозности и традиции национальной жизни. Заимствованная наука и просвещение оказались в противоречии с жизнью народа, вне которой они превратились не только в слепое подражание, но и в безжизненный формализм. Возникла диспозиция мертвенной подражательной науки, распространенной среди образованной части населения, и живого подлинного народного бытия. По мнению Хомякова, преодолеть указанную раздвоенность можно, только лишь вернув науку и рациональную стихию духа на почву народности.

По словам Хомякова: «Просвещение не есть только свод и собрание положительных знаний: оно глубже и шире такого тесного определения. Истинное просвещение есть разумное просветление всего духовного состава в человеке или народе. Оно может соединиться с наукою, ибо наука есть одно из его явлений, но оно сильно и без наукообразного знания; наука же (одностороннее его развитие) бессильна и ничтожна без него. Некогда оно было и у нас, несмотря на нашу бедность в наукообразном развитии, и от него остались великие, но слишком мало замеченные следы»². *Оживление* науки и просвещения посредством народности оказывается и путем к самопознанию и самореализации. Разум придет к гармонии с религиозным началом, сохраненным в глубине народной жизни, и наука, уяснив себе истину православия, получит в нем свое адекватное обоснование. Поэтому для Хомякова как научная рациональность, так и рациональность вообще должны строиться на православии и народности. В таком случае исчезает разрыв между наукой и жизнью духа, обретается самостоятельность и самобытность. Таким образом, задача России — самопознание ее собственной народной жизни с критическим восприятием иностранных начал образованности. Путь самопознания и соединения народной жизни и научной рациональности видится Хомякову

¹ Хомяков А. С. Мнение иностранцев о России // Хомяков А. С. Всемирная задача России. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 563.

² Там же. С. 572.

в качестве средства к обретению самобытной культуры, в которой Россия наконец сможет реализовать скрытый в ней потенциал подлинной религиозности.

Таким образом, борьба Хомякова была направлена не против Европы как таковой, хотя он, как и другие славянофилы, считал основания западноевропейской культуры ложными. На примере Хомякова видно, что предметом стремлений раннего славянофильства является *национальная самостоятельность России и ее внутреннее освобождение ради раскрытия потенциала заложенного в ней подлинного христианства*. При этом важно понимать, что, с точки зрения Хомякова, по мере естественного отмирания культуры, основанной на искаженной религиозности, возможно объединение Запада и России на почве подлинного христианства, под которым Хомяков понимал не официальное православие царской России, а живую органическую целостность человечества в Боге независимо от его национальной или какой-то иной определенности. Поэтому славянофильство Хомякова — это не идеология борьбы и противостояния, а единства и цельности, что находит свое отражение в фундаментальном для него понятии *соборности как единства во множестве в любви к Богу*. В этом аспекте раннее славянофильство решительно отличается от всех последующих версий этого мировоззрения.

Наглядным примером той трансформации, которая произошла с философией славянофильства, являются геополитические и цивилизационные концепции позднего славянофильства в лице таких ярких его представителей как Ламанский и Данилевский. Если подход Данилевского, который, как известно, почти всю жизнь занимался проблемами биологии, отмечен радикальной политизацией вопроса об отношении России и Запада и является по сути яркой и захватывающей публицистикой, то на примере Ламанского мы можем видеть, как произошла *внутренняя эволюция славянофильства*, независимо от того или иного политического контекста. В случае с Ламанским мы видим славянофильство, проникшее в академическую среду и ставшее *научным мировоззрением*.

Тем не менее нельзя сказать, что Ламанский склонен был ограничиваться исключительно научной деятельностью, проходящей в тиши рабочего кабинета. Скорее наоборот, свои научные занятия он помещал в контекст важнейших общественно-политических вопросов. Именно поэтому Ламанский с самого начала входил в состав Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета, который ставил политическую задачу содействия национально-

освободительной борьбе славян против Австро-Венгрии и Османской империи. Свою научную деятельность он понимал как способ формирования в России «славянского мировоззрения», т. е. славянского самосознания России. Славистика была для Ламанского лишь источником иллюстративного материала для его славянофильских построений. Поэтому главное в его творческом наследии заключается не в конкретных исследованиях по истории и литературе славянских народов, чем Ламанский также активно занимался, а в масштабных философско-исторических построениях, заложивших основы цивилизационного подхода к изучению мировой истории и культуры и давших базис для возникшей несколько позже теории геополитики. В этом отношении имя Ламанского по праву стоит в одном ряду с именем Данилевского. Более того, Данилевского и Ламанского связывали многолетние дружеские отношения. Можно уверенно утверждать, что основной философский труд Данилевского «Россия и Европа» возник в атмосфере тесного интеллектуального общения двух мыслителей, которых объединяла общность взглядов и философского мировоззрения. Более того, русские слависты, ученики Ламанского, были убеждены в том, что Данилевский лишь развил те идеи, которые впервые высказал их учитель.

Для уточнения эволюции славянофильского понимания отношения России и Запада важно обратить внимание на ряд ключевых идей Ламанского, нашедших отражение в его как ранних, так и поздних работах. Главное, что привносит позднее славянофильство в решение этого вопроса, заключается в развитии *концепций и теорий, отрицающих единство России и Европы*. Если раннее славянофильство в лице Хомякова рассматривало *религиозный* аспект в качестве основного признака, отличающего западноевропейскую и русскую идентичность и, следовательно, в его творчестве предполагалась некая гипотетическая возможность объединения Запада и Востока путем достижения истинной религиозности (которая сама по себе понималась как нечто всеобщее и открытое для любого народа и индивидуума), то в позднем славянофильстве Ламанского и Данилевского мы встречаем учение о «врожденной» и «исконной» *враждебности* России и Запада и, как следствие, утверждение о *радикальной цивилизационной несовместимости* России как главной представительницы Востока и романо-германского Запада. Таким образом, раннеславянофильский дискурс, подчеркивающий отличия и своеобразие России и русской истории в контексте общеевропейской христианской культуры, сменился учением о *коренном*

антагонизме России и Запада и концепцией о *неевропейской* идентичности России.

Мысль об антагонизме и враждебности России как главной представительницы славянского мира и Европы (Запада) проходит красной нитью через все творчество Ламанского и составляет основу его философского мировоззрения. Еще на заре своей научной карьеры он обращал внимание на роль языка в отношениях между народами и делал из этого выводы относительно связей между Западной Европой и славянами во главе с Россией. В цикле статей «Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам», написанном приблизительно в 1859 г., Ламанский развивал точку зрения, согласно которой сходство языков служит источником близости между народами и обуславливает их тяготение друг к другу. В качестве примера он приводил отношения между народами внутри одной языковой семьи: речь идет о германских и славянских народах — главных антагонистах Европы. Основная мысль была выражена им следующим образом: «...мы твердо убеждены, что не встретим никаких возражений, если скажем, что вследствие этого сходства языков, этой одноязычности, русские немцы <...> необходимо должны питать больше сочувствия и симпатии к прусскому, баварскому, саксонскому, австрийскому, нежели к русскому, который вследствие того же самого чувствует гораздо более влечения к поляку и к болгарину, нежели к немцу и к греку»¹. Таким образом, уже из этой цитаты становится понятно, что отношения между народами, которые в данном случае описываются в терминах психологии («симпатия», «влечение», «сочувствие»), детерминированы некими *не зависящими от них факторами*: в данном случае — языком. Исходя из такого понимания, в аналитику отношений между народами вводятся такие признаки, признание значимости которых ведет к принятию факта непреодолимой отчужденности народов, попадающих в разные группы. В отличие от этого подхода, христианство, которое являлось наиболее важным аспектом истории и отношений между народами для ранних славянофилов и прежде всего для Хомякова, при любой его интерпретации допускало возможность некоего общего дискурса, в который при

¹ Куприянов В. А., Малинов А. В. «Я служу народности...» (к публикации «Исторических писем об отношениях русского народа к его соплеменникам» В. И. Ламанского) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 2. С. 105.

определенных условиях могли бы быть введены все народы и люди, независимо от их языка, географического ареала проживания или неких врожденных симпатий или антипатий.

Впоследствии Ламанский развил свое учение об «одноязычии» народов и вытекающей из этого симпатии людей друг к другу до уровня развернутой концепции, наподобие тех, которые позже встречаются у евразийцев. В своей докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871) Ламанский специально исследовал вопрос о том, каким образом западноевропейская наука его времени рассматривает славянскую культуру и историю. Он приводил и подробно критиковал учения немецких авторов о «туранстве» России, представления о славянах как о «европейских неграх», отождествление их с кельтами. Критическому разбору немецких учений о славянской истории и культуре предшествовало исследование вопроса о классификации истории по географическому принципу. Хорошо известно, что достаточно долго в европейской историографии было принято рассматривать историю через отношение север — юг. В противовес этому Ламанский указывал, что более правильно было бы делить историю Европы на историю восточноевропейских стран (греко-славянский мир) и западноевропейских (германо-романский мир). По словам Ламанского, «в средней и новой истории христианско-арийского человечества Старого Света преимущественное внимание и главный интерес историка должны сосредоточиваться на восточно-западном и западно-восточном направлении, на горизонтальном потоке событий и происшествий, народных движений и столкновений, происходящих между греко-славянской и романо-германской его половинами. История их взаимных отношений, натиска и отпора, взаимодействия и влияния есть главная ось, около которой обращается историческое колесо многовековой, богатой и разнообразной жизни христианско-арийских племен Европы и Азии»¹.

В основе этого переосмысления истории лежит то самое представление о племенных симпатиях и тяготении людей друг к другу в зависимости от лингвистической и этнографической близости, которое нашло отражение в «Исторических письмах...». В своем наиболее значимом труде «Три мира Азийско-Европейского мате-

¹ Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 74.

рика» (1892) — учении, которое по праву как раз и считают предвестником евразийства, — Ламанский дополняет лингвистический и этнологический аспекты обращением к географии, политике, «историко-культурным судьбам народов». По совокупности этих признаков он делит Евразию на три мира: романо-германскую Европу, греко-славянский Средний мир и Азию. Исследование Азии и ее отличие от России занимает сравнительно мало места в трактате. Основное содержание работы состоит в рассмотрении вопроса об отношении России и Европы. С точки зрения Ламанского, Средний мир, включающий в себя все славянские народы и народы, принявшие православие, отличается от Запада преобладанием материка над морем, наличием равнин на основной территории расселения, в то время как народы Западной Европы разделены горами на шесть приблизительно равных частей. Также в число существенных признаков, отличающих два мира, расположенных на территории Европы, ожидаемо входят лингвистический и религиозный признаки, а также некие вытекающие из этого симпатии и антипатии народов по отношению друг к другу.

Ламанский описывает отношения между романо-германским Западом и греко-славянским Востоком так: «...не отождествляя и не сливая с Россией прилежащих к ней земель славянских и православных, мы не можем, однако, с точки зрения этнологической и историко-культурной, даже политической, не причислять их к одному с ней разряду или миру и должны отделять их и от мира собственно азиатского и от мира собственно европейского. От первого они отличаются, подобно России и собственной Европе, своей христианской культурой. От Европы значительная часть их отличается принадлежностью своей не к западному, а к восточному христианству. Остальная же часть, обращенная в западное христианство, как поляки, словаки, чехи, мораване, словенцы и хорваты, резко отделяется от своих западных соседей и единоверцев, немцев и итальянцев, глубокой взаимной антипатией, разностью языков и характеров, противоположностью национальных интересов. Напротив, со своими восточными соседями, русскими, сербами, болгарами, они тесно связаны общностью исторических судеб, культурных и национальных интересов, величайшим сходством языков и нравов»¹.

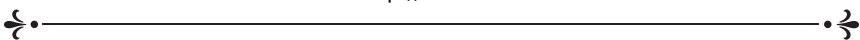
¹ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 206 — 207.

Очевидно, что в данном случае факторы географии, языка, религии, национальной психологии, политических интересов являются ключевыми при определении отличий народов и распределении их по типам цивилизаций. Именно введение этих признаков и приводит Ламанского к констатации непреодолимого антагонизма России как главы греко-славянского мира и романо-германского Запада. В итоге он отождествляет это противостояние с антагонизмом греков и римлян в период античности. По мнению ученого, современное противостояние России и Европы есть продолжение культурного и политического противостояния римской и греческой цивилизаций. Ламанский пишет об этом следующим образом: «Известный в Европе в древности антагонизм греков и римлян пророс, так сказать, в позднейшую историю христианской Европы, усилился еще и несколько видоизменился другим, не менее сильным, антагонизмом новых, привзошедших в историю христианского человечества, племен славянского и германского»¹.

Идея об антагонизме и противостоянии России (греко-славянского мира) и Европы (прежде всего Германии) обусловлена не некой *идеологией*², направленной на удовлетворение тех или иных интересов. Политика как таковая в данном случае оказывается чем-то вторичным. Скорее наоборот, понимание политических интересов зависит от более общей мировоззренческой позиции относительно роли и способа отношений между народами. Ламанский исходил из понимания фундаментальности факторов языка, психологии народов и из идеи исторической детерминированности отношений между народами. Поэтому столь важный для славянофильской публицистики 50—70-х гг. XIX в. Восточный вопрос служил для Ламанского лишь *иллюстративным* материалом для его исторических и философских взглядов, т. е. был не более чем подтверждением его теоретических построений об отношении России и Европы. Сущность славянофильства Ламанского заключалась именно в признании факта радикальной противоречивости Запада и России. В свою очередь такое понимание славянофильства *оказалось результатом влияния на него дискурса гуманитарных наук* середины XIX в. Влияние истории, лингвистики и психологии на-

¹ Там же. С. 235.

² О концепции Ламанского как об идеологии см. подробнее: *Гердт Я. В. Истоки российской геополитики // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2012. № 12 (266) : Политические науки. Востоковедение. Вып. 12. С. 26—30.*

родов привело Ламанского к преобразованию его взглядов. Таким образом, исходная славянофильская мысль об особом историческом пути России, призыв к самобытности и культурной самостоятельности на фоне Европы сменились констатацией цивилизационной разности и антагонизма России и Европы. Эта трансформация стала возможной прежде всего благодаря признанию истории, лингвистики, психологии, этнографии и географии в качестве основы для понимания культуры и национального характера стран и народов. Религиозная идентификация, столь важная для раннего славянофильства и положенная Хомяковым в основу его философии истории, отходит на второй план, а главное место занимают язык, географическое положение, национальные традиции и чувства народов. Именно это мы и наблюдаем в творчестве Ламанского. Поэтому историческая эволюция славянофильства заключается в первую очередь в его превращении в мировоззренческую концепцию, построенную на конкретно-научном знании. Творчество Ламанского наиболее наглядно демонстрирует этот факт. Для него славянофильская философия была неотделима от эмпирического знания. Поэтому можно утверждать, что славянофильство эволюционировало в его творчестве не только в развернутую геополитическую теорию, сердцевиной которой было признание факта противостояния России и Европы, но также и в философию культуры, которая стремится совместить философское теоретизирование и исследование истории и культуры. Занятие конкретными эмпирическими науками влияло на понимание славянофильской философии, что в итоге давало развернутую теорию культуры, окрашенную в тона славянофильства и наполненную богатым материалом этнографии, лингвистики и истории. Именно таковым является научное и литературное творчество Ламанского.

Часть первая

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Много предстоит мне учиться, чтобы стать хоть мало-мальски порядочным ученым.

Из дневника В. И. Ламанского. 14 июля 1853 г.

С Санкт-Петербургским университетом Владимир Иванович Ламанский был связан более полувека. Его пребывание в университете можно разделить на два этапа: студенческие годы (1850—1854) и преподавание, растянувшееся на несколько десятилетий с 1865 г. до 1899 г. Он оставался заслуженным профессором университета до конца жизни, посильно принимая участие в университетских делах, пока старческие недуги окончательно не лишили его работоспособности. В университете прошли все этапы его профессиональной карьеры: защита диссертаций, преподавание, профессорство, деканство. В разные годы Ламанский читал многочисленные курсы по истории и литературе славянских народов. Однако все это составляет «внешнюю» сторону его университетской жизни. В то же время в фонде Ламанского в архиве Академии наук сохранились материалы личного характера (дневники, письма, воспоминания), отражающие, так сказать, «внутреннюю» сторону этой жизни, т. е. субъективное описание и оценки Ламанским событий и людей, с которыми судьба свела его в университете. Не предназначавшиеся для печати, эти материалы позволяют раскрыть как его впечатления от университета, начиная со студенческих лет и вплоть до того времени, когда Ламанский был деканом историко-филологического факультета (середина 1880-х гг.) и заслуженным профессором в конце жизни, так и отношение к ученикам и коллегам, власти и министерскому начальству, рефлексию над собственным путем в науке и т. п. Лишь незначительная часть обширной переписки Ламанского была опубликована после его смерти¹.

¹ Письма разных лиц к В. И. Ламанскому. Сообщены О. В. Покровской // Русская мысль. 1915. Кн. XI. С. 127—134 ; Переписка двух славянофилов

В Санкт-Петербургский университет Ламанский поступил в 1850 г. Студенческими впечатлениями от преподавания и учителей он делился в письмах к своему гимназическому другу Михаилу Устиновичу, учившемуся в то время в Харьковском университете. Первое из сохранившихся писем датировано 9 октября 1850 г. В нем Ламанский уже вполне четко высказывает свои научные интересы и упоминает тех преподавателей, чьи занятия предпочитает. Это прежде всего Измаил Иванович Срезневский. Можно сказать, что знакомство с И. И. Срезневским предопределило судьбу Ламанского в науке. С этого времени он уже практически не изменял своим ученым пристрастиям.

«Что же касается до меня, то жизнь мою любитель сильных ощущений назвал бы прозябанием, она все по-прежнему, нового только то, что по четвергам я хожу к Бишопу на практические уроки англ<ийского> яз<ыка>, вместе с братьями. Яша¹ тоже ходит к нему, но на уроки теоретические. Мы начали читать из прозаик<ов> Диккенса — Nicholas Nickleby, из поэт<ов> Шекспира King Lear. И образ жизни мой таков — утром в Университете, вечером дома, за письменным столом занимаюсь, прерывая иногда занятия разговором с маменькой, с Порфирием² — вот и все. Лекции я посещаю исправно, кроме след<ующих:> Перро, Никитенко и Райковского, но к этому чаще, вообще хожу к нему запоем — две недели хожу сряду, две недели не хожу и vice versa. У профессора элоквенции и свободных

(сообщила О. В. Покровская-Ламанская) // Русская мысль. 1916. Кн. IX. С. 1—32 ; Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. II. С. 82—89; Кн. III—IV. С. 56—70; Кн. XII. Отд. II. С. 83—114 ; Документы по истории славяноведения (1850—1912). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 422 с. ; Из переписки Н. И. Костомарова с В. И. Ламанским // Голос минувшего. 1917. № 1. С. 264—267 ; Письма В. И. Ламанского К. С. Аксакову, А. В. Головнину, О. Ф. Миллеру, В. М. Владиславлеву, Л. Н. Майкову (подготовка текста и примечания А. В. Малинова) // Вече : журнал русской философии и культуры. 2009. Вып. 19. С. 172—209.

¹ Яков Иванович Ламанский (1822—1872) — брат В. И. Ламанского. Служил в Корпусе горных инженеров (штабс-капитан), секретарь Горного комитета, редактор «Горного журнала», директор горного корпуса, директор Технологического института (с 1863). — А. М.

² Порфирий Иванович Ламанский (1824—1875) — брат В. И. Ламанского. Учился в Горном институте, изучал политэкономии в Петербургском университете, член кружка петрашевцев, знакомый Ф. М. Достоевского, губернский секретарь в Департаменте внешней торговли, чиновник Министерства путей сообщения, покончил жизнь самоубийством вследствие умственного расстройства. — А. М.

искусств и Доктора Философии и пр. я был пока один раз, именно первую лекцию. К Перро вместо четырех раз в неделю я хожу один, на лекцию литературы; кажется, и на эту последнюю скоро перестану ходить; право, желающего заняться поделнее не удовлетворяют рассказы о близости литературы к обществу, о ее важности, цели, значении и назначении; не удовлетворяют и красноречивые возгласы о реформации и папской власти, сделавшиеся общими местами, а этим пока подбивает нас Перро на своих лекциях литературы. В других же лекциях он занимается филологией, но согласись сам, что предмет этот, очень не интересный для большей части, не может читаться серьезно для студентов всех факультетов, и потому Перро, человек и не глупый и со сведениями, но одержимый пороком общим французам — популярности или лучше желанием быть популярным, чтобы не наскучить слушателям, поднимается на разные фразы, *tour de force*, которым не место в науке. К Райковскому же я хожу не исправно, только на богословие, на лекции же логики, которые, правда, были всего еще два раза, я хожу исправно. На первый дебют его собралось студентов из всех курсов и факультетов с лишком сто; конечно, он сконфузился, смешался; голос его дрожал, когда он говорил о назначении своем, о цели именно такого назначения, но... не горюй, младое, и пр. Теперь он диктует пока интересное — именно историю нашей науки, как он говорит. На этой только что неделе начал читать Михаил Куторга историю Греции с начала до Алекс<андра> В<еликого>. Мы начнем и закончим, говорил он в первой лекции, наш курс двумя великими юношами — Ахиллом и Александром Македонским. Да, я смело могу сказать, что такого профессора истории, да вряд ли и другой какой науки, не найдется у вас в Харькове. Кроме дара слова, он владеет, как и тебе известно, огромными сведениями и известностью во Франции, Греции. Я был у него на лекциях два раза — в них он рассматривал историю истории, начиная с Геродота, кратко характеризовал древних историков, как греч<еских>, так и римских (об них он обещался говорить подробно, когда будет разбирать историческое искусство), потом перешел к средним векам, подробно говорил об их духе, литературе, так называемой готической архитектуре, и тут разобрал некоторых шальных исторических писателей. Затем, именно в последнюю лекцию, подробно разобрал “Новая наука” Вико и “Философические идеи Гердера об истории человечества” и “Рассуждение Боссюэта о всемирной истории<”>; и лекцию заключил своими мнениями о философствованиях (18 в.) в истории и других науках, именно

естественных, разумеется не на манер Булгарина. Следующий раз, во вторник, он будет говорить о Египетской экспедиции Наполеона, как сильно продвинувшей вперед исторические исследования 19 века и вообще о современных исторических <нрзб.>. Эта лекция, как ты видишь, будет чрезвычайно интересна. Жаль только, что у Куторги слаба грудь и еще есть недостаток: делать подобные отступления: извините, мил<остивые> госуд<ари>, за это выражение; я прошу у вас, мил<остивые> госуд<ари>, впредь извинить меня, если я ошибусь когда в годе, хотя мы все уверены, что год, который был упомянут в 3 лекции один раз, он знает очень хорошо. Но согласись, что такие мелочные недостатки почти не замечаются при его прекрасных взглядах, даром слова и ученостью. Что же касается до греч<еского> и лат<инского> яз<ыков>, то я не совсем-то доволен нашим профессором Штейнманом. Греческий яз<ык>, т. е. Гомера, он читает порядочно, но Цицерона через чур плохо. Каждый раз вспоминаю я Лапшина с уважением и досадою на то, что иногда плохо судил о нем. Но самый любимый мой профессор — это Срезневский. К нему я хожу и на второй курс, где он читает или лучше мы (потому что он так любезен, что и меня спрашивает, т. е. просит переводить) читаем Краледворскую рукопись или собрание древних чешских стихотвор<ений>, памятников IX—XIV вв., найденную Ганкою в гор. Кеннехофе в старой башне между разным хламом. Язык их очень легкий и в то время вообще все слав<янские> наречия мало различались между собою. В первом же курсе он читает 1 раз в нед<елю> Ис<торию> слав<янских> яз<ыков>, где мы разбирали одно место Остромирова Евангелия; а другой раз — обозрение славянских наречий. Этот курс состоит в следующем: О славянских племенах и народах (в отношениях историческом, религиозном и политическом). Основные черты слав<янских> наречий. Филологический обзор вообще всех слав<янских> языков и характеристика каждого языка порознь. Представивши обзор славянск<их> народов, он приступил к языкам историческим и критическим обзорам замечательных ученых в филологии общей и преимущественно славянской. Из русских он преимущественно расхваливал Павского и Буслаева¹.

О М. С. Куторге в следующих письмах Ламанский упоминает редко. В марте 1851 г. он указывал, что М. С. Куторга три дня в неделю читает лекции по греческой истории, а в ноябре того же года при-

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 2—3 об.

знавался, что М. С. Куторга «строг на экзаменах, скоро говорит»¹. Из историков, преподававших в университете, в письмах Ламанского фигурируют Н. Г. Устрялова и М. И. Сухомлинов, читавший лекции по русской литературе. Ламанский аттестовал последнего из них несколько иронически: «...кажется очень сладкий и любезный молодой человек, вроде Никитенки»². Упоминания об Н. Г. Устрялове в письмах встречаются лишь несколько раз, и, судя по всему, Ламанский не стал поклонником этого профессора.

Значительно больше внимания в письмах Ламанский уделял И. И. Срезневскому. По словам П. А. Лаврова, преемника Ламанского на кафедре славянской филологии Петербургского университета, «от И. И. Срезневского В. И. почерпнул живое одушевление и интерес к современному славянству и его историческим судьбам»³. На первом курсе Ламанский слушал лекции Срезневского по церковно-славянскому языку, курс «Обзор славянских наречий» и ходил на занятия к второкурсникам, у которых Срезневский вел предмет «Чтение образцов славянских наречий». Здесь изучали «Краледворскую рукопись» и чешских поэтов Я. Коллара и Ф. Челяковского. На втором курсе Ламанский занимался у Срезневского преимущественно чешским языком и литературой, в частности, по настоянию учителя, «Краледворской рукописью». Это был сознательный выбор, поскольку, как признавался Ламанский: «Этот язык важен и в том отношении, что первые славянисты, и главные двигатели славянщины — суть чехи; теперь первое место в славянской филологии, после нашего русского ученого Востокова, занимает Иосиф Шафарик, а в отношении славянской археологии и древностей, он первый в Европе»⁴. В письме к другу Ламанский давал следующую характеристику преподавания Срезневским чешского языка: «Надо тебе заметить, что он читает прекрасно, к объяснению слов чешских и преимущественно древних чешских обыкновенно обращается к языку простого народа, который и которого он изучал и любит, как мне кажется, по крайней мере»⁵. 26 ноября 1851 г. в письме к тому же адресату он восклицал: «Срезневский 2 раза в неделю, ужасно мало

¹ Там же. Л. 6 об.

² Там же. Л. 37.

³ *Лавров П. А.* Владимир Иванович Ламанский : [некролог] // Отчет о состоянии деятельности Императорского Петроградского университета за 1914 год. Пг. : Тип. Б. М. Вольфа, 1915. С. 12.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 17 об.—18.

⁵ Там же. Л. 9.

времени! По понедельн<икам> читает Слав<янские> древн<ости>, по этой части я читаю Шафарика — Slov<anské>. Starož<itnosti> Чудная вещь! а по средам читает памятники древнего польск<ого> яз<ыка>»¹. В этом же письме он упоминает, что через Срезневского получает для работы книги из библиотеки Академии наук. В следующем году Ламанский также слушал курс «Славянские древности», что видно из письма 8 декабря 1852 г. «Срезневский читает два раза в неделю Слав<янские> древности, — писал он М. Устиновичу; — курс их состоит из двух частей: 1) Географико-историческое описание славян до 12 стол. 2) Этнографическое опис<ание>»². Из историков Ламанский в эти годы внимательно изучал труды Ф. Палацкого и С. М. Соловьева. На лекции же других преподавателей ходил редко и был многими не доволен.

Уже в конце первого курса молодой студент столкнулся с «теневогой» стороной академической жизни. В письме он не приводит конкретных фактов, но становится понятно, что речь идет о любимом учителе. «Я прежде думал, — писал Ламанский 25 марта 1851 г., — что ученые живут между собою дружно и что вообще у них больше единодушия. Нет, живут дружно одни немцы-ученые и вывозят друг друга на всякий манер, во вред русским. ...Когда я говорил об интригах между учеными, то имел в виду одного профессора, очень уважаемого мною, именно Срезн<евского>, который, кажется, более лицо страдательное; впрочем, этого я хорошо не знаю. Студенты, да и многие другие называют его страшно ученым, но бездарным, оттого что он много занимается. Прямо лакейское суждение: много что-то занимается, верно, плохо понимает, в толк не берет»³. 30 июня 1851 г. в очередном письме он вновь дает восторженную характеристику И. И. Срезневскому, замечая, что он «необыкновенно остроумный»⁴.

В фонде Срезневского сохранилась небольшая, в две с половиной страницы, недатированная студенческая работа Ламанского «Записка о древнем русском стихе». Возможно, это лишь фрагмент более крупного сочинения, а может быть, всего лишь черновик. В рукописи сама записка не озаглавлена. В ней Ламанский, в частности, отмечал, что «Слово о полку Игореве» «по всей вероятности, все было писано стихами. Но по несчастью текст его очень ис-

¹ Там же. Л. 6 об.

² Там же. Л. 50 об.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 46 об.

кажен, размер тоже»¹. Он приводит новые примеры поэтических текстов из летописей, которые самостоятельно разделяет на стихи, указывая на то, что это причитания, в которых «видать народный, песенный размер»².

Впрочем, когда первое очарование Срезневским прошло, а усиленные занятия славистикой привели к тому, что Ламанский все больше стал проявлять самостоятельность в суждениях, у него появился свой взгляд на предмет и собственное понимание науки, то он начал и более критически относиться к учителю. В дневнике, датированном 8 февраля 1854 г., т. е. на последнем курсе университета, записи, относящиеся к Срезневскому, уже вовсе лишены ученического пиетета. О Срезневском он пишет в таких выражениях, как «голова едва ли не бездарной» и «переливать из пустого в порожнее (как постоянно делает Срезневский, когда рассуждает)»³. Приведу еще одну черту Срезневского уже из письма ученика Ламанского А. С. Будиловича, отправленного из Санкт-Петербурга 19 сентября 1868 г. в Венецию, где в то время Ламанский работал в архивах. Антон Семёнович Будилович, занимаясь у Срезневского, был в то же время одним из первых учеников Ламанского и впоследствии стал крупным ученым-славистом, ректором Варшавского и Дерптского университетов. А. С. Будиловича можно назвать не только учеником, но и единомышленником Ламанского, разделявшим его славянофильские убеждения. В письме А. С. Будилович сетовал на трудность общения с Срезневским, требовавшим, чтобы студент оставил частные уроки. «Он уверен, — писал А. С. Будилович, — что студенты могут жить на 12—16 р., а своим детям 25 р. стипендии назначает. Да и говорить с ним трудно — всему перечит — и ни для чего»⁴.

В 1859 г. Срезневский инициировал представление книги Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» на присуждение Демидовской премии Академией наук, а затем рекомендовал своего ученика на должность профессора в готовящийся к открытию Новороссийский университет. С подачи декана историко-филологического факультета Срезневского в апреле 1865 г. Ламанский был принят доцентом на кафедре славянской филологии.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 211. Л. 1.

² Там же.

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 69 об.

⁴ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 12.

До конца жизни Ламанский считал Срезневского своим учителем, хотя и признавал за ним ряд заблуждений и ошибок, которые необходимо преодолевать. Ламанский, в частности, был одним из главных критиков подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей¹, посвятив доказательствам их подложности неоконченную статью «Новейшие памятники древнечешского языка»², в которой критиковал и взгляды Срезневского, не решившегося признать их за фальсификации. Своему учителю Ламанский посвятил цикл статей «Непорешенный вопрос»³, написанных в 1868 г. в Венеции, в которых обосновывал возможность русского языка стать общеславянским научным, литературным и дипломатическим языком. Срезневский высоко оценил статьи Ламанского и предложил представить их в Совет историко-филологического факультета в качестве докторской диссертации. В 1878 г. в «Протоколах заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета» была опубликована его «Записка об ученых трудах... И. И. Срезневского»⁴. «Записка...», подготовленная к конкурсному переизбранию Срезневского, была краткой и носила несколько формальный характер. Ламанский понимал, что значение Срезневского как ученого, преподавателя и даже администратора (декана историко-филологического факультета) очевидно и не нуждается в дополнительных аргументах, которые могут быть восприняты как оправдание. В несколько торжественном тоне он писал о Срезневском как об одном «из первых счастливых

¹ Лавров П. А. Владимир Иванович Ламанский : [некролог] С. 16–18 ; Лантева Л. П. Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX и начала XX вв. // *Studia slavica*. 1975. N 21. S. 67–94.

² Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Январь. С. 131–160; Февраль. С. 311–366; Март. С. 118–159; Апрель. С. 247–276; Август. С. 1–33; 1880. Июнь. С. 312–353.

³ Ламанский В. И.: 1) Непорешенный вопрос (И. И. Срезневскому) // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 1. С. 122–163 ; 2) Непорешенный вопрос // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 6. С. 349–378; № 7. С. 84–378.

⁴ Ламанский В. И. Записка об ученых трудах заслуженного ординарного профессора и декана историко-филологического факультета И. И. Срезневского // Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за вторую половину 1876–1877 с приложением. № 16. СПб. : [б. и.], 1878. С. 56–57.

насадителей Славистики в России»¹ и признавал, что он «завоевал <...> почтеннейшее место славянского подвижника, истинного столпа и заслуженного ветерана Славяноведения»². Работы Срезневского, замечал Ламанский, «отличаются богатством новых данных, внимательностью и тонкостью наблюдений, строгостью и точностью анализа, словом, всеми достоинствами, которые справедливо ему стяжали славу первоклассного ученого исследователя в России и за границу»³.

В разборе подложности Краледворской и Зеленогорской рукописей Ламанский неоднократно обращался к анализу взглядов Срезневского и давал характеристику его научной деятельности. Он, в частности, перечислял те области филологии, в которых полнее всего проявил себя его учитель: «Диалектология, народная поэзия, славянская мифология и словарь были долго центральными задачами г. Срезневского как слависта. С переездом в Петербург его ученое внимание от памятников народной словесности переходит к отдельным памятникам русской письменности (договоры с греками, русские летописи, Повесть о Царьграде, Хождение Афанасия Никитина, Задонщина), а от словаря живого языка к словарю языка древнего и от разбора памятников изданных к описанию малоизвестных и неизвестных памятников, и следовательно, к изысканиям и трудам палеографическим и археологическим»⁴. Ламанский отмечал, что Срезневский прежде всего был исследователем языка и литературы западных славян и находился под обаянием того национального возрождения, плодом которого и стали известные подлоги. Как писал Ламанский, «литературные симпатии и антипатии <...> дали И. И. Срезневскому особое место в нашей литературе и позволили ему, особенно благодаря его литературной плодовитости и дарованиям, быть самым видным и энергическим проводником западнославянских идей и направления в русской литературе и образованности»⁵. Увлечения и преувеличения Срезневского были призваны привлечь внимание русского общества к западному славян-

¹ Там же. С. 56.

² Там же.

³ Там же. С. 57.

⁴ *Ламанский В. И.* Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки о древнем и новом по истории славистики (памяти аббата Иосифа Добровского) // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. ССІ. Январь. С. 150.

⁵ Там же. С. 151—152.

ству. «Разумеется, — заключал Ламанский, — теперь уже нет места для прежних русских увлечений западнославянским господствующим направлением. Это время уже нами пережито, и теперь мы относимся к нему критически и свободно»¹. Однако Срезневский не принял критику А. Патерой Краледворской и Зеленогорской рукописей. Его выступления в защиту чешских подделок (глосс в *Mater Verborum*) «представляют собой замечательное литературное произведение, настоящий памятник ораторского искусства»². Они подобны речи адвоката. Любопытно, что И. А. Бодуэн де Куртене объяснял защиту Срезневским чешских рукописей особенностями характера Измаила Ивановича, его страстью к полемике и противоречию. В письме Ламанскому 25 января 1879 г. из Казани И. А. Бодуэн де Куртене признавался, что самих замечаний Срезневского о *Mater Verborum* еще не видел. «Но Срезневский писал мне кое-что об этом в прошлом году, — продолжал он, — и мне кажется, что его замечания обязаны своим происхождением духу противоречия, свойственному ему в высокой степени. Если б Патера стал доказывать с увлечением подлинность глосс *M<ater> V<erborum>*, непременно Срезн<евский> в ней бы усомнился»³.

Срезневский, безусловно, был крупным ученым, но не изжил до конца романтического восприятия славянства, не смог критически отнестись к национальной мифологии, искажающей историю. По словам Ламанского, «в палеографических трудах И. И. Срезневский является преемником и строгим продолжателем Востокова, а в Дополнительных Замечаниях о *Mater Verborum* снова выступил увлекающийся славист Харьковского периода с прежнею живостью, энергией и талантом, но и с прежними недостатками»⁴. В этом отношении Н. И. Костомаров и вправду был прямым учеником Срезневского, когда в угоду национальным мифам фактически фальсифицировал древнерусскую историю.

¹ Там же. С. 152.

² Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки о древнем и новом по истории славистики (памяти аббата Иосифа Добровского) // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. ССІ. Февраль. С. 344.

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 58.

⁴ Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки ... Февраль. С. 346.

На смерть Срезневского Ламанский откликнулся некрологом, напечатанным 11 февраля 1880 г. в «Петербургских ведомостях»¹ и «Новом времени»². В нем он перечислял учеников Срезневского: Сухомлинов, братья Лавровские, Корелкин, Скворцов, Петкович, Добролюбов, Пыпин, Мордовцев, Макушев, Л. Майков, Писарев, Фортунатов, Будилович, Цветаев, Воскресенский, Малинин. Однако, отмечал Ламанский, сведениями, советами и наставлениями Срезневского пользовались питомцы и других университетов, которые «могут быть в известной степени признаваемы его учениками, последователями и продолжателями»: Палаузов, Гильфердинг, Потеня, Бодуэн де Куртене, Котляревский, А. Н. Попов, Викторов, Павлов. В научной биографии своего учителя Ламанский усматривал два периода. «В первой половине своей деятельности Срезневский особенно выдавался между славистами, как умный и точный наблюдатель и отличный знаток диалектологии и живого быта славянских народностей. Во второй половине, наиболее долголетней и плодотворной, Срезневский прославил себя, как глубокий знаток, толкователь и издатель древних и старинных памятников славянской и русской письменности, как отличный славянский палеограф и составитель громадного, еще не изданного в свет, труда: «Словаря древнерусского языка»³. Позднее Ламанский выпустил и небольшое исследование об учителе⁴. В издававшемся Ламанским этнографическом журнале «Живая старина» были опубликованы материалы и письма Срезневского⁵. Срезневский не примкнул к славянофильскому движению и не всегда сочувственно относился к философским увлечениям

¹ Ламанский В. И. Измаил Иванович Срезневский // Петербургские ведомости. 1880. 11 февр.

² Ламанский В. И. Некролог И. И. Срезневского // Новое время. 1880. № 1421.

³ Ламанский В. И. Измаил Иванович Срезневский.

⁴ Ламанский В. И. Измаил Иванович Срезневский (1812—1880). М. : В Синод. тип., 1890. 41 с.

⁵ Путевые письма и заметки И. И. Срезневского о сербо-лужичанах. 1840 г. // Живая старина. 1890. Вып. I. С. 84—102 ; Сербо-лужицкий народный календарь (Из бумаг И. И. Срезневского) // Живая старина. 1890. Вып. II. С. 55—57 ; Сербо-лужицкие народные поверья (Из бумаг И. И. Срезневского) // Живая старина. 1890. Вып. II. С. 57—62 ; Путевые письма И. И. Срезневского к матери его Елене Ивановне Срезневской (1839—1842) (предисловие и примечания В. И. Ламанского) // Живая старина. 1892. Вып. I. С. 49—77 ; Вып. II. С. 27—70 ; Вып. III. С. 43—105 ; 1893. Вып. I. С. 20—63 ; Вып. II. С. 139—179 ; Вып. III. С. 330—373 ; Вып. IV. С. 462—506.

Ламанского. Однако Ламанский воспринимал украинофильство 1840-х гг., которому симпатизировал Срезневский, как одну из разновидностей славянофильства. Он, в частности, отмечал, что «как и во всякой школе и в новом направлении, в ней были две стороны: здоровая, вечно живая и односторонняя, преходящая. Отличавшая ее горячая любовь к народности и родной старине воспитывала в представителях и приверженцах школы понимание и ревностное изучение народной речи, поэзии, уважение к народной жизни, ее правам и свободе, но эта же любовь нередко выражалась в односторонних, болезненных увлечениях, неизбежных, впрочем, спутниках всех новых, самых даже плодотворных, направлений в литературе, науке, жизни»¹.

Помимо Срезневского большое значение для научного самоопределения Ламанского имели труды А. Х. Востокова. 26 ноября 1851 г. в письме к гимназическому другу Ламанский отмечал «громадное значение генияльного (так в оригинале. — А. М.) (без всякого преувеличения) ученого Востокова. Он открывает законы в языке, которые основывают науку слав<янскую> филологию, никем не отвергаемые, потому что ясны, как день, и делает это так скромно...»². Здесь же Ламанский делится своими проектами: «В числе моих планов, предположений, фантазий, — каких не мало набралось в моей голове есть одно — написать, разумеется лет через пять, обзор деятельности Алекс<андра> Христофоровича Востокова»³. Не без восторга он излагает некоторые биографические факты из жизни Востокова и констатирует: «О Востокове можно говорить утвердительно»⁴. Однако планы свои относительно А. Х. Востокова Ламанский не осуществил.

В конце ноября 1850 г. Ламанский познакомился с филологом академиком А. А. Шифнером. В начале 1851 г. он читает и хвалит Ф. И. Буслаева и В. фон Гумбольдта, дает оценки сочинениям С. М. Соловьёва, К. Д. Кавелина, А. А. Куника, А. П. Зернина и своего учителя Срезневского. Особенно его привлекает В. фон Гумбольдт. По словам молодого Ламанского, «Гумб<ольдт> первый стал смотреть на язык не как <на> собрание слов, а как на организм»⁵. Он даже упоминает о том, что перевел В. фон Гумбольдта, не называя, впро-

¹ Ламанский В. И. Измаил Иванович Срезневский (1812—1880). С. 5.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 5.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 10 об.

чем, переведенной работы. Из писем видно, насколько филология увлекла Ламанского, «я в одно время читаю две три книги и делаю 2, 3 дела», — признался он¹.

Появившийся на втором курсе новый предмет — педагогика, который преподавал А. А. Фишер, Ламанского не увлек. Помимо занятий у любимого Срезневского он посещает лекции по логике А. И. Райковского и по истории английской литературы. М. С. Куторга из-за болезни занятий в тот год не вел. Изучение Краледворской рукописи Ламанский намерен дополнить исследованием Остромирова Евангелия и продолжить занятия греческим и латинским языками «более в отношении филологическом, чем литературном»². Он много читает и приводит в письмах обширные цитаты из прочитанных книг, рассказывает о новых изданиях Академии наук и приобретенных книгах по истории и филологии. Кроме занятий и книг, кажется, в жизни Ламанского нет других событий. «Живу я очень уединенно, немного занимаюсь; выдаюсь с товарищами, хотя и редко; но об этом сожалеть нечего», — сообщает он 29 ноября 1850 г.³

Два месяца спустя в очередном письме Ламанский следующим образом аттестовал свой внутренний мир: «Более воображаемое, чем действительное существование характера, убеждений, любви к науке и вообще театральное настроение — вот главная сторона моего характера»⁴. В конце 1852 г. в одном из писем он рассуждает о невозможности вести светский образ жизни: «...я кроме того не говорю по-французски (не смеяся, это не иронически), не танцую, не богат. Это тоже не последняя вещь для успехов в свете. С другой стороны, придется тогда бросить некоторые мечты, планы, убеждения, свои книги...»⁵ В этом же письме Ламанский, несмотря на казалось бы довольно замкнутый образ жизни, признает происходящие перемены своего характера. «Живу все по-старому, — писал он, — сижу больше дома; не могу судить сам, но Саша⁶ (представлен нынче в офицеры) нашел во мне много перемены относительно характера: он, да и все мои находят, что я развернулся, говоря их словами. Я замечаю сам,

¹ Там же. Л. 32.

² Там же. Л. 13 об.

³ Там же. Л. 10 об.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 49.

⁶ Александр Иванович Ламанский (1829—?) — брат В. И. Ламанского. Военный, впоследствии ревизор Министерства государственных имуществ, историк и писатель по сельскому хозяйству, садовод. — А. М.

что стал веселее несколько и немного шире сужу о людях. Даже недавно имел случай объяснять Михайлову, что глупо и самонадеянно считать себя выше прочих окружающих людей»¹.

Постепенно круг интересов Ламанского расширяется, появляются собственные предпочтения и исследовательские планы. Он продолжает заниматься древнеславянским языком, однако на втором курсе погружается в изучение Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, исследование которых приводит его к мысли написать грамматику древнего русского языка до XIV в. В конце 1852 г. он пишет своему корреспонденту: «Задумал я составить нечто вроде грамматики древнего русского <языка> XIV в., пользуясь как материалами преимущественно одними русскими грамотами и договорами, иногда дополняя кое-что летописями, писанными по большей части на славяно-русском языке. Об этом я хочу поговорить с Срезневск<им>. Конечно, эта работа мелкая, скучная, но не бесполезная как для меня лично, так и вообще для занимающихся историей русского языка. Для исследователей будет служить материалом, и не бесполезна для меня, что приобрету опытность в подобных занятиях и возможность близко познакомиться с памятниками, важными в разных отношениях»².

Занятия историей и филологией приводят его к мысли о значении науки о языке для изучения русской истории. «Если литература не возможна без истории; то и история не возможна без литературы», — замечает он в письме³. В частности, Ламанский начинает задумываться о ценности народных песен как источника по русской истории. 2 сентября 1852 г. в письме М. Устиновичу вместе с рассказом о похоронах В. А. Жуковского он сообщает об издании А. Н. Афанасьевым русских сказок. «Кто понимает историю в более широком объеме, чем политическая, — добавляет Ламанский, — кто сознает, что в высшей степени важна для всеобщей истории история масс, простонародья, а не одного высшего общества, как теперь, не одних государей, как бывало раньше — тот поймет, что Сказки Русские не забава, а действительная, настоящая потребность»⁴.

Вероятно, в конце первого курса Ламанский увлекся сочинениями московских славянофилов. По крайней мере впервые упоминает

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 51.

² Там же. Л. 50 об.—51.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Там же. Л. 34.

о них в письме. Он расхваливает М. П. Погодина и пишет о статьях И. В. Киреевского, братьев Аксаковых и А. С. Хомякова в «Московском сборнике». Особенно отмечает он Аксаковых. Так, о К. С. Аксакове он пишет: «...его я уважаю с тех пор, как познакомился с его диссертацией на магистра»¹, а у И. С. Аксакова высоко оценивает поэму «Бродяга». «Это одно из замечательнейших произведений русской поэзии в последние 10 или 15 лет», — полагает Ламанский². Впрочем, в том же письме он признается, что помышляет о переводе «Истории Греции» Дж. Грота на русский язык, по всей видимости, находясь под обаянием лекций М. С. Куторги.

В письмах Ламанского все чаще начинают встречаться рассуждения о необходимости выработки «независимого угла зрения, как в жизни, так и в науке, для теории и для практики»³ и т. п. Он понимает, что самостоятельность образа мыслей достижима только самостоятельным же трудом, и делится своими соображениями с другом. «Позволь прибегнуть к пошлому сравнению, — писал он М. Устиновичу 1 января 1851 г., — чтобы показать преимущество изучения частного перед общими взглядами. Наука — громадное здание, для изучения которого необходимо общее понятие о его целом и близкое знакомство с его частями. Позволь поправиться, наука не есть еще здание, но постройка здания, которое воздвигается по частям. Они же условливают его прочность, красоту. В каждой науке, говорил мне когда-то наш чудный Талызин, есть множество подробностей мелких по-видимому, но необходимых. И знаешь, что это справедливо. Общее понятие иметь нужно всегда, только про себя, а изучать только по частям, кусочкам»⁴. И тут же Ламанский иронично называет свои соображения — «моя страстишка умничать». Он все больше проявляет самостоятельность в суждениях, строже относится к преподавателям, становится категоричен в выводах и оценках и перестает посещать занятия, в которых не видит того научного напряжения, к которому стремится сам. По-юношески радикально звучит его высказывание из письма 18 марта 1851 г.: «Идею надо проводить до конца, если она верна, то приведет к истине; если нет, то скорее обнаружится ложь»⁵. Со временем такой максимализм приведет Ламанского к конфликту

¹ Там же. Л. 29.

² Там же. Л. 29 об.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 12 об.

⁵ Там же. Л. 47 об.

с рядом преподавателей, чьи занятия он игнорировал, и, возможно, к некоторому охлаждению с Срезневским.

Уже в конце ноября 1850 г. он упоминает о сближении со студентом А. Н. Пыпиным, перешедшим из Казанского университета. «Он занимается также славянскими языками», — добавляет Ламанский¹. Дружеские отношения с А. Н. Пыпиным, несмотря на научные и даже мировоззренческие разногласия, Ламанский сохранил до конца жизни. 12 марта 1859 г. А. Н. Пыпин, находившийся в заграничной командировке, писал своему другу в Петербург: «...я надеюсь, что мы с вами никогда не поссоримся <...> У нас много и много одних и тех же интересов, одних и тех же предметов любви, занятий и т. д.»². На первом курсе он сошелся также с Д. Л. Мордовцевым. «Прошлый месяц, — писал Ламанский 26 ноября 1851 г., — ходил не в Университет, а в Румянцевский Музей, который подле моей квартиры. Достаю через Срезневского, как академика, книги из Академической Библиотеки. Насчет образа жизни делаю успехи, по отзыву других. Хожу чаще к людям (не думай, что бросил занятия) и сам не дичусь... Из новых товарищей один студент из Казанского университета Мордовцев, донской казак, славный и не глупый малый; занимается славянскими языками, но хорошо знает и латинский язык, даже пишет на нем стихи в шутку и переводит русские песни...»³ С Пыпиным и Мордовцевым в те годы Ламанского связывали не только дружеские отношения, но и научные интересы. Пыпин даже называл это сообщество «кружком» по изучению славянской литературы. По его словам, «в нашем небольшом кружке, делившем более или менее эти славянские интересы. Этот кружок был — В. И. Ламанский, Д. Л. Мордовцев. <...> Были, конечно, хорошо знакомы различные славянские отражения в нашем славянофильстве. Ламанский был его горячим приверженцем; но я всегда бывал к нему довольно равнодушен <...> В то же время Мордовцев был у нас проводником малорусской литературы и того, что, пожалуй, можно было бы назвать начатками украинофильства. Мы в то время (я по крайней мере) ничего против него не имели и даже относились к нему с симпатией <...> у нас была воспринята <...> точка зрения славянского возрождения»⁴. К экзамену у Н. Г. Устря-

¹ Там же. Л. 13.

² Там же. Ед. хр. 1189. Л. 15.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Пыпин А. Н. Мои заметки. Саратов : Соотечественник, 1996. С. 112—114.

лова Ламанский готовился вместе со своими новыми друзьями на квартире перешедшего из Казанского университета третьекурсника Н. П. Трушковского, племянника Н. В. Гоголя. «У него на квартире я выдаю того знаменитого Семена, который сжег сочинение Гоголя», — приписывает Ламанский¹.

С новыми друзьями Ламанский чаще посещает театр, делится в письмах впечатлениями о пьесах, актерах и т. п. Упоминает о смерти В. А. Каратыгина и драмах А. Н. Островского. «Бываю в театре, опера у нас чудесная», — пишет он в ноябре 1851 г.² Большая часть писем гимназическому товарищу посвящена университету, но Ламанский находит место и рассказам о «девках», «бражничанье» и медицинских последствиях такого образа жизни и проч., которые заставляют усомниться в затворническом и отчасти нелюдимом образе жизни, отмечаемом Ламанским в некоторых письмах. Так, Мордовцев в письме Ламанскому летом 1852 г. вспоминал совместные «экспедиции через Благовещенский мост и похождения лысого генерала»³, явно далекие от ученых занятий. В одном из писем 1854 г. Ламанский кратко касается и трагического события в своей жизни: «...вообще этот год мне все неудача да горе — привязался было к одной девушке и меня полюбили, и тут умерла»⁴.

Экзамены 1853 г. прошли для Ламанского вполне благополучно, что дало ему надежду на успешное завершение обучения в университете. Перед экзаменом у Н. Г. Устрялова он записал в дневнике: «Ну, бог даст, приготовлюсь, и он с полным удовольствием поставит мне пять, и тогда я буду совершенно счастлив: я кандидат. А там и о службе думать, прощай ученая карьера, но не наука и не ученое поприще. С вами я так легко не прощусь. Побольше мне сил и терпенья, и охоты, и таланта. Спешу работать в тиши и, Бог милостив, так и совершу что-нибудь порядочное»⁵. Ламанский, вероятно, имел возможность еще в 1853 г. участвовать в конкурсе на медаль. «Нынешний год по филологическому факультету задача по кафедре русской словесности о комедиях Сумарокова, Фон Визина и Шаховского со стороны содержания и языка. Писать я не буду, подожду будущего года по славянской филологии», по крайней мере недаром про-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 20.

² Там же. Л. 7 об.

³ Там же. Ед. хр. 992. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 52 об.

⁵ Там же. Л. 3 об.

падет время», — писал он в дневнике¹. Возможно, Ламанский не хотел конкурировать со своими друзьями А. Н. Пыпиным и О. Ф. Миллером, которые и получили золотые медали. Эту нечастую для университета ситуацию Пыпин описывал в своих мемуарах: «Одновременно со мной, как было слышно между товарищами, взялся за эту тему Орест Миллер, хотя был моложе по курсу, — ему особенно протезировал Никитенко. Когда к положенному сроку должны были быть представлены диссертации, их оказалось две. Никитенко присудил мне золотую медаль, но находил также большие достоинства в сочинении Ореста Миллера, и ему была дана вторая золотая медаль»². Ламанский же решил писать конкурсное исследование в следующем году, дождавшись, как он полагал, более интересной для него темы.

Сдача выпускных экзаменов в 1854 г. прошла для Ламанского не так удачно, как он рассчитывал. 20 мая 1854 г. он писал М. Устиновичу: «Готовился я как-то туго, не скажу, врагов себе нажил, но по крайней мере особого расположения в профессорах, кроме двух или одного, я себе не приобрел. По сплетням ли чьим или как-нибудь иначе, узнали мои профессора, что я не только сам к ним на лекции не хожу, но и других студентов отговариваю ходить, что я-де смеюсь кой над кем, и так как он малый с головой (не мои слова), то может смешки-то его и очень удачны... и т. д.»³. По истории он получил «хорошо». Перед экзаменом не спал всю ночь, голова была тяжелая и лень было отвечать, но «могли бы и пять поставить, другие держали неважно», — сетовал он⁴. На экзамене по греческому языку, «где отвечал очень хорошо и лучше других товарищей — я один получаю 4, все остальные 5»⁵. Возникли проблемы и с экзаменом по педагогике у А. А. Фишера. Обида и чувство несправедливости привели Ламанского к мысли поговорить с отцом, чтобы ехать в Москву на год и там сдавать экзамены за четыре года на кандидата⁶. В это время его поддержал Срезневский, посоветовавший сдавать следующие экзамены. И уже по римской словесности Ламанский получил «отлично».

¹ Там же. Л. 36 об.

² Пыпин А. Н. Мои заметки. С. 112.

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 52.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Еще годом ранее (4 мая 1853 г.) Ламанский мечтал в дневнике о командировке в Московский университет (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 3).

Однако надежды на золотую медаль за кандидатское сочинение тоже не оправдались. «Писал я диссертацию о Русск<ой> Правде на золот<ую> медаль и не получил, а дали серебряную, которой я не взял. Она и теперь в Совете или где хранится. Скучно рассказывать, а дело, правду сказать, не совсем справедливое»¹. Вместе с Ламанским в конкурсе участвовал и Мордовцев. Пыпин в мемуарах несколько иронично описывал процесс работы своих друзей над выпускным сочинением. «В следующем академическом году (1853—1854), когда я уже кончил курс, — вспоминал он, — темою на медаль по кафедре Срезневского было исследование о Русской правде: конкурентами были оба мои приятеля Ламанский и Мордовцев и еще третий их товарищ. Оба работали усердно, и у меня еще цел рисунок, где Мордовцев (рисовальщик-любитель, не весьма искусный в технике, но не без комической жилки) изображал довольно забавно, как каждый из трех аспирантов трудился над многоученым вопросом: между прочим, у Ламанского было такое обилие заметок (на карточках), что из них составлялись целые столбы и, чтобы достать какую-нибудь пачку (они были с надписями и на одной, особенно большой, была помета: “дикая вира”), ученый исследователь должен был приставлять лестницу; в распоряжении ученого был дворник, который носил пачки на спине, как дрова. Другой ученый — вероятно по его собственному желанию, чтобы не развлекаться — был заперт на замок в какой-то будке с маленьким окошечком...»² В чем была причина решения Совета историко-филологического факультета не присуждать Ламанскому золотую медаль и почему Срезневский не смог или не пожелал отстоять своего ученика — достоверно не известно. Критические высказывания Ламанского в дневнике о Срезневском относятся как раз к этому времени. Золотой медали было удостоено сочинение Мордовцева. Было ли причиной этому украинофильство Мордовцева, в духе которого ранее действовал и сам Срезневский, однозначно сказать затруднительно. На несколько лет общение между бывшими друзьями прервалось. 5 февраля 1859 г. Мордовцев направил Ламанскому примирительное письмо. «Глупые обстоятельства, — писал он, — а может быть, и моя собственная глупость сделали то, что мы так странно разошлись, и я даже перед отъездом из Петербурга не видел Вас. А между тем Вы один, которого я любил и уважал, люблю и уважаю всей душой, какая еще осталась у меня. Сколько раз собирался писать Вам — и почему-то

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 53.

² Пыпин А. Н. Мои заметки. С. 116.

мне было стыдно, вероятно потому, что я виноват перед Вами, — и я не решался писать. Сколько раз мне говорил Костомаров, что Вы пишете ему, и мне хотелось заговорить с Вами — но я опять молчал. Всех, кто приезжал из Петербурга, я спрашивал о Вас, — а сам опять молчал как больной. Никто с таким сердечным вниманием не читал Вашей славной статьи — о распространении знаний в России — как я, и радовался, когда встречал на какой-нибудь печатной странице Ваше имя»¹. Размолвка угнетала Мордовцева, поэтому и письмо он писал, по собственному признанию, с «тяжелым чувством». Неудачи с экзаменами и кандидатским сочинением привели Ламанского к мысли оставить университет после его окончания.

Ламанский упоминает, что не стал забирать серебряную медаль. Конечно, в этом жесте видна обида на несправедливое, как он полагал, решение Совета. Однако дальнейшая жизнь Ламанского показывает, что и впоследствии он был равнодушен к наградам, считая высшей оценкой своего труда мнение коллег и учеников, а не официальное признание. В 1869 г. Ламанский по протекции Срезневского был награжден орденом, о чем узнал, находясь в научной командировке в Венеции. 23 февраля 1869 г. он писал родителям: «Вероятно, Срезн<евский> думал мне сделать этим приятное. В этом отношении я очень жалею, что не был на акте. Я бы сумел отговорить или даже упросить не делать мне такой пакости. Хорошо получать ордена людям, которые идут по гражданской или военной карьере. Что нам профессорам, писателям, что священникам никаких орденов ни брать ни давать не пригоже. Прошу братьев, Костю², бывающего в университете, не расписываться за меня на бумаге в получении, и также просить не посылать ко мне этой бумаги. Пусть оставят у себя до моего возвращения, а я учтивым, вежливым образом, *con la forma de parole*, объясню, что этой чести не достоин, не искал, не желал и взять не могу»³.

Окончание университета ставило Ламанского перед выбором дальнейшего жизненного пути. Еще в студенческих письмах встречаются его рассуждения о своем будущем. Прежде всего он мечтает отправиться в путешествие, о чем пишет еще в конце первого курса. «Будь у меня тысячейки четыре ассигн<аций> в год, — рассчитывал

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 992. Л. 3—3 об.

² Константин Иванович Ламанский (1839—1885) — брат В. И. Ламанского. Видный судебный следователь в Санкт-Петербурге, писатель. — А. М.

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 82 об.

Ламанский, — я бы не задумывался искать места по выходе из Университета, а год или два пожил бы в разных концах России, а потом махнул бы года на три к славянам. Эти бы походы были полезны и для меня и, быть может, для других <...> Для меня полезны в отнош<ении> физическом. Здоровье окрепнет — постоянно под чистом воздухе (так в оригинале. — А. М.), где-нибудь этак в Босне, Черной Горе или Крайне, там и в Италию — руку подать. Узнаешь народ живой, не париев каких-нибудь, вроде манчестерских работников. В наш век выступают они на большую дорогу, разве не любопытен самый процесс <...> Да я питаю по крайней мере слепую надежду поехать когда-нибудь туда и без наследства. Но ехать в молодости, потом вдвойне будут дороги воспоминания»¹. 30 июня 1851 г. в очередном письме он возвращается к этой мысли: «Меня с некоторых пор сильно забирает поехать по выходе из Университета по России и за границу, хоть на два года, если не больше»². Надо заметить, что путешествия по России Ламанский так и не смог себе позволить (помимо редких поездок в Москву его биогеография ограничивается в основном северо-западом России: окрестности Санкт-Петербурга, Новгородская губерния, где в г. Боровичи у него была дача, в начале XX в. — Финляндия, Эстония, Швейцария, Крым), а вот почти трехлетняя поездка в славянские земли действительно состоялась, правда, десятилетие спустя. Общее, еще смутное представление о своем жизненном пути в письме 8 декабря 1852 г. Ламанский выразил одной краткой, но емкой фразой: «...науки не брошу, родины не разлюблю»³.

В студенческие годы окончательно закрепились славянофильские взгляды Ламанского. Вероятно, вначале это было чисто книжное увлечение, ставшее со временем результатом сознательного выбора и мировоззренческого самоопределения. Едва ли кто из преподававших в то время Ламанскому профессоров разделял славянофильские взгляды. К. А. Коссович был принят в университет в 1858 г. и в письмах Ламанского не упоминается. Можно предположить, что именно славянофильскими убеждениями были вызваны мечты Ламанского о переезде в Москву. Он надеялся, что его отец, выйдя в отставку, может поселиться в Москве. Переселение в Москву не состоялось, но и в последующие годы в письмах Ламанского заметно тяготение к Москве; порой вновь звучат планы о переезде из столицы. Один из

¹ Там же. Ед. хр. 76. Л. 19—19 об.

² Там же. Л. 46 об.

³ Там же. Л. 48 об.

его ближайших друзей, В. В. Стасов предостерегал его: «В заключение, желаю Вам от всего сердца не попадать в Москву, наитупоумнейший угол и так уж не очень-то умной России, к дурачкам Аксаковым и мерзавцам Катковым»¹.

В дневниковых записях и письмах студенческой поры Ламанского практически не встречается планов остаться в университете, напротив, он мечтает о службе, которая не мешала бы научным занятиям, а жалование позволяло бы приобретать нужные книги. Свободный научный поиск Ламанский предпочитал профессорской карьере и в молодости был уверен в том, что такая служба возможна. В дневнике за 14 июля 1853 г. он делится своими научными проектами: «В голове у меня бродят все три мысли или лучше три главных труда и главное вести их параллельно — 1) Граммат<ика> древнего Русского <языка> вместе с другими Слав<янскими языками> в их древн<ем> состоянии, с образцами, 2) Очерк древнерусского уголовного права, 3) Истор<ия> русск<ой> словесн<ости> в 16 в., причем собрать (неск<олько...>, т. е. приготовить к изданию) Максима Грека, Ивана Грозного и друг<их> даже неизв<естных> авторов. <...> В это время буду набирать материалы и вдумываться в народную поэзию всех Славян вообще, причем не довольствоваться одним сходством с воззрениями Славян и Немцев, но и разностью. Это правило соблюдать и при изучении права. Тут могут помочь мне занятия в Этнографич<еском> Отдел<ении Императорского Русского географического общества>, где я намерен участвовать и что-нибудь работать»². Эти научные планы Ламанского тоже не были в полной мере реализованы, хотя он и стремился со временем вернуться от славяноведения к изучению России.

Вероятно, положительным примером необременительной службы, о которой мечтал Ламанский, была для него служба старшего брата в Государственной канцелярии. Один из крупнейших русских экономистов XIX в. Евгений Иванович Ламанский (1825—1902) писал в мемуарах, что «какой-либо серьезной работы по канцелярии мне исполнять не приходилось, большую часть времени я проводил дома, погруженный в свои исследования»³. Возможность приобретения

¹ Там же. Ед. хр. 1332. Л. 39.

² Там же. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 8 об.

³ Ламанский Е. И. Воспоминания. 1840—1890 гг. Пенза : Индивидуальное частное предприятие В. И. Мануйлова «Редакция журнала “Земство”», 1995. С. 9.

нужных книг, несмотря на николаевскую цензуру, также оставалась. Тот же Е. И. Ламанский пояснял: «Обыкновенно, у каждого из нас был свой букинист, который отлично знал все запрещенные книги, особенно серьезные, и время от времени наведывался к своим покупателям, снабжая их запрещенной литературой по интересовавшим вопросам»¹. Таким букинистом у Е. И. Ламанского был, в частности, купец Я. А. Исаков, владевший книжным магазином в Гостином дворе и впоследствии ставший крупным книгоиздателем, услугами которого могли пользоваться и другие братья. Более того, Евгений Иванович перевез на квартиру отца библиотеку проф. И. И. Ивановского, преподававшего политическую экономию в Александровском лицее. Со временем у Владимира Ивановича сложилась собственная библиотека, многие книги для которой он разыскивал во время заграничных командировок, включающая уникальные издания по славистике, истории и литературе восточноевропейских народов. В конце жизни ученого Санкт-Петербургский университет выкупил эту библиотеку у Ламанского.

Как видно, в молодости Ламанский связывал свое будущее прежде всего с изучением русской истории, литературы и языка. Однако в Санкт-Петербургский университет он вернулся через десять лет после его окончания уже в качестве преподавателя славяноведческих дисциплин. Это был уже другой университет не только потому, что в нем не было многих из тех профессоров, кто не поддержал Ламанского в 1854 г. Новый Университетский устав 1863 г. «четко закреплял начала корпоративной автономии»². «Академическая свобода» способствовала становлению научных школ и значительным достижениям университетской науки, в которых свою роль сыграл и Ламанский. В отечественную науку он вошел также в первую очередь как славист.

¹ Там же. С. 8—9.

² *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. С. 414.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

...место же, самолично себе завоеванное в науке и литературе ученым и писателем, принадлежит ему исключительно, ни по чьей чужой прихоти, ни упразднено, ни занято другим быть не может.

Ламанский В. И.

Памяти П. А. Лавровского. 1886

Надежда Ламанского отправиться после окончания университета в путешествие по России и славянским землям не осуществилась. Он желал найти необременительную службу, которая бы не препятствовала его научным занятиям. В результате с 20 января по 29 октября 1855 г. Ламанский служил без содержания в Санкт-Петербургском губернском правлении, а 29 ноября 1855 г. был принят в Публичную библиотеку канцелярским чиновником так же без жалованья. Служба без жалованья, а часто и вне штата давала минимальный чин и возможность получения следующих чинов по выслуге лет. В неоконченном и недатированном черновике письма к И. В. Ягичу, скорее всего написанном Ламанским в последние годы жизни, он вспоминал, что «еще гимназистом часто мечтал о своем будущем и о будущем России, русской литературы и науки, и тогда уже решил, что чиновником не буду ни в коем случае. Отец мой хотел непременно, чтоб я записался в какое-нибудь ведомство. Я записался в Казенную палату, где никогда не бывал. Отец, кажется через год приехав домой из Сената, сказал мне, что его товарищ (фамилии не помню) по Сенату обещал поговорить обо мне барону Корфу, директору Публичной библиотеки. Я прослужил там с лишком год или два года. Здесь было мне очень приятно и полезно познакомиться с Бычковым и особенно дорогим и любезным впоследствии другом Владимиром Стасовым»¹. В библиотеке он работал под руководством старшего библиотекаря В. И. Соболевщикова в Отделении «Россика». Это дало

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 9.

Ламанскому возможность продолжить свои научные занятия. Он признавался, что они «посвящены были мелочному, но необходимому разбору древнейших Славянских рукописей, хранящихся в Публичной библиотеке и Румянцевском музее»¹. «Служебные мои занятия в Публичной библиотеке, по отделению иностранных писателей о России, — продолжал он, — дали мне средства ближе ознакомиться с воззрениями западных Европейцев на Россию, ее прошедшее, настоящее и будущее»². Однако менее чем через два года 26 октября 1857 г. из-за конфликта с директором библиотеки бароном М. А. Корфом³ он «по болезни» выходит в отставку. Н. В. Ястребов со слов самого Ламанского следующим образом передавал сюжет этого инцидента: «В. И. Ламанский покинул библиотечную службу после весьма характерного столкновения с директором Библиотеки, бар. М. А. Корфом. Немецкий, специально остзейский характер бар. Корфа, манера его обращения с людьми возмущали молодого В. И., всю жизнь боровшегося с отрицательными чертами немецкого народа — и в науке, и в международной политике, и во внутренней жизни России. Холодно-вежливый, отзывавший брезгливостью тон, которым бар. Корф говорил со своими чиновниками, в частности — обращение к ним со словами: “Любезный N. N.” вызвали В. И. Ламанского в одну из суббот, когда бар. Корф обычно давал план занятий собиравшимся вместе его подчиненным, на следующее замечание: “Барон Модест Андреевич, может быть «mein lieber» и хорошо звучит по-немецки, но по-русски «любезный» если и говорят, то только лакеям...” Немедленно оставив комнату со смущенным бар. Корфом и рассеянными товарищами по службе и возвратившись домой, В. И. Ламанский послал бар. Корфу прошение об отставке, которую, конечно, быстро и получил»⁴.

Следующим местом службы Ламанского стал Государственный архив Министерства иностранных дел, в котором с 1858 по 1862 г. он

¹ *Ламанский В. И.* Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Русская беседа. 1860. Кн. 19. № 1. С. 136.

² Там же. С. 139.

³ «Неутомимый искатель какого бы то ни было министерского портфеля», как окрестил М. А. Корфа А. С. Хомяков (*Хомяков А. С.* Политические письма 1848 года // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 113).

⁴ *Ястребов Н. В.* Памяти Владимира Ивановича Ламанского как друга книги // Библиологический сборник. Т. II, вып. 1 : Материалы по истории библиотековедения в России. Пг. : Тип. «К. Биркенфельд», 1916. С. 49.

занимал должность старшего архивариуса. Ламанский вспоминал, что почти ежедневно виделся в архиве с С. М. Соловьёвым, собиравшим материалы для своей «Истории России с древнейших времен».

В 1858 г. он сдал экзамены на степень магистра. Результатом его славяноведческих исследований стала книга «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», которая вместе с «Историческими замечаниями к сочинению “О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании”» составила объемный том в шестьсот страниц¹. Это было первое крупное произведение Ламанского, до того времени опубликовавшего несколько обзоров, рецензий и статей, из которых наиболее значительными были «О распространении знаний в России»² и «Несколько слов об отношении русских к грекам»³. Первую из них можно отнести к программным работам Ламанского, а вторая уже была связана с диссертацией. Книга Ламанского была удостоена Академией наук половинной Демидовской премии, а 31 января 1860 г. в Санкт-Петербургском университете защищена в качестве магистерской диссертации. В письме Л. Н. Майкову, отправленном 27 октября 1895 г., Ламанский вспоминал: «Демидовскую премию за диссерт<ацию> я получил совершенно неожиданно, пришел как-то в суб<боту> к Срезн<евскому>, и он меня поздравил, я был совершенно ошеломлен, так как ничего и не подозревал»⁴. Примечательно, что премия была присуждена Ламанскому по разряду «Географии и статистики»⁵, так же как годом ранее и И. С. Аксакову за «Исследование торговли на украинских ярмарках». Инициатором выдвижения сочинения Ламанского на премию был И. И. Срезневский. Он же подготовил отзыв на книгу, в котором отмечал молодость исследователя и возлагал надежды на его последующую научную деятельность.

¹ Ламанский В. И.: 1) О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб. : В тип. Имп. Академии наук, 1859. 370 с. ; 2) Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». СПб. : В тип. Имп. Академии наук, 1859. 230 с.

² Ламанский В. И. О распространении знаний в России // Современник. 1857. Т. LXIII. № 5. С. 1—46.

³ Ламанский В. И. Несколько слов об отношении русских к грекам // Русская беседа. 1858. Кн. 12. Смесь. С. 103—140.

⁴ Письма В. И. Ламанского К. С. Аксакову, А. В. Головнину, О. Ф. Миллеру, В. М. Владиславлеву, Л. Н. Майкову // Вече : журнал русской философии и культуры. 2009. Вып. 19. С. 207.

⁵ Тридцать четвертое и последнее присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград 25 июня 1865 года. СПб. : В тип. Имп. Академии наук, 1865. С. 40.

«Ламанский, — подчеркивал он, — показал себя и умел заслужить уважение именно как такой даровитый, основательно, учено-образованный начинатель <...> на каждой странице, им написанной, видно и это научное трудолюбие, и редкая образованность, и сила правящей мысли, и исследовательность, которая не ограничивает себя знаниями и соображениями только того, что легко доступно, и ищет новых, нетронутых источников и пособий, и обращает внимание на менее разработанные и все-таки важные части вопросов»¹. Рецензент отмечал малую изученность вопросов, «совестливо» исследуемых Ламанским «по источникам», а также то, что «несколько счастливых выследок сделано им о древнем присутствии Славян в Малой Азии и Испании»². «Настолько же, — продолжал Срезневский, — думаю, достойно одобрения и его старание присоединить к решению вопроса общие начала народознания, и ими пользоваться в случаях более затруднительных»³. В качестве недостатков он указывал «неравномерность частей», увлечение частностями, находил «некоторую поспешность в сведении фактов к выводам»⁴. В заключение Срезневский не преминул намеком укорить автора в славянофильстве. По его словам, «в книге Г. Ламанского недостатков несравненно менее, чем достоинств, хотя при внешнем обозрении они видны менее, чем были бы видны в труде того, кто, или по природе, или по привычке, умеет придавать своему труду внешнее приличие и боится всяких увлечений, как чумы»⁵. Отзыв Срезневского оставляет несколько двусмысленное впечатление. Его нельзя назвать полностью положительным, поскольку в качестве главных достоинств книги он находит не ее содержание и выводы, а молодость и трудолюбие автора и связанные с ним надежды. Срезневского явно не удовлетворял славянофильский подтекст исследования.

В речи перед магистерским диспутом Ламанский объяснял, каким образом пришел к основной идее своей диссертации. Первоначально по совету Срезневского он задумал написать исследование о «Законнике» Стефана Душана, но, столкнувшись с нехваткой

¹ *Срезневский И. И.* Разбор сочинения В. И. Ламанского «О Славянах в Малой Азии, Африке и в Испании» // Двадцать девятое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 16 июня 1860 года. СПб. : В тип. Имп. Академии наук, 1860. С. 126—127.

² Там же. С. 129.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 130.

источников, а также зная о том, что аналогичное исследование готовит А. А. Майков, отказался от первоначального замысла. Однако, признавался Ламанский: «Приготовительные работы по этому предмету, при помощи моих прежних занятий, позволили мне подглядеть ту основную идею и те связующие начала, которые как бы сплавивают в одно целое историю Болгар, Сербов и Хорватов и историю Русского народа до такой степени, что многие явления нашей народной жизни или необъяснимы, или мало понятны без знакомства с бытом наших южных соплеменников, и некоторые более или менее знаменательные события нашей истории имеют поразительную аналогию и сходство с таковыми же событиями их истории. Прямо-явная связь Южно-Славянской истории с историей Венгрии, а ее с историей Чехии и Польши, этой же последней с историей России, те основные отношения, в которых издавна находились эти страны к миру Греческому, — все эти данные заставили меня вслед за другими признать в истории новой Европы особую действующую группу народов, отличающуюся, подобно другой Европейской группе Романо-Германской, своим особливим характером, своим замечательным прошедшим, твердою, непоколебимою верою в свое великое будущее, несмотря на все тяготы настоящего»¹. В нумерованном посвящении, адресованном Ф. Палацкому и датированном 17 мая 1859 г., Ламанский развивал свою мысль и раскрывал мотивы работы: «Глубокое уважение к западноевропейским народам и их блестящей образованности, уважение, соединенное с чувством благодарности и с тем вместе чуждое всякого рабского поклонения авторитетам, непоколебимая уверенность в светлую будущность, ожидающую племя Славянское, в самобытность предстоящих ему подвигов, на свершение которых призвало его Провидение, одарившее Греко-Славянский мир богатством творческого духа и необходимым поприщем для его проявления ничуть не менее, чем мир древний, классический и мир новый, Романо-Германский — вот одно из тех основных побуждений, которые, твердо надеюсь, всегда неуклонно будут руководить моею скромною деятельностью, как гражданина и писателя. <...> постоянное мое стремление возбуждать самодеятельность в отечественных и соплеменных читателях, всячески содействовать развитию еще медленно пробуждающегося в нас самосознания»².

¹ Ламанский В. И. Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. ... С. 137.

² Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании.

Основная мысль диссертации состояла в том, что, по словам Ламанского, «народы Славянские, южные, восточные и западные, в силу единоплеменности и сходства своих языков, в течение всей своей исторической жизни, не могли совершенно утратить памяти о своем общем происхождении и сознания своего первоначального, внутреннего единства, — постоянно находились в более или менее близких сношениях»¹. Различия и столкновения между славянами были следствием «чужеземных влияний», «подчинения чуждым стихиям» (азиатской, византийской, римско-немецкой). В результате в XVIII в. «начался процесс разложения Славянских народностей»², затронувший большинство славян, за исключением русских. Русский народ не только выстоял в этой борьбе и сумел подчинить иностранные влияния своей народной стихии, «но и совершил поворот в истории Славянского мира. Как принцип и идею он заставил признать славянскую личность»³. Ламанский первоначально сосредоточился на изучении отношений русского народа к его соплеменникам и обратил внимание на то, что западноевропейские воззрения на Россию и русский народ не отделяют их от прочего славянского мира, поэтому в круг исследовательских проблем вошел и вопрос об отношениях славянского мира к романо-германскому и другим мирам (греческому, арабскому). Масштаб поставленной задачи и обширность материалов побудили его ограничиться рассмотрением отношений славян к испанцам, арабам и народам Малой Азии. В одном из поздних писем академику А. А. Шахматову Ламанский признавался, что его диссертацию «правильнее было бы назвать Арабский период истории славян»⁴. Свою работу Ламанский не рассматривал только лишь как научный труд. В речи на защите он касался и актуальных для него политических вопросов об отношениях славян к немцам, с одной стороны, и романским народам (итальянцам, испанцам) — с другой, видя в последних союзников в борьбе с германской гегемонией в Европе. Не бесполезным он считал свое сочинение и для русского самосознания, пытаясь обосновать важность «умственного и литературного общения» русского народа с южными и западными славянами, которое «в глазах большинства образованных русских

¹ Ламанский В. И. Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. ... С. 138.

² Там же.

³ Там же. С. 139.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1.

людей поныне представляется как бы делом пустым, ничтожным и не стоящим почти никакого внимания»¹.

Связь русской, как и вообще славянской, истории с историей Европы во времена Ламанского ни у кого не вызывала сомнений. Он же поставил задачей своего исследования обнаружить точки соприкосновения славянской истории с историей Ближнего Востока, Африки и той части Европы, которая долгое время входила в политический и культурный ареал арабского мира — Испанией. Такой подход был внове в отечественной науке. Если монгольское владычество на Руси было фактом известным, но еще не до конца осмысленным, если история Византии еще только входила в круг научных интересов русских ученых, то обращение Ламанского к еще более отдаленным историческим регионам выглядело откровенной экзотикой, если не сказать исследовательской авантюрой. Недостаток сведений и скудость материалов усугублялись требованиями набирающей силу позитивистской историографии строго опираться все выводы на проверенные факты. Не всегда имея такую возможность, Ламанский прибегал к своеобразной реконструкции, переводя проблематические факты в ассерторические. Для него постановка новых вопросов и формулирование оригинальных точек зрения были важнее того бедного синтеза, на который уполномочивал исследователя ограниченный круг источников и фактов. «Нельзя не заметить, — рассуждал он, — что успешная обработка истории древней Руси встречает себе сильное препятствие в тех понятиях, что с одной стороны не позволяют исследователю принимать то, что весьма само по себе вероятно и даже необходимо, хотя *письменно* и не засвидетельствовано², а с другой стороны поддерживают в нем мысль ограничиваться одними отечественными источниками, напр. летописями, тогда как они недостаточны. Сюда же надо отнести старую привычку обращать внимание только на одну жизнь государственную и политическую; как будто бы судьба русских, верных своей народности, не живущих, однако, в русской территории, не составляет органической части русской истории? Оттого забывают даже и упомянуть о той земле Русской, которая отошла к народу иноплеменному, хотя и сохранила свою

¹ Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. С. 191.

² Исследователь в наше время ни на единый миг не должен забывать, что есть факты двоякого рода : явные и тайные, и что последние гораздо важнее. — *Примеч. В. И. Ламанского.*

народность»¹. В этом фрагменте Ламанский обозначает принципиальный для славянофилов приоритет истории народа над историей государства. Он изучает историю славянских народов вне зависимости от того, в состав какого государства входят эти народы или кому служат отдельные его представители и группы населения. Для столь мало изученного материала не всегда применим путь постепенного накопления фактов. Без систематической работы такие факты будут лишь случайными открытиями, но для начала такой работы необходимо дедуктивное утверждение, даже вера в реальность самой истории. Без веры и убеждения, без определенной теоретической установки сами факты могут остаться незамеченными и непонятыми.

Содержание диссертации строится в строгом соответствии с ее заглавием. Три главы посвящены различным историческим сюжетам и наблюдениям о славянах в Малой Азии, в основном западной Сирии; в Африке, прежде всего в Египте и турецких владениях в Африке; в Испании, преимущественно в арабский период ее истории. «Исторические замечания», дополняющие основное исследование, представляют собой отдельные заметки, очерки, рассуждения, статьи (в частности, опубликованную в 1858 г. статью «О сношениях русских с греками»), которые были написаны уже во время подготовки книги к печати. В них содержатся более подробные сведения о некоторых сюжетах, рассматриваемых в монографии. Ламанский считал, что эти дополнения могут привлечь более широкий круг читателей, а не только ученых-специалистов. В них он выступал с критикой взглядов А. А. Куника, приводил исторические сведения о роксоланах, писал о чешских исторических деятелях (Иерониме Пражском и Жижке) и «чешском казачестве XV в.», на основе разнообразных исторических примеров рассуждал о «русских гулящих людях» и об отношении славян и русских к Пиренейскому полуострову и др.

Срезневский передал А. А. Кунику отпечатанные к тому времени листы книги Ламанского, в которых содержалась критика, чтобы откорректировать обидные формулировки и подготовить ответ на замечания. В фонде Срезневского сохранились ответы А. А. Куника, датированные 5 октября 1858 г. и составившие три рукописные страницы. В них он в целом соглашался с высказанными замечаниями и указывал, что «я с своей стороны не нахожу никакого препятствия к изданию их в свет в том виде, в каком они были мне доставлены»².

¹ Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. С. 64.

² СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 129. Л. 1.

Он отмечал, что видит в «выходках» автора нападки не только на него как ученого, но и как человека, однако готов признать свои ошибки. «Мне самому не только не трудно сознаваться в ученых ошибках, но и в том или другом — более или менее — ложном взгляде. Напротив, я рад, что с течением времени мог к лучшему изменить свой взгляд на славянский мир в разных отношениях и горжусь тем, что мало по малу достиг убеждения, что в своих отзывах об нем я не всегда поступал справедливо, особенно в первое время моего ученого поприща. Но из этого не следует, что я отказываюсь от того или другого мнения или взгляда только потому, что они иным могут показаться обидными или, по крайней мере, могут дать повод к недоразумениям на счет моих чувствований и действий», — писал А. А. Куник¹. В нападках Ламанского А. А. Куник увидел преимущественно «недоразумения», на которые не посчитал нужным возражать. Срезневский передал Ламанскому этот ответ. В конце послания А. А. Куника есть приписка Ламанского, из которой следует, что Ламанский остался недоволен объяснениями своего оппонента, потому что в своей книге критиковал не «действия и чувства» А. А. Куника, как тот интерпретировал, а его мнение о славянах.

Конечно, исследование Ламанского нельзя в строгом смысле отнести к философии. Для этого оно слишком фактологично, перегружено разнообразными сведениями, которые еще только должны послужить материалом для историософских обобщений. В своей магистерской диссертации он еще далек от философско-исторического синтеза. Его славянофильство здесь нарочито декларативно и априорно. Значение его книги — в другом. Монография Ламанского стала одной из первых попыток в отечественной науке отказаться от европоцентрической точки зрения. Если для московских славянофилов это был только лозунг, то для Ламанского — исследовательская практика. Он предлагает исторически реабилитировать не только славян, но и, например, арабов. По его словам, «место арабам в истории человечества суждено занять довольно видное»².

1859 год, когда вышла в свет книга Ламанского, считается годом рождения нового направления в науке — «психологии народов». В этом году в Германии был основан журнал «Психология народов и языкознание», в котором была опубликована программная статья М. Лацаруса и Г. Штейнталя «Вводные рассуждения о психологии

¹ Там же.

² Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. С. 235.

народов». Немецкие ученые зафиксировали то уходящее корнями в романтизм представление, что главной исторической силой выступает «дух народа», опознаваемый в языке, фольклоре, искусстве, религии, мифах и обычаях. Рассуждения Ламанского дают немало поводов для сопоставления его взглядов с взглядами немецких ученых. Впрочем, говорить о заимствовании здесь едва ли уместно, поскольку они восходят к общему источнику — учению В. Гумбольдта. Интуитивно и психологически Ламанский прослеживал у народов взаимные симпатии и антипатии, не поддающиеся измерению, но свидетельствуемые историей. Например, он находил много общих психологических черт в русском и испанском характерах, обосновывая успехи славянских переселенцев в арабской Испании (Андалусии) «отсутствием всякой гордости и надменности в обращении с иноплеменниками, всегда столь отталкивающих, живая восприимчивость, неразлучная с желанием и умение привлекать и привязывать к себе чужих»¹, или проводил параллель между Россией и Америкой, эклектически соединяющей достоинства европейских переселенцев и, как юная нация, космополитически отвращающейся от прошлого².

Среди новых для отечественной науки проблем, активно продвигаемых Ламанским, надо назвать византинистику. И позднее, уже преподавая в Петербургском университете и будучи деканом историко-филологического факультета, он всячески поддерживал и поощрял занятия историей Византии. Неслучайно один из учеников Ламанского, Ф. И. Успенский, стал крупнейшим русским византинистом. У Ламанского не вызывало сомнения всемирно-историческое значение Византии, ее истории и культуры. Изучение Византии важно не только для уяснения русской истории, но и истории Европы в целом. «Кажется, ясно, — писал он, — что без основательного знакомства с образованностью византийскою нам не понять вполне образованность романо-германского мира. После же Петра Великого, после же того тесного соприкосновения России с Европою Западною основательное и многостороннее изучение ее истории стало одною из настоятельных потребностей наших»³. «Изучение византийской истории, — продолжал он, — никому так

¹ Ламанский В. И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». С. 108—109.

² Там же. С. 112.

³ Там же. С. 27.

не важно и необходимо, как русским; то же самое можно сказать и об изучении судьбы греков в господство турецкое, и до новейшего времени»¹. Еще молодой в ту пору человек (в год публикации книги ему было 26 лет, а писалась она ранее) предлагал ввести в высших учебных заведениях новогреческий язык и изучать греческую историю с IV в. Позднее, уже будучи деканом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, Ламанский поощрял занятия историей Византии.

Еще одна из догадок Ламанского, оправданная последующим ходом развития исторической науки, была связана с монголами. Он предлагал реабилитировать монголов и, шире, кочевников, перестать смотреть на них только как на «бичей божиих». В книге он приводил многочисленные факты взаимных влияний русских и монголов в XIII—XIV вв. (смешанные браки, переселения, крещение монголов)², указывал на влияние «монголов на наше зодчество»³, писал о тесных связях русских с половцами⁴. «Мы убеждены, — отмечал он, — что читателю не покажется парадоксом, если мы скажем, что *неволя татарская*, вредная для русских во многих отношениях, не стеснила, однако, их международных сношений, по крайности с Азией, и даже расширила их»⁵. Обращаясь к более раннему историческому периоду (II—III вв.), Ламанский указывал на участие славянских племен в походах гуннов: «Грубость и жестокость гуннов не могут ни в каком случае служить опровержением верности предположения, что в рядах их принимали значительное участие славяне»⁶.

Наполненная редкими историческими фактами, оригинальными авторскими рассуждениями, содержащая постановку новых исследовательских проблем, монография Ламанского, встретила довольно резкое отторжение со стороны традиционной науки и господствующих исторических теорий. Она так и осталась маргинальной славянофильской экзотикой в отечественной историографии. Ее не переиздавали, а самого автора стали обвинять

¹ Там же. С. 32.

² Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. С. 48—53.

³ Ламанский В. И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». С. 94.

⁴ Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. С. 60, 64—66, 73—74.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Там же. С. 149.

в имперском экспансионизме, шовинизме и русском национализме. Такое мнение о труде Ламанского прозвучало уже в первом отзыве на него.

На книгу Ламанского откликнулся рецензией его университетский товарищ А. Н. Пыпин. Рецензия была опубликована в журнале «Современник» в одном номере со статьей Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии» и материалами публичного диспута в Петербургском университете между М. П. Погодиным и Н. И. Костомаровым о начале Руси. Несмотря на дружеские отношения, Пыпин никогда не разделял славянофильских убеждений Ламанского, что сказалось и в рецензии. Тон рецензии был скорее насмешливым и фельетонным, а не критически-научным. Пыпин упрекал автора монографии в отсутствии научной строгости и доказательности, хотя этим грешила и сама рецензия. Тем ценнее звучит признание Пыпина: «На этом защищении оказалось, между прочим, что петербургские ученые обнаружили заметную холодность к славянофильскому вопросу, весьма резко выставленному г. Ламанским; москвичи нас уверяли, что, явись диссертация в Москве, она возбудила бы несравненно больше возражений с одной стороны и одобрений с другой. В самом деле славянофильство гораздо крепче утвердилось в Москве, и там оно ближе принималось к сердцу и друзьями и врагами; в здешней столице книга г. Ламанского не произвела впечатления, которого бы можно было ожидать»¹. Указывая на равнодушие ученых и публики, присутствовавшей на защите, рецензент стремился подчеркнуть неактуальность самого исследования и его неорганичность, по крайней мере для столичной университетской науки. По мысли Пыпина, диссертация была защищена либо не на ту тему, которую считает достойной внимания академическая наука, либо не в том месте.

Рецензент сразу указал, что автор придерживается направления «Русской беседы», т. е. издававшегося в Москве славянофилами журнала. Неслучайно один из основных упреков состоял в тенденциозности и партийности исследования. «В авторе было видимо желание высказаться со всех возможных сторон; ученая цель не раз скрывается за стремлениями пропагандиста»². По словам Пыпина, Ламанский «приступил к труду с готовым взглядом, и факты при-

¹ Пыпин А. Н. Новые славянские исследования // Современник. 1860. Т. LXXX. С. Отд. III. С. 309.

² Там же. С. 310.

нимают в его глазах такие необычайные размеры, что результаты выходят очень странными»¹. Однако значение труда Ламанского критик видит именно в том, что в нем полнее всего высказались взгляды славянофилов на славянство, которые в самом «московском кружке» до того оставались неопределенными. В чем же состояли эти взгляды? Ламанский, уточнял Пыпин, «старается доказать, что цивилизаторская роль славян начинается еще с так называемого мрака времен и с тех пор не прерывалась и до нашего времени. С этой мыслью он набирает сведения о поселениях славян в Малой Азии и в Африке, говорит о славянской цивилизации в Сирии и чрезвычайно хорошо округляет историю славянства»². «Главное, — продолжал он, — автору хочется установить на незыблемом основании славу славянского племени и обеспечить его будущее»³. «Ему хотелось также выставить *славную* роль славянства в прошлые времена, убедить русскую публику в необходимости распространения русского языка вне пределов России и в необходимости «общения» с славянами»⁴. Рецензент не может принять и понять славянофильскую аксиоматику Ламанского: идею славянского единства, общность языка, культуры и исторических судеб славян. Ламанский же, рассуждая о славянской взаимности, «исходит из положения незыблемого, что славяне всегда и во все времена сознавали единство своего общего происхождения, а потому и через то самое чувствовали друг к другу взаимное притяжение, которое поддерживалось у всех сходством языка, ослаблялось у одних вероисповедною борьбою, скреплялось и освящалось у других единоверием»⁵. Рецензент не без издевки называет подход Ламанского «всеславянским усердием». Как писал Пыпин, Ламанский «обобщает славянскую историю до такой степени, что все славянские народы ставит в тесные солидарные отношения, утверждая, что ими всегда руководило тайное сродство, вследствие чего подвиги одного племени столько же принадлежат другому, — и наконец, в *гулящих людях* г. Ламанский видит великий подвижной элемент славянской истории, оказавший своему племени большие услуги»⁶. Пыпин, со своей стороны, не презревает оснований для

¹ Там же.

² Там же. С. 311.

³ Там же. С. 318.

⁴ Там же. С. 321.

⁵ Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. С. 236.

⁶ Пыпин А. Н. Новые славянские исследования. С. 315.

такого единства и не считает народное начало, тем более «вольных и гулящих людей», в качестве одной из движущих сил славянской истории. Поскольку с точки зрения федералистской концепции исторического процесса, разделяемой славянофилами, русское государство формировалось путем колонизации, а не централизации, постольку движущей силой этой колонизации был именно вольно-народный элемент. Не признавая положительного значения колонизации, Пыпин ёрнически попрекал Ламанского в страсти к завоеванию «новых земель». Между тем Ламанский в подвижном и восприимчивом, готовом к переменам и вступающим в межкультурные и межэтнические контакты вольно-народном элементе видел противоядие от национального самодовольства, узости восприятия других народов и культур, приводящих к национализму и шовинизму. Как и Ю. Ф. Самарин в споре с представителями «государственной школы», Ламанский усматривал в этом народном элементе проявление самостоятельности и самодеятельности, присущих личности, на отсутствие которой в русской истории указывали оппоненты славянофилов. По его словам, «воровская, бродяжная жизнь, открывая полный простор личности, более способна развивать известное чувство космополитизма, чем чувство национальности, доходящее иногда до какой-то фанатической исключительности в домосядах, живущих в глуши и вообще разобщенных с иностранцами»¹. В дополнении к своей диссертации Ламанский прямо называл «колониаторский, подвижный дух» прогрессивным элементом в русской истории². В истории народов, полагал он, действуют силы центростремительные и центробежные. Собираение земель вокруг Москвы есть пример действия центростремительных сил в русской истории. Напротив, толковины, бродники, казаки, вольница, самозванцы, бродяги, воры-разбойники были представителями силы центробежной. Однако и она имеет свое положительное значение в русской истории, выступает началом гражданской, общественной жизни, не нуждающейся в избыточной опеке и контроле со стороны государства. «Историки наши (Карамзин, Соловьев и пр.), — писал Ламанский, — обратили преимущественное внимание так сказать на центростремительную силу нашей истории, почти вовсе опуская из виду значение силы центробежной. Но без нее невозможно бы

¹ Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. С. 311.

² Ламанский В. И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». С. 151.

было и *собира*ния земли русской — нечего бы и собирать было. Почтив уважением труд собирателей, историк не должен умалчивать об отваге, удали и предприимчивости тех, что отыскивали новые земли, распространяли русский язык и знакомили с русским именем самые отдаленные края. Эта центробежная сила нередко представляет таких же *грозных* деятелей, как и противоположная ей. Самые дикие ее обнаружения доказывают только, что в русском народе всегда жило, хоть и смутно, сознание в необходимости существования в стране, помимо государства — гражданского общества <...> Нередко страшные проявления этой центробежной силы в нашей истории — не что иное, как протест ее против излишних притязаний силы ей противоположной»¹.

Следующий упрек рецензента был направлен на методологию исследования, которую он считал далекой от стандартов научности. «В его критическом методе обыкновенные доказательства занимают очень мало места <...> обыкновенно он находит их мало для подкрепления своих мнений: он заменил их совершенно отвлеченными рассуждениями, отдаленными аналогиями, таинственным сродством и множеством диалектики»². Умозрительность и бездоказательность — вот на чем, по мнению Пыпина, держится вся работа Ламанского. Он обвиняет его в фантазиях, в писании «на авось», отсутствии достаточного количества фактов, критикует за многочисленные отступления, которые заменяют исследование фактов, и «бесплодные натяжки над историческими фактами»³. Упрек в недостаточной фактической обоснованности диссертации Ламанского едва ли справедлив. Привлекаемый молодым ученым круг источников обширен; никто до Ламанского не проделал столь масштабной источниковедческой работы по собиранию сведений о славянах в Малой Азии, Африке, Испании. Другое дело, что Ламанский для подтверждения верности этих фактов нередко приводит данные из современной жизни, стараясь показать живучесть многих форм славянского быта, преемственность славянской истории и сохранение славянства как особого этнического и культурного типа. Однако Пыпин как раз и не видит этого единства и преемственности, полагая все аналогии лишь методологической уловкой. Ламанский в этом случае действительно предстает как политический

¹ Там же. С. 155, примеч.

² Пыпин А. Н. Новые славянские исследования. С. 311.

³ Там же. С. 318.

мыслитель, философ истории, в то время как Пыпин настаивает на необходимости оставаться на узкой почве ограниченных фактов. С этой стороны труд Ламанского сродни историческим разысканиям А. С. Хомякова, а не позитивистской историографии, на которую ориентировался его рецензент. Стоит отметить, что многие фактологически неубедительные данные, приводимые Ламанским и высмеиваемые Пыпиным, нашли подтверждение в последующих исторических исследованиях.

Пыпин усматривает в труде Ламанского «массу парадоксов» и «всеславянские мечтания», считая книгу «слишком эксцентричной» для научного исследования. В конце рецензии он примирительно и несколько снисходительно заявлял, что в книге «рассеяно множество любопытных данных <...> новых в нашей литературе и многое прибавят к истории славянства, но теоретические построения автора часто совершенно бездоказательны или ничего не доказывают»¹. Подробный обзор оценок Пыпиным взглядов Ламанского дан в книге Е. П. Аксёновой «А. Н. Пыпин о славянстве»².

Рецензия Пыпина на диссертацию Ламанского не поколебала их студенческой дружбы, но и не способствовала дальнейшему сближению. Любопытно замечание Ламанского о встречах с Пыпиным в Праге, во время своей первой заграничной командировки. «Здесь живет также Пыпин, — писал он родителям, — с которым я встречаюсь каждый день в Чешской беседе, но не говорю с ним ни слова. Чехи объясняют это тем, что он западник, а я восточник...»³ Ламанский не мог согласиться и с интерпретацией славянофильства, предлагаемой Пыпиным. Из статей Пыпина, полагал Ламанский, «можно ознакомиться с узкими и односторонними понятиями Пыпина о разных вещах и решительно нельзя почерпнуть верного и ясного представления о славянофилах»⁴. Со своей стороны, Ламанский впоследствии также выступал с рецензиями на работы Пыпина. Готовя рецензию для газеты «Русь» на второе издание «Истории славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича⁵, он писал И. С. Аксакову: «Над Пыпиным немножко тут посмеиваюсь, кажется не обидно. Для

¹ Там же. С. 322.

² Аксёнова Е. П. А. Н. Пыпин о славянстве. М. : Индрик, 2006. С. 343—347.

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 24 об.

⁴ Ламанский В. М. О том, что будто немецкой культуры нет, никогда не бывало и быть не может. СПб. : Тип. Е. Евдокимова, 1884. С. 27—28.

⁵ Ламанский В. И. История славянских литератур А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича // Русь. 1880. № 1, 3, 5, 7; 1881. № 8.

него. Не хотелось бы с ним ссориться, он человек хороший, хотя совсем не самостоятельный и вечно под чужим влиянием. Если что Вам резко покажется о Пыпине, смягчите, пожалуйста»¹.

Более доброжелательно к труду Ламанского отнесся Н. И. Костомаров. 30 ноября 1859 г. он писал Ламанскому: «Недавно Вы бросили первую мысль о матице; теперь открываете Славян в Испании. Честь Вам! Но из того, что некоторые Славяне по происхождению <...>, принадлежащих к разным племенам были евнухами у испанских халифов, не значит (?), чтоб в Испании жили Славяне. <...> Хорошо было бы для науки, если б Академия тоже горячо приняла к сердцу Ваше открытие и послала Вас в Испанию. Но желательно было бы, чтобы филославы наши занимались больше живыми, нежели мертвыми. Конечно и последнее нужно; но то не хорошо, что славянство до сих пор есть достояние библиотек, а не общества, и в общество-то и следует его провести. Для этого нужно сойти с высоты учености в низменный мир легкой образованности, надобно говорить и писать о славянстве с таких сторон, которые были бы доступны для большинства, надобно познакомить с славянами массу, надобно заставить толпу полюбить славянский вопрос»². В этом же письме Костомаров упоминает о работе над книгой «Бунт Стеньки Разина»: «Я теперь занимаюсь Стенькою и уже написал об нем исторический очерк, но в печать его не пушу до тех пор, пока не приеду в Петербург; надо бы поработать еще в библиотеке»³. Возможно, в оценке Ламанским исторического значения казачества Костомаров увидел созвучие своим взглядам и близость исследовательской тематики. Стоит отметить, что рукопись книги Костомарова о Богдане Хмельником «Руина» хранилась в доме у Ламанского. Костомаров писал по этому поводу: «Вы балуете мое авторское самолюбие похвалами моему Богдану и особенно известием, что Ваша матушка и сестра читают его с восторгом»⁴.

Впрочем, Костомаров также отмечал слабую фактологическую обоснованность выводов Ламанского. «Вы пишете, — замечал он, — что пришли к несомненному убеждению, что Славяне жили в Испании не в качестве военнопленных и невольников, а целыми

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 145 об.

² Там же. Оп. 1. Ед. хр. 754. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об.

⁴ Из переписки Н. И. Костомарова с В. И. Ламанским // Голос минувшего. 1917. № 1. С. 266.

колониями и не теряли своей народности. Но Вы не приводите никакого доказательства, кроме нескольких строк о том, что были евнухи славянского происхождения. Вероятно, у Вас есть другие <...> свидетельства, на которых Вы убеждаетесь, что стихия славянская в мусульманской Испании играла весьма значительную роль»¹. В конце письма Костомаров призывал Ламанского обратить внимание на современное положение славян в Европе, не скрывая политическую мотивацию такой заинтересованности. «Желаю Вам от души победы за мертвых Славян над живыми немцами, — писал он, — но желаю также, чтоб и Вы <...> более сочувствовали живым славянам, которых умерщвляют немцы. Были ли Славяне в Испании или не было их — это вопрос археологии, конечно интересный, но совершенно не выходящий из области школьной любознательности, потому что мы знаем, что теперь нет и следа Славян в Испании. Но их 18 000 000 в Австрии, и Немцы с каждым годом уносят их с лица земли в свою народность, — это мы тоже знаем и должны действовать пером, словом и где угодно, лишь бы спасти падающую народность наших соплеменников. Их спасти может только сочувствие к ним русского общества, распространение между ними русского языка и русской письменности и участие русских в преуспевании развития их просвещения и литературной деятельности»². Предложение Костомарова было близко Ламанскому. Более того, Костомаров отчасти повторяет здесь идеи самого Ламанского, высказанные ранее в статье «О распространении знаний в России». Костомаров и сам ссылается на эту статью, упоминая о мысли Ламанского открыть русскую матицу.

Костомаров выступил и одним из оппонентов на защите Ламанского 31 января 1861 г. Это было воскресенье, а сама защита проходила «в одной из небольших аудиторий Петербургского Университета, где-то очень высоко, за хорами актового зала»³. По свидетельству другого хроникера, «этот диспут удостоен был присутствием многочисленных слушателей, в том числе и дам»⁴. Корреспондент «Московских ведомостей» отметил «пламенную любовь к славянским племенам, которая,

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 754. Л. 2.

² Там же. Л. 2—2 об.

³ Булич Н. Публичный диспут в Петербургском университете (Из письма к редактору Моск. Вед.) // Московские ведомости. 1860. 6 февр. № 29. С. 220.

⁴ Защищение диссертации г. Ламанским // Северная пчела. 1860. 5 февр. № 27. С. 106.

однако ж, часто ослепляла автора» при изложении славянской истории в своей монографии¹. Он пересказывал содержание магистерской речи Ламанского, не преминув указать на оставшиеся непроясненными моменты. «К сожалению, — писал Н. Булич о Ламанском, — он нигде не намекнул даже в чем, по его мнению, состоит сущность славянского мирозерцания, которую уяснить себе необходимо для уразумения будущей нашей славянской цивилизации»². Еще одно сомнение он высказывал о реальности «славянских идеалов», вопрошая: «Где же эти идеалы? В чем они выразились?» Ламанский в своем выступлении описал горькую судьбу славянских народов и высказал мысль о будущей славянской цивилизации. «Речь магистранта заключилась посреди громких рукоплесканий, выразивших конечно сочувствие публики к нему и к знакомству с славянским миром, тогда как г. Ламанский сожалел о совершенно противоположном явлении», — так несколько иронично подытожил корреспондент выступление Ламанского³. Председательствовал на защите И. И. Срезневский. Первым выступил оппонент М. И. Касторский, заявивший: «Я не верю той исторической важности славянского племени, какую вы придаете ему. Ничего этого нет!»⁴ «Затем, — продолжал Н. Булич, — г. Касторский обратился к частностям, нападал на приемы автора <...> Дольше всего был спор о числе Славян, поселенных Юстинианом. — Свою оппозицию г. Касторский кончил изъявлением полного уважения к труду, но прибавил, что труд этот очень объемист, а древний мудрец сказал, что большая книга равняется большому злу (?)». Polemica со вторым оппонентом, Н. И. Костомаровым, продолжалась около получаса. Оппонент «коснулся только тезисов, с которыми он не вполне соглашался» (о невозможности отнести Польшу к греко-славянскому миру и др.). «Заметки г. Костомарова были коротки», — завершал свой обзор корреспондент⁵.

Монография «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» осталась самым крупным по объему исследованием Ламанского, если не считать сборника архивных документов «Государственные тайны Венеции». В 1860 г. он в основном публикует извлеченные из архивов документы по русской истории XVIII в. Эта пыльная работа

¹ Булич Н. Публичный диспут в Петербургском университете ... С. 220.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

уже, вероятно, не удовлетворяет Ламанского. Он вынужденно отвлекается от славянской тематики, в архивных изысканиях не может найти выход тот синтетический взгляд на славянство, который постепенно оформляется у Ламанского. Дает о себе знать чувство не востребованности идей, ощущение творческой бесплодности. Д. Л. Мордовцев в ответном письме из Саратова 13 января 1861 г. на послание Ламанского, в котором тот жаловался, что медленно работает сравнительно с Н. Г. Чернышевским, А. Н. Пыпиным и Костомаровым, утешал своего университетского друга: «Кто написал такую вещь, как твоя диссертация, тот смело может отдохнуть 10 лет, — он то ж не копитель неба, он не бесталанно пройдет по земле и не бесследно»¹. Лишь осенью 1861 г. Ламанский оживился, вступив в полемику с Н. Г. Чернышевским о языке галицийских русинов.

Книгу «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» Ламанский отправил многим славянским ученым и общественным деятелям в Европе. В. В. Ганка благодарил его за присланную книгу². В. В. Ганка же передал экземпляры книги в чешский музей, П. Й. Шафарику, К. Я. Эрбену и Ф. Палацкому. В ответном письме, выражая благодарность, В. В. Ганка отмечал, что «экземпляр для г. Палацкого опоздал, и как он точно уехал в Вену, то я его отдал зятю его г. Ригру, который мне сказал, что жена его, дочь Палацкого, через несколько дней поедет тоже в Вену и вручит экз. отцу сама»³. Ф. Палацкий, со своей стороны, тоже направил Ламанскому письмо с благодарностью, в котором полемизировал «о происхождении военной мощи казацкой»⁴ и отмечал: «К сожалению, судьба, которая на востоке вас зовет и ведет к деятельности, к могуществу и вечной славе, нам на западе, кажется, уготовила жизнь только мученическую, роль трагическую в драме средневропейской истории»⁵. Посвящение магистерского исследования Ф. Палацкому пришлось по душе чешской интеллигенции. В 1862 г. Ламанский писал министру народного просвещения А. В. Головнину о своем

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 992. Л. 21.

² В. В. Ганка — В. И. Ламанскому. 20 октября (1 ноября) 1859 г. Прага // Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. XII + 408 с. С. 26—27.

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 397. Л. 1 об.

⁴ Ф. Палацкий — В. И. Ламанскому 16 (28 марта) 1860. Ницца // Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. XII + 408 с. С. 30—31.

⁵ Там же. С. 30.

прибытии в Прагу: «В Праге меня уже знали. Чехам особенно польстило то, что я посвятил свою магистерскую диссертацию Палацкому. О моем приезде в Прагу было напечатано в журн<але>: “милый гость живет теперь у нас” и т. д.»¹.

Защита магистерской диссертации открывала Ламанскому путь в науку. Он перешел на службу в Министерство народного просвещения и получил возможность отправиться в командировку с учеными целями в славянские земли. Командировка, вероятно, планировалась уже в 1859 г., когда Ламанский завершил магистерское исследование и подготовил его к печати. Так, Д. Л. Мордовцев писал 29 июня 1859 г. о предстоящей поездке Ламанского за границу. А другой его университетский товарищ, В. Я. Ососов, сообщал 1/13 июля 1859 г. Ламанскому из Парижа, что, узнав со слов А. Н. Пыпина о его предстоящей командировке, вместе с Пыпиным и Каченовским выпили по этому поводу за обедом шампанского «за здоровье ваше и за вашу поездку»².

В 1859 г. поездку пришлось отложить. Лишь в 1862 г. Ламанский смог выехать в славянские земли. Однако в Петербургский университет он вернулся более чем десятилетие спустя после его окончания. В 1865 г. он приступил к чтению лекций в должности доцента кафедры славянской филологии. Изданные Ламанским впоследствии монографии («Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871), «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), «Славянское житие Св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник» (1915)) практически не имели откликов и последствий для философии или славистики. На них не были опубликованы рецензии, и для отечественной науки они прошли почти незаметно. Для коллег-славистов они были слишком философскими, а славянофильство, сближавшееся в конце XIX в. с консервативно-националистической идеологией, было уже не способно принять высказанные в них идеи. Сам Ламанский понимал междисциплинарность своих исследований, поэтому относил их к разряду политической географии. Влияние Ламанского на отечественную славистику шло через его учеников, созданную им «научную школу», в то время как в XX в. его идейное наследие, преданное забвению на родине, опосредованно было воспринято в эмиграции евразийцами.

¹ Письма В. И. Ламанского К. С. Аксакову, А. В. Головнину, О. Ф. Миллеру, В. М. Владиславлеву, Л. Н. Майкову // Вече : журнал русской философии и культуры. 2009. Вып. 19. С. 191. (См. наст. изд. С. 461).

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1059. Л. 32.

ПОЛЕМИКА С Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ

Взаимные отношения Николая Гавриловича Чернышевского и Владимира Ивановича Ламанского еще не становились предметом отдельного изучения. Скучность документальных свидетельств и редкость исследовательской литературы о Ламанском вполне объясняют, хотя и не оправдывают, этот печальный факт. В качестве частного сюжета он вписывается в более широкую тему: Чернышевский и славянофилы, отчасти уже рассматривавшуюся в исследовательской литературе¹. Чернышевский и Ламанский были, пожалуй, самыми известными учениками И. И. Срезневского. Утверждение о том, что Чернышевский был любимым учеником Срезневского², в равной степени может быть отнесено и к Ламанскому. Чернышевский и Ламанский писали выпускные сочинения по близкой тематике, заданной их учителем: «Опыт словаря к Ипатьевской летописи» (Чернышевский) и «О языке Русской правды» (Ламанский). Работа Ламанского была удостоена серебряной медали, которую он отказался получать. Впоследствии Срезневский сетовал на то, что «медальная диссертация» Ламанского «к сожалению, осталась неизданною»³. Ламанский стал преемником Срезневского на университетской кафедре, хотя знакомством с Чернышевским он едва ли был обязан своему учителю. Чернышевский окончил Петербургский университет в тот год, когда Ламанский был только принят на первый курс. В университете Ламанский тесно сошелся с А. Н. Пыпиным, дружеские отношения

¹ *Сладкевич Н. Г.* К вопросу о полемике Н. Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 71—79 ; *Демченко А. А.* Н. Г. Чернышевский и славянофилы: риски сближения // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 26—37.

² *Кантор В. К.* «Срубленное древо жизни» : Судьба Николая Чернышевского. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 8.

³ *Срезневский И. И.* Записка об ученых трудах профессора В. И. Ламанского // Вече : журнал русской философии и культуры. 2017. Вып. 29. С. 200.

с которым, несмотря на идейные разногласия, сохранял до конца жизни.

У Пыпина, вероятно, и состоялась встреча Ламанского с Чернышевским. Первые упоминания о Чернышевском в дневнике молодого слависта датированы маем 1853 г. Так, 2 мая 1853 г. он отмечал «разлад между поступками и мыслями»¹ у Чернышевского. Примечательно это критическое наблюдение, фиксирующее умаление аскесиса у своего нового знакомого. Последующее общение только укрепило это критическое впечатление, возможно, со временем усилившееся до чувства взаимной неприязни. По крайней мере уже вскоре Ламанский рефлексировал в своем дневнике: «Что за барин этот Черныш <евский>? Со мною говорить он не зачинает, боится ли унизиться, или просто в нерасположении, или принадлежит он к роду людей, которые с первого разу не нравятся, а потом к ним привязываешься все больше и больше. Или во мне есть кое-что пришедшее ему не по нутру? Это вероятнее, потому что сегодня, как только я подсел к нему, он тотчас же удрал в другую горницу, как бы намеренно избегая»². Еще один любопытный факт Ламанский зафиксировал в дневнике 23 мая 1853 г. После экзамена по психологии у А. И. Райковского он зашел к Пыпину, где «в обществе его невестки (Ольги Сократовны) провел время необыкновенно весело»³. В 1857 г. в «Современнике», скорее всего благодаря протекции Чернышевского, вышла одна из первых крупных и программных статей Ламанского «О распространении знаний в России» (Современник. 1857. Т. LXIII). Это был недолгий период сближения «Современника» со славянофилами, поддержанного Чернышевским. Сохранились свидетельства о том, что Чернышевский был знаком с некоторыми из братьев Ламанского: Сергеем Ивановичем (1841—1900), физиком, учеником Г. Л. Ф. Гельмгольца и сотрудником Д. И. Менделеева, и Евгением Ивановичем (1825—1902), известным экономистом, управляющим Государственным банком⁴. Статью Е. И. Ламанского Чернышевский упоминал в своем обзоре славянофильской «Русской беседы»⁵.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 6.

² Там же. Л. 34 об.

³ Там же.

⁴ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М. : Худож. лит., 1982. С. 188—189.

⁵ Чернышевский Н. Г. [«Русская беседа» и славянофилы] // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1986. Т. 1. С. 405.

Связующим звеном между Ламанским и Чернышевским оставался А. Н. Пыпин. Приятельские отношения, несмотря на нередкие встречи и общих знакомых, между ними не сложились, а различие взглядов со временем, вероятно, сформировало даже личную антипатию. В переписке Ламанского упоминание Чернышевского встречается, как правило, в связи с Пыпиным. Так, например, Пыпин в письме просит не сердиться на Чернышевского, который перед отъездом за границу, встречаясь с Ламанским, не поведал о «болезни» Пыпина, поскольку эта «болезнь» была выдумана в качестве повода для отъезда Чернышевского в Лондон¹. В письмах Ламанскому Пыпин также неоднократно упоминает Чернышевского, прося что-либо передать через него. Среди опубликованной дочерью Ламанского переписки были воспроизведены два письма Чернышевского. В одном из них сообщалось, что Чернышевский, вероятно по просьбе Ламанского, искал в Италии его книги среди книг Пыпина, но не нашел. В этом же письме Чернышевский приглашал Ламанского в гости и предупреждал, что сам собирается зайти к нему. В другом послании (27 сентября 1860 г.) Чернышевский приглашал Ламанского на встречу с Е. Д. Южаковым, отмечая, что «Вы услышите от него много интересно о Болгарии»², и хлопотал об уроках для Е. Д. Южакова³. Университетский товарищ Пыпина и Ламанского В. Я. Ососов извещал Ламанского 18 января 1860 г.: «Сейчас у меня был Пыпин и звал Вас и меня сегодня на вечер к Чернышевскому, где будет между прочим Забелин»⁴.

Критически относился к Чернышевскому не только сам Ламанский, но и близкие к нему в то время люди. 21 января 1858 г. Н. И. Костомаров отправил Ламанскому письмо, в котором благодарил за выписки о С. Разине из издания немецкого 1674 г., просил прислать список со стихотворения Ганки и излагал свой взгляд на крестьянскую реформу. «Замечу Вам, — писал Н. И. Костомаров, — что люди, знакомые практически с сельским бытом, ужасно вооружаются против общинного владения (безотносительно к своим выгодам или невыгодам) и не жалуют особенно

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1189. Л. 20.

² Там же. Ед. хр. 1059. Л. 40.

³ Письма разных лиц к В. И. Ламанскому. Сообщены О. В. Покровской // Русская мысль. 1915. Кн. XI. С. 127.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1059. Л. 40.

статьи Чернышевского»¹. Вероятно, в письме или личной беседе с Н. И. Костомаровым Ламанский затрагивал вопрос об интересах крестьян и взгляде Чернышевского на крестьянскую общину.

Полемика с Чернышевским пришла на период окончательного формирования научных и философских взглядов Ламанского. Вскоре после защиты магистерской диссертации Ламанского в 1861 г. в журнале «Современник» была опубликована статья «Национальная бестактность», в которой Чернышевский выступил против первых номеров львовской газеты «Слово», стремившейся печатать статьи на русинском языке, приближенном к русскому литературному языку. Еще в 1820-е гг. среди галицийской интеллигенции появились сторонники использования русского литературного языка, поскольку он был близок как церковнославянскому, так и старому литературному языку (язычию)². В 1866 г. газета «Слово» уже прямо «выступила с москвофильских позиций, заявив, что есть единый великий русский народ от Карпат до Камчатки и единый русский язык»³. Чернышевский обратился к галицийским русинам с призывом использовать в качестве литературного языка малорусский, а не русский язык: «Наши малороссы уже выработали себе литературный язык несравненно лучший, зачем отделяться от них?»⁴ «Зачем вы придумываете себе особенное ломаное наречие, отделяясь от общей малорусской литературы?» — вопрошал Чернышевский⁵. При этом автор статьи признавался в симпатиях к малороссам, в «очаровании» ими и отмечал, что «иноплеменник становится малорусским патриотом, если хоть сколько-нибудь поживет в Малороссии»⁶. Чернышевский оставлял галицийским русинам возможность быть только частью малороссов, а не считать себя частью русского народа в целом. Эта позиция рецензента «Современника» и вызвала основные возражения со стороны славянофилов.

¹ Из переписки Н. И. Костомарова с В. И. Ламанским // *Голос минувшего*. 1917. № 1. С. 265—266.

² *Михутина И. В.* Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003. С. 33.

³ Там же. С. 36.

⁴ *Чернышевский Н. Г.* Национальная бестактность // Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1950. Т. 7 : Статьи 1860—1861 годов. С. 776.

⁵ Там же. С. 786.

⁶ Там же. С. 775.

Чернышевский также обрушился с критикой на редакцию «Слова» за негативное отношение к ассимиляции русинов поляками. Национальная неприязнь, считал Чернышевский, играет на руку австрийскому правительству, специально «раздувающему вражду», чтобы держать в повиновении народы. Он не признавал фактов насильственной колонизации населения Галиции или не видел в этих фактах ничего плохого, а значит, и не понимал стремления русинов сохранить свою национальность. Собственно и национальность эту Чернышевский не признал, воспринимая русинов лишь как западных малороссов. Существующие противоречия он оценивал как сословные, а не национальные. По его словам, «корень галицийского спора находится в сословных, а не в племенных отношениях»¹. В противостоянии галицийских русинов полякам он усматривал «натяннутость сословных отношений между поселянами и помещиками. <...> Тут дело в деньгах, в сословных противоречиях, а нисколько в национальностях и вероисповедании»².

Первоначально выход галицийско-русской газеты материально поддержал митрополит Григорий (Яхимович), поэтому в «Слове» появились комплиментарные по отношению к греко-католическому иерарху публикации, которые дали Чернышевскому повод обвинить галицийских русинов в политической незрелости. Отсутствие светских лидеров, полагал он, свидетельствует о неспособности русинов к политической борьбе. Имея в виду редакцию газеты «Слово», он писал, что «выставляют себя руководителями русинов люди, которые не умеют ничего понять, не умеют ничего полезного своему народу сказать»³, поэтому населению западной Галиции редакторы «Слова» приносят скорее вред. На страницах журнального обзора Чернышевский неоднократно заверял в своем желании русинам всяческих благ, которые, по его мнению, их ожидают при условии отказа от русскости и сопротивления ополячиванию. В исследовательской литературе было высказано мнение об иносказательности рецензии Чернышевского, писавшего не только о «русинах», но и о «русских». «В этой рецензии под словом “русский” Чернышевский иногда подразумевает и “русинский”, и “русский” <...> он имеет в виду не только русинский, но и русский народ <...> Говоря о Галиции, он

¹ Там же. С. 780.

² Там же. С. 792.

³ Там же. С. 787.

одновременно имел в виду и Россию»¹. Однако полное содержание самой рецензии и последующая полемика Чернышевского со славянофилами эту сомнительную экзегетику едва ли подтверждает. Автор статьи в «Современнике» все же выражался достаточно определенно и по конкретному поводу.

Ламанский, к тому времени уже сотрудничавший в славянофильских изданиях, откликнулся на статью Чернышевского в аксаковской газете «День». Имя Чернышевского в статье Ламанского не упоминалось, поскольку в «Современнике» статья была опубликована без указания автора. Умалчивал о нем и И. С. Аксаков, предваривший публикацию Ламанского редакторским примечанием. Статья в «Современнике», осуждающая стремление галичан писать русским литературным языком, была перепечатана в Австрии на немецком и польском языках. Этот факт не меньше, чем содержание самой статьи, побудил И. С. Аксакова опубликовать ответ на нее. И. С. Аксаков хотел продемонстрировать иную оценку происходящих в русских землях Австро-Венгрии процессов и поддержать ориентированных на Россию русинов. «Письма, полученные нами из Вены, живо изображают душевную скорбь галичан, обруганных и осмеянных в России и за сочувствие к России!» — признавался он². «У галицийских руссов, — писал редактор, — только одно стремление — примкнуть к общей русской семье, слиться с нею в одно целое, если не политически, так духовно: поэтому они всячески стараются усвоить себе наш русский литературный язык, считают нашу литературу своею, изучают ее, гордятся Пушкиным, как своим собственным поэтом, и проч.»³. Статья Чернышевского, напротив, оправдывала национальную политику австрийских властей, старающихся противостоять ополячиванию русинов в Галиции за тем, чтобы «в галицийских русских возбуждать чувство племенной малороссийской особенности, и враждебности к великорусской стихии»⁴. «По его мнению, — пишет о позиции И. С. Аксакова Е. П. Емельянов, — статья Чернышевского представляла собой польский голос на страницах русского журнала

¹ Он Оя. Н. Г. Чернышевский и львовская газета «Слово»: к вопросу о лидерстве в освободительном движении русинов // Н. Г. Чернышевский : Статьи, исследования и материалы : сборник научных трудов / отв. ред. А. А. Демченко. Саратов : Техно-Декор, 2015. Вып. 20. С. 94.

² Ламанский В. И. Национальная бестактность // День. 1861. 21 окт. № 2. С. 15, примеч.

³ Там же. С. 14, примеч.

⁴ Там же.

и соответствовала польским национальным интересам, заключающимся в ликвидации русского влияния в Галиции»¹. Ненависть к русской народности и славянофильству, был убежден И. С. Аксаков, сблизают революционеров (Чернышевского), либералов-западников и правительственную верхушку². Заданная в редакторском примечании экспозиция была содержательно развернута в тексте Ламанского.

Прежде всего Ламанский увидел в критикуемой статье незнание того материала, которому она была посвящена. Дилетантизм автора в вопросах истории славянства, истории славянских языков и знания самих этих языков и побудил его откликнуться на публикацию в «Современнике». Он объявляет статью мистификацией, поскольку уверен, что ее автор не жил среди малороссиян, не знает языка, обычаев и т. п. «Но как же можно, не зная народа и его языка, толковать так смело и резко об его характере, обычаях, нравах?» — вопрошал Ламанский³. «Ложь и обман тут очевидны», — заключал он⁴. По мнению критика, автор статьи или прикидывается плохим знатоком Малороссии, или же притворяется ее страстным любителем. Более того, Ламанский не верит в искренность восхищения другим народом без утраты собственной народности. «Своя народность всякому ближе, понятнее, симпатичнее», — пишет он⁵. Ассимиляционные процессы, происходящие в многонациональных государствах, не могут «служить свидетельством симпатичности или очаровательности того или другого племени»⁶. Так, обрусению инородцев в России, онемечиванию поляков в Пруссии, ополячиванию малорусов в Польше и на Украине не стоит приписывать абсолютное значение и из них выводить характеристики народов. Современность дает немало примеров и противоположных фактов: сохранение своей народности поляками и раскольниками в Малороссии. Ламанский отмечает недобросовестность автора статьи, его «резкие и оскорбительные выходки» и «полное презрение к народу».

¹ Емельянов Е. П. Национальный вопрос в переписке И. С. Аксакова и Н. И. Костомарова // Научный диалог. 2013. № 6 (18) : История. Социология. Этнография. С. 23.

² Бадалян Д. А. «Колокол призывный» : Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х — первой половины 1880-х годов. СПб. : Росток, 2016. С. 202.

³ Ламанский В. И. Национальная бестактность. С. 15.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Статья служит примером «сочетания слабости мышления с крайним самодовольством и самомнением».

На территории австрийской Галиции идет интенсивное ополчание русского населения, приводящее к утрате народности. Историсофская оптика, сквозь которую Ламанский воспринимает происходящие на западе русского мира процессы, задает конфронтационный взгляд на прошлое и настоящее. В истории он видит этнологическую борьбу прежде всего германцев и славян. Этот историсофский конфликт определяет историческую и культурную судьбу Среднего мира. Отголоском ее является ассимиляция русинов в Австро-Венгрии. Однако она включает в себя еще и вероисповедное противостояние. Католицизм исторически служил средством подавления народного начала у славян, поскольку отказывал славянам в возможности проводить богослужение на родном языке. Для Ламанского главной исторической, культуросозидающей и даже геополитической силой выступает язык. Недаром в его философско-исторической концепции конфликт цивилизаций проявляется в первую очередь в соперничестве языков за распространение и влияние в мире. Поэтому-то так болезненно он реагировал на призыв Чернышевского отказаться от распространения русского литературного языка среди русинов. «При всей своей тяжести, борьба малороссиян с поляками, — замечал он, — все-таки гораздо легче борьбы поляков с немцами. Хотя и прежде просветительное начало Малороссии всегда было выше просветительного начала Польши, но в былое время она стояла гораздо ниже Польши относительно внешней образованности. В настоящее время, когда для Малой и Великой Руси обоюдными их усилиями уже выработан один общий литературный язык, русская литература и образованность, при всей своей недостаточности, все-таки и богаче и серьезнее польской»¹. По той же причине Ламанский делает странное, на первый взгляд, утверждение: «Говоря откровенно, мы не понимаем значенья слов: *малорусский*, а следовательно и *великорусский патриотизм*, мы еще можем допустить *русский патриотизм*; хотя, признаемся, всячески бы желали избегать употребления слов: *патриот, патриотизм*»². Любой региональный или местный патриотизм при всей его положительной мобилизующей силе служит средством обособления и утверждает патрикуляризм у славян, в то время как историческая

¹ Там же.

² Там же.

задача славянства состоит в соединении для выработки самобытной культуры и противостоянии (литературном, культурном, в первую очередь) миру германо-романскому.

Впрочем, Ламанский не видит перспектив у ассимиляционной политики австрийского правительства. Численное преобладание славян в Австро-Венгрии, по его мнению, должно привести к переждению самого государства и его постепенному ославяниванию. В этом его взгляды совпадали с ожиданиями чешской интеллигенции, представителями чешского национального возрождения. «Скажем откровенно, — признавался он, — мы даже вовсе не верим в будущее немецкой народности в Австрии, уверены, что славяне с нею справятся и под конец подчинят ее своей образованности, конечно если только забудут свои домашние распри и утвердят единодушием, общеславянской образованностью»¹. Под общеславянской образованностью Ламанский разумел принятие русского языка в качестве литературного, дипломатического и научного всеми славянскими народами. Через год Ламанский получил возможность посетить славянские земли. Его командировка с научными целями продлилась два с половиной года. Она не поколебала его убеждения в необходимости распространять русский литературный язык среди славян, но показала, что процесс онемечивания среди австрийских славян зашел уже далеко и культурное (языковое) объединение славян казалось ему уже не столь очевидным.

В этой же статье Ламанский сочувственно отзывался об издававшемся в Санкт-Петербурге украинофильском журнале «Основа»: «Мы глубоко уважаем благородную редакцию этого журнала, чрезвычайно рады его появлению в нашей литературе»². Однако он не был готов согласиться с редакционной политикой по всем вопросам. «Наше разногласие в некоторых взглядах с этим журналом никак не может ослабить нашего сочувствия и уважения к нему», — добавлял он³. Признание Ламанского показывает, что современники воспринимали украинофильство в качестве разновидности славянофильского направления. Ламанский не видел принципиальных расхождений между славянофильством и украинофильством. Так же точно и представители украинофильства соглашались с позицией Ламанского о единстве литературного языка для Великодержавии

¹ Там же. С. 17.

² Там же.

³ Там же. С. 18.

и Малороссии. Например, М. П. Драгоманов считал мнение Ламанского о возможности самостоятельной «малорусской словесности» при сохранении и развитии русского литературного языка «самой верной и практичной точкой зрения»¹. В то же время еще при жизни Ламанского пути украинофильства и славянофильства существенно разошлись. Если в начале 1860-х гг., т. е. на исходе «раннего славянофильства», он еще мог усмотреть их идейное родство, то позднее высказывался об украинофильстве значительно более критично и даже полемизировал с М. П. Драгомановым на страницах «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». Идеологию украинофильства более точно можно охарактеризовать как вариант областнической программы, вписывая его в ряд таких общественных движений и учений, как сибирское областничество, российское областничество (федералистские концепции русской истории, «Камско-Волжская газета», казачий автономизм), западнорусизм.

Принципиальным для Ламанского оставалось единство трех ветвей русского народа. «Малоруссы и великорусы с белорусами, — писал он, — при всех своих частных разногласиях, обоюдных несходствах и насмешках друг над другом, образуют один русский народ, единую Русскую землю, плотно, неразрывно связанную одним знаменем веры и гражданских убеждений. Основная сила России, ее ядро и тяга, крестьянство средней и северной России, Сибири, Новороссийского края, под словами: *Святая Русь, земля Святорусская* — всегда разумеет и старый Киев с его областью. Славный Киев живет глубоко в сознании нашего народа, в его поэтических преданиях, на всем великорусском просторе»². Единство народа проявляется прежде всего в общности литературного языка. В быту, у себя дома славяне могут говорить на своих местных наречиях, а вот писать, читать, обучаться в учебных заведениях должны на одном языке. Успешным примером подобной языковой политики для Ламанского служили образования итальянского и немецкого литературных языков, когда в качестве литературного языка было выбрано одно из провинциальных наречий. Главный критерий при таком выборе должен состоять в литературном развитии такого наречия, в богатстве и мировом

¹ Драгоманов М. П. Восточная политика Германии и обрусение // Политические сочинения. Т. I : Центр и окраины. М. : Тип. Т-ва П. Д. Сытина, 1908. С. 118—119.

² Ламанский В. И. Национальная бестактность. С. 17.

значении созданной на этом языке литературы. Среди современных ему славянских языков на эту роль мог претендовать только русский язык. Это, полагал Ламанский, верно для всех славян, тем более верно оно для ответвлений русского племени.

Без языкового единства ставится под сомнение и политическая целостность государства. Верно и обратное: принятие западными и южными славянами русского языка в качестве литературного, научного и дипломатического со временем поставит вопрос и о форме политического единства славян. В обособлении малорусского наречия, к которому призывал Чернышевский, Ламанский видел угрозу как политическому, так и народному единству русского племени. «Отняtie от России Киева с его областью повело бы к разложению русской народности, к распадению и *разделу* Русской земли», — предупреждал он¹. Более того, «всякие попытки отторгнуть, напр., Киев от России вызовут такие бедствия и несчастья, последствия которых нельзя предвидеть»². Пророчества Ламанского опирались на философско-исторический анализ славянской истории и культуры. Историософия Ламанского футурологична. Самым известным его предвидением, пожалуй, является описание хода будущей Мировой войны, сделанное за четверть века до самого события. Наиболее полно оно выражено в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Однако сохранение российской государственности нужно не одному русскому народу. Русское государство, по мысли Ламанского, является подмогой для борьбы славянской стихии с германством (чехов в Австрии и поляков в Пруссии). «Не в одних русских видах, но для блага *всего* славянства обязаны мы соблюдать целостность и единство *Русской земли!*» — отмечал он³.

Надо заметить, что, упрекая Чернышевского в том, что он не жил в Малороссии, тем более непосредственно не знаком с ситуацией в Прикарпатской Руси, Ламанский должен был сознавать, что и его собственные познания столь же далеки от жизненной практики. Он и сам не бывал в Галиции, а судил о положении русинов так же априорно, как и Чернышевский. Возможно, Ламанский в большей степени, чем Чернышевским, следил за современными публикациями об австрийских славянах, поскольку это входило в круг его профессиональных интересов, но все его выводы оставались чисто

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

кабинетными рассуждениями. Ко времени полемики Ламанский опубликовал лишь одну работу о Галицкой Руси — компиляцию «Этнографический очерк восточной Галиции. Статья г. Циммермана», которая вышла в «Вестнике Императорского Русского географического общества» в 1859 г. анонимно. «Народонаселение Греко-восточного вероисповедания занимает большую часть восточной Галиции и известно под именем Русинов, которые по местностям снова подразделяются на Подуляков, Покутян, Гукулов, Горалов и т. д.», — писал Ламанский¹. Конечно, даже конспективное изложение содержания статьи Циммермана из «Известий Венского географического общества» предполагало определенную авторскую интерпретацию. Свою позицию Ламанский обозначал в тексте интонационными знаками. Так, например, он воспроизводил характеристику русинов: «В настоящее время это спокойный мирный народ, довольно трудолюбивый, впрочем (?) медленный, тяжелый и крепко привязанный к своим нравам и обычаям, почему, несмотря на все усилия (!), они все еще находятся на низкой степени образованности»².

Основная часть статьи Циммермана была посвящена социально-экономической ситуации в австрийской Галиции. Ламанский воспроизвел ее основные положения. Он писал, что «крестьянство, это ядро народа, разоряется все более и более, и это самое природное, самое неизменное сословие стало здесь ордою, ищущею пропитания, пролетариатом, возвещающим будущего Аттилу, варварство и гибель»³. Значительно лучше австрийский автор отзывался о гуцулах, живущих в большей изоляции, чем русины, а значит, и меньше подвергающихся ассимиляции и десоциализации. Гуцулы «кажется, особенно твердо сохраняют свои нравы и обычаи, тогда как на равнинах водка нравственно убила мужиков, потому то, живя вместе в деревне, они днем и ночью подчинены искушениям евреев, тогда как горец, живя замкнуто, вдали от соблазна, только в праздники сходит в церковь в деревню»⁴. «В Галиции, — продолжал автор, — есть целый класс людей, который издавна глядит, сложа руки, как их собратья тяжелым трудом добывают хлеб исключительно в их пользу.

¹ [Ламанский В. И.] Этнографический очерк восточной Галиции. Статья г. Циммермана // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Ч. XXVI. Отд. V. С. 83.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 88.

⁴ Там же. С. 89.

Это — евреи, люди, боящиеся тяжелого труда, живущие, собственно говоря, в праздности, образующие в стране относительно своих жилищ огромное большинство, вечно плутующие, добывающие барыши без работы, постоянно бегающие службы и всех общественных предприятий. Из догматического стремления стараясь переполнить этот край денными ворами, сами они бьются из всех сил образовать в стране денежную аристократию и несвоевременными ссудами закабалить себе всех жителей — это же положение, невыносимое для остальной части населения, не может быть желательно»¹. Носителями здорового национального сознания русского населения Галиции являются крестьяне, их смиренный труд и сельский образ жизни обеспечивают поддержание национальной идентичности. «Государства земледельческие во все периоды истории всегда занимали первое место, наслаждались цветущим благосостоянием и жители их с своим здоровым трудом на вольном воздухе всегда были самыми мирными людьми», — замечал Ламанский². Однако разорение крестьянства и ассимиляционная политика властей приводят к люмпенизации населения и, как следствие, утрате народности, традиционных ценностей, привычного образа жизни. Деформируется и сознание людей: чувство социальной несправедливости и национальной обиды стимулирует агрессивное поведение и способно привести к социальному взрыву, который примет формы насилия на национальной почве. Если национальное чувство русинов будет и дальше определяться той ненормальной ситуацией, которая сложилась на крайнем западе русского мира, то, по словам Ламанского, не стоит удивляться, когда «пробужденное человеческое достоинство в полноте сознания удовлетворяется только трупами своих палачей»³.

В статье, опубликованной в газете «День», Ламанский не предпринял детального критического разбора публикации Чернышевского. Статья стала для него поводом высказать ряд собственных суждений не только по русинскому вопросу. В своем критическом отзыве он поместил очерк формирования русского литературного языка, чтобы показать, что современный русский литературный язык во многом создавался в течение XVII—XVIII вв. выходцами из южнорусских и западнорусских земель в качестве общего письменного языка для нынешних великорусов, малорусов и белорусов. Отречение от него

¹ Там же. С. 91.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 90—91.

нанесет вред прежде всего самим малорусам тем, что значительно понизит культурный уровень населения и отвернет его от его собственной истории. «Русский литературный язык, — писал Ламанский, — образован не со вчерашнего дня и не Ломоносовым, который его только точнее определил и усовершенствовал. В основе своей великорусский язык наш принадлежит одинаково в значительной мере и малороссиянам. Отказавшись от него, они бы отказались от значительной части своего прошедшего, своей истории и все-таки не успели образовать на своем наречии такой литературы, которая бы им сделала излишней литературу русскую. Отказавшись от русской образованности, они принуждены были бы примкнуть к польской, с которою тоже словесность малорусская не сравняется. Пока же малорусы не создадут своей образованности на своем наречии, до тех пор должны они учиться и писать или на русском или на польском языке. Но выбор последнего возможен для Малороссии только с принятием католицизма, возобновлением Унии...»¹

В основе письменного языка великорусов и малорусов лежит общий элемент — язык церковнославянский. До конца XIV в. различия в живом народном языке южной и северной Руси были ничтожны, а единство письменного языка сохранялось. Более того, если воспользоваться современной терминологией, то русский язык подвергся сильной украинизации. Почти четверть века спустя после полемики с Чернышевским Ламанский вновь писал о русском литературном языке как общим для восточных славян. «Наш литературный язык, — замечал он, — возник и развился на основе церковно-славянского письменного языка. Как русское государство сложилось и крепло общими совокупными усилиями всех частей обширной Руси, южной и северной, восточной и западной, так и наш могучий литературный язык и наша дорогая словесность в течение веков слагались дружными общими трудами малорусских, белорусских и великорусских писателей, художников и ученых, духовных и светских. Все они незаметно вносили в общую сокровищницу национального языка слова и обороты, различные, часто неуловимые тонкости и особенности своих местных наречий, поднаречий и говоров»². Воздействие малорусских писателей и церковных деятелей было особенно заметно, порой

¹ Ламанский В. И. Национальная бестактность. С. 18.

² Ламанский В. И. Кирилло-Мефодиевская идея // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1885. № 4. С. 212.

доходя в некоторых областях до откровенного засилья. «Огромное, непосредственное влияние имели на язык наши южнорусские ученые и писатели с конца XVII в. почти до самого Ломоносова. Малорусы господствовали тогда у нас в иерархии, в школе и образованности. Они, по-видимому, имели все средства образовать русский литературный язык на малороссийской основе. История решила иначе. Уроженец Двинской земли, коренной новгородец, Ломоносов принял наречие московское, но в то же время признал всю законность и необходимость общего элемента, Ц. славянского. Для дальнейшего развития нашего языка имели огромное значение многие даровитые писатели из малороссов и один гениальный — Гоголь. Итак наш литературный язык нынешним своим видом обязан общим, совокупным усилиям велико-мало-руссов. Он есть плод исторической жизни *всего* русского народа. Признаемся, мысль о возможности особой Малорусской литературы (а не местной словесности) представляется нам величайшею нелепостью»¹. Впрочем, спорить о языковом влиянии и литературном первоисточнике русского и украинского языков бессмысленно, поскольку русский литературный язык формировался в качестве общего языка. На русском языке, замечал Ламанский, писали Капнист, Островьяненко, Балугьянский, Лодий, Венелин, Гребенка, Гоголь, Кулиш, Костомаров. Шевченко вел на русском языке свой дневник. Ламанский допускает «малорусскую словесность» лишь в быту, в качестве языка домашнего общения. Литературным же языком, языком образования и науки должен быть русский язык. «В противном же случае русскому народу в Галиции и Венгрии придется вовсе остаться без науки и образованности или принять органом языки немецкий, польский и мадьярский. Тот и другой выбор повлечет за собою утрату народности», — заключал Ламанский².

Общий вывод Ламанского о статье Чернышевского сводится к тому, что рецензент «Современника» «незнаком ни с историею, ни с современным положением русинов» и, очевидно, «не понимал всей важности русинского вопроса»³. Впрочем, он видел и положительную силу такой публикации, так как в ней в полной мере была высказана определенная точка зрения, которую можно критиковать. «Ложь не долговечна. Формулируясь и определяясь, она обличает

¹ Ламанский В. И. Национальная бестактность. С. 18.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 17.

себя», — выносил Ламанский свой приговор¹. Ламанский сходил с Чернышевским, пожалуй, лишь в одном: он не признавал национальную самобытность галицийских русинов, считая их отторгнутой от основной массы частью русского народа, в то время как Чернышевский относил их к «малорусскому племени».

В следующих номерах газеты «День» была напечатана статья слависта, профессора Харьковского университета П. А. Лавровского «О русских в Галиции»², которая также была откликом на статью Чернышевского. Очерк П. А. Лавровского знакомил читателей с историей русского населения Галиции, которую столь превратно истолковал автор «Современника». Он отмечал, что автор статьи не обладает ни достаточными знаниями, ни пониманием вопроса и обратился к газете «Слово» случайным образом, поскольку пишет лишь о двух первых номерах, в то время как уже вышло пятьдесят номеров газеты. В первой статье П. А. Лавровский рассматривал положение русинов под властью поляков, второй — австрийцев. Он указывал на факты покровительства австрийских властей русскому языку и униатской церкви. Рассматривая отношение Польши и Австрии к русинам, он писал: «...последняя не раз обращалась к ним с приветливостью, и как ни рассчитана была эта приветливость, как ни своекорыстен был всегда источник ее, но она не прошла без важной пользы для галицко-русского народа; тогда как другая сторона относилась к нему до последнего времени постоянно *не благосклонно*, чтобы не сказать более»³. Чернышевский, полагал критик, подразумевает, что поляки и русские имеют то общее, что сближает их и со всяким другим народом, т. е. общечеловеческое. «А мы желали бы гораздо большего, — уточнял П. А. Лавровский, — мы желали бы искренно иметь с ними то единение, родственное, братское, к какому призывает нас родство языка и происхождения; в наших глазах — одною не из последних целей жизни нашей должно быть обоюдное изглаживание старых

¹ Там же. С. 19.

² *Лавровский П.* О русских в Галиции (по поводу статьи «Национальная бестактность» в июльской книге Современника за 1861 г. отд. «Русская литература» С. 1—18) // *День*. 1861. 28 окт. № 3. С. 11—13; 4 нояб. № 4. С. 17—20; 11 нояб. № 5. С. 12—15; 18 нояб. № 6. С. 12—13.

³ *Лавровский П.* О русских в Галиции (По поводу статьи «Национальная бестактность» и июльской книге Современника, за 1861 год) // *День*. 1861. 18 нояб. № 6. С. 13.

соплеменных столкновений, в которых мы не виноваты, и замещение их тем равноправным братским сближением»¹.

В пятом номере газеты «День» была опубликована корреспонденция униатского священника И. И. Раковского, бывшего редактора «Церковной газеты» в Будине «Голос из Угорской Руси о русском языке». И. И. Раковский призывал «принять Великороссийский язык для распространения народного просвещения. <...> мы не понимаем тех, — писал он, — которые вступаются за отдельное какое-либо Русское наречие или поднаречие. <...> Теперь, по-видимому, все стремится к единству, а не к разъединению. Можно сказать, что в нынешнее время только три языка пользуются мировым значением, именно немецкий, французский и английский. После сих великорусский язык имеет полное право на название мирового языка»². Мысли И. И. Раковского были близки Ламанскому, в частности, развиваемому им впоследствии учению о языке как геополитической силе. Статьи Ламанского и Лавровского были призваны показать историческое родство галицийских русинов с русским народом и обосновать культурно-историческое право языка русинов ориентироваться на русский литературный язык.

В ноябре — декабре 1861 г. аскаковская газета еще дважды обращалась к русинскому вопросу. В декабре было опубликовано «Прошение русских выборных людей в Вене о сохранении прав русского народа относительно его языка, представленное государственному министру 30 сентября 1861 года»³, а в № 6 газеты «День» была перепечатана корреспонденция из «Слова» в защиту русской народности в Холмском крае. Предисловие к этой републикации написал А. Ф. Гильфердинг. «Мы позволяем себе только выразить скромное желание, чтобы Россия, с которою связан Холмский край вместе с остальным Царством Польским, обратила внимание на то, что там живет русский народ, и озаботилась о нравственных его трудах, о его нравственном воссоединении с Русскою землею», — призывал он⁴. Славянофилы неравнодушно относились к процессам, происходящим в русской Галиции, и принимали посильное участие в национальном

¹ Там же.

² Голос из Угорской Руси о русском языке // День. 1861. 11 нояб. № 5. С. 10.

³ Прошение русских выборных людей в Вене о сохранении прав русского народа относительно его языка, представленное государственному министру 30 сентября 1861 года // День. 1861. 9 дек. № 9. С. 11—14.

⁴ Гильфердинг А. Из Холма // День. 1861. 18 нояб. № 6. С. 10.

возрождении русинов. Фактологическая сторона и содержательная интерпретация контактов славянофилов с деятелями русофильского движения в Галиции уже рассматривалась в отечественной исследовательской литературе¹.

Статья Ламанского, вероятно, возымела тот эффект, на который рассчитывал издатель. Ее заметили, более того, она вызвала смятение в рядах оппонентов. В письме графине А. Д. Блудовой 27 октября 1861 г. И. С. Аксаков признавался: «Ну уж если бы вы знали, как разозлились на меня и на Ламанского — хохлы и Поляки. У них в этих случаях всегда одна уловка — прикидываться лежачими, беззащитными, говорить, что им отвечать нельзя, опасно, что мы угождаем силе, и что статья Ламанского — донос, а я — хочу распалить вражду и т. п. Как бы не вздумали, в самом деле, как-нибудь их преследовать»². В доносе, о котором упоминает И. С. Аксаков, Ламанского обвинил Н. И. Костомаров³, а вслед за ним в полемику включился и украинофильский журнал «Основа», отстаивавший самостоятельные литературные права украинского языка⁴. Ламанский едва ли, работая над статьей, помышлял об извете. Он старался не столько описывать и опровергать мнение автора «Современника» и его украинофильствующих адептов, сколько обозначить свою позицию и, опираясь на фактическую сторону дела, дать обобщенную

¹ Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М. : Наука, 1993. 205 с. ; Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине. XIX—XX вв. М. : ГПИБР, 2001. 201 с. ; Миллер А. И. : 1) Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицких русинов // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / под ред. О. В. Хвановой. М., 1997. С. 68—74 ; 2) «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб. : Алетейя, 2000. 206 с. ; Топильский А. Г. Влияние славянофильства на русофильское движение в Галиции в контексте российской и австрийской политики в 60-х гг. XIX в. // Вестник Тамбовского ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2016. Т. 21, вып. 3—4. С. 110—114 ; Минаков А. Ю. Украинская болезнь: диагноз русских консерваторов // Тетради по консерватизму. 2016. № 3. С. 115—122.

² Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. Кн. XVIII. С. 136.

³ 2—3 ноября 1861 г. И. С. Аксаков писал Ламанскому: «В своем письме он (Костомаров. — А. М.) называет статью вашу доносом, актом угодливости силе и проч.» (Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. XII. С. 109).

⁴ Основа. 1862. № 3.

картину формирования русского языка, его прошлого и чаемого им будущего.

Свое неудовлетворение статьей Ламанского высказал А. И. Герцен. «От статьи Ламанского, — писал он И. С. Аксакову, — ожидал я гораздо большего. Столько повторений и противоречий себе: так сбивчиво и слабо ничего доказывать невозможно. И недобросовестно так робеть перед “Основой” за то самое, за что называет “Современник” лжецом, обманщиком! Зачем и допускать такие ругательства? За них воздадут семирицею...»¹

Возмездие не заставило себя долго ждать. Уже в скором времени Чернышевский оплатил долг своим критикам, напечатав в «Современнике» статью «Народная бестолковость», играющая на понижение семантика заглавия которой отсылала к его предыдущей публикации. В новой статье он предпринял критический обзор первых номеров аксаковской газеты «День». Касаясь личности редактора, Чернышевский объявлял его славянофилом больше «по имени (еже басурманами зовутся по фамилии), по родству, по знакомству, чем по личной пропитанности их теориями. Он — человек, сочувствующий народу, сочувствующий всем славянским народам, — это прекрасно, но в этом еще нет славянофильства»². Впрочем, предложенное Чернышевским определение славянофильства было далеко от реального содержания этого учения и славянофильской программы в целом. Разбирая редакторские статьи И. С. Аксакова и выступление Ламанского в защиту львовского «Слова», он выводил славянофильство «от неразумного увлечения мыслью, будто наша русская народность единственный чистый тип славянской народности, что они, наши славянофилы, представители образцового славянского народа»³. Чернышевский упрекал славянофилов в том, что они «сбились с толку в своих понятиях о русской народности и о согласии своих теорий с этой народностью»⁴. Подобную интерпретацию славянофильства было мудрено вывести из статей И. С. Аксакова и Ламанского. Она в большей мере отражала предвзятую позицию самого Чернышевского, чем соответствовала взглядам славянофилов. Досталось

¹ Письмо А. И. Герцена И. С. Аксакову // Литературное наследство. 1941. Т. 39. С. 247—264. С. 252.

² *Чернышевский Н. Г.* Народная бестолковость // Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 7. С. 828.

³ Там же. С. 848.

⁴ Там же.

И. С. Аксакову и за свидетельство о постепенном нарастании сочувствия в русском обществе к идеям славянофилов, в том числе К. С. Аксакова. Критик «Современника» упрекнул Ивана Сергеевича в «самохвальстве», а редакцию «Дня» в «совершенном забвении расчетов приличия и уместности»¹.

Значительная часть статьи Чернышевского была посвящена критике панславизма, пропаганду которого он усмотрел в газете «День». «А теперь, — писал он, — необузданные порывы воображения заставляют их говорить невообразимости и желать такого направления дел, которое одинаково было бы вредно и другим славянским племенам, и нам»². Ламанский отстаивал не имперский панславизм, а идею «постепенного распространения “нравственного” влияния России»³ прежде всего посредством популяризации русского языка и культуры в славянских землях. Чернышевский же считал такой культурный панславизм бесполезным, как тщетны любые «увещания, не поддерживаемые штыками»⁴. По мнению Чернышевского, европейские государства только приветствуют прогрессивные начинания в России и желают всяческого добра славянам, а сопротивляются их освобождению из-под власти турок и немцев лишь из опасений усиления влияния России, «поглощения» ею Дунайских княжеств и «обращения Константинополя в русский губернский город»⁵. Война за освобождение славян настроит против России все западные державы и вынудит их поддержать Турцию. В этой ситуации, желая помочь славянам, обращался он к славянофилам: «вы положительно вредите освобождению турецких славян, возбуждая тревогу в западных державах»⁶. Чернышевский высказывал убеждение, что, как только Россия перестанет участвовать в делах турецких и австрийских славян, они легко добьются освобождения, поскольку численно преобладают. Более того, заверение в помощи «поддерживает в самих славянах Австрийской империи гибельную для них беззаботность»⁷, а «расслабляющая перспектива чужой

¹ Там же. С. 832.

² Там же. С. 833.

³ Саприкина О. В. Академик В. И. Ламанский (1833—1914): научное наследие и общественная деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 21.

⁴ Чернышевский Н. Г. Народная бестолковость. С. 837.

⁵ Там же. С. 838.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

помощи»¹ провоцирует славян к бездействию. Славяне, уверял Чернышевский, должны освободить сами себя; они будут «оскорблены» подмогой со стороны России. Вмешательство России неизбежно приведет к войне, а «война слишком обременительна для нас при нынешних обстоятельствах», она «означает остановку нашего внутреннего развития»². Предлагаемый Чернышевским в статье итоговый рецепт освобождения славян выглядел следующим образом: «Любовь к славянским племенам состоит в том, чтобы желать им добра. Наше содействие не может быть им полезно, напротив, оно повредило бы им, возбуждая в Англии, Франции, Германии опасение, которое не допускало бы их освобождения. Любовь к ним требует от нас, чтобы мы откровенно говорили им: вы составляете несколько десятков миллионов человек; такому многочисленному населению не нужна никакая посторонняя помощь; довольно будет и того, если державы, которым нет прямой надобности быть вашими врагами, не будут противиться вашему освобождению. При этом условии вы сами легко можете одолеть прямых ваших врагов. <...> Наша помощь не нужна вам, была бы вредна вам. Да и нам самим было бы слишком тяжело воевать для вашего освобождения»³.

Со своей стороны славянофилы не видели доброй воли западных государств в деле освобождения славян. Чернышевский же считал призывы славянофилов к борьбе с Западом «бессмысленными» и упрекал своих оппонентов в «эгоистическом расчете подчинить их (славян. — А. М.), — тут не желание добра им, а желание увеличить собственное могущество»⁴.

Критик отмечал, что славянофилы «никак не могут рассуждать сообразно фактам и здравому смыслу»⁵. Однако статьи Ламанского и Лавровского, опубликованные в газете «День», приводили многочисленные факты, как раз опровергающие утверждения Чернышевского. Они состояли из фактов по преимуществу, были скорее статьями историческими, чем политическими. В ответной статье у Чернышевского была возможность показать, какие факты, обнародованные авторами «Дня», противоречат истории и действительности. Часть статьи, в которой Чернышевский отвечал Ламанскому,

¹ Там же. С. 839.

² Там же. С. 837.

³ Там же. С. 841.

⁴ Там же. С. 842.

⁵ Там же. С. 841.

оказалась, пожалуй, самой слабой. Он приводил обширные цитаты из публикации Ламанского, но не предложил их содержательной критики, а лишь приписал Ламанскому желание обязать всех славян перейти на русский язык и перекрестить их в русскую веру. Без каких-либо дополнительных аргументов Чернышевский воспроизвел свой тезис об отдельности малорусской народности, к которой принадлежат и русины, а их мнение о своем русском происхождении вывел из «вредных сентиментальных внушений» славянофилов, стремящихся, на самом деле, их подчинить.

В ближайших публикациях «Современника» Чернышевский еще дважды упоминал Ламанского, причем с явным намерением нанести ему обиду. В первом случае он отмечал, что в своих рассуждениях о русском народе Ламанский «ровно ничего не знает о русском народе», а если бы знал, то меньше бы бранил немцев. Во втором случае издевательски «предлагал новое драгоценное соображение» о древних славянских поселениях в бассейне р. Миссисипи, явно намекая на магистерскую диссертацию Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», незадолго до этого удостоенную Академией наук половиной Демидовской премией.

Свидетельства о Чернышевском в бумагах Ламанского встречаются редко. Менее чем через год, 5 мая 1862 г., он отбыл в свою первую и самую длительную заграничную командировку. Только теперь он вживую узнал «славянщину», свел знакомства со славянской интеллигенцией и учеными. Здесь он узнал о публикации на страницах «Современника» (1863. № 3—6) романа Чернышевского «Что делать?» В письме к родным он обращался с просьбой: «Напишите ради Бога о романе Чернышевского». Я всегда думал, что у Чернышевского нет ни малейшего художественного чувства, не токмо дарования. Если это правда, то роман должен это доказать делом»¹. И вскоре, в июне 1863 г., писал из Вены младшему брату Константину (судебному следователю): «Ну-с, читал я роман Чернышевского, правда только первую часть. <...> Давно я не читал ничего безвкуснее и бездарнее. <...> Пустое умничанье, резонерство. Скупая мораль, в страшно безвкусном изложении. Что за характеры, это куклы, марионетки, изображающие по воле умника-автора пороки и добродетели. Я не говорю об относительной верности учения. Положим, что все это истина, но тем не менее пошло, скучно и бездарно, как все нравственные и моральные повести. <...> Человек

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 51.

с большим умом не дошел бы и сам до такого смешного, жалкого самохвальства (в предисловии. — А. М.). Криминалист мой любезный, ведь это своего рода уголовщина находить в таком романе даже какие-то художественные достоинства. Самые приемы и манера рассказа обличают величайшую бездарность. Герцен, напр<имер>, не великий художник, его, напр<имер>, роман <“>Кто виноват<”> тоже сильно страдает моралью, тенденциозностью; зато видишь по крайней мере остро, умного человека, бойкого рассказчика... часто оригинального наблюдателя. Я рад, что Черн<ышевский> написал этот роман. Сначала по глупости и обезьянству будут хвалить, а потом раскусят и увидят, в чем дело. И какое жалкое подражание фран<цузским> романистам-социалистам»¹. В своем неприятии идейных основ романа и отрицании его художественных достоинств Ламанский не был одинок².

Впоследствии, вероятно, Ламанский и Чернышевский больше не встречались в жизни и не пересекались на публицистическом поприще. О судьбе писателя Ламанский получал сведения уже только от А. Н. Пыпина. К русинскому же вопросу ему еще не раз приходилось обращаться, хотя Ламанский и не оставил крупных исследований об этом. Знакомство со славянскими землями подтвердило опасения Ламанского о пагубности украинофильской пропаганды среди галицийских русинов. По результатам своей первой поездки (1862—1864) он опубликовал несколько работ. В одной из них, брошюре «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях», Ламанский отмечал: «Опасаясь утраты Галиции, Австрия всячески старается возбудить в Галицийской Руси искусственное нерасположение к России. Она не щадит никаких усилий и пожертвований, чтобы распространять в Галицкой Руси учение, подобное тому, что малорусское племя своим природным характером и историей отличается от великорусского гораздо более, чем, например, поляки и чехи и т. п.»³.

¹ Там же. Л. 57—57 об.

² Вайсман М. И. Проблемы освещения романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в научной и критической литературе (1863—2010) // Вестник Пермского ун-та. Серия «Российская и зарубежная филология». 2011. Вып. 3. С. 130—138; Щербачков Д. А. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в оценке публицистики и критики 1860-х годов // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 8. С. 50—53.

³ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб. : В тип. А. А. Краевского, 1865. С. 14.

Сознавая важность русинского вопроса для сохранения единства русской народности и продвижения русского языка среди западных славян, Ламанский всерьез задумывался над возможностью переезда в Угорщину. «Наши отношения с русскими вождями в Галиции самые интимные, — писал он И. С. Аксакову 23 сентября 1866 г., — и Бог даст, время не далеко, когда мы утвердимся в Карпатах, а там, теперь и предсказать нельзя самому прозорливому человеку, что будет далее. Верно только, что наш час настал. За себя могу только сказать, что я брошу дом, родных и переселюсь непременно в Галицию. К той деятельности, которая начнется там для русских, я чувствую особое влечение»¹. Ламанский не удовлетворялся одной кабинетной работой, его всегда отличала жажда практического дела, к сожалению, так и не нашедшая удовлетворения и нужных форм. Бездействие и непонимание власти, столь сокрушавшие Ламанского, вынужден был сорок лет спустя вновь констатировать один из учеников Ламанского, Н. В. Ястребов. В начале XX в. он писал учителю из Праги (5/18 декабря 1901 г.) о недопустимости откладывать решение галицкого вопроса. По словам Н. В. Ястребова, «в Галиции, когда появится “русский” университет, Академия Наук и прочее, будет создан для нас серьезный “малорусский” вопрос, может быть, наши потомки увидят повторение истории сербо-хорватских отношений в грандиозных размерах. И думается, что фраза о том, что “не пробил час”, прикрывает только немощь государственной мысли и воли»².

Два десятилетия спустя после полемики с Чернышевским Ламанский с горечью свидетельствовал, что ассимиляционные процессы в Галиции дали свои отрицательные плоды. Галицийская интеллигенция не только сменила русскую идентичность на польскую, но и заразилась агрессивной русофобией. «Известная часть галицийско-русской интеллигенции, — признавал Ламанский, — глядит на нас русских, на *москалей*, глазами чисто польскими. На наш взгляд, она не может и не должна быть нами отделяема от поляков. Для нас это, действительно, *gente Rutheni, natione Poloni*. Это поляки же, только русского происхождения и восточного обряда. Есть же у нас поляки, сами себя называющие поляками православного исповедания. <...> Вражда известной галицийско-русской партии к России, от полного ее непонимания, объясняется пятисотлетним почти господством

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 70—70 об.

² Там же. Ед. хр. 1606. Л. 102 об.—103.

поляков в этой захудалой, оторванной еще в XIV в. от народного ядра, русской земле, продолжительным в ней хозяйничаньем евреев, иезуитов, австрийцев. Эта жалкая и приносящая вред только самой же захудалой, ополяченной русской интеллигенции вражда вызывает в нас не столько негодование, сколько требует снисхождения и извинения. Надо еще удивляться и остается только радоваться и благодарить Бога, что в русской Галичине далеко не такова вся русская интеллигенция»¹. Ламанский видел пагубность для самих поляков ассимиляции галицийских русинов и навязывания им антирусского мировоззрения, поскольку человеконенавистническая идеология разрушительна для народа и его культуры. «Но мы энергично протестуем против той системы действия, какую практикуют нынче Поляки в Восточной Галиции, и скорбим об этом, видя в этом доказательство, что, к несчастью, они остались прежние, ничего не забыли и ничему не научились. От этого поведения Поляков по отношению к русской народности в Галиции можно ожидать только вреда и печальных последствий для самих Поляков», — писал он в предисловии к изданию документов из венецианских архивов². Полное представление о взглядах Ламанского на судьбу Галиции можно получить только в рамках его цивилизационной концепции и интерпретации «восточного вопроса», в частности³.

Полемика между журналом «Современник» и газетой «День» показала, насколько плохо русская образованная публика знакома с русинским вопросом и готова на слово верить призывам радикального публициста. Статьи Ламанского и Лавровского знакомили с историей русинов и особенностями формирования русского литературного языка. Имела ли критика Ламанским Чернышевского какой-то результат или влияние? Скорее, нет. Статья Ламанского послужила славянофилам самоуспокоением в своей исторической и научной правоте. Сбылись лишь худшие опасения Ламанского, во многом подтверждающие верность его анализа и оценок.

¹ Ламанский В. И. О положении болгарских славянских дел с точки зрения историка и слависта // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 12. С. 559.

² Ламанский В. И. «Государственные тайны Венеции» (Secrets d'État de Venise et rapports de la République avec les Grecs, les Slaves et les Turcs au XVI siècle. Documents, extraits, notices et études. St.-Petersbourg, 1884 (том в 65 листов убористой печати) 8) // Русь. 1883. 15 нояб. № 22. С. 33.

³ Шульга М. А. «Русинский вопрос» и геополитические миры Владимира Ламанского // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2. С. 15–26.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КАРЬЕРА

Вообще в Университете мы не имеем никакой опоры, никакого голоса.

*Из письма И. С. Аксакова В. И. Ламанскому.
4 августа 1859 г.*

Успешно защищенная диссертация и престижная Демидовская премия не только повышали самооценку молодого исследователя, но и открывали перед ним возможности ученой карьеры, в том числе преподавания в университете. Именно как будущего коллегу отметил Ламанского в своем дневнике (3 января 1858 г.) известный профессор А. В. Никитенко: «Ламанский, даровитый молодой человек, приготавливающийся занять у нас в университете кафедру славянских наречий»¹. В апреле 1862 г. Ламанский был причислен к Министерству народного просвещения. Новый министр А. В. Головнин, судя по сохранившейся переписке симпатизировавший Ламанскому, способствовал осуществлению его давней мечты — командировке с ученой целью в славянские земли. Самая длительная заграничная командировка Ламанского продолжалась без малого два с половиной года: из Петербурга он выехал 5 мая 1862 г. и вернулся 1 ноября 1864 г. Эта поездка стала одним из важнейших событий в научной биографии Ламанского. До этого времени его занятия «славянщиной» носили книжный и умозрительный характер в духе романтического народолюбия и славянофильства. Ламанский посетил славянские земли Австро-Венгрии, Нижней и Верхней Австрии, побывал в Италии, Греции, Сербии, несколько месяцев прожил в Константинополе, где близко сошелся с К. Н. Леонтьевым. Он не только изучил славянские языки и заложил основы своей богатой библиотеки, но и приобрел обширные знакомства среди славянских ученых, со многими из которых поддерживал отношения на протяжении нескольких десятилетий.

¹ Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955. Т. 2. С. 5.

Ламанский получил известность среди славянской интеллигенции, а его последующая научная и, может быть, даже в большей степени публицистическая деятельность только ее укрепила.

Собранные в результате командировки материалы и новые знания Ламанский решил использовать при написании докторской диссертации. Вернувшись в Петербург, он признавался И. С. Аксакову в письме 9 декабря 1864 г.: «Теперь занимаюсь докторскою диссертациею. Темою выбрал законник Стефана Душана. Быть может, мне придется ехать в Одессу»¹. Упоминание Одессы не связано с необходимостью занятий в библиотеке или архиве. Служба по Министерству народного просвещения давала возможность перейти в университет, чтобы продолжить научную деятельность, без которой Ламанский уже не мыслил своего существования. Императорский Новороссийский университет в Одессе был образован на основе Решельевского лицея в мае 1865 г. И. И. Срезневский рекомендовал министерству (вероятно, еще в 1863 г.) своего ученика в качестве кандидата на занятие должности профессора². В Одессу Ламанского сватал и Л. Н. Майков, писавший, что «Артемьев, который теперь в Одессе, спрашивает меня, по просьбе Григоровича, не захотели ли бы Вы перейти в Одесский университет. Напишите мне, что ответить на такой вопрос. Это последнее дело надо держать в секрете, потому что у Вас есть конкурент в лице Макушева»³. 11 января 1865 г. Ламанский писал И. С. Аксакову: «В Одессу мне предлагают на условиях невыгодных, да и жаль покидать матушку. Здешний же Университет мне чуть прямо не говорит, что иметь меня не желает, предлагает мне быть в нем приват-доцентом, т. е. простым преподавателем без голоса и без жалованья. Словом, мне предлагают то, от чего я отказался еще пять лет тому назад.

Я не могу выйти из Министерства Просвещения, а то бы плюнул на университет и искал бы места в миссии, где-нибудь в Турции. И почто много у нас так людей по ученой части!

Кажется, я кончу тем, что поступлю, ибо обязан служить, в одно из уездных училищ.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 64 об.

² *Маркевич А. И.* Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета : Историческая записка и академические списки. Одесса : Экономическая тип., 1890. С. 114.

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 892. Л. 69—69 об.

Вы посмеетесь надо мной, Иван Сергеевич, над моим самолюбием. Может и я посмеюсь, да после, а теперь мне живется скверно и гадко»¹. Ламанский действительно вошел в состав профессуры Новороссийского университета, но лишь 17 марта 1883 г. как почетный член. В том же году он был избран почетным членом Университета св. Владимира в Киеве².

Весной 1865 г. Срезневский, декан историко-филологического факультета, инициировал избрание Ламанского на кафедру славянской филологии. Необходимость нового сотрудника объяснялась загруженностью декана и увеличением количества преподаваемых славяноведческих дисциплин. 15 марта 1865 г. Срезневский писал Ламанскому: «Вчера подал Ректору бумагу о Вас в дополнение к прочим»³. Он полагал, что вопрос о Ламанском будет рассматриваться в заседании «для выбора Менделеева»⁴.

26 апреля 1865 г. Ламанский был принят на кафедру славянской филологии Санкт-Петербургского университета в должности приват-доцента. В письме И. С. Аксакову 3 сентября 1865 г. он предварял содержание своей вступительной лекции: «Теперь весь занят лекциями. Начинаю во вторник, скажу вступительное слово, между прочим о Хомякове, Киреевском, Вашем брате»⁵. Вступительное чтение Ламанского было опубликовано в Москве в аксаковской газете «День» (1865. № 50—52), в венском журнале «Золотая грамота» (1865. № 23; 1866. № 25), а также вышло отдельной брошюрой⁶. Вступительное чтение, в котором, по существовавшей традиции, преподаватель излагал свое видение предмета, имело публичный характер. Ламанский прямо заявил о своих славянофильских взглядах и связал успехи отечественной славистики с деятельностью славянофильского кружка или, как он писал, «Московской школы». Курсы Ламанского носили строго «аналитический» характер, т. е. касались истории и литературы славянских народов. Однако первая лекция, по его признанию, была посвящена «синтетическому подходу» или «философско-историче-

¹ Там же. Ед. хр. 1. Л. 64—65 об.

² Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ РАН). Ф. 166. Оп. 3. № 615. Л. 59.

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1323. Л. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Ед. хр. 1. Л. 69.

⁶ [Ламанский В. И.] Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского. М. : В тип. Бахметьева на Малой Дмитровке № 14, 1865. 32 с.

ским воззрениям». В духе историософии А. С. Хомякова он признавал основополагающее значение веры для истории и культуры народов. По его словам, «все когда-либо известные цивилизации всегда были и будут находиться в теснейшей связи с системами народных верований, всегда бывают ими проникнуты и одушевлены. Вера человека — это он сам; Вера народа — сам народ»¹. В первой лекции Ламанский давал свое видение русского западничества (или *униатства*, как он выражался) и европейской цивилизации, славянофильства и русского народа, отношения немцев к славянам, истоках панславизма и геополитической роли русского языка.

В последующие годы Ламанский также иногда позволял себе в начале лекционного курса обозначить те философско-исторические позиции, с точки зрения которых он подходил к рассмотрению конкретного содержания своего предмета. В основном Ламанский читал лекции и вел занятия по истории славянских народов, редко обращаясь к собственно славянской филологии. Приглашенный по инициативе Ламанского на кафедру славянской филологии И. В. Ягич писал из Петербурга 16 ноября 1880 г. И. А. Бодуэну дэ Куртенэ, что «наши студенты знают по филологии немного: под влиянием Ламанского они занимались до сих пор почти одной только историей»². За долгие годы преподавания в Санкт-Петербургском университете он читал многочисленные курсы по славянским языкам, истории и литературе: «Польская грамматика и чтение образцов старопольского языка» (1867—1868), «Историко-этнографический обзор славянских наречий и народностей вне России» (1867—1898), «История славян» (1870—1898), «История славянских литератур» (1871—1891), «История польской литературы» (1873—1884), «Критический обзор источников древнеславянской истории» (1877—1887), «История Чехии и Польши в XV и XVI вв.» (1881—1899), «История новейшей польской литературы (Мицкивич, Словацкий, гр. С. Красинский)» (1884—1885), «История чехов со времен Ренессанса в период Реакции (Gegenreformstion) до Белогорской битвы и новейшего Возрождения включительно. Чехи при Фердинанде II и Петре Великом» (1884—1885), «Чтение отрывков старочешской литературы» (1885—1886), «Пособия для истории Чехии (Историограф Чехии Ф. Палацкий и исторические труды Шайнохи, Бобржинского и Прохазки)» (1885—1886), «Чтение

¹ Там же. С. 3.

² Письма И. В. Ягича к русским ученым. 1865—1886. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 203.

отрывков старочешской литературы (Ф. Штитный, Я. Гус, Хельчицкий, Вшегорд, Благослав и Я. А. Коменский)» (1885—1886), «История Чехии и Польши в XV в.» (1885—1886), «Обзор источников истории Гуситской эпохи» (1885—1886), «Возрождение славянских народностей с половины XIX в.» (1886—1887), «Критический обзор источников древнеславянской истории: византийцы, арабы и романо-германцы (историки, летописцы и географы). Славянские источники» (1886—1887), «История западных (южных и северных) славян с VI в. до конца XII или начала XIII вв.» (1886—1887), «История славянских народов в XV—XVII вв.» (1886—1887), «Чтения образцов славянских наречий с историко-грамматическими и историко-литературными введениями перед каждым наречием и толкованиями при чтении перевода отрывков из памятников древнего, среднего и нового периодов» (1886—1887), «Общий обзор славянских народностей и наречий с чтением и толкованием памятников западнославянских наречий, преимущественно сербохорватского, чешского и польского» (1887), «История юго-западных и северо-западных славянских земель и народов с VI до XIV века» (1887), «История юго-западных и северо-западных славян до половины XV века» (1888), «Историческое развитие Далмации, Хорватии, Чехии и Польши в XVI веке и первой половине XVII века под влиянием Возрождения, Гуситства и Реформации» (1888), «Введение в славяноведение» (1889—1899), «Западные славяне и их земли» (1889), «История славянских народов» (1889), «История юго-западных славян» (1890), «Славянские древности» (1891—1892, 1899), «История западнославянских народов (южных и северных) с XV века до новейшего времени с большим обращением внимания на западнославянские литературы» (1893—1894), «История славянских народов в средние века до второй половины XV века» (1893—1894), «Историко-этнографический обзор юго-западных славянских народностей, как введение в славяноведение, с указанием важнейших пособий по истории, этнографии и диалектологии славянской, с разъяснением важности для славистики знакомства с главнейшими трудами по литвоведению, германоведению и романоведению» (1894—1895), «История славянских народностей со второй половины XV века» (1894—1895), «Историко-этнографический обзор юго-западных и северо-западных славянских народов» (1894—1896), «Историко-этнографический очерк юго-западных славянских народностей (болгар, сербов, хорватов и словенцев), с критическим обзором важнейших трудов русских и иностранных по древностям, политической и культурной истории этих народов,

об их языках, наречиях и говорах, об этнологическом составе этих народностей, их народной поэзии и быте и, наконец, об историческом развитии их письменности и словесности» (1896—1897), «История славянских народов до XIV в. Практические занятия для желающих: перевод, разбор и толкование известных отрывков Адама Бременского и Титмара, Фомы, архидиакона Сплитского, далматинских и венецианских грамот (касательно Далмации из сборников Рачкого и Любича)» (1896—1897), «История западных славян в новое время» (1897—1898), «Обзор славянских народностей» (1897—1898), «Чтение и разбор некоторых сочинений Гуса и П. Хельчинского и некоторых документов относительно гуситов» (1898—1899), «Северо-западные славяне. Статистическо-этнографические очерки. Характеристика наречий и чтение образцов» (1898—1899), «История чехов в Гуситский период (с конца XIV в. до смерти Ю. Подебрада)» (1898—1899), «Важнейшие эпохи истории славянских народов в средние века» (1898—1899), «Практические занятия: разбор некоторых свидетельств и документов по сборнику Рачкого» (1899), «Сербскохорватская литература в Далмации и Дубровнике с XV в. по XVIII в.» (1899), «Чтение и разбор Adami Бременского “Gesta Hammaburgensis Ecclesiae pontificum ex recens. Sappenbergi in usum scholarum ex Monum. Germ. Hist. Recens (I часть)”» (1899), «Славянские наречия (сербохорватское, словенское и чешское)» (1899).

Подготовка к занятиям отнимала много времени. Большая часть опубликованных Ламанским работ была так или иначе связана с его преподавательской деятельностью, а славистические исследования находили отражение в лекционных курсах. Он постоянно обновлял содержание своих лекций, вводил в научный оборот новые материалы, знакомил студентов с последними достижениями славяноведения. В письме И. С. Аксакову 2 декабря 1881 г. Ламанский признавался: «Обо мне, говорите, ни слуху, ни духу. Дело в том, что лекции и приготовления к ним занимают много времени. Читаю Чехию и Польшу в XV—XVI в. Приходится много читать всякого рода старья. Кроме того, занят еще нашим Истор<ико->Филол<огическим> Общ<еством> при Унив<ерситете>, где я председателем и затеваю маленький пока периодический его орган. Стараюсь побольше привлечь сил, молодых особенно. Может, если наладится и будет польза не только учено-литературная, но и общественная»¹. В письме

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 163 об.

к Ламанскому по случаю его пятидесятилетнего юбилея К. Н. Бестужев-Рюмин отмечал: «Ваши лекции постоянно были новостью, плодом Ваших собственных изысканий. Случай у нас, к сожалению, не частый»¹. Преподавание (с 10 ноября 1872 г. в течение четверти века в Санкт-Петербургской Духовной академии Ламанский также занимал кафедру русского и церковнославянского языка (с палеографией) и истории русской литературы) и литературный труд были единственными источниками его доходов. Переписка Ламанского позволяет восстановить и размер гонораров, которые он получал в разных изданиях. Так, «Журнал Министерства народного просвещения» платил по 50 рублей за печатный лист, «Русский вестник» М. Н. Каткова — 85 рублей, в изданиях А. С. Суворина — 100 рублей, «Христианское чтение» выплачивало Ламанскому от 90 до 100 рублей. К И. С. Аксакову Ламанский обращался с просьбой поднять гонорар за публикации в газете «Русь» с 50 до 75 рублей. Разраставшаяся семья требовала и новых расходов. Ламанский нередко обращался к своим издателям с просьбой выслать деньги вперед под будущую статью. Порой накануне зарплаты (20 числа) ордена и часы были заложены в ломбарде.

Трудолюбие было не только чертой характера Ламанского, но и условием его выживания. Затруднительное материальное положение, в котором он часто оказывался, отзывалось пессимистическими нотками в его переписке. При этом собственно научные работы редко приносили литературный доход, а оплачиваемая публицистика требовала отвлекаться на вызовы современной жизни и политики. Сознывая противоречие между исследовательской работой и актуальной журналистикой, он, не сомневаясь, выбирал науку. «Я никуда и ничего не пишу, — признавался он в письме И. С. Аксакову 25 сентября 1867 г., — и дал себе слово несколько времени не заниматься вовсе современными вопросами. Современность и то слишком много поглотила у меня времени в эти два года. Я теперь засел за свой рабочий стол, никуда почти не выезжаю и занимаюсь наукой, как только силы позволяют. Ужас ведь берет, что вот уже 34 года и ничего для науки не сделал. Если мы, профессора, не будем серьезно трудиться, то кому же делать?»² Рассказывая тому же корреспонденту о смерти А. Ф. Гильфердинга, он писал: «Число хороших людей, наших в тех сферах все уменьшается. Являются новые, гадкие,

¹ Там же. Ед. хр. 215. Л. 3 об.

² Там же. Ед. хр. 1. Л. 80.

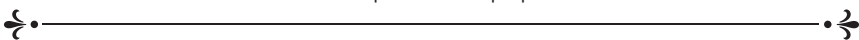
паршивые. Глядя на окружающее и достаточно его узнавши, я все больше и больше удаляюсь в мою келью рабочую да к тем радостям личного счастья, которые нахожу с любимой женщиной. Людям богатым, независимым конечно можно практически трудиться внутри России, подальше от Петербурга. Но нашему брату все пути заказаны. Для меня теперь нет другого идеала, как приготовить несколько молодых людей в хороших писателей и ученых, да написать несколько исследований, которых обругают при первом появлении и которых забудут читавшие через год. Сделаешь ли и это? Может, злая, безжалостная смерть наметила меня, как одну из ближайших своих жертв? Где прежняя безумная отвага юности? Знаешь теперь одно, что не все то хуже, что глупее»¹. В недатированном письме своему ученику А. С. Будиловичу Ламанский давал довольно резкие характеристики как своим коллегам, так и состоянию университетской науки. «Между тем, — замечал он, — дела наши пока обстоят очень плохо. У Аксакова и Каткова талантливых сотрудников и премников нет, они оба уже не молодые люди. <“>Новое время<”> вообще пусто и пошло. Все же прочее в Москве и Петербурге дрянно, гадко и гнило. И наш и Моск<овский> унив<ерситет>, конечно, не худшие в России, скорее даже лучшие. А что в них? На несколько умных и заслуженных действительно людей великое число тупиц самодовольных и, что еще хуже, пошлых, безмозглых болтунов-либералов. Вы посмотрите, что теперь в России русская история. У Вас Никитский, по-моему, самый дельный и серьезный человек по этой части. Иловайский срамится, не чувствуя этого, своими глупыми и невежественными <работами> о варягах, болгар<ах>, наконец, гуннах. Бестужев давно уже решительно ничего не делает и делать не способен. Замысловский хороший человек, основательный, но слишком, по-моему, узкий и ограниченный. Ключевский же в делах. Теперь вм<есто?> Буслаева Москва обращалась уже к Пыпину, когда тот отказался, прибила к Веселовскому Алексею. Ведь это все страшный упадок. Нил же Попов глупый и ограниченный человек и уже совсем не ученый. У нас молодых дельных людей совсем нет ни по русской истории, ни по русск<ой> словесности»². Современный исследователь вполне справедливо может усомниться в объективности отзывов Ламанского. В письме он выражал свое внутреннее ощущение от происходящих в русской науке процессов.

¹ Там же. Л. 86.

² Там же. Ед. хр. 14. Л. 4 об.—5.

Выходом из того пессимистического состояния, в котором оказался Ламанский, ближе познакомившись с академической средой и университетской наукой, и способом экзистенциального оправдания своего существования или даже выживания для него стала сама наука. Вернувшись в университет, он начал обдумывать докторскую диссертацию. Вначале Ламанский предполагал подготовить исследование по истории обычного права у славян, в частности, завершить работу о «Законнике» Стефана Душана. Однако в скором времени отказался от этого плана. Его докторская диссертация стала продолжением диссертации магистерской, но продолжением не фактологическим, а смысловым, историографическим и философским. В докторской диссертации он решил дать политическую и историософскую интерпретацию историографическим фактам, а именно проследить мнения европейцев о славянах, отраженные в исследовательской литературе. Ламанский намеревался вскрыть содержание европейского сознания и показать, как ментальные факты (мнения о славянах) отражаются в фактах реальных (истории и политике). Прежде всего, он сосредоточился на взглядах немецких ученых, поскольку немцы теснее всего контактировали со славянами на протяжении целого тысячелетия, а немецкая наука во многом определяла представления других европейских народов о населении Восточной Европы. Еще в магистерской диссертации он исходил из той предпосылки, что европейская наука неотделима от насущных задач европейской политики, а интерес немецких ученых к славянству вызван германским экспансионизмом. «Ясно, кажется, что самые жизненные интересы влекут Германию к поглощению Славянских народностей, к онемечению Славян западных и южных», — отмечал он на магистерском диспуте¹. Немецкая наука призвана оправдать этот экспансионизм и помочь политикам найти слабые места в славянстве, разобщать славянские народы, чтобы успешнее их поработать и ассимилировать. Уяснение идеологической основы европейской науки необходимо в первую очередь самим славянам. В отличие от военной силы, европейская наука пытается представить процесс поглощения славян романо-германцами как неизбежный и благоприятный для самих славян. Убежденные в пре-

¹ Ламанский В. И. Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Русская беседа. 1860. Кн. 19. № 1. С. 143.

восходстве западноевропейских народов и их культуры, славяне начинают добровольно стремиться к ассимиляции, желая стать «европейцами». Ламанский же собирался показать, что на самом деле думают европейцы о славянах. Менее чем через два года после защиты магистерской диссертации он писал И. С. Аксакову 9 октября 1861 г. о своих планах: «Надо ознакомить со взглядами Германии на нас не только наших дураков, но и других Славян. Пусть они видят, что если их ценит Германия и боится, то только из-за Русских. Надо сбить спеси с Чехов, открыть глаза Полякам»¹. В докторской диссертации эта задача сформулирована менее резко. Ламанский называет свою работу исследованием «о некоторых мало разработанных или неправильно понимаемых вопросах и частях политической и культурной истории Восточной Европы или Греко-Славянского мира, как средних, так и новых веков»².

Основные идеи диссертационного исследования Ламанский сформулировал еще в 1868 г. в речи на годовичном акте в Санкт-Петербургском университете. Речь была озаглавлена практически так же как и будущая диссертация «Об изучении греко-славянского мира в Западной Европе». Как отмечалось в газетном обзоре, «речь Ламанского произвела впечатление на присутствовавших и, вероятно, появится в “Журнале Министерства Народного Просвещения”»³.

Для сбора необходимых материалов и завершения докторской диссертации Ламанский отправился в заграничную командировку. Большую часть времени он проработал в Венецианских архивах и библиотеках. Это была, пожалуй, самая плодотворная командировка Ламанского. Он не только фактически завершил работу над диссертацией, но и собрал богатый архивный материал, частично опубликованный отдельным томом «*Secrets d'État de Venise et rapports de la République avec les Grecs, les Slaves et les Turcs au XVI siècle. Documents, extraits, notices et études*» (СПб., 1884).

За границей Ламанский пробыл более года: покинув Петербург весной 1868 г., он вернулся в Россию в июле 1869 г., посетив Прагу, Загреб, Люблян, Удину, Милан и около года прожив в Венеции. В это же время в «Журнале Министерства народного просвещения» был опубликован небольшой цикл его статей «Непорешенный вопрос»,

¹ Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. XII. С. 93.

² Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб. : Тип. Майкова, 1871. С. I.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1868. 9 (21) февр.

получивших высокую оценку среди славистов. В них Ламанский сформулировал свой взгляд на происхождение древнеславянского и русского языков, обосновывая возможность русского языка стать общеславянским литературным, научным и дипломатическим языком; касался болгарского языка и письменности XVI—XVIII вв. В статьях цикла Ламанский дал обзор грамматических и словарных особенностей новоболгарской рукописи из Люблянской библиотеки и выдвинул гипотезу о том, что в X—XI вв. существовало особое наречие, отличавшееся от церковнославянского языка и близкое по особенностям к среднеболгарскому наречию. Он также высказал мысль о смешанном характере церковнославянского языка. Л. Н. Майков, редактировавший статьи Ламанского в «Журнале Министерства народного просвещения», делился с ним своим впечатлением и передавал реакцию Срезневского. «Если хотите знать мое мнение о первой статье, — писал он 23 января 1869 г., — то мне она показалась несколько растянутою; должно быть, Вы торопились, когда писали, или, может быть, не довольно внимательно перечитали потом. Вторую статью Срезневский хвалит чрезвычайно и придает ей большое значение; он хотел о ней говорить в Академии и сказал мне, что если Георгиевский затрудняется поместить в журнале приложение к этой статье, то он, Срезневский, готов их напечатать в Записках Академии»¹. Отвечая на редакторские замечания Л. Н. Майкова, он торопил приятеля: «Щадя мое Сумароковское самолюбие, Вы написали мне так деликатно. Но в год, что мы не виделись, я состарился и стал несколько умнее, если написал вздор, готов сейчас отказаться от него, сознавшись в нем откровенно. Но зато первую половину 2 статьи печатайте, пожалуйста, так как нужны деньги»². Во второй статье Ламанский предпринял разбор болгарской рукописи XVII в., хранящейся в Любляне, и болгарского исторического сборника XVIII в., принадлежавшего Н. Герову. 13 января 1869 г. Срезневский писал Ламанскому в Италию: «Не могу потому не радоваться, что Вы обратили на эту рукопись такое усердное внимание и разобрали ее подробно. Статья Ваша о ней мне кажется превосходным вкладом в нашу и вообще славянскую филологическую литературу»³. «Я сказал искренно, — продолжал он, — что мне кажется <...> что Ваш разбор Болгарской рукописи — дорогая вещь в ряду явлений нашей

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 892. Л. 5 об.

² Там же. Ед. хр. 53. Л. 1 об.

³ Там же. Ед. хр. 1323. Л. 16 об.

филологической литературы, а еще дороже Ваша неутомимая деятельность, сознательная и бескорыстная»¹. А. С. Будилович со своей стороны подтверждал высокую оценку Срезневского. Он писал Ламанскому в Венецию 16 ноября 1869 г.: «Ваша статья напечатана в 1-й кн. Ж<урнала> М<инистерства> Н<ародного> П<росвещения> — и Срезнев<ский> отзывался об ней с больш<ими> похвалами — но я — грешный — до сих пор не могу еще уловить этой книги и подвергнуть строгой критике сочинение моего учителя»². Срезневский предлагал представить эти статьи в Совет историко-филологического факультета в качестве диссертации. По возвращении из Венеции докторская диссертация Ламанского, получившая заглавие «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (в «Протоколах Совета Императорского Санкт-Петербургского университета» она значится как «Исследование об изучении греко-славянского мира в Европе»), была в большинстве своих частей завершена.

В 1870 г. Ламанский опубликовал диссертацию в журнале «Заря»³. А. С. Будилович, извещая его о выходе нового повременного издания, отмечал: «Страхов предложил славянствовать в <“>Заре<”>»⁴. Новый журнал Ламанскому анонсировал и Л. Н. Майков. 2 декабря 1868 г. он писал ему в Венецию: «Из литературных новостей одна довольно крупная. Это предстоящее издание “Зари”, с редактором Страховым. Признаюсь, побаиваюсь, что из этого органа “русской” партии ничего не выйдет, хотя бы и очень не хотелось того. Хватит ли у Страхова энергии составить хороший кружок постоянных сотрудников? Да и <...> у нас теперь какое-то такое странное время, что чрезвычайно трудно определить, чего именно хочет общество и чем его можно удовлетворить. “Заре” обещали сотрудничество хорошие люди, но насколько они примут ее интересы к сердцу, и не будут ли их статьи случайностью? Страхов, между прочим, сильно рассчитывает на Вас и Миллера. Бестужев и Градовский дают статьи, кажется, чуть ли не для первой книжки. Кроме того, идет вещь Данилевского, и хотят непременно выпросить что-нибудь у Попова и Гильфердинга. Из романистов Писемский продал в Зарю новый свой роман Люди

¹ Там же. Л. 17 об.

² Там же. Ед. хр. 267. Л. 23.

³ Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе // Заря. 1870. № 1. С. 8—67; № 2. С. 1—65; № 5. С. 1—77; № 12. С. 44—161.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 22.

сороковых годов, а Толстой что-то обещал»¹. Публикация в «Заре» труда Ламанского должна была поддержать славянофильское направление журнала. В 1871 г. диссертация вышла отдельной книгой², а 21 февраля 1871 г. она была успешно защищена. 1 марта 1871 г. Совет Санкт-Петербургского университета утвердил «Ламанского в степени Доктора Славянской Филологии»³.

Близкая по идеям и взглядам к вышедшей в то же время книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (отдельное издание 1871 г.), диссертация Ламанского почти не встретила откликов в русском обществе и печати, а со временем она и вовсе оказалась в тени известного труда Н. Я. Данилевского. «Отечественные записки» предприняли обзор последних публикаций в журнале «Заря», в фельетонном стиле раскритиковав «Россию и Европу» Н. Я. Данилевского и диссертацию Ламанского. Упражняясь в красноречии, критик «Отечественных записок» вышучивал взгляды славянофилов. О самих же книгах было сказано немного. Так, например, работе Ламанского было отведено всего две страницы. В частности, критик отмечал, что автор «наполняет свой глубокомысленный труд тем, что делает ряд вздорных выписок из различных немецких писателей, ругающих славян, и затем занимается серьезным опровержением этих порицаний! <...> Не будем говорить, на сколько грустных мыслей наводит подобного рода диссертация, мыслей о том, до какого жалкого состояния дошла наша наука, если получение докторской степени возможно за такое гимназическое сочинение; не будем говорить о злой иронии, которая представляется нам в том факте, что до такого посмешища доводят науку люди, которые только и думают, что о самостоятельности науки на русской почве!»⁴. Цель книжного обзора состояла в том, чтобы задеть авторов, а не оценить их труд или предложить иной взгляд на изучаемую проблему. Рецензент «Отечественных записок» старался показать, что сам предмет исследования настолько нелеп и ничтожен, что достоин только упоминания в газетном памфлете, а не целой диссертации. Письма Ламанского свидетельствуют о том, что стиль журнальной рецензии обидел его, но не поколебал убеждений.

¹ Там же. Ед. хр. 892. Л. 4, 4 об.

² *Ламанский В. И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. 1871. 316 с.

³ Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за вторую половину 1870—1871 академического года с приложениями. № 4. СПб. : Печатня В. И. Головина, 1871. С. 35.

⁴ Новые книги // Отечественные записки. 1871. № 5. С. 81.

Из ближайших отзывов на книгу можно указать на обзор истории славяноведения в России (до 1872 г.), опубликованный в киевском «Славянском ежегоднике». В нем книге Ламанского был посвящен один абзац, в котором отмечалось: «С достойным удивления усердием и остроумием автор изобразил немецкие взгляды на славян, на их историю, народный характер и проч. Картина начертана необыкновенно талантливо. Чтение этой книги производит такое впечатление, как будто вы находитесь в доме умалишенных, где не знаете, должны ли вы больше удивляться безумным воззрениям или сожалеть о жалком ослеплении и душевной болезни этих пациентов. Для успеха исторической правды мы должны желать, чтобы проф. Ламанский с тем же усердием изложил мысли и взгляды тех немецких ученых, которые сумели возвыситься над инстинктом племени и воздать славянам принадлежащее им по праву. Славянская наука с уважением вспоминает имена Гердера, Якова Грима, Шмеллера и др. Их вниманием к славянству значительно вознаграждены патологические заблуждения их же земляков»¹.

В качестве еще одного отклика на книгу Ламанского можно привести мнение известного слависта П. А. Лавровского, высказанное им в письме Ламанскому 23 февраля 1871 г. Десятилетием ранее Ламанский и Лавровский совместно полемизировали на страницах аксаковской газеты «День» с Н. Г. Чернышевским, одобряя намерение галицийских русинов, в частности редакцию газеты «Слово», перейти на русский литературный язык. Ламанский явно воспринимал П. А. Лавровского в качестве единомышленника, готового принять его историософские обобщения. «Не скрою впечатления, — писал П. А. Лавровский, выражая благодарность за присланный экземпляр, — какое произвела на меня Ваша книга. Оно похоже на то, как если бы долго заключенного в мрачной и смрадной темнице разом вывели на свет божий, при сильном солнечном освещении разнообразной и красивой местности с благоухающей растительностью.

Действительно, Ваша книга сильно поколебала мою хандру именно по поводу вопроса о современном и грядущем положении Славянства. Я начал было уже свыкаться с его безотрадностью, ввиду совершившегося у соседа и совершающегося, точнее — ничего не совершающегося или очень, очень мало у самих Славян. Розовый цвет,

¹ Успехи славяноведения в России до 1872 года. По А. А. Майкову, П. А. Лавровскому и А. А. Котляревскому // Славянский ежегодник : Календарь на 1876 год. Киев : Тип. К. Н. Милевскаго, 1876. С. 46.

которым прикрыли Вы последующую судьбу Славянства, уверенность Ваша в действительности такого, а не иначе поворота в этой судьбе, решительный и определительный тон Ваших заявлений освежили мои мысли и повернули было их в другую сторону.

К прискорбию, чем больше вникаю в сущность вопроса и постановку национальностей в начинающейся драме, тем принужденнее снова склоняюсь к прежним сомнениям. Мне даже представляется некоторый анахронизм в этой постановке, существовавшей скрытно и прежде, но теперь разоблачившейся явственнее и грознее. Анахронизм усматриваю я в очевидном несоответствии нравственных сил резче выступивших друг против друга борющихся сторон. На одной половине рисуетя сосредоточенное единство, сплоченное живым сознанием и широким и глубоким образованием; другая половина все еще продолжает мелкие, тем не менее не редко ядовитые, разъедающие счеты, при господствующей еще бессознательности общей задачи и цели, даже при детском неведении опасности; ясное понимание коснулось лишь крайних верхушек. Словом, думаю я, мы стоим в этом отношении на той ступени, которую занимал неприятель не меньше полувека назад. Готов согласиться, что Славянство, с новыми средствами, с усиленной ревностью руководителей, пойдет сравнительно быстрее. Но разве будет в это время дремать изловчившийся и знакомый лучше нас с нашими слабостями сосед?»¹

С энтузиазмом воспринял книгу Ламанского В. В. Макушев, помогавший ему собирать материалы в итальянских архивах. Он писал Ламанскому из Венеции 5/17 марта 1871 г.: «Читаю с жадностью Вашу славную книгу. Прочел пока только 1-ую главу и начал 2-ую. Когда покончу, напишу Вам, что об ней думаю»², а 3 апреля 1871 г. уже из Варшавы приветствовал Владимира Ивановича: «Поздравляю Вас с докторскою степенью, которую Вам следовало давным-давно дать без всяких диссертаций»³.

Формально диссертацию Ламанского следует считать историографической. Однако отбор высказываний европейских, прежде всего немецких, ученых и публицистов о славянах не оставлял сомнения как в предвзятости этих высказываний, так и тенденциозности самой подборки. С содержательной стороны работу Ламанского следует отнести скорее к философии истории, чем к историографии.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 818. Л. 8—9.

² Там же. Ед. хр. 898. Л. 89 об.

³ Там же. Л. 92 об.

Критика немецких воззрений на славянство послужила для него поводом сформулировать историософскую концепцию. Проведенное Ламанским исследование явно дополняло вышедшую в том же году книгу Н. Я. Данилевского. Если Н. Я. Данилевский наполнил свой труд большим количеством исторических и политических фактов для того, чтобы показать, что Европа относится к России враждебно и действует так же враждебно, то Ламанский продемонстрировал недоброжелательность европейской науки и публицистики по отношению к славянам в целом. В немецкой науке он видел отражение вековой исторической и этнологической борьбы германизма со славянством. В то же время обзор немецкой науки служил Ламанскому дополнительным аргументом в критике Петербургской Академии наук, в которой преобладали выходцы из Германии. Защита диссертации укрепила положение Ламанского на историко-филологическом факультете и открывала ему дорогу к профессорству.

1870—1880-е годы стали вершиной преподавательской и научной деятельности Ламанского. В эти годы он сформулировал основные положения своего философско-исторического учения и заслужил признание среди коллег-славистов, став одним из самых известных ученых-славяноведов в Европе. Удачно складывалась и карьера Ламанского в университете. После защиты диссертации Советом Санкт-Петербургского университета 12 апреля 1871 г. он был избран экстраординарным профессором по кафедре славянской филологии (38 голосов против 3); причем Совет университета направил представление попечителю учебного округа о назначении Ламанскому сразу профессорского оклада. Как было сформулировано в протоколах: «...предоставив ему профессорский оклад, присвоенный кафедре Церковной Истории, для которой оставить на будущее время оклад доцентский»¹. 27 января 1873 г. историко-филологический факультет избрал Ламанского ординарным профессором, а 5 марта баллотировка состоялась на Совете университета. Ламанский был избран ординарным профессором по кафедре славянской филологии тридцатью тремя голосами против трех². В черновом наброске

¹ Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за вторую половину 1870—1871 академического года с приложениями. № 4. С. 65.

² Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1873—1874 академического года с приложениями. № 8. СПб. : Печатня В. И. Головина, 1874. С. 44.

«Из университетских воспоминаний» Ламанский, упоминая о письме Д. И. Менделеева, резюмировал: «В лучшие времена Петербургского Университета второй половины 50-х, 60-х — 70-х, до начала 80-х гг. живое дружеское общение тесно связывало не только профессоров одного, но и всех факультетов: физико-математического, юридического, восточного и историко-филологического факультета»¹. В фонде Ламанского отложилось два кратких письма Д. И. Менделеева, датированных началом и концом 1904 г. В первом из них (31 января 1904 г.), отвечая на приветствие, Менделеев, называя Ламанского «Старый Товарищ и Друг», замечал: «Привет Ваш глубоко тронул меня и напомнил счастливую эпоху совместной деятельности в Университете»². Во втором письме (18 декабря 1904 г.) уже Менделеев поздравлял Ламанского с 50-летием научной деятельности. «Хотя и не славист и не славянофил, просто старый товарищ, — писал он, — я желаю и свой голос присоединить к хору, желающему Вам, по поводу 50-тилетия, такого доброго здоровья, с которым еще 50-т лет продействовать стало бы Вам не только возможно, но и желательно. Так жилось, как жилось нам всем 40 или 30 лет сему назад, в такой дружной среде, вероятно, и Вы бы не отказались, как не отказался бы и я, хотя нам годов своих лучше не считать. Не бог весть сколько и остается нас-то уже. Хотелось бы дожить до чего-нибудь светленького впереди, а пока никак не оторвать глаз от светлого прошлого. Простите жалкие слова. Очень они теперь не практичны, когда надо все только практичное. Ну, да ведь мы с Вами не были такими и раньше, теперь поздновато перекраивать. Наши области и “факультеты” были все время отдельными, а все же много единства нас соединяет, а потому Вы поверите и добрым пожеланиям и душевной преданности»³.

Ситуация в университете изменилась, когда министерство приняло попытку пересмотреть университетский устав 1863 г. Ламанский вновь задумался о переезде из Петербурга. Так, 25 января 1881 г. он писал И. С. Аксакову: «Я бы оставил Петерб^ург», то теперь только бы в одном случае. Если бы, напр<имер>, Игнатьева назначили в Вильну, то я бы туда поехал. Там цель ясна и работы много. А Варшава — Бог с ней»⁴. В письмах И. С. Аксакову он высказывал свое мнение об инициаторах (М. Н. Каткове и Н. А. Любимове)

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 50. Л. 1.

² Там же. Оп. 1. Ед. хр. 946. Л. 1.

³ Там же. Л. 2—2 об., 3.

⁴ Там же. Ед. хр. 1. Л. 156.

и духе нового университетского устава: «Катков давно, давно от науки совершенно отстал, и не понимает, что со времен Грановских и Крюковых она у нас далеко шагнула вперед. Любимов же никогда ученым не был и был только хорошим (в свое время) учителем или преподавателем физики и как профессор, конечно, в подметки не годится Столетову. Правда, этот чуть ли не единственный у нас физик в настоящем смысле слова. Но Катков дошел до апогея... Впрочем, кого не избалует такая забранная им в руки власть. Он сменяет и назначает министров. Говорят, теперь он хочет доканать Бунге. Его Святейшество непременно требует, чтобы Устав прошел и был утвержден к Пасхе. Кто же осмелится послушаться Каткова? Не знаю, чувствуете ли Вы, но я здесь с возрастающею грустью замечаю, что отрицательное направление и озлобление, какое-то равнодушие и тоска все больше и больше распространяются в обществе. Вы себе представить не можете, сколько глупостей и невозможностей в этом новом уставе. Сколько напрасного раздражения и злого недовольства произведет он в тысячах и тысячах, среди родителей и родственников учащихся в университетах и готовящихся поступать в Университет. Зато желание и самолюбие Каткова будет удовлетворено. Его предначертания исполняются, его воля — закон. Мне все кажется, что мало-помалу закроются все журналы, Ваша <“>Русь<”> — тоже, и останутся <“>Московские<”> и <“>С. Петербургские Ведомости<”>. Удивительное дело, вот эти господа пережили и помнят Николаевское время. Ни к чему»¹; «...этот университетский устав есть великое несчастье. Вы не можете себе представить, как наш брат, знакомый с делом и имеющий детей в гимназии, печально должен глядеть вперед. Страшно даже подумать, что будет с детьми? Злоба, раздражение, презрение и почти явные оскорбления — вот атмосфера нас учащихся и учащихся окружающая. Мы, конечно, не опасны и с нами можно делать им все, что угодно. Но ведь каких же революционеров готовят они из наших детей. Вот что страшно и за что боишься»². По словам одного из учеников Ламанского, К. Я. Грота, «университетский устав 1884 г. лишил славистику и той скромной роли, какую она дотолле играла среди факультетских предметов. По этому уставу все предметы славянской кафедры сведены к одному, как частному в русско-словесном отделе, к “славянской филологии”, понимаемой в весьма ограниченном и неопределенном значении и объеме — по

¹ Там же. Л. 175 об., 174.

² Там же. Л. 187—187 об.

преимуществу в смысле языковедения»¹. Даже через несколько лет, уже после смерти М. Н. Каткова, когда казалось бы преподавание начало возвращаться к прежним порядкам, Ламанский не мог спокойно вспоминать учиненный разгром системы образования. В письме К. Я. Гроту (17 марта 1889 г.) он делился планами выступить в Филологическом обществе с докладом, в котором намеревался показать «ограниченность и узость так называемого русского национального направления, утвердившегося у нас со времен Каткова <...> Катковский взгляд на русское просвещение всего лучше выразился в его проекте университетской реформы и изуродовании нашего факультета»².

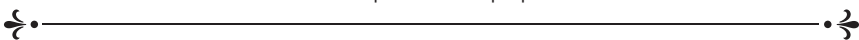
К тому времени, когда подготовка к введению нового университетского устава, ограничивавшего университетскую автономию, шла полным ходом, Ламанский был избран деканом историко-филологического факультета и 11 марта 1883 г. утвержден министром народного просвещения. Согласно уставу 1884 г., деканы назначались министром, поэтому со временем он был уже переназначен министром. Однако, не желая быть проводником министерской политики, ущемлявшей академические свободы, он осенью 1885 г. подал прошение об отставке (протокол заседания Совета университета от 4 ноября 1885 г.)³. Письма Ламанского коллегам наполнены сожалениями о положении в университетах. «Нынешние преобразования, — писал он И. С. Аксакову, — внушены, с одной стороны, чисто полицейскою тенденциею искоренить нигилизм по-полицейски же, с другой, самым затхлым западничеством 40-х годов, воображающим, что в русском университете никогда ничего не бывало выше Грановского, Редкина, Каткова, Леонтьева и Любимова»⁴. В письмах А. Н. Веселовскому он описывал свои чувства после решения об отставке: «У нас не приведи Бог как скверно. Мне так все это опротивело, что я подал прошение об увольнении меня от должности декана. Кто будет? еще неизвестно. Охотников не много. Ждут, кажется, Ягича. Но он, верно, тоже не пойдет <...> Отказался

¹ Грот К. Я. Об изучении славянства. Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете и средней школе. СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1901. С. 52.

² СПбФ АРАН. Ф. 281. Оп. 2. Ед. хр. 267. Л. 9 об.

³ Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за первую половину 1885—1886 академического года. № 33. СПб. : Типолитогр. А. М. Вольфа, 1886. С. 43.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 182 об.

от деканства, и теперь у меня как гора с плеч. Буду работать в Архивах и возьму себе несколько дел Московских...»¹ А в другом письме к тому же адресату сетовал: «Грустно и обидно, как испакостили наш факультет. Конечно пройдет и это. Но когда и откуда придет обновление?»² Ламанский в меру своих возможностей сопротивлялся тем ограничениям в преподавании, которое предусматривала новая министерская программа. 17 декабря 1886 г. он писал профессору Варшавского университета П. А. Кулаковскому: «И теперь русских историков мало, а что будет лет через 10. Наш несчастный факультет совершенно разорен. Ни русских историков, ни славистов не будет тогда вовсе. Сколько мошенничества завелось в университете с этими Латино-Греческими упражнениями: явились свои шпаргалки»³. В последующие годы Ламанский лишь эпизодически (как правило, во время отпуска декана) исправлял должность декана как старший по званию член факультета, что было предусмотрено ст. 26 «Устава Российских Университетов 1884 г.».

Сменивший Ламанского в должности декана историко-филологического факультета М. И. Владиславлев стал усердным проводником министерской линии в университете. В отечественной историографии сложился отрицательный образ М. И. Владиславлева, во многом следующий оценкам его как личности и администратора современниками. Е. А. Ростовцев предпринял пересмотр деятельности М. И. Владиславлева и предложил отказаться от однозначно негативной его оценки: «Надо сказать, что, несмотря на тотальное недоверие и бойкот со стороны либеральной профессуры, М. И. Владиславлев вообще был активен в реформировании учебного процесса согласно требованиям науки и пожеланиям корпорации»⁴. Несмотря на диктат министерства, М. И. Владиславлев смог добиться, например, расширения преподавания философии⁵. Ламанский не дружил и не прятельствовал с М. И. Владиславлевым. Однако нельзя сказать, что их связывали исключительно деловые отношения. Известно, на-

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 45. Оп. 3. № 467. Л. 3.

² Там же. Л. 6 об.

³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 572. № 159. Л. 3—3 об.

⁴ *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М. : РОССПЭН, 2017. С. 460.

⁵ *Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В.* Кафедра философии Петербургского университета (1819—1917) : Коллективный портрет // *Философские науки.* 2016. № 3. С. 137—138.

пример, что М. И. Владиславлев в 1873 г. рекомендовал Ламанскому няню для его детей и т. п. Впоследствии Ламанский переписывался с сыном М. И. Владиславлева Владимиром Михайловичем Владиславлевым (1868—1943). Ламанский не мог согласиться с умалением университетской свободы и ограничением преподавания, которые по настоянию министерства проводил М. И. Владиславлев. В письме к одному из своих близких друзей, индологу профессору И. П. Минаеву он писал 16 мая 1888 г. (?): «Да, это худой ч-к. Этот философ понимает идеи, но служит одной силе торжествующей и давящей. Непокойно и равнодушно гляжу я на это. Да что поделаешь? И хочу сторониться и найти себе независимый круг деятельности, где бы мне спокойно и свободно думать и работать. Конечно тут спокойствие относительное, рана нанесена и ее не залечишь. Да плакаться и беречь ее ежечасно — тоже нет проку. Думать надо, отчего все это происходит, и стараться, чтобы подобные напасти в будущем были реже, реже и даже невозможны. Тут конечно виноваты не одинокие личности, а все наше общество, легкомысленное, пошрое и в грязь опустившееся. Нет идеалов, нет возвышенных и дальновидных умов, нет критики и понимания. Полная духовная несостоятельность. И так давно длится, теперь только яснее обличается. В совершенное отчаяние приходит нечего — остались кафедра, литература. Положим, полезут в Университет много дряни, но это не будет большинство, да и молодежь ее скоро раскусит»¹. «Дурак, что пошел, — продолжал Ламанский о согласии М. И. Владиславлева стать ректором. — Тяжело и жутко будет. Кругом его и между студентами и между профессорами и им будет пустыня»².

Надо заметить, что административную работу Ламанский воспринимал как бремя, отнимающее силы и время от научных занятий. Настоящему ученому, полагал он, не стоит жертвовать наукой ради административной карьеры, и искренне недоумевал, когда видел примеры обратного. Н. Н. Платонова (жена историка С. Ф. Платонова) в своем дневнике приводила реакцию Ламанского на назначение ректором университета после смерти М. И. Владиславлева П. В. Никитина: «...был <у нас> Ламанский; удивляется, зачем Никитин принял ректорство; единственный на всю Россию удачный филолог-грек, академик, человек вполне обеспеченный добровольно отказывается от науки ради видного положения; по-

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 340. Оп. 2. № 33. Л. 59.

² Там же. Л. 59 об.

сле этого немцы с полным правом могут говорить: к чему избирать в Академию русских, когда они ради лишнего ордена готовы бросить науку. По мнению Ламанского, положение Н<икити>на будет не из легких: один Сергеевич способен отравить ему жизнь. Вообще все профессора неодобрительно смотрят на Н<икити>на; Л<аманск>ий предсказывает, что профессора не будут ходить к нему, как не ходили к Владиславлеву»¹.

Постепенно многие положения устава 1884 г. подверглись пересмотру, и практика университетской жизни вернулась к основным формам автономии, хотя, может быть, и не в той мере, в какой допускалась уставом 1863 г. В 1890 г. в пятидесятилетнем возрасте скончался ректор университета М. И. Владиславлев. В уже цитировавшемся письме К. Я. Гроту (17 марта 1889 г.) Ламанский отмечал намечающиеся перемены: «Слава Богу есть большая вероятность, что с будущего акад<емического> года историко-филологический наш факультет будет преобразован, т. е. восстановлен по-старому — с классическими проч. отделениями с 3-го курса»². Университетская профессура демонстративно фрондировала перед министерством, усиливались оппозиционные настроения, значительная часть профессоров придерживалась либеральных взглядов. Так, по предложению Ламанского, Совет Санкт-Петербургского университета принял решение при назначении на преподавательские должности Министерством народного просвещения новых членов зачитывать записки об их ученых трудах. «Такое решение, как бы обязывающее министра давать отчет о научных достоинствах своих “назначенцев”, — пишет Е. А. Ростовцев, — было очевидным свидетельством роста оппозиционности профессорского Совета»³. В переписке Ламанского заметно ожидание перемен в министерстве, хотя преобладающее настроение можно скорее охарактеризовать как скепсис и сомнение. В дневнике 1 апреля 1889 г. он с грустью замечал: «Быть может, и Толстой и Делянов <...> все они тебя переживут, или ты будешь к тому времени так стар и слаб, что не в состоянии будешь

¹ Цит. по: *Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи...* С. 465.

² СПбФ АРАН. Ф. 281. Оп. 2. Ед. хр. 267. Л. 10.

³ *Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи...* С. 457.

и почувствовать перемены и насладиться ею. Часто думается, что нашему брату лучших дней не видать»¹.

К университетским неурядицам добавлялось и чувство профессиональной невостребованности. Дело не в том, что Ламанский, вероятно, не был популярным профессором. Он не искал этой популярности. Помимо университетского преподавания он стремился применить свои знания по истории, быту и современному положению славянских народов на практике. Ламанский не был лишь кабинетным ученым-славистом. Он сознавал себя философом и политическим мыслителем, откликался статьями на текущие события, принимал участие в реальной помощи балканским славянам. Его познания требовали практического выхода. Университетская аудитория стесняла его. Неслучайно Ламанский так много сил отдавал Санкт-Петербургскому славянскому благотворительному обществу, Этнографическому отделу Императорского Русского географического общества, Литературному фонду. Он стоял у истоков и был одним из учредителей Славянского комитета (впоследствии Славянского благотворительного общества)² и Литературного фонда, организатором Славянского съезда в 1867 г. и автором первоначального проекта Этнографического музея в Санкт-Петербурге. В редакторской работе он видел возможность влиять на общество, доносить до людей свои взгляды на славянство, Европу и те исторические задачи, которые стоят перед Россией. Он редактировал «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» (с сентября 1887 г. по декабрь 1888 г.), издавал и редактировал лучший дореволюционный этнографический журнал в России «Живая старина» (1890—1912). Ламанский не только работал бесплатно, но первые годы вкладывал в издание свои скромные средства. Вероятно, приглашение читать лекции в Академии генерального штаба он воспринял как возможность познакомиться со своими взглядами тех людей, от которых может зависеть политическое будущее России и славянства. В Академии генерального штаба он преподавал десять лет (1890—1900). Именно в эти годы он завершил работу над своим

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 9 об.

² Ламанский составил «Заметку» о преобразовании Петербургского комитета по приему славянских гостей в постоянный славянский комитет (с 7 мая 1868 г.), преобразованный 12 апреля 1867 г. в Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество (*Ламанский В. И.* Заметка. 1867. Петербург // *Документы к истории славяноведения в России (1850—1912)*. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. С. 59—60).

главным геополитическим трактатом «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892).

В письмах Ламанский часто рассуждает о политических событиях и делится своими соображениях о европейских делах, истории и путях развития народов, культур и языков. В одном из посланий И. С. Аксакову 10 февраля 1882 г. он указывал на разрыв между властью и интеллектуальной элитой. Знания ученых оказались не востребованы «высшими сферами». В сетованиях Ламанского звучит не претензия интеллектуалов на власть, а констатация общественного разрыва, социальной патологии, делающей ученых бессильными, а власть — слепой. «Удивителен этот Петербург с своим высшим обществом и высшими сферами, — писал Ламанский. — Везде богатство и знатность старается привечать и приманивать к себе людей мысли, расспрашивать их, толковать с ними. Могут их не слушаться, но выслушивать их ведь должны люди государственные.

Но в каком мы теперь положении. Мы теперь решительно ничего не знаем, что делается. Бывало, часто видался с гр. Толстым, который приглашал к себе, с Н. Милютиным, который любил и говорить и расспрашивать. Теперь не только М-р нар<одного> просв<ещения>, но даже попечитель, хотя сам бывший профессор, ни разу не пригласил нас к себе на чашку чая. Игнатъева я тоже никогда не вижу, как и Победон<осцева>, хотя прежде б<ыли> знакомы.

В Австрии даже принцы стараются знакомиться с профессорами, учен<ыми>, писателями. У нас мы целою Китайскою стеною отделены от правящих сфер. Смейтесь потом, что, сидя в кабинете на Протопоповской улице (собств<енно> на Введенской), мы не знаем жизни. Где нет обмена мысли, живого общения людей разных сфер, там нет образованности, там нет здорового национального развития. ...Один из бывших моих слушателей дает теперь уроки рус<ского> яз<ыка> англ<ийскому> послу Торнтону, человек очень он образованный, все жалуется на неразвитость и необразованность русск<ого> общества, на скуку в нем господствующую.

Не нам же, людям бедным и естественно гордым, искать в высших сферах и подбиваться на знакомство с ними. Они должны первый шаг сделать.

Скука, недовольство, странные недоразумения, ложные понятия и дурные мнения друг о друге — вот самые еще невинные плоды такого разобщения различных общественных кругов.

Вот чем болеет наше общество. Нет идей и умственных интересов, нет истинного образования и идеалов. Есть праздность и скука, да

бедность. Вот и ждут люди спасения от войны, от катастрофы, от счастливого события.

Со смертью Федора Ивановича <Тютчева> я никогда ничего не слышу из официальных сфер, что делается у нас в слав<янских> землях.

Прежде молодежь пропадала и губила свои силы в бесшабашном разгуле, теперь от той же скуки многие ударяются в отрицание и ... агитацию.

Двор и сановники могут переехать в Москву, но если и там они так же будут жить обособленно и, кроме официальных разговоров и обязанностей, с простыми смертными никакого живого общения иметь не будут, то никакой от этого пользы ждать нельзя.

Скука московских теремов создала из Петра революционера. Французская фронда порождена была тою же скукою и разобщением сфер правящих от мыслящих. Не в одном разобщении интеллигенции с народом наше зло. ...Нет духа, нет правящей мысли, нет идей и системы. Все отрывочно и случайно, все эмпирично и бессознательно. Так-то, а война сему не поможет»¹.

Помимо преподавательской деятельности в университете Ламанский принимал участие в работе научных обществ. После смерти Срезневского он возглавил Филологическое общество при Петербургском университете, однако после избрания в 1887 г. председателем в отделении этнографии Императорского Русского географического общества он отошел от руководства Филологическим обществом, сосредоточив свою активность в отделении этнографии. В 1889 г. он выступил одним из учредителей Исторического общества при Петербургском университете².

В 1890 г. за выслугой двадцати пяти лет в университете Ламанский перешел в разряд заслуженных профессоров. 1899 г. стал последним в его преподавательской карьере. В феврале 1899 г. университет охватили студенческие волнения, жестоко разогнанные полицией. Бестактное поведение ректора В. И. Сергеевича и его призыв к студентам воздержаться от нарушения общественного порядка только усилили протесты. Либеральная в своей массе профессура требовала расследования поведения полиции. «Начались частные совещания

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 168 об.—170 об.

² Хартанович М. Ф. Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX века. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ин-та истории РАН «Нестор-История», 2006. С. 165.

профессоров и других лиц (помню одно в квартире П. И. Вейнберга), — писал Н. И. Кареев. — Сергеевич вел себя невозможно, прямо издеваясь над членами Совета, предлагавшими то, что было ему неудобно <...> как вдруг на середину зала выступил старик Ламанский с такими приблизительно словами: “Василий Иванович! Мы обращаемся к вам с товарищескою просьбою. Уйдите в отставку из ректоров, студенты вас не любят, не губите университета. Мы так будем вам благодарны”. Затем он обернулся, как бы ища поддержки со стороны товарищей, но никто не шелохнулся. Мне стало стыдно, и я громко, встав со своего места, заявил: “Владимир Иванович, я к вам присоединяюсь”. Думаю, что этот поступок и был одной из причин моего увольнения из университета. Сергеевич ответил, что он на своем месте “по воле государя императора” и что потому не нам его смещать¹. Из университета были уволены не только Н. И. Кареев, но и приват-доценты М. И. Свешников, С. А. Венгеров, И. М. Гревс, Н. М. Книпович, А. А. Исаев. Протестуя против решения министерства, подали в отставку профессор С. Ф. Ольденбург и приват-доцент Я. И. Смирнов. В этой ситуации решение покинуть университет принял и Ламанский. 30 декабря 1899 г. он писал: «В нынешнем авг<усте> отказался от Унив<ерситетского> вознаграждения и от лекций. Студентов-слушателей очень мало, охотников заниматься не видать было, а тут еще прошлогодние университетские истории, — Сергеевич в Совете, Соболевский в Факультете, далее погром в Житом<ире> и затем в Киеве, получение известия об увольнении Кареева и Гревса из Универ<ситета> побудили меня окончательно выйти из Унив<ерситета> и отказаться от получения от него 1200 р. с лишним (р. 100 гонор<ар> и 200 экз.). Отказавшись, я почувствовал себя хорошо»². Стоит отметить, что поступок Ламанского не был случайностью, эмоциональным порывом или облеченным в форму протеста уходом усталого от трудов престарелого профессора. Еще до своего возвращения в университет в качестве преподавателя Ламанский принимал посильное участие в защите бунтовавших в 1861 г. студентов. Сохранилось недатированное письмо одного из его ближайших друзей, В. В. Стасова, раскрывающее обстоятельства фрондирования университетской профессуры. «Владимир Иванович, — писал В. В. Стасов, — сделайте одолжение пошлите протесты

¹ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. С. 205–206.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 20 об.

к моему брату Дмитрию в Сенат, во 2-й Департамент; он будет его там ждать до 2 ½ часов, и прямо оттуда повезет его к Кавелину и Утину, которые наверное подпишут его. Ужо вечером подпишет Спасович. Таким образом, это будет “профессорский протест”. Жаль, если нельзя включить в число протестантов Срезневского, Калачова и Галахова. Последнего я даже не знаю адреса. Право, мне кажется, Срезневский будет потом жаловаться, что его пропустили. Не увидите ли вы его сегодня, также Калачова днем или вечером? Пусть только даст согласие, и можно за него подписать. Я бы к нему поехал, но он меня, разумеется, не слушает. Вот вас, другое дело. И так, жду подписей Сухомлинова и Гильфердинга. Сегодня я в Федре.

Ваш В. С.

P.S. Я думаю, Калачов даст согласие на подпись, коль скоро его друг Костомаров подписался»¹. Протестуя против ареста полицией студентов, из состава университетских преподавателей в тот год вышли А. Н. Пыпин, К. Д. Кавелин, Б. И. Утин, М. М. Стасюлевич и В. Д. Спасович. Выход Ламанского из университета в 1899 г. можно считать жестом проявления университетской солидарности как с протестующими студентами, так и с уволенными коллегами. Он не разделял западнического мировоззрения Н. И. Кареева и в частной переписке скептически отзывался о нем, поэтому решение Ламанского покинуть университет не было вызвано личными мотивами, а имело принципиальный характер. Впрочем, разрыв с университетом не был полным. Как заслуженный профессор Ламанский хотя и не читал лекции, но продолжал принимать участие в делах университета. В письме матери А. Е. Пресняков писал об этом 30 августа 1899 г.: «Старик Ламанский уходит из университета, т. е. не будет читать лекций и получать жалование, но как “заслуженный профессор”, остается членом Совета, чтобы свободно подавать свой голос»².

В 1900 г. Ламанский был избран в Академию наук и отошел от активной преподавательской деятельности в университете и Академии генерального штаба. Прежде всего, ученики ожидали от Ламанского издание общего курса по истории славян, полагая, что теперь подготовка к самим лекциям больше не отнимает необходимого для работы над текстом времени. «Будьте здоровы и не пишите таких вещей, что до Ломоносовского юбилея Вы не доживете. Вы очень

¹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 1332. Л. 54.

² Александр Евгеньевич Пресняков : Письма и дневники 1889—1927. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. С. 450.

мнительный, и нет Александры Ивановны, которая Вас ободрила бы. Умирать Вам рано, ибо за Вами еще есть долг: “История славян” в том или другом виде. Мы, Ваши ученики, думаем дожить до нее», — выражал Н. В. Ястребов общую надежду в письме из Мюнхена 20 февраля (5 марта 1901 г.)¹. Из письма видно, в каком угнетенном состоянии находился Ламанский после смерти жены и во многом вынужденного оставления университета. Работа над славянской историей, полагали ученики, поможет учителю справиться с жизненными невзгодами. В конце 1901 г. Н. В. Ястребов вновь напоминал Ламанскому: «А как обстоит дело с Курсом славянской истории? Хорошо было бы издать его в том коротком виде, что Вы хотели сделать для Военной Академии. Жаль, что Вы оставили Академию, жаль уже с точки зрения русских военных интересов. Не могли бы Вы при новом начальстве Академии возобновить свое дело?»²

С годами к давним болезням (подагре и хирагре) добавился склероз мозга. Последней крупной работой Ламанского стало неоконченное исследование «Славянское житие Св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник», печатавшееся в 1903—1904 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» и изданное отдельной книгой уже после его смерти³. Не имея возможности продолжать научную работу, он принял решение продать свою библиотеку университету. В письме И. В. Ягичу 11/24 декабря 1910 г. он поведал историю формирования библиотеки: «Свою библиотеку я оставляю университету (собственно слав<янский> семинар и <сторико->ф<илологического> факультета). Я написал ректору, что, не имея состояния, я прошу университет за библиотеку мою 3000 р. для передачи младшей моей дочери Анастасии. Универс<итет> в свою очередь назначил 5000 р. Я не протестовал, потому что начал покупать книги с 1860 г.⁴ (когда стал студентом). По выходе из универ<ситета> и по пребывании за границей (2 г<ода> с лишком) и позже в Венеции (год с лишком) я накупил очень много книг — правда, за последние 50 л<ет> у меня были большие пропажи или вернее кражи. Проехав Балк<анский> полуостров

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1606. Л. 67 об.

² Там же. Л. 100 об.—101.

³ *Ламанский В. И.* Славянское житие Св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Критические заметки. Пг. : Сенат. тип., 1915. 262 с.

⁴ Описка, должно быть 1850 г. — А. М.

и Морюю, а также Австро-Венгрию, я покупал много книг новых и старых. Первая пропажа случилась в Константинополе, в посольстве нашем. Купленные мною книги в Италии и в Греции я имел глупость послушать одного из молодых служащих в посольстве нашем в Константинополе, где я жил, разумеется, даром, я оставил один или два ящика книг. Через месяц или недели три по приезде в Петербург из Константинополя я написал письмо о присылке моих книг ко мне. Получил ответ, что мой ящик или ящики с книгами в посольстве не найдены. Вторая кража книг моих произошла в г. Боровичах, на реке Мсте. Я купил там два домика с садом и огородом. Несколько лет подряд, когда дети мои еще были малые (для них и купил), хотел, чтобы они познакомились и сблизилась с народом. В том доме, где я устроил свою библиотеку и кабинет, я оставлял там много книг, и как-то приехав из Петербурга в Боровичи на лето, я не нашел ни единственной книги.

У меня, между прочим, в кабинете масса книг, все полки (от пола до потолка) заняты, много книг на трех столах, на этажерке, в шкапу и на полках с пола до потолка. Есть еще в спальне моей большой шкаф, где, между прочим, есть дорогие редкие книги о Венеции. Я думаю, что такой коллекции книг о Венеции ни у кого нет ни в Петербурге, ни в Москве, ни в Киеве»¹.

Ламанский не только пополнял свою библиотеку книгами, приобретенными во время научных командировок, но и снабжал деньгами своих учеников, отправляющихся за границу. В их письмах содержатся подробные отчеты о тратах на книги, заказанные Ламанским. Так, А. Л. Петров запасался книгами для учителя во Львове, И. С. Пальмов — в Праге, К. Я. Грот — в Варшаве и т. д. Не только ученики, но и коллеги искали для библиотеки Ламанского редкие издания. И. А. Бодуэн де Куртенэ упоминает о покупке книг для Ламанского в Лейпциге, Вене и Кракове. В. В. Макушев приобретал для него книги в Милане, Риме и Неаполе. Неудивительно, что за полвека Ламанский собрал уникальную библиотеку по славистике и близким дисциплинам (например, после смерти М. О. Кояловича он приобрел книги по польско-литовской истории из его библиотеки). Библиотека Ламанского могла конкурировать с книжными хранилищами некоторых университетов. Так, описывая свое пребывание в Белграде, Н. В. Ястребов в письме 13—14 сентября 1900 г. сравнивал библиотеку университета в Белграде («Великая школа»)

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 7—7 об.

с библиотекой своего учителя. По его словам, «при каждом факультете есть своя библиотека, занимающая шкафы, расставленные по стенам деканской комнаты поменьше Вашего кабинета, с числом книг вдвое меньше, чем у Вас в кабинете»¹.

Конечно, библиотека Ламанского находилась в полном распоряжении и его учеников, которые могли ею пользоваться даже в отсутствие учителя. Продолжая в отпуске начатые исследования, Ламанский порой просил учеников отправить ему на дачу в г. Боровичи необходимые книги из своей библиотеки. В одном из писем (31 мая 1886 г.) А. Л. Петров, выполнив просьбу учителя, добавлял: «Надеюсь, Вы не будете сердиться, что, воспользовавшись случаем, я забрал из Вашей библиотеки следующие книги»². Далее шел список из книг Н. Н. Страхова, И. И. Срезневского, И. В. Ягича, В. Н. Малинина, Г. А. Воскресенского, Д. Даничича, А. И. Соболевского, А. Х. Востокова, Ф. К. Миклошича. Нередко, раздав книги ученикам, Ламанский сам для работы вынужден был заказывать нужные издания, которые не нашел дома, в библиотеках.

Первая часть библиотеки Ламанского была передана университету еще в 1907 г. Можно предположить, что судьбу своей библиотеки он обсуждал значительно раньше с учениками. В одном из писем Ламанскому 6 августа 1890 г. Т. Д. Флоринский, по всей видимости, неслучайно замечал: «Фортинский в Ялте, где встретился с Бестужевым и Кареевым, между прочим узнал, что Бестужев завещает свою библиотеку Петербургскому университету»³. А 17 февраля 1903 г. уже А. А. Шахматов интересовался у Ламанского: «Вольтер сообщил мне сегодня, что Вы подумываете об отчуждении Вашей библиотеки или части ее университету. Очень Вас прошу иметь в виду и нашу Библиотеку. На съезде будет предложен план обращения ее в центральную для всего славянского мира библиотеку. Лишиться сокровищ Вашей библиотеки слишком для нас обидно. Нельзя ли было бы сообразить, какие из книг Вашей библиотеки не имеются у нас? Тогда легко было бы <нрзб.> с университетом. Не сердитесь на меня, если переданный мне слух не верен и возник на почве какой-нибудь сплетни»⁴. Два года спустя (31 мая 1905 г.) Н. В. Ястребов почти заговорщическим тоном вновь упоминает о библиотеке:

¹ Там же. Ед. хр. 1606. Л. 45 об.

² Там же. Ед. хр. 1106. Л. 10 об.

³ Там же. Ед. хр. 1447. Л. 81 об.—82.

⁴ Там же. Ед. хр. 1525. Л. 31.

«У меня есть кой-какие мысли по новому пункту Вашего завещания о библиотеке; но об этом как-нибудь потом, если позволите»¹. Письма учеников содержат отголоски бесед и обсуждений с учителем и явно демонстрируют, что решение об отчуждении библиотеки в пользу университета не было случайным и необдуманым.

События на историко-филологическом факультете весной 1907 г. вынудили Ламанского ускорить передачу библиотеки. Обстоятельства этих событий отчасти реконструируются из писем Ястребова. Основная исследовательская и преподавательская деятельность Ламанского была связана с историей славянства. Во многом благодаря его многолетним и настойчивым усилиям история славянских народов стала самостоятельной университетской дисциплиной. Однако с уходом Ламанского из университета ситуация изменилась и были предприняты попытки ограничить преподавание славистики преимущественно славянской филологией. Описывая внутрифакультетские склоки, Ястребов писал Ламанскому 9 апреля 1907 г.: «Сегодня видел П. А. <Лаврова>. Оказывается, Гревс — против истории славян (очевидно, и прошлой весной он, глав<ным> образом, и устроил эту штуку). Конечно, аргумент о строгости — смешон и пошл. Студенты, конечно, говорят и о строгости целого ряда других профессоров (довольны только Тураевым и Гримом — конечно, относительно). Но уже ли вопрос о том или другом положении научной дисциплины на факультете можно ставить в зависимость от легкости и трудности экзамена из нее. Тогда бы пришлось исключить целый ряд наук... <...> Гревс, по своему невежеству, развивал П. А. <Лаврову> свои “идеи” о том, что история славян не интересна, не имеет содержания (“только Кир<илл> и Меф<одий>, Гус и еще кое что”)². Вскоре после этого Ястребову было отказано в выделении денежных средств на закупку литературы для семинарских занятий по истории славянства. Цель отказа была очевидна — сделать невозможным проведение занятий ввиду отсутствия необходимых источников и пособий. 23 апреля 1907 г. он следующим образом описывал сложившуюся ситуацию: «Да, знаете, что еще. В субботу, оказывается по словам декана, факультет отказал дать что-нибудь на семинарий слав<янской> истории. (А Лавров почему-то говорил о — хотя бы и жалких — но все-таки 100 рублях.) У факультета было 3000 р. денег; ассигновали Гревсу 1000 руб. (!); на кабинет музыки

¹ Там же. Ед. хр. 1606. Л. 165 об.

² Там же. Л. 181—181 об.

(пр<иват>-доц<енту> Калю) — 300 р., на читальню (sic!) студ<ентов> филологов — 500 р. и т. п. И хотя осталось еще 800 р., но мне ничего не дали на слав<янскую> историю: эти 800 р. — запас-де на осень, на покрытие новых возможных требований.

Декан заявил мне, чтобы я попросил Гревса, м<ожет> б<ыть>, он уступит из своей тысячи что-нибудь и мне. Это — какая-то на-смешка...

Думаю заявить в факультет, что я вынужден отказаться от объявленного мною семинария — практич<еских> занятий, так как не по чему вести их, и откладываю их до лучших времен.

Одно только неловко: несколько студентов, уже уехавших домой до осени, полагая, что занятия будут, запаслись руководствами, чтобы заняться языком (одни — польским, другие — чешским). Я перед ними окажусь в глупом положении»¹. Шесть дней спустя Ястребов вновь писал Ламанскому: «Сегодня мне удалось кое-что “выклянчить” у Гревса из его 1000 р. на семин<ар> слав<янской> истории; пока он дает только 100 р.; м<ожет> б<ыть>, удастся и еще что-нибудь “выбить” из него»². Все это не только ставило Ястребова в зависимое положение просителя, но и наглядно демонстрировало дисциплинарные предпочтения руководства историко-филологического факультета. Отчасти славяноведческие дисциплины (Ястребов преподавал в 1907 г. следующие курсы: «Введение в славяноведение», «История славянских стран», «Чешский язык» и «Практические занятия по чтению и разбору славянских текстов») стали заложником «партийной» борьбы внутри историко-филологического факультета. Уже отошедший от дел Ламанский и его ученики ассоциировались с А. С. Лаппо-Данилевским, который не только поддержал избрание Ламанского в Академию наук, но и оказывал помощь из средств Академии его ученикам, в том числе, например, Ястребову, испытывавшему материальную нужду во время заграничной командировки (1899—1901). Бывший декан факультета С. Ф. Платонов возглавлял противоположную «партию». (Стоит заметить, что С. Ф. Платонов был избран в Академию наук только после смерти А. С. Лаппо-Данилевского, в то время как сам академик А. С. Лаппо-Данилевский лишь в конце жизни стал «сверхштатным» профессором университета, в течение предыдущих двадцати лет, работая в должности

¹ Там же. Л. 182—183.

² Там же. Л. 184.

приват-доцента.) Этим «партийным» противостоянием, возможно, и объясняется сатирический отзыв о Ламанском в мемуарах С. Ф. Платонова.

Желая сохранить «славянский семинарий», Ламанский решил незамедлительно передать часть своей библиотеки университету, полагая, что отказаться от пожертвования «заслуженного профессора» университет не решится. В том же письме (29 апреля 1907 г.) Ястребов продолжал ранее начатый разговор: «Вчера не удалось, как следует, поговорить о Вашем пожертвовании библиотеки.

Мне думается следующее. Обязательно следует оформить это на наступающей неделе в виде заявления от Вас (после переговоров Лаврова с университетскими властями); тогда уже университет обязательно выполнит все, что Вы пожелаете, не будет места неясностям и недоразумениям впоследствии...

Следовало бы Вам заявить о пожертвовании книг именно в семинарий славянской истории (а не филологии: 1) ведь большая часть книг у Вас по истории; 2) семинарий славянской филологии соединен с семинарием русского языка и литературы; 3) студенты словесники (и слависты в том числе истории славян не слушают); конечно, могли бы ими пользоваться и слависты-языковеды и словесники. Это помогло бы разрешению (прямо — решило бы) и вопросу об устройстве практических занятий по предмету, который я преподаю).

Потом, нужно бы высказать пожелание об отведении для этого семинария (event. библиотеки) особого помещения (комнат), о приведении в порядок (каталогизации) книг, об устройстве шкапов (ведь, может случиться — по-русски, что свалят в кучу), о назначении — что важно особенно — постоянной суммы на пополнение собрания. Все это следовало бы оговорить уже и относительно той части книг, которую Вы отдаете осенью (после того, как по Вашем отъезде мы с П. А. Лавровым разберем Ваши ящики)»¹. На отбор книг потребовалось около месяца, и уже 24 мая 1907 г. Ястребов писал Ламанскому: «Библиотеку, т. е. ящики из кладовой, перевезли в Университет на 2 ломовых извозчиках»².

Хлопоты Ястребова и Ламанского увенчались успехом: был не только сохранен «семинарий по славянской истории», но и оборудован отдельный кабинет, в котором разместились книги из биб-

¹ Там же. Л. 184—185.

² Там же. Л. 186.

лиотеки Ламанского. 21 октября 1907 г. Ястребова направил своему учителю письмо:

«Дорогой Владимир Иванович!

Спешу поделиться с Вами приятной новостью. Вчера в факультете было решено учредить ряд семинариев, в том числе и <...> слав<янский> семинарий. Для него будет отведена половина статистич<еского> кабинета (другая полов<ина> для семинария по всеобщей истории). На приобретение книг ассигновано ежегодно 500 р. и 150 р. на студента-библиотекаря. Теперь нам с П. А. Лавровым нужно выработать план оборудования — т. е. столы, шкафы и т. п. Так как для переделки нужно время, то дело осуществится только с января. Значит, на святках можно будет разобрать Ваши 14 ящиков, увезенных весной.

В факультете Соболевский пытался <...> “подложить свинью”, заявив, что он считает “преждевременным” устройство слав<янского> семинария. (Еще предложил пригласить для препод<авания> истории славян Будиловича, но это тоже не прошло.)

Еще одно. Гревс снова требовал, чтобы из Ваших книг были отобраны книги по истории гер<мано>-роман<ской> Европы и отданы в библиотеку его семинария. Лавров снова, как весной, указал ему на неудобство нарушения воли жертвователя, на необходимость сохранить библиотеку целиком. Он указывал и на то, что эти книги нужны будут для историков-славистов, и что никто ведь не будет мешать тому, чтобы книги давались для пользования и в его семинарии, едва нужно будет.

Ведь какой бестактный человек: весной ему все это указывалось. Во избежание повторений этих посягательств хорошо было бы написать Вам декану, что Вы просите сохранить все Ваши книги в одном, славянском, семинарии, что, конечно, не исключает пользования ими и для друг<их> семинариев»¹.

Оставшаяся часть библиотеки Ламанского, насчитывающая более десяти тысяч томов, была передана университету после его смерти, «с условием выплаты дочери покойного академика некоторую сумму»². Университет выплатил дочери Ламанского Ольге Владимировне Покровской 5000 рублей из «министерских сумм». В связи с этими расходами Правление университета обратилось в Министерство народного просвещения с ходатайством об отпуске

¹ Там же. Л. 187—188.

² Текущие университетские дела // Речь. 1915. 11 окт. № 280 (3303). С. 5.

4000 рублей, поскольку «библиотека В. И. Ламанского представляет редкую ценность, содержит всю литературу по славяноведению»¹. Министр народного просвещения гр. П. Н. Игнатьев выразил согласие возместить университету полную стоимость библиотеки².

В 1909 г. Ламанский по мере сил способствовал положительному решению вопроса об открытии новой вакансии по славянский истории, в дополнение к уже существовавшей профессуре по славянской филологии. Предложение о новой кафедре поддержали П. А. Лавров, А. А. Шахматов, Н. И. Кареев и И. М. Гревс. Ястребов полагал, что просьбе Ламанского не сможет отказать и И. А. Бодуэн де Куртенэ. Об этом он писал своему учителю 13 октября 1909 г.: «Не сбылись Ваши ожидания относительно Бодуэна (Ив<ана> Александр<овича>), который отказал П. А. Л<авро>ву в подписи, развивая свою нелепую мысль о том, что нет никакой “истории славян”...»

Было бы хорошо, если бы Вы написали ему письмо с просьбой о подписи: я думаю, он, вспомнив, что обязан своей петербургской профессурой Вам, исполнит Вашу просьбу... сохраняя свои “идеи”! Его адрес: В. О., Кадетская линия, д. 9»³.

В фонде Ламанского сохранилась небольшая, но чрезвычайно содержательная переписка с И. А. Бодуэном де Куртенэ, затрагивающая как научные, так и бытовые и даже личные вопросы. В письмах Ламанскому И. А. Бодуэн де Куртенэ подробно описывал свое пребывание и преподавание в университетах Казани, Юрьева и Кракова, в том числе и обстоятельства своего увольнения из Кракова, по времени фактически совпавшего с уходом Ламанского из Петербургского университета⁴. Переписка свидетельствует, что между ними были уважительные и даже в высокой степени доверительные отношения. В одном из писем Ламанскому из Казани (20 декабря / 1 января 1878 г.) И. А. Бодуэн де Куртенэ прямо признавал, что «к Вам

¹ Там же.

² Текущие университетские дела // Речь. 1915. 5 нояб. № 305 (3328). С. 5.

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1606. Л. 208 об.—209.

⁴ 11/23 декабря 1898 г. И. А. Бодуэн де Куртенэ писал Ламанскому из Кракова: «Мне, как кажется, придется в скором времени перебраться из Кракова обратно в Россию. Венский министр просвещения уведомил здешний философский факультет, что не намерен возобновлять договора со мною, так что я должен кончить свою здешнюю преподавательскую деятельность в июле будущего (1899) года. Причиной этого совершенно неожиданного решения, очевидно, какая-то интрига. По всей вероятности, немаловажную

во всяком случае имею больше всего доверия»¹, а через год (25 ян-

роль играло здесь желание “наказать” меня за полученную уже вероятно Вами брошюру “Jeden z objawow moralnoici oportunisty uno graurmyilrej”. Но если кто-либо действовал в этом смысле, так это во всяком случае не университетские, а скорее местные, галичские политиканы и “администраторы”, имеющие постоянные связи с Веною. Да и для этого нет пока прямых улик. Зато как здесь, так и в Вене догадываются, что непосредственным поводом к “немилости” со стороны министра была жалоба венгерского (пештского) правительства за то, что я осмелился участвовать в народном торжестве Словаков в св. Мартине 2 августа т. г. Я там не говорил ни одной речи и вообще вел себя самым скромным образом, но ведь уже одно присутствие на словацком торжестве и признание существования Словаков как особого народа считается преступлением. К чести здешних профессоров вообще и философского факультета в особенности необходимо заметить, что они отнеслись к этому неприличному поступку министра с должным негодованием и некоторые просто им поражены и ошеломлены. Это тем более замечательно, что многие из них пеняли на меня за оскорбление “патриотических чувств” через издание упомянутой брошюры (конечно, “патриотических” в смысле узкого, захолустного патриотизма). До получения этого известия философский факультет собирался в особое конфиденциальное заседание для рассуждений по моему делу. И хотя два члена факультета ужасно меня ругали за отсутствие “патриотизма” и вообще за “неблагоданерность” (признавая, впрочем, мои научные заслуги), но за то и значительное большинство ратовало за меня, причем некоторые заявляли, что, не соглашаясь с моими взглядами на политические, общественные и др. т. п. вопросы, считали бы, однако, большою потерей для университета и для здешней науки, если бы контракт со мною не был продолжен. В конце концов при тайном голосовании из 22 присутствовавших в заседании только 6 было против меня, остальные же 16 за меня, — значит, громадное большинство, если принять в соображение устраиваемую здесь на меня так недавно ожесточенную травлю. Как бы то ни было, мне приходится подумывать о возвращении в Россию. Но при этом имеется одна заковыка. На 2350 рублей в год пенсии трудно в моем положении содержать семью, состоящую из жены и пяти человек детей. Потому мне непременно надо приискать себе занятие, дающее хотя бы только 2000 рублей в год. Так как это хоть до некоторой степени вознаградит меня за потерю здешнего жалованья (ad personam) и небольших доходов в Академии за редактирование словаря и издания литовских народных напевов. Не можете ли, глубокоуважаемый Владимир Иванович, дать мне подходящий совет и указания, куда мне бы следовало обратиться для того, чтобы обеспечить себе в России подобный постоянный доход? За несколько слов по этому вопросу я был бы Вам очень обязан» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 36 об.—39).

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 21.

варя / 6 февраля 1879 г.) замечал, «что, и надеюсь, что между нами всегда сохранятся самые дружественные отношения»¹. Кардинально расходясь в оценке польского вопроса и полемизируя по этому поводу с Ламанским, И. А. Бодуэн де Куртенэ при этом подчеркивал, что «Вас считаю человеком честным, прямым и вследствие этого заслуживающим уважения и откровенности»². Ламанский помогал его брату Осипу Александровичу поступить на службу в банк в Петербурге (старший брат В. И. Ламанского, Евгений Иванович, был известным экономистом и крупным банковским деятелем) и был знаком с будущей женой Ивана Александровича Ромуальдой Багницкой еще в пору ее обучения на Высших женских курсах. Ламанский предпринимал шаги для переезда И. А. Бодуэна де Куртенэ в Петербург, в том числе, вероятно, надеясь провести его, при поддержке А. А. Шахматова, на службу в Академию наук. «Искренне Вас благодарю за Ваше участие, — писал И. А. Бодуэн де Куртенэ 9/21 января 1899 г., отвечая на письмо Ламанского от 30 января 1898 г. — Я, конечно, был бы очень счастлив, если б мне удалось как-нибудь устроиться в Петербурге, так как здесь нет почти никаких шансов на продление моего контракта, несмотря на желание большинства факультета, высказавшегося за оставление меня в Кракове. Трудно разузнать истину, но позволительно догадываться, что агитация против меня шла с двух сторон: 1) из лагеря здешней “аристократической” партии (“Stancybi”), некоторые члены которой чувствуют себя оскорбленными до глубины души моею брошюрой (Jedenz objawow...) (впрочем, я на них за это не в претензии, ибо и в других краях обиженные так беспощадно возмущались бы на автора), 2) из Венгрии, где благородные Мадьяры никак не могут простить мне моего присутствия на Св. Мартинском празднике.

Относительно Петербурга было бы весьма желательно, если бы Вы поговорили также с Шахматовым, у которого, может быть, есть свои соображения по моему делу.

Я прослужил в России пока только 25 лет и получаю пенсию только за эти 25 лет, стало быть, не полную. До звания “заслуженного профессора” мне еще далеко, так как в этих 25-и годах мне засчитано несколько лет командировок. Во всяком случае, получив 2000 руб. прибавки к моей теперешней пенсии, я мог бы кое-как просуществовать с многочисленную семьей в дорогом Петербурге»³.

¹ Там же. Л. 55 об.

² Там же. Л. 62 об.—63.

³ Там же. Л. 40—41.

Как и Ламанский, И. А. Бодуэн де Куртенэ считался одним из учеников Срезневского, поэтому рассчитывал перейти на освободившуюся кафедру в столичный университет. Об этом он писал Ламанскому 24 ноября / 6 декабря 1899 г.: «Вы, вероятно, знаете о неудаче, постигшей меня при выборе в Академию: до 2/3 недовстало одного голоса.

А. А. Шахматов пишет мне, что, по Вашему требованию, в СПб. Университете открыт конкурс на соискание кафедры славянских наречий, и советует мне принять участие в этом конкурсе. Какого Вы мнения на этот счет? Если считаете уместным мое соискательство, то не можете ли сообщить мне, каким путем следует узнавать об условиях конкурса? За все Ваши указания буду Вам очень благодарен.

Мне непременно хочется найти себе какое-нибудь занятие в России, раз для увеличения моих скудных доходов, и затем потому, что моим детям, как русским подданным, необходимо получить образование на русском языке, что здесь, конечно, вполне невозможно. (Они, правда, учатся по-русски под руководством моим и моей жены, но это никоим образом не может заменить правильного и полного образования)»¹. В 1900 г. И. А. Бодуэн де Куртенэ, действительно перешел в Санкт-Петербургский университет, но на кафедру сравнительного языкознания и санскритского языка. Из контекста письма Ястребова следует, что это произошло не без помощи Ламанского. На кафедру же славянской филологии был избран выпускник Московского университета П. А. Лавров. Для Ламанского, не без основания гордившегося своей «научной школой», ученики которого занимали практически все славяноведческие кафедры в российских университетах, это была личная трагедия. В родном университете, которому он отдал без малого уже сорок лет жизни, на кафедре его сменил ученый, не имевший отношения к той традиции, которую Ламанский столь кропотливо и бережно формировал все эти годы. С негодованием он писал А. А. Шахматову: «Сегодня, к крайнему моему сожалению, в Фак<ультете> избран Лавров (6 бел<ых> и 4 черн<ых>)»². Н. В. Ястребов в письме из Вены (11/24 мая 1900 г.) передавал возмущение бывшего товарища Ламанского по кафедре славянской филологии И. В. Ягича: «Ильинский писал сюда о выборе Лаврова на кафедру; Ягич недоволен! Никогда, говорит, не будет в России своей школы славистов, если дела пойдут так; австрийск<ая>

¹ Там же. Л. 42—42 об.

² СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 812. Л. 28.

славистика опередила русскую; последнюю нужно насаждать второй раз, посылая выводки молодежи в здешние и германские университеты. Так он думает...»¹ Происходящие события были явным укором Ламанскому и ставили под сомнение столь лелеемую им идею собственной (а для Ламанского и национальной, русской) «научной школы», которая, казалось бы, только начала заявлять о себе. Неслучайно он столь трепетно относился к своему последнему по времени университетскому ученику Н. В. Ястребову, видя в нем своего преемника на кафедре и представителя нового поколения «научной школы», у истоков которой он стоял. Уже перейдя на службу в Академию наук, Ламанский всячески старался поддерживать Ястребова (и мудрым советом, и ученой рекомендацией, и человеческой помощью, и материально). В письме 11 ноября 1902 г. он благодарил А. А. Шахматова «за Ваши заботы об Ястребове, очень мне близком, как моем преемнике в Университете»². Для него было принципиально оставить на университетской кафедре своего ученика. Когда же кафедра оказалась занята человеком, не принадлежащим к «школе Ламанского», он приложил все усилия, чтобы в университете была открыта новая «кафедра» уже по истории славян.

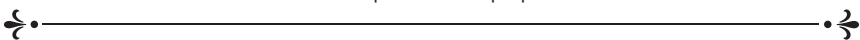
Не книги и статьи, не успехи в изучении славянской истории и литературы, по мнению Ламанского, составляли главное дело его жизни. Главным своим достижением он считал учеников. «Для профессоров и университетской культуры в целом, — замечает Е. А. Ростовцев, — связь “учитель — ученик” имела и глубоко личный смысл. Сквозь призму учительства и ученичества не только мыслилась история науки и корпорации, но и свое место в ней»³. Ламанский выработал собственную методологию исследования и манеру преподавания, которая, как он предполагал, помогает избежать поверхностной популярности и привлекает по-настоящему заинтересованных студентов. Философско-методологическую основу учения Ламанского составило славянофильство⁴. К концу 1870-х гг. сформировалась научная школа Ламанского, к которой принадлежали три десятка его учеников, к началу XX в. занимавшие большинство кафедр

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1606. Л. 43 об.

² СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 812. Л. 11.

³ *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи ... С. 328.

⁴ *Робинсон М. А.* Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX — начала XX в. (В. И. Ламанский, П. А. Кулаковский, К. Я. Грот) // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы*. М. : Наука, 1986. С. 93—98.

славяноведения в России¹. В 1877 г. в одном из писем И. С. Аксакову он признавался: «Я вообще нетерпелив и как университетский преподаватель чувствую слабость к хорошим дарованиям и не всегда сдержан с тупицами»². В другом же письме своему московскому корреспонденту Ламанский замечал: «Есть великое наслаждение в нашей профессорской, обыкновенно довольно горькой, доле. Имеешь возможность следить и подмечать выходы новых сил. Есть бездна дряни между университетской молодежи, но зато постоянно попадаютя и отличные, здоровеннейшие силы. Сравнивая их с нашими, бывало, юношескими, замечаешь без всякого преувеличения огромный успех русской мысли, сознания, образованности»³. 24 сентября 1879 г. он вновь писал И. С. Аксакову о своих планах и учениках: «Я работаю по возможности много над славистикой и мечтаю, и Бог даст, если еще проживу и останусь в университете, успею образовать целую группу, если не школу славистов, которые, надо надеяться, оставят след в литературе и будут несравненно производительнее и счастливее меня. Я не умею действовать на публику, не умею себя сдерживать и ограничивать, распоряжаться временем и справляться с своими планами и силами. Я привязываюсь к моим хорошим ученикам и боюсь и мучусь за них часто может быть больше, чем они сами. Славянство, Русь страдали от незнания и непонимания своего положения, своих судеб. Всякий, кто по мере своих скромных сил честно трудится над разъяснением нашего прошлого и настоящего, имеет право на известное уважение русских и славянских образованных людей»⁴. К «школе Ламанского» принадлежали Ю. С. Анненков, В. Э. Регель, П. А. Сырку, И. С. Пальмов, Ф. И. Успенский, Ф. Ф. Зигель, А. С. Будилович, Р. Ф. Брандт, И. И. Соколов, М. И. Соколов, К. Я. Грот, Т. Д. Флоринский, Н. В. Ястребов, А. Л. Петров, Г. М. Князев, Ф. М. Истомин и др. К ученикам Владимира Ивановича относил себя и его зять В. П. Семёнов-Тян-Шанский. В письмах Ламанский изредка давал характеристики своим ученикам. Например, перед И. С. Аксаковым выделял «моего молодца Флоринского»⁵. «Флор<инский>

¹ Лантеева Л. П.: 1) История славяноведения в России в XIX в. М. : Индрик, 2005. С. 378—431 ; 2) Владимир Иванович Ламанский (1833—1914) и его ученики (к 100-летию со дня смерти учителя) // Славяноведение. 2014. № 6. С. 82—96.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 107 об.

³ Там же. Л. 125 об.—126.

⁴ Там же. Л. 142 об.

⁵ Там же. Л. 163.

будет и подаровитее и пооригинальнее Грота. Сообщу Вам маленький же отзыв и о Флоринском. Не знаю, люди говорят, что у меня есть школа. Очень рад, если это правда», — не без оправданной гордости признавал он¹. К. Я. Грот отмечал в некрологе своего учителя, что «В. И. обладал особым даром привлекать молодежь к своему предмету и интересам и руководить ими, нисколько не подавляя их своим авторитетом и влиянием, а напротив, вызывая в них и заставляя проявлять индивидуальные способности, силы и самостоятельность.

В личных отношениях с ними он был необыкновенно прост, гуманен, добр и даже сердечно-участлив, и его готовность помочь, ободрить, поддержать — привязывала к нему его учеников навсегда².

Письма учеников раскрывают, насколько жизненно и духовно близок был Ламанский к своим ученикам. Ониверяют ему свои личные переживания, сообщают о семейных и даже сердечных делах, благодарят за хлопоты по добыванию пособий, стипендий, высылке гонораров, рассказывают о своих занятиях, поездках, встречах, делятся впечатлениями о новых знакомствах и прочитанных книгах, испрашивают советов и просят быть шафером на свадьбе (как, например, А. С. Будилович). Ламанский присылает свои деньги ученикам, находящимся в тяжелом материальном положении в заграничной командировке из-за задержки министерских выплат, хотя сам не имеет никаких материальных излишков, ищет ученикам возможности для дополнительного заработка и постоянной работы. При этом он, конечно, остается в первую очередь учителем: дает рекомендации по тематике диссертаций, указания по необходимой литературе и т. п. Ученики просят Ламанского за своих родственников (братьев и сестер), и он, по возможности, помогает им: всячески поддерживает в Петербурге, хлопочет перед университетским начальством, перед министром, доходит до П. А. Столыпина, обращается за поддержкой к А. С. Суворину, добивается освобождения братьев своих учеников, арестованных за участие в революционных выступлениях, и т. д. Привлекает для этого свои знакомства в Академии генерального штаба и среди влиятельных чиновников. В ряде случаев речь даже идет не об учениках или их родственниках, но о практически незнакомых людях. Так, например, в 1907 г. Ламанский обратился к П. А. Столыпину с просьбой об освобождении под залог до суда

¹ Там же. Л. 163—163 об.

² Грот К. Я. Дорогой памяти Владимира Ивановича Ламанского // Новое время. 1914. 22 нояб. № 2544.

бывшей курсистки и сестры милосердия в Маньчжурии во время войны Эскиной, обвиненной в революционной пропаганде в войсках. Достаточным основанием Ламанскому для прощения послужило то, что Эскина была подругой сестры его ученика Н. В. Ястребова, к тому времени уже покойной.

Однако одного лишь личного участия в жизни учеников для создания научной школы было недостаточно. Ни лекторское красноречие, ни серьезная ученость, ни щедрая эрудиция еще не создают школу. Для этого нужна концепция, обобщающий подход, дающий возможность начинающим ученым увидеть свою исследовательскую тематику. Философские увлечения Ламанского, его последовательное славянофильство задавали широкий взгляд на проблемы славянской истории и литературы, позволяли преодолеть крохоборство кабинетной работы и выработывали целостное понимание предмета. По словам К. Я. Грота, «чрезмерной и бездушной специализации и буквоедству он не мог сочувствовать»¹. Одни лишь лингвистические штудии или источниковедческие занятия едва ли могли создать школу. Для научной школы нужны общие теоретические, методологические и философские установки. Именно масштабность восприятия славянства, цивилизационный подход к истории и культуре восточноевропейских народов, обосновываемый Ламанским, привлекал к нему учеников. Один из первых его учеников А. С. Будилович² писал Ламанскому в Венецию 14/16 декабря 1868 г.: «Мне не хочется верить и никто меня в этом не убедит, что истинное призвание Влад. Ламанского состоит в том, чтобы написать 15 томов наиученейшего сочинения об отношениях Далмации к Венеции... Я даже имею странность думать, что деятельность, напр<имер>, Кояловича — публицистическая — гораздо важнее его истории униатов, и что ваши брошюры — важнее вашей диссертации... Каждому свое: кто для архива, кто для трибуны. Я бы считал большой <нрзб.> для славян, если бы, напр., Гильфердинг сделался специальнейшим, величайшим славянским археологом, палеографом, филологом и т. д. Пускай Куник будет нумизматом, но пусть Самарин не пишет более

¹ Грот К. Я. Владимир Иванович Ламанский. Пг. : Тип. Т-ва А. С. Суворина, 1915. С. 19.

² В одном из писем Ламанскому А. С. Будилович именно так себя и аттестовал: «...вашему первому, м<ожет> б<ыть> менее других способному, но зато наверное более других вам преданному и благодарному ученику» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 31).

рассуждений о Феофане Прок<оповиче>»¹. И далее А. С. Будилович продолжал: «Славянский ученый долго еще будет обречен на труд чернорабочего: издание материалов, критич<еское> их изучение, прагматич<еское> воспроизведение фактов — и тогда уже откроется поле для деятельности архитектурской — философа»². Для славистики наступает время философских обобщений. А. С. Будилович предостерегал Ламанского от «пострижения в ученые монахи» и призывал его к философскому осмыслению судеб славянства. Ламанский сполна реализовал пожелание своего первого ученика. «Он не только до мелочей анализировал добытые им научные материалы и делал на основании их важные специальные открытия, — отмечал К. Я. Грот, — но он умел обнаружить в мертвых на вид памятниках голос минувшей жизни и ее духа, сближал отдаленное прошедшее с настоящим и своим замечательным творческим даром создавал смелые глубокомысленные построения, открывал широкие заманчивые исторические перспективы, к изучению которых он увлекал своих молодых учеников и последователей»³. Перед учениками, занятыми частными изысканиями и работой над источниками, он открывал «заманчивые перспективы важных общих выводов и широкого исторического синтеза»⁴. Грандиозность задачи нередко приводила к тому, что работы самого Ламанского оставались неоконченными, но именно на пути к такому теоретическому синтезу он и написал свои лучшие славистические исследования.

Ученики ценили у Ламанского прежде всего общий (философский) взгляд на славянство. Далеко не все из них продолжили его теоретические изыскания. Скорее даже наоборот, большинство его учеников стали высоко профессиональными исследователями и педагогами, но не предложили ничего равного Ламанскому в философии. Однако без славянофильской философии не было бы «школы Ламанского». В юбилейный для Ламанского 1883 г. его ученик Ф. Ф. Зигель писал из Варшавы: «Ваши ученики желали поблагодарить Вас за Ваше, можно сказать, отеческое к ним отношение; мы все вполне осознаем, что мы обязаны Вам надлежащим пониманием отношений романо-германской цивилизации к Славянству. Действительно только у Вас одних можно найти ясную постановку вопроса о признаках обеих

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 18.

² Там же. Л. 18 об.

³ Грот К. Я. Владимир Иванович Ламанский. С. 14.

⁴ Там же. С. 18.

цивилизаций. Все Ваши предшественники, включая сюда и Хомякова, довольствовались каким-то мистическим отношением к Славянству, а о православии употребляли туманные выражения вроде “высота просветительных начал православия” и не думая заняться анализом этой высоты»¹. В этом же письме Ф. Ф. Зигель напоминал Ламанскому о задумке написать об этом книгу. Такая книга появилась в 1892 г. — «Три мира Азийско-Европейского материка».

С годами именно думы об учениках согревали экзистенциальное одиночество Ламанского. Дети выросли, в 1898 г. от рака груди умерла жена, ушли из жизни многочисленные братья. Старик Ламанский искал отраду в учениках. Тоской наполнено одно из его поздних (вероятно, 1911 г.) писем к византинисту Ф. И. Успенскому, возглавлявшему Русский археологический институт в Константинополе:

«Многоуважаемый, добрый и милый
Фёдор Иванович

В последнее время приводил я в порядок все сохраняемые мною письма ко мне (с 1864 г. и даже и ранее) от моей матушки, отца и братьев моих и от единой сестры — братья (8 чел<овек> и 1 сестра) все померли — большая часть даже давно. Я пятый пережил всех — старших и младших. Сестра (73 л.) еще бодрится, но уже вдова и бездетная. Я с нею часто вижусь и постоянно вспоминаем нашу семью — отца, матушку и семь братьев. Я пятый, она шестая, уже вдова Поленова, младшего брата, сенатора; и может быть, старшего — археолога, может быть Вы видали его у меня или у Срезневского.

Все мои университетские товарищи уже померли: Васильевский, Минаев, Владиславлев, из других факультетов — Чебышев, Менделеев и проч. и проч.

Померли и близкие друзья — слушатели мои — Будилович, Соколов.

Видаюсь чаще с Ястребовым и Пальмовым. Флоринский, Петров и Вы — далече <...> Петров очень редко показывается, хотя живет в Петербурге. С 26 июня 1911 г. мне прошел уже 78-й год. В последнее время Вы уже перестали показываться в Петербурге. Все в прошлую зиму и прошлую весну ждал я Вас и, увы, обманулся. Правда соскучился и решил наконец написать Вам и попросить Вас дать мне о себе добрую весточку о том, как Вы поживаете, что поделываете, как себя чувствуете.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 626. Л. 7—7 об.

Надеюсь, милый Фёдор Иванович, не откажетесь написать мне о Вашем житье-бытье, о Ваших работах и занятиях, о знакомых с греками, славянами и западными европейцами. Умер милый, добрый и большой любитель России и, что особенно печально, любитель русской водки; он ее себе выписывал и употреблял не в меру»¹.

Ф. И. Успенский, по свидетельству В. П. Семёнова-Тян-Шанского, на похоронах Ламанского «произнес весьма прочувствованное надгробное слово»². 9 апреля 1915 г. он выступил с докладом, посвященным Ламанскому, в Историческом обществе при Императорском Петроградском университете. «Правда, он не обладал лекторскими качествами, — вспоминал Ф. И. Успенский о занятиях у Ламанского в 1867 г., — от него не слышали мы захватывающих фраз и слов, но он сообщал мысли, дававшие материал для размышления. Те из нас, у кого была способность вдумываться в исторические факты и отдавать себе отчет в современных общественных вопросах, не могли относиться безразлично к его чтениям по славянской истории, вынося из них обильную пищу для выработки самосознания. Он первый побуждал нас останавливаться на словах и терминах, хотя и часто употребительных, но недостаточно каждым продуманных, и наводил мысль на новые понятия, из которых создается мировоззрение. В этом отношении лекции доцента Ламанского подготовляли нас к сознательному отношению к окружающей действительности и делали нас способными отличать реальное от кажущегося, ценное от мишурного и поддельного»³. Воспоминания Ф. И. Успенского корректируют известный мемуар С. Ф. Платонова, рисующий несколько карикатурный образ Ламанского⁴. По свидетельству К. Я. Грота, он

¹ Там же. Ед. хр. 75. Л. 3—3 об.

² Семёнов-Тян-Шанский В. П. То, что прошло : в 2 т. Т. 1 : 1870—1917. М. : Новый хронограф, 2009. С. 620.

³ Успенский Ф. И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Ламанском // Кодекс info. 2006. № 7/8. С. 94.

⁴ «Перед нами был всегда скучавший, сонный и рассеянный человек, — вспоминал С. Ф. Платонов, — очевидно тяготившийся преподаванием, охотно пропускавший свои лекции и легко терявший нить изложения не только от лекции до лекции, но и на одной и той же лекции. Лишь изредка, в счастливые минуты, Ламанский оживал и воодушевлялся, иногда по поводу ничтожной мелочи, случайно попавшей ему на язык, тогда он вырастал до своей настоящей величины, и мы с удивлением зрели его преобразование. Но проходила краткая минута, и пламень гас, оставляя нас в привычных потемках скуки и недоумения» (Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний

умел сделать предмет славяноведения «необыкновенно интересным и привлекательным»¹.

Большинство писем и мемуаров свидетельствуют о том, что Ламанский не был строгим профессором, отличаясь в преподавании и на экзаменах либерализмом. «По воспоминаниям П. Г. Васенко, сдававшего государственный экзамен по истории славян в 1897 г., профессор В. И. Ламанский не только заранее договорился со студентами исторического отделения о том, на какие вопросы они будут отвечать на экзамене, но и, что уже выглядело анекдотично, подсказывал по буквам фамилии забытых персонажей»². А. Л. Петров накануне экзамена в письме Ламанскому (23 января 1886 г.) приводел список вопросов, о которых загодя условился с учителем, и напоминал, «чтобы в следующем порядке спрашивали меня»: 1) польская литература золотого века, 2) история старопольского языка до XV в., 3) история сербского языка до XV в., 4) история собственно сербской литературы до XV в.». Здесь же А. Л. Петров предупреждал: «Последним отделом, т. е. сербск<ой> литерат<урой>, я менее всего занимался»³, как бы пресекая возможную реакцию экзаменатора на свой заведомо неполный ответ.

Недостаточное знакомство с предметом не было препятствием к сдаче экзамена у Ламанского, хотя его результаты не всегда удовлетворяли студентов. Так А. Е. Пресняков сетовал в письме матери (14 мая 1893 г.): «У нас вообще экзаменуют с осторожностью. Впрочем, “весьма удовлетворительно” я получил только у Васильевского, а у Ламанского по истории славян только “удовлетворительно”. Имея в виду полное незнакомство с предметом, это более чем достаточно; но Ламанский, обещав экзаменовать по указанным книгам, задавал вопросы вроде того, как такой-то польский летописец относится к такому-то князю. На это оставалось только плечами пожать»⁴. Впрочем, мягкость на экзаменах не означала отсутствия научной принципиальности. Рецензии и отзывы Ламанского нередко выдавались критичностью и жесткостью выводов. Он, например, выступая оппонентом на защите докторской диссертации Н. Д. Чечулина «Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II.

о студенческих годах // Дела и дни : исторический журнал. 1921. Кн. вторая. Пг., 1921. С. 109).

¹ Грот К. Я. Владимир Иванович Ламанский. С. 18.

² Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи ... С. 267—268.

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1106. Л. 9.

⁴ Александр Евгеньевич Пресняков : Письма и дневники ... С. 104.

1762—1774» (1896), отличавшейся, по словам А. Е. Преснякова, «националистическим патриотизмом», представил отрицательный отзыв.

Из сохранившихся бумаг Ламанского видно, что, как правило, он читал пять-шесть лекций в неделю, вместо шестичасовой нормы, что порой вызывало недовольство со стороны Министерства народного просвещения¹.

Ламанский не оставил крупных работ по славистике, не подготовил обобщающего труда по истории или языку какого-либо из славянских народов, не составил словарь и т. п. Его славистические исследования представлены в основном статьями или циклами статей, далеко не все из которых были закончены. Не были подготовлены к печати и многочисленные курсы лекций, которые Ламанский читал в Петербургском университете. Изданные студентами литографским способом, они доступны лишь узкому кругу специалистов. Около столетия работы Ламанского не переиздавались. Главным его достижением в славяноведении надо считать его учеников, составивших научную школу и фактическое становление истории славян в качестве самостоятельной научной дисциплины. Сам ученый прежде всего гордился тем, что смог создать свое направление в славистике, которое, пожалуй, можно назвать цивилизационным. Для Ламанского был характерен обобщающий, философский взгляд на историю, язык и культуру славянских народов. Он ставил перед собой задачу историко-философского синтеза судеб славянства. Отчасти это отвращало его от мелких филологических, историографических, текстологических, лексикографических и т. п. исследований, которые бы закрепили его значение как ученого. Однако именно цивилизационный подход способствовал выработке теоретико-методологических установок, необходимых для формирования научной школы. Правда, мало кто из его учеников поднимался на тот же уровень обобщений, что и их учитель, а младшее поколение его учеников и вовсе отказалось от славянофильской точки зрения в науке и политике². По словам О. В. Саприкиной, Ламанский, «как человек толерантного сознания прививал студентам интерес к славянству, не ставил им жестких канонических требований. В результате многие ученики Ламанского сумели преодолеть методологические позиции учителя и стали

¹ Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи ... С. 437.

² Робинсон М. А. В. И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о нем учеников и коллег // Славянский альманах, 2013. М. : Индрик, 2014. С. 143.

работать в рамках позитивизма. Основой школы Ламанского стало строго научное отношение к источникам, свобода их интерпретации. Исследователь сумел развить в учениках методологическую культуру, ставшую основой их дальнейшей работы в разных теоретических полях и в широком спектре отраслей славистики»¹. К сожалению, «школа Ламанского» просуществовала недолго. В советской историографии он был причислен к сторонникам «воинствующего национализма»² и «великодержавной шовинистической идеологии»³.

Основные монографии ученого: магистерскую и докторскую диссертации, а также «Три мира Азийско-Европейского материка» лишь отчасти можно отнести к славистике. Сам Ламанский считал их исследованиями скорее историческими и политико-географическими. Открыто проповедуемое славянофильство сказывалось в историософских интерпретациях и философских обобщениях. В них реализовался в большей степени политический или даже философский тип мышления, а не филологический. Неслучайно с дальнейшим развитием славяноведения значение Ламанского как слависта падало, а его значимость как политического мыслителя и философа славянофильского направления будет расти по мере расширения историко-философских исследований в России. По словам А. А. Шахматова: «Менее всего он был отвлеченным мыслителем или далеким от жизни моралистом. В нем тесно сживались интересы ученого и публициста, но прежде всего это был страстный патриот. Во всей его деятельности перед ним превозносится один единственный кумир, дорогой, нерукотворный — это его родина, обожаемая им Россия. Он тщательно оберегает ее интересы в настоящем и будущем, он ревниво говорит о них и в прошедшем. Ему ясно, что даже личного счастья и благополучия нельзя отделять от величия и благосостояния народа и отечества; для достижения того и другого требуется развитие самосознания»⁴.

¹ Саприкина О. В. Академик В. И. Ламанский (1833—1914): научное наследие и общественная деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 18.

² Пичета В. К истории славяноведения в СССР // Историк марксист. 1941. Кн. 3. С. 45.

³ Пичета В. И., Шустер У. А. Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1943. С. 224.

⁴ [Шахматов А. А.] Владимир Иванович Ламанский : некролог : (Читан в заседании Общего Собрания 29 ноября 1914 г. академиком А. А. Шахматовым) // Известия Императорской Академии наук. 1914. С. 1345.

«ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТАЙНЫ ВЕНЕЦИИ»

...я сделал лучшее дело в моей жизни.

Из письма В. И. Ламанского матери

В 1868—1869 гг. Ламанский второй раз отправился в заграничную командировку, намереваясь завершить работу над докторской диссертацией. Однако главным результатом почти годичных разысканий в венецианских архивах стал сборник исследований и архивных документов «*Secrets d'État de Venise et rapports de la République avec les Grecs, les Slaves et les Turcs au XVI siècle. Documents, extraits, notices et études*» (1884). Издание «Государственных тайн Венеции» готовилось на протяжении полутора десятилетий.

Первый раз Ламанский побывал в Венеции еще во время командировки 1862—1864 гг. Тогда его пребывание у «хозяйки Адриатики» было непродолжительным. В это время он начал изучать итальянский язык. В декабре 1863 г. он писал М. Ф. Раевскому: «Венеция, разумеется, мне чрезвычайно нравится, в три дня я успел осмотреть некоторые из главнейших ее памятников. Теперь учусь по-итальянски. Я сам без смеха не могу слушать моих итальянских бесед, то и дело вставляю славянские слова, русские, сербские, словенские. Во Флоренции займусь с учителем»¹. Второй раз Ламанский задержался в Венеции значительно дольше. Новую командировку Ламанского можно фактически назвать венецианской.

Первоначально Ламанский планировал пробыть за границей три месяца. Он надеялся найти в венецианских архивах сведения об ускоках, о которых намеревался написать исследование, но обнаруженные материалы значительно скорректировали и расширили его планы. Отвечая на послание Ламанского, И. И. Срезневский писал ему из Петербурга 16 августа 1868 г.: «С каким чувством читал ваше письмо, можете представить, ставши в положение получателя такого письма.

¹ Зарубежные славяне и Россия : Документы архива М. Ф. Раевского. М. : Наука, 1975. С. 265.

Я радуюсь вашим открытиям, как своим бы собственным, радостью Русского, радуюсь столько же и вашему сближению с Макушевым — тою же радостью. Одно меня только озадачило: вы перемените предмет диссертации»¹. Срезневский опасался, что ученик отойдет от намеченной темы и, увлекшись новыми материалами, не сможет окончить диссертационное исследование. «Нисколько, впрочем, не думаю, — писал в заключение Срезневский, — что Ускоки менее достойны вашего внимания»². Интерес к ускокам для Ламанского не был случайным. Еще в книге «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» он рассуждал об «охочих, вольных, беглых и гулящих людях из славян» и прослеживал значение этих свободолюбивых элементов в истории славянских народов. Типологически движение ускоков сближалось с казачеством и гайдучеством. Насколько увлечение ускоками вписывалось в работу над докторской диссертацией Ламанского? Однозначно ответить на этот вопрос трудно, поскольку Ламанский далеко не сразу определился с темой своей диссертации. Вначале он намеревался подготовить исследование о «Законнике» Стефана Душана. Уже находясь в командировке, написал серию статей «Непорешенный вопрос». Параллельно собирал материалы об ускоках, которые привели его к источникам по истории Венеции XV—XVIII вв. (политические убийства, материалы Совета Десяти и проч.). В итоге его докторская диссертация оказалась совсем о другом: обзор мнений европейских ученых, прежде всего немецких, о славянах.

Планы работы над диссертацией менялись по ходу знакомства с новыми архивными материалами. «Некоторые главы, по крайности две главы, — писал он родителям, — надеюсь написать еще за границу. Дай только Бог умения и таланта получше отделать эту работу. Любопытного бездна»³. Постепенно Ламанского захватили новые сюжеты и сведения, открываемые им в архивах. В декабре 1868 г. он уже признавался в письме матери из Венеции: «Надо Вам сказать, что при той тишине и великом спокойствии, которыми я здесь пользуюсь и при которых так хорошо работать, здесь есть и большие неудобства для нашего брата. Это именно недостаток самых необходимых подручных, справочных книг. Если что и есть, то трудно достать. Из Публ<ичной> б-ки можно брать на дом не все книги, и то не всегда. Заниматься же в библиотеке печатными

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1323. Л. 10.

² Там же. Л. 10 об.

³ Там же. Ед. хр. 44. Л. 76 об.

вещами грешно, когда у меня есть столько рукописей, которые надо пробежать, прочитать, извлечь.

Не думайте также, чтобы все, над чем здесь работаю, войдет в диссертацию. У меня собирается материал на весьма большой труд, маленькую часть я пушу на доктора. Этот же труд составит большое сочинение в две, три части. Не бойтесь, чтобы теперь меня что-нибудь отвлекло от него. Хлопоты о славянах я прекращаю. Теперь есть много желающих и более моего молодых и на это способных. Я хочу, я решился посвятить следующие годы моей жизни написанию такого исторического сочинения, которое было бы столько же ученым, сколько и литературным произведением. Плохой казак, который не желает быть атаманом. Я хотел бы оставить по себе памятник, труд, который бы мог иметь влияние и доставить мне имя в литературе. Очень может быть и даже вероятно, что все это фантазия, но у меня засела в голове такая мысль, и я употребляю все от меня зависящее для ее осуществления¹. Еще только приступая к обработке собранных архивных материалов и начиная осознавать масштабность замысла, Ламанский уже предчувствовал и грандиозность итога.

Обстоятельства пребывания в Венеции, где он проживал, по собственному признанию, под именем «Signor professore», и работы в архивных хранилищах отчасти можно реконструировать по письмам ученого к родным. В них помимо прочего находит отражение и даже объяснение итоговый выбор Ламанским темы докторской диссертации: мнение европейцев о славянах и русских. «...Жизнь моя очень однообразна, — признавался он родителям. — До 4-х часов в архиве, потом в кафе. Изредка я хожу в театр или беседую с кем-нибудь из здешних на С<в>. Марке. Так сегодня вечером долго проболтал с хозяйкою и с ее сыном. Все говорили о Польше и о нашем варварстве. Вы себе представить не можете, какие безобразные понятия сложились в этой старой Европе о России. Что об ней пишут здешние журналы? Все это так глупо и смешно, и тем смешнее, что мы во многом стоим выше их. В некоторых отношениях европеец невероятно туп и ограничен, и при том он никогда не забывает, что русские, дескать, варвары и с ними надо говорить иначе, снисходя к их понятиям. Впрочем, я всегда в конце концов рад, когда встречаю в Европе низкие понятия о России. Борьба Европы с Россией несомненна, неминуема. Война с Россией рано или поздно улыбается Западу. Они все здесь убеждены, что Россию ослабить, обессилить

¹ Там же. Л. 78 об.

и, если можно, уничтожить для них необходимо. Тем лучше, значит, для нас, если противник так себя ценит и так мало нас уважает. В науке, даже в искусстве, не говорю о церкви, современные итальянцы стоят значительно ниже нас, а между тем они все глядят на нас с выскока своего величия. С большею частью из них серьезно о России я никогда не разговариваю, только смеюсь и дразню их, постоянно им толкую, что вся эта Европа постоянно работает в нашу пользу, думая нам навредить, и в заключение утешаю их тем, что рано или поздно только мы возьмем Константинополь, так как после турок только русские могут им владеть. Войны нам теперь конечно надо всячески избегать, и заботиться только о школах, литературе, науке, искусствах, промышленности и торговле, побольше строить железных дорог и торопиться с балтийскими немцами, остальное все приложится нам. Хорошо бы только было, ух, как хорошо бы, если бы Франция с Пруссией сцепились. Это было бы величайшее несчастье для Европы и большое счастье для нас.

По утрам за чашкою кофе или после обеда я прочитываю и пробегаю некоторые иностранные газеты, но вообще за политикой слежу мало. Меня гораздо больше занимают всех этих современных толков какие-нибудь документы XVI в. Только бы хватило у меня дарования воспользоваться этими драгоценнейшими материалами для живого описания и представления Далмации и Ускоков в XVI в. Работаю в архиве с возрастающим вниманием, и было бы грешно иначе. Боже мой! какие здесь сокровища! Представьте себе — у нас для XVIII в. не найдется в многих случаях таких подробных материалов, какие здесь имеются для XV и XVI в., когда Венеция была большим морским государством, разумеется благодаря главнейше греческим и славянским подданным своим. Сегодня вечером не работал отчасти и для того, чтобы не очень утомлять глаз. Окончательно обработать всех моих материалов здесь в Венеции я не буду в состоянии, а первых двух глав и введения я не примусь писать здесь, так как при мне нет самых необходимых книг о славянщине. Но некоторые главы моего труда я буду уже здесь писать»¹. Как видно, письмо поясняет, почему Ламанский не уделял столь много внимания диссертации, как того можно было ожидать, и сосредоточился на тех сюжетах, которые открывали ему архивы. В письме он так же неслучайно упоминает русский XVIII в. В конце 1850-х — первой половине 1860-х гг. Ламанский опубликовал большой объем архивных материалов XVIII в., в том числе относя-

¹ Там же. Л. 74—74 об.

щихся к истории Академии наук и деятельности М. В. Ломоносова. Переутомление, вызванное работой в архиве, привело к болезни глаз Ламанского, о которой в марте 1869 г. в письме сообщал В. В. Макушев.

В архиве Ламанский работал, как правило, четыре дня в неделю, остальное время занимаясь в библиотеке. «По вечерам сижу обыкновенно дома, утро до 3 ½ ч. в Архиве или Библиотеке», — извещал он родителей¹ и продолжал в другом письме: «Новостями интересуюсь мало. Занимает меня теперь прежде всего — побольше прочесть, отметить и списать в Архивах, поскорее и вовремя получать жалованье и иметь постоянные известия от Вас»². Об этом же он сообщал и друзьям. «Работаю усерднейше, как давно уже не работал, — писал он 9/21 сентября 1868 г. Л. Н. Майкову, — ежедневно нахожу, отмечаю, извлекаю, списываю разные превосходные вещи (о Далмации, и Ускок<ах> в XVI в. и в нач<але> XVII в.), и надеюсь, что время провожу здесь не даром <...> Я здесь живу в Венеции XVI в. и в ее восточных провинциях, преимущественно Истрии и Далмации, и решительно ничего не знаю, что творится у Славян, в России. Я очень рад такому уединению, и Бог даст оно оставит полезный след в моих будущих работах»³. В ответ Л. Н. Майков писал ему из Петербурга 7 октября 1868 г.: «Радуюсь за Вас, что Вы нашли хорошие вещи в Венецианском архиве»⁴ — и выражал пожелание подготовить на их основе большое исследование. «Откровенно говорю Вам, что от Вас, по Вашим силам, должно видеть именно такого труда, а не одного подбора сырых материалов. Ваша работа должна быть пошире и поглубже», — призывал Л. Н. Майков⁵. В том же духе свое пребывание в Венеции Ламанский описывал А. И. Артемьеву. «Я живу здесь очень смиренно, почти отшельнически, выдаюсь мало с кем, — признавался он в письме 25 октября 1868 г., — каждый день, кроме воскресений, в архиве с 9 ½—3 ½ ч. Читаю каждый день иностранные газеты, но вообще все современное уходит от меня на задний план. Новый любопытный документ в Архиве гораздо для меня важнее и интереснее всех интересных телеграмм и передовых статей и речей Бейста, Станлея»⁶. «Мои венецианцы и турки, и их подданные греки и славяне, занимают все мое сво-

¹ Там же. Л. 72.

² Там же. Л. 76 об.

³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 3. № 615. Л. 3 об.—4.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 892. Л. 1 об.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 5. № 23. Л. 1 об.

бодное и несвободное время», — повторял он уже в письме матери 23 февраля 1869 г.¹ Интенсивность работы в архиве не снизилась и в следующем году, так что один из его учеников, А. С. Будилович, 25 июня 1869 г. констатировал в своем письме: «...вы совершенно поглощены венецианскими архивами и влюблены в них, т. е. в эти архивные документы, а не в Венецию, к которой вы оказываетесь столь неблагодарным за ее гостеприимство»².

Результатом архивных радений Ламанского стали «Secrets d'État de Venise». Вначале он слабо представлял, до каких размеров может разрастись исследование. Параллельно он работал над статьями «Непорешенный вопрос», но признавался матери, что его «статья» может быть интересна пяти-шести человекам; «выписки, извлечения и грамматические примеры. Вот и писательство Венецианского периода»³. Совсем иной мир открывали ему архивы. «Итальянские дипломаты XV и XVI <в>в., даже маленьких дворов, отличаются своею тонкою наблюдательностью, высокою образованностью, ловкостью, удивительным умением доставать и собирать самые секретные сведения и замечательным талантом описывать и излагать самые сложные и запутанные происшествия, очерчивать характеры, обычаи, нравы», — делился Ламанский впечатлениями от архивных сокровищ Венеции с родителями в письме 10/22 апреля 1869 г.⁴ Архивная работа настолько его увлекла, что он признавался матери: «Последние 6, 7 месяцев принадлежат к самым рабочим дням моей жизни, мало знакомой с леностью и праздностью»⁵. Сознвая важность источников, которые открыли ему венецианские архивы, он вновь писал матери 4/16 мая 1869 г.: «...но я теперь меняю свой образ жизни. Бросаю всякие агитации и комитеты, переписку с славянами и пр. ...пишу и читаю и думаю о турках и латинах в 15—16 в. Без бахвальства могу сказать, что в этот год я сделал лучшее дело в моей жизни, но это лучшее дело мое еще только начало, только незначительная часть дела настоящего. Надо все это обделать, обработать, дать художественную форму. Вот над чем надо теперь мне поработать. Старому холостяку даже от скуки надо придумывать себе разные трудные, головоломные и нескончаемые занятия»⁶.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 82.

² Там же. Ед. хр. 267. Л. 35 об.

³ Там же. Ед. хр. 44. Л. 73.

⁴ Там же. Л. 85.

⁵ Там же. Л. 77 об.

⁶ Там же. Л. 87.

В общей сложности за время командировки Ламанский проработал в итальянских архивах 13 месяцев. Постепенно накапливалась усталость, и начинала одолевать тоска по родине. В начале июня 1869 г. он признавался матери: «Иногда, по правде сказать, я устаю от моей архивной работы, и тогда гляжу на нее, как на обязанность и службу. Впрочем, вообще работаю с удовольствием. Главное соскучился по России и особенно по доме»¹. «Вы можете мне поверить, — писал он матери в другом письме, — что я не отвык от семьи, но здесь, живя совершенно одиноко, встречая любезности, но не ласку, не радушие, не ту искреннюю, сердечную доброту, которая есть только у славян и преимущественно у русских, — здесь как-то привыкаешь суживаться, запечатываться. Читая письмо Ваше, я вдруг снова перенесся в мой мир, от которого сам убежал, и я радовался, вспоминая, что этот мир мне не чужой, а и есть мой настоящий; а что тот мир, в котором я живу теперь не только внешне, но и внутренне, есть мир мне совершенно чужой»². Однако затем вновь возвращался к любимой работе: «Вообразите, голубушка, я становлюсь в высшей степени скучен и несносен. Я готов всем и постоянно говорить о Венеции, о Далмации, о турках, австрийцах, испанцах XVI в., о тонкой наблюдательности, о мастерской живости характеров, о бездушии и бессердечности, о низости и коварстве, об ядах венецианцев. О, Европа, умная, ловкая, образованная и блестящая и вместе с тем подлая, низкая и насквозь изолгавшаяся. Нет ничего противнее для меня, когда читаешь или слышишь, что европеец нас, Византию упрекает в испорченности и безнравственности, и нет ничего смешнее наших русских европейцев, скорбящих о том, что мы так мало похожи на Европу и во всем у нас хорошем видящих лишь слабое отражение и след Европы. Беда в том, что наши господа, поклонники Европы, ее собственно не знают и в источниках не изучали. Езуитство в ней существует гораздо раньше Лойолы. Это явление глубоко национальное. Быть может, по этой части я до приезда моего в Россию кое-что напечатаю в <“>Заре<”>. Вы содрогнетесь и отвернетесь с ужасом от этого невообразимого коварства и от этой подлости души, которая выступает тем ярче, при утонченности образования и великих способностях ума. И тут не люди виноваты собственно, не Иван, не Пётр, а руководящие начала, в которых живут и умирают целые поколения. Конечно, до протестантов это не относится»³. Упреки, которые

¹ Там же. Л. 88.

² Там же. Л. 78.

³ Там же. Л. 79.

Ламанский бросает в письме Европе, не относятся к псевдославянофильским предрассудкам о «загнивающем Западе». Ламанский имел возможность непосредственно познать европейскую жизнь и приобщиться к тайнам европейской истории. Двудличие Европы отпугнуло его и только укрепило славянофильские убеждения.

Впрочем, оставалось время и для досуга, изредка отвлекавшего его от архивных занятий. В письмах родным он упоминает, что ходит к Бакуниным, Ренненкампу, встречается с Васильчиковым. В. В. Макушев неоднократно передавал Ламанскому, уже вернувшемуся в Россию, приветствия от М. С. Дринова и княгини Голицыной. «Княгиня постоянно отзывается о Вас с высочайшими похвалами», — сообщал он из Неаполя 11/23 января 1870 г.¹ В конце декабря 1868 г. Ламанский писал матери: «...останавливаюсь перед разными паяцами и марионетками, прислушиваюсь к толпе, заглядываюсь на хорошеньких венецианок и форестьерок и подумываю о Восточном вопросе, о старой Венеции, для которой он всегда существовал, о славянах и России, соображаю про себя о разных новых данных и сведениях, только что собранных в Арх<иве> или библиотеке, как бы это, мол, получше изложить да переделать и куда и после чего вставить»². Жизнь на чужбине явно тяготила Ламанского. Контраст между историческим величием Венеции, приоткрываемый архивами, и ее текущим положением европейской периферии его удручал. «Здесь никакой хорошей музыки не слышишь, — сетовал он в письме матери 23 февраля 1869 г. — Ох, если бы Вы знали, какая здесь жалкая, скупая, провинциальная жизнь. В первый раз, когда я был в Венеции, всю беду сваливали на австрийцев. Теперь видишь, что тогда жизнь была полнее: интриговали, агитировали... жили в надеждах и ожидании»³.

Дворяне Ламанские не имели иного дохода, кроме службы. Не владели в прошлом крепостными крестьянами, не ходили в царских фаворитах, не нажили имущества. Единственным средством существования и для Владимира Ивановича были служба и литературный заработок, поэтому столь часто в письмах он обсуждает выплату жалованья и отправку ему гонораров за публикации. На протяжении всей его долгой жизни, кажется, не было периода, когда бы материальная нужда не угрожала ему и его семье. Не обошла она его стороной и во время заграничной командировки. В письмах из Венеции он изредка

¹ Там же. Ед. хр. 898. Л. 54 об.

² Там же. Ед. хр. 44. Л. 70 об.

³ Там же. Л. 81.

упоминает о долгах. Так, в письме матери 1/13 ноября 1868 г. отмечал: «В конце месяца всегда сидишь без денег, истратишь по обыкновению все, что можно было достать в долг, заложишь часы, за которые, как серебряные, давали мне 13, 17 и наконец нынче дали 20 франк.»¹ Судя по переписке, Ламанский регулярно оставался без необходимых для существования средств. «Теперь же я всегда вынужден обманывать тех, у кого занимаю в долг или с кем расплачиваюсь, обыкновенно у бедняков же», — признавался он родителям². И в этом же письме с горечью замечал: «Мои работы и занятия идут по-прежнему, но жизнь отравляется этим постоянным беспокойством и ожиданием нескольких рублей. Скажите, разве это порядок? Русские, живущие на счет государства за границею, постоянно бедствуют, постоянно получают деньги не вовремя. Почему бы, напр<имер>, не выдавать мне теперь жалованья за 2, за 3 месяца. Тогда бы хоть несколько недель жил спокойно»³. Материальное положение Ламанского усугублялось не только небольшой суммой выделенных министерством денег, но и их несвоевременной присылкой. Более того, помимо личных затрат, он вынужден был оплачивать работу переписчиков, поскольку не успевал самостоятельно скопировать все нужные документы. Ежемесячно Ламанский тратил на переписчиков в архивах Венеции и Милана по 150 франков и при этом вынужден был закладывать в ломбард вещи, чтобы выгадать 15—20 франков на неотложные нужды. Тридцатью годами позднее в письме Л. Н. Майкову он вспоминал: «Все мои материалы (больше пол<овины> еще не изданы), собранные в Венеции, переписаны мною и чиновник<ами> Архива из моего доцентского жалованья, за курьера<?> <...> в Венецию я платил уже из моего кармана. Вся награда за “Secr<ets> d’État <de Venise>” составила 200 экзempl<яров>, не больше, кажется»⁴.

В архивах Милана, Турина, Неаполя, Палермо, Болоньи, Генуи, Венеции (после возвращения ученого в Россию) поиском интересующих Ламанского документов занимался В. В. Макушев⁵. Так, уезжая в Турин, он писал Ламанскому 6/18 сентября 1869 г.: «Перед отъездом из Милана я опоздал отправить на почту изготовленные для Вас копии; посылаю их теперь из Турина. К сожалению, копия рукописи

¹ Там же. Л. 76.

² Там же.

³ Там же. Л. 76—76 об.

⁴ Письмо В. И. Ламанского Л. Н. Майкову // Вече : журнал русской философии и культуры. 2009. Вып. 19. С. 207. См. наст. изд. С. 481.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 898. Л. 10—11 об. и др.

о венецианском правительстве не покончена — и потому, что у меня не было средств снабжать более писца деньгами, а от Вас я получил только во вторник вечером, и с среды только мог настаивать на спешности работ; но остается не много, и этот конец пришлет Вам Бранка, который должен выехать в Рим и рассчитаться с писцом за последние страницы; ибо из денег Ваших у меня ничего не осталось»¹. В. В. Макушев был занят самостоятельной исследовательской работой в итальянских архивах, поэтому для копирования документов, необходимых Ламанскому, вынужден был нанимать писцов. В Милане Макушев вместе с Бранкой также переводил фрагменты книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» на французский язык². В марте 1869 г. он пригласил Ламанского «приехать сюда (в Милан. — А. М.) на праздники, во время которых венецианский архив будет закрыт, я бы Вам вручил копии актов, переписанных для Вас»³. По большей части это были документы XV в. Ламанский принял приглашение друга и несколько дней в марте 1869 г. провел в Милане, два из которых проработал в архиве. «Я поехал в Милан главное, чтобы проветриться. В тихой, полумертвой Венеции в праздники (была Светлая) особенно, когда не в Архиве, берет тоска страшная», — объяснял он причины своей поездки родителям в письме 23 марта/4 апреля 1869 г.⁴ В том же письме он указывал на отличие буржуазного Милана от провинциальной Венеции: «Милан и Ломбардия самые промышленные и торговые части Италии. В Мил<ане> теперь около 300 т<ысяч> жит<елей>. Город постоянно растет и строится. Недавно выстроена и еще продолжается галерея-пассаж, величественное и изящное здание, которое бы сделало честь любой столице. В Венеции все современное и новое — бедно, сонно, лениво, в Мил<ане> беспрестанно видите богатые магазины, отличные экипажи, не особенно изящные, но огромные и новые дома. Видно, люди трудятся, работают, богатеют. На площадях и улицах не видать страшной массы прудношатающихся оборванцев, как здесь»⁵.

Помимо архивов Венеции и Милана Ламанский намеревался, возвращаясь в Россию, поработать в архивных хранилищах Мантуи и Феррары. В одной из более поздних публикаций он делился впечатлениями от поисков в частных итальянских архивах: «Мне

¹ Там же. Л. 18.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Ед. хр. 44. Л. 83.

⁵ Там же. Л. 83—83 об.

приходилось лично наблюдать в Венеции и Фриуле представителей двух древних графских родов, которые доставили мне возможность работать в их домашних архивах. Оба они были люди совершенно беззаботные на счет литературы и науки. Один занимался сельским хозяйством, охотой, а в свободное время бранью и руганью Италии Кавура и Виктора-Эммануила. Другой был весь отдан разным экономическим спекуляциям. Их архивы, их коллекции рукописей в сущности нимало их не занимали. Но они любили при случае поговорить о них, похвастаться ими; не зная их настоящего достоинства и значения, они страшно преувеличивали их внутреннюю и внешнюю ценность, хотя они никогда не думали об их продаже общественным или правительственным учреждениям. Для этих коллекций были отведены еще дедами хорошие помещения в палаццах. Рукописи содержались в чистоте и порядке, по издавна заведенному обычаю. Владельцы никогда их не читали, толку в них решительно не понимали, но гордились ими, величались и тщеславились, как своими гербами, генеалогическим древом, старыми дипломами и привилегиями своих предков, портретами своих дедушек и прабабушек»¹. Помимо копий архивных документов, конспектов и выписок Ламанский вывез в Россию и большое количество книг о Венеции (часть книг для него приобрел в 1870—1871 гг. В. В. Макушев). В последующие годы он постоянно пополнял свою библиотеку, поэтому не без гордости писал в конце жизни И. В. Ягичу, что ни одна библиотека в России не может сравниться с его личным книжным собранием работ о Венеции.

Вернувшись в Россию, Ламанский завершил работу над докторской диссертацией и сразу же приступил к подготовке издания собранных архивных документов, которая сопровождалась исследовательской работой. С 1870 по 1874 г. было отпечатано 472 страницы из более чем тысячестраничного тома. При этом Ламанский продолжал заказывать из архивов и обрабатывать новые документы. Оставшийся еще на два года в Италии В. В. Макушев присылал ему выписки из архивов Венеции и Турина об ускоках, о славянских поселениях в южной Италии, о султани Джеме, снял копию «Истории ускоков» во флорентийском архиве и т. п. Ламанский, в свою очередь, сообщал В. В. Макушеву интересные сведения из архивных

¹ Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки о древнем и новом по истории славистики (памяти аббата Иосифа Добровского) // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. ССП. Март. С. 121—122.

материалов венецианского Совета Десяти и проч. Доступ к необходимым документам и возможность их копирования обеспечивались не только оплатой работ переписчиков, но и тщеславием итальянских архивистов. В письмах В. В. Макушев напоминал Ламанскому о необходимости ходатайствовать перед министром народного просвещения Д. А. Толстым о награждении руководителей итальянских архивов орденом Св. Станислава III степени.

Привезенные документы из венецианских архивов Ламанский использовал и для «натягивания и раздувания» своих заслуг перед «Советом» (надо полагать, Петербургского университета и, возможно, в связи с избранием экстраординарным или ординарным профессором). В письме, адресованном К. Н. Бестужеву-Рюмину, он отмечал: «Вчера я уже говорил о своей записке, о себе, о своих великих заслугах на пользу мира и человечества. Как шансов на успех в Совете имеется очень мало, то Вы лучше моего понимаете, как приходится раздувать и натягивать мои права»¹. К. Н. Бестужев-Рюмин вместе с В. И. Межовым составили библиографию работ Ламанского. В письме Ламанский просил дополнить ее публикациями исследований и архивных материалов о русской истории XVIII в., прежде всего о М. В. Ломоносове и Академии наук, упоминал о том, что сообщенными им сведениями пользовались в своих работах Ф. Палацкий (о чешских еретиках), И. А. Чистович (о Феофане Прокоповиче), указывал на то, что в предисловии к книге Л. Штура «Славянство и мир будущего» привел новые сведения по истории гуситского движения, а в 1868 г. в «Чтениях общества истории и древностей российских» опубликовал записку кн. А. Чарторыйского о «преобразовании Сербского княжества». «Да не обратите ли уж к стати вниманья и на мои материалы Венецианские. А чтобы сказать о них пару слов, не побрезгайте ко мне пожаловать и взглянуть на них, хоть, напр<имер>, в Среду вечером (На площади Большого Театра, № 12). Чувствую всю комическую сторону моего положения, но, смеясь, порядком трушу», — заканчивал он свое письмо².

В 1875—1878 гг. работа над изданием не велась. На эти годы пришлись Боснийско-Герцеговинское восстание (1875—1876) и Русско-турецкая война за освобождение Болгарии (1877—1878). Ламанский, который никогда не был чисто кабинетным ученым, не мог остаться в стороне от этих событий. Он включился в работу

¹ СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 209. Л. 1.

² Там же. Л. 1—1 об.

Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета, одним из основателей которого был, организовывал сбор пожертвований, снаряжение добровольцев и т. д. Тогда же в первом томе «Славянского сборника» он опубликовал ценное исследование «Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках»¹, которое, к сожалению, не было окончено. Но даже в таком виде оно представляло целую монографию, занимавшую в сборнике 170 страниц. В нем он затрагивал много важных вопросов, в том числе касался истории «римской идеи», т. е. идеи христианской империи, отношения церкви и государства и других, которые перекликались с архивными венецианскими материалами. В скором времени он включился в полемику по вопросу о подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей. Результатом работы Ламанского стал цикл статей «Новейшие памятники древнечешского языка»², в котором ученый аргументированно разоблачал литературные подделки. К сожалению, и этот цикл статей оказался незавершенным, хотя мог бы составить отдельную монографию, поскольку даже в журнальном варианте занимал около 230 страниц. В них он показал те исторические предрассудки и иллюзии, которыми руководствовались деятели чешского национального возрождения и которых впоследствии он коснулся в предисловии к «Государственным тайнам Венеции». Необходимо добавить, что за это время, кроме упомянутых, ученый опубликовал более двадцати работ. 1875—1878 годы были очень плодотворными для Ламанского в творческом отношении и одними из самых активных в отношении общественном. В начале 1870-х гг. он создал семью, и помимо малолетнего к тому времени сына Владимира в семье Ламанских за эти годы родилось четыре дочери. Не стоит забывать и о преподавании в университете, в котором в этот период Ламанский читал следующие курсы: «Историко-этнографический обзор славянских наречий и народностей вне России», «История славян», «История славянских литератур», «История польской литературы»,

¹ Ламанский В. И. Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках. Историко-литературные и культурные очерки // Славянский сборник. СПб. : Издание С.-Петербургского Отдела Славянского Благотворительного Комитета, 1875. С. 413—584.

² Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Январь. С. 131—160; Февраль. С. 311—366; Март. С. 118—159; Апрель. С. 247—276; Август. С. 1—33; 1880. Июнь. С. 312—353.

«Критический обзор источников древнеславянской истории». В 1880 г. он перенес тяжелую болезнь, завершившуюся операцией по удалению нарыва на горле. Операция не позволила Ламанскому принять участие в Пушкинском празднике в Москве, на который он вместе с Ф. М. Достоевским и О. Ф. Миллером был делегирован Санкт-Петербургским славянским благотворительным обществом.

Только в 1879 г. Ламанский вновь занялся исследованиями, связанными с венецианскими документами, и в 1881 г. возобновил печатание книги. К началу осени 1883 г. было готово предисловие. По крайней мере уже 24 сентября 1883 г. один из учеников Ламанского, И. И. Соколов, редактировавший вместе с Н. Н. Страховым «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», писал ему с предложением опубликовать русскоязычную версию предисловия в «Известиях»: «И еще просьба к Вам, — уже заодно: не найдете ли возможным дать мне корректурные листы Вашего введения в приготавливаемое Вами издание документов для помещения его в полном переводе или в извлечении в “Известиях”? Я занялся бы заблаговременно переводом и представил его Вам на просмотр, если бы Вы благоволили согласиться на помещение его в “Изв<естиях> Слав<янского> Общ<ества>»¹ Ламанский предпочел опубликовать предисловие в одном из ноябрьских номеров аксаковской газеты «Русь». Точные мотивы такого решения неизвестны. Однако можно предположить, что он учитывал как большее распространение газеты сравнительно со скромным тиражом «Известий», так и более ранний срок публикации. «Одна из первых книжек», о которых упоминал И. И. Соколов, по всей видимости, означала один из номеров 1884 г. Газетная же публикация, предваряя выход самой книги, служила и ее непосредственной рекламой.

В итоге книга вышла в декабре 1883 г., хотя на титуле был обозначен 1884 г. «Я весь нынешний год, а особенно с марта 82 г. и тем более с сентября, когда начались лекции, так занят, что положительно не имею свободной минуты, и если хожу в гости и в театры, то только, чтобы перевести дух. Вы сами увидите, когда получите мой томина почти в 1000 стр., сколько тут нужно было работы. Писать о чем-нибудь другом, кроме Венеции, я решительно ничего не могу. Делами домашними вообще мало занятый, я теперь совсем пренебрег», — извещал он И. С. Аксакова². 22 ноября 1883 г. Ламанский уже

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1309. Л. 62.

² Там же. Ед. хр. 1. Л. 174—174 об.

писал Л. Н. Майкову: «Печатаю менее 400 экзempl<яров>. В России останется от 200 до 300, из них большая половина, $\frac{3}{4}$ пойдет в библиотеки, разным сановникам и профессорам. Следов<ательно>, купят в России, если еще купят, быть может, каких-нибудь пять экземпляров. Цена — 10 р., следовательно, ни по содержанию, ни по цене в большой публике книга обращаться не будет. Труд тяжеловесный и пугающий одним своим видом большую нашу публику. Около $\frac{2}{3}$ книги занято документами на Лат<инском> и Итальянск<ом> яз<ыках> (и то еще часто с Венецианизмами)»¹. Печатавшаяся на протяжении почти пятнадцати лет книга лишена единой пагинации. Разные ее части (предисловие, оглавление, архивные материалы с исследовательскими очерками Ламанского, приложение, именной указатель) имеют самостоятельную нумерацию.

Значительную часть тиража Ламанский раздарил коллегам-ученым и политическим деятелям, в том числе передал экземпляр императору Александру III. До нас дошли отдельные ответы-благодарности за подаренную книгу. Так, Н. Я. Данилевский писал Ламанскому 31 января 1885 г.: «Душевно благодарю Вас за присылку огромного труда Вашего. К сожалению, большая часть его оказались для меня *littera clausa*, по совершенному незнанию Итальянского языка, и по труду, с которым могу читать Латинский. Но введение Ваше прочел в первый же вечер, и что могу Вам сказать, чего наперед бы Вы не знали, то есть что совершенно разделяю мысли Ваши, только с некоторыми оговорками, состоящими в том, что я смотрю несколько менее оптимистически на дело и при том с двух сторон. Во-первых, хотя и не сомневаюсь в окончательной победе правого Славянского дела, но если дела пойдут так, как они пошли по сию со времени С. Стефанского прелиминарного мира, через Берлинский Конгресс, то должно опасаться, что много членов Славянства успеет погибнуть для Славянства, как много уже погибло, ко времени торжества Славянского дела. А во-вторых, хотя Европа и весьма различна, но есть одна общая точка соединения, которая соединит почти всех, если не всех против России и Славянства, если захочет Россия выступить во главе его как освободительница и объединительница. Удивительная вещь — казалось бы, Франция должна всеми мерами искать благорасположения России, и каково же было ее поведение на Берлинском Конгрессе, таково общественное мнение и теперь, а мы всячески все портим и портим. — Конечно иначе писать, как Вы пишете, да еще

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 3. № 615. Л. 35.

на французском языке, как пишут в Славянских известиях, и писать нельзя, но признаюсь мой славизм или панславизм, который должен состоять не только в освобождении — в чем еще мало проку — доказательства Сербия и Болгария, но и в объединении не духовном только, а непременно и политическом, более военного и менее миролюбивого характера.

Многие места (французские) в книге Вашей я также прочел и радуюсь тому громкому обвинительному акту, который собрали против Европейской политики, что бы ни указывали спицы в чужом глазу, не заметив бревна в своем. Внутреннего состояния Венеции по обширности его еще не успел прочесть»¹.

В 1891 г. Ламанский отправил книгу «Государственные тайны Венеции» М. М. Ковалевскому, который в ответном письме признавался: «Я всячески искал ее у книгопродавцев, но мне не удавалось достигнуть моей цели; по всей вероятности, она вне продажи. Я занят в настоящее время исследованиями по истории политических и административных учреждений Венеции, поэтому книга Ваша для меня целый клад»². Вероятно, основную часть экземпляров Ламанский передал отечественным и зарубежным славистам, поскольку, по его собственному признанию, «большой публике моя тяжеловесная и слишком специальная книга известна быть не может»³.

Конечно, с особым вниманием к многолетнему труду Ламанского отнеслись его ученики. Некоторых из них он знакомил с частями своих исследований и отдельными документами еще в рукописи. Еще до выхода самой книги они могли познакомиться с предисловием к ней, опубликованным в газете «Русь». Так, один из учеников Ламанского, М. И. Соколов, в то время профессор в Нежине, а впоследствии декан историко-филологического факультета Московского университета, писал 2 декабря 1883 г.: «Поздравляю Вас, Владимир Иванович, с окончанием долгого литературного труда, сильное предисловие к которому с таким наслаждением я прочел в “Руси”. Много Вы потрудились, но, смело можно сказать, и много послед-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 509. Л. 1—2. Полностью письмо приводится в статье: *Селиверстов С. В.* «...Я смотрю несколько менее оптимистически»: к вопросу об интеллектуальных взаимоотношениях Н. Я. Данилевского и В. И. Ламанского в 1860—1880-е годы // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 32 (170) : История. Вып. 35. С. 122—123.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 723. Л. 1.

³ *Ламанский В. И.* О том, что будто немецкой культуры нет, никогда не бывало и быть не может. СПб. : Тип. Е. Евдокимова, 1884. С. 2.

ствий будет иметь Ваш труд; мы, Ваши слависты, примемся теперь же изучать его; дай Бог, чтобы его скорее изучали и все историки, для которых вообще очень полезно взвесить Ваши сильные и оригинальные мысли. Я полагаю, Вам самим большую радость доставит выход Вашей книги, над которой Вы сосредоточивались столько лет. С нетерпением жду того момента, когда книга Ваша будет у меня в руках»¹. Уже через два месяца он вновь писал учителю в Петербург: «Занимаюсь с многосодержательной Вашей книгой, за присылку которой приношу глубокую благодарность. И прежде я видел у Вас значительную часть книги, и потом слыша, что Вы много были ею заняты, но изумился, когда увидел самую книгу, изумился массе труда и силе живой и творческой мысли, его проникающей. Да, Вы возвели себе памятник! Невозможно, чтобы книга не была оценена по достоинству, хотя и не вдруг. Распространение ее в России конечно не ограничиться шестью проданными экземплярами, несмотря на всю апатию к серьезным книгам, господствующую всюду»². Возможно, упомянутые в письме шесть экземпляров и не были единственными проданными, но, как предвидел Ламанский, широкого распространения книга не получила.

Тем не менее первые отзывы на книгу появились сразу после ее выхода. Так, уже в конце декабря 1883 г. в газете «Новое время» была опубликована рецензия известного историка В. В. Бауэра. Ламанский был преемником В. В. Бауэра в должности декана историко-филологического факультета Петербургского университета. В. В. Бауэр специализировался на всеобщей истории, в частности истории Древней Греции, однако в рецензии он указывал на более широкий интерес, который может вызвать изданная Ламанским книга. По его словам, «в ней найдет удовлетворения и славист, и историк, и вообще всякий образованный человек; специалист — в документах и актах, почерпнутых из архивов, музеев, библиотек Венеции, в особенности из протоколов “Совета Десяти”; образованный человек — в исследованиях автора, написанных на основании этих документов»³. Вероятно хорошо знакомый с ходом работ по подготовке к изданию документов, он объяснял, почему исследовательские очерки самого Ламанского в книге были написаны на французском языке. Дело состояло не только в том, что Ламанский

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1310. Л. 7 об.

² Там же. Л. 9 об.

³ Бауэр В. Новый труд В. И. Ламанского // Новое время. 1883. 28 дек. № 2813. С. 3.

адресовал свою книгу во многом (если не в первую очередь) европейским ученым. Первоначально он планировал сопроводить издание лишь краткими комментариями на французском языке, которые разрослись до самостоятельных статей (об этом Ламанский упоминал во французской версии своего предисловия). Согласно рецензенту, «предполагался сборник латинских и итальянских актов с краткими на французском языке примечаниями, более или менее общего интереса, невольно пришлось сохранить тот же язык и при превращении этих примечаний в самостоятельные исследования»¹. Более того, «скромный сборник актов обратился в почтенный труд, полный новых данных не только для изучения греко-славянского, но и романо-германского» мира². Далеко не все архивные документы, привезенные Ламанским из Италии, вошли в изданный том; «автор поместил в свой сборник только такие ценные акты, которые по содержанию своему представляют важные дополнения к известным уже фактам или совершенно новое освещение их»³. Сам рецензент наиболее важным считал исследование о «центральном управлении и социальном положении в Венеции в XVI столетии»⁴. Заметка В. В. Бауэра не была рецензией в строгом смысле слова, а скорее анонсом нового издания. Получив книгу, он едва ли успел познакомиться со значительной частью опубликованных в ней документов и исследований.

Небольшой отклик на книгу поместили «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». Ее автор Ф. М. Истомин — этнограф, секретарь возглавляемого Ламанским этнографического отдела Императорского Русского географического общества и один из его учеников — касался в основном «библиографической стороны» изданного труда, т. е. подробно описывал его оглавление. Рецензия не столько анализировала представленные в книге сюжеты и интерпретации, сколько информировала о ее содержании. По словам рецензента, опубликованные в книге материалы должны «осветить политические отношения знаменитой Венецианской республики к южному славянству, Далмации, Греции, Турции, — ко всему Леванту, бросить яркий свет на так называемый Восточный вопрос, стянувший в себе интересы мира Греко-Славянского и Романо-Германского, — и все это в период сильнейшего

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

развития Венецианской республики — XV и XVI веков»¹. В конце рецензии Ф. М. Истомина выражал пожелание о переводе сборника на русский язык. «С внешней стороны издание отличается изяществом. С живейшим удовольствием приветствуя этот труд, не можем скрыть своего желанья видеть издание его и на отечественном языке», — заключал он². Как и рецензию В. В. Бауэра, заметку Ф. М. Истомина следует считать анонсом книги, а не полноценной рецензией.

Более подробный разбор труда Ламанского был предпринят профессором Санкт-Петербургской Духовной академии В. В. Болотовым. Его рецензия, опубликованная в июле 1884 г. в «Церковном вестнике», скромно называлась «Библиографическая заметка». Он отмечал, что книга Ламанского будет интересна не только славистам, но и византинистам, экономистам, историкам церкви. Большинство документов, опубликованных в ней, — о тайных политических убийствах противников Венецианской республики, так что «отношения Венеции к славянству стоят в *“государственных тайнах”* уже не на первом плане»³. Впрочем, тем интереснее она оказалась, вероятно, для самого рецензента. В. В. Болотов правильно воспринял главную мысль Ламанского, которой он руководствовался при работе над сборником: составить обвинительный акт, показать аморальность европейской политики и обосновывающей ее культуры. Исторические факты и подтверждающие их архивные документы не должны были оставить сомнений в справедливости выдвигаемых обвинений. «Галерея этих недругов Венеции, — писал В. В. Болотов, — представляет своенравную смесь и лиц и состояний: здесь вы встречаете священных римских императоров, христианнейших королей французских и неверных султанов, итальянских герцогов и турецких пашей, отверженцев общества в роде пиратов и жалкого военнопленного раненого турка. Врага республики от посягательств на его жизнь не защищала ни инфула епископа, ни даже папская тиара»⁴. Указывая на назидательное значение книги, рецензент подчеркивал, что отрицательные явления венецианской политики отнюдь не являются следствием

¹ Ф. И. [Истомина Ф. М.]. Новый труд В. И. Ламанского // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1882. № 1. С. 26.

² Там же. С. 27.

³ Б-л-з [Болотов В. В.]. Библиографическая заметка // Церковный вестник. 1884. 21 июля. № 29. С. 7.

⁴ Там же. С. 7—8.

грубости нравов или недостатков культурного развития. Напротив, они в первую очередь находили себе проводников в высших, наиболее образованных слоях общества. «Явление, заслуживающее внимание моралистов, изучающих отрицательные стороны духовной жизни человека. В этой лаборатории разнообразных убийств и отравлений работала не темная шайка отверженцев общества, а высокоразвитые, избранные между избранными граждане Венеции, заседавшие в зале, украшенной изображением Св. Девы и четырех богословских добродетелей», — замечал В. В. Болотов¹. Более того, Венецианская республика не была в этом отношении исключением. По его словам, «в Венеции с логическим правом можно видеть <...> выпуклый образец нравов тогдашней Западной Европы, а не беспримечное исключение»².

Как историк церкви, В. В. Болотов не мог не обратить внимания на негативное влияние папства на европейское общество. «Утилитарным принципом проповедуемой им морали, заменившей чисто нравственное чувство любовью внешним авторитетом, смешение царства Божия с царством мира сего, практикою индиктов, церковными мерами против врагов политических, этою манерою — разрешать подданных от всяких обязательств по отношению к отлученным государям, теориею цели, оправдывающей средства, папство ослабило в воспитанных им латино-германских народностях чуткую восприимчивость к чисто нравственному», — отмечал рецензент³. Однако он был не согласен с Ламанским в том, что масштабы политических убийств можно объяснить только влиянием папства. Для этого должны быть причины чисто венецианские. Здесь В. В. Болотов проводил аналогию между Венецией и Карфагеном, где власть «интеллигентного меньшинства» была установлена над менее культурным, многочисленным населением. Основную массу населения Венецианской республики составляли этнические греки и славяне, в то время как правление было в руках венецианцев. По его словам, «это был продолжительный опыт коммерческой операции на выгодном рынке, грандиозное историческое хищение со стороны меньшинства интеллигентных итальянцев, достаточно ловкого лишь на то, чтобы эксплуатировать эти чуждые ему элементы, но не довольно численного и сильного,

¹ Там же. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Там же.

чтобы ассимилировать их себе, претворить их в единство живого исторического организма, чтобы стать прочным ядром нового государственного образования»¹. Таковы были «фальшивые устои» Республики Святого Марка. В. В. Болотов также отмечал ценные исследования Ламанского о центральном управлении и социальном состоянии Венеции в XVI в., очерк истории отношений Венеции к Турции, включенные в книгу.

Две рецензии поместил на своих страницах «Журнал Министерства народного просвещения», редактировавшийся Л. Н. Майковым. Первая из них принадлежала А. С. Лаппо-Данилевскому, в то время студенту историко-филологического факультета Петербургского университета. Это была первая публикация известного впоследствии академика. Позже судьба свела Ламанского с А. С. Лаппо-Данилевским в Академии наук, куда они были избраны почти одновременно (А. С. Лаппо-Данилевский в конце 1899 г. адъюнктом, а Ламанский в январе 1900 г. ординарным академиком). Обширный труд Ламанского оставлял рецензенту возможность выбора сюжетов, на которых стоило остановиться. И А. С. Лаппо-Данилевский в своей рецензии обратился лишь к тем документам, опубликованным Ламанским, которые касались «собственно русской истории». Он, в частности, приводил сведения о том, как венецианцы и римские папы искали союза с Москвой для привлечения ее к войне против турок, рассчитывая, что русские войска поддержит православное население Балкан и Кавказа, указывал на «умственное движение в Западной Европе в пользу православия или греческой веры вообще»², повторял факты торговли турками и татарами русскими рабами.

В четырех номерах «Журнала Министерства народного просвещения» была опубликована обширная рецензия декана историко-филологического факультета Варшавского университета А. С. Будиловича, составившая в общей сложности две сотни страниц. Строго говоря, это была не рецензия, а «краткий *систематический обзор*»³ опубликованных в сборнике Ламанского материалов, как охарактеризовал

¹ Там же.

² *Лаппо-Данилевский А. С.* Из старинных сношений России с Западной Европой // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. ССXXXIII. Май. С. 31.

³ *Будилович А. С.* Новые данные для истории восточного вопроса // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 2. С. 317.

свою работу автор рецензии. А. С. Будилович был не только одним из первых учеников Ламанского, но и духовно и идейно близким ему человеком. Он следил за ходом работ Ламанского над архивными документами еще со времени командировки в Венецию и, можно с большой долей вероятности предположить, был посвящен в особенности подготовки их к изданию. Ламанский, скорее всего, знакомил А. С. Будиловича со многими документами еще в рукописи, делился с ним своими интерпретациями и исследовательскими гипотезами в личных беседах, возможно, не только обсуждал собранные материалы, но и искал советов у своего ученика. Иначе трудно объяснить, как такая подробная рецензия на тысячестраничную книгу, вышедшую в декабре, могла появиться уже в февральском номере журнала. А. С. Будилович, вероятно, начал готовить рецензию еще до выхода из печати самой книги.

Прежде всего А. С. Будилович обратил внимание на язык книги. Изданная в Петербурге, книга была напечатана на французском, латинском, итальянском языках. «Странное на первый взгляд впечатление производит на русского читателя *французская* книга профессора Ламанского. Ужели наш заслуженный славянист перешел в лагерь тех наших ученых, которые считают русский язык недостойным чести быть органом науки в высших специальных областях знания? Ужели он отказался от мысли о всемирно-историческом призвании этого языка, одушевлявшей его в течение 25-летней писательской деятельности? Ужели в сочинении, посвященном ученикам, <...> учитель славяновед желал подать пример пренебрежения отечественным языком?»¹ Вопросы, сформулированные А. С. Будиловичем, вовсе неслучайны. Еще с конца 1850-х гг. Ламанский активно выступал за русификацию отечественной науки, в частности, критикуя немецкоязычные издания Академии наук. В исследованиях о М. В. Ломоносове он подчеркивал его борьбу за русский язык как язык науки и высшей образованности и видел заслугу «первого русского академика» в попытке создания русского литературного языка. Более того, в историософской концепции Ламанского учение о русском языке как научном, литературном и дипломатическом языке всех славян занимает центральное место. Он доказывал, что условиями формирования самобытной культуры или цивилизации выступают, в первую очередь, политическая независимость и развитый литературный язык. На основе принятия русского языка в качестве общего

¹ Там же. С. 316.

литературного, научного и дипломатического должно происходить сближение славянских народов. Политическая борьба цивилизаций постепенно заменяется конкуренцией языков, которые и становятся главной геополитической силой в современном мире. Концепция Ламанского о геополитической роли языка, вероятно, наиболее ценная и актуальная часть его научного наследия. Французским же языком своего предисловия и исследовательских очерков Ламанский, казалось бы, опровергал собственное учение.

Понимая недоумение, которое может вызвать язык сборника Ламанского, А. С. Будилович предлагал свое объяснение такого лингвистического противоречия. Сами архивные документы были изданы на языке оригинала (латинском или итальянском), а французский язык предисловия и очерков он считал результатом «авторской непредусмотрительности, в соединении с некоторыми особыми целями пропаганды»¹. Французский язык позволял познакомить европейских читателей с той славянофильской интерпретацией европейской истории, которую предложил Ламанский, а может быть, и довести до их сознания исторические факты, свидетельствующие об аморальном характере самой европейской политики, как прошлой, так и настоящей. Можно вспомнить, что на французском языке писали свои сочинения П. Я. Чаадаев и С. С. Уваров, что, впрочем, оправдывалось их идейным и бытовым западничеством. Однако и славянофилы нередко прибегали к французскому языку. В этом отношении А. С. Будилович сравнивал исследования Ламанского с французскими брошюрами А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева и А. Ф. Гильфердинга. Пропагандистская цель, полагал он, особенно заметна в написанных по-французски предисловии, а также «этюдах» «О покушении на жизнь пап в средние века в 16 в. и о борьбе латино-германского запада с греко-славянским востоком» (с. 379—396); «О политических низостях в западно-европейских государствах 16 в.» (с. 417—459); «О роли инородцев в старой Венеции и новой Австро-Венгрии» (с. 547—551); «О социальном положении Венеции в 16 в.» (с. 671—850) и др. На пропагандистские цели указывала и тенденциозность подборки архивных документов, задача которых состояла в том, чтобы «открыть изнанку западно-европейской жизни в век возрождения и гуманизма, в противоположность господствующему панегиризму западных историков этой блестящей эпохи»².

¹ Там же.

² Там же. С. 317.

При подготовке сборника Ламанский сделал выписки из около сотни томов документов из архивов dei Frari, библиотеки св. Марка, музея Коррер и фамильного архива гр. Дона. В основном в книге были использованы сведения из официальных документов (протоколов заседаний Сената и Совета Десяти Венецианской республики) и в меньшей степени — материалы из частных писем, статей, книг и т. п. Рецензент полагал, что в протоколах Совета Десяти даны менее искаженные факты, чем в протоколах Сената. А. С. Будилович указывал на неравномерность обработки материалов. В одних частях архивные документы были расположены хронологически, в других — тематически; какие-то сопровождались обстоятельными исследованиями, какие-то — нет. Со своей стороны он особенно выделял «богатые мыслями и фактами трактаты его (Ламанского. — А. М.) о папстве (357—396), о центральной администрации и социальном быте Венеции в XVI веке (671—850)», а также предисловие, «где указана связь прошлого с настоящим в восточном вопросе»¹.

Не обошел рецензент вниманием и особенности изложения и стиля самих документов, что придавало им дополнительную ценность. «Венецианские отчеты, — писал он, — вместо общих фраз и приблизительных расчетов, представляют самые точные описания и характеристики, сопровождаемые полными статистическими данными, и притом не в сухом схематическом изложении, а в виде живой картины, напоминающей Тициана и Веронезе по изяществу рисунка, мягкости и блеску колорита»².

Как и другие рецензенты А. С. Будилович отметил, что славянская тематика (ускоки, сношения Венецианской республики со славянами и т. п.) отошла на периферию исследований Ламанского. Рецензент замечал, что «государственным тайнам Венеции» посвящена лишь треть сборника (156 страниц документов) в первой части и «незначительная часть второй серии». «Центр тяжести его книги лежит не в “государственных тайнах Венеции”, а в новом освещении многих сторон так называемого “восточного вопроса”, то есть истории культурных и политико-экономических отношений греко-славянского востока к романо-германскому западу в XV и особенно XVI вв. В этом же вопросе сбегаются, как в фокусе, и располагаются в своеобразном спектре лучи очень различных исторических светил: Рима первого и второго, а потом и третьего, папства и церкви со-

¹ Там же. С. 320.

² Там же. С. 322.

борной, империи западной и восточной, Европы и Турции, а затем Европы и России»¹. А. С. Будилович верно осознал, что приводимая в сборнике фактография служит иллюстрацией историософской концепции Ламанского о противостоянии двух цивилизационных миров: романо-германского и греко-славянского. Строго говоря, сам отбор документов проводился Ламанским с целью подтвердить историческими фактами свое философско-историческое учение. Закрывать глаза на изложенные в источниках факты нельзя, а, значит, придется принять и обобщения, сделанные Ламанским. Более того, Ламанский отнюдь не считал, что «восточный вопрос» уже решен и достоин только исторического изучения. «Восточный вопрос», согласно его интерпретации, — это вопрос о границах романо-германского и греко-славянского миров. Собственно «восточным» он является для романо-германцев. Для славян же — это «западный» вопрос, поскольку на севере, востоке и юге (правда, с некоторыми оговорками, поскольку Ламанский относил к греко-славянскому миру и западную Сирию) границы греко-славянского мира в основном совпадают с границами Российской империи, в то время как на западе эта граница окончательно не определена. Однако Ламанский, считал рецензент, не впадает в субъективизм, не доходит до крайних проявлений авторского произвола. А. С. Будилович достаточно высоко оценивал критические приемы своего учителя. «Мы не видим в его этюдах ни поспешных обобщений, ни несоразмерности выводов с данными; наоборот, всюду встречаем следы строгого научного самообладания и благородной сдержанности», — заключал он². Можно добавить, что и с самими выводами рецензент был вполне солидарен.

Значительная часть опубликованных в книге материалов была посвящена политическим убийствам в XV—XVIII вв. А. С. Будилович сравнивал донесения, протоколы и другие документы, опубликованные в сборнике, с исповедью политических грехов Венеции. Политические убийства, ставшие в истории Венеции обыденным явлением, можно назвать, полагал он, общественной болезнью Республики Св. Марка. По его словам, — это «факт тяжелой общественной болезни, — болезни ума, чувства, воли, особенно же совести. Объяснение причин этой болезни составляет одну из любопытнейших задач в истории западно-европейских обществ и государств»³. Ламанский

¹ Там же. С. 318.

² Там же. С. 322.

³ Там же. С. 324.

постарался определить эти причины: «Основным их источником профессор Ламанский считает утилитарную и казуистическую мораль латинской церкви (стр. 809), которая подала государям и пример политических убийств, объявляя опальными и разрешая, даже благословляя всевозможные насилия над отлученными от нее (церкви) лицами, областями и целыми народами (стр. 810). <...> В Италии теория об “оправдании средств целью” и практика политических убийств развилась раньше и полнее лишь потому, что там был центр папизма, локализованный источник этой двусмысленной морали и этой развращающей церковно-политической системы; но и в других римско-католических землях эта система пустила глубокие корни»¹. Одна из задач исследовательских очерков Ламанского состояла в том, чтобы проследить влияние папства на «восточный вопрос», а также «рассмотреть папство со стороны его *политической морали*, а равно и того *авторитета*, которым оно пользовалось тогда в Италии и инде»².

Вслед за Ламанским и сам А. С. Будилович возводил обвинения на институт римского первосвященника, видя в притязаниях римских пап причину и оправдание политических убийств. «Политические расчеты, — замечал он, — всегда превышали при папском дворе интересы христианства. <...> Папство было едва ли не первым учреждением, возведшим в *теорию смертоубийство* лиц ему непокорных или враждебных. <...> иезуиты не изобрели, а лишь кодифицировали в своем катехизисе старое (с XI в.) латинское учение об оправдании средств целью»³. Гордыня и властолюбие римских понтификов, благоприятные обстоятельства и политические таланты римских пап не только обременили церковь земным господством, но и накрепко связали ее с языческой в своем корне идеей империи. «Сила папства, — писал А. С. Будилович, — опиралась главным образом на слабостях человечества и умении ими пользоваться в Риме, в силу старой привычки повелевать, а равно и благодаря уму и характеру нескольких, действительно замечательных пап, каковы: Григорий VII, Александр III, Иннокентий III и др. (808). Папство развилось на почве глубокого и давнего культурного контраста между европейским востоком и западом и из стремлений последнего покорить себе первый в экономическом, политическом, словом — в культурном

¹ Там же. С. 337—338.

² Будилович А. С. Новые данные для истории восточного вопроса // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 4. С. 286—287.

³ Там же. С. 289.

отношении. Всемирные притязания папства находятся в органической связи с фикцией восстановления Римской империи на западе, причем для осуществления этой двойной фикции: а) всемирной римской империи и б) всемирной римской церкви, необходимо было их взаимное содействие. Папство было на востоке пионером Западной империи, а императоры — пионерами папства на том же востоке»¹. Ламанский не считал политические убийства болезнью, поразившей только Венецию. Она была всего лишь следствием и частным проявлением искажения христианства в виде папства, поэтому в различной степени сказалась во всей Европе.

Однако мрачная картина морального упадка Европы в книге Ламанского перекрывается светлыми тонами греко-славянской народной стихии, сохранившей христианские идеалы. «Рисуя картину с очень темным и грустным фоном, — писал рецензент, — автор не оставляет читателя в жертву безнадежного разочарования в человеке и человечестве; над этими “повапленными гробами” всюду видно сияние христианского неба, “дождящего на праведных и неправедных”, чувствуется теплое дыхание чисто христианской морали, примиряющей все противоречия жизни и прощающей врагов. Этот идеальный греко-славянский свод, раскинутый любовно над грубым реализмом западного мирозерцания, производит самое отрадное впечатление на русского читателя и мирит с едким юмором, который пронизывает все части нарисованной картины»². Более того, документы сборника недвусмысленно показывали ту положительную роль, которую славяне, греки и албанцы играли в Венецианской республике в пору ее наивысшего расцвета. Из них в первую очередь набирались армия и флот. Влияние «папизма» сказалось на характере и духовном состоянии итальянцев, утративших в силу этого необходимые для воинов качества. «Эта шаткость политической и общественной морали не могла не отражаться и на духе италийского населения. Оно представляло, например, очень плохой материал для военной службы»³. Вся сила Венеции «заключалась в греко-славянских владениях ее»⁴. «Таким образом, — заключал А. С. Будилович, — не только внешним

¹ Там же. С. 299.

² Будилович А. С. Новые данные для истории восточного вопроса. № 2. С. 322—323.

³ Будилович А. С. Новые данные для истории восточного вопроса. № 4. С. 285.

⁴ Будилович А. С. Новые данные для истории восточного вопроса // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 5. С. 148.

своим величием, успехами армии и флота, завоеванием многих областей в Италии, на Балканском полуострове и водах Леванта, но и домашним спокойствием обязана была республика главнейше ее славянским, албанским и греческим подданным¹.

Отличительной чертой исторических исследований славянофилов, как «ранних», так и «поздних», было стремление поставить историю в связь с современностью. Еще А. С. Хомяков в своем главном историософском труде «Семирамида» провозглашал: «Хотите узнать то что было, сперва узнайте то что есть». Так исторические факты служили Ламанскому для обличения современной Европы, а понимание текущих явлений позволяло раскрыть смысл прошедших событий. Не удержался от сравнений и Ламанский, сопоставлявший старую Венецию с Австро-Венгерской империей. Значительную часть населения обоих государств составляли славяне. В Австро-Венгрии, так же как в свое время в Венеции, латинствующая знать повелевала греко-славянскими низами. Однако сравнение выходило не в пользу империи Габсбургов. В рецензии А. С. Будилович указывал на положительное культурное влияние Венеции «на старую Далмацию», а главное — поддержку Турции «в тот тяжелый переходный период греко-славянской истории, когда старый ее представитель, Византия, сошла со сцены, а новый, Москва, еще недостаточно окрепла в материальном и духовном отношениях, для отражения с Востока “франков” средневековых и ново-европейских»². Он отмечал меньший «ее (Венеции. — А. М.) сервилизм в отношении к Риму»³. Венецианское правительство, преследуя преимущественно фискальные интересы, «не вторгалось так глубоко в юридический быт своих инородческих населений, как Австрия»⁴, а среди венецианских сановников «нередко встречаем людей истинно гуманных и беспристрастных даже к поработленным народностям и классам»⁵. А. С. Будилович не понаслышке знал о положении славян, в частности, русских в Австро-Венгрии, поскольку был основателем Галицко-русского общества и зятем А. И. Добрянского, одного из лидеров австрийских русинов.

¹ Будилович А. С. Новые данные для истории восточного вопроса. № 2. С. 347.

² Там же. С. 347.

³ Там же. С. 348.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

А. С. Будилович вслед за Ламанским недаром положительно оценивал историческую роль Турции на греко-славянском Востоке. После падения Византии Турция взяла на себя роль защитницы интересов греко-славянского мира от посягательств германо-романских соседей. «Итак, — отмечал рецензент, — всего удивительнее и опаснее для Европы в Турции была не армия или флот, а совершенно отличный от западноевропейского социальный строй, отсутствие феодализма, барства, крепостного права, а вдобавок еще прекрасная юстиция и администрация»¹. Ламанский в своих публикациях приводил многочисленные примеры веротерпимости османов, о которой раздираемая религиозными войнами Европа XVI в. не могла и мечтать, указывал на сербское происхождение правящей династии (от Мухаммада II до Сулеймана Великолепного), на славянские корни многих представителей высшего руководства Турецкой империи, на сербский язык дипломатической переписки султанов и использование его в быту. Однако сношения с Западом разлагающе подействовали и на Турцию. Ламанский признавал «деморализующее влияние Запада» и «шаткости морали» ориентирующейся на него османской знати.

«Сборник документов и этюдов», подготовленный Ламанским, содержал большое количество исторических фактов, ценных самих по себе в качестве документальных свидетельств, позволяющих по-новому взглянуть на историю известных событий, эпох, исторических личностей и государств. Однако значение книги Ламанского не только в этом. Предисловие и исследовательские очерки давали разъяснение того, что стоит за этими фактами, раскрывали смысл самих событий и указывали причины современных конфликтов. Согласно Ламанскому, актуальная политическая борьба является продолжением давнего цивилизационного антагонизма двух миров, представителями которых, с одной стороны, были империя Карла Великого и государства современного Запада, а с другой — Европа Кирилла и Мефодия, Византийская империя, Россия. К этому миру примыкает и Турция, вобравшая в себя и ассимилировавшая значительную часть греко-славянской стихии бывшей Восточной римской империи. «Причина вражды Запада к России коренится <...> в различии, а отчасти и противоположности религиозного, политического, экономического и общественного строя мира греко-славянского, с одной стороны, и латино-немецкого — с другой. Это культурное

¹ Будилович А. С. Новые данные для истории восточного вопроса. № 5. С. 153.

различие обусловило их тысячелетний антагонизм, составляющий содержание и смысл и самого восточного вопроса. В этой великой борьбе главную роль пришлось играть с восточной стороны греко-славянской церкви (384 сл.), а впоследствии — Русскому государству. В этом и заключается главнейшее всемирно-историческое значение первой и второго», — подытоживал А. С. Будилович¹. Сборник Ламанского раскрывал лишь отдельные эпизоды этого векового противостояния.

Содержательно изданные Ламанским документы и его собственные очерки продолжали то направление исследований, которое было заложено еще в его магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». Они задавали фактологическую основу его цивилизационной концепции, которая нашла отражение уже в ряде публикаций первой половины 1860-х гг., в докторской диссертации и позднем трактате «Три мира Азийско-Европейского материка». Работы славянофилов, в том числе книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», отдельным изданием вышедшая в один год с диссертацией Ламанского, отчасти подготовили русское образованное общество, как, вероятно, полагал Ламанский, к восприятию теоретической стороны его концепции. Надо заметить, что сама эта теория относилась к области литературного панславизма, не столь конфронтационного, как политический панславизм в духе Н. Я. Данилевского. Однако Ламанский питал иллюзию о возможности воздействовать и на сознание европейцев, продемонстрировав им реальность европейской истории. Он полагал, что, обрушив на головы европейских ученых всю фактографию своего тысячеязычного тома довольно убогой печати, он если и не произведет переворот в их умах, то по крайней мере подготовит их к восприятию цивилизационного учения, разрабатываемого им и Н. Я. Данилевским. Французский язык исследований и предисловия должен был облегчить это восприятие.

Ламанский небезосновательно ожидал реакции европейских ученых на свой труд. Вскоре после выхода книги он писал И. С. Аксакову 24 декабря 1883 г.: «Экземпляров у меня мало, и мне желательнее, чтобы книга больше распространялась за границу. В России экземпляров 200 останется. Это совершенно достаточно»².

¹ Будилович А. С. Новые данные для истории восточного вопроса // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 6. С. 279.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 184 об.

А затем в том же письме продолжал: «Трудно, к сожалению, будет уследить за всеми европейскими отзывами. Многих статей и статей, вероятно, никогда не увижу. Но знаю, что книга моя рано или поздно вызовет на Западе самые разнообразные толки о России и об Европе и их взаимных отношениях и о внутренних раздорах и расколах европейских»¹. Ламанский старался отслеживать реакцию европейской печати и отклики на свою книгу. Так, 29 октября 1884 г. в письме своему ученику К. Я. Гроту, годом ранее утвержденному экстраординарным профессором в Варшавском университете, он просил прислать публикации в газете «Правда»: «Обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою. В еженедельной Варшавской газете *Pravda* (в Варшаве) в №№ 37 и 38 напечатан перевод части моего предисловия (*Secrets*) из *Revue Internationale*. Быть может, появится и статья от редакции. Сделайте милость, приобретите №№ 37 и 38 и те, где будут напечатаны возражения, и пришлите мне. Зимой будете, мы рассчитаемся. Я думаю через несколько времени написать ответ всем моим рецензентам особенно Славянским для дальнейшего движения дела»². Ламанский небезосновательно рассчитывал на дискуссию, поскольку в предисловии достаточно ясно высказал славянофильский взгляд на польский вопрос. Полемика была родовой стихией славянофильства, зародившегося в агональной атмосфере московских кружков и салонов 1840—1850-х гг. Славянофилы предпочитали выражать свои взгляды по ходу полемики с оппонентами или, отвечая на критические выпады по своему адресу, нередко сами (особенно А. С. Хомяков) провоцировали споры. В результате славянофилы не смогли исчерпывающим образом сформулировать свое учение. Славянофильство было лишено догматизма и оставляло простор для дальнейшего додумывания. Следующее поколение славянофилов, к которому принадлежал Ламанский, постаралось выразить основы их учения с большей определенностью. Одной из таких попыток и стало предисловие Ламанского.

В конечном счете именно «Государственные тайны Венеции» стали главным вкладом Ламанского в европейскую науку. Во французской рецензии на сборник в честь 50-летия научной деятельности Ламанского отмечалось, что русский ученый мало известен за пределами славянских стран, поскольку он имеет лишь одну публикацию на французском языке — «Государственные тайны

¹ Там же.

² СПбФ АРАН. Ф. 281. Оп. 2. Ед. хр. 267. Л. 6.

Венеции»¹. В действительности Ламанский опубликовал две работы на французском языке: помимо «Государственных тайн Венеции» ему принадлежит достаточно большая статья в известном французском издании «Исторический журнал»², опубликованная до выхода в свет «Государственных тайн Венеции» и содержащая описание материалов, представленных в первой части его фундаментального труда. В целом Ламанский поддерживал тесные связи с французскими учеными. В 1884 г. его работа о Венеции была представлена в Академию надписей и изящной словесности³. В своих сочинениях он учитывал исследования таких европейских ученых, как Л. Демалатри (1815—1897)⁴ и Р. Фюлен, которые работали в той же области, но не стремились при этом формировать историософские и геополитические концепции на основании своих исторических штудий, в чем можно усмотреть отличие Ламанского от европейской гуманитарной науки его времени, ориентированной на позитивизм. Помимо французских, чешских и польских откликов на книгу Ламанского сразу после публикации «Государственных тайн Венеции» вышла рецензия и в немецком журнале «Historische Zeitschrift»⁵. Данный отзыв не содержал никаких общих оценок труда Ламанского, однако рецензент высоко ценил проделанную им работу: ввод новых источников по истории Венеции и освещение малоизвестных подробностей деятельности венецианского Совета десяти, а также других государств Европы того времени. Рассматриваемая рецензия — один из первых откликов на труд Ламанского. Следует сказать, что Ф. Хирш — рецензент — обратил внимание на собственно историографическую сторону исследования, совершенно не затронув философию истории. В этом отношении адресат работы Ламанского

¹ Léger L. Recueil d'articles en l'honneur de V.-J. Lamansky à l'occasion du cinquantième anniversaire de ses débuts scientifiques // Journal des savants. 1909. No 4. P. 187—188.

² Lamansky V. L'assassinat politique à Venise du XV-e au XVIII-e siècle // Revue Historique. 1882. T. 20. No 1. P. 105—120.

³ См.: Livres offerts. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 28e année. 1184. No 1. P. 146.

⁴ Wallon H. Notice sur la vie et les travaux du comte Jacques-Marie-Joseph-Louis de Mas-Latrie // Bibliothèque de l'école des chartes. 1899. T. 60. P. 617—639.

⁵ Hirsch F. Secrets d'État de Venise. Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte ottomane à la fin du XVe et au XVIe siècle by Vladimir Lamansky // Historische Zeitschrift. 1884. Bd. 52. H. 2. P. 373—379.

оказался глух к основному мотиву его книги — показать отношение Запада к греко-славянскому миру, их исконную враждебность и несовместимость, а также лицемерие и неискренность европейской политики, основанной по сути на ложных религиозных принципах. Европейцы восприняли лишь фактографическую, иллюстративную часть «Государственных тайн Венеции». В историографии XX в. отношение к труду Ламанского не изменилось. В этом отношении можно сказать, что «Государственные тайны Венеции» остались неслышанным голосом восточного славянства в Европе.

В 1895 г. Ламанский, уже будучи «заслуженным профессором», т. е. получающим пенсию, равную окладу ординарного профессора, искал дополнительную денежную «аренду», которую надеялся получить от Министерства народного просвещения. Л. Н. Майков взялся ходатайствовать по этому делу перед министром И. Д. Деляновым, который со своей стороны поддержал предложение Л. Н. Майкова и вызвался подготовить документы для министра государственных имуществ, от решения которого зависело увеличение пенсии. Л. Н. Майков запросил у Ламанского более точные сведения, чтобы составить записку о его ученых трудах. 27 октября 1895 г. Ламанский отправил Л. Н. Майкову письмо, в котором перечислял свои заслуги и главным образом указывал, что «кое-что для литературы и науки я сделал (сужу по отзывам посторонним, русским и иностранным). Хотя бы по истории Венеции (XV—XVI) и англ<ийские>, и французск<ие>, и немецк<ие> настоящие ученые признали печатно мою книгу важным и необходимым пособием, греч<еские> ученые с Ион<ических> о-вов (Корфу) мне прислали благодарственное письмо и довольно редкую книгу в подарок (Crela Saera). Венецианцы очень были злы и обижены, что я раскрыл грехи царицы Адриатики, но без всякого даже ведома моего — я узнал случайно — выбрали меня в числе очень немногих иностранцев Sorio в новооснованное незадолго перед выходом моего труда Societa' di storia patria. Совершенно хладнокровно и спокойно могу сказать на основании данных и примеров, что везде в Европе, кто хочет серьезно говорить о политической ли нравственности (в XV—XVI—XVII <в>в.), о Восточном ли вопросе (XV—XVI <вв.>), о Карле ли V (после победы его над Франциск<ом I> и его успехах в Италии), о походе Солимана в Венгр<ию> и под Вену, о государственном строе Венеции и особенно о роли Совета X в республике — всегда прочтут и вспомнят известные страницы моей книги и мои заметки о внутр<енней> истории Венеции. Все там мною об этом написанное впервые и с полной доказательностью — значи-

тельно продвинуло понимание многих крупных явлений тогдашней великой эпохи и представило немало совершенно нового после Ранке, Мишле, да Лева»¹.

Надеясь получить дополнительную «аренду» к пенсии, Ламанский указывал на «Государственные тайны Венеции» как на главную свою заслугу перед наукой и на положительные отклики в европейском ученом мире. В написанном по тому же поводу письме К. П. Победоносцеву он признавался: «Итальянские, французские, английские, немецкие, греческие и славянские ученые в своих журнальных отзывах и в письмах ко мне единогласно признавали, что труд мой о Венеции внес в историческую науку много нового и составляет одно из необходимейших пособий для изучения Венеции в XVI веке и ее отношений к Греко-славянскому востоку или к так называемому Леванту»².

Содержание «Государственных тайн Венеции» достаточно выясняется из приведенного обзора рецензий и предисловия. С внешней стороны сборник, подготовленный Ламанским, — труд чисто исторический. Однако сам ученый воспринимал его и как политический трактат, ставил собранные в нем исторические факты в один ряд с современными событиями. Из предисловия и исследовательских очерков Ламанского не всегда ясно, кто их пишет: историк или политический мыслитель. Еще в своей магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» он исходил из тождества исторического и политического смысла, легко переходил от исторических фактов к событиям почти злободневным. История для него, следуя завету Цицерона, была учительницей жизни.

Тексты Ламанского, опубликованные в «Государственных тайнах Венеции», наполнены явными аналогиями, любопытными параллелями или хотя бы намеками на известные политические события. В современной политике он усматривает проявление давних исторических антагонизмов и противоречий, например, борьбу Гвельфов с Гибеллинами, только в ином облики и новых условиях. Он видит сходство положения клонящейся к упадку современной ему Турции и Византийской империи в канун Четвертого крестового похода (1204); типологически сближает отношение папы Льва XIII к за-

¹ Письмо В. И. Ламанского Л. Н. Майкову // Вече : журнал русской философии и культуры. 2009. Вып. 19. С. 205—206. См. наст. изд. С. 479—480.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 4 об.

падным славянам и империи Габсбургов с отношением Григория X к Оттокару I и Рудольфу I, проводит аналогию Четвертого крестового похода с предрекаемой им Мировой войной; рифмует средневековые происшествия с политикой XIX в. В своих текстах Ламанский предстает не только как дотошный архивный исследователь, но и как философ истории. В этом отношении он сродни П. Я. Чаадаеву, призывавшему творить суд над историей и историческими деятелями. Многие идеи его трактата «Три мира Азийско-Европейского материка», который Ламанский относил к области политической географии, уже заложены в предисловии к «Государственным тайнам Венеции». Из предисловия Ламанского, можно сказать, вырастает та наука, которую полтора десятилетия спустя нарекут геополитикой.

Историософские интерпретации, задающие метаисторический взгляд, но в то же время привязанные к современной политике, указывают на еще один исток или пример, на который мог ориентироваться Ламанский, работая над предисловием к «Государственным тайнам Венеции», — политические статьи Ф. И. Тютчева, писавшиеся для незавершенного трактата «Россия и Запад». Ламанский был близко знаком с Ф. И. Тютчевым и, судя по сохранившимся в письмах отголоскам, вел беседы прежде всего на политические темы. Ф. И. Тютчев делился с Ламанским не только своим видением политической ситуации в Европе, но и фактами, известными ему благодаря дипломатической службе, а также мнениями, которые имели хождение в руководстве государства.

Славянофильская философия истории эволюционировала от религиозной историософии к политической географии. Взгляды Ламанского хорошо демонстрируют этот переход, сочетая как религиозную интерпретацию истории, так и географический детерминизм. Уже в своей вступительной лекции в университете в 1865 г. он прямо провозгласил себя последователем «московского кружка». Характер господствующего мышления и культуры, как полагал еще И. В. Киреевский, завит от характера господствующей веры. А. С. Хомяков в историософском труде «Семирамида» предлагал деление народов в истории по верам. Ламанский фактически воспроизводил онтологизирующее учение славянофилов о «цельной личности» и «верующем разуме». «Сверх знания научного и диалектического, — полагал он, — человечество обладает еще другим знанием внутренним, или верою, в разных степенях ее развития. Одно без другого не полно, односторонне. Одно постигает вещи и явления, проникает в их сущность, другое познает только законы явлений и их взаимные от-

ношения <...> Научное знание верою начинается и к вере приводит. <...> Оно к вере приводит потому, что познает одни законы явлений и их отношения, а не самые явления. Таким образом оно сознательно приходит к необходимости внутреннего знания, *чаяния невидимого как бы видимого*, или Веры в ее высшем смысле.

При таком значении Веры для духа человеческого понятно, что все когда-либо известные цивилизации всегда были и будут находиться в теснейшей связи с системами народных верований, всегда бывают ими проникнуты и одушевлены. Вера человека — это он сам; Вера народа — сам народ»¹. В предисловии к «Государственным тайнам Венеции» он по-славянофильски заявлял, что вера определяет характер народа и служит началом объединяющим. Современная же Европа в религиозном отношении разделена, поэтому, утратив единство, она впала в национализм. Однако национализм таит в себе убеждение в исключительности одного народа, которая может быть оправдана лишь силой, а значит, несет в себе разрушительный, антикультурный и антисоциальный потенциал. Расколы в современной Европе имеют культурно-исторические и религиозные корни.

Угрозу будущего столкновения России с Германией он видел в причинах не столько политических, сколько религиозных и культурных. В частности, Ламанский полагал, что к конфликту с Германией Россию подталкивают силы, поддерживающие политические притязания Католической церкви. Столкновение протестантской Германии с Россией намеренно провоцируется для их взаимного ослабления и торжества политического латинства, негативные примеры которого (политические убийства и проч.) в изобилии представлены в сборнике Ламанского. Эти политические притязания не исчезли, а их методы не стали более гуманны по сравнению с поздним Средневековьем.

Одним из примеров столь же аморальной и в основе своей антихристианской политики для Ламанского служит учение австрийского панславизма, всеобщность (*пан*) которого на самом деле означает противопоставление славян-католиков православным славянам. Австрийский панславизм пропагандирует общность интересов славян и латинства (католицизма), в противоположность проте-

¹ [Ламанский В. И.] Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского. М. : В тип. Бахметьева на Малой Дмитровке № 14, 1865. С. 3.

стантской Германии и православному Востоку. Он разделяет ради того, чтобы властвовать.

Иное дело панславизм, которым часто пугают западных и южных славян их романо-германские хозяева. Греко-славянский или Средний мир объединяют не кровь, не общее происхождение, а мировоззрение, вера, поэтому русским нередко оказываются ближе православные греки и румыны, чем многие славяне-католики. Задача панславизма в отношении славян-католиков состоит в том, чтобы подчеркивать то, что их сплачивает, а не разделяет, в том числе и в церковной сфере. Примером такого единства является христианская церковь, основанная в славянских землях свв. Кириллом и Мефодием, допускавшая славянский язык в богослужении, впоследствии замененный Католической церковью на латинский язык. Интерпретация значения роли религии в жизни народов вписывается в более широкий восточный вопрос или вопрос о границах славянского и романо-германского миров. Он же включает в себя и проблему освобождения южных славян от турецкого владычества, и сильно политизированный польский вопрос. Историческое истолкование польского вопроса приводило Ламанского к анализу конфликта православной и католической культур, их взаимных отношений и исторических претензий (униатский вопрос и т. п.). Он ратовал за воссоединение польских земель, вошедших в состав не только России, но и Пруссии и Австрии, и за самостоятельное политическое существование польской нации при условии ее отказа от полонизации русских в Галиции и непротивлению воссоединению Карпатской Руси с основной частью русского народа. Ламанский не был сторонником славянофильского принципа «Один народ — одно государство», которого, например, придерживался Н. Я. Данилевский. Он проводил различие народов на исторические и неисторические. Самостоятельное государство наравне с развитым языком, признаком которого является богатая литературная традиция, указывают на самобытную культуру. Только народ, сумевший выработать такую культуру, — есть народ исторический.

Проявления австрийского панславизма направлены на самом деле не только против России, но и против всего славянства. Его цель — не объединять, а разъединять, противопоставлять, проводить границы, обострять противоречия и реанимировать исторические обиды. Чехи, живущие преданиями германской империи, хорваты, во имя национального возрождения преследующие православное население, — факты, достойные сожаления и подрывающие единство

греко-славянского мира. Лукавый австрийский панславизм питает исторические мифы о былом величии и поддерживает национальные иллюзии славянских народов о своей исключительности. Это все «волшебные слова», как их называет Ламанский, призванные ослабить славянство, поддерживать в нем центробежные, а не центростремительные силы, сохранять партикуляризм вместо единства. «Романизм», полагал Ламанский, «через иезуитов расслабил и развратил Словенцев, Хорватов и Поляков».

Впрочем, признавая значение религии в истории и жизни народов, Ламанский все же решающую роль отводил языку, как средству интеллектуального и культурного сближения славян. Объединительную роль должна взять на себя не Российская империя, а русский язык как общий литературный, дипломатический и научный язык славян. Ламанский специально подчеркивал, что Россия не нуждается в территориальных приобретениях; ей нужны силы, чтобы обжить и обустроить уже занятые пространства. Россия — это «целый континент», а не обычная отдельная страна, единство различных народов, скрепляемое верой, мировоззрением, психологией и общим литературным и научным языком, а не просто политическая нация. К ней примыкает и та часть народов, которые не являются собственно Европой или Азией и которые Ламанский относил к Греко-Славянскому или Среднему миру. От представителей этого мира Россия ждет лишь «доверия и дружбы», не претендуя на их земли. Средний мир обладает своим «географическим единством», а именно материковым характером, доминированием равнинных территорий над горными, меньшей связью с морем, и этим он отличается от Европы. Полнее эти мысли были развиты Ламанским в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка».

Сборник Ламанского имеет посвящение «Добрым приятелям и милым друзьям», которое воспроизведено и в газетной публикации предисловия. Это единственный русскоязычный текст в «Государственных тайнах Венеции». В нем перечислены в первую очередь ученики Ламанского: Ф. Ф. Зигель, А. Г. Семенович, А. С. Будилович, Ю. С. Анненков, Ф. И. Успенский, Г. А. Воскресенский, Р. Ф. Брандт, В. Н. Малинин, К. Я. Грот, И. И. Соколов, Т. Д. Флоринский, С. Л. Пташицкий, М. И. Соколов, П. А. Сырку, И. Ф. Анненский, В. Э. Регель, И. С. Пальмов, Ф. М. Истомина, Г. М. Князев, В. А. Кракау, А. Л. Петров. Их упоминание неслучайно, поскольку год выхода архивного сборника совпал с публикацией «Сборника

статей по славяноведению, составленного и изданного учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности¹. Юбилейный сборник был важной вехой в становлении и утверждении «научной школы Ламанского». «Посвящение» Ламанского — ответный жест благодарности ученикам. В 1905 г. был издан еще один юбилейный сборник². До революции 1917 г. ученики Ламанского занимали большинство славяноведческих кафедр в российских университетах. Сборники демонстрировали преемственность исследовательской тематики Ламанского и его учеников, а в последнем издании уже и учеников его учеников, близость (но не идентичность) методологических установок, а иногда и расхождение идеологических принципов, что, впрочем, не мешало им относить себя к «школе Ламанского»³. Отличительной чертой «школы Ламанского» был обобщающий взгляд на историю и культуру славянских народов, утверждающий самобытность славянской цивилизации. «Государственные тайны Венеции» показывали, как этот цивилизационный подход может быть воплощен в работе над архивными материалами.

Конечно, столь долгий срок подготовки к печати сборника, увлечение фактами, которые открывали архивные документы, не мог пройти бесследно и для других работ ученого. Из собранных исторических памятников Ламанский, в первую очередь, черпал материал для своих лекций, а также использовал его в некоторых публикациях и выступлениях. Ламанский был профессором славянской филологии. Однако его преподавательская деятельность сосредоточилась прежде всего на истории славянских народов. Именно благодаря Ламанскому и его ученикам история славян выделилась из славянской филологии в самостоятельную научную дисциплину. Ламанскому удалось добиться открытия отдельной кафедры (вакансии) по славянской истории в Петербургском университете, которую занял один из его учеников Н. В. Ястребов.

¹ Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1883. XX, [6], 495 с.

² Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905. XCI, 506, II с., 7 л. ил.

³ Аржакова Л. М. Славистика в Санкт-Петербургском университете // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2 (22). С. 177.

По мере подготовки к изданию архивных документов Ламанский обнародовал их содержание в отдельных выступлениях и публикациях. Можно указать по крайней мере один его доклад в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе о судьбе турецкого султана Джема¹ и статью «Могущество турок османов в Европе». Статья явно написана на основе собранных архивных материалов, но касается сюжета, прямо не затронутого в «Государственных тайнах Венеции». Если в своем сборнике он приводил многочисленные факты участия славянского и греческого населения в жизни Венецианской республики, то в статье показал влияние славянской стихии на политическую жизнь Турецкой империи. Отчасти замысел статьи «Могущество турок османов в Европе» продолжал то направление исследований, которое было задано магистерской диссертацией Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», однако он привлекал уже новые источники.

В игнорировании интересов славянского населения Балканского полуострова Ламанский видел одну из главных причина ослабления Византии. Правители Восточной Римской империи отказывались от союза с сербами и болгарами и, напротив, предоставляли права и льготы европейцам, прежде всего итальянцам. Политика Палеологов, как и болгарских и сербских государей, по его словам, поражает «своей непоследовательностью, полным непониманием как общих восточнохристианских, так и народных интересов»². Разобщенность православных народов делала их уязвимыми перед внешней угрозой. «Слабость и разорванность Греко-Славянского востока для Романо-Германского запада всегда соблазнительна и приманчива», — писал Ламанский, имея в виду не только отжившую старину³.

В статье он указывал на многочисленные факты участия славян в войнах на Востоке. Так, в битве при Ангоре (1402), завершившейся пленением султана Баязета, на стороне турок воевали сербы. Напротив, «в войсках Тамерлана, надо полагать, были русские. В XIV в. мы встречаем уже русские полки у монголов на Кавказе и в самом Китае,

¹ Ламанский В. И. Турецкий царевич Джем (читано в заседании СПб. славянского благотворительного комитета 14 февраля 1870 г.) // Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества по протоколам общих собраний его членов, состоявшихся в 1868—1883 гг. СПб. : Тип. А. М. Котомнина и К^о, 1883. С. 49.

² Ламанский В. И. Могущество турок османов в Европе // Исторический вестник. 1880. Т. II. С. 6.

³ Там же.

где им даже отведены были земли. Что удивительного, если теперь в глубине Малой Азии сошлись южные и северные славяне, тогда данники, впоследствии решители судеб Монголо-Турецкой Азии»¹. В приведенной цитате Ламанский легко переходит от исторических фактов к современным событиям и историософским обобщениям. Его нередко критиковали за такие широкие философско-исторические параллели, считая их ненаучными.

В историософской концепции Ламанского Турции отводилась важная роль в истории Греко-Славянского мира. Вобрав в себя греческую и славянские стихии, Османская империя сама в значительной мере трансформировалась. «Христианские жены и матери предшественников Магомета II, — замечал Ламанский, — множество служивших у них христиан и ренегатов греков, славян, албанцев привили турецким властителям разные греко-славянские понятия и взгляды, научили ценить их способности и понимать их превосходство в иных отношениях над природными турками»². Из греков и славян набирались моряки для турецкого флота, султанская гвардия-пехота, кавалерия, «постоянно черпался и обновлялся весь личный состав высшей военной и политической администрации»³.

Под влиянием христианской стихии в исламе появились ереси, признающие Христа Богом и Спасителем. Да и сами «христиане в Турции пользовались тем равнодушием и терпимостью правительства и обывателей, которому, вообще говоря, могли завидовать иноверцы во всех христианских государствах XVI—XVII веков»⁴. В период расцвета Турецкая империя отличалась веротерпимостью и не преследовала инородцев. «Сравнивая положение своей церкви в Турции с ее положением в Венецианских владениях, греки имели полное право быть довольны турками. То же самое надо сказать про славян турецких», — заключал Ламанский⁵. При этом он вовсе не идеализировал общественное устройство Турции, признавая «хищнические привычки» турецкого населения и насилие, которое оправдывалось исламом и стимулировалось

¹ Там же. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же.

войной (государство было основано завоеванием и жило войной и для войны). «Весь общественный строй турецкий был основан на рабстве», — писал он¹.

Не мог Ламанский в статье не затронуть и свою заветную мысль о цивилизационнообразующей роли языка и том историческом благе, которое приносят народы, сумевшие выработать самобытную культуру. «Прекрасна, живительна идея народности и в словесности и в общественной жизни народов и государств. Есть много прелести и задушевности в маленьких словесностях, как есть много удобства в маленьких государствах, живущих под охраною великих держав. Но есть и великое благо и предстоит крайняя нужда и в больших мировых цивилизациях, в мировых языках и в их хранилищах — великих мировых державах, представляющих интересы целых рас и особых культурных миров»². Высказанный здесь укор «маленьким словесностям» и «маленьким государствам» направлен южным и западным славянам, пестующим свои партикулярные литературы и политические образования, которые в таком виде никогда не смогут достигнуть мирового уровня и обрести всечеловеческое значение. Более того, лишь приняв русский язык в качестве литературного и научного, был убежден Ламанский, они могут развивать свою культуру, избежать ассимиляции более успешными народами и даже политического поглощения. Язык, как показал еще К. С. Аксаков, в своем развитии отражает уникальный опыт духовного и социального развития народа³. Маленькие славянские государства никогда не смогут сохранить самостоятельность и неизбежно попадут в зависимость от крупных цивилизационных центров. Такая же участь ждет их языки и литературы.

После «Государственных тайн Венеции» следующим крупным проектом Ламанского стало издание лучшего дореволюционного этнографического журнала «Живая старина». Ламанский редактировал его с 1890 по 1912 г., вкладывая в издание первых номеров свои скромные средства. С 1890 г. в течение десяти лет он читал лекции в Академии генерального штаба, опубликовал «Три мира Азийско-Европейского материка», предпринимал попытку организовать еще один журнал — «Славянский мир», но не

¹ Там же. С. 13.

² Там же. С. 23.

³ Безлепкина Н. И. Лингвофилософия К. С. Аксакова // Философский полilog. 2017. № 2. С. 156.

получил поддержки. Тем не менее главным делом своей жизни он по-прежнему считал «Государственные тайны Венеции». Насколько оправдались ожидания Ламанского в том, что его труд принесет большую пользу науке? Он, безусловно, получил признание среди небольшого круга специалистов, но остался малоизвестен и малодоступен. Для наших современников сборник Ламанского и вовсе — научная экзотика, а на столь важное для понимания взглядов Ламанского предисловие к книге, как правило, не обращают внимания даже исследователи его творчества. Возможно, если бы сборник был переведен на русский язык, то повлиял бы не только на отечественных ученых, но и встретил сочувствие в образованной публике. Однако Ламанский намеренно адресовал свой труд европейцам, и он остался в большей степени фактом европейской, а не русской науки.

Обращаясь к западной науке, Ламанский наивно надеялся удивить европейских ученых безнравственностью европейской политики. Сборник архивных документов он стремился превратить в морально-политический трактат. Однако преподанный им моральный урок едва ли был воспринят в Европе. Если искать аналогию работы Ламанского, то это будет, скорее всего, конфуцианская историческая хроника «Весны и осени» (Чуньцю), как и в целом конфуцианская историография, видевшая причины упадка или процветания государств в нравственных качествах правителей и моральном состоянии общества.

В то же время необходимо учитывать связь «Государственных тайн Венеции» с магистерской и докторской диссертациями Ламанского. В магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» он дал славянофильскую интерпретацию славянской истории, здесь — изложил славянофильский взгляд на историю европейскую. И прежде Ламанского славянофилы высказывали свою точку зрения на западноевропейскую историю, видя в ней, как, например К. С. Аксаков, проявление вражды, насилия, завоевания, рабства и грубой силы. Ламанский на архивных документах демонстрировал аморальность европейской истории и политики, ее антихристианское содержание. В определенном смысле его сборник служил ответом критикам Н. Я. Данилевского, обвинявшего его в макиавеллизме. Приводя в «России и Европе» многочисленные факты враждебного отношения европейцев к России, Н. Я. Данилевский полагал, что и Россия должна относиться к Европе враждебно. Его вывод гласил: «Чем хуже для Европы, тем лучше для России»

и славянства». Политика, которую Россия ведет в Европе (политика сдержек и противовесов, замирения Европы), вредит прежде всего самим славянам, потому что, как только Европа замирится, она начнет объединяться, а первыми, на кого нападет объединенная романо-германская Европа, будут славяне. Поэтому пока Европу раздирают противоречия и конфликты, Россия и славяне могут жить спокойно. Документы и факты, приводимые Ламанским, показывали, что аморальность, доходящая до отрицания христианских ценностей, — это стихия исторической жизни германо-романских народов, в первую очередь католических. Ее влияние, т. е. европеизация, способствовала разложению и Турецкой империи и, надо полагать, подразумевал Ламанский, столь же пагубно сказывается и на России. Русские западники, критикующие Н. Я. Данилевского, плохо знают настоящую историю Европы, идеализируют ее прошлое и боготворят настоящее. Ламанский, безусловно, сознавал односторонность своих интерпретаций и архивных подборок. Столь же тенденциозен он был и в докторской диссертации «Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе» (1871), обличавшей взгляды европейских ученых и публицистов на славянство. Однако его, казалось бы, очевидная «предвзятость» и «односторонность» были всего лишь методологическим приемом, который должен был раскрыть «идеальный тип» европейской цивилизации, в основе которой лежат антихристианские начала, противоречащие общечеловеческой морали. В заключение приведем цитату из некролога Ламанского, составленного академиком А. А. Шахматовым: «Венецианское правительство нашло себе в лице В. И. Ламанского сурового прокурора: главную причину его политических ошибок он видит в отсутствии в нем честности и в наличии у него слишком большой уверенности во всемогуществе низменной стороны человеческой природы. Историческое исследование превращается в блестящий моральный трактат. Развернувшаяся перед В. И. Ламанским картина жестоких нравов вызывает в нем одну утешительную мысль: Западной Европе нельзя ссылаться на историю Византии или России для утверждения, что именно там, а не на западе человечество нашей христианской эры могло опускаться до крайних пределов варварства и низости»¹.

¹ [Шахматов А. А.] Владимир Иванович Ламанский : Некролог : (Читан в заседании Общего Собрания 29 ноября 1914 г. академиком А. А. Шахматовым) // Известия Имп. Академии наук. 1914. С. 1343—1344.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

В 1915 г. одесский профессор И. А. Линниченко откликнулся на смерть Владимира Ивановича Ламанского статьей «Патриарх русского славяноведения»¹. Почти столетие спустя это заглавие воспроизвела О. В. Саприкина². При всей справедливости такой номинации и лестности библейских ассоциаций сам Ламанский едва ли согласился бы с данной ему характеристикой, поскольку «патриархом славяноведения» и «первым научным апостолом славяноведения» называл аббата Иосифа Добровского (1753—1829).

Однако, как это ни покажется странным, славистика, ставшая делом жизни Ламанского, не была главной целью его жизни; не она определяла ценностные и смысловые установки его деятельности. В мировоззренческом и экзистенциальном измерениях Ламанский сознавал себя славянофилом, наследником «московского кружка» 1840—1850-х гг. Славистика поставляла иллюстративный материал для славянофильских теорий, например, подтверждая или, напротив, опровергая панславистские мечтания. Она служила приложением славянофильских концепций, позволяла верифицировать славянофильские идеи, наполнить их конкретным содержанием. Так Ламанский старался проводить славянофильскую точку зрения в преподавании славяноведческих дисциплин, прежде всего истории и литературы славян, а также при изучении «славянщины». В то же время славистика позволяла сделать из славянофильства более практичное применение, а именно переложить его на язык политической теории и практики, превратить славянофильство в реальную политическую силу. Славистика выступала для Ламанского прикладным славянофильством, где

¹ *Линниченко И. А.* Патриарх русского славяноведения: Владимир Иванович Ламанский // *Голос минувшего*. 1915. № 2. С. 244—253.

² *Саприкина О. В.* Академик В. И. Ламанский: патриарх русского славяноведения // *Новый исторический вестник: Избранное 2000—2004*. М.: РГГУ: Изд-во С. С. Иполитова, 2004. С. 60—84.

любовь к соплеменникам принимала форму любви к знанию, а филия преображалась в гнозис. Неслучайно Ламанский считал себя в большей степени историком и политическим мыслителем, чем филологом-славистом.

Такое понимание славяноведения требовало широты научного мировоззрения и масштабности выдвигаемых задач. Не славянская филология в ее частных проблемах занимала Ламанского, а обоснование необходимости общеславянского научного, литературного и дипломатического языка. Не славянская история в ее домашних изводах интересовала Ламанского, а цивилизационная концепция трех миров, кирилло-мефодиевская идея (восстановление богослужения на славянских языках у западных и южных славян) и восточный вопрос (определение границ греко-славянского и романо-германского цивилизационных миров). Даже изучение истории Академии наук в XVIII в. и жизнеописание М. В. Ломоносова Ламанский воспринимал как борьбу с современным ему засильем немецких ученых в Академии наук и дополнительную аргументацию за русификацию отечественной науки.

Программной в этом отношении стала его статья «О распространении знаний в России», опубликованная в журнале «Современник». Исходя из широкого понимания задач русской науки, Ламанский сформулировал ряд проектов, которые впоследствии пытался реализовать на практике. В качестве условий развития науки он отмечал доступность знаний, распространение результатов научных исследований и единство различных разделов знания. Слабой стороной русской науки он считал «недостаток источников и проводников знания»¹; отсутствие публичных лекций, способствующих популяризации знаний; малочисленность научной литературы, в том числе популярных руководств и переводов классических сочинений. Необходимость в такого рода литературе была тем более острой, поскольку «мысль, передаваемая родным словом, действует сильнее, глубже западает в душу»². Пока даже Академия наук в Петербурге, сетовал он, нередко печатала свои труды на немецком языке. «С строго-научным изложением и с главнейшими вопросами науки, — отмечал Ламанский, — можно только ознакомиться из иностранных сочинений, так как литература наша еще весьма бедна

¹ Ламанский В. И. О распространении знаний в России // Современник : литературный журнал. 1857. Т. LXIII. С. 13.

² Там же. С. 15.

оригинальными сочинениями. <...> крайне необходимы переводы классических иностранных сочинений по всем наукам»¹. Потребность в переводах вызвана и необходимостью усвоения существующей научной терминологии. По мысли Ламанского, взять на себя заботу по изданию научной, в том числе переводной, литературы, а также популяризации знаний должно было «Общество Распространения Знаний». Отчасти этот замысел Ламанского реализовал его младший брат Нестор Иванович, основавший кооперативный союз переводчиков и наборщиков, издававший переводную политико-экономическую литературу. Для самого Владимира Ивановича прообразом такого общества служила деятельность Н. И. Новикова и И. Г. Шварца в XVIII в.² По сути проект Ламанского представлял собой развитие просветительских представлений, осложненных романтическим идеалом народности. Если для просветителей XVIII в. самодеятельность общества в научной и культурной сфере ограничивалась узким кругом образованного и привилегированного сословия, то Ламанский ратовал за приобщение к знаниям широких слоев населения. Не без сожаления он писал: «Знания у нас все еще остаются какою-то аристократическою привилегиею»³. Новое «Общество это должно быть образовано в Москве, главном центре русского просвещения»⁴.

«Общество Распространения Знаний», полагал Ламанский, должно состоять из двух отделов: физико-математических и нравственных наук. Отдел нравственных наук, в свою очередь, делился на ряды: 1) философский, теоретический; 2) исторический, который, в свою очередь, подразделялся на классы: классический мир, западноевропейский, восточноевропейский или славяно-русский, восточноазиатский. Любопытно понимание Ламанским содержания философского знания, которое ограничивалось философской антропологией (в широком смысле) и социальными науками. «Разряд, называемый мною философским, — писал он, — может быть разделен на два класса, из коих один занимается изучением законов природы человека, как существа нравственного, следовательно, сюда относятся философия, психология, логика и проч.; другой же класс занимается изучением законов общества человеческого, изучением

¹ Там же. С. 16.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же. С. 28.

природы человека, как животного общественного, следовательно, сюда принадлежат науки юридические»¹. Обучение Ламанского в университете пришлось на ту пору, когда преподавание философии сводилось только к двум предметам (логике и психологии), а кафедры философии в университетах и вовсе были закрыты. Примечательно здесь не ограниченное понимание задач философии, следующее из ограниченности ее преподавания, а убежденность в необходимости самой философии.

Формирующиеся научные интересы Ламанского (более четко обозначившиеся несколько позже) требовали особого внимания к классу славяно-русскому, который должен заниматься не столько переводами, сколько изданием оригинальных сочинений. В этой статье Ламанский, вероятно, впервые печатно употребил выражение «греко-славянский мир», развернутое обоснование которого впоследствии нашло отражение в его геополитической концепции. Поясняя, что же он понимает под греко-славянским миром, Ламанский писал, что «мир греко-славянский, то есть Россия, ее единоверцы и соплеменники, и те иноплеменные государства, которые и по этнографическому составу своему и по своим историческим судьбам принадлежат более к миру восточноевропейскому, чем к западному, именно Турция, Австрия и прежняя Венеция. Сюда же входят те инородцы и иноверцы, судьбы которых тесно соединены с судьбами России и остального мира славянского, а именно литовцы, албанцы, финны и другие народы азиатские»². Изучению греко-славянского мира Ламанский посвятил две свои наиболее известные монографии: «Об историческом изучении греко-славянского мира» и «Три мира Азийско-Европейского материка», а также два издательских проекта: журнал «Живая старина», выходивший под редакцией Ламанского с 1890 по 1912 г., и журнал «Славянский мир», который не был дозволен министерством.

Помимо переводов по истории различных славянских стран и народов, а также Австрии, Венеции, Турции, Греции, Албании, Литвы, в задачу славяно-русского класса входило издание славянской хрестоматии, по крайней мере по чешскому, польскому и сербским языкам с историческими и филологическими комментариями. Издательские планы дополнялись переводами сочинений иностранных путешественников о России до Петра I с комментариями, переиз-

¹ Там же. С. 32–33.

² Там же. С. 33.

данием лучших сочинений по русской истории отечественных исследователей, сборниками лучших статей русских авторов за прошлые годы, полным, систематическим изданием славяно-русских рукописей, т. е. памятников древней славянской письменности. Здесь же Ламанский высказывался в поддержку идеи О. М. Бодянского об учреждении «Центрального хранилища славяно-русских рукописных памятников для средней России».

К другим задачам Общества можно отнести «очищение и развитие в России здравого эстетического вкуса», всестороннее поощрение детской и народной литературы, открытие в Москве общественной библиотеки. Главную же цель Общества Ламанский видел в «издании полной русской энциклопедии наук, быть может, первой значительной лепте народа русского в сокровищницу общечеловеческого просвещения»¹. Стоит отметить, что проект «полной русской энциклопедии наук» перекликается с подготовкой в 1916—1918 гг. обширного сборника на русском и французском языках «Русская наука», который редактировал А. С. Лаппо-Данилевский.

Для сбора необходимых средств на организацию Общества Ламанский предлагал образовать «*“Русскую Матицу” или народный капитал из добровольных пожертвований для издания особых книг и сочинений*»². Признавая, что эту идею он заимствовал у сербов, он, в качестве примера, приводил в статье циркуляр об учреждении «Матицы Чешской» (1830)³.

Статья «О распространении знаний в России» — одна из первых публикаций Ламанского и первая самостоятельная статья (прежде Ламанский напечатал несколько рецензий) — отличается широтой понимания русской науки и стоящих перед ней задач. Ламанский предварительно обсуждал содержание статьи в кругу своих бывших университетских товарищей. На это указывает дошедшее письмо В. Я. Ососова (24 ноября 1856 г.), в котором он отвечает на присланные ему «заметки» Ламанского о «системе распространения образования в России»⁴. Беседы с друзьями спо-

¹ Там же. С. 39.

² Там же. С. 40.

³ Там же. С. 40—44.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1059. Л. 9—12.

собствовали формированию широкого восприятия отечественной науки и образования.

Из такого понимания Ламанский исходил и при преподавании славяноведения в Петербургском университете, подтверждением чего может служить опубликованная десятилетие спустя его публичная лекция. Здесь он более определенно говорит о науке, прежде всего исторической, как форме народного самосознания. По словам Ламанского: «В Русском общественном сознании носятся самые разнообразнейшие и часто совершенно противоречивые учения или отрывки понадеггерных нами учений, без разбора перенесенные с Запада на Русскую почву. Выросшие там, под особенными историческими и местными условиями, все эти различные теории очень часто находятся в решительном несогласии с основными воззрениями Русского народа, с нашим просветительным началом, так что для нас является крайняя необходимость философской и исторической критики просветительных начал Греко-Славянского и Романо-Германского мира, строго научного разбора и определения их особенностей и их взаимных отношений»¹. Взгляда на историю как науку народного самосознания придерживались многие современники петербургского ученого (М. П. Погодин, С. М. Соловьёв, М. О. Коялович и др.). В основе такого подхода лежала гегелевская идея познания другого как познания самого себя. Именно знакомство с историей Европы и европейскими научными теориями позволяет лучше понять историю своего народа и государства. Западноевропейские концепции не только дают понятия и методы для познания русской истории, но и показывают их ограниченность и неполную адекватность для анализа и оценки русского материала. Все это стимулирует критическое отношение к европейской науке и разработку новых теорий и научных понятий, пригодных для постижения русской истории и культуры. Приобщаясь к европейской науке, изучая европейскую историю, мы познаем ее как «свое-иное», позволяющее лучше понять специфику русского исторического бытия. «Образ России и вообще мира Славянского только тогда предстанет нам в возможной ясности, когда мы лучше узнаем сами себя и все понятия

¹ Ламанский В. И. Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете. Ч. I : Изучение Славянства и Русское народное самосознание // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. СXXXIII. С. 147.

и представления о нас народов иноверных и иноплеменных», — замечал Ламанский в своей магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании»¹. Однако его магистерская диссертация представляла собой в большей степени историческое сочинение, опирающееся на факты славянской истории, почерпнутые из многообразных источников. Докторская же диссертация Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира» была в узком смысле историографическим исследованием. Однако за историографическим разбором европейских концепций и учений о славянах стояла уже историософская теория о самобытности греко-славянского мира, о его цивилизационной самостоятельности и состоятельности.

Но если историю Западной Европы мы воспринимаем как необходимый предел, дающий возможность обрести большую определенность во взгляде на нашу собственную историю, то история, культура, литература славянских народов не отличаются той инаковостью и чужеродностью, которые характерны для истории Европы. Это, так сказать, наше ближайшее инобытие. Если от европейской истории и науки русская историография отталкивается, то к славянской истории притягивается, ища в ней подобия и аналогии, единство и родство культурных форм и динамики исторических процессов. В той же магистерской диссертации Ламанский подчеркивал необходимость изучения истории славян для постижения как России, так и Европы. «Обращение с остальным миром славянским и его изучение, — писал он, — в высшей степени важны для России, так как 1) Россия весьма много получила от своих соплеменников, весьма многим им обязана: если бы не они, то сама судьба ее была бы теперь иная; 2) конечно, не в отношении политическом, а в отношении своих нравственных исторических подвигов, для совершения которых призвано Провидением всякое колено земное, Россия одна еще не составляет одного самостоятельного целого, а есть только одна органическая часть целого мира Славянского, который в свою очередь есть только один, хотя и великий, член всей семьи человеческой: не может же без взаимодействия и общения частей совершаться в организме правильное отправление всех его жизненных сил, иначе же ему угрожает смерть и уже всегда его по-

¹ Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб. : В тип. Имп. Академии наук, 1859. С. 370.

стигают искажение и безобразие; 3) некоторые из соплеменников наших немало приняли участия в многовековой, блестящей жизни Запада, мира Романо-Германского, образованности которого Россия столько уже обязана, что и ставит ее в необходимость изучать исторически, подвергать внимательному и строгому аналитическому разложению эту образованность, одною из стихий которых оказывается между прочим Славянская. Так как в то же время эти соплеменники наши не теряли сознания своего Славянского происхождения и никогда не переставали принадлежать вместе с тем и к миру Греко-Славянскому, значительнейшим представителем которого Россия, то изучение их судьбы и составляет непрременную ее обязанность. В этом отношении для России в высшей степени важно изучение мира Греко-Славянского: оно уясняет ей собственное ее призвание и назначение в истории человечества, служит ей переходом к самостоятельному изучению и объяснению судеб мира Романо-Германского»¹. Магистерская диссертация Ламанского не была вызвана потребностями преподавательской деятельности. Напротив, защита диссертации позволила ему перейти на поприще научно-педагогическое. Однако уже здесь видно, что изучение славянства не было для Ламанского самоцелью. Преподавание славяноведческих дисциплин, его славистические исследования впоследствии это только подтвердили.

Установка на понимание славистики как формы русского национального самосознания не осталась лишь романтическим следом науки середины XIX в., она была воспринята учениками Ламанского. В качестве примера можно привести цитату из статьи Н. П. Дашкевича, опубликованной в сборнике, посвященном юбилею преподавательской деятельности Ламанского. «Наши дни, — писал Н. П. Дашкевич, — зовут нас с особою настойчивостью к усилиям самопознания и к рассмотрению нашего прошлого не сквозь чуждые нам очки, а к более правильному и верному, — для того чтобы мы могли, с одной стороны, искоренить действительные недостатки нашего национального характера и нашей жизни, указанные вековыми наблюдателями — нашими более просвещенными соседями,

¹ Ламанский В. И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». СПб. : В тип. Имп. Академии наук, 1859. С. 115—116.

а с другой — отчетливее развить не понятые ими лучшие стороны нашего национального типа и уклада»¹.

Актуальность славяноведения, которое в пору обучения Ламанского в университете еще находилось в стадии научного становления, он выводил из нужд развития самой русской науки, искусства и литературы. В лекции он отмечал: «Вникнув в современное состояние Русской образованности, легко заметить, что самые насущные потребности и важные задачи Русского искусства, Русской литературы и наук внушают каждому мыслящему Русскому гражданину непререкаемое желание поближе узнать, поглубже изучить мир Славянский, его прошедшее и настоящее»². Изучение славянства, как видно из цитаты, ставится Ламанским в потребность «мыслящему гражданину», т. е. служит признаком как свободной и критически мыслящей личности, так и свидетельствует об ответственной гражданской позиции. Славяноведение Ламанский воспринимал в качестве средства воспитания русского общества, изменения русской жизни, решимости опираться на собственные силы, в том числе вырабатывать привычку к самостоятельному мышлению. «Вообще изучение Славянского мира и пробуждение в Русском обществе Славянского самосознания, — отмечал он, — укрепит и соберет разбросанную Русскую мысль и дряблую волю, сосредоточит наше рассеянное общественное сознание, приучит нас, для излечения наших язв и недостатков, обращаться не за море, ожидать спасения не из чужа, искать и находить его не вне нас, а в нас самих, в своем собственном усовершенствовании, во всестороннем развитии наших внутренних сил, в подъеме народного духа, в свободе и оживлении народного труда»³.

Необходимость мыслить самому, потребность в самостоятельном мышлении, вызванные изучением славянства, прежде всего раскроются в самобытном русском любознательности, т. е. в становлении и оформлении русской философии. «Усиление такого направления в нашей ученой литературе, — писал Ламанский о славяноведении, —

¹ Дашкевич Н. П. Смена вековых традиций в отношениях народов Запада к Русским // Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1908. Часть вторая. С. 1413—1414.

² Ламанский В. И. Чтения о славянской истории ... С. 117—118.

³ Там же. С. 146.

обещает оказать самое благодетельное влияние на самостоятельное развитие и действительные успехи всех отраслей знания в России. Оно прежде всего полезно подействует на подъем и оживление у нас философских знаний. Если, с одной стороны, без известной философской подготовки невозможна правильная постановка вопросов о началах и особенностях мира Греко-Славянского и мира Романо-Немецкого, об особенностях их отношения к миру до-христианскому, Греко-Римскому, то, с другой стороны, самостоятельная критическая разработка важнейших вопросов по истории Греко-Славянского мира, его отношений к миру Эллинскому и Римскому, к миру Романо-Германскому непременно будет содействовать прямо (изучение ересей, богословских школ и т. д.) и посредственно углублению и укреплению Русской мысли, подъему философских знаний на желанную степень самобытного развития. Влияние же философии на все области человеческого ведения, между прочим, и естествознания, не подлежит сомнению»¹. Подтверждением справедливости этого рассуждения может служить деятельность самого Ламанского. Помимо философии изучение славянства благотворно скажется и на русской исторической науке. Большая доступность архивов; открытость дипломатических документов; изучение истории Польши, Чехии, Венгрии, южных славян, Византии, отношения славянских народов между собой и к другим национальностям — значительно расширяют области исторического знания. Однако пока же русская историография страдает теми же недугами, что и русская наука в целом. По словам Ламанского, «в науках исторических мы изучаем почти исключительно одни *пособия*, а не *источники*; в естественных не столько сами наблюдаем и работаем, сколько изучаем описания и работы иностранных естествоиспытателей»².

В истории отечественного славяноведения Ламанский стоит если не у истоков, то по крайней мере в начале научного изучения славянства. К нему и И. И. Срезневскому восходит школа славистики в Петербургском университете. Уже в своей вступительной лекции он констатировал достижения славистики: «Редкая отрасль знаний в России может похвастаться такими успехами в такое короткое время: они всего лучше изобличают всю неверность и отсталость

¹ Там же. С. 139.

² Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб. : В тип. А. А. Краевского, 1865. С. 8.

недавних криков и возгласов против *Русской науки*, против самостоятельности Русской мысли»¹. В записке, направленной в 1895 г. министру народного просвещения И. Д. Делянову, Ламанский обосновывал необходимость нового журнала «Славянский мир» именно успехами славяноведения в России.

Ламанский был убежден, что именно русским ученым суждено добиться наибольших успехов в славистике. Залог этого он видел в тех исторических условиях, в которые поставлен русский народ: наличие собственной государственности и развитие литературного языка. Во время своей первой заграничной командировки он писал родителям из Праги 1/13 июня 1862 г.: «Вообще, знаете, мало еще русских, хорошо знающих славянские дела, но из знающих их или интересующихся ими, конечно, они одни из всех славян лучше, яснее понимают дело. Говорю это без всякого желания хвастаться. Этою ясностью понимания мы обязаны не себе лично, а нашей великой истории, нашему великому народу. Когда-то наши дураки сообразят, почувствуют это»².

Уверенность в перспективах славяноведения придавали и следующие события. В 1867 г. в Москве состоялись Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд, во многом стимулировавшие интерес к изучению славянства. В речи на торжественном обеде, посвященном встрече славянских гостей, Ламанский провозглашал: «Съезд славянских представителей и корифеев в Москве может стать *поворотной точкой, открыть новую эпоху в истории славянского мира*»³. Новая эпоха предусматривала не только возможность культурного или даже политического сближения славян, но, в первую очередь, интенсификацию взаимного познания, культурного обмена, распространения идей славянского единства и взаимности, а главное (заветная мечта Ламанского), распространение русского языка. В речи, произнесенной в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе 11 мая 1877 г., приуроченной к десятилетию славянского съезда, Ламанский отмечал: «Как бы ни старались умалять значение Славянского съезда в России, но спра-

¹ Ламанский В. И. Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского. М. : В тип. Бахметьева на Малой Дмитровке № 14, 1865. С. 1–2.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 18 об.

³ Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. М. : в Унив. тип. (Катков и К^о), 1867. С. 86.

ведливость требует признать за ним большое влияние и на Русское общество и на Славян Западных. В Европе тогда же, в разных ее краях, было замечено, что Славянство охвачено тем же чаянием великих готовящихся судеб и тем же стремлением к единству, которые незадолго перед тем преобразили внешний вид Италии и Германии. Никогда в такой степени, как с этих пор, не изучались Русский язык и литература в землях Славянских. Число Славянских переселенцев (особенно Чехов) значительно с той поры умножилось, как видно увеличилось с того времени число Русских путешественников и туристов в землях Славянских»¹. Все эти факты свидетельствовали об усилении русского влияния в славянских землях, что прямо сближало славяноведение с политическими науками, а порой и политической практикой. При этом надо учитывать, что наиболее эффективным средством влияния Ламанский считал русский язык, видя в нем реальную геополитическую силу. «Успешное развитие Славяноведения в России, — замечал он в одном неопубликованном фрагменте, — много также содействовало усилению нравственного авторитета и умственного влияния нашего отечества во всех славянских землях, немало помогло распространению среди разных наших современников русского языка, русской книги»².

Многолетнее преподавание славяноведческих дисциплин, изучение истории, языка и литературы славянских народов способствовали выработке Ламанским как общенаучной, так и частнонаучной методологии и приемов исследования. В своих лекциях он охотно делился со студентами своими наблюдениями над научной работой. В качестве основы профессиональной этики он выделял добросовестность и критическое отношение к предмету. В рецензии на книгу А. Н. Пыпина «История русской этнографии» он писал: «Чистые сердцем конечно узрят Истину, но в деле научного знания для ученого *чистота сердечная* есть добросовестность, она требует скепсиса, постоянной проверки, внимательности ко всем мелочам и подробностям, крайней осторожности в выводах и заключениях»³.

¹ Первые 15 лет существования Петербургского Славянского Благотворительного Общества по протоколам общих собраний его членов, составленное в 1868—83. СПб. : Тип. А. М. Котомина, 1883. С. 454.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 48. Л. 42 об.

³ Ламанский В. И. [Рецензия] : Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. II. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. СПб., 1891. IV + 428 стр. // Живая старина. 1890. Вып. II. С. 230.

С этой точки зрения Ламанский критиковал, например, даже столь ценимого им К. С. Аксакова, считая, что в ряде своих работ московский славянофил был не ученым, а увлекающимся дилетантом.

Добросовестность, о которой пишет Ламанский, является основой профессиональной этики исследователя. Она способна корректировать субъективизм, который не устраним полностью в науках исторических. «Выводы палеографических, как и всякого рода ученых наблюдений, строго говоря, никогда не могут быть совершенно свободны от субъективного элемента, от личных воззрений, ибо наблюдательность исследователя есть часть его духа. При одинаково точных методах и одинаковых условиях наблюдаемых явлений результаты наблюдения всегда окажутся богаче и важнее у того из наблюдателей, кто добросовестнее и даровитее других. <...> В всяком случае всякий ученый наблюдатель нуждается в доверии. От себя он должен требовать строгости и добросовестности, и тогда он вселяет к себе доверие и имеет право требовать его от других»¹.

К общим требованиям научного исследования, полагал Ламанский, надо отнести нейтральность, беспристрастность подхода и бескорыстный поиск истины. «При изучении научном, — обращался Ламанский к студентам, — надо прежде всего стараться о том, чтобы во время наблюдения фактов и явлений не позволять себя предупредить вопросом, как те или другие факты либеральны ли они, или нет, нравственны или безнравственны. При научном изучении надо удалять от себя вопрос о ближайшей пользе; это — вред для успеха научных занятий. Не надо думать, что естественные науки, так много давшие для пользы жизни, при своем развитии и важном для жизни прогрессивном своем шествии, руководились какими-нибудь практическими выводами. Великие открытия гениальных ученых совершались просто, без всяких предвзятых исканий фактов. К науке надо пристраститься, предаться ей без всякой мысли о конкретной пользе, науку надо уважать саму по себе. “Муза не такая девка, чтобы ее можно изнасиловать”, — говорит отец русской науки — Ломоносов»². Справедливости ради надо заметить,

¹ Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки о древнем и новом по истории славистики (памяти аббата Иосифа Добровского) // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. ССІ. Февраль. С. 333.

² [Ламанский В. И.] Лекции по славянским наречиям, читанные профессором С.-Петербургского университета В. И. Ламанским за 1880—81 акад. год. [СПб. :] Литография Гробовой. С. 44—45.

что пристрастное отношение к предмету Ламанский позволял себе только в публицистике. Его лекции можно отнести к жанру добротной школьной литературы. В них он сознательно избегал крайних оценок и резких суждений.

Ламанский нередко сознательно обезличивал лекции, часто сводя их по форме к пересказу фактологического и историографического материала. В одном из писем И. С. Аксакову (29 октября 1880 г.) он признавался: «Мое всегдашнее правило, чем мысль дерзче или смелее, тем незаметнее ее пропускать. Тут своего рода невинное лукавство»¹. В другом недатированном послании тому же адресату Ламанский более подробно раскрывал свой преподавательский метод. «Было время, — признавался он, — когда я страстно любил действовать на окружающих, внушать им разные спасительные мысли и увлекать их к известным делам. С годами стал умнее и холоднее. Я теперь боюсь, напр<имер>, увлечь слишком своих слушателей. Мне противно подумать, напр<имер>, что я мог бы понравиться большой толпе. Я столько эту толпу наблюдал и у нас и за границею, что в ее жар и увлечение я не могу много верить. Этой аппретуры у меня нет и оттого, что нет во мне яркого дара живописания, и потому, что я ее боюсь и стараюсь избегать. У меня принцип теперь, чем резче и смелее мысль, чем новее положение, тем мягче и нежнее, тем бледнее и бесцветнее моя речь. Это не эстетически и анти-художественно. Но на мысль слушателей и читателей оно действует сильнее, возбуждает в них самостоятельную работу. Для многих это пройдет мимо ушей. Такой способ изложения не обращает слушателей и читателей в толпу, напротив, из толпы выводит нескольких. Профессора, увлекающие массу студентов, не создают школы и не имеют почти учеников. У Грановского, Костомарова, Миллера много восторженных почитателей, но нет школы, нет учеников. Очень может быть, что я и не создам школы, но я страстно желаю этого, лелею в себе эту мечту и полагаю в том единственно цель моего честолюбия. Наконец, многих привлекать к своему делу и привязывать к себе, как профессору известного предмета, я не могу, не должен и не хочу, а между тем Вы сами знаете, молодежь особенно наша такова, что ее легко увлекать и привлекать даже без особого дарования. Наконец, между моими товарищами сложилось мнение, что я человек пылкий, увлекающийся, что в решительные

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 143.

минуты в факультете и Совете я являюсь как легкая кавалерия, стремительным наскоком нападаю на противника и нахрапом провожу свое мнение. Вследствие всего этого, дабы иметь влияние, не увеличивать противодействия, я в университетской моей деятельности и с товарищами и со студентами стараюсь вообще быть потише и побесцветнее и в образе действий и в способе изложения. Аппретурою же или кнутом я должен действовать как можно реже, ибо у людей правильно или неправильно сложилось убеждение, что я люблю стегать и стегаю больно. Мне нужно таким образом предписывать себе воздержание и удаление от многих дел, и часто приходится облекать мысли и предложения в самую невинную и бесцветную форму. Люди не сердятся, не тягостятся и соглашаются с ними охотнее. Это не формулы и предложения, а просто инструкции и наведения. Всем приятно иметь и проводить свои мысли. Большинство людей, обыкновенно действующие по чужим указаниям и примерам, не любят никогда в этом сознаваться. Понятно, что профессорская деятельность налагает свою печать и на писательскую деятельность. Вываливаю же разом много материала потому, что пишу мало, а работаю и придумываю относительно много»¹.

Из письма видно, что в лекциях Ламанский намеренно не искал популярности, не стремился увлекать и вести за собой студентов, а, напротив, старался ненавязчиво донести до слушателей свои идеи и тем самым побудить в них самостоятельное (пусть и критическое по отношению к этим идеям) мышление. Так формировалась научная школа. Уже современники признавали существование «школы Ламанского». В качестве подтверждения приведу выдержку из письма К. Н. Бестужева-Рюмина, отправленного Ламанскому 2 (14) мая 1883 г. из Рима, в котором русский историк отмечал: «популярности Вы не искали потому, что Вам, как С. М. Соловьёву, “некогда было ее искать”, но Вы нашли нечто более прочное: Вы создали свою школу. Теперь уже многие ученики Ваши занимают кафедры и славяноведения и средневековой и русской истории. Для них, Ваших учеников, открыт новый мир — Греко-славянский, поле, на котором <...> следует работать русским ученым. Завидная участь создать свою школу выпала на Вашу долю не случайно: Бог одарил Вас обширным, творческим умом»². Представление о составе «шко-

¹ Там же. Л. 206—207.

² Там же. Ед. хр. 215. Л. 3—3 об.

лы Ламанского» дают два сборника статей, выпущенных к юбилеям ученого его учениками¹. Отдельный параграф ученикам Ламанского отведен в фундаментальной монографии Л. П. Лаптевой «История славяноведения в России в XIX в.»². Правда, здесь упомянуты только Ю. С. Анненков, В. Э. Регель, П. А. Сырку и И. С. Пальмов (ученик Ламанского по Санкт-Петербургской Духовной академии). Реальный круг «школы Ламанского», конечно, значительно шире. О многих его учениках речь идет в других главах этой книги. К «исторической школе Ламанского» Л. П. Лаптева относит около 30 ученых-славистов и историков (Ф. И. Успенский, Ф. Ф. Зигель, А. С. Будилович, Р. Ф. Брандт, М. И. Соколов, К. Я. Грот, Т. Д. Флоринский, Н. В. Ястребов, А. Л. Погодин и др.).

Со своей стороны ученики также подмечали особенности исследовательского подхода Ламанского. В фонде Ламанского отложилось «Посвящение» учеников, написанное к 25-летию его научной деятельности. Конечно, само «Посвящение» нельзя отнести к разряду научной литературы, однако оно содержит наблюдения, позволяющие раскрыть специфику работы Ламанского. Рефлексию его учеников, безусловно, необходимо воспринимать с поправкой на особенности жанра. В «Посвящении» отмечалось: «часто не знаешь, чему больше удивляться: обширности ли Ваших знаний, неутомимости разысканий, разнообразию приемов, независимости суждений, глубине и широте обобщений, или какой-то сердечности отношения к самым даже отдаленным по пространству и времени вопросам!»³ Важной чертой ученого, которой в полной мере обладал Ламанский, является критическое отношение к любым авторитетам. Главная же особенность Ламанского состояла в предпочтении синтетических построений аналитическим. «Исторические факты не дробятся в Вашей голове как звенья разорванной цепи, — писали ученики; — напротив, они смыкаются в стройные ряды логических

¹ Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1883. XX, [6], 495 с. ; Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905. ХСІ, 506, II с., 7 л. ил.

² *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX в. М. : Индрик, 2005. С. 378—431.

³ СПбФ АРАН. Ф. 281. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 1 об.

приемов, до самых отдаленных и незамеченных разветвлений»¹. В «Посвящении» указывалось на склонность Ламанского к обобщениям, к метаисторическому и даже философскому взгляду на изучаемый предмет. В несколько метафорической форме это было выражено следующим образом: «С особенной любовью носится Ваша мысль на тех высотах созерцания, с которых жизнь народов европейского востока и запада представляется в виде двух океанов, разделенных природою и судьбами, но связанных единством конечных задач христианской образованности»². В то же время Ламанский не чурался и кропотливой архивной работы, собирая ту эмпирию, которая потом ложилась в фундамент историософской теории. Ученики подчеркивали у него совмещение приемов «разрушительной критики и смелого творчества, свидетельствуя о взаимодействии и силе как индуктивных, так и дедуктивных приемов Вашего мышления»³. Как в славянской истории, показывал Ламанский, действуют силы созидающие, центростремительные, с одной стороны, и силы разъединяющие, центробежные — с другой, так и в его работах ученики усматривали преобладание созидательного, концептуального подхода, подчинение факта идее. В творчестве Ламанского «всегда торжествует в конце концов процесс положительный над отрицательным, зиждущий над разрушением, вследствие чего общий строй Вашего мышления носит отпечаток какого-то возвышенного идеализма, столь понятного, впрочем, в истинном славянине и христианине»⁴.

Публикации учеников Ламанского подтверждали живучесть тех идей и концепций, источников и тематики, методов и приемов, которые последовательно проводил в своих исследованиях и лекциях их учитель. Лекции Ламанского, по большей части сохранившиеся в виде литографированных изданий, его статьи и монографии позволяют отчасти эксплицировать исследовательские установки и методы работы в формулировках самого Ламанского, не касаясь частных интерпретаций и конкретного содержания его лекций.

Методологический арсенал, который в лекциях Ламанский предлагал ученикам, не отличался оригинальностью и разнообра-

¹ Там же. Л. 2 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 2 об.—3.

зием. Он сводился к сочетанию синтетического и аналитического методов, критике источников и исследовательской литературы, а также сравнительному методу. В статье, посвященной опровержению подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей, он констатировал, что «критика до последнего времени была еще слабо развита в славистике»¹. Критический метод также позволяет сохранять дистанцию между исследователем и предметом его изучения, не навязывать предмету свои представления и т. п. «В критике первое место занимает свобода отношений субъекта к объекту и известная разница в воззрениях и стремлениях, которыми руководится судящий критик и в которых создался судимый объект», — заключал он².

«Каждая наука, — отмечал Ламанский во вступительной лекции, — предполагает двойного рода деятельность или направление, аналитическое и синтетическое: одно собирает были и данные, исследует частности, другое открывает в них законы и начала»³. В наиболее известных публикациях Ламанского синтез преобладал над анализом, да и в целом он сам был больше склонен к синтетическим (в духе философии истории или политической географии) построениям. В другой формулировке сочетание анализа и синтеза Ламанский изъяснял как соотношение идей и фактов в ходе исследования. Он замечал, что «при занятиях наукою одинаково вредно останавливаться или на одних идеях или на одних фактах. Для успешных и благотворных занятий необходимо не гнать от себя общей идеи, но в то же время не забывать и факты, частности и подробности, могущие пролить свет на общее целое. При изучении целого нужно не забывать частей, при изучении подробностей, второстепенных частей, надо иметь в виду целое»⁴.

В лекциях по славянским наречиям Ламанский отмечал, что методы славянской филологии состоят «во 1-х, в собирании воз-

¹ Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки о древнем и новом по истории славистики (памяти аббата Иосифа Добровского) // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. ССІ. Февраль. С. 340.

² Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки о древнем и новом по истории славистики (памяти аббата Иосифа Добровского) // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. ССІ. Январь. С. 139.

³ Ламанский В. И. Вступительное чтение ... С. 2.

⁴ [Ламанский В. И.] Лекции по славянским наречиям ... С. 36—37.

можно большего количества материалов для изучения, и во 2, в научной критике собранных материалов»¹. Далее он уточнял область применения критики, «которая вносит в собранный материал систему, каждой вещи отводит надлежащее по значению место в ряду других собранных вещей, а некоторые и совершенно устраняет, как не пригодные для цели <...> Что же такое научная критика? В кратких словах ее можно объяснить таким образом: под научной критикой разумеется проверка всякого источника или памятника в его достоверности как с внешней, так и с внутренней его стороны. С внешней стороны проверяется, напр<имер>, та давность, которая ему приписывается; с внутренней стороны проверяется степень достоверности сообщаемых сведений»². В то же время значение науки заключается не только в изучении источников и их критике, но и в раскрытии новых перспектив, тем, вопросов, проблем. «Всякая наука, — рассуждал Ламанский, — развивается и подвигается вперед двумя способами одновременно: критическою проверкою старых трудов, прежних пройденных наукою путей и постановкою и разрешением новых вопросов»³. В славистику Ламанский вошел как раз благодаря обоснованию новых точек зрения и интерпретаций, часто выходящих за пределы славянской филологии. Неслучайно К. Н. Бестужев-Рюмин в цитированном письме⁴ отмечал в качестве заслуги Ламанского разработку вопроса о греко-славянском мире.

Сравнительный метод был хорошо известен в историко-филологических науках и до Ламанского. Он лишь указывал студентам на то, что «изучение Русской старины, народной речи, словесности и музыки только тогда пойдет у нас твердым, верным шагом и будет вполне отвечать современным требованиям науки, когда совершенно себе усвоит метод сравнительный и свяжется с изучением параллельных явлений у прочих Славянских народов»⁵. Так, например, сравнительное изучение права может оказаться бесполезным для русского законодательства. Более того, по мысли Ламанского, сравнительный метод способен вывести гуманитарные науки на уровень познания точных наук. В рукописи, посвященной разбору

¹ Там же. С. 3.

² Там же. С. 3—4.

³ *Ламанский В. И.* Национальности итальянская и славянская ... С. 6.

⁴ См. наст. изд. С. 204.

⁵ *Ламанский В. И.* Чтения о славянской истории ... С. 120.

одной из статей Н. И. Костомарова, он замечал, что «в самом деле, если в историко-нравственных науках есть метод, наиболее приближающийся к методу точных наук, то это, конечно, метод сравнительной филологии и лингвистики»¹.

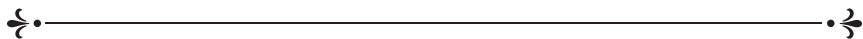
Еще одна особенность научной работы, по крайней мере в дисциплинах гуманитарных, — это литературная обработка текста, которой, как правило, завершается исследование. Для филологов, имеющих дело со словом, умение литературно излагать свои мысли и результаты работы тем более необходимо. От языка сообщения во многом зависит как доступность самого исследования, так и его распространение и влияние. Неслучайно Ламанский столь настойчиво выступал за развитие русского научного языка и принятие русского языка как языка науки и высшей образованности другими славянскими народами. В цикле статей «Новейшие памятники древнечешского языка» он, критикуя точку зрения Срезневского и отмечая красноречие в качестве сильной стороны своего учителя, тем не менее писал: «Мне в высшей степени грустно, но я должен откровенно сказать, что нельзя считать крайне вредным для развития науки введение в ученые исследования приемов и эффектов ораторских. Язык и способ изложения в научных исследованиях должен быть прямой и строгий. В суровой простоте и ясности истинных научных исследований особенно великих мастеров есть своя прелесть и изящество. Факты приводятся точные, проверенные; или доказываются или из них выводится не более и не менее того, что следует; один вывод связывается с другим, третьим, без всяких натяжек и насилий; затем, быть может, высказываются догадки, предположения, гипотезы, часто потом не оправдываемые, но всегда бесполезные, если придуманы способным знатоком и высказаны прямо, без утаек, с решимостью не отступать и не отречься от своих мнений, пока их неосновательность не обнаружится, и с готовностью откровенно и искренне сознаться в своих ошибках, если они окажутся. Наука живет и развивается только в свободе и требует себе языка свободного и, следовательно, искреннего. Мысль должна не скрываться, прятаться по углам и убегать в потемки, а напротив, стремиться к простоте, ясности и свету; ученое же исследование, громоздящее примеры над при-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 114. Л. 3.

мерами, доводы над доводами, быть может эффективные, но недоказанные, носит в самом себе и наказание. Вопросы, сами по себе несложные, запутываются, порождают новые ошибки, ложные заключения, и вообще являются путаница и хаос»¹.

1890 год стал во многом поворотным в научной биографии Ламанского. Отслужив 25 лет по ведомству Министерства народного просвещения, он перешел в разряд заслуженных профессоров. В этом же году стал выходить издававшийся и редактировавшийся им этнографический журнал «Живая старина». Ламанский был приглашен читать лекции в Академии генерального штаба, которые позволили ему сосредоточиться на более общих вопросах славянской (и шире восточноевропейской) истории и культуры, реализовать тот синтетический подход, к которому он всегда был склонен. В университете Ламанский в эти годы приступил к чтению общего курса «Введение в славяноведение», в котором также исходил из разработанной еще в докторской диссертации историософской концепции греко-славянского мира. Все это позволило ему подготовить в 1892 г. обобщающий труд — «Три мира Азийско-Европейского материка», в котором он подводил итог своим философским воззрениям. Сам Ламанский числил свою концепцию по ведомству политической географии, которая отчасти преодолевала некоторые славянофильские иллюзии. Этому предшествовало разочарование в панславистских идеалах, приведшее к конфликту Ламанского с рядом членов Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества в бытность его председателем Общества и редактором его «Известий» (1887—1888). Ламанский все больше склонялся к разработке русской проблематики. Эволюция взглядов Ламанского прошла определенный цикл: он начинал с требования поддержки русского самосознания, которое привело его к славистике, занятия которой убедили его в необходимости разработки руссиеведения. В такой эволюции не было ничего странного. Известно, что «славянофильство» не было самоназванием того направления, сторонником которого считал себя Ламанский. Кружок А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина обозначал себя как «московское» (в противоположность «петербургскому») или «православно-русское» направление. Русская тематика всегда была для славянофилов предпочтительнее общеславянской. Историософия

¹ Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки ... Ч. ССІ. Февраль. С. 345.

Ламанского, выросшая из славянофильской критики европейских воззрений (в данном случае на славянство), вполне закономерно, т. е. повинаясь внутренней логике самой концепции, переросла в политико-географическое учение о трех цивилизационных мирах, где России и русскому народу было отведено системообразующее положение в Греко-славянском, или Среднем, мире. Русский народ выступал «центростремительной» (по терминологии Ламанского) силой Среднего мира, удерживая его единство благодаря своему государственному инстинкту и творческой мощи русского языка. Перефразируя П. Я. Чаадаева, можно сказать, что для Ламанского главный вопрос философии истории — это вопрос о русской нации, т. е. народе, обладающем сильной государственностью и развитым научным и литературным языком, позволяющим ему выступать основой греко-славянской цивилизации.

ПАНСЛАВИЗМ И СЛАВЯНСКАЯ ВЗАИМНОСТЬ

Научную деятельность Ламанского можно считать не только яркой страницей истории Санкт-Петербургского университета, но и важнейшим этапом в истории становления славяноведения как науки. Однако даже и эта в целом верная характеристика будет неполной. Научное творчество Ламанского опирается на философию, уходящую корнями в немецкий классический идеализм¹, европейский романтизм и славянофильство. Уже в первой своей лекции при вступлении в должность доцента Петербургского университета он указывал на свою принадлежность славянофилам. Из всего комплекса славянофильских идей Ламанский менее всего воспринял религиозную проблематику. Религиозная проблематика, столь важная для ранних славянофилов, была вторичной в теоретических построениях Ламанского. В противовес этому в его творчестве актуализируются вопросы, связанные с панславизмом, славянскими языками и ролью русского языка среди них. Изучение славянства, его культуры, истории и языка, подкрепленное обстоятельным чтением трудов немецких ученых, постепенно привело Ламанского к идее славянского единства и к пониманию славянства во всем его этноконфессиональном многообразии в качестве самостоятельного цивилизационного целого, естественным политическим центром которого является Россия. В итоге вдумчивое изучение греко-славянского мира привело его к признанию антагонизма и цивилизационного

¹ О влиянии немецкой науки, и особенно В. фон Гумбольдта, см. слова самого Ламанского: «Советы и указания почтенного профессора, известного славяниста (И. И. Срезневского. — В. К.), обратили меня к отчетливому и внимательному обследованию древнейших памятников славянской письменности. Труды Гумбольдта, Я. Гримма, Востокова, Шафарика и их школы были главнейшими моими пособиями и образцами» (*Ламанский В. И.* Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // *Ламанский В. И.* Геополитика панславизма. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 29).

различия русской и западноевропейской культуры, которая стала фундаментом как собственно научных взглядов Ламанского, так и в целом его мировоззрения. В конечном счете Ламанский пришел к выводу о наличии в историко-культурном измерении Европы двух отличных и противостоящих друг другу миров: романо-германского и греко-славянского.

Необходимо отметить, что еще в ранний период своего творчества Ламанский постулировал коренные различия между двумя частями Европы: греко-славянской и романо-германской. В неопубликованном цикле статей «Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам»¹, написанных в конце 1850-х — начале 1860-х гг., т. е. после окончания университета, он, опираясь на теоретическую концепцию В. Гумбольдта, проводил мысль об одноязычности славян и природном тяготении родственных племен друг к другу, а также о вековом противостоянии германской и славянской Европы, уходящем корнями в различие восточного и западного христианства, а также, и главным образом, об отличии языков, а значит, с позиций Ламанского, и национальных культур славян и романо-германцев.

Более отчетливый и последовательный вид концепция греко-славянского единства и его антагонизма по отношению к романо-германской культуре приобретает к моменту защиты Ламанским в 1871 г. докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе». Основной темой докторской диссертации Ламанского являлась проблематика понимания в западноевропейской науке славянского и особенно русского вопроса, т. е. в центре внимания ученого было рассмотрение основных западных концепций относительно славян и степень изученности славян вообще. Тем не менее уже в первой главе этого сочинения обосновывался тезис о том, что европейская история и культура должны пониматься в соответствии с делением Европы на восточную часть, где превалирует элемент славянства, выраженный в языковом аспекте, и православном христианстве, а также западную часть, где господствуют романо-германские народы и римско-протестантское христианство. По этому вопросу оппонентом Ламанского выступал в первую очередь немецкий историк А. Шлецер, деливший среднюю и новую историю Европы на северную и южную.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 108.

Позднее эта концепция культурно-исторического деления Европы на Восток и Запад эволюционировала в учение Ламанского о трех мирах Евразии (Азийско-Европейского материка, в его терминологии). Наиболее полно она была выражена, пожалуй, в главном труде Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка». В этом сочинении к уже упомянутому делению Европы на романо-германскую и греко-славянскую добавляется еще азиатский мир, которому, впрочем, Ламанский уделяет не столь много внимания. В итоге изначальная концепция трансформируется в идею о том, что между собственно Европой и собственно Азией имеется *Средний, греко-славянский мир*, который одновременно и не Азия и не Европа в полной мере, но в то же время имеет что-то и от них. В этом смысле греко-славянский мир становится уже не просто частью Европы, а самостоятельной цивилизацией наряду с Европой и Азией. Ламанского, безусловно, можно считать создателем славянофильской геополитической теории, предвосхищающей учение евразийцев. Однако, в отличие от современных геополитических построений, в основу концепции Ламанского положена не экономика, энергетика или денежные потоки, а культура и история. Рассматривая учение Ламанского о трех мирах, или о трех великих евразийских цивилизациях, как геополитическую концепцию, можно сделать вывод, что в основание политики он ставил принцип *культурной близости*, т. е. государственный интерес в данном случае обуславливается интересом *национальной истории, философии, литературы и, главное, языка как основы культуры как таковой*. Это можно отметить в качестве отличительной особенности историософии Ламанского, источником которой является, несомненно, немецкая философия в лице И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля и В. фон Гумбольдта¹.

Что же представляет собой Европа как культурно-исторический феномен? Прежде всего, как уже сказано, она разделена на два враждебных друг другу мира: *романо-германский* и *греко-славянский*. Во времена Ламанского рубежи между ними не совпадали с существующими границами государств. При всех отличиях, полагает Ламанский, в основе современной европейской культуры, как вос-

¹ Достаточно вспомнить в этой связи известные рассуждения И. Г. Фихте в «Речах к немецкой нации», см.: *Фихте И. Г. Речи к немецкой нации*. СПб. : Наука, 2009. С. 112—128. Также см. известное определение духа нации у В. фон Гумбольдта: «Духовная форма человечества, имеющая языковую определенность» (*Humboldt W., von. Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preussischen Academie der Wissenschaften. Berlin, 1907. Bd. VI. S. 125*).

точной, так и западной, имеется общее начало. Это христианство и связанные с ним ценности свободы, равенства и братства: «Как сравнительно ни бедна образованность, как ни слаба и ни скудна цивилизация и культура Среднего мира перед образованностью европейского или романо-германского, но, различные по своим возрастам и степеням, по национальным характерам, в главных своих основах и идеалах они составляют одну новую христианскую образованность. Безграничное стремление к свободе духа во всех проявлениях человеческой деятельности, полнейшее уважение к достоинству и правам человеческой личности, без различия полов, званий и состояний, сознание внутренней ответственности для каждой, без исключения, личности самоосуждения, раскаяния, самопожертвования и братского благоволения к людям, с неустанным призыванием общего благоденствия, наступления Царства Божия на земле, в виде общего братства и свободы всех людей и народов — таковы общие начала и стремления, на которых зиждется новая христианская образованность. Они одинаково дороги уже в течение многих веков, хотя и медленно осуществляются обеими половинами нового, христианско-арийского, человечества, как собственной Европе, так и Среднему миру»¹. Причем, как отмечает Ламанский, христианство стоит выше «политических интересов и польз своего отечества»², поэтому в обязанность каждого христианина входит максимально способствовать его распространению. Таким образом, либеральные ценности (свобода, равенство и братство) составляют непрременную базу русской жизни как части общей христианской культуры Европы. Данное учение позволяет отнести геополитическую концепцию Ламанского (наряду с политологией И. С. Аксакова) к либеральному направлению позднего славянофильства.

Отличаются же эти два мира, разделяющие Европу, по целому ряду признаков. Это географические, этнологические, конфессиональные и лингвистические различия. Как верно отмечает М. А. Робинсон, Ламанский, выделив эти признаки, «не смог соблюсти чистоту их применения»³. Так, при определении границ Среднего мира — гре-

¹ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 229—230.

² Там же. С. 305.

³ Робинсон М. А. В. И. Ламанский и его историософский трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» // Славянский альманах, 1996. М., 1997. С. 100.

ко-славянского — в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» он в целом отдает предпочтение этническому и лингвистическому аспекту. Но в то же время частью Среднего мира являются, согласно его учению, греки и даже сирийские и армянские христиане, которых объединяет конфессиональный признак, а не язык. В Средний мир попадали западные, южные и восточные славяне, население Балкан и христианское население Среднего и Ближнего Востока, вся территория и население Российской империи. Границы греко-славянской цивилизации, следовательно, определялись ареалом распространения этих лингвистических и конфессиональных общностей, а также в Азии — политическими границами России.

В целом можно выделить следующие признаки, по которым Ламанский отличает два мира Европы и Евразии: лингвистический, этнографический, географический, социально-государственный, соотношение моментов единства и разнообразия, особенность отправления культа, исторический возраст. Определяющую роль, как уже было сказано, играл *лингвистический признак*: в силу родственности языков славянские народы тяготеют друг к другу, стремятся к взаимному общению и имеют схожие интересы. Конфессиональный признак — разность восточного и западного христианства — также имел существенное значение, но все равно определялся через лингвистический. В географическом смысле греко-славянский мир отличается от романо-германского преобладанием материка над островами и полуостровами, поэтому Средний мир — это мир сухопутный: «...на нашем греко-славянском востоке преобладает и господствует однообразие равнин и степей, которое вместе с развитием больших речных систем помогло и содействовало образованию одного многочисленного народа и громадного государства»¹. Особенности ландшафта и рельефа Западной Европы определяют и ее внутреннюю структуру: соотношение моментов единства и разнообразия, центробежных и центростремительных сил. Ламанский писал: «Относительно распределения гор и равнин, суши и воды, матерой земли и береговой линии романо-германский запад без своих не европейских владений наделен так равномерно, что почти правильно разделяется на шесть более или менее равных частей — Скандинавию, Великобританию, Германию с Голландией и Францию с Бельгией, Италию, и Испанию с Португалией»². Таким

¹ Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 77.

² Там же. С. 77.

образом, если в греко-славянском мире преобладают центроостремительные силы и единство, то в романо-германском мире господствует разнообразие над единством и центробежность. Этим определяется и политическая конфигурация романо-германской Европы: баланс и уравнивание *шести равнозначных элементов*. Выгодное положение одного элемента относительно другого компенсируется его недостатками в чем-то другом, в то время как этот недостаток в другом элементе обращается в преимущество. На более высоком уровне этот баланс элементов упирается в координацию и противоборство романского, католического элемента и германского, протестантского: они взаимодополняют и уравнивают всю европейскую политическую архитектуру.

Совершенно иная структура сложилась в греко-славянском мире: здесь есть явный центр и очевидно преобладает единство. Центром греко-славянской цивилизации является Россия — единственный наследник Византии: «...Россия есть главный и даже единственный самобытный представитель греко-славянского мира»¹. Ведущее положение России имеет своим следствием то обстоятельство, что в Среднем мире «нет такой национальности и образованности, нет такого языка, которые бы могли оспаривать первенство, преобладание и господство у русской национальности и образованности, у русского языка»², поэтому, с точки зрения Ламанского, русский язык берет на себя роль языка научного и дипломатического общения, что также должно способствовать преодолению противоречий между славянами.

Самостоятельность России является источником вражды и не любви к ней со стороны романо-германского мира. «Но что в нем, — пишет Ламанский, — и смущает их, т. е. Италию и Германию и вообще романо-германские племена, как не то обстоятельство, что русский народ — единственный народ славянский, смогший и сумевший создать сильное государство»³. Отношения же России и славян строятся, по его мнению, на принципе взаимности. Мы часто говорим, отмечал Ламанский, цитируя И. С. Аксакова, что «Россия уже тем полезна славянам, что она существует»⁴, однако верно и обратное, «что без них она бы никогда не была тем, чем она есть, что если они зачахнут в борьбе и, наконец, исчезнут, она никогда не будет тем,

¹ Там же. С. 81.

² Там же. С. 95.

³ Ламанский В. И. Россия — мир славянский // Вече : журнал русской философии и культуры. 2009. Вып. 19. С. 169. См. наст. изд. С. 437.

⁴ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. С. 203.

чем она может быть в случае, если все нерусские славяне сохраняют и обеспечат, наконец, свою самостоятельность»¹. То же самое касается и славянской культуры, которая является для Ламанского источником культурной мощи России. Поэтому самостоятельность славян, как политическая, так и культурная, составляет важнейший интерес России, служа ее источником и питательной базой. Эта мысль, надо заметить, полностью опровергает до сих пор бытующее мнение о национализме, шовинизме и русификаторстве славянофильства². Как раз наоборот: взаимоуважение и поддержка политической самостоятельности — вот что предлагают поздние славянофилы братским славянским народам. Видимо, этот момент не вполне, кстати, понимают и сами славяне. В большой статье «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях» Ламанский сетовал на слабость славянской интеллигенции, которая действует «вопреки стремлениям своих народов к разобщению и отделению славян от России»³.

Отличия романо-германского мира Европы от греко-славянского проявляются также в разности их социального устройства и традиций. Ламанский писал: «К числу особенностей греко-славянского мира сравнительно с романо-германским и вместе к числу причин гораздо более тихого и медленного у нас развития образованности следует, кажется, отнести и решительное преобладание в нашем мире села над городом, крестьянства над горожанами, буржуазией или мещанством, сельчан и мужиков над дворянами, рыцарством, начала общинности, старины, привязанности к обычаю и пошлине над началом личности, стремлениями к новизне, переворотам и преобразованиям»⁴. Эта особенность сказывается и на аграрном характере греко-славянского мира, его консервативности и общинности. Влияет она и на исторический возраст греко-славянского мира Европы, который оказывается моложе своего романо-германского соседа: в целом Восточный мир Европы развивается более медленно.

¹ Там же. С. 203.

² См. по этой проблеме: *Егоров Б. Ф.* О национализме и панславизме славянофилов // *Славянофильство и современность.* СПб. : Наука, 1994. С. 23—32.

³ *Ламанский В. И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях // *Отечественные записки.* 1864. № 12. С. 601.

⁴ *Ламанский В. И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. С. 88.

В работе «Три мира Азийско-Европейского материка» Ламанский объясняет эту черту не только общинностью и аграрностью европейского востока, но и особенностями распространения среди славян античной образованности, которая оказывала меньшее влияние на национальные культуры славян и в силу ряда трудностей усваивалась ими позже.

Таким образом, можно отметить, что Ламанский выделяет в структуре Европы два противоположных элемента, которые имеют разную географическую, лингвистическую, конфессиональную и социальную определенность. Их противоборство конституирует политическую ситуацию в Европе, поэтому очевидно, что для Ламанского, который понимал свою научную деятельность не как отстраненное кабинетное занятие или тщетное удовлетворение своего познавательного интереса, а как вид публицистической и общественно-политической активности. Политика и общественные отношения, геополитические конструкции определяются не экономической выгодой или некими государственными интересами, а культурой и языком. Славянское единство базируется в данном случае не на политико-экономическом подчинении, а на взаимопомощи и взаимоуважении. Лидерство опирается не на материальное богатство, а на продуктивность культуры и внутреннюю силу духа. Основа Европы — христианство, а основа греко-славянского мира — общность языка и религии. В таком случае поддержка национальной культуры и образованности служит важнейшим принципом политики государства, роль которого сводится не к юридическому регулированию, а к поддержке и созданию условий для проявления внутренней духовной силы народа, обретающей свою определенность в языке и религии.

Геополитическая концепция Ламанского оказала влияние и на его славяноведческие исследования. Можно даже утверждать, что в определенной мере политическая философия и славяноведение составляли для Ламанского одно целое. Хотя, как было выше отмечено, его нельзя считать сугубо кабинетным ученым. Публицистика Ламанского предполагала и научную разработку вопросов славянской истории и филологии. Сегодня для большинства исследователей вполне очевиден вклад этого ученого в становление российского славяноведения как комплексной науки, изучающей историю и культуру славянского мира. Значение Ламанского в этом контексте определяется не только и не столько теми конкретно-научными результатами, которые он сформулировал как историк или филолог, сколько тем фактом, что его творчество было целиком и полностью

направлено на формирование устойчивого общественного интереса к славянам — их прошлому и настоящему. Ламанский стремился вывести славянскую проблематику на уровень общественно значимых вопросов, показать актуальность изучения славянства. Ему удалось не только сформулировать, но и, так сказать, конституировать, задать предметность славянских исследований в российском контексте, без чего дальнейшее развитие славяноведения было бы невозможным. В этом аспекте Ламанского вполне можно поставить в один ряд с такими деятелями как П. Й. Шафарик, Я. Коллар и Ф. Палацкий.

При внимательном анализе творчества Ламанского становится понятно, что как его интерес к славянству, так и методология исследования восходили к его общефилософским установкам, связанным со славянофильством. Именно славянофильством определялись его мировоззрение и общенаучные принципы, составлявшие основу его конкретно-исторических поисков. Более того, можно утверждать, что его исторические занятия непосредственно исходили из его мировоззрения и были направлены на поиск эмпирической репрезентации славянофильских идей. Поэтому славяноведение являлось для Ламанского своего рода национальным сознанием, выраженным в форме науки. В данном случае, очевидно, мы сталкиваемся с весьма старым пониманием науки как формы практики, т. е. как образа жизни и способа мышления, а не просто как сбора и систематизации фактологического материала.

Такого рода понимание научной деятельности привело к тому, что в славяноведении Ламанского нашли яркое выражение идеи, которые имеют более идеологическое и философское значение и не ограничиваются сферой узкой специализации. К числу таких идейных конструктов относится и теория *панславизма*. В результате, имея в виду научное наследие Ламанского, мы вынуждены говорить именно об этом концепте, а не о тех отдельных выводах, которые он сделал, занимаясь специальными историко-филологическими исследованиями.

В чем же заключается специфика панславизма Ламанского? Первые опыты осмысления такого идейно-исторического явления как панславизм относятся к XIX столетию¹. Сегодня панславизм

¹ См.: Пыпин А. Н.: 1) Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913; 2) Возрождение и панславизм // Обзор славянских литератур. СПб., 1865. С. 493—495; Кареев Н. И. Славянское возрождение, панславизм и мессианизм // История Западной Европы в новое время. СПб., 1903. Т. V. С. 405, 418—421.

тракуется как один из главных фактов процесса становления национального самосознания и собственной идентичности славянских народов и как одно из важнейших интеллектуальных средств этих народов в борьбе с иными народами Европы — прежде всего романскими и германскими. В этом контексте панславизм принято делить на политический и литературный (или культурный). В основе этого различия лежит признак отношения того или иного сторонника теории славянского единства к вопросу о государственном развитии славянских народов. В том случае, если не выдвигается притязаний на реализацию политических проектов по объединению славян в некое единое славянское государство или близких к такому государству политических союзов, принято говорить о *культурном панславизме*, направленном только лишь на взаимное развитие литературы, науки и языков славянских народов. Подавляющее большинство исследователей относит панславизм Ламанского именно к литературному панславизму¹. В целом можно признать, что в творчестве Ламанского есть признаки, позволяющие отнести его именно к этому типу панславизма. И тем не менее отметим, что применительно к Ламанскому такое определение оказывается не просто односторонним, а по сути ошибочным, в силу чего отнесение панславизма Ламанского к «культурному типу» не отражает специфики понимания им вопроса о славянском единстве. В отличие от литературного панславизма в собственном смысле слова, связанного прежде всего с деятелями чешского и словацкого национального возрождения, Ламанский хотя и настаивал на особом значении *лингвистического единства славян*, но для него это отнюдь не означало отказа от перспективы политического объединения. Он полагал, что литературное единство не является конечной целью объединения славян, а лишь предпосылкой для его будущего политического единства.

Этот факт становится ясным при сопоставлении взглядов Ламанского с теорией славянской взаимности, разработанной Я. Колларом. Я. Коллар может рассматриваться как наиболее яркий представитель литературного панславизма (он фактически был родоначальником этого интеллектуального течения). Традиционно и учения Ламанского и Коллара относят к литературному панславизму, но можно с уверенностью утверждать, что в их взглядах есть существенные

¹ См., например: Прокудин Б. А. Историческое и геополитическое идеи В. И. Ламанского // Вестник МГУ им. Ломоносова. Серия 12 «Политические науки». 2013. № 2. С. 117–127.

расхождения. Коллар, как известно, является разработчиком самой первой *теории славянской взаимности*. Собственно, именно он и ввел в оборот понятие «*славянская взаимность*» в трактате «О литературной взаимности между отдельными славянскими племенами и наречиями» (1836). В этой работе идет речь о том, что потребностью славян является создание литературно-духовного союза. При этом Коллар всячески подчеркивал, что этот союз ни в коем случае не является политическим, и даже наоборот — призван укрепить верноподданические настроения славян, не разрушая существующих на тот момент политических границ. Сущность этого литературно-духовного союза должна заключаться в равноправии литератур и языков славян, при котором каждый язык остается исключительно в своих собственных границах, не приобретая господствующего положения по отношению к своим «собратьям». Речь идет именно о так называемом *литературном общении* славян, когда каждый славянский народ знает и изучает другие славянские народы — их язык и историю — и вступает с ними в духовное общение. При этом каждый народ, подчеркнем, остается самим собой и не претендует на господство. В аллегорической форме Коллар выразил свое понимание так: «Славянская нация и литература должны уподобляться дереву, которое разделяется на четыре большие ветви; всякая ветвь цветет и несет собственные плоды, и своими отраслями и листьями касается и обнимает прочие ветви; все они растут на одном корне и составляют вместе один венец; ни одна не может засохнуть без того, чтобы не пострадало и не исказилось все дерево»¹. Впоследствии эта образная формула превратилась в кредо австрославизма. Поэтому следует сказать, что как Коллар, так и в целом ведущие представители этого интеллектуального движения не принимали не только идеи единого славянского государства, но в целом никаких форм унификации, включая разного рода проекты по созданию единого славянского языка. В основе этого понимания литературного единства лежало представление о культурном и литературном равноправии каждого славянского народа, поэтому любые попытки создания некой однообразной общности славянства воспринимались такого рода деятелями (прежде всего лидерами австрославизма) как попытки ограничения свободы славянских народов. Основной идеей такого панславизма можно признать понятие многообразия в единстве.

¹ Коллар Я. О литературной взаимности между отдельными славянскими племенами и наречиями // Отечественные записки. 1837. № 8. С. 14.

В контексте такого рода понимания славянского единства становятся очевидными специфические черты панславизма Ламанского. Именно теория общности языка, более того, настойчивое продвижение идеи *русского языка как общеславянского*, отличает его подход к решению проблемы единства славян. Для этого Ламанский разработал особое и крайне интересное учение об *игемонии языка*. В одной из своих ранних работ он писал, что по мере развития человечества наблюдается усиление языкового разнообразия и все большее дробление вместе с постоянным образованием новых языков. Это обстоятельство, по мнению ученого, приводит к своего рода изоляционизму народов, который затрудняет их общение и тем самым — развитие. Но история выработала средство против этого пагубного процесса — первенство или *игемонию* одного из наречий.

Ясно, что роль такого рода гегемона в славянском мире должен выполнить *русский язык*. В русском языке Ламанский, собственно, и видел *главную объединяющую силу в славянском мире*. В силу этого *важнейшей мыслью Ламанского была идея русского языка как общеславянского литературного языка*. Вот как он сам это объясняет: «Среди этого множества разных литературных и нелитературных, славянских и инородческих наречий выступает в мире греко-славянском могущественный и богатый язык русский, господствующий, государственный язык мировой державы, прямой и единственный законный наследник древнеславянского письменного языка. В нашем мире ни один из современных языков, кроме русского, не может иметь притязания на значение всемирно-историческое, на сколько-нибудь большое распространение вне пределов своих тесных родин. Для всех этих славянских народностей и многочисленных инородцев орудием обоюдного понимания и взаимной связи, общим дипломатическим органом и даже языком высшей образованности может быть только язык русский»¹.

По мнению Ламанского, славянам исконно присуще стремление к единству. В разные эпохи совместной истории славян степень их тяготения друг к другу была разной. Тем не менее, как полагал Ламанский, на всех исторических этапах именно общий язык оказался воплощением этого стремления к объединению. На начальном этапе истории славянства такую объединительную роль играл *церковнославянский язык*, который стал выражением потребности славян

¹ Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. С. 92—93.

в духовной самостоятельности. Поэтому Ламанский писал о том, что свв. Кирилл и Мефодий были подлинными строителями славянского единства: «Они раскрыли славянству вселенскую идею и из славянства же взяли материал и образовали форму для ее воплощения»¹. Славянские первоучители дали славянству орган просвещения, который позволил им приобщиться к христианству и к высокой культуре. Без общей грамотности, письменности и литературной традиции народы отдаляются друг от друга, а общее идеологическое и культурное пространство распадается.

В соответствии со своей геополитической философией Ламанский противопоставлял духовное единство славян, созданное на основе общей письменности, духовной культуры, тому единству, которое создано Западной Европой. Примером западноевропейского варианта объединения он справедливо считал империю Карла Великого, которая строилась на силовом подчинении народов, вследствие чего такое единство было, по его мнению, «внешнее и искусственное, вскоре после его смерти (Карла Великого. — В. К.) распалось и никогда более вполне не возобновлялось, если не считать исполинской попытки Наполеона I»². Подчеркнем, что здесь речь идет о единстве, построенном на насилии. В целом Ламанский считал, что одна из особенностей, отличающая романо-германскую Европу от славянского мира, — это присущее ее характеру стремление к насилию. Славяне же (в том числе и русские), напротив, ищут единства, основанного на добровольности и осознании общности исторических судеб, что исключает любую форму насильственной политики в виде грубой ассимиляции и подчинения.

В Новое время, как полагал Ламанский, преемником древнего церковнославянского языка выступает *русский язык*. Из всех славянских языков именно русский оказывается наименее местным и наиболее универсальным в силу большого влияния на него церковнославянского языка. Именно забвение общего литературного языка приводит к ослаблению славянских народов. Следовательно, восстановление литературного единства через введение общего литературного языка является *conditio sine qua non* обретения славянами своей геополитической значимости и выхода из исторического прозябания. Как писал Ламанский, «с принятием русского языка

¹ Ламанский В. И. Кирилло-Мефодиевская идея // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 639.

² Там же.

все эти мелкие, слабые племена приобщаются к одному великому целому, участвуют во всех интересах и выгодах литературы и образованности восьмидесятимиллионной мировой державы, становятся деятельными членами особого исторического мира, приобретают возможность с успехом бороться против иноземных влияний, особенно немецкого и итальянского, как наиболее опасных, и вместе с тем при распространении русского языка в образованных классах для этих меньших наречий славянских сохраняется еще обширное поприще для литературной обработки»¹.

Таким образом, единство славян строится на *единстве литературного языка и культуры*. Но для Ламанского это отнюдь не означает, что на этом объединение славян заканчивается. Литературное единство является предпосылкой и для политического соединения. Образование единого геополитического пространства — цель славянского мира. Но цель эта достижима только лишь благодаря выработке принципов, вокруг которых такого рода пространство может быть сконструировано. Таким принципом, или же ценностью, являются для Ламанского русский язык и культура, которые оказываются в его теории имеющими интернациональную природу. Именно поэтому политика, проводимая правительством, должна быть построена на идеологии поддержки и распространения русского языка. Причем, следуя идее ненасильственности культуры славян, Ламанский полагал, что такая политика может проводиться исключительно при условии добровольного принятия другими славянами русского языка, что предполагало их самостоятельное тяготение к России. Поэтому основной идеей Ламанского было развитие в России внутренних реформ и собственной самобытной культуры. Это включало для него, во-первых, развитие того, что он называл «славянским самосознанием»: Россия сама должна осознать себя славянским по сущности государством и не связывать себя европейскими интересами и союзами, которые всегда для нее чужды. Россия должна осознавать свои связи со славянами. Во-вторых, Россия должна совершенствовать свою внутреннюю жизнь: развивать собственную культуру, гражданскую жизнь, экономику. «Мы, русские, — писал Ламанский, — должны помнить, что от нас самих требуется еще много усилий и энергии,

¹ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья 1 : Об историческом образовании древнего славянского и русского языка (И. И. Срезневскому) // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 691.

чтобы сделать нашу литературу вполне достойной нового, открывающегося ей ныне славного будущего. В глубоком сознании высоты своей задачи русские писатели и ученые не могут не чувствовать, что вместе с тем увеличиваются их важные обязанности и растут их внутренние требования. С новым усиленным рвением трудясь над пробуждением в России народного сознания и раскрытием высокого славянского призвания русского народа, они должны заботиться об умножении внутренних и внешних условий скорейшего распространения русского языка на славянском юге и западе. Эти условия заключаются в развитии строго научного, вполне самобытного характера русской литературы и в образовании наибольшего количества русских читален в различных землях славянских»¹.

Таким образом, в терминах современной политологии Ламанский предлагает опираться на то, что сегодня называется «мягкой силой»: суть заключается в том, что, благодаря внутренним преобразованиям и самостоятельному развитию, другие народы увидят в России что-то для себя значимое и привлекательное и таким образом «потянутся» в ее геополитическое пространство. Однако стоит отметить в этой связи, что по сравнению с современным пониманием «мягкой силы» и в целом геополитики подход Ламанского предполагает, что во главе угла стоит не экономика с ее финансовыми и энергетическими рынками, а *культура*. Фактором, объединяющим множество людей в одно целое, будь то государство или некое наднациональное образование, как об этом идет речь в случае некоей единой славянской политической общности, является для него именно духовность, объемлющая поэзию, религиозное откровение и научное творчество. Поэтому в случае с Ламанским уместно говорить о том, что его геополитическая теория — это теория культурной геополитики, в рамках которой политика является производной от национальной культуры. В этом аспекте можно усмотреть влияние на Ламанского немецкой философии, в частности, столь важной для немецкой политической теории второй половины XIX в. концепции *Kulturstaat*.

Таким образом, на вышеизложенное рассуждение о роли русского языка как дипломатического, литературного и научного языка всего славянского мира накладывалось общее понимание Ламанским сути государства, что крайне важно для понимания особенностей

¹ Ламанский В. И. Распространение русского языка у западных славян // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 650—651.

его панславизма. Но здесь, помимо концепции *Kulturstaat*, мы сталкиваемся и с очевидным влиянием другой немецкой философской традиции — философии Гегеля. Как известно, немецкий идеализм в лице Гегеля проводил различие исторических и неисторических народов. По мнению Гегеля и немецких историков, находившихся под его влиянием, народ оказывается историческим, т. е. выполняющим отведенную ему Духом историческую роль, только будучи в государственной форме. При этом подходе народов, не имеющих собственного государства, для истории не существует. Параллельно с этим в рамках немецкой философии выработалась весьма оригинальная *трактовка языка*, которая также сыграла ключевую роль в процессе объединения Германии в относительно унифицированное национальное государство. Эта трактовка принадлежит В. фон Гумбольдту, а также вождю и главному идеологу немецкого национализма И. Г. Фихте. В рамках этого подхода предполагалось, что в основе государственности и в целом национальной идентичности лежит язык, который не обозначает внешние предметы, а является выражением внутреннего мира народа, т. е. его духа, как выразился Гумбольдт. Именно под влиянием этих идей Ламанский разработал теорию о том, что для превращения народа в национальность и придания ему статуса исторического деятеля необходимо достижение *единого литературного языка и политической независимости*.

Именно поэтому рассуждения Ламанского о необходимости единого литературного языка для славян предполагали, что конечной целью является не просто достижение литературно-духовного единства, как это было у мыслителей типа Я. Коллара. В конце концов выходом из исторического прозябания является для славян, по мысли Ламанского, достижение также и *политического единства*. Отличие подхода Ламанского заключается в данном случае в том, что политику он ставил в прямую зависимость от культуры и языка. В силу этого политическое будущее славян он рассматривал как производное от развития языка. На первом месте для него было *духовное единство*, взаимность литератур и национальной культуры, которое уже в свою очередь влекло за собой политические союзы. Добровольное принятие общего языка, превращение его во внутреннюю необходимость было в этой версии теории славянской взаимности первостепенным. Литературное единство оказывалось лишь первоначальным условием для политического единства: «Распространение русского языка в землях славянских очень упростит и облегчит решение различных политических вопросов, ибо с этим

условием образование общего славянского союза не представляет таких громадных трудностей»¹. В этом отношении можно утверждать, что литературная составляющая в панславизме Ламанского была чем-то скорее второстепенным. Литературно-духовное единство должно впоследствии превратиться в единство политического союза. При этом, что важно, ключевая роль в формировании обоих единств отводилась не столько дипломатическим или военным усилиям, сколько, по словам Ламанского, внутренней работе: развитие Россией своей собственной культуры и общественной жизни, т. е. превращение российской модели развития в нечто привлекательное для других народов. Именно благодаря этому и должна обеспечиваться та самая добровольность принятия русского языка и культуры, на которой всегда так настаивал Ламанский. Поэтому вопрос развития славянского единства — это для него вопрос внутреннего реформирования и самосовершенствования России. В целом этот подход также можно связать с либеральной философией, поэтому панславистское учение Ламанского, как ни странно, также является вариантом *либерализма*, а отнюдь не консерватизма или какой-либо реакционной идеологии.

Тем не менее в творческом развитии Ламанского можно также усмотреть своего рода и предел панславизма. Если раннее творчество Ламанского касалось исключительно вопроса о единстве славян², то приблизительно к концу 60-х гг. XIX в. мы встречаем совершенно иной подход. С этого времени Ламанский фактически преодолевает панславизм. Речь идет теперь о *греко-славянском мире*, т. е. о чем-то большем, нежели единство славян. Греко-славянский мир в теории Ламанского — это геополитическое единство славянства и связанных с ним исторической судьбой арабов-христиан, греков, румын, венгров и других народов, населяющих территорию греко-славянского мира. Наряду с германо-романским и азиатским мирами мир греко-славянский выступает в качестве самостоятельной цивилизации многих народов, среди которых славяне являются главным элементом, но не единственным. Речь теперь идет фактически о евразийском единстве, или евразийской цивилизации. В основе понимания этого единства лежат те же представления о единстве литературного языка, которые

¹ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская ... СПб., 1865. С. 92.

² См., например, ранний набросок «Россия — мир славянский»: Ламанский В. И. Россия — мир славянский // Вече : журнал русской философии и культуры. 2009. Вып. 19. С. 165—171. См. наст. изд. С. 434—439.

определяли близость славян. Поэтому можно говорить, что греко-славянская цивилизация понимается Ламанским по панславистской модели. В период своей творческой зрелости Ламанский по существу отходит от панславизма, что позволяет ему создать масштабную геополитическую теорию, предлагающую новую трактовку не только истории и культуры России и Европы, но и в целом всей мировой истории, включая Азию и Америку. Отталкиваясь от панславизма и немецкой теоретической философии, он выходил за рамки панславизма и наряду с Н. Я. Данилевским, задолго до О. Шпенглера и А. Тойнби и других западных авторов, создал одну из первых цивилизационных концепций истории. Таким образом, панславизм оказывается для него лишь этапом на пути к новой концепции философии истории и новому пониманию сущности исторического процесса. Широта подхода Ламанского придает его учению несомненную оригинальность, отличающую его как от предшествующих теорий славянской взаимности, так и от современного понимания науки.

Панславистское учение Ламанского требует сравнения с близким ему учением Н. Я. Данилевского. Оба мыслителя были тесно связаны друг с другом: имели прочные дружеские связи и общие взгляды. Главный политологический труд Данилевского «Россия и Европа» был опубликован впервые в славянофильском журнале «Заря», в котором также была опубликована докторская диссертация Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе». «Россия и Европа» Данилевского готовилась в атмосфере интеллектуального диалога двух представителей позднего славянофильства¹. Тем не менее по некоторым вопросам между Ламанским и Данилевским очевидны расхождения, например, в вопросе о панславизме.

В целом факт обращения Ламанского и Данилевского к этой тематике неудивителен. В той или иной степени история славянофильской философии непременно ассоциируется с идеей славянского братства и взаимности. Ранние примеры идеи единства славян можно обнаружить уже в творчестве одного из лидеров старших славянофилов А. С. Хомякова: весьма ярким примером раннего русского панславизма можно считать ряд стихотворений Хомякова — таких как «Не гордись перед Белградом...» и «Внимайте голос истребления!». При

¹ Об отношениях и интеллектуальных связях Ламанского и Данилевского см.: *Селиверстов С. В.* «...Я смотрю несколько менее оптимистически»: к вопросу об интеллектуальных взаимоотношениях Н. Я. Данилевского и В. И. Ламанского в 1860—1880-е годы // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 32 (170) : История. Вып. 35. С. 116—125.

этом, однако, важно понимать, что в своих теоретических работах по богословию и философии истории Хомяков никак не отразил мысль о славянской взаимности. Для его ближайших единомышленников — И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, К. С. Аксакова, И. С. Аксакова, А. И. Кошелева — эта мысль также не была определяющей: какого бы то ни было серьезного философского осмысления идей славянской взаимности и панславизма в их творчестве нет. В период расцвета деятельности ранних славянофилов (40—50-е гг. XIX в.) панславистские тенденции, сочетающиеся с резко негативным восприятием западноевропейской цивилизации, были свойственны разве что таким мыслителям, как М. П. Погодин и Ф. И. Тютчев, которые при всей яркости своих литературных талантов не определяли в тот период собственно направления интеллектуального поиска славянофилов. Как верно пишет исследователь этой проблемы Б. Ф. Егоров, в России «панславистские идеи в первой половине XIX в. весьма редки»¹. В центре внимания ранних славянофилов оказывались не столько славяне, сколько сама Россия с ее православной религиозностью и общинным бытом.

Слабо выраженная в раннем славянофильстве идея славянской взаимности отличает его от славянофильства 60-х и 70-х гг. XIX в. (Н. Я. Данилевский, В. И. Ламанский, Р. А. Фадеев, А. С. Будилович, О. Ф. Миллер, поздний И. С. Аксаков). Более того, именно идеи панславизма и славянской взаимности оказались своего рода «точками сборки» всей философской доктрины позднего славянофильства. В сочетании с тезисом об исконном и неизбежном противоборстве России и Европы — идеей, снова подчеркнем, отсутствующей в ранней философии славянофильства, — панславизм привел поздних славянофилов к созданию масштабных *геополитических* концепций, сердцевиной которых были мысли о *конflikте цивилизаций* как сущностной стороне всемирной истории и разного рода планы по геополитическому разделу мира на сферы влияния.

В текстах поздних славянофилов особенно отчетливо выделяются *две позиции*, которые сосредоточили в себе как достоинства, так и недостатки панславизма: учение Ламанского и учение Данилевского. Тесные дружеские отношения стали связывать Ламанского и Данилевского с середины 60-х гг. Свои геополитические концепции они создавали параллельно. Можно говорить, что практически в один

¹ Егоров Б. Ф. О национализме и панславизме славянофилов // Славянофильство и современность : сборник статей. СПб. : Наука, 1994. С. 27.

и тот же период русская философия предложила два сходных, но при этом и отличающихся варианта одной теории — которую Данилевский называл теорией культурно-исторических типов, а Ламанский впоследствии обозначил как учение о трех мирах Азийско-Европейского материка. Учение о славянском единстве — панславизм — было во многом стержневой составляющей этих двух философских концепций.

Важность рассмотрения концепций славянского единства, которые были предложены Ламанским и Данилевским, определяется прежде всего тем, что они зафиксировали основную проблему, с которой сталкивалась теория славянской взаимности с самого начала своего существования. Чаще всего в исследовательской литературе эта проблема отражается различием *политического и культурного панславизма*¹, которые выражают два принципиально разных подхода к проблеме формы и сущности славянского единства. При этом, хотя панславизм Ламанского относят к литературному панславизму, а панславизм Данилевского — к политическому, как сказано выше, по своей сути панславизм Ламанского также является политическим учением. По сравнению с Данилевским элемент литературного единства славян лишь в большей степени выражен у Ламанского. Он рассматривал культуру и язык в качестве условия политического становления единой славянской нации, в то время как для Данилевского «гуманитарный», или «литературный», аспект панславизма был вторичен и не играл существенной роли в его политической программе. Этот тезис нуждается в конкретизации.

Идея единства славян как одного культурного мира проходит сквозь все творчество Ламанского и наряду с тезисом о непреодолимой вражде мира романо-германской Европы и греко-славянского мира составляет основу его славянофильства. Как мы показали выше, Ламанский был убежден в общности исторических судеб, этнографических особенностей, языка и национальных традиций славян, что давало ему основание говорить о единстве славянской культуры. Причем именно понимание общности исторического пути, а также языка, психологии и традиций славян составляет в его учении основание концепции единого греко-славянского мира, который

¹ Трактовку этих типов панславизма, а также критические замечания о самой классификации см.: Прокудин Б. А. Идея славянской взаимности в политической мысли России XIX века : дис. ... канд. полит. наук по специальности 23.00.01. М., 2007.

оказывается не политическим союзом, а общим пространством *культурной взаимности* под эгидой России.

В его трудах начиная с 1860-х гг. приводится набор признаков, которые отличают романо-германский мир от славянского. При этом важно понимать, что в его трудах не выдерживается единство этих отличительных признаков, поэтому для того, чтобы объединить разные народы, в том числе и неславянские, в одну группу, Ламанский вынужден по отношению к разным народам применять различающийся набор признаков.

Прежде всего, конечно же, народы греко-славянского мира, по мнению Ламанского, отличаются более глубоким сознанием своей *исторической общности и племенными симпатиями друг к другу*. Ключевую роль при этом играет соотношение единства и множества (многообразия) в романо-германском мире и мире греко-славянском: на Западе господствует множество над единством, а на Востоке, наоборот, преобладает единство над множеством. По словам Ламанского: «...существенное и коренное различие миров греко-славянского и романо-германского заключается в крайнем несходстве взаимных отношений между носителями начал общего и частного, единства и разнообразия, представителей сил центростремительной и центробежной. Романо-германские племена распадаются на пять больших исторических разновидностей: три романские (Франция, Италия, Испания) и две германские (Англия и Германия). Эти пять языков достигли более или менее значения всемирно-исторического»¹. В греко-славянском же мире преобладает *русский язык и русский этнос*: как по численности своих носителей, так и по культурной силе. Это единственный язык греко-славянского мира, который его центрирует и может таким образом претендовать на статус всемирно-исторического.

Уже при беглом знакомстве с учением Н. Я. Данилевского становится понятно, что для него в трактовке идеи славянской взаимности вопрос о языке и единстве культуры был вторичен. Как известно, Данилевский полагал, что решением восточного вопроса, который тесно связан с судьбой славян, является создание *Всеславянской федерации* со столицей в Царьграде под политическим главенством России и состоящей из восьми равноправных независимых государств. Соответственно, «Всеславянский союз есть единственная

¹ Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. С. 91.

твердая почва, на которой может расти самобытная славянская культура, — условие *sine qua non* ее развития»¹.

Историческая роль этого союза должна заключаться в том, чтобы быть *противовесом* Европе. В этом, по мнению мыслителя, состоит своего рода всемирно-историческая польза объединенного славянства, поскольку иначе все поглотила бы одна европейская культура, лишив тем самым мир разнообразия и различий. А коль скоро разнообразие является неперенным условием развития истории и совершенствования культуры, его уничтожение влечет за собой деградацию культуры и приводит человечество к историческому тупику. Поэтому, считает Данилевский, задачей Всеславянского союза должно быть сопротивление Европе и ее доминированию.

Очевидно, что закономерным итогом этого рассуждения становится тезис о неизбежности скорой борьбы с Западом, которая понималась Данилевским в качестве *вооруженного противостояния*, поскольку, следуя своей логике, он указывал, что для создания Всеславянского союза необходима ликвидация Османской и Австро-Венгерской империй в том виде, в каком они тогда существовали. Собственно, как иначе австрийские и турецкие славяне могли бы войти в состав этого союза, а Константинополь под названием Царьграда мог стать его столицей, да еще и с собственным округом? Поэтому, в отличие от концепции Ламанского, не литература, а именно *политическое противостояние и вооруженная борьба* с Западом должны стать тем принципом, который объединит славян в одно целое. «Борьба с Западом, — писал Данилевский, — единственное спасительное средство как для излечения наших русских недугов, так и для развития общеславянских симпатий, для поглощения мелких раздоров между разными славянскими племенами и направлениями»². Ясно, таким образом, что и решение восточного вопроса трактовалось Данилевским не в смысле распространения русского языка и развития в России знаний о славянстве, а в смысле активной вооруженной борьбы по разрушению Австро-Венгрии и Османской империи.

Учение о русском языке как объединяющей силе славянства — стержень теории славянской взаимности Ламанского — вызывало

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа : Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб. : Глагол : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995. С. 337.

² Там же. С. 368.

критику со стороны Данилевского. Он считал подход, который полагал единство славян более фактом культуры и допускал духовное единство славян при сохранении существующих политических границ, непрактичным и идеализированным. Конечно, полагал Данилевский, языком Всеславянской федерации должен быть русский язык, но это возможно только лишь после *политического объединения*, которое создаст основу для культурной взаимности и сделает распространение русского языка неизбежным. Кратко мысль Данилевского можно сформулировать следующим образом: культура должна быть обеспечена внешней принудительной силой государства, иначе ее существование останется уделом отдельных индивидуумов. В качестве примера он приводил ситуацию в западных губерниях (прибалтийских и польских). «Несколько лет общей борьбы, — писал Данилевский, — в простом и буквальном смысле этого слова, <...> несколько лет политического сожительства сделают больше для духовного единства славян, для возведения русского языка в общеславянское средство обмена чувств и мыслей, нежели столетия самых напряженных, неустанных усилий частных совещаний, изустных и печатных проповедей»¹. Поэтому-то в философии Данилевского формирование славянства в качестве самостоятельного культурно-исторического типа возможно только путем вооруженной борьбы за создание политического союза. Такой подход позволяет отнести панславизм Данилевского к его сугубо политической версии.

¹ Там же. С. 365.

«СЛАВЯНСКИЙ МИР» — НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

...Науки не брошу, родины не разлюблю.

*Из письма В. Ламанского М. Устиновичу.
8 декабря 1852 г.*

В 1895 г. Владимир Иванович Ламанский направил министру народного просвещения И. Д. Делянову письмо с просьбой о субсидировании нового журнала «Славянский мир»¹. Обосновывая необходимость издания, ученый указывал на успехи и достижения отечественного славяноведения, на значение славянской историографии и филологии для лучшего понимания других отраслей историко-филологической науки. Обращаясь к министру, он писал: «Возникшее в России научное изучение славянства сначала благодаря трудам Востокова и Калайдовича, просвещенному покровительству графа Н. П. Румянцева, настоящего себе преемника не имевшего, а затем основание в министерство С. С. Уварова при русских университетах (1835) кафедр славяноведения, отправка молодых ученых Бодянского, Прейса, Срезневского, Григоровича в славянские земли Австрии и Турции дали поистине блестящие результаты. Благодаря ученым трудам и преподавательской деятельности этих почтенных насадителей славяноведения в России, наши университеты и частью духовные академии за последние пятьдесят лет дали столько крупных ученых трудов, образовали целую плеяду более или менее видных тружеников: о русской науке стали говорить с уважением в Европе, немногие русские имена получили в ней почетную известность.

Бодро оживив изучение нашего прошлого и настоящего в разнообразных отношениях, успехи славянской филологии в России немало помогли и самостоятельному в ней изучению германской

¹ См. подробнее: *Лантева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 373–375.

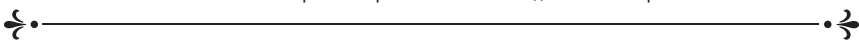
и романской филологии, а занятия русских славянскую историей привели к самостоятельному у нас изучению и лучшему пониманию средневековой и новой европейской истории, преимущественно истории старой Германской империи, восточной Германии, т. е. Пруссии и Австрии, Венецианской республики, истории латинства и протестантства в Восточной Европе, истории Византии, Турции, новой Греции.

Успешное развитие славяноведения в России много также содействовало усилению нравственного авторитета и умственного влияния нашего отечества во всех славянских землях, немало помогло распространению среди наших соплеменников на юге и западе — русского языка, русской книги»¹. Последнее из утверждений Ламанского хорошо характеризует его панславистские идеалы. Оставаясь убежденным сторонником славянского единства, отстаивая принципы славянского общения и взаимности, он видел эффективность сближения славянских народов следствием роста авторитета русской науки и распространения в славянских землях русского языка. Русский язык, был убежден Ламанский, должен стать общим дипломатическим, научным и литературным языком для всех славян. В этом кроется мощная геополитическая сила русского языка, способного обеспечить культурное доминирование России как в славянских землях, так и в северной Азии. И наконец, славистика, т. е. славянская история и филология, понималась Ламанским в качестве необходимого элемента русского национального самосознания. «Вообще России ни ее прошлое, ни ее настоящее, — писал он далее, — ни, смею думать, ее будущее не позволяют отставать от какой-либо европейской страны в исследованиях изучения славянского мира во всех отношениях. Всякая наша остановка в этой научной работе была бы шагом назад для русского самосознания»². Поясняя замысел Ламанского, Л. П. Лаптева отмечала: «Задачей слависта было показать, что будущее славян немислимо без связей с Россией, но что симпатии славян к России будут расти в зависимости от ее достижений в области культуры, образования, науки, ввиду чего необходимо развивать отечественное просвещение и повышать престиж России в Европе»³.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 55. Л. 22 об.—23.

² Там же. Л. 24.

³ *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. С. 375.

Согласно плану Ламанского журнал должен был выходить четыре раза в год. Русскую литературу, русскую историю, историю русского права предполагалось рассматривать в нем в связи с историей, литературой и правом других славянских народов. Ламанский брал на себя общее редактирование журнала. В редакционный совет он намеревался пригласить А. И. Соболевского и А. А. Шахматова (по славянской филологии), И. Н. Жданова (по литературе), по истории И. С. Пальмова, П. А. Сырку и С. Пташицкого. «Последний больше занимается историей литературы, чем историею, но он нужен нам в качестве поляка», — объяснял свой выбор Ламанский профессору Киевского университета П. А. Кулаковскому¹. Редакционный совет, в свою очередь, должен стать ядром Славянского историко-филологического общества, а книги и журналы, присылаемые в редакцию, покупаемые и жертвуемые издания, должны положить начало формированию университетской славянской библиотеки. В дальнейшем, надеялся ученый, университет ежегодно будет приобретать для библиотеки словари, книги, карты и т. п.²

Ламанский заблаговременно списался со своими учениками, видя в них потенциальных авторов нового журнала. Отвечая на приглашение своего учителя, Т. Д. Флоринский, в то время профессор Университета Св. Владимира в Киеве, писал 31 марта 1895 г.: «От души Вас приветствую за энергию, с какою Вы взялись за осуществление моей давней мечты об издании журнала по славистике»³. «Я убежден, — продолжал он, — что найдутся сотрудники в России, да и многие западные славянские ученые поддержат наш журнал, особенно если будет гонорар за статьи»⁴. Со своей стороны Т. Д. Флоринский высказывал желание всячески содействовать новому изданию и выражал надежду, что журнал «объединит русские и западно-славянские ученые силы в одной общей работе»⁵.

В письме П. А. Кулаковскому Ламанский упоминал, что его «обнадеживают» в связи с изданием журнала, он ждет «обещание» со стороны С. Ю. Витте⁶. Однако ожиданиям ученого не суждено было осуществиться. И. Д. Деянов отказал в субсидировании журнала. В архиве Ламанского сохранился официальный ответ министра:

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 572. № 159. Л. 21 об.

² Там же. Л. 22.

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1447. Л. 100.

⁴ Там же. Л. 100 об.

⁵ Там же. Л. 111 об.

⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 572. № 159. Л. 21 об.

«28 мая 1895 г.

Милостивый Государь,
Владимир Иванович.

Вследствие ходатайства Вашего Превосходительства о назначении пособия на издание журнала «Славянский мир», я входил в сношение с Министром Финансов, и Тайный Советник Витте ныне уведомил меня, что ввиду предъявляемых к Министерству Финансов многочисленных требований подобного рода он не считает возможным согласиться на отпуск из казны просимой Вами суммы в 3500 рублей на изъясненную надобность.

Сообщая о таком отзыве Министра Финансов, прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Граф Делянов»¹.

Название журнала «Славянский мир» появилось не сразу. В бумагах ученого встречается и такое заглавие, как «Славянский свет», но, вероятно, были и другие варианты. Проект журнала неслучайно составил у Ламанского к середине 90-х гг. XIX в. В университете Ламанский к тому времени перешел в разряд заслуженных профессоров, а основные организационные проблемы этнографического журнала «Живая старина», который он начал издавать с 1890 г., к середине десятилетия уже были решены. В 1892 г. в Петербурге вышла книга «Три мира Азийско-Европейского материка», в которой Ламанский изложил свою цивилизационную концепцию, разрабатываемую с середины 1860-х гг. В отличие от более ранних работ, в этой книге он говорит уже о греко-славянском мире как «Среднем мире». В других сочинениях он называл греко-славянский мир христианским востоком или «русским космосом». Последнее выражение, заимствованное у английского дипломата Дж. А. Лонгворта, явно пришлось Ламанскому по душе, и он его часто употреблял. Когда же в первой половине 90-х гг. XIX в. цивилизационная концепция Ламанского окончательно сложилась, он и задумал издание нового журнала «Славянский мир», целью которого должно было стать изучение этого «русского космоса», обоснование и пропаганда его культурной самобытности и самостоятельного исторического пути.

К началу 1890-х гг. у Ламанского усиливаются сомнения в перспективности панславизма, он конфликтует с националистически настроенными членами Санкт-Петербургского славянского благо-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 518. Л. 7—7 об.

творительного общества. И трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» уже заметно выходит за рамки традиционного славянофильства. 1890 год был во многом переломным в жизни Ламанского. Можно предположить, что первая мысль об издании журнала, посвященного изучению греко-славянского мира, появилась именно в это время. «Пора обращать публику к серьезному изучению России», — замечал он 21 октября 1890 г. П. А. Кулаковскому¹. Никогда не отделяя Россию от славянского мира, Ламанский полагал, что Россия должна осознать себя именно в качестве славянского государства.

Еще двадцатилетним студентом он писал в своем дневнике 17 июля 1853 г.: «Теперь Россия если не зачала, то начнет скоро проявлять себя, как русское, славянское государство, тогда и народность русская начнет возвышаться и приобретает значение между европейскими народами»². «Надо теперь, — призывал он 20 мая 1853 г., — чтобы русские почувствовали необходимость слиться со славянами не материально, а духовно, чтобы поняли, что в этом слиянии только заключена возможность показать перед лицом Европы наши духовные силы, войти в общую жизнь человечества»³. Цитируемый дневник содержит первые дошедшие до нас размышления Ламанского о России, ее судьбе и освободительной роли русского народа в славянском мире. Дневниковые записи сделаны под впечатлением от известий о начале и последующем ходе Крымской войны. Они ясно показывают, насколько критически относился ученый к существующей в России форме правления, и ставят под сомнение распространенное в исследовательской литературе мнение о Ламанском как об убежденном монархисте. По крайней мере николаевское самодержавие никогда не вызывало у него симпатий. Русский император «тяготил своим самовластием, разорял казну и сам своими слугами мешал нашему духовному развитию и наконец к довершению всего унижил Россию... Теперь Николаю надо забыть некоторые свои пристрастия, ему надо понять, что Русь сильна верою и народом, а не его нелепым самодержавием, что нам прилепляться в Европе ни к кому не надо, и мазать и ласкать и тех и других, наша судьба прошлая иная, чем Западной Европы, начала тоже другие, для нас одинаково вредно связываться с социалистами республиканцами и с Свящ<енной> Р<имской> импер<ией>, и с Лудов<иком>

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 572. № 159. Л. 10 об.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 44 об.—45.

³ Там же. Л. 34—34 об.

Наполеоном, и с умеренными монархиями. Наша роль в Европе — внести новые начала, их навязать Западу, и воскресить их в племенах славянских, онемеченных и отурченных»¹. Ламанский полагал, что России не следует вмешиваться в европейские конфликты, а, наоборот, заботиться о внутреннем своем развитии: поддерживать свободу слова и науку, развивать торговлю и реформировать административное управление, освободить крестьян. Он ожидает от начавшейся войны пробуждения русского общества и разрешения славянского вопроса в Европе. «Есть возмездие и Немезида в истории, она настала теперь для славян», — провозглашал Ламанский в дневнике (29 июня 1853 г.)².

В пылу юношеской самоуверенности он мечтает о нанесении удара англичанам в Индии, но тут же трезво замечает, что для этого необходим генерал подобный А. В. Суворову. Впрочем, неудачи в ходе Крымской войны быстро развеяли эти иллюзии. Коренная слабость России, убежден он, скрывается в отсутствии общегражданских свобод, в крепостном рабстве и самодержавном произволе.

Дневниковые записи этого периода наполнены риторическими вопрошаниями. «Неужели уж все мы славяне такое племя негодное для политического могущества? Неужели кара Божья постигнет нас за гордость Николая, за все его ошибки и черные дела? ...Запад должен пасть, а не мы. Не то еще бывало с Русью, а выходила же каждый раз с новыми силами. Николай опомнится, возьмется за ум (хотя и сильно поздно) и пойдет наперекор многим своим мечтам. Еще не умрет он, а убедится, что неограниченное правление — нелепость, противная разуму, нашей вере, нашей истории, что она может совершенно погубить Россию; он поймет, что дружба с Австриею, истекающая из того же начала, нам пагубна. Ему ясно представится, что торжество нашего дела принадлежит народному духу, народным силам, а не той пакостной форме, которая Европе кажется главным нашим отличием, которая, продлись еще дольше, многое могла бы если не истребить, то развратить»³. Ламанский подчеркивает, что сила России состоит в свободном развитии народного начала. Не гарантированная конституцией индивидуальная свобода, а пробудившееся национальное сознание способно принести России победу. Русские — народ славянский, поэтому рост национального

¹ Там же. Л. 4.

² Там же. Л. 4 об.

³ Там же. Л. 22 об.

сознания связан с разумением русским народом себя в качестве народа славянского. Но верно и обратное: только в единстве с другими славянами достижима чаемая победа. «Но во всяком случае дерзко и бессмысленно желать нам победы теперь, — писал Ламанский 11 сентября 1853 г., — т. е. победы решительной. Надо купить ее долгими страданиями, поражениями и спокойствием духа, полного упования и надежды на конечное торжество нашего дела. Запад еще слишком силен, чувствует слишком хорошо, что эта борьба на жизнь или смерть. Тяжелыми опытами, трудами вековыми приобрел он то, что теперь имеет. Он не легко свое отдаст. С другой стороны, и цель наша слишком далека, и последствия победы слишком громадны, слишком велики для России, чтобы она могла достичь ее, эту цель, в несколько месяцев. Надо, чтобы славяне соединились все вместе, стали бы за одного человека...»¹ И тогда славянский мир «займет место Запада», а славяне станут «вождями человечества». «Не знаю, может, я ошибаюсь и жестоко ошибаюсь, — писал он уже 28 сентября 1853 г., — но все мои убеждения коренятся на той вере, что пришел час славян, что только Россия может восстановить их всех и что только она, победительница, может обновить мир, вскрыть те начала, которых она жаждет и которых всего менее подозревает в нас Запад»².

Однако до сих пор не разрешена главная проблема России — сохраняется крепостная зависимость крестьян. «Будь, что будет... Вот торжественная минута для России! Понимает ли она ее? Не слишком ли мы окунулись в грязь рабства? Достойны ли мы победы, но, с другой стороны, заслужил ли ее и Запад и неужели Николаевский кулак мог так унижить, так уронить нашу матушку Россию? Неужели победа русских над Западом не может совпасть с падением деспотизма и всех зол?»³ Ламанский обрушивается на крепостное рабство не только исходя из славянофильских убеждений. Дворяне Ламанские никогда не имели крепостных. Еще дед ученого, получив дворянство, жил в деревне Ламаниха Вологодской губернии совершенно по-крестьянски, и лишь отец Владимира Ивановича сделал в Петербурге административную карьеру. Сам историк, не имея никаких других источников дохода, зарабатывал на жизнь исключительно литературным и педагогическим трудом, преподавая в университете, Духовной академии и Генеральном штабе.

¹ Там же.

² Там же. Л. 24.

³ Там же.

Впрочем, Крымская война вызывала у Ламанского и провиденциалистские настроения. Вполне в духе ветхозаветной «теории казней божьих» он рассуждал о том, что цель позорной войны — вызвать раскаяние и покаянные чувства в русском обществе в совершенных мерзостях и пробудить русский народ к новому служению, дать ему новые силы. Сильна Россия должна быть и своими друзьями, т. е. единокровными и единоверными народами. Поэтому борьба за освобождение славян для России — это не только исполнение ее исторического долга, но и разрешение так называемого восточного вопроса, под которым Ламанский понимал определение западных границ греко-славянского мира. Сознательная свою силу Россия всегда будет иметь и друзей. «У сильного всегда будут друзья, настолько верные и искренние, поскольку и поколе он силен и силу свою разумеет. Россия должна не плакаться и не думать, что у нее нет друзей, а, напротив того, ежечасно заявлять, что у нее друзей и союзников много, только свистнуть, что, каждый де за честь почтет стать ее другом», — записал Ламанский в дневнике 22 мая 1889 г.¹

Россия составляет основу Среднего мира, к ней тяготеют все другие славянские и православные народы, живущие вне Русского государства. Только опора на Россию дает этим народам шанс сохранить свое культурное и языковое своеобразие и продлить свое историческое существование. Все они, как бы располагаясь на периферии русского мира, образуют единый русский космос. «Хотя Россия и есть главный и даже единственный самобытный представитель греко-славянского мира, — замечал Ламанский в докторской диссертации, — однако понятие о нем ею одною не исчерпывается, и не в ней одной он заключается. Действительно, в отношениях этнографическом, географическом, историческом, культурном и политическом нынешняя Россия не есть сама по себе строго законченное и округленное целое»². Необходимо присоединение к Российской империи Карпатского региона. «Шестая часть света, Россия, получает почти полный вид особого самобытного материка только с приложением к ней остальной восточной, Закарпатской и Задунайской, греко-славянской Европы», — обрисовывал свой геополитический проект ученый³. Такое объединение вполне оправдывается и взаимным культурным

¹ Там же. Ед. хр. 3. Л. 12.

² Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871. С. 38.

³ Там же. С. 39.

тяготением: «Большая часть греко-славянских земель вне России, в культурном отношении, находится ближе к России, чем к Европе»¹.

Слабость и малочисленность греков и сербохорватов также усиливает их нужду в России, но и Россия испытывает потребность в этих народах, что Ламанский иллюстрировал различными историческими примерами. «Россия, — писал он, — связана с этими землями самыми крепкими узами церковными, племенными, всеми своими историческими преданиями и многовековым взаимодействием, обоюдными вещественными и нравственными интересами»². Образуя основу Среднего мира, Россия выступает центростремительной силой русского космоса, в то время как входящее в орбиту русского мира население Восточной и Южной Европы привносит центробежный импульс. «В соответствии географическому характеру края, — замечал исследователь, — и в его населенных, с приближением к югу и юго-западу возрастает и усиливается дух партикуляризма, крайней местной автономии и независимости, во многом благоприятный для развития личной бойкости энергии, для образования небольших вольных торговых и морских республиканских общин с широким самоуправлением»³. Все это позволяет Ламанскому провести аналогию между Средним миром и античной цивилизацией, объединяющим началом в которой выступали римляне, стягивающие греков и другие многочисленные народы в одно культурное пространство. «В этом отношении Россия и малые племена славянские, — развивал он свою мысль, — представляют всего более аналогии с древним Римом и Элладой. Россия, как Рим, представляет сильно выработанное начало единства; южные и западные славяне, как эллины, непомерно развитое начало местного и народного разнообразия. Но далее сходство опять исчезает. ...При всем неравенстве и несходстве положения южные и западные славяне принадлежат к одному историческому типу с Русью»⁴.

Впрочем, существование единой цивилизации возможно только при преобладании центростремительных сил над центробежными. Для греко-славянского мира это означает преобладание русского народа над всеми остальными. «Но и в настоящее время, — отмечал Ламанский, — при всем этом пестром разнообразии племен, в мире греко-славянском все-таки преобладает общее над частным, начало

¹ Там же. С. 59.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С. 50.

единства над началом разнообразия. Славянство, именно в лице русского народа, представляет собою громадный крепкий кряж или ствол, а все прочие инородческие племена являются его ветвями. Численно, пространственно и духовно преобладает и господствует Славянство, а в нем и чрез него народ и язык русский»¹. При отказе русского народа от своей цивилизационной роли рассыплется и весь русский космос, охаотится вся громадная территория Среднего мира, окраинные земли которого войдут в орбиту других цивилизационных центров.

Специфичность Среднего мира лучше всего опознается по контрасту не столько с миром азиатским, сколько с миром западно-европейским или романо-германским. Эти различия Ламанский считает принципиально важными для понимания самого греко-славянского мира. «Деление христианско-арийского мира на восточный и западный, греко-славянский и романо-германский, — писал он, — основано на строгом различении их внутренних, существенных признаков, географических, этнографических, религиозных, общественных, вообще, культурных особенностей. Это деление имеет величайшую научную важность»². Из указанных отличий (географических, этнографических, религиозных и общественных) Ламанский в докторской диссертации подробнее останавливался на различиях религиозных и этнографических. В поздних работах он больше уделял внимания различиям географическим. «Греко-славяне, — подчеркивал исследователь, — по природе страны, своему этнографическому составу и религиозным началам составляют, по отношению к романо-германцам, совсем особый исторический организм или самобытный мир»³. Самобытность русского мира, его отличие от мира романо-германского сознают и сами европейцы. «Московию, Московское государство и его жителей, — отмечал Ламанский, — европейцы можно сказать никогда не считали своими, европейскими. Мы русские и вообще все славяне, особенно же православные, когда последние были политически независимы, всегда казались для романо-германцев чужими»⁴. Крайней формой такого отчуждения служит отождествление европейцами русских с монголами и тюрками. Представление о «туранизме великороссов» ученый считает «галлюцинациями бедного Духинского» — польского

¹ Там же. С. 51.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 283.

историка, писавшего преимущественно по-французски и активно популяризовавшего в Европе мысль о «туранстве москвитов». Ламанский последовательно опровергает это представление, доказывая славянский характер русской культуры, хотя и замечает, что не видит оснований для пренебрежительного отношения к тюркским и монгольским народам, а также к естественным и неизбежным процессам метисации племен.

Аналогия между цивилизациями и живыми организмами позволяет Ламанскому проследить различие в возрасте греко-славянской и романо-германской цивилизаций. Он приходит к выводу, что исторический возраст современных ему русских людей соответствует европейцам XIV—XV вв., а немного далее проводит параллель между Россией XIX в. и Европой XVI в.¹ Молодость русского народа сравнительно с европейцами говорит о том, что именно русскому миру принадлежит будущее, а усиление России — неизбежный результат исторического процесса. «Русский народ и вообще славянский мир призван историею к великой самостоятельной будущности», — провозглашал Ламанский².

В докторской диссертации Ламанский лишь касался географических, природно-климатических отличий Среднего мира. Он, в частности, писал: «Горные хребты северного Китая, Тибета и Гиндукуша в средней Азии с большим правом, чем хребет Уральский, могут служить гранью особого материка»³. Двумя десятилетиями позже ученый отводил географической специфике греко-славянского мира более существенную роль в обоснование его самобытности. Тем не менее надо подчеркнуть, что основополагающими факторами цивилизации, без которых невозможно самобытное развитие, Ламанский продолжал считать политическую независимость и общий научный, литературный и дипломатический язык.

Определяя состав греко-славянского мира, Ламанский писал: «Площадь лежащего между собственно Европою и собственно Азиею так называемого Среднего мира занимает около 24 мил. кв. клм. и включает в себя всю Русскую империю (22.622.560), часть прежних польско-литовских земель Пруссии, где еще сохранилась славянская и литовская народность, часть Силезии, значительная часть Чехии, всю Моравию, южную Стрию, часть Каринтии (Хорутании), всю Крайну, Горицкое графство, Истрию, все Австро-Угорские земли короны

¹ Там же. С. 57.

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 42.

Св. Стефана с Троединым королевством, т. е. Хорватию, Славонию и Далматию, Румынское королевство, королевство Сербию, княжество Черногорское, Боснию, Герцеговину, княжество Болгарское (с Румелиею), королевство Греческое с островами, всю европейскую Турцию с включением Константинополя, с остальными греческими островами, со всем приморьем Сирии и М. Азии и с прилежащими к кавказскому наместничеству областями азиатской Турции с населением древнехристианским»¹. Как видно, значительной своей частью Средний мир совпадает с Российской империей, точнее Россия составляет большую часть территории греко-славянского мира. Включение в орбиту Среднего мира части Турции связано с тем, что на этой территории проживает немногочисленное христианское население (семты, сирийцы, арийцы, армяне), исторически связанное с крупнейшими государствами греко-славянского мира (Византией, Московским царством или Российской империей).

На севере, востоке и юге границы Среднего мира фактически совпадают с границами Русского государства. По словам Ламанского: «Средний мир имеет вполне естественные границы в водах Северного или Ледовитого моря, Берингова пролива, Берингова, Охотского и Японского морей на севере и востоке и Средиземного моря на юге. Всего труднее определима юго-западная граница Среднего мира с собственно Азией. ...Относительно же прочих сухопутных границ Среднего мира с собственно Азией, следует заметить, что их правильнее всего отождествлять с политическими границами России»². Сложнее обстоит дело с определением западных границ греко-славянского мира. Их выяснение составляет сущность так называемого восточного вопроса. Исторически эта граница оказывается более подвижной, а ее уточнение составляет одну из главных политических задач, стоящих перед Средним миром. Ламанский полагал, что за отсутствием явных географических разделов в Центральной и Восточной Европе западная граница Среднего мира должна проходить по тем территориям, где численно преобладает неромано-германское население. «Западная граница Среднего мира, — писал он, — отделяющая его от собственной Европы, есть сухопутная русская-норвежско-шведская граница, Ботнический и Финский заливы, далее ломаная пограничная линия, проходящая по прусским и австрийским землям, между Балтийским и Адриати-

¹ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892. С. 41—42.

² Там же. С. 42.

ческим морями. Она углубляется то далеко на запад в Германию, то приближается на восток к русским пределам и упирается на севере около Данцига в море Балтийское, а на юге около Триеста в море Адриатическое. Затем западную границу Среднего мира составляет Адриатическое и Ионийское море. Южная граница Среднего мира, и также собственная Азия (т. е. Азиатская Турция). При этом следует заметить, что в отношении этнологическом и историко-культурном некоторые части Малой Азии и Сирии скорее должны быть относимы к миру Среднему, чем к миру собственно азиатскому»¹.

К географическим особенностям Среднего мира историк относил: 1) «скудость берегового развития», т. е. материковый характер территории; 2) преимущественно равнинный характер пространства, ограниченного горами лишь на окраинах; 3) преобладание умеренного климата, а на севере более суровые климатические условия². В то же время Ламанский подчеркивал, что доминирующий характер культуры Среднего мира больше сближает его с Европой, чем с Азией.

Суровость климата, бедность и однообразие природы с «не особенно значительными оазисами» на окраинах в большей степени свойственны России, как европейской, так и азиатской ее частям. К этому следует добавить малочисленность населения при «крайней юности культуры».

Географический фактор во многом задает единство всей территории Русского государства. По словам Ламанского, «единство Русской империи обусловлено совершенным почти отсутствием в ней крупных внутренних расчленений. ...Этим отсутствием богатых расчленений Россия резко отличается как от европейского запада, так и азиатского юга. Русская Азия в этом отношении составляет почти такую же противоположность собственно не-русской Азии, какую европейская Россия — собственной, не-русской Европе. От настоящей Европы и от настоящей Азии отличается Россия и крайне бедным развитием береговой линии»³. Деление на европейскую и азиатскую части для России не является принципиальным. Иными словами, Россия сколь европейская, столь и азиатская страна. Провести границу между европейской и азиатской Россией практически невозможно. «Азиатские владения России, — уточнял еще раз Ламанский, — резко отличаются от азиатских владений собственной

¹ Там же. С. 24.

² Там же. С. 45—46.

³ Там же. С. 15.

Европы. Они непосредственно примыкают к так называемой европейской России, составляя с нею одно непрерывное территориальное целое. Между восточными и южными окраинами Европейской России и западными и северо-западными окраинами русской Азии, собственно говоря, не существует никаких строгих и резких различий и противоположностей ни в географическом, ни в этнологическом, ни в историко-культурном отношении. Переход из одной в другую совершается постепенно и незаметно»¹.

Другой важный источник единства — преобладание в европейской и азиатской России, несмотря на все разнообразие обитающих в ней племен и верований, одной народности и одной религии. Тем самым вновь подчеркивается отличие «русского мира» от собственно Европы и не-русской Азии. Согласно Ламанскому, «решительное преобладание в европейской и азиатской России одной веры, одного языка и народности есть главный источник ее политического и культурного единства, прежних и грядущих успехов в борьбе с ее противниками и соперниками, Западом — Европою и Югом — собственно Азией»².

Неразрывность европейской и азиатской частей во многом определяет своеобразие Среднего мира. Однако само по себе культурное единство территории еще не означает равенство частей. Основные культуротворческие силы, вынужден признать Ламанский, сосредоточены в европейской России. «Если есть Азия *русская*, — писал он, — если она в отличие от собственной не-русской Азии должна быть относима к особому историко-культурному типу, то это единственно потому, что при русской Азии или азиатской России есть еще русская Европа или Россия европейская. ...Отсюда, из древнейших и внутренних русских областей, главнейше черпает свои силы господствующий элемент русской Азии. Сам по себе он так еще слаб, что может собственно служить только передатчиком, толкователем и исполнителем идей, произведений и задач, вырабатываемых в европейской России»³. Отсутствие географических различий способствует постепенному цивилизационному выравниванию Среднего мира, поэтому «обе России (европейская и азиатская. — А. М.) составляют, вследствие постоянных переселений из европейской в азиатскую, одно непрерывное целое»⁴.

¹ Там же. С. 8.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

Конечно, Средний мир не исчерпывается Российской империей, но все же «русский мир» преобладает в Среднем мире. «К важным же отличительным особенностям греко-славянского востока от романо-германского запада, — уточнял Ламанский, — следует отнести и два характерных этнографических явления. Это, во-первых, множество и разнообразие инородческих элементов, входящих в состав греко-славянского мира, чего вовсе не замечается в историческое время в романо-германской Европе и что имеется лишь у романо-германцев Нового Света, а также в Азии и Африке, и во-вторых, крайняя неравномерность естественных составных частей, на которые распадается, в совершенную противоположность западу, господствующая племенная стихия на нашем востоке»¹. Речь в данном случае идет о том, что среди народных стихий в Среднем мире доминируют славяне, а среди последних преобладает русская народность. Славяне и православные народы, не входящие в Российскую империю, «составляют сами по себе слишком незначительную, по величине площади, по количеству населения и политическому и культурному ее положению, часть Азийско-Европейского материка, для того, чтобы образовать особый самостоятельный отдел или мир. Рассматриваемые с точки зрения этнологической и историко-культурной, эти земли естественно должны быть отнесены не к миру собственно азиатскому и не к миру собственно европейскому, а к миру названному нами Средним. В этом смысле эти земли нельзя отрывать от России, как нельзя азиатскую Россию отделять от европейской»². На современной Ламанскому политической карте к цивилизационному пространству Среднего мира принадлежит часть территории Австро-Венгрии, Пруссии и Турции. Без России население этих земель обречено на историческое прозябание и культурную ассимиляцию. Россия — основа Среднего мира и залог исторического существования и культурного развития неромано-германских народов Европы, северной Азии, а отчасти и Малой Азии. По мысли Ламанского, «только безумец славянин может не понимать, не предвидеть, что случилось бы со всем славянством, если бы Россия пропала, исчезла с лица земли или обратилась в нынешнюю незначительность всего остального славянства без России»³.

Прекрасно сознавая значение России для собирания Среднего мира в единое цивилизационное пространство, Ламанский тем не

¹ Там же. С. 64—65.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 98.

менее не идеализировал славянство в целом и русский народ, в частности. Природно-климатические условия, столь много способствовавшие выработке общих культурных основ жизни и складыванию общего психологического типа населения на огромном пространстве от Карпат до Тихого океана, не всегда благоприятно влияли на жизнь народов. Ламанский готов признать отставание русских от европейцев в интеллектуальном развитии. «Суровая природа, — писал он, — пространные равнины, леса, болота, исключительное почти занятие земледелием, разным домашним и лесным промыслом, продолжительное незнание моря, воспитателя духа предприимчивости и умственной отваги, долго не развивали в добрых и способных славяно-русских племенах ни пытливости мысли, ни бессонности ума, так рано отличавшей древних греков. В доброй славянской природе, в сельском быте русского народа было много предрасположения к сердечному восприятию христианства, но нам долго, слишком долго не давалась та подвижность и возбужденность ума, что никогда не оставляет духа человеческого в покое, будет ли в нем любознательность, требует от него строго отчетливого разбора, что в его нравственном законе, в его правилах жизни и в его быту самое высшее и существенное, что случайно и условно, что необходимо для спасения и что безразлично»¹.

Славянофильство, как известно, не стремилось к выработке собственной догмы, предпочитая лишь критически реагировать на выступления оппонентов. В то же время целый ряд представлений разделялся большинством последователей славянофильского учения, в частности, возводимое в ранг исторической аксиомы убеждение в ненасильственном характере образования Русского государства. Ламанский, фактически приравнивавший славянофильскую критичность к научной объективности, не соглашался с этим положением. «Тем не менее, — отмечал он, — мы не думаем, что русский народ совершенно чужд насильственности... насильственность есть одно из дурных общечеловеческих свойств... Самообольщение вредит и научному изучению отечественной истории и практической деятельности. Не вредно ли, в самом деле, утешать себя и других в гуманности нашей, в отсутствии у нас смертной казни, в демократичности строя нашего государства, при существовании *податных* и *неподатных* сословий, при особенностях нашей военной повинности, при... той остановке и реакции, которая у нас в значительной степени наступи-

¹ Там же. С. 110.

ла с закрытия крестьянских комиссий. Что же касается мнения о том, что Россия государство и народ не завоевательные, то оно противно понятиям исторического народа и государства. Впрочем, как буду иметь случай показать, самообольщение о мягкости незавоевательности своего народа есть одно из общих свойств патриотического увлечения всех исторических народов мира. Такое самообольщение, впрочем, много говорит в пользу души человеческой, не желающей мириться с тем безумством, обманом и насилием, с теми зверствами, преступлениями и пороками, которыми кишит печальная история человечества. Впрочем, я не думаю отрицать степеней насильственности, которые зависят от многих разнообразных условий: большей или меньшей высоты просветительного начала того или другого народа, его общественного быта и государственного строя, его умственной образованности, духа времени и пр.»¹. Приведенная обширная цитата взята из докторской диссертации Ламанского и, вероятно, вызвана скрытой оппозицией ученого по отношению к идеям опубликованной в тот же год книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа».

Однако не только климат и даже не столько климат тормозит интеллектуальное развитие русского народа. Не менее пагубной оказалось подражательное направление нашей культуры. По иронии истории именно заимствованный характер русской культуры препятствует творческому развитию научных, интеллектуальных сил русского общества. Исторический парадокс состоит в том, что ориентация на западноевропейскую культуру, столь много достигшую в познании окружающего мира, гасит творческие импульсы русского народа, препятствует самостоятельному проявлению русского искусства, науки, литературы и т. п. «Наша образованность и наша общеобразовательная литература, за исключением немногих добрых и светлых явлений, — констатировал Ламанский, — страдают еще великими проблемами, недостатками, даже крупными пороками. ... Еще сильна в нас, русских, привычка думать своим умом и работать самостоятельно... Мы доселе еще любим хватать знания на лету, запускаем и спешим свалить всякую работу, не любим и не умеем вынашивать наши мысли, обрабатывать наши труды, доводить их до возможно чистой отделки»². Ламанский признает неисправность

¹ Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. С. 153—155, примеч.

² Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. С. 100.

и неаккуратность русского человека во многих делах, но опять же полагает, что эти недостатки «конечно вытекают не из каких-либо коренных свойств русской или славянской природы, а составляют принадлежность нашей в значительной степени ложной образованности. Привитая из чужа, насильственно, по приказу, она выросла на крепостном праве, долго была и отчасти поныне остается образованностью показною, искусственною. Образованность эта... все еще образованность не настоящая, мало оригинальная, скудная творчеством, как есть мало народная, так сказать совсем не в версту такому великому, своеобразному народу, каков русский»¹.

Помочь преодолеть ложное направление русской образованности или культуры, а вместе с тем пробудить творческие силы русского ума, вызвать уважение к своему народу, своей истории, литературе, искусству и был призван задуманный Ламанским журнал «Славянский мир». Он должен был стать органом русского самосознания. «Недостаток определенного сознания в целом народе и обществе бывает обыкновенно источником слабости, ведет к печальным заблуждениям, по ложным путям», — замечал Ламанский². В то же время журнал должен был отличаться от консервативных или националистически ориентированных изданий, во-первых, своим чисто научным направлением, а во-вторых, тем, что «русский мир» предполагалось рассматривать в нем в связи с более широкой цивилизационной общностью греко-славянского, или Среднего, мира.

¹ Там же. С. 101—102.

² Там же. С. 110.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Интерес к фигуре М. В. Ломоносова и в целом к истории русской науки составляет неотъемлемую часть творчества Ламанского. Особенно плодотворным на исследования в области истории русской науки оказался ранний период его научной биографии: конец 1850-х—1860-е гг. Как можно видеть из списка работ Ламанского¹, его основные историко-научные интересы лежали в области истории С.-Петербургской Академии наук (СПб АН). Проводя работу в архивах, он публиковал новые материалы по истории СПб АН, а также проводил исследования по отдельным сюжетам из ее истории. По большей части работы Ламанского выходили в 1860-х гг. в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете»: в этом издании Ламанский публиковал найденные им архивные материалы, что соответствовало целям данного журнала. Помимо архивных материалов он опубликовал в газетах «День» и «Голос» ряд статей. Таким образом, к собственно научным работам Ламанского, посвященным историко-научной тематике, следует отнести его многочисленные архивные публикации, а также статьи в «Отечественных записках», в «Вестнике Императорского Русского географического общества» и в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» (1861). При этом статью в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» можно считать первой работой Ламанского по истории Академии наук 1860—1861 гг. и отнести ее

¹ См.: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905. С. XI—LVIII ; Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Пг. : Тип. Имп. Академии наук, 1915. Ч. 1 : А—Л. С. 384—405.

к начальному периоду работы Ламанского в данной области, о чем он, кстати, непосредственно заявил в своей статье «Столетняя память М. В. Ломоносову»¹. Основной же массив историко-научных работ Ламанского, как видно из библиографии, состоит из архивных публикаций (причем в «Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей российских» они выходили в основном без научного аппарата); а к исследованиям же в собственном смысле слова относятся в первую очередь его публикации о М. В. Ломоносове: творчеству Ломоносова посвящен биографический очерк, опубликованный в «Отечественных записках», а также известная в историографии по истории СПб АН работа «Ломоносов и Петербургская Академия наук», содержащая пространные пояснения к архивным материалам. В целом следует отметить, что ядро публикаций Ламанского по истории СПб АН составляют работы по XVIII в., и именно исследования в области ломоносоведения формируют их главную составляющую. Поэтому ломоносоведение следует признать основной частью историко-научного наследия Ламанского.

Исследования в области ломоносоведения перекликались с общими философскими идеями Ламанского. Причем «ломоносоведческие штудии» позволяли ему рассмотреть историю СПб АН в целостном контексте истории русской культуры XVIII в. в ее отношении к западноевропейской цивилизации, что составляет ядро его философско-исторической концепции. Еще в 1860 г. Ламанский писал одному из своих адресатов: «История Академии составляет очень любопытную главу в истории нашей образованности. Между тем писавшие о ней немецкие академики представляли ее всегда в своих личных интересах, едва ли когда сходных с интересами страны, в которую призвало их ее правительство. Ломоносов, как открывают мне по счастью еще уцелевшие документы, во время всего своего служения в Академии был главнейше на <за?> то, чтобы “видеть Российскую Академию из сынов российских состоящую”. Для сего он старался энергически основать, по примеру Московского, университет и в Петербурге, кончивших курс молодых людей отправлять за границу и потом делать их академиками и профессорами университета. Какие происки и интриги употребляли против него немцы, видно из

¹ Ламанский В. И. Столетняя память М. В. Ломоносову // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 831.

найденного мною одного его сочинения, которое по справедливости должно быть названо его автобиографией. Оно писано незадолго до смерти. Умер в 1765 г., а в 1766 г. немцам удалось выхлопотать указ о закрытии при Академии университета.

Если Вы пожелаете, я с величайшим удовольствием сообщу Вам для прочтения и эту автобиографию и другие бумаги о Ломоносове. Лицо истинно колоссальное, и все позднейшие наши писатели, как лица и характеры, являются перед ним юношами несовершеннолетними и учениками»¹. В этой связи обращают на себя внимание две работы Ламанского — «Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк» (1863) и «Столетняя память М. В. Ломоносову» (1864), к которым примыкает изданная отдельной книгой комментированная подборка архивных материалов «Ломоносов и Петербургская академия наук» (1865). Все эти работы появились в связи с ломоносовским юбилеем 1865 г., в котором Ламанский принимал активное участие. Причем статья в славянофильской газете «День» непосредственно имела целью актуализацию необходимости празднования этого мероприятия. Позже Ламанский 7 апреля 1765 г. в зале Дворянского собрания принимал участие в торжественном обеде, на котором он произнес речь, затем напечатанную в газете «День» и в материалах юбилейных ломоносовских торжеств². В своей речи он представил Ломоносова поборником русской самобытности, первопроходцем русской мысли и отцом отечественной литературы, отметив благотворную роль меценатов Ломоносова и высокие моральные качества русского ученого. Важным является сопоставление Ломоносова с западноевропейской культурной историей: для Ламанского Ломоносов предстает родоначальником самостоятельной русской культуры, и тем самым его роль оказывается идентичной, например, роли Лютера для Германии. Сравнивая торжественную речь Ламанского с его статьей 1864 г. в газете «День», П. Н. Берков верно указывал³, что в данном случае Ламанский не претендует на некую «демон-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 2—2 об.

² См.: Мельников П. И. Описание праздника, бывшего в С.-Петербурге 6—9 апреля 1865 г. по случаю столетнего юбилея Ломоносова. СПб : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1865. С. 21—22.

³ См.: Берков П. Н. Ломоносовский юбилей 1865 г. // Ломоносов : сборник статей и материалов II. М. : Изд-во АН СССР, 1947. С. 216—247.

страцию против немцев», как полагал А. В. Никитенко¹, а, наоборот, стремится признать заслуги немцев в становлении русского просвещения, правда, добавляя при этом, что «глубокая благодарность России ожидает всех иностранцев, бескорыстно трудящихся в пользу ее просвещения»² (т. е. полагая, что есть и такие иностранцы, которые поступают противоположным образом).

Тем не менее А. В. Никитенко верно определил сущность позиции Ламанского относительно деятельности Ломоносова и в целом истории СПб АН. Лейтмотивом статьи Ламанского «Столетняя память М. В. Ломоносову» была мысль о немецком засилье в Академии наук. Ламанский указывает, что Академия состоит в основном из немцев и издает свои работы не на русском языке, а по большей части на западноевропейских языках, пополняя тем самым не русскую научную литературу, а иностранную, хотя Академия при этом существует на русские деньги. В этом отношении, полагает Ламанский, Академия наук не выполняет той изначальной цели, ради которой она была задумана Петром I — развивать русскую науку. Наоборот, Академия наук «своими немецкими изданиями едва ли не служит препятствием развитию строгой ученой деятельности в России и распространению нашего языка вне русских пределов»³. Обращение к исследованию жизни и творчества Ломоносова послужило бы, по мнению Ламанского, средством русификации Петербургской Академии наук, т. е. превратило бы ее из явления иностранной науки, имплементированной в русскую среду, в представителя русской научной культуры. Тем самым «будет исполнено завещание первого русского академика»⁴. В своем «Дневнике» 31 марта 1861 г., т. е. в период празднования 150-летней годовщины Ломоносова, А. В. Никитенко делился впечатлением от лекций Ламанского: «Говорили

¹ См. запись в дневнике А. В. Никитенко от 13 марта 1865 г.: «Большая суматоха по случаю приготовления к празднованию столетия после смерти Ломоносова. <...> В городе готовят тоже овации, в чем деятельно участвует Ламанский. Ему, главное, хочется этим насолить немцам, которых он смертельно ненавидит, и я начинаю бояться, что из овации Ломоносову выйдет демонстрация против немцев. На днях был у меня Ламанский и много толковал о Ломоносове, о славянах и немцах» (Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955. Т. 2. С. 502).

² Мельников П. И. Описание праздника, бывшего в С.-Петербурге 6—9 апреля 1865 г. ... С. 22.

³ Ламанский В. И. Столетняя память М. В. Ломоносову. С. 835.

⁴ Там же. С. 837.

еще о лекциях Л<аманского>. Он читает о Ломоносове. Я ожидал от него чего-нибудь нового, дельного. Между тем он главным образом потешается над немцами-академиками и доказывает, что Ломоносов, ссорясь с ними, хорошо делал. Интересна также мысль, что детство и юность Ломоносова прошли в самых благоприятных условиях для развития его гения, потому что живущий на Двине народ очень смышлен, и т. д.»¹. Полвека спустя уже в письме И. В. Ягичу Ламанский вновь указывал на внешние условия, способствовавшие развитию способностей Ломоносова. «Наступающий двухсотлетний юбилей отца нашей словесности и науки Ломоносова, — писал он, — вызовет много свежих и здоровых сил. По всей России будут в храмах божьих панихиды и речи о великом нашем крестьянине архангельском. На его родине не было помещиков, дворян, все крестьяне были свободные»².

Представление о намерении Ламанского выступить с обличением немецких ученых, служивших в СПб АН, дает написанное в те же годы письмо М. П. Погодину. «Шлецер представлен мною, — признавался он, — как человек, дрянным пролазою — проходимцем, нахалом. Я умею ценить его заслуги, хотя нахожу, что в отношении к Русской Истории они не в меру преувеличены. <...> О характере Шлецера я составил себе такое заключение из изучения и снесения неопровержимых данных, которые приведут к тому же взгляду каждого беспристрастного человека. Я говорю о нем, как он действовал в России. Для меня то и любопытно, что в Германии он был смелым человеком»³. «Не думайте, ради Бога, что я поддаюсь руссопетству», — замечал он в заключение своего письма⁴. Критика Ламанского, вероятно, была усвоена славянофильски ориентированной интеллигенцией. Неслучайно А. В. Никитенко отмечал в своем дневнике 14 марта 1865 г.: «Был у меня А. Н. Майков и читал мне свои стихи, написанные для прочтения на обеде в честь Ломоносова. Стихи хороши, только сильно направлены против немцев. Тут видно влияние Л<аманского>»⁵.

¹ Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1955. Т. 2. С. 182.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 8 об.

³ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. Кн. XVIII. С. 373.

⁴ Там же.

⁵ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 503.

Помимо празднования собственно юбилея Ломоносова, призванного актуализировать память о нем, а также издания серьезной биографии Ломоносова и Полного собрания его сочинений с публикацией сохранившихся архивных материалов, касающихся деятельного русского ученого, Ламанский предлагал провести торжественное открытие памятника Ломоносову «на площади между университетом и академией»¹ — проект, реализованный лишь в 1986 г. В одном из писем М. П. Погодину Ламанский признавался: «С будущей недели я начну готовиться к публичным лекциям о Ломоносове, которые намерен прочесть в ноябре в пользу воскресных школ. На последней лекции я изложу свою мысль о необходимости приготовить, к апрелю 1865 г., полное собрание сочинений Ломоносова с биографией и открыть ему памятник по народной подписке на Васильевском острове, между Академиею и Университетом. Эти лекции, несколько видоизмененные и распространенные, вместе с сборником материалов, я предложу *Беседе*; не захочет, отдам в другой журнал»². Также Ламанский выдвигал интереснейшую идею организации «*ломоносовского капитала*». По сути, это план создания организации очень близкой по своим функциям к современным научным фондам, финансирующим фундаментальные научные исследования. Согласно плану Ламанского, необходимо было организовать по подписке сбор капитала, из средств которого финансировались бы исследования в области естествознания и филологии. «Главная цель и прямое назначение Ломоносовского капитала, — указывал он, — укрепить и усилить поныне слабый в русской литературе дух пытливости и самостоятельности»³. Другими словами, имеется в виду поддержка самостоятельных исследований на русском языке ради формирования в России собственной научной традиции. В проекте Ламанский предполагает создать частный фонд, который бы выдавал деньги на исследования, а также стипендии молодым ученым. «Смотря по средствам, — писал он, — это поощрение может состоять в наградах за лучшие ученые самостоятельные изыскания, <...> в пособиях таким бедным молодым людям, которые по выходе из университета желали бы идти по ученой части и приготовить самостоятельное исследование для получения звания магистра ...»⁴.

¹ Ламанский В. И. Столетняя память М. В. Ломоносову. С. 839.

² Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XVIII. С. 372.

³ Ламанский В. И. Столетняя память М. В. Ломоносову. С. 845.

⁴ Там же. С. 842.

Таким образом, основной историко-научной идеей Ламанского является тезис о немецком засилье в СПб АН, в чем она отклоняется от первоначального замысла Петра I как учреждения, представляющего русскую науку. Ломоносов в этом контексте оказывается поборником русификации Академии, и обращение к его наследию не только раскрывает, по мнению Ламанского, его борьбу с немцами, но и служит стимулом для преодоления существующего неудовлетворительного положения в СПб АН. Важным аспектом интерпретации Ламанским истории Академии и роли Ломоносова является мысль о русифицирующей функции Академии: Академия наук, полагал он, не только сама должна быть русской (состоять по преимуществу из русских ученых и издавать свои труды на русском языке), но также должна способствовать распространению русского языка и утверждать его в качестве международного языка высокой культуры. Собственно, обе задачи оказываются взаимообусловленными. Роль Академии наук в качестве инструмента распространения культуры имеет значение в рамках концепции греко-славянского мира, которую Ламанский разрабатывал на протяжении всей своей творческой жизни; русский язык в данном случае понимается им в качестве основы единства народов греко-славянского мира в одном культурном и политическом целом под эгидой России. При этом Ламанский делал акцент на ненасильственном распространении языка и основанной на нем культуры. Главным условием такого рода распространения является, по его мнению, собственное внутреннее культурное преобразование России¹. Россия должна провести внутреннее духовное преобразование и сделать свой язык и свою культуру привлекательной для других народов греко-славянского мира, благодаря чему, оставаясь независимыми, они примкнут к единой политической и культурной целостности. В этом аспекте, стоит сказать, Ламанский был оппонентом Н. Я. Данилевского. Последний настаивал на том, что к единству славянского мира приведет не распространение языка и науки, а совместная борьба против Запада², а результатом станет нечто большее, чем некий политический союз — славянская федерация со столицей в Константинополе. Ламанский решительно возражал против такого подхода, указывая, что «мысль об общелитературном языке всех славян и об избрании для сего языка русского не только не исчезла

¹ Ламанский В. И. Кирилло-Мефодиевская идея // Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 635—642.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб. : Глагол : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995. С. 365.

в славянском сознании, но, напротив, сделала в последние годы значительные успехи. Для окончательного торжества ее нужно рассеять различные недоумения, очистить, освободить ее от всяких туманных представлений или политических мечтаний о федеративных союзах и *аннексациях*»¹. Роль Академии наук понимается в данном случае по модели *мягкой силы*: Академия должна продвигать русскую науку и привлекать к себе народы силой своей культурной активности. Именно в таком контексте (актуализация роли Академии наук как инструмента мягкой силы) Ламанский рассматривал празднование юбилея Ломоносова: если русские проявят интерес к своей собственной культуре, покажут ее достоинства и ее достижения, то и другие народы последуют за ними. Образ Ломоносова оказывается в данном случае одной из составляющих политики *мягкой силы*.

Сказанное позволяет заключить, что Ламанский рассматривал Ломоносова в качестве гения национальной культуры и представителя «русского национального начала» в науке. Таковой подход вслед за современным философом науки Л. Дастон можно охарактеризовать термином «национальный стиль в науке», когда наука понимается в качестве элемента национальной идентичности². Ламанский интерпретирует роль Ломоносова как национального героя, открывшего путь русскому просвещению и в целом просвещению в греко-славянском мире (такой же была роль Лютера для немцев и Данте для итальянцев). Ломоносов — создатель современной русской науки и, шире, — культуры, так же как Петр I — основатель новой российской государственности. Ламанский дает следующие характеристики Ломоносову: «великий подвижник русского просвещения», «величайший поныне деятель русской культуры», «образователь русского литературного языка», «отличный филолог и необыкновенно даровитый естествоиспытатель», «народный гений».

Характеристика Ломоносова как «народного гения» была полнотью созвучна идее ломоносовских торжеств 1865 г., мотивом которых была следующая мысль: «С Ломоносова начинается самостоятельность русской науки. Имя Ломоносова — есть русское народное знамя в области мысли, слова, науки»³. Однако ломоносовский юбилей 1865 г. был лишь поводом, который позволил

¹ Ламанский В. И. Столетняя память М. В. Ломоносову. С. 847—848.

² Daston L. The Ideal and Reality of the Republic of Letters in the Enlightenment // Science in Context. 1991. № 4. P. 367—386

³ Цит. по: Берков П. Н. Ломоносовский юбилей 1865 г. С. 222.

Ламанскому громко заявить о своих взглядах. Более детально образ Ломоносова как народного гения, происходившего из крестьянского сословия и отстаивавшего русификацию науки, представлен в биографическом очерке, который был опубликован в «Отечественных записках», когда Ламанский был уже в заграничной командировке. Помимо материалов о Ломоносове («Ломоносов и Петербургская Академия наук», 1863 г.) данный очерк является наиболее значимой работой Ламанского о Ломоносове. Хотя и нельзя сказать, что эта работа Ламанского была замечена и оказала серьезное влияние на ломоносоведение (в отличие, например, от статьи «Ломоносов и Петербургская Академия наук», которая заслужила положительный отзыв уже при жизни Ламанского¹). В силу этого первой научной биографией Ломоносова считается работа П. П. Пекарского («История Императорской Академии наук», 1873 г.)². Возможным объяснением такой точки зрения, глубоко укоренившейся в отечественной историографии истории науки, является по сути *презентистская* методология, которую применяет Ламанский при рассмотрении биографии Ломоносова: для него исторический материал о Ломоносове важен прежде всего в контексте современности, т. е. в контексте реформирования современной для него Академии наук. Необходимость таковой реформы рассматривается им в качестве неотъемлемой части либеральных реформ его времени (1860-х гг.). Именно исследование биографии Ломоносова и в целом истории СПб АН его времени служит, считает Ламанский, побудительным мотивом для преобразования Академии, остающейся по-прежнему рудиментом «петербургского периода русской истории», на преодоление которого как раз и направлены реформы Александра II. Поэтому можно утверждать, что реформирование Академии наук Ламанский видит в качестве одной из составляющих политических реформ, а его историко-научные исследования имеют целью практическое реформирование российских научных организаций. Соответственно, глубинным мотивом его историко-научных исследований следует признать *политический*.

Однако, поскольку и юбилейная статья 1864 г., и выступление в зале Дворянского собрания были для Ламанского поводом для об-

¹ См.: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1873. С. 261.

² См.: Ломоносов : краткий энциклопедический словарь / сост. Э. П. Карпеев. М. : ОГИ, 2009. С. 267.

ращения к народному самосознанию славян, а биографический очерк 1863 г. в свою очередь оказался своего рода призывом к реформе Академии на основе такого самосознания, можно утверждать, что этот подход является прежде всего проявлением *славянофильства*. И рассматриваемый биографический очерк оказывается важен в таком контексте, поскольку славянофильский подход как к истории русской науки и образованности в целом, так и к трактовке образа Ломоносова наиболее нагляден именно в этой работе. Более того, критика немецкого засилья в СПб АН и трактовка образа Ломоносова как «народного гения» является следствием славянофильской ориентации Ламанского. Поэтому в целом историко-научный подход Ламанского следует называть не только политическим, но прежде всего *славянофильским*. Соответственно, историко-научные исследования Ламанского можно признать *политическим славянофильством*. В данном случае мы сталкиваемся с проекцией славянофильства на историю науки: славянофильство как общая мировоззренческая позиция проникла в историю науки и стала тем методологическим каркасом, который определил интерпретацию истории Академии наук и понимание образов основных русских ученых (М. В. Ломоносова). Поэтому если празднование юбилея Ломоносова 1865 г. было лишь поводом для публичного высказывания Ламанским своих славянофильских взглядов, то указанный биографический очерк является работой, в которой выражены глубинные взгляды Ламанского на историю науки и в целом на русскую культуру. Речь, которую он произнес на празднике в честь Ломоносова, выражает квинтэссенцию его взглядов; обоснование же его подхода представлено именно в биографическом очерке 1863 г.

Отметим основные положения интерпретации Ламанским образа Ломоносова в работе «Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк». Ломоносов предстает в очерке Ламанского в качестве волевого и честного человека, проникнутого любовью к российским монархам (прежде всего к Петру I), пропитанного народным духом и подлинной православной верой, а также упорно ведущего борьбу против немцев и прочих иностранцев ради утверждения русской науки. При том, что таковой образ легко можно было бы прочесть через знаменитую уваровскую триаду, внимательное ознакомление с интерпретацией Ламанским образа Ломоносова позволяет выявить несколько иные истоки видения первого русского академика. Выше мы упоминали о политическом смысле призывов Ламанского к реформированию СПб АН. В данном биографическом очерке не-

сомненно видны также черты *славянофильского либерализма* и *романтизма*. Причем, как это ни странно, в своих основных моментах трактовка образа Ломоносова у Ламанского частично перекликается и с современным подходом к пониманию вклада этого русского ученого.

Славянофильский подход к трактовке исторической роли и биографии Ломоносова наиболее проявляется в рассмотрении Ломоносова как представителя петербургского периода русской истории. В этом Ламанский следует традиции А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и И. В. Киреевского. Ламанский указывает, что этот период русской истории страдает односторонностью, а сам Ломоносов в своей деятельности воплощает глубинные противоречия, порожденные петровскими реформами. Суть односторонности петербургского периода заключается в нарушении отношений между государством и обществом. Следуя славянофильской традиции (К. С. Аксаков, А. С. Хомяков), Ламанский проводит различие между обществом и государством. Общество, однако, трактуется им совсем не так, как это было принято в западноевропейской политической традиции — т. е. в качестве механического соединения рациональных субъектов, поведение которых основывается на частном интересе. Общество для Ламанского, как и в целом для славянофилов, — это «земщина», или христианский мир с его общинностью. Иными словами, это прежде всего культура, в основе которой лежат народные начала. Государство занимает по отношению к обществу служебную функцию. Если общество является источником самостоятельной экономической и культурной жизни, то государство призвано защищать его, а также вносить в него элемент единства ради поддержания естественного общественного бытия. Ламанский пишет: «Защищая страну от внешних нападений, заступаясь за ее интересы во всех международных политических сношениях, внутри государство имеет своей главнейшей задачей рядом постепенных законодательных и административных мер уничтожать те внешние преграды, которые задерживают свободное развитие народа в отношении нравственности, умственного и материального. Государство тем вернее исполняет свое назначение, чем внимательнее прислушивается к голосу земли, к общественному мнению, чем лучше и успешнее удовлетворяет живым потребностям народа»¹. Соответственно, общество и народ понимаются в качестве автономного целого, хранящего в себе на-

¹ Ламанский В. И. Михаил Васильевич Ломоносов : биографический очерк // Отечественные записки. 1863. № 1. С. 259.

чала просвещения. Деятели государства — это не более чем смелые и решительные люди, в то время как общественные деятели, не имеющие никакого влияния в государстве, являются подлинными выразителями народного духа¹. Именно в этом учении об отделении общества от государства, в признании самостоятельности общества и служебности по отношению к нему государства можно увидеть черты славянофильского либерализма.

Ламанский полагает, что Петр I нарушил это отношение между обществом и государством, проводя насильственные реформы. Петр принудительно навязал государству просветительские функции, свойственные обществу, и тем самым оторвал просвещение и образованность от их народной основы. Таким образом, высшие слои русского общества оказались проникнуты правительственным духом, потеряв связь с народом. Ламанский, как и все славянофилы, считал, что поэты, ученые, мыслители и прочие общественные деятели черпают силу у народа и являются выражением *народного духа* (*volksgeist*). Таковы Шекспир, Данте, Лютер и другие гении. Они по существу являются национальными героями. Интересно, что Ламанский вводит также представление о бессознательности народной жизни. Он указывает, что «общественные деятели» приводят к сознанию то, что в народе протекает бессознательно — в его языке, быте и верованиях. Ламанский пишет: «Свое общечеловеческое значение проявляют народы своими великими деятелями и находятся к ним в таком же отношении, в каком художники и мыслители к своим созданиям»². Акцент на народность, на иррациональность народного духа и понимание деятелей культуры в качестве национальных героев является не чем иным, как проявлением романтизма. Поэтому подход Ламанского, как и в целом славянофилов, следует обозначить не только как либеральный, но также и как *романтический*. В интерпретации же петербургского периода как эпохи отрыва образованности от ее народных начал Ламанский следует непосредственно за А. С. Хомяковым³.

Ломоносов, по мнению Ламанского, выражает, с одной стороны, правительственную, «чиновную» сторону, характерную для петер-

¹ Там же. С. 260.

² Там же. С. 261.

³ См.: Хомяков А. С.: 1) Мнение иностранцев о России // Хомяков А. С. Всемирная задача России. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. С. 549–574; 2) Мнение русских об иностранцах // Там же. С. 574–612.

бургского периода и порожденной им образованности, а с другой — народность, истоком которой являются его крестьянские корни. Поэтому в Ломоносове совмещается русская народность и западноевропейская образованность. Эта двойственность «естественно вытекала из того раздвоения, в которое неизбежно впадал каждый русский человек, соприкасаясь с тогдашней образованностью»¹. При всей той идеализированности и романтизме, которые присутствуют в трактовке Ламанским исторического образа Ломоносова, русский ученый верно определил основные черты творческой биографии Ломоносова, которые поддерживаются и в современном ломоносоведении. Современный исследователь Э. П. Карпеев отмечал, что Ломоносов «как человек, ученый и деятель культуры, сложился под влиянием русской и немецкой культур»², и в этом смысле в своем творчестве он совместил одновременно начала западной и русской средневековой культуры. «Разлом», о котором пишет Ламанский, является скорее выражением этого синтеза западной науки с ее рациональностью и русской гуманитарной культуры, которая в большей степени сохранялась в народной среде.

Говоря о «народности» Ломоносова, он встает на позицию *географического детерминизма*³, подчеркивая значимость поморского климата и географии места, где родился Ломоносов, для формирования его характера и любви к природе. Ламанский полагает, что естествоиспытателем Ломоносов стал еще до прибытия в Москву, поскольку сельский мир и северорусская природа воспитали в Ломоносове тягу к познанию природы. Такой подход в целом также находится в русле славянофильской философии. В этом контексте нужно упомянуть статью Ю. Ф. Самарина «Два слова о народности в науке», в которой видный славянофил призывал ученых строить свои научные изыскания на основе «живой струи народной жизни»⁴. Хотя, конечно, теория географического детерминизма применительно к истории науки вряд ли себя оправдывает, поскольку никакой

¹ Ламанский В. И. Михаил Васильевич Ломоносов : биографический очерк // Отечественные записки. 1863. № 2. С. 465.

² Ломоносов : краткий энциклопедический словарь. С. 172. См. также: Карпеев Э. П. Русская культура и Ломоносов. СПб., 2005.

³ Нечто сходное впоследствии можно найти в теории евразийства, а именно — теорию месторазвития.

⁴ Самарин Ю. Ф. Православие и народность. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008 С. 438.

закономерности между местом жительства и характером научного творчества установить пока не удается.

Важной в интерпретации Ламанским образа Ломоносова является сквозная для всего его творчества мысль о едином славянском языке. Ламанский полагал, что у Ломоносова «даже мелькала мысль об общем языке всех славян, по крайности православных»¹. В этом свете Ломоносов предстает и борцом за единство славян, и продолжателем, как указывает Ламанский, Ю. Крижанича. Народная природа характера Ломоносова и народные истоки его научной деятельности обусловили также его борьбу за русификацию Академии наук и противостояние с немцами. В этом аспекте подход Ламанского частично совпадает с современным взглядом на значение Ломоносова². В целом же для Ламанского Ломоносов оказывается национальным героем России, главная заслуга которого заключается в создании русского литературного языка³, что заложило основы русской образованности и высокой культуры. Поэтому основным вкладом Ломоносова в русскую науку — это импульс к самостоятельному научному творчеству. В этом аспекте мы можем также усмотреть актуальность подхода Ламанского; притом что в целом Ламанский дает идеализированный и в чем-то даже мифологизированный образ Ломоносова, основная тенденция его трактовки, заключающаяся в утверждении вклада Ломоносова как творца самобытной русской культуры, воспринимающей новейшие достижения западноевропейской науки, также оказывается достаточно близкой к современному пониманию роли Ломоносова как *культурного героя*. «Главные заслуги Ломоносова, — пишут современные исследователи, — лежат вовсе не в сфере химии (хотя он сам считал себя в первую очередь химиком) или физики, но в том, что он был “культурным героем” России в противоречивую эпоху русского Просвещения и связанной с ним модернизации всех сторон отечественной жизни»⁴. В этом отношении Ломоносов формировал культурное пространство для воспитания в России научного мышления, которого не было в допетровское

¹ Ламанский В. И. Михаил Васильевич Ломоносов : биографический очерк. № 2. С. 473.

² Карпеев Э. П. Гигант российского просвещения // Наука в России. 2003. № 3. С. 14—16.

³ См.: Ламанский В. И. Михаил Васильевич Ломоносов : биографический очерк. № 2. С. 460.

⁴ Дмитриев И. С., Карпеев Э. П. Герой и мученик российского Просвещения // Журнал общей химии. 2011. Т. 81. № 11. С. 1767.

время. В русле этих усилий лежала та мощная образовательная (просветительская) деятельность, которую вел Ломоносов и которая была столь важна для Ламанского. Поэтому-то при всей кажущейся нереалистичности образа Ломоносова у Ламанского следует отметить несомненную актуальность его оценки. Удивительным образом его исследовательская установка не помешала, а, наоборот, помогла ему верно оценить значимость и роль Ломоносова в русской культуре.

В заключение отметим, что ломоносоведение можно считать важной вехой творческой биографии Ламанского. Обращение к творчеству русского академика позволило Ламанскому высказать свои мировоззренческие взгляды и стало важным этапом в становлении его философско-исторической и геополитической концепции. Если главным вкладом Ламанского в русскую культуру можно признать его концепцию трех миров Евразийского материка и концепцию греко-славянского единства на основе русского языка как языка культуры и науки, то важной ступенью в формировании его позиции стало обращение к истории русской культуры и истории науки. В этом отношении историко-научные исследования имели для Ламанского значение, далеко выходящее за рамки собственно историографических интересов. Обращение к истории науки было в его понимании способом народного самопознания, а история науки превратилась в результате в сферу национального самосознания. В данном аспекте Ламанский оказывается предшественником будущих организаторов первых специальных историко-научных организаций (В. И. Вернадский). Для него история науки оказалась опосредованной романтическим мировоззрением, о чем ярче всего свидетельствует трактовка истории в качестве инстанции, через которую дух народа осуществляет самосознание, или, говоря гегелевским языком, возвращается к самому себе и становится тем, что он по сути есть. Именно поэтому историчность трактуется здесь в качестве сферы национального самоопределения. Специфика подхода Ламанского может быть усмотрена в акцентуации значимости не политики и государства, а науки и литературы как той части истории, которая определяет облик каждого народа. В народной культуре Ламанский обращал внимание на роль исторической личности, своеобразного культурного героя, как двигателя истории. Именно таковым для него оказывается Ломоносов — выдающийся гений, который ведет народ вперед в его национальном развитии. Этот момент свидетельствует о романтизме Ламанского, но и позволяет отнести его метод к классическому типу историко-на-

учного и историко-философского нарратива: методу «героизации научного прогресса», который был столь органичен для истории XIX столетия¹. Влияние славянофильского романтизма может быть усмотрено также и в акценте на независимости народной жизни от деятельности государства. Поэтому в целом историко-научный подход Ламанского следует идентифицировать как *славянофильский романтизм*, который тем не менее позволил ему прийти к выводам, вполне отвечающим и современному знанию о Ломоносове.

К сожалению, исследования Ламанского о Ломоносове не многочисленны, а некоторые из них и вовсе не были окончены. После избрания в Академию наук Ламанский активно включился в работу академических комиссий, в том числе по подготовке 200-летнего юбилея Ломоносова и изданию его сочинений. Эта практическая сторона академической деятельности побудила Ламанского снова вернуться к изучению жизни и творчества Ломоносова, продолжить исследование его биографии, которым, впрочем, не суждено было осуществиться. В конце жизни он писал А. А. Шахматову: «В последние две три недели я прихварывал и, думая о своих годах и приближающейся смерти, стал перебирать свои старые бумаги. По выходе из университета до приготовления моей магистерской диссертации я стал заниматься Ломоносовым, его биографией и его литературной деятельностью. Две статьи были напечатаны в *Отчественных Записках* (1854 г.)². ...Университетская служба (30 лет) отвлекла меня от Ломоносова»³.

¹ См.: Хагнер М. История науки // Наука и научность в исторической перспективе. СПб. : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге : Алетейя, 2007. С. 8—36.

² Так в тексте. Ламанский путает даты публикации своих статей. — А. М.

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1.

СЛУЖБА В ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

...Нашим избранием увенчивалась его научная деятельность; деятельность эта в значительнейшей части своей протекла вне стен Академии.

Шахматов А. А.

Владимир Иванович Ламанский : некролог

15 января 1900 г. на Общем собрании Императорской Академии наук Владимир Иванович Ламанский был избран ординарным академиком по Отделению русского языка и словесности¹. На этом же собрании в действительные академики по тому же отделению были избраны Ф. Е. Корш и Н. П. Кондаков. Инициатором избрания, вероятно, выступил президент АН вел. кн. К. К. Романов, симпатизировавший Ламанскому. Этим объясняется как избрание Ламанского ординарным академиком, минуя экстраординатуру, так и тот факт, что из присутствовавших на собрании 31 члена АН (30 академиком и адъюнкт А. С. Лаппо-Данилевский), согласно произведенной баллотировке оказалось, что В. И. Ламанский соединил в свою пользу 28 избирательных голосов против четырех неизбирательных². Президент АН имел право подать два голоса. Любопытно отметить, что в «Отпуске отношения г. Министру Народного Просвещения от 7 февраля 1900 г. № 190» от АН несколько раз указывалось, что Ламанский избран по «русской истории» и от руки исправлено: «по славянской филологии». Помимо случайной ошибки, закравшейся в официальный документ, этот факт косвенно свидетельствовал, что Ламанский воспринимался современниками в большей степени в качестве историка, а не филолога. Избрание по Отделению русского языка и словесности, помимо открывшейся вакансии (после отъезда

¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101. Л. 14.

² Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № I. Заседание 15 января 1900 г. § 26.

И. В. Ягича за границу), оправдывалось трудами Ламанского в области славянской филологии. Согласно «Положению об Отделении русского языка и словесности»: «Предметы занятий Отделения русского языка и словесности суть следующие: русский язык во всем его объеме, с его наречиями и говорами; история русского языка; история русской литературы и культуры; церковнославянский язык; южные и западные славянские языки и их история; история славянских литератур; история иностранных литератур по отношению к русской; история и теория искусства; теория словесности и историко-литературной критики. На обязанности Отделения лежит составление Словаря русского языка и критическое издание русских писателей»¹.

В 1899 г. Ламанский оставил преподавание в Петербургском университете. Ректор университета «не встретил препятствий» со стороны Санкт-Петербургского университета «к определению заслуженного ординарного профессора В. И. Ламанского в Императорскую Академию Наук, с оставлением его в занимаемой должности по С.-Петербургскому Университету»².

Осенью 1899 г. началась подготовка к его избранию в АН, за которую взялись академики А. А. Шахматов и М. И. Сухомлинов. А. А. Шахматов и ранее имел в виду кандидатуру Ламанского на избрание в Отделение русского языка и словесности. В одном из писем акад. А. Н. Пыпину А. А. Шахматов замечал: «У меня постоянно на уме следующие имена: Корша, Жданова, Соболевского, Ламанского, Л. Толстого, Вл. Соловьева и Арсеньева»³. Планам А. А. Шахматова суждено было исполниться: Н. И. Жданов вошел в состав действительных членов АН в 1899 г., Ф. Е. Корш был избран в ординарные академики в один день с Ламанским, а Л. Н. Толстой, К. К. Арсеньев и В. С. Соловьев — в почетные академики Отделения русского языка и словесности неделей раньше (8 января 1900 г.), как и сам августейший президент⁴; в том же году состоялось и избрание А. И. Соболевского.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101. Л. 24 об.

² Там же. Л. 16.

³ Из переписки деятелей Академии наук / подгот. к печ. проф. Д. И. Абрамович. Л. : 2-я тип. Транспечати НКПС им. тов. Лоханкова, 1925. С. 112.

⁴ Соболев В. С. Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук (1889—1915 годы). СПб. : Искусство-СПб, 1993. С. 34 ; Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. : Очерки истории : в 2 кн. / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. 2-е изд., испр. СПб. : Реноме, 2018. Кн. I. С. 413.

С М. И. Сухомлиновым Ламанский был знаком около полувека. В начале 1850-х гг. он слушал в университете его лекции по русской литературе¹. Как и Ламанский, М. И. Сухомлинов был учеником И. И. Срезневского. Несмотря на небольшую разницу в возрасте (пять лет), дружеской связи между ними не возникло. Их отношения оставались деловыми. М. И. Сухомлинов изредка обращался к Ламанскому с той или иной просьбой, касавшейся его профессиональной деятельности. Например, в 1892 г. он просил указать, по какой рукописи Ламанский воспроизвел в статье «Ломоносов и Петербургская Академия наук» доклад Синода о «Гимне бороде» М. В. Ломоносова². Осенью 1899 г. М. И. Сухомлинов, председательствовавший в Отделении русского языка и словесности, сделал первый шаг к избранию, направив Ламанскому письмо:

«7 ноября 1899.
Большая Московская, д. 3, кв. 40.

Многоуважаемый Владимир Иванович

Мне крайне необходимо переговорить с Вами по весьма существенному вопросу. Не позволите ли мне приехать к Вам в указанное время или — что мне особенно желательно — не пожалеете ли Вы ко мне сегодня между 1—3 час. У меня все под рукой, а потому беседа у меня представляет некоторое преимущество и удобство.

Искренне преданный и уважающий
М. Сухомлинов»³.

Почти заговорщический тон письма показывает, что подготовка к избранию Ламанского проходила, вероятно, без лишней огласки. До окончательного решения вопроса, т. е. до избрания на Общем собрании, Ламанский даже ограничил свои контакты с членами АН. Он, вероятно, не без основания опасался, что его известные славянофильские взгляды не всегда могут встретить сочувствие среди представителей академической науки. Более того, В. Г. Васильевский и К. Н. Бестужев-Рюмин, на чью поддержку он мог бы рассчитывать, к тому времени уже выбыли из состава АН. Увлечение политическими вопросами, яркие публицистические выступления,

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 37.

² Там же. Ед. хр. 1355. Л. 4.

³ Там же. Л. 5.

выпады против немецких ученых на русской службе — не добавляли ему сторонников. 20 ноября 1899 г. состоялось голосование по кандидатуре Ламанского в Отделении русского языка и словесности, о результатах которого его лично известил М. И. Сухомлинов и в письме — А. А. Шахматов.

«Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Сегодня Отделение русского языка и словесности единогласно избрало Вас своим членом. Радуюсь этому важному событию нашей академической жизни. Академия видела в Вас беспощадного, но справедливого обличителя; теперь она сильно уже изменилась; может быть, при Вашем содействии она приобретет со временем то значение для России, которое ей давно подобало бы иметь.

Искренне преданный А. Шахматов.

20 ноября 1899 года»¹.

«Записка об ученых трудах заслуженного профессора Императорского С.-Петербургского университета В. И. Ламанского», подготовленная к заседанию Общего собрания А. А. Шахматовым, была опубликована в «Сборнике Отделения русского языка и словесности»². В ней А. А. Шахматов, давая характеристику основных трудов Ламанского, рисовал образ ученого, деятельность которого посвящена разработке вопросов национального самопознания и их практического воплощения. По его словам, «в Ламанском тесно соединяются интересы слависта и русского историка с деятельностью общественной и публицистической»³. «Это идея, — выражал А. А. Шахматов заветную мысль Ламанского, — необходимость культурного и нравственного подъема нашего общества, для охранения и развития русской народности, для успешного выполнения

¹ Там же. Ед. хр. 1525. Л. 4.

² Шахматов А. А. Записка об ученых трудах заслуженного профессора Императорского С.-Петербургского университета В. И. Ламанского // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1901. Т. 69. С. XXXIX—XLVII. Переиздание: Шахматов А. А. Записка об ученых трудах заслуженного профессора Императорского С.-Петербургского университета В. И. Ламанского // Вече : журнал русской философии и культуры. 2018. Вып. 30. С. 167—174. См. наст. изд. С. 542—548.

³ Шахматов А. А. Записка об ученых трудах заслуженного профессора Императорского С.-Петербургского университета В. И. Ламанского // Вече. 2018. Вып. 30. С. 168.

нашим отечеством той исторической миссии, которая выпала ему, как главному представителю Среднего мира на Азийско-Европейском материке»¹.

Однако Ламанский до конца не был уверен в положительном исходе дела и несколько скептически оценивал перспективы своей деятельности в АН. Свои сомнения он высказал в письме А. А. Шахматову в конце ноября 1899 г.

«Глубокоуважаемый
Алексей Александрович

Верьте мне, я был крайне удивлен извещением М. И. Сухомлинова (7 ноября) и предложением дать мое согласие на выбор в Отделение. Никогда я этого не ждал, никогда не домогался. Знаю очень хорошо о сильном Вашем участии в этом деле, добрейший Алексей Александрович. Благодарю Вас очень за Вашу записку обо мне, — об этом сообщил мне Сухомлинов в субботу (20 <ноября>), нарочно для того ко мне приехавший. Очень Вам благодарен, Вам и всем Вашим товарищам и В<еликому> Князю за честь мне оказанную, но часто думаю, хорошо ли я сделал, умно ли поступил, согласившись на столь лестное предложение: 1) меня легко могут провалить 2) я стар и мало чем могу быть Вам полезен.

Первым моим желанием было поблагодарить Вас лично, но простите — как не домогался этой чести, так не хочу подавать никому малейшего даже повода думать, что я напрашивался на это. Потому и решил я — не показываться теперь никому из Вас. Бывало, я ездил по четвергам к Майкову, но в октябре и в ноябре я так был занят книгою Сырку, что мог пожертвовать только одним вечером — и то на театр. Теперь же я не буду показываться и у Майкова.

Во всяком случае от души жму Вашу руку и искренно радуюсь доброму Вашему расположению ко мне.

Душевно Вам предан
В. Ламанский

23 Ноябрь<я> <18>99»².

Кроме пенсии, литературного заработка и преподавания (после оставления университета Ламанский до 1900 г. продолжал читать

¹ Там же. С. 173.

² СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 812. Л. 3, 4.

лекции в Академии генерального штаба) у Ламанского не было иных источников дохода, поэтому избрание в АН имело для него важное значение, поскольку позволяло продолжить научные занятия. Несмотря на преклонный возраст, он признавался: «Я давно привык и могу еще, благодаря богу, много работать. Но постоянная мысль о нехватке средств лишает дух необходимого для наших работ покоя и легко может принудить против воли к журнальным хорошо оплачиваемым, отвлекающим от науки, трудам»¹.

Ламанский и ранее задумывался над тем, чтобы, оставив преподавание, сосредоточиться исключительно на исследовательской работе. По выходе на пенсию он желал бы заняться поиском и изучением архивных материалов. В одном из писем К. П. Победоносцеву, вероятно, связанным с надеждой на увеличение пенсии, которая позволила бы отказаться от лекций в университете и других местах, он писал: «Предмет моих занятий — история политическая и культурная Восточной Европы и в особенности славянского мира, во всех его отделах, как во взаимных их отношениях между собою, так и во внешних их отношениях к Западной Европе. Не переставая следить за ученою литературою по этому предмету, я старался преимущественно изучать источники первой важности и материалы неизданные, рукописные»². Далее Ламанский перечислял те архивные хранилища, в которых ему довелось работать: он разбирал славянские рукописи в Императорской Публичной библиотеке, в Румянцевском музее, в архивах Вены, Белграда, Загреба, Любляны, Софии, в Рыльском монастыре в Болгарии, в Государственном архиве, работая в должности старшего архивариуса (1858—1862), Архиве Министерства иностранных дел, состоя чиновником в министерстве, в миланском архиве, венецианском архиве, архиве Св. Синода, архиве Министерства народного просвещения, Московском архиве иностранных дел. «Впрочем, — сетовал он, — университетская служба с ее лекциями, заседаниями факультетскими и советскими, комиссиями и экзаменами оставляла мне мало времени для занятий в архивах русских и тем более иностранных.

Нынче, почти закончив мое университетское преподавание и состоя на пенсии за тридцатилетнюю службу, я желал бы остаток моей жизни и еще не ослабевшие, благодаря Бога, мои силы посвятить историческим изысканиям в наших архивах по истории

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 54. Л. 5 об.

² Там же. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 3.

отношений России к северо- и юго-западным славянам и к нашим единоверцам румынам и грекам. При этом меня занимают не столько подробности дипломатических переговоров и все их перипетии с разными ходами и отступлениями, на коих так любят останавливаться историки-дипломаты. Я намерен останавливаться на изучении воззрений русского правительства в разные времена на разные славянские вопросы, на сумму знаний, которыми в разные периоды располагало русское государство и общество о наших соплеменниках и единоверцах. Я постараюсь в особенности извлечь из наших посольских дел разного рода записки туземцев и русских недипломатов о состоянии этих народов и земель в разные времена и об их отношениях к России»¹.

Первым поздравить Ламанского с избранием сразу после голосования 15 января 1900 г. приехал А. С. Лаппо-Данилевский, затем Л. Н. Майков, И. Н. Жданов и М. И. Сухомлинов. Последним с поздравлениями прибыл А. А. Шахматов, который, как отметил Ламанский в дневнике, остался обедать. На решение об избрании Ламанского одобрительно откликнулся из Вены И. Я. Ягич. «Я уважаю Владимира Ивановича, — писал он А. А. Шахматову, — как умного человека с широкими взглядами, который правда иногда *in politicis* увлекается, но насчет потребностей славянской науки отличается глубокими познаниями. Во всяком случае он стоит несравненно выше большинства своих учеников, если он хочет считать своими учениками людей вроде Сырку, Соколова, Брандта и т. д. Конечно, Владимир Иванович будет только хорошим руководителем, но и это очень важно»².

В приведенном письме А. А. Шахматов упоминает о Ламанском как «обличителе» АН. Действительно, уже в первых своих самостоятельных работах, опубликованных в конце 1850-х гг. и особенно в исследованиях о М. В. Ломоносове, Ламанский выступал с резкой критикой АН, в частности, за использование немецкого языка в академических изданиях и засилье иностранных ученых. Не только в газетных публикациях, но и в научных статьях Ламанский осуждал изолированную от потребностей русского общества АН, ее замкнутый, корпоративный характер, клановое устройство

¹ Там же. Л. 3 об.—4.

² И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 29 ноября (11 декабря) 1899. Вена // Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. С. 198.

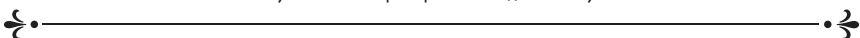
и засилье ученых немецкого происхождения. Всю более чем вековую историю научного учреждения он воспринимал как борьбу славянского начала с германским. В 1860 г. в письме М. П. Погодину Ламанский писал: «Я вам признаюсь откровенно, что считаю своим гражданским долгом напасть на Академию так открыто, как только позволит Цензура. Рядом с работой над Ломоносовым я занимался Историею Академии вообще, и смело могу сказать, что мой сборник официальных документов из Аннинского, Елисаветинского и Екатерининского времени едва ли имеет себе равного. Я намерен издать его отдельно в будущем году. <...> Вообще теперь редкий день не узнаешь чего-нибудь особенно интересного из Русской Истории XVIII в.»¹. В словарной статье Ламанский отмечал, что АН «представляет любопытный и почти единственный пример занятой нами от Запада общественной формы, которая очень мало поддавалась воздействию русской народности и поныне упорно сохраняет свой чуждый характер. <...> как в составе, так и во внешних своих проявлениях, она более, чем на половину, немецкая»². История АН являет собой скорее факт немецкой науки, чем русской. В результате в ней восторжествовала цеховая система, воспроизводящая худшие формы средневековых замкнутых корпораций. «Русской народности было очень не выгодно, — писал он, — что академия составила из иностранцев не разных национальностей, а успела в ней образоваться плотная однородная корпорация из национальности немецкой, наиболее враждебной народам славянским, опытной и искусной в борьбе с ними»³. Более того, вековое противостояние славянской и германской народных стихий стало основой историсофской концепции Ламанского, а его докторская диссертация «Об изучении греко-славянского мира в Европе» фактически была посвящена опровержению мнения немецких ученых о славянах.

В истории АН он усматривал пять периодов: начальный, продолжавшийся первые полтора десятилетия, «ломоносовский», третий период (1766—1803), еще сохранявший иницированное М. В. Ломоносовым направление научного развития; четвертый

¹ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. Кн. XVIII. С. 372.

² Ламанский В. И. Академия наук (Императорская, С.-Петербургская) // Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. СПб. : В тип. И. И. Глазунова и К^о, 1861. Т. II. С. 272.

³ Там же. С. 274—275.

период (1803—1818) и современный. Негативные тенденции, критикуемые Ламанским, были заложены в первый период, когда быстро были преданы забвению заветы Петра I. «Иностранные академики почти постоянно враждовали и ссорились между собою, соединяясь только при напоре на них русских. Вообще, в этот период, иностранцы-академики своим нравственным характером не внушали к себе особенного уважения и собственными силами не могли поднять значение академии, постепенно падавшей от дурного управления, отсутствия всякого регламента и частой смены президентов, все иностранцев, не отличавшихся ни заботливостью о народном просвещении, ни знакомством с потребностями страны»¹. Таков, считает Ламанский, был печальный итог начального этапа истории АН, «в первые же 15 лет своего существования выродившейся в замкнутый немецкий цех, совершенно напоминающий Восточную Германию»². Второй период, «ломоносовский», начинается с возвращения М. В. Ломоносова из-за границы (1741) и продолжается до его смерти (1765) и закрытия Академического университета (1766). «Служба Ломоносова в академии составляет важную страницу в ее истории, ибо в нем выражался идеал русской академии», — констатировал Ламанский³, не распространяясь, впрочем, подробно о содержании этого идеала. Главное назначение АН полнее раскрывается в третий период. Цель, идеал и назначение АН — «служить России, русскому просвещению»⁴. В это время появляются ученые издания и журналы на русском языке, а в 1803 г. принимается новый «Регламент академии», с которого Ламанский отсчитывает непродолжительный четвертый период. Современное положение АН установилось с назначением нового президента С. С. Уварова (1818) и продолжается поныне (статья Ламанского опубликована в 1860 г., т. е. через пять лет после смерти С. С. Уварова). Впрочем, считает Ламанский, АН страдает все теми же грехами. «При нем (С. С. Уварове. — А. М.) академия вступила в новый, поныне продолжающийся период, который особенно отличается оживленною деятельностью на пользу европейской и преимущественно немецкой образованности»⁵. По его словам,

¹ Там же. С. 277.

² Там же. С. 279.

³ Там же. С. 278.

⁴ Там же. С. 283.

⁵ Там же. С. 284.

«идеал отвлеченной академии, занимающейся под покровительством правительства, вне всякого общественного контроля, как бы без всякого отношения к жизни и ее вопросам, получал все более и более перевеса над идеею академии, как она была задумана Петром и как ее хотел воплотить в дело Ломоносов»¹. Современное положение АН и ее история состоят в противоречии с идеалом и замыслом этой ученой коллегии — приносить пользу России и ее народу. Конечно, за прошедшее столетие АН заявила о себе как о серьезном научном учреждении, служащие в ней ученые сделали немало открытий. Отмечая все это, Ламанский тем не менее иронизировал: «Но не одними изданиями: *Bulletin* и *Mémoires* обогащает петербургская академия европейские литературы: она издает на свой счет целые сочинения, которые, поистине, составляют украшение ученой германской литературы. <...> Русскую литературу она обогащает ежегодным выпуском календарей, на которые имеет исключительную привилегию, и отчетов о демидовских премиях»². Иными словами, «с.-петербургская академия живет своею особенною, специальною, жизнью». В статье Ламанский показывал, как происходила постепенная русификация АН, появлялись русскоязычные научные издания, русские ученые заменяли иностранцев на административных постах и в руководстве АН. В конце статьи он высказывал надежду «что вскоре, и не внося особенного правила в свой устав, академия будет состоять из природных русских и действовать на пользу русского народа, его литературы и просвещения»³.

Главной научной заслугой Ламанского считается создание собственной «исторической школы», плодотворная деятельность которой способствовала становлению истории славянства как самостоятельной научной дисциплины. В «Посвящении» учеников, адресованном Ламанскому по случаю 25-летия его научной деятельности (1883), отмечалось: «Из других общественных вопросов, в решении которых Вы принимали ближайшее участие, особенную важность имеет вопрос о преобразовании в народном духе нашей Академии Наук, которой посвящен ряд Ваших статей истинно ломоносовского характера. Статьи эти упрочат за Вами

¹ Там же.

² Там же. С. 285.

³ Там же. С. 286.

славу настоящего русского академика, хотя бы по существу лишь, а не по форме»¹.

Однако Ламанский не только критиковал АН, но и предлагал собственные программы преобразования русской науки. В 1857 г. в статье «О распространении знаний в России», опубликованной в журнале «Современник», он излагал проект «Общества распространения знаний», состоящего из двух отделов: физико-математических и нравственных наук². Впрочем, Общество в большей степени должно было служить издательским и просветительским, чем чисто научным целям. Его университетский товарищ Д. Л. Мордовцев упоминал в письме (23 июня 1859 г.) о намерении Ламанского создать Историческое общество. «Надеюсь, — писал Д. Л. Мордовцев, — если это общество учредится, оно будет лучше действовать, чем наша Академия — я говорю о II-м отделении. Бог ей судья: она обратилась в какую-то Wörterbüchermacher'ницу, когда могла бы сделать так много. Она потеряла окончательно связь с народом и обществом. Немцы как ни гнусны, а все-таки что-нибудь делают, конечно, больше для себя»³. Вероятно, Историческое общество, по мысли Ламанского, должно было войти в состав «Союза ученых обществ», который он воспринимал в качестве альтернативы АН. Альтернативность подчеркивалась предполагаемым размещением «Союза ученых обществ» в Москве. Ученик Ламанского Н. В. Ястребов в мемориальном тексте, посвященном учителю, отчасти пояснял его изначальный замысел. «Новая, вольная Академия должна двинуть вперед научное родиноведение, т. е. познание России во всех отношениях», — отмечал он⁴. Согласно плану Ламанского, новый ученый союз или Академия, должна существовать на пожертвования. Так, еще для реализации проекта «Общества распространения знаний» он предлагал образовать «Русскую Матицу» или «народный капитал», который бы формировался из добровольных пожертвований. Этой же цели должен был послужить и «ломоносовский капитал», средства на

¹ СПбФ АРАН. Ф. 281. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 4.

² Ламанский В. И. О распространении знаний в России // Современник. 1857. Т. LXIII. С. 1—46 (см. также наст. изд., с. 191—194 в разделе «Политическое славяноведение»).

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 992. Л. 9 об.

⁴ Ястребов Н. В. Памяти Владимира Ивановича Ламанского как друга книги // Библиологический сборник. Т. II, вып. 1 : Материалы по истории библиотековедения в России. Пг. : Тип. «К. Биркенфельд», 1916. С. 52.

которой собирались бы по подписке по всей стране. Мысль об этом Ламанский высказал в период ломоносовских торжеств 1865 г. Новая организация создавалась для поддержки научных исследований, но без тех социальных привилегий, которыми неизбежно обрастает всякая научная институция. Это должна быть наука без чинов, орденов, жалованья и казенных квартир. Таким способом Ламанский надеялся отвадить от русской науки не только «мелкотравчатых» иноземных ученых, но и откровенных проходимцев, рвущихся к академическим званиям ради материальных выгод. Надо заметить, что избрание самого Ламанского в АН было фактом последовательной русификации официальной отечественной науки.

«Высочайшим приказом по гражданскому ведомству» 13 марта 1900 г. № 18 Ламанский был утвержден ординарным академиком и первый раз принимал участие в заседании Общего собрания АН 1 апреля 1900 г.¹ При этом за ним была оставлена и должность заслуженного ординарного профессора Императорского Санкт-Петербургского университета². После утверждения Ламанскому было начислено жалованье. И уже 18 марта 1900 г. Л. Н. Майков извещал его: «На всякий случай сообщаю Вам, что жалованье Ваше уже выписано по Академии и что в понедельник, после часу, Вы можете его получить в размере 600 р.»³. Ламанский также получал «арендное производство» по 1500 руб. в год. Его просьба об увеличении «аренды» не была удовлетворена. В том же году кандидатура Ламанского рассматривалась в Чешской Академии наук. Как писал ему со слов И. В. Ягича 15/28 декабря 1900 г. из Вены Н. В. Ястребов, в Академии «отказались от этой мысли, найдя, что Вы — опасны»⁴. Узнав об избрании учителя, Н. В. Ястребов писал ему 1/14 мая 1900 г.: «Итак, Вы работаете в Академии и по тому же XVIII веку, которым занимались в молодости. Верно, имеете планы и на счет разных насущных дел славянских, которые могла бы делать Академия и только Академия: издание (греческое) К. Порфириогенеза, библиография южнославянской истории и истории литературы, издания болгарских и сербских грамот — видах источниковедения,

¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101. Л. 35.

² Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № IV. Заседание 1 апреля 1903 г. § 75.

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 892. Л. 31.

⁴ Там же. Ед. хр. 1606. Л. 62 об.

дипломатики, палеографии и проч. и проч.»¹. Переход Ламанского воспринимался современниками не только как усиление «русской партии» в Академии наук, но и как возможность активизировать славяноведческие исследования. Сам Ламанский еще двадцатью годами ранее отмечал: «Было время, когда наша Академия Наук по крайней мере помышляла о привлечении к себе возможно большего числа славистов; еще академик Бер метко указывал на необходимость энергических мер в этом смысле»². В 1890 г., при попытке пересмотра устава 1836 г., И. В. Ягич выступил с предложением увеличить количество ученых славистов в АН, организовать специализированный славистический журнал и Отдел славянской литературы в библиотеке АН³.

После избрания Ламанский включился в деятельность Отделения русского языка и словесности. «Летопись Российской Академии наук», «Протоколы общих собраний АН» и архивные документы позволяют восстановить хронику работы Ламанского в АН, проследить его участие в академических комиссиях, а также иную организаторскую, представительскую и редакторскую деятельность.

Одним из первых поручений Общего собрания АН Ламанскому было составление поздравительной телеграммы от АН к 25-летнему юбилею Имперско-Королевского университета Франца Иосифа в Черновицах⁴. На этом же Общем собрании (7 октября 1900 г.) была образована Комиссия для выработки проекта о премии В. А. Брежневского за «лучшее историческое исследование на тему: “Царь Борис, как частный человек и государственный деятель”», в которую вошел Ламанский⁵.

С 1900 по 1912 г. Ламанский был членом Комиссии для рассмотрения сочинений, представленных на соискание наград имени графа Уварова (правда, в документах Комиссии отсутствует упоминание

¹ Там же. Л. 41.

² Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки о древнем и новом по истории славистики (памяти аббата Иосифа Добровского) // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. ССІ. Февраль. С. 366, примеч.

³ История Академии наук СССР. Т. 2 : 1803—1917. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 457.

⁴ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № VII. Заседание 7 октября 1900 г. § 150.

⁵ Там же. § 153.

Ламанского за 1903—1904 г.)¹. В 1902, 1906 и 1910 гг. он входил в Комиссию на соискание наград П. Н. Батюшкова², а в 1902 г. — в Комиссию для обсуждения вопроса об основаниях издания покойным академиком М. И. Сухомлиновым «Материалов для истории Императорской Академии Наук». Издание остановилось на X томе (охватывая историю Академии наук со времени основания до 1750 г.), поскольку с 1899 г. не финансировалось³. Доклад Комиссии был зачитан на Общем собрании АН 11 января 1903 г. Комиссия предложила возобновить издание «Материалов», передать его в ведение Историко-филологического отделения и ежегодно выделять на его продолжение 2000 руб.⁴ В декабре 1902 г. Ламанский приступил к работе в Комиссии для выработки положения о премии К. Т. Солдатенкова за лучшие сочинения на русском языке. «Проект правил о наградах коммерции советника Козьмы Терентьевича Солдатенкова» был доложен Комиссией на заседании Общего собрания АН 2 октября 1904 г.⁵ В том же 1902 г. Ламанский возглавлял Комиссию по вопросу об исследовании остатков славян в Ганновере. В отчете АН сообщалось: «Академик В. И. Ламанский доложил, что образованная под его председательством Комиссия *по вопросу об исследовании остатков славян в Ганновере* пришла к следующему заключению: необходимо командировать на место такое лицо, которое могло бы проверить находящиеся в опубликованных трудах переписи населения Германской

¹ Там же. § 165 ; Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № VII. Заседание 6 октября 1901 г. § 143 ; Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № X. Заседание 6 октября 1907 г. § 203 ; Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № VIII. Заседание 4 октября 1907 г. § 160 ; Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № VIII. Заседание 8 октября 1911 г. § 219.

² Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № I. Заседание 12 января 1902 г. § 36 ; Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № VIII. Заседание 5 октября 1902 г. § 180 ; Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № I. Заседание 14 января 1906 г. § 25 ; Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № XIV. Заседание 4 ноября 1906 г. § 211 ; Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № I. Заседание 9 января 1910 г. § 25.

³ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № IV. Заседание 6 апреля 1902 г. § 95.

⁴ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № I. Заседание 11 января 1903 г. § 37.

⁵ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № VII. Заседание 2 октября 1904 г. § 180.

империи данные, сообщающие о славянах в округе Lüchow. Этим летом едет за границу приват-доцент Императорского Московского университета В. К. Поржезинский, читавший в университете специальные курсы, между прочим по польской диалектологии. Комиссия полагала бы поручить изучение этого вопроса и обстоятельное исследование на месте всего, относящегося к полабским славянам и еще неизвестного в науке, — приват-доценту Поржезинскому¹. Комиссия постановила выделить В. К. Поржезинскому 500 руб.

Дважды (1900—1902, 1905—1907) Ламанский входил в состав Комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, первый раз сменив А. Н. Пыпина², а второй раз — А. И. Соболевского³. Стоит отметить, что Ламанский был одним из учредителей Литературного фонда (1859). В 1904 г. он был включен в Комиссию по составлению адреса к столетию Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете и вместе с Ф. Е. Коршем должен был представлять АН на «юбилейном заседании Общества» (18 марта 1904 г.)⁴. 25 сентября 1904 г. «на заседании ОРЯС А. А. Шахматов и В. И. Ламанский избраны представителями отделения в образованную Общим собранием Комиссию для обсуждения вопроса об отношении неперменного секретаря к отделениям Академии и Правлению»⁵. Доклад Комиссии был читан на заседании Общего собрания АН 8 января 1905 г.⁶ В 1906 г. Ламанский работал в составе Комиссии для рассмотрения сочинений на соискание премии Н. В. Гоголя⁷ и вместе с Н. П. Кондаковым был

¹ [Ламанский В. И.] Комиссия по вопросу об исследовании остатков славян в Ганновере // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1902. Т. 70. С. X.

² Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № V. Заседание 13 мая 1900 г. § 119.

³ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № XIV. Заседание 3 декабря 1905 г. § 246.

⁴ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № II. Заседание 14 февраля 1904 г. § 18.

⁵ Летопись Российской Академии наук : в 4 т. СПб. : Наука, 2007. Т. IV : 1901—1934. С. 86.

⁶ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № I. Заседание 8 января 1905 г. § 10.

⁷ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № III. Заседание 4 марта 1906 г. § 74.

избран от Отделения русского языка и словесности в Комиссию по вопросу о порядке избрания в действительные члены АН¹. Доклад Комиссии он читал на Общем собрании АН 13 мая 1906 г.² В конце года Ламанский вошел в состав Комиссии для «выработки транскрипции русских имен, с целью внести большее единообразие в различные способы правописания русских имен латинскими буквами»³. В 1909 г. он был избран председателем Комиссии по присуждению премии им. С. Н. Шубинского⁴ и вошел в состав Комиссии по присуждению премии им. М. Н. Ахматова⁵. Однако на премию С. Н. Шубинского ни одно отделение труда не представило. В декабре 1909 г. Ламанский вместе с В. В. Латышевым, Н. П. Кондаковым и А. И. Соболевским был делегирован АН на празднование 100-летнего юбилея Санкт-Петербургской Духовной академии⁶. В январе 1910 г. он был избран в Комиссию на соискание премий имени императора Александра II, учрежденных Симбирским дворянством⁷.

Ламанский не только исполнял поручения Общих собраний, но и совместно с коллегами выступал с рядом инициатив. Так, 1 декабря 1901 г. он вместе с другими членами АН подал заявление о создании Комиссии «для выработки предложений, касающихся изменений и дополнений Устава Академии наук»⁸. Необходимость изменений обосновывалась «устарелым уставом» 1836 г., вследствие чего академическое собрание «при своих решениях принуждено было нередко отступать от законных требований устава и руководиться установленным с давних времен академическим обычаем. Такие отступления часто возбуждали разногласия, доказывающие необходимость изменения устава». Предлагалось

¹ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № IX. Заседание 15 апреля 1906 г. § 95.

² Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № X. Заседание 13 мая 1906 г. § 121.

³ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № XV. Заседание 2 декабря 1906 г. § 222.

⁴ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № II. Заседание 14 февраля 1909 г. § 64.

⁵ Летопись Российской Академии наук. Т. IV. С. 199.

⁶ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № X. Заседание 5 декабря 1909 г. § 219.

⁷ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № I. Заседание 9 января 1910 г. § 24.

⁸ Летопись Российской Академии наук. Т. IV. С. 45.

внести изменения и дополнить § 4, 26, 33, 34, 47, 55, 61, 64—66, 74—77, 81, 82, 97, 100—103, 105—107, 110—112, 125 и др.¹ 28 ноября 1907 г. Ламанский, А. С. Лаппо-Данилевский и другие на экстренном Общем собрании АН выступили с предложением к избранию в почетные члены ИАН И. Е. Забелина (чл.-кор. по ИФО с 1884 г.) в связи с шестидесятилетием ученой деятельности; а также в почетные члены П. Н. Тургенева².

30 ноября 1902 г. «На заседании ОРЯС В. И. Ламанский предложил приступить к составлению сборника по славяноведению»³, а уже 1 февраля 1903 г. «на заседании ОРЯС В. И. Ламанский сделал доклад о программе сборника статей по славяноведению, приготовленного к съезду славистов»⁴. Он понимал всю необходимость специализированного славистического журнала в России, особенно после отказа Министерства народного просвещения разрешить издание задуманного им журнала «Славянский мир» (1895). Еще в 1879 г. он писал в одной из статей: «Так, нам сдается, что было время, когда Академии Наук было бы не трудно сделать, чтобы *Archiv* г. Ягича издавался не в Берлине и не по-немецки. Какой свежей и крупной силы совершенно напрасно лишена теперь Академия!»⁵ Новое славяноведческое издание могло бы объединить как отечественных, так и иностранных славистов, усилить позиции того научного направления славистики, которое сложилось в России. Этой цели должен был послужить и съезд славистов. 25 сентября 1903 г. на заседании Отделения русского языка и словесности был «образован Организационный комитет по подготовке съезда славистов» под председательством А. Н. Пыпина, в члены которого вошел и Ламанский. Однако по предложению Ламанского съезд был перенесен с осени 1903 г. на весну 1904 г., поскольку весной 1904 г. в Петербурге готовилась всеславянская выставка. «Эта выставка, — обосновывал Ламанский необходимость изменения сроков съезда в письме А. А. Шахматову, — будет не промышленная только, а и художественная и этнографическая, во время выставки будут и съезды или совещания промышленников, техников и купцов,

¹ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № IX. Заседание 1 декабря 1901 г. § 185.

² Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № XIII. Заседание 28 ноября 1907 г. § 224.

³ Летопись Российской Академии наук. Т. IV. С. 58.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки ... С. 366, примеч.

а также и этнографов»¹. Западные слависты-филологи, приезжающие на съезд, смогут посетить и выставку. «Если же будем настаивать на 903 г., то Дума будет ворчать за навязывание ей Славян два года подряд, тем более, что и двухсотлетний праздник введет ее и без того в большие расходы по части помещений и угощений», — убеждал он². К сожалению, начавшаяся Русско-японская война не позволила провести съезд. Однако Ламанский сумел подготовить и опубликовать три тома «Сборника статей по славяноведению» (1904, 1906, 1910). Это был самый крупный издательский проект Ламанского в АН, впрочем, уступавший по масштабу журналу «Живая старина», который продолжал выходить под редакцией Ламанского в Императорском Русском географическом обществе до 1910 г.

Особого упоминания заслуживает работа Ламанского в различных академических комиссиях, посвященных изучению и чтению М. В. Ломоносова. В конце 1901 г. он вошел в состав Комиссии по присуждению Ломоносовских премий³, а позднее в Комиссию по присуждению премии за лучшее ученое жизнеописание «первого русского академика». Документы показывают, что Ламанский участвовал в заседаниях этой комиссии в 1905—1912 гг.⁴, в том числе и по вопросу «рассмотрения работы Б. Н. Меншуткина “Ломоносов как физико-химик”»⁵. Тогда же (1905) он передал в дар АН бумаги бывшей Ломоносовской юбилейной комиссии 1865 г., в которой состоял секретарем⁶. 3 февраля 1907 г. «на заседании Общего собрания В. И. Ламанский сообщил, что приступает к продолжению начатого М. И. Сухомлиновым Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова»⁷. В частности, как отмечалось в протоколе Обще-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 812. Л. 1.

² Там же. Л. 1 об.

³ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № IX. Заседание 1 декабря 1901 г. § 202; *Басаргина Е. Ю.* Ломоносовская премия — первая государственная премия в России (1865—1918) : справочник-путеводитель. СПб. : Нестор-История, 2012. С. 86, 94, 100.

⁴ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № IV. Заседание 7 февраля 1907 г. § 56; *Летопись Российской Академии наук.* Т. IV. С. 199; Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № I. Заседание 14 января 1912 г. § 20.

⁵ Летопись Российской Академии наук. Т. IV. С. 96; Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № XI. Заседание 3 ноября 1907 г. § 218.

⁶ Летопись Российской Академии наук. Т. IV. С. 96.

⁷ Там же. С. 122.

го собрания АН, Ламанский «имеет в виду в ближайшем времени приступить к печатанию сочинения Ломоносова о необходимости снаряжения экспедиции в Северный Океан» и намерен привлечь для работы капитана 1 ранга А. И. Варнека, с чем Общее собрание АН и согласилось¹. Впрочем, как следует из Протоколов Общих собраний АН, Ламанский еще в 1905 г. запрашивал рукописи Ломоносова для подготовки их к изданию. Так в феврале 1905 г. он обратился с просьбой о «выписке» для «следующего тома “Полного собрания сочинений Ломоносова”, в который должны войти все химические рассуждения и статьи нашего академика» следующих сочинений: «1) из Прусской Академии Наук в Берлине — диссертации Ломоносова, присланной им в 1749 г. для соискания премии, под следующим заглавием “Dissertatio de generatione et natura nitri, concinnata pro obtinendo praemio, quod Illustris scientiarum Academia Regia liberalitate Berolini florens proposuit ad 1-mum Aprilis 1749. Tanti est in Chymia principiorum cognitio, quanti sunt principia ipsa in corporibus”. Рукопись в 4-ю долю, 23 листа, и 2) Шведской Академии Наук в Стокгольме — сочинения Ломоносова, под заглавием: “Мысли о происхождении ледяных гор в серных морях”, представленного им, вероятно, тоже на латинском языке, в 1763 году по случаю избрания членом Шведской Академии»². Библиотекарь Шведской АН уведомил Непременного секретаря письмом от 31 марта 1905 г., что указанная работа Ломоносова была опубликована (в письме приводились ее выходные данные), а рукопись Ломоносова «дольше им не разыскана»; он высказывал предположение, «что она могла быть возвращена автору»³. Вторую рукопись Ломоносова, «высланную Королевской Прусской Академией Наук в Берлине для занятий академика В. И. Ламанского»⁴, представил на заседании Общего собрания АН 5 ноября 1905 г. К. Г. Залеман. Подготовка издания сочинений Ломоносова продолжалась и в по-

¹ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № IV. Заседание 7 февраля 1907 г. § 47.

² Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № II. Заседание 5 февраля 1905 г. § 50.

³ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № VI. Заседание 2 апреля 1905 г. § 117.

⁴ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № XII. Заседание 5 ноября 1905 г. § 224.

следующие годы. В частности, 1 мая 1910 г. «на заседании ОРЯС по предложению В. И. Ламанского решено выделить в особые тома переписку М. В. Ломоносова, проекты записок, инструкций, а канву для биографии М. В. Ломоносова издать отдельной книгой к 200-летию со дня его рождения»¹.

В 1909 г. Ламанский вошел в состав «Комиссии для выработки программы празднования» 200-летия М. В. Ломоносова². 10 декабря 1911 г. Ломоносовская юбилейная комиссия была преобразована в комиссию «по вопросу о сооружении в Санкт-Петербурге памятника М. В. Ломоносову и постройке Ломоносовского института»³. Надо заметить, что мысль открыть памятник М. В. Ломоносову в Петербурге между зданиями Академии наук и университета Ламанский высказывал еще в пору юбилейных торжеств 1865 г.

В конце 1904 г. АН чествовала Ламанского «по случаю пятидесятилетнего юбилея его научной и публицистической деятельности». Первоначально Экстренное заседание Общего собрания было назначено на субботу 11 декабря в два часа дня⁴, однако затем было перенесено на понедельник 13 декабря 1904 г. На собрании не было президента АН, вел. кн. К. К. Романова. В архивных документах нет упоминания об участии Ламанского, хотя в «Протоколах Общих собраний АН» он указан среди присутствовавших. От АН акад. А. Н. Веселовский доложил Собранию поздравительный адрес акад. Ламанскому. Тогда же было «положено поднести адрес юбиляру 19 декабря с. г.»⁵. «Адрес» был опубликован в «Протоколах Общих собраний АН» и сохранился в архиве.

«Глубокоуважаемый
Владимир Иванович!

Полувековой юбилей Вашей ученой и литературной деятельности во многих отношениях является знаменательным. Ваш первый труд, рецензия на сборник Метлинского, появился в 1854 году, в тяжкую для нашего отечества годину Крымской войны. Протекший с тех

¹ Летопись Российской Академии наук. Т. IV. С. 172—173.

² Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № IV. Заседание 11 апреля 1909 г. § 98.

³ Летопись Российской Академии наук. Т. IV. С. 197 ; Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № X. Заседание 10 декабря 1911 г. § 268.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101. Л. 37.

⁵ Там же. Л. 40.

пор пятидесятилетний период замыкается теперь новым и грозным испытанием; мысль русских людей с тревогой озирается назад, ища в прошедшем объяснения и уроков; перед ней восстает сложная жизнь государственная и общественная, то равная неудержимо вперед, то задерживавшаяся и сдавливавшаяся в естественном своем развитии. Этот сложный, еще не изученный, еще мало понятный процесс отразил в себе, между прочим, борьбу многих отживших начал с великим стремлением великого народа к духовному и нравственному развитию. Стремление это воплотилось в национальном самосознании, которым только с 1855 года начинают проникаться и правительственные и общественные сферы.

Вы, Владимир Иванович, были одним из ревностнейших представителей того национально-прогрессивного начала, которое было выдвинуто в первых десятилетиях XIX столетия в Западной Европе и затем взлелеяно у нас первыми славянофилами. Начиная с юной зари и до славного заката, с идеей национальности связывалось для Вас широкое понятие о насущных интересах нации во всей ее совокупности, и такая точка зрения держала Вас всегда в рядах передовых борцов нашей общественности. Об этом громко свидетельствуют не только публицистические, но и ученые труды Ваши: Вы будили ими общественное самосознание.

В начале шестидесятых годов, когда вострапавшая после продолжительной спячки русская мысль естественно направилась на критическую переоценку нашего прошлого и не окрепшего еще настоящего, Вы стремились указать обществу положительные идеалы. Вы искали их не там, куда были обращены взоры и надежды реакции, не в основаниях сословно-бюрократического государства, созданного Петербургским периодом, не в государственных порядках Московской Руси, — Вы хотели найти их в самом русском народе, в тех многовековых проявлениях его духа, которые Вам, как историку, филологу и этнографу, приходилось наблюдать и в политической, и в религиозной, и в литературной жизни России.

Эти искомые Вами свойства русского духа влекли Вас к изучению славянства, к знакомству с ближайшими родичами нашими, переживавшими вместе с нами, в одной неразрывной семье, тот продолжительный период, относящийся к эпохам доисторическим, когда складывались главные черты национального облика славянского племени. Славянство изучено Вами всесторонне: язык, литература,

культура южных и западных племен были предметами Ваших специальных исследований. С особенной силой манила и манит Вас к себе эпоха, когда закладывались среди славян первые элементы просвещения: деятельность первоучителей, изобретение алфавитов, начатки славянской письменности — вот на что направили Вы теперь свое внимание. И в выходящих из-под пера Вашего статьях виден все тот же мастер и художник, которому мы обязаны захватывающими картинами из эпохи чешского возрождения.

Вы с напряжением следили, следите и теперь, также и за политической жизнью славянских племен в прошедшем и настоящем. Вы убеждены в существовании настойчивого стремления со стороны германского и романского мира к материальному и нравственному порабощению славян; в Вас это стремление вызывает негодование; но Вы покойны за конечный исход борьбы: Россия представляется Вам могущественным и естественным оплотом всего славянства. Но, конечно, России и славянству страшен не современный Запад с его наукой и культурой: они с жадностью впитывают в себя эти блага возродившейся в XVI веке к новой жизни Европы. Им страшна средневековая Европа, все еще не отошедшая в вечность, все еще таящаяся в грозных для славянства политических организациях, все еще проявляющаяся в воинствующих стремлениях народного духа. Старые европейские порядки, продолжавшие существовать почти до самого конца XVIII века, наложили тяжелый отпечаток и на наш политический и общественный уклад. Ваши многосторонние занятия архивными делами XVIII века усугубляли в значительной степени Ваш страх перед воздействием мнимокультурных начал, воздействием, от которого Россия освободилась посредством благодатных реформ Александра II.

Известно, с какою любовью и надеждой Вы остановились перед личностью нашего великого Ломоносова: Вы посвятили ему начиная с 1863 года ряд статей и исследований, которые, мы надеемся, отразятся и на продолжающемся под Вашим руководством издании сочинений первого русского академика. Вы увидели Ломоносовский протест против захвата России средневековой Европой, Вы усмотрели в нем прообраз того будущего русского человека, перед которым только с 1861 года открылся путь развития и могущественного роста. И, конечно, в Ломоносове Вам дорога не одна его национальность, не одно русское происхождение: Вы подчеркнули его нравственное превосходство над многочисленными его врагами и с любовью остановились на его широкой русской натуре.

Постоянные занятия Ваши этнографией России ставили Вас лицом к лицу с вопросами об отношении русской народности к другим, вошедшим в состав нашего отечества. И Вы становились всегда на точку зрения, достойную нашего народа, решительно высказываясь в духе широкой терпимости. Мы с удовольствием вспоминаем Ваше участие в постановке вопроса о дозволении литовцам печатать свои книги латинским алфавитом. Академия Наук, внимательно следившая за ходом всего дела, оценила Вашу горячую защиту правильно понятых русских интересов.

Уважая Вас, как общественного деятеля, гордясь Вами, как одним из заслуженнейших членов нашей Академии, и любя Вас, как доброго и благородного товарища, мы просим Вас принять наш сердечный привет и искренние наши Вам пожелания долгих дней и здоровья¹.

Президент АН предпочел лично поздравить юбиляра и без предупреждения явился к нему домой. Зять Ламанского, В. П. Семёнов-Тян-Шанский, следующим образом описывал этот эпизод: «В 1904 г. в конце зимы или в начале весны праздновался 50-летний юбилей ученой деятельности В. И. Ламанского у него на квартире на Звенигородской. В 9 часов утра совершенно неожиданно явился *solo* президент Академии Наук великий князь Константин Константинович в тот момент, когда Владимир Иванович был еще не совсем одет. Ему пришлось подождать одному в кабинете, пока выйдет Владимир Иванович, ибо вся семья (так же, как и сам Владимир Иванович) абсолютно не знала правил придворного этикета, а потому все стеснялись выйти занимать его разговорами до прихода Владимира Ивановича. Позже, днем, явилось очень много народа. Из приветственных речей особенно трогательна была речь Владимира Васильевича Стасова, произнесенная его иерихонским трубным гласом. Мне было поручено заведовать корреспондентами газет. Их было около десятка...»²

В 1906 г. Ламанский получил чин тайного советника. В этом же году с 1 июня по 15 сентября он был командирован АН за границу «с ученою целью»³. В 1907 г. он вновь был направлен «для научных занятий» с 5 мая на четыре месяца в Германию, Австро-Венгрию и Швейцарию⁴.

¹ Там же. Л. 39 об—40.

² Семёнов-Тян-Шанский В. П. То, что прошло : в 2 т. М. : Новый хронограф, 2009. Т. 1 : 1870—1917. С. 478.

³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101. Л. 47.

⁴ Там же. Л. 49.

Ламанский, считавший себя политическим мыслителем, тем не менее активного участия в политической жизни не принимал. Его потенциал как практического деятеля оказался не востребованным. Ламанский сетовал на это обстоятельство в частных письмах, например, И. С. Аксакову. Переписка же с военным министром Д. А. Милютиным показывает, что в 1878 г., т. е. в период наивысшего патриотического подъема, вызванного войной на Балканах, Ламанский предлагал свои услуги по консультированию и анализу современной литературы в славянских землях. Впрочем, из ответа Д. А. Милютина следовало, что товарищ министра иностранных дел Н. К. Гирс отказался от услуг Ламанского. Из писем ученика Ламанского И. И. Соколова, жившего в эти же годы в качестве домашнего учителя в семье графа Н. П. Игнатъева, следовало, что накануне Русско-турецкой войны Ламанский выполнял тайные поручения известного дипломата. Служба в АН не способствовала политической активности. В архиве отложилось только одно свидетельство времен первой русской революции, указывающее на реакцию академического сообщества на мятежные события. 17 октября 1905 г. А. А. Шахматов направил Ламанскому письмо, в котором оповещал, что «А. С. Фаминцын просил меня сообщить Вам, что он приглашает Вас к себе завтра во вторник в 8 вечера для обсуждения на частном собрании всех академиков вопроса об отношении Академии к теперешним тревожным событиям»¹. Этим свидетельством, скорее всего, исчерпываются данные о политической «активности» Ламанского в начале XX в. Революционные события только усилили его пессимистические настроения. Он делился своими мрачными мыслями с учениками, из писем которых можно судить о душевном состоянии Владимира Ивановича в это время. Так, Т. Д. Флоринский писал ему из Киева 12 июля 1905 г.: «Я вполне разделяю Ваш пессимизм и безотрадно смотрю в ближайшее будущее»². А другой ученик, Н. В. Ястребов, признавался в письме 1 июля 1905 г., отправленном из Усть-Нарвы: «Меня за последнее время охватывают те мрачные предчувствия насчет рус<ских> дел, что Вы высказывали весной. Анархия все растет, а творчества госуд<арствен>ного все нет и нет. И война — в каком-то тупике»³. К области общественной инициативы следует отнести

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1525. Л. 53.

² Там же. Ед. хр. 1447. Л. 121 об.

³ Там же. Ед. хр. 1606. Л. 169.

участие Ламанского в подготовке чествования Л. Н. Толстого, о чем свидетельствует письмо к нему И. Е. Репина¹.

Публикационная активность Ламанского в АН ограничивалась в основном «разборами трудов», рецензиями и отзывами на сочинения, представленные на различные конкурсы и премии, некрологами (например, С. А. Рачинского (1833—1902)² и А. А. Майкова (1826—1902)³) и т. п. Под его редакцией вышло несколько томов «Сборника Отделения русского языка и словесности АН» (1901. Т. LXXIX; 1902. Т. LXX—LXXII; 1903. Т. LXXIII, LXXIV; 1904. Т. LXXV). Из крупных исследований Ламанского надо назвать «Славянское житие Св. Кирилла, как религиозно-эпическое произведение и исторический источник (критические заметки)», печатавшееся в «Журнале Министерства народного просвещения» (1903. № 3—7, 12; 1904. № 1, 4, 5), но оставшееся неоконченным. Отдельное издание вышло в 1915 г.

Библиография трудов Ламанского показывает, что большая часть его работ в последние годы жизни была опубликована в журнале «Живая старина», на страницах которого он выступал не только как редактор, но и как постоянный автор и рецензент. АН не препятствовала Ламанскому, проводившему на страницах этнографического журнала тот междисциплинарный синтез, которому он следовал и в своем творчестве. Порой Ламанский ссылался на свою редакторскую деятельность в журнале и в академических отчетах. Например, в отчете за 1902 г. он писал: «Академик В. И. Ламанский редактировал вышедшие в нынешнем году три тома Сборника (LXXIX, LXX и LXXI тт.), приготовил к печати критический разбор Паннонской теории Копитара, Миклошича и Шафарика, и, в качестве

¹ «11 марта 1908

Многоуважаемый
Владимир Иванович

Комитет Почина по чествованию Льва Толстого благодарит Вас за сочувствие и просит Вас войти в его состав. Комитет собирается по субботам в 3 часа дня в квартире М. М. Ковалевского (Моховая 32).

Примите уверение в совершенном почтении. Товарищ председателя Комитета

Илья Репин» (Там же. Ед. хр. 1212. Л. 1).

² *Ламанский В. И.* Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1902 год, составленный к торжественному заседанию Императорской Академии Наук 29 декабря 1902 года. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1903. С. 1—16.

³ Там же. С. 16—21.

Председательствующего в Отделении Этнографии И. Р. Географического Общества, продолжал редакцию основанного им 12 лет назад этнографического журнала “Живая Старина”»¹. Согласно Протоколу Общего собрания АН от 9 февраля 1908 г. Ламанский получил разрешение опубликовать в «Живой старине» «отчет академика В. В. Радлова об осмотре этнографических музеев, напечатанный в “Известиях” Академии»².

Ученики Ламанского в письмах учителю неоднократно выражали свои желания увидеть издание лекций Ламанского по истории славян. Сохранились многочисленные литографированные курсы лекций Ламанского в Петербургском университете, которые он читал на протяжении трех десятилетий. Ученый неоднократно порывался подготовить их к изданию, но из-за текущих университетских, домашних и прочих дел постоянно откладывал завершение работы. Переход в АН, освободивший Ламанского от преподавательских забот, внушал ученикам надежду, что он сможет обработать свои курсы по истории славянских народов для отдельного издания. К сожалению, Ламанский этого не сделал. Нет сомнения, что он не отказался от намерения опубликовать лекции, о чем сам упоминал.

Надо заметить, что отсутствие у Ламанского крупного обобщающего труда по славистике несколько затрудняет оценку его места в истории славяноведения. Историки признают, что Ламанский был крупным ученым, создателем «научной школы», автором многочисленных публикаций по различным вопросам славянской истории и филологии. Однако его славистические исследования не сложились в единую концепцию, не обрели целостность не только теории, но даже полного эмпирического описания. Это хорошо видно как из отзыва А. А. Шахматова, так и из написанного им же некролога.

Сила Ламанского состояла в другом. Он прежде всего реализовался не как университетский преподаватель, компилирующий в лекциях достижения современной ему науки, а как политический мыслитель, философ истории, мысль которого стесняло крохоборство кабинетной работы. Ламанский не чурался тяжелого архивного труда. Более того, главным своим научным достижением он считал издание сборника архивных документов и сопровождающих их исследований «Государственные тайны Венеции» (1884), над которым работал

¹ Там же. С. 31.

² Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № II. Заседание 9 февраля 1908 г. § 36.

пятнадцать лет. Однако извлекаемые из рукописей и архивов факты нужны были ему для обобщений философского и геополитического характера. Он постоянно продуцировал оригинальные гипотезы, предлагал новые, часто неожиданные для современников точки зрения. Его идеи нередко подхватывали другие мыслители, успешно синтезировавшие их в свои концепции.

Более детальное изучение и сравнение текстов Ламанского может показать, что его взгляд на славянство как на формирующийся самобытный культурный тип, способный стать вровень с историческими народами, был развит в известной книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869). После бесед с Ламанским на берегу Босфора в 1862 г. К. Н. Леонтьев заговорил о «византизме» как самостоятельной цивилизации. Из политической географии Ламанского, полнее всего высказанной в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка», выросло евразийство XX в.

Влияние Ламанского на русскую науку еще до конца не осознано. В том, что Ламанский не опубликовал свои лекции, было, вероятно, несколько причин. Он ушел из университета не без сожаления. Слишком много жизненных и интеллектуальных сил было отдано Петербургскому университету. Ламанскому психологически нелегко было вернуться к тем занятиям, которые он оставил в университете. Возможно, не подготовив лекции к изданию в свою лучшую университетскую пору (1870—1880-е гг.), он к началу XX в. «перегорел», отчасти утратил интерес к лекционным материалам. Конечно, он продолжал по-прежнему участвовать в жизни университета в качестве заслуженного профессора. И даже в АН возбуждал университетский вопрос. Например, 24 марта 1901 г. Ламанский вместе с академиками А. А. Шахматовым, А. Н. Веселовским, А. Н. Пыпиным и Н. П. Кондаковым на заседании Отделения русского языка и словесности предложили внести на Общее собрание вопрос об участии членов АН в пересмотре университетского устава 1884 г.¹ Ламанский в хорошем смысле этого слова был человеком увлекающимся, поэтому новое поле деятельности в АН захватило его. Он задумал написать труд, который бы заставил пересмотреть раннюю историю Руси. Это было «Славянское житие Св. Кирилла». К сожалению, стареющему

¹ Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. : очерки истории : в 2 кн. / сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. 2-е изд., испр. СПб. : Реноме, 2018. Кн. II. С. 798.

ученому не хватило сил довести исследование до конца. Не хватило их и для обработки лекций.

Перейдя в Академию наук, Ламанский не перестал беспокоиться о судьбе своих университетских учеников. Он, например, всячески поддерживал избрание Н. В. Ястребова на кафедру славянской филологии в Петербургском университете, хлопотал о получении А. Л. Петровым от Академии наук командировки на два-три месяца в Вену, Прагу и Кенигсберг для работы над «сборником грамот Генриха Итальянца» (1902)¹ и т. д.

С 1913 г. Ламанский уже не упоминается в Протоколах Общих собраний. Старческие недуги окончательно подорвали здоровье Владимира Ивановича, который скончался 19 ноября 1914 г. в 21.30. 22 ноября 1914 г. он был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры рядом с могилой жены и внука. На отпевании в Лавре присутствовал Президент АН, вел. кн. К. К. Романов, а с надгробным словом выступил старейший из учеников Ламанского, акад. Ф. И. Успенский². АН почтила память Ламанского на Общем собрании 29 ноября 1914 г. Были зачитаны телеграммы (от Общества истории и литературы в Москве, Императорского Новороссийского университета, Императорского Университета Св. Владимира, И. А. Линниченко и Болгарского славянского общества³), поступившие на имя вице-президента АН и акад. А. С. Лаппо-Данилевского⁴. Тогда же был заслушан и некролог Ламанскому, написанный акад. А. А. Шахматовым⁵. «Оставленные им труды, — писал А. А. Шахматов, — <...> не могут быть строго разграничены по их содержанию на чисто научные и чисто политические. Выступая с трактатами публицистическими, отзываясь на события дня, В. И. Ламанский подчинял свою политическую идеологию своим научно-историческим построениям; научно-исторические исследования В. И. Ламанского в сильной степени отражают на себе его политическое мировоззрение. Но все его трактаты и исследования проникнуты деятельною любовью к родине и беззаветным стремлением к ее благу»⁶.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1106. Л. 91 об.

² Семёнов-Тян-Шанский В. П. То, что прошло. Т. 1. С. 620.

³ Протокол Общего собрания Императорской Академии наук. № IX. Заседание 29 ноября 1914 г. § 201. С. 156.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101. Л. 56.

⁵ [Шахматов А. А.] Владимир Иванович Ламанский : некролог : (Читан в заседании Общего Собрания 29 ноября 1914 г. академиком А. А. Шахматовым) // Известия Императорской Академии наук. 1914. С. 1339—1352.

⁶ Там же. С. 1351.

ЯЗЫК, НАЦИЯ, КУЛЬТУРА

Ведь на всякую вещь должно быть свое имя.

*Из письма В. И. Ламанского Л. Н. Майкову.
9 марта 1880 г.*

Мы никогда не предполагали — ни в близком, ни в отдаленном будущем — вырывать, подобно Пушкинскому пророку, ни у чехов, ни у других нерусских славян их грешные языки и влагать в их замерзшие уста столь же грешный язык русский.

В. И. Ламанский

Признание роли языка в формировании самобытной культуры и выработке самостоятельных основ цивилизационного развития можно считать «общим местом» современной исторической и социально-философской мысли. Однако очевидность влияния языка на цивилизацию стала достоянием науки относительно недавно — в последней трети XIX в. В России обоснованию культуросозидающей роли языка посвятил ряд сочинений Ламанский.

Ламанский, как известно, был крупнейшим отечественным филологом-славистом, поэтому его обращение к языку было вовсе не случайным. Более того, он принадлежал к тому роду ученых, которые стараются изучать свой предмет с максимально широких позиций: истории, географии и даже политики. Ламанский был не столько узким специалистом, сколько мыслителем, стремящимся к широким обобщениям. Это позволило ему, опираясь на свои познания в славянской филологии и географии, разработать оригинальную цивилизационную концепцию. Согласно учению Ламанского цивилизационный мир распадается на три части: Романо-германский, или Европейский, мир, продолжением которого является Северная Америка; собственно Азия и Греко-славянский, или Средний, мир. Определяющими для такого членения были географические, при-

родно-климатические различия, которые во многом формировали социально-политическое устройство, хозяйственно-экономическую деятельность, психологический тип населения и его культуру.

В то же время Ламанский был одним из организаторов этнографических исследований в России. На протяжении многих лет он возглавлял этнографический отдел Русского географического общества, издавал журнал «Живая старина». По проекту Ламанского был основан Этнографический музей. Еще в 1860 г. свою обязанность в этнографическом отделе он видел следующим образом: «Определение, классификация человеческих племен по их физическим, лингвистическим и психическим, религиозно-бытовым (признакам. — А. М.) и описание человеческих племен и народностей в трех этих отношениях»¹.

«Глубочайшее проявление народного духа, язык сам в свою очередь имеет сильное влияние на склад народного ума и развитие народных понятий», — указывал Ламанский в своей докторской диссертации². Это влияние в исторической перспективе проявляется в первую очередь в формировании как нации, так и государства.

Развитие и распространение языка и вырастающей на его основе литературы — первейший указатель на цивилизационные достижения и в других сферах жизни. «Нигде промышленность и торговля не стоит высоко без высших знаний, без теории и науки, — отмечал Ламанский, — а они не делают успехов в тех странах, где общество слабо проникнуто уважением к самостоятельным, строго-ученым трудам или мало заботится о процветании отечественной литературы и распространения родного языка»³. К таким странам ученый относил и Россию. Согласно славянофильским сетованиям Ламанского, «дух официальности мертвит наше общественное движение, что разрыв и разладица старших и младших поколений, сея в семьях недоумения и несогласия, колеблют и шатают все общество, а его равнодушие и неуважение к родному слову воспитывает дряблые поколения без твердых основных убеждений, без всякого чувства народности и народного самопознания, без всякой мысли о великом призвании русского народа»⁴.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 46. Л. 2.

² Ламанский В. И. Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе. М., 1871. С. 220.

³ Ламанский В. И. Столетняя память М. В. Ломоносову. 4-го апреля 1865. СПб.: Тип. Бахметева, 1865. С. 41.

⁴ Там же. С. 42.

Воспитательная роль языка не сводится только к патриотическим внушениям. Язык выступает одним из обязательных условий формирования нации, а уровень его развития служит одним из оснований для отделения исторических народов от пасынков цивилизации. «История имеет дело с одними избранными, — провозглашал Ламанский. — Она нарушает это естественное равенство, возвышая и выделяя некоторые народы и языки в ряду прочих, которых затирает, давая им скромно прозябать или совершенно их заглушая. Так в человечестве возвышаются и выделяются народы исторические, великие национальности, создающие большие мировые державы и богатые литературы и образованности. Самостоятельная государственность и выработанный литературный язык — вот два необходимые признака великой исторической национальности. Если первая представляет собою вещественную силу и внешнее единство, то второй служит знаменем его единства внутреннего, залогом и скрепою его нравственных сил, главным рычагом его влияния на другие народы. Образование сильных государств и их содержание не обходится народам без тяжких пожертвований, затрат и лишений. Они оправдываются лишь высотой и величием идеи, во имя которой приносятся»¹. Конечно, с научной точки зрения или, по словам Ламанского, «на взгляд антрополога и лингвиста», все народности и языки равно интересны, равноценны и достойны изучения. Историческая же точка зрения позволяет не только сепарировать исторические народы от неисторических, но и демонстрировать, при каких условиях народность перерастает в нацию. К таким условиям Ламанский относил, в первую очередь, государственную независимость и развитую литературу, т. е. письменный язык, плодovitость которого соответствует потребностям общества и поддерживается постоянным спросом образованной публики. «Различие это условное, — замечал Ламанский в одном из лекционных курсов. — Нация выше народности; не все народности могут называться нациями, как не всякое наречие может быть культурным языком. Между ними есть существенные различия с исторической и культурной точки зрения. (Но все народы с антропологической точки зрения и все языки с исторической — представляют совершенно одинаковый интерес.) С исторической точки зрения только те народы имеют право носить название нации, которые представляют из себя само-

¹ Ламанский В. И. Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках. Историко-литературные и культурные очерки // Славянский сборник. СПб., 1875. С. 417—418.

стоятельное политическое тело и обладают развитой литературой»¹. Для правильного понимания взглядов Ламанского необходимо иметь в виду, что нация ценна не сама по себе, а как носитель самобытной культуры или цивилизации. Переход от народности к нации означает движение от племенной обособленной культуры к более плодотворной в творческом отношении цивилизации, которая, как правило, принимает форму крупного и сильного государственного образования. Цивилизация и нация, в отличие от народности и племенной культуры, означают большую творческую мощь и политическую силу, государственное могущество, воля которого должна проявляться не в насилии и экстенсиве власти, а в культурном созидании.

Здесь Ламанский отходит от славянофильского принципа: один народ — одно государство. Множество небольших государств дает лишь множество малых, слабо развитых культур. Сильная в творческом отношении культура является достоянием большого государства, объединяющего разнообразные народы и территории в одно политическое тело. «Впрочем, — рассуждал Ламанский, — доставление независимого материального положения каждой личности должно быть необходимою целью всех христианских образованных обществ. Политическая же независимость всех отдельных племен и народов никогда не была и по счастью не будет такою общею необходимостью. Для множества человеческих племен и народов она была и навсегда останется излишнею роскошью, без которой и они сами и человечество легко могут обойтись. Государственная самобытность и мощь, как достояние немногих избранных племен и народов, есть великое орудие цивилизации. Но если б можно было вообразить себе эту государственную самобытность уделом всех разнообразных племен и народов, то мы имели бы в ней один из величайших тормозов цивилизации. Невозможность совпадения государственных пределов с этнографическими всего лучше обличает тесную внутреннюю связь и зависимость самобытного государства от своеобразной культуры. Без более или менее обширной территории, без разнообразия племенных стихий, без исключительного предпочтения одного языка перед иноплеменными, одного наречия перед родственными, внутри данной территории, никогда бы не могла развиваться ни одна из великих исторически известных национальностей»².

¹ [Ламанский В. И.] Лекции по славянским наречиям, читанные профессором С.-Петербургского университета В. И. Ламанским за 1880—81 acad. год. [СПб.,] б. г. С. 23—24.

² Ламанский В. И. Видные деятели западно-славянской образованности ... С. 417.

Не рассматривая подробно Азию, Ламанский основное внимание уделял сравнению греко-славянского мира с романо-германским. Сходство или, по словам Ламанского, «аналогия» этих двух миров «проявляется особенно в том, что в каждом из них один из важнейших этнологических и культурных элементов принадлежит к народам классической древности»¹. Однако «разница в проводниках цивилизации»² привела к тому, что на Западе латинский язык получил широкое распространение, в то время как на востоке Европы вместо греческого широкое хождение получил древнеславянский письменный язык, а также различные диалекты славянского языка. Отношение славян к грекам имело совершенно иной характер, нежели отношение германцев к романцам. Во многом это объясняется различным численным соотношением славян и греков и тем, что у греков не было «государственного смысла». «Эта малочисленность греков, — замечает Ламанский, — нисколько не отнимает у них права на очень видное, почетное место в истории Среднего мира»³. Преобладание славян привело к тому, что греки не смогли привить свой язык другим народам. Более того, греки в значительной степени вобрали в себя славянскую стихию и в результате такого ослабления на исходе средних веков сами в широкой массе перешли в быту на славянский язык. В то же время греки признавали права народных языков. Все это имело далеко идущие исторические и культурные последствия. Господство латинского языка в школах Западной Европы способствовало лучшему знакомству германцев с римско-христианской и классической римской литературой, а вместе с этим и большему развитию образованности. Иная ситуация сложилась на востоке Европы. Сербь и болгары получили христианство от греков, русские славяне — от болгар. В результате славянская письменность была по преимуществу подражательной. Знакомство с классической литературой шло только через немногочисленные переводы и, как следствие, на христианском востоке образованность получила меньшее развитие.

Влияние греков имело характер не столько политический, сколько культурный. Их пример хорошо показывает, что распространение цивилизации не всегда идет одними политическими средствами. То, что греки не смогли привить свой язык народам, входящим в орбиту их культурного влияния, конечно, негативно сказалось на состоянии образованности и просвещения этих народов и, вероятно, на поли-

¹ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892. С. 51.

² [Ламанский В. И.] Лекции по славянским наречиям ... С. 39.

³ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. С. 53.

тической судьбе самих греков. И это должно послужить уроком их историческим наследникам. «Распространение языка известного народа вне пределов его отечества не находится ли в тесной связи с распространением умственного влияния этого народа на те страны, в которых принимается этот язык?» — риторически вопрошал Ламанский¹. При этом стоит желать, чтобы такое общение было взаимным. Оно ведет к взаимному обогащению культур. Поэтому изучение языка, истории и культуры других народов объективно способствует сближению народов. Распространение языка и обоюдное приобщение к культурным достижениям стирает границы между народами, способствует взаимному пониманию и уважению народов. В силу этого славянофильские призывы к изучению литературы, языка и культуры других славянских племен не преследуют обособления славян и не только укрепляют их взаимное общение, но и сближают русских с Европой. По словам Ламанского, «умственное и литературное наше общение с народами единокровными и изучение их истории, языков и литератур не удаляет нас от Европы, а только еще более притом разумно сближает и смыкает с нею»². Гуманистическая основа этих рассуждений ученого очевидна.

С другой стороны, отсутствие общего письменного языка способно отдалить и обособить даже родственные народы. «Без общих начал и идей, без грамоты и письменности, — замечал Ламанский, — племена самые близкие по происхождению с течением времени дробятся и раскалываются, расходятся врозь, подпадают чужой враждебной власти и чужим влияниям, лишаются своей целостности, теряют даже память об общем своем происхождении и первоначальном единстве, наречия их до того расходятся, что они перестают понимать друг друга. Когда соплеменные народности при взаимных сношениях начинают уже прибегать к чужому, иноплеменному языку, то они тем самым показывают свое взаимное отчуждение и большую свою близость к иноплеменникам, чем сородичам»³. Отсюда понятно, насколько необходимо литературное сближение славянских народов, познание их истории и культуры.

¹ Ламанский В. И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». СПб. : В тип. Импер. Академии наук, 1859. С. 120.

² Там же. С. 122.

³ Ламанский В. И. Кирилло-Мефодиевская идея // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1885. № 4. С. 210—211.

Однако на деле мы видим часто совсем другое. Изучение славянских языков и литератур в России, интеллектуальное и литературное общение с миром славянским, с горечью замечает Ламанский, не воспринимается в России в качестве важной научной и культурной задачи. Между тем, уверен историк, славянская взаимность существует искони. Гарантом такой взаимности, порождающей иллюзию панславизма, выступает близость языков. Ламанский убежден в этом с очевидностью «положения незыблемого, что славяне всегда и во все времена сознавали единство своего общего происхождения, а потому и через то самое чувствовали друг к другу взаимное притяжение, которое поддерживалось у всех сходством языка, ослаблялось у одних вероисповедною борьбою, скреплялось и освящалось у других единоверием»¹.

Принятие славянами христианства на родном языке повышало статус народного языка, превращало его в «язык культурный и дипломатический», способствовало лучшему усвоению народом идеалов христианства. Распространение же латинского языка в качестве богослужебного на Западе хотя и содействовало развитию образованности у высших слоев общества, но препятствовало усвоению христианства в народных массах.

К сожалению, исторические обстоятельства в значительной мере нивелировали то цивилизационное преимущество, которое дало славянам принятие христианства на родном языке. Благодаря просветительской деятельности свв. Кирилла и Мефодия у славян появился общий письменный язык. «Они создают славянам письменность. Они вступают в открытую борьбу с представителями латинства и германства за права славянского языка на культурное развитие, одинакие с языками греческим и латинским. И до новейшего времени и часто от лица лучших своих представителей романо-германский запад не перестает отрицать эти права у славянства, признавая его полезным в истории элементом лишь в качестве дрожжей романо-германской образованности, присвоив ему одну служебную роль в человечестве»². «Наш древнеславянский язык, — пояснял Ламанский в статье “Непорешенный вопрос”, — был первою попыткою славянского народного гения создать самостоятельную образованность с ее особым органом.

¹ Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб. : В тип. Имп. Академии наук, 1859.. С. 220.

² Ламанский В. И. Видные деятели западно-славянской образованности ... С. 455.

Это был один из первых видов проявления внутренней потребности славянского мира в одном общем или все-славянском языке; тут сказалось стремление народного духа к самосознанию, цельности и единству»¹. Древнеславянский язык вместе с византийским наследием принадлежит, таким образом, к основам культурной традиции славянства. Прежде всего, это имеет значение для России. «Для нас, русских, — уточнял Ламанский, — и для большинства славян, древнеславянский язык и письменность, византийская или греко-христианская образованность, греко-римское право составляют такое же главное образовательное орудие»². Верность этим началам во многом способствовала переходу от племенного существования к национально-государственному.

Формирование единого письменного языка необходимо для исторического и культурного развития народа, имеет свои особенности или, если допустить такое выражение, закономерность. «Сверх того, — рассуждал по этому поводу Ламанский, — всякий письменный язык, чем он древнее и богаче памятниками словесности, чем он образованнее и культурнее, тем более удаляется от собственно народного языка, который в свою очередь отличается тем большим диалектическим (так в тексте, должно быть — диалектным. — А. М.), чем народ сильнее и богаче историей, и, следовательно, чем разнообразнее его этнографический состав, чем более он поглотил или поглощает чуженародных стихий, чем обширнее его государственная область. В этом смысле всякий письменный язык есть язык искусственный и смешанный из нескольких говоров, поднаречий и наречий. Недостатки такой искусственности исправляются развитием грамотности в народе, быстрыми путями сообщений, гласностью судов, общим государственным значением языка, возрастанием больших городов, средоточий народной образованности, и национально-политическим развитием купечества. Стирая таким образом диалектические (диалектные. — А. М.) неровности живой народной речи, письменный национальный язык приближает ее к себе и сам с нею сближается, черпая ее богатства

¹ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I : Об историческом образовании славянского и русского языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. СХLI. С. 132.

² Ламанский В. И. Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете. Ч. I : Изучение славянства и русское народное самосознание // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. СXXXIII. С. 136.

и вдохновляясь ее творческою непосредственностью»¹. «В этом же приблизительно смысле, — пояснял Ламанский, — древнецерковный язык славянский не есть собственно известное народное наречие, а язык искусственный и смешанный»².

Многие народы долгой исторической борьбой и культурным трудом вырабатывают общий письменный язык. У славян же единый письменный язык появился, можно сказать, на заре их исторического существования. Однако впоследствии это единство было утрачено. Наибольшее различие «в степени и духе образованности между западным и восточным славянством», полагал Ламанский, было достигнуто в XV—XVI вв. Итогом такого культурно-исторического раскола стала не только утрата единого научного и дипломатического языка, но и государственности у большинства славянских народов. По мысли же Ламанского, политическая независимость и единый письменный язык являются важнейшими условиями формирования нации. «В самом деле корень бессилия и ничтожества славян, — писал историк, — заключается в том, что они, принадлежа к всемирно-историческому племени, одушевлены и проникнуты честолюбием всемирно-исторических народов, но в то же время лишены двух необходимых условий, без которых ни одна народность не может иметь всемирно-исторического значения и не заслуживает названия исторической национальности, ибо между понятием *народности* и *нации* есть существенное различие <...> Не всякая народность есть и может быть нацией. <...> ибо народы бывают нациями только при двух условиях — богатой литературе и при независимом государственном бытии»³. Большинство славянских народов не смогли стать нациями. Они либо утратили, либо оказались не в силах создать самостоятельные государства. Отказ от общего письменного древнеславянского языка привел к тому, что славянские народы в одиночку не смогли утвердить свою государственность. С культурно-исторической точки зрения потеря политической независимости и утрата единого письменного языка есть шаг назад в развитии. Если же славяне сохранили свои культурно-исторические притязания, то они должны вернуться к вопросу о едином славянском языке.

Борьба за общеславянский литературный, научный и дипломатический язык была, можно сказать, заветной мыслью и главной заботой Ламанского и как ученого, и как общественного деятеля

¹ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I. С. 126—127.

² Там же. С. 127.

³ Ламанский В. И. Из записок о славянских землях. Сербия и южно-славянские провинции Австрии // Отечественные записки. 1864. Т. 152. С. 680.

на протяжении всей его творческой жизни. Единый язык — необходимое условие цивилизационного существования и самобытного развития всякого народа. История сама, во избежание крайностей дробления языков и их обособления, приводит к доминированию одного наречия. Такой процесс лингвогенеза представлялся Ламанскому следующим образом: «В отношении языка человеческий род отличается величайшим разнообразием, которое с течением времени не уменьшается, а увеличивается в огромных размерах. Без противодействия этому стремлению языков удаляться от своего первоначального вида, разнообразиться на множество различных наречий, поднаречий и говоров, человечество навсегда было бы обречено на застой, взаимную вражду и полное подчинение самым грубым и мелочным интересам. Для противодействия этому разрушительному естественному анализу история человечества вызвала *игемонию*, искусственное предпочтение известных наречий, так сказать, создала особую аристократию между языками. <...> *игемония* известных языков или наречий есть великое благо истории, неперемное условие и первое требование прогресса, ибо без этой спасительной игемонии человечество дошло бы до того, что на всем земном шаре каждая группа, в несколько сот тысяч душ, имела бы свой особенный язык и не понимала бы другой, ей соседней, группы. Если бы все языки, наречия, поднаречия и говоры пользовались автономиею и равноправностью, то не было бы науки, образованности»¹.

Когда же одно из наречий берет на себя роль общего письменного языка, а значит, литературного и научного, языка, оно, по мере обогащения и роста национальной литературы, постепенно отдаляется от народного, разговорного языка. «Но такова уж судьба, таков исторический закон, — замечает Ламанский, — что всякий письменный, литературный язык, чем он древнее и богаче памятниками словесности, чем он больше развивается и культивируется, хотя при своем развитии он и должен черпать себе слова из народных стихий и из разных говоров, тем он более удаляется от собственного народного языка, от народных говоров»². Исторический закон, управляющий становлением литературного языка, быстро перерастает в закон достижения политического успеха и культурного процветания. «В человечестве же есть закон, — развивал свою мысль Ламанский, — по которому племена, не отказавшиеся от узких племенных притязаний,

¹ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб., 1865. С. 17–18.

² [Ламанский В. И.] Лекции по славянским наречиям ... С. 58.

но коим *каждый род живет и владеет особо*, всегда подчиняются племенам (особенно если они арийского семейства), разорвавшим оковы племенного патриотизма, сознавшим потребность общего литературного языка и избравшим в основание для него одно из своих местных наречий»¹. Законы, о которых говорит здесь Ламанский, конечно, не объясняют процесс литературного развития или государственного становления. Указывая на закономерность, историк стремится лишь подчеркнуть объективность и взаимосвязь этих процессов. Поясняя свою позицию, он писал: «У всех народов то племя, которого наречие достигает игемонии, первенства и преобладания, всегда бывает по преимуществу хранителем и носителем силы центростремительной, начала единения и общения»².

Мысль о едином литературном языке для славян высказывалась неоднократно. В XVII в. ее проповедовал Юрий Крижанич, затем с конца XVII столетия и вплоть XIX в. эту идею поддерживали многие славянские писатели (М. Бан, Й. Юнгман, Й. Шафарик, К. Кузмани, Я. Коллар и др.)³. В статье «Распространение русского языка у западных славян» Ламанский ссылался на «старую мысль, первые высказанную словаком Кузмани, о том, что только русский язык может и должен поднять славян на степень всемирно-исторического народа, объединив их в одной общей литературе и образованности»⁴. По-чешски эту мысль озвучивал не только К. Кузмани (1838), но и Ф. Клацел (1842), по-немецки — чехи Я. П. Иордан и Праус в «*Slawische Jahrbücher*» и «*Süd-slawische Zeitung*»⁵. Эта идея неслучайно родилась у западных славян, «к ней пришло западное славянство путем всей своей исторической жизни»⁶. За основу такого общего языка предлагали взять церковнославянский язык, или специально создать искусственный язык, или даже признать в качестве общего литературного языка славян русский язык. Ламанский замечает, что мысль о едином языке для славян, по крайней мере православных, мелькала

¹ Ламанский В. И. Столетняя память М. В. Ломоносову. 4-го апреля 1865. С. 33.

² Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 26.

³ [Ламанский В. И.] Лекции по славянским наречиям ... С. 49—53.

⁴ Ламанский В. И. Распространение русского языка у западных славян // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. СXXXIV. Июнь. С. 441.

⁵ Там же. С. 441—442.

⁶ [Ламанский В. И.] Лекции по славянским наречиям ... С. 54.

у М. В. Ломоносова. «Впрочем, — уточнял историк, — мысль об общем литературном языке, если не для всех, то для разных славянских народов, не раз возникала в различных землях славянских. В XV, XVI веке чешский язык был распространен не только в Польше, но и в Литве, а писатель польский, Лука Гурницкий, горько жаловался на предпочтение, которое отдают поляки языку чешскому перед своим отеческим. В XVI и XVII веке с необыкновенною силою распространяется польский язык в Малой и Белой Руси и Литве. Но с упадком западных славянских государств и с усилением политического могущества России, еще в XVII веке возникает мысль, что русский язык станет со временем общеславянским литературным языком. В северной Руси первый стал проповедовать эту мысль южный славянин, серб, католик Крижанич, а в южной Руси проводили эту мысль сами малороссияне»¹.

Из попыток языкового объединения славян в XIX в. заслуживает внимания иллирийская теория Л. Гая, согласно которой все южные славяне (хорваты, сербы, славонцы, далматинцы, словенцы, болгары) должны принять одно общее имя — иллиров, а их общим дипломатическим и литературным языком должен стать сербохорватский. Попутно Л. Гай развивал учение о миссии империи Габсбургов на славянском юге, призывая присоединить к ней Боснию, Герцеговину и другие югославянские земли. «Но главнейшая заслуга Гая, — подытоживал Ламанский, — состояла в том, что он за письменный хорватский язык принял язык сербский»². Теория Гая, однако, имеет частный характер и страдает тем же партикуляризмом, от которого так много претерпели в своей истории славяне.

Причины культурного отставания славян от других европейских народов и их политическое ничтожество Ламанский склонен был объяснять тем же отсутствием общего письменного языка. «Один беглый взгляд, брошенный на целое славянское племя в совокупности, — с горечью замечал он, — открывает ту юность, незрелость и даже отсталость, которыми оно отличается от родственных и соседних ему племен немецкого и романского. ...Проникая глубже в это резкое современное отличие славян от итальянцев и немцев, наблюдатель заметит, что оно главнейшее состоит в том, что славяне не имеют, подобно последним, своей общей оригинальной образованности, лишены того органа или орудия, без которого не может существо-

¹ Ламанский В. И. Михаил Васильевич Ломоносов : биографический очерк. Первые четыре главы. СПб., [1863]. С. 66.

² Ламанский В. И. Введение в славяноведение. [СПб., 1891]. С. 55.

вать никакое народное просвещение. Иными словами, у итальянцев и немцев есть общий литературный язык, а у славян его нет»¹. Политические несчастья славян являются следствием той же литературной обособленности, которая тормозит их культурное развитие. «Мы видим, — продолжал свою мысль Ламанский, — что нынешнее служебное положение и духовное подчинение саксонских, прусских, австрийских и турецких славян другим племенам очень мало или вовсе не зависит (о турках не говорим) от каких-нибудь внешних политических обстоятельств, а главнейше и даже единственно истекает от этой литературной автономии всех славянских наречий и племен. *Только прекращение этой автономии у славян признанием игемонии одного из наречий славянских может положить конец их нынешнему служебному положению и духовному рабству*»². Некоторый радикализм Ламанского в оценке причин плачевного положения славян в Европе объясним не столько историческим анализом их прошлого, сколько заботой о будущем этих народов. А в будущем, без принятия общего письменного языка, отставание славян от германских и романских народов будет только усиливаться. «Русское сердце может желать им успеха, — писал Ламанский, — верить в их надежды. Русский ум не может ожидать великой будущности для восьми маленьких славянских словесностей, которым в век железных дорог, телеграфов и непрерывно возрастающей специализации наук почти все приходится начинать сызнова»³.

Выход из того исторического прозябания, в котором оказались южные и западные славяне, Ламанскому виделся один — признание русского языка в качестве письменного языка для всех славян. «По размышлении зрелом, — надеялся историк, — славяне убедятся, что без известной игемонии не обходится ни один великий народ, ни одно историческое племя, что на деле, de facto, предводительство в мире славянском уже давно принадлежит России, что принять русский язык за общелитературный и дипломатический орган чехам, сербам, болгарам точно так же малоунизительно, как было ломбардцам, пьемонтцам, сицилийцам и неаполитанцам признать

¹ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 15—16.

² Там же. С. 17.

³ Ламанский В. И. Столетняя память М. В. Ломоносову. 4-го апреля 1865. С. 34.

тосканский общеитальянским языком»¹. Инициаторами придания русскому языку общеславянского статуса вновь выступили словаки. По словам Ламанского, «и на этот раз почин нового славянского движения идет от словаков, этого панславистического племени по преимуществу»². Ламанскому внушали оптимизм такие исторические события, как объединение Германии и Италии, введение дуализма в Австрии, признание русской журналистики в славянских землях, Славянский съезд 1867 г. «Нынешнею оживленною проповедью об общеславянском значении русского языка открывается новая эпоха в славянской истории», — провозглашал он³. С принятием славянами русского языка начнется и новая эпоха в развитии русской литературы и образованности, «когда она начнет проявлять свое всеславянское, всемирно-историческое значение»⁴.

Успех этого дела будет тем значительнее, чем более сами славяне будут стремиться изучать русский язык и чем больших успехов достигнет русская литература и наука, знакомство с достижениями которых будет необходимо для всякого образованного человека. «Постоянно с некоторых пор усиливающееся распространение русского языка у славян южных и западных и высшее самостоятельное развитие русской литературы, — оптимистично замечал Ламанский в 1865 г., — должно наконец привести славян к общему литературному и дипломатическому языку, имеющему положить предел распространению германизма в Австрии и вообще у западных славян»⁵.

Командировка Ламанского в славянские земли (1862—1864) только укрепила его уверенность в необходимости распространения русского языка среди славян и убедила в реальности его положительного исхода. Так, 2/14 июля 1862 г. он писал из Вены И. С. Аксакову: «С Дрездена я не перестаю говорить по-русски. Это только, по-моему, слабый намек на то, чем будет русский язык через какие-нибудь 50 лет, когда уже теперь при нашей цензуре, при жалкой книжной торговле, при отсутствии в землях славянских кафедр русского языка, русской литературы и истории он мог так

¹ Там же. С. 34—35.

² Ламанский В. И. Распространение русского языка у западных славян. С. 442.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 447.

⁵ Ламанский В. И. Речь при вступлении в звание председательствующего в отделении этнографии — в заседании 29-го января 1865 г. // Известия Императорского Русского географического общества. 1865. Т. I. Отд. I. С. 155.

распространиться»¹. А через два месяца (7/19 августа 1862 г.) признавался уже родителям: «Здесь в Венгрии, кстати сказать, нет ни одного мало-мальски образованного славянина, который бы не был убежден в том, что русский язык должен быть общим, письменным языком для всех народов Славянских»². Принятие русского языка западными славянами является лучшим средством сохранить свою народность и избежать неминуемого поглощения инородной стихией, в частности, германством. Положительные примеры Ламанский увидел в Австро-Венгрии. Он писал родителям из Вены 8/20 марта 1863 г.: «Хотя братцы славяне отучили меня совершенно от всякой антипатии к немцам, но я немцев все-таки знакомых не имею, и потому по-немецки говорю только с лакеями и магазинщиками, очень мало и редко. Потому мне кажется, я говорю по-немецки теперь так же бойко, свободно и правильно, как и до поездки за границу. Здесь в Вене даже на слав<янских> языках приходится мало говорить. Все мои знакомые говорят по-русски, с малыми исключениями. Я конечно об этом не жалею, ибо, не выдавши славян, я робко думал, что русский язык должен со временем стать общим литературным, общественным и дипломатическим языком для всех славян, а теперь для меня ясно, как день, что иначе из славян и выйти ничего не может; ибо представьте себе наших чухон, кореляков, грузин, киргизов и башкир образованными. Все они говорят по-русски, как русские. Так здесь все славяне развитых племен говорят по-немецки же. Они пишут по-немецки так, как очень немногие из наших немцев. Последнее время немцы без толку притесняли и дразнили славян, теперь перестают и для себя делают очень умно. Славяне так скорее могут быть онемченены, потому что с своими 8 языками и литературами им и думать нельзя тягаться с немцами. Славяне поумнее, кроме поляков, начинают понимать, что надо обратиться к русскому языку»³.

Распространять русский язык в славянских землях следует с большой долей корректности, чтобы не задеть политическое самолюбие юго- и западнославянской интеллигенции. Этот процесс должен носить характер чисто культурного влияния. «Итак, — писал Ламанский вскоре после возвращения из своей первой поездки по славянским землям, — мысль об общелитературном языке для всех славян и об избрании для сего — языка русского не только не исчезла в славянском

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2 об.

² Там же. Ед. хр. 44. Л. 35 об.—35.

³ Там же. Л. 53.

сознании, но, напротив, сделала в последние годы значительные успехи. Для окончательного торжества ее нужно рассеять различные недомыслия, очистить, освободить ее от всяких туманных представлений или политических мечтаний о федеративных союзах и *анексациях*¹. Однако политическая составляющая этого процесса, несомненно, присутствует. Но политическую выгоду распространение русского языка, уверен Ламанский, принесет прежде всего южным и западным славянам. Не только политическая независимость и культурная самобытность, но и само историческое существование славян во многом зависят от принятия ими русского языка. «Прежние безусловные приверженцы самостоятельности не только в отношении к политике, но даже и к языку, — с надеждой констатировал он, — мало-помалу приходят наконец к сознанию слабости отдельно взятых славянских народностей и решительной для них невозможности уберечь и обеспечить свою народную самобытность от посягательств и захватов сильных иноплеменников, без некоторого сближения и известных союзов или договоров с Россией, без принятия русского языка за общеславянский дипломатический язык»².

Тем не менее он отдавал себе отчет в некоторой доле утопичности своих ожиданий, сознавая, что принятие славянами русского языка в качестве языка литературного — дело будущего. Пока же слишком много препятствий мешают этому. И главное из них — неготовность славян принять русский язык и культурная слабость России, отягощенной политическим настроением, прежде всего отсутствием гарантированной законом свободы слова и совести, а также известная денационализация самой русской интеллигенции — носительницы национального сознания. Ламанский с горечью писал об этом: «Слабость нынешней интеллигенции славянской, действующей, по большей части, вопреки стремлениям своих народов, к разобщению и отделению славян от России, бедность русской литературы, различные, более или менее важные недостатки нашей гражданственности, несознание Россиею своего славянского призвания — все эти обстоятельства, вместе взятые, тесно между собою связанные и взаимно объясняемые, составляют главнейшее препятствие обще-

¹ Ламанский В. И. Столетняя память М. В. Ломоносову. 4-го апреля 1865. С. 29.

² Ламанский В. И. Предисловие к сочинению Л. Штура «Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная» // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1867. Генварь — март. Книга первая. С. III.

му разливу славянских волн, освобождению славянского мира от его оков и поднятию духа славянского на высшую степень напряженной, творческой деятельности великих, всемирно-исторических народов, достигающих самосознания и раскрывающих в это время самые сокровенные глубины духа. Такой момент, если только наступит для славян, непременно совпадет с образованием общего всем литературного органа или, что то же — с принятием русского языка за общий письменный язык всех племен славянских»¹.

В таких условиях, когда распространение русского языка в славянских землях остается преимущественно делом желаемого будущего, а не прагматичного настоящего, Ламанский как ученый взял на себя задачу исторического и теоретического обоснования необходимости разработки единого литературного языка для славян. Этому, в частности, он посвятил в 1869 г. цикл статей «Непорешенный вопрос». «В то же время, — отмечал он в связи с этим, — точные, строгие изыскания этого заброшенного и нерешенного вопроса пролили бы неожиданный, яркий свет и на историю русского литературного языка, и на всю историю славянства, раскрыли бы внутреннюю связь целых эпох, происшествий и явлений его исторической жизни, дали бы нить к решению многих сложных вопросов и толчок новым плодотворным изысканиям. Наконец, правильное понимание и научное изложение этого вопроса может иметь великое образовательное значение»². Ламанский обдумывал исследование, в котором намеревался проследить формирование общего литературного языка у других народов, в первую очередь европейских. Об этом он писал А. Н. Пыпину: «Одно время я подумывал проследить некоторые главные моменты в истории образования литературных языков и в их отношениях к живым наречиям, поднаречиям и говорам. Кое-что по этой части мною и собрано, напр., в Италии, перечитано и соображено по Греции и Риму, Французскому, немецкому и проч., отмечено несколько весьма любопытных данных по истории письменности в новой Индии (по языку урду и друг. наречиям) из любопытных отчетов Garcin de Tassy...»³ В сопоставлении всех этих исторических и современных данных о друг. народах и при соображении древних, старых и новейших отношений между Славянскими народностями

¹ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 77—78.

² Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I. С. 134.

³ Garcin de Tassy. La langue et la literature hindoustanies en 1871, 72, 74—77. Paris, 1872—1878. — Примеч. В. И. Ламанского.

и наречиями, многие темные стороны неожиданно освещаются... многое станет понятным и нечто даже практически полезным»¹. Письмо не датировано, но, вероятно, было написано около 1879 г. Ламанский так и не исполнил свой замысел. Позже близкое по тематике исследование предпринял его ученик А. С. Будилович².

Ламанский неоднократно указывал на связь политического могущества, крепкой государственности с языковым доминированием. И то и другое, по его выражению, было признаком «центростремительной силы» в народе. «У всех народов то племя, которого наречие достигает игемонии, первенства и преобладания, всегда бывает по преимуществу хранителем и носителем силы центростремительной, начала единения и общения», — писал Ламанский³. Неопределенность или, по крайней мере, отдаленность перспективы принятия южными и западными славянами русского языка не устраняет уверенности Ламанского в том, что это произойдет, если только у славян хватит решимости заявить о себе как о народе историческом. Для успеха этого дела одних усилий России недостаточно, нужно встречное стремление со стороны славян. Ламанский пояснял это следующим образом: «Объединятся ли когда литературно все славяне, подобно древним грекам и латинам, племенам итальянским и немецким, — решит будущее. Мы знаем только, что объединить их и сделаться общеславянским языком может только язык русский. <...> Во всяком случае, принятию русского языка за общеславянский, письменный и дипломатический, язык должно предшествовать укрепление в славянах уважения и сочувствия к России, развитие в них желания и потребности узнать Россию и русскую литературу, а этому преимущественно может способствовать энергическое проявление в русском обществе славянского самосознания и смелый, решительный выступ России на всемирное поприще, в качестве единственной державы славянской, имеющей своим историческим призванием охрану и защиту славянства от захватов, натиска и гнета иноплеменников»⁴. То, что Россия не следует своему историческому призванию, в той по

¹ Из переписки деятелей Академии наук / подгот. к печ. проф. Д. И. Абрамович. Л. : 2-я тип. Транспечати НКПС им. тов. Лоханкова, 1925. С. 95.

² Будилович А. С. Славянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава : В тип. Марии Земкевич, 1892. Т. 1. 437 с.; Т. 2. 377 с.

³ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 26.

⁴ Ламанский В. И. Чтения о славянской истории ... С. 150.

крайней мере степени, какая необходима для успеха славянского дела, Ламанский не сомневается. Но России по силам выполнить эту роль. Исторические обстоятельства, в которые она поставлена, предоставляют ей возможность развивать самобытную культуру. Другие славянские народы такой возможности лишены, поэтому их историческое будущее зависит от того, решатся ли они примкнуть к России, в частности, отказавшись от своего национального эгоизма и самолюбия, принять русский язык. Альтернативой такой решимости выступает историческое небытие и культурное ничтожество. «Не все народы, — рассуждал Ламанский, — достигают зрелости и мужества, высшей образованности необходимого ей органа, общелитературного, богато-обработанного языка. Младенчество же и юность, время процветания эпоса были у всех народов. <...> Эпический дух и язык непременно исчезают в народе с развитием в нем потребности к анализу, с появлением начатков науки и высшей гражданственности. И благо тому народу, который успеваеет приспособить свой язык и приладить свой быт к этим новым высшим потребностям, то есть образовать общелитературный язык и сложиться в более или менее плотное государственное тело. <...> За исключением же русского народа, ни одно из племен славянских не в силах теперь создать собственными средствами и на собственном наречии такой богатой литературы, которая бы отвечала всем условиям современной науки и образованности и, следовательно, освободила бы их от зависимости и подчиненности чужим, сильнейшим племенам, имеющим государства и общий литературный язык»¹.

В любом случае перед немногочисленными народами, лишенными своей государственности, остается один путь — подчинение более сильным и плодотворным культуре и языку. Только принятие русского языка позволит другим славянским народам, сохраняя и развивая свою национальную культуру, приобщаться к достижениям мировой культуры и знакомить другие народы с результатами собственного культурного творчества. В противном случае приобщение к плодам мировой культуры будет идти помимо национально культуры, что в перспективе означает полную ассимиляцию. Борьба за национальный язык у таких народов уже сейчас ведется в невыгодных условиях. Представители этих народов вынуждены усваивать язык государствообразующей нации. «Такие народы, —

¹ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 48.

уточнял Ламанский, — одним своим наречием довольствоваться не могут, а по причинам культурным и государственным должны в совершенстве владеть еще другим чужим языком. Этот второй их национальный и отечественный язык (в противоположность их домашнему, семейному и родному) есть их язык государственный и язык высшей образованности. Благодаря усвоению себе этого второго языка, малые народы, неспособные к созданию самостоятельного государства и самобытной образованности, становятся равноправными гражданами великих государств и деятельными вкладчиками всемирно-исторических литератур и культур»¹. Политическая и культурная зависимость славян от других народов, безусловно, не лучшим образом сказывается на развитии их языков. Они вынуждены говорить на неславянских языках. «Все не-русские славяне без исключения, — писал Ламанский, — если сколько-нибудь примыкают к так называемой интеллигенции, принуждены быть, как говорилось у римлян, *bilingues* или *trilingues*. Не владея совершенно свободно, устно и письменно, одним или двумя иностранными языками, эти славяне не могут ни достичь сколько-нибудь высшего образования, ни употребить своих способностей на каком-нибудь поприще»². Только русские могут позволить себе по собственному произволению изучать тот или иной иностранный язык, причем исключительно для образовательных и культурных целей. «Только для славянина русского его родной, славянский язык есть вместе и язык культурный и язык государственный», — заключал Ламанский³. Такая лингвистическая роскошь дорогого стоит.

Из иностранных языков первостепенное значение для славян имеет язык греческий как язык культурный, связывающий славян с наследием Античности. Еще в магистерской диссертации Ламанский предлагал ввести преподавание древнегреческого языка в средних учебных заведениях, а в высших — изучать новогреческий язык и греческую историю с IV в.

Греческий язык указывает на общую для большинства славян культурную традицию, связывает их общим историческим прошлым. Но греческий язык — это действительно прошлое. В качестве культурного достояния он необходим славянам для осознания и воспро-

¹ Ламанский В. И. Евреи и немцы в Привислянском крае // Русский вестник. 1879. Март. С. 377.

² Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. С. 66—67.

³ Там же. С. 68.

изведения традиции. Но будущее в славянском мире принадлежит не греческому языку, а русскому.

Русский язык самой историей предназначен стать общим языком славянства. В русском народе полнее всего проявились центростремительные силы; он создал сильное государство, которое, по мысли Ламанского, служит лучшим гарантом успешного распространения русского языка. «Таким образом, — рассуждал он, — раскрываются два явления, обратно противоположные. Они совершаются не только в наречиях и письменности, но и в жизни политической. С одной стороны, история сплавливает, объединяет, централизует, с другой — раскалывает, дробит, разъединяет <...> При самом почти начале исторической жизни славянства из совокупных усилий лучших его людей возникает письменный язык, готовый стать общим достоянием различных его племен, все-славянским литературным и дипломатическим органом. Но одни славянские ветви гибнут, никогда не узнавши и не успевши принять христианства на родном языке. Другие мало-помалу его утрачивают, бросают и забывают, принимаются за литературную обработку своих местных, народных наречий, сознательно предпочитая идее общего, началу единства диалектическое (диалектное. — А. М.) разнообразие и племенную автономию, или невольно, бессознательно следуя движению центробежному. Наконец, третьи, самые многочисленные племена славянские, между Белым и Черным морями, между Балтикою и отрогами Карпат предпочитают идею общего и начало единства, следуют в своем развитии движению центростремительному. Вследствие особых исторических обстоятельств и географического положения, благоприятного государственному и этнографическому единству, эти племена успели наконец сложиться в единый великий русский народ и представить единственное в истории славянское явление обширной, могущественной, крепкой, тысячелетней державы. В противоположность слабейшим, малочисленнейшим племенам задунайским, закарпатским и завислянским (ибо Висла была собственно настоящею границею русского и ляшского племени), эти сильнейшие восточные племена, настоящее ядро славянства или — что то же — народ русский, приняв в основу своего племенного языка древнецерковный, общеславянский язык, одни сохранили и сберегли эту основу по настоящее время. Действительно, по своим историческим преданиям, по своему внутреннему составу и содержанию из всех племенных наречий славянских русский язык есть наименее местное, племенное наречие, всего менее *диалект*»¹. Аналогия, а для

¹ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I. С. 142—143.

Ламанского скорее гомогенность политических и языковых процессов, дает основание надеяться, что русский язык объединит всех славян в единое цивилизационное пространство, как в свое время Русское государство политически объединило народы, населяющие Восточно-Европейскую равнину. Насколько буквально следует понимать тождество языковых и политических явлений, Ламанский не уточняет. По крайней мере он признает их тесную взаимосвязь.

Принятие русского языка пойдет на пользу прежде всего южным и западным славянам. Только общий язык сможет преодолеть расколотость славянского мира, обуздать эгоистические интересы, ограничить взаимные притязания, заглушить старые обиды. «Народная раздробленность, — писал Ламанский, — местный партикуляризм, племенная вражда и зависть, господство различных иноплеменных стихий у наших единоверцев и соплеменников — все это вызывает и требует распространения у них языка русского, как общего и дипломатического и культурного органа, с усвоением которого они только и могут выйти из положения каких-то метисов, креолов романо-германского Запада или ингредиентов чужих племен, получают возможность кристаллизироваться и выступить перед Западом, как самобытный исторический тип, вполне ему равноправный»¹. Несмотря на некоторую утопичность ожиданий, Ламанский верно подмечает, что, только оперевшись на русский язык, славянство сможет проявить себя «как самобытный исторический тип»; что на славянофильском жаргоне означает самостоятельную культурную деятельность, плоды которой будут иметь всечеловеческое значение. Примечательно использование Ламанским выражения «культурный тип» в цикле статей «Непорешенный вопрос» в то же самое время, когда Н. Я. Данилевский приступил к журнальной публикации своей книги «Россия и Европа». Общий язык — средство культурного объединения славян и соединения их в единую национальность. «Будет у мелких славянских племен один общий язык славянский, — отмечал Ламанский, — тогда явится и славянская национальность, правда, раздробленная политически, но единая в общей образованности, науке и высшей литературе»². Без общего языка, настаивает Ламанский, нет нации.

Однако формирование отдельных славянских национальностей — это не та цель, которую желает Ламанский. Малочисленность этих

¹ Там же. С. 147.

² Там же. С. 147—148.

наций, их политическая несамостоятельность, даже при условии обретения государственной независимости, и культурная малопродуктивность для Ламанского очевидны. Политическая независимость — вполне достижимая цель. Ламанский же мечтает о том, чтобы славяне стали реальным, полноправным субъектом исторического процесса, а для этого необходимо, чтобы они «сложились в один всемирно-исторический народ». Вот его слова: «Славянские разновидности могут — идут к тому, чтобы — сложиться в один всемирно-исторический вид, ибо кроме русского языка, ни одно из восьми наречий славянских с своими словесностями не может избавить эти восемь славянских народностей от жалкого, зависимого положения от иноплеменных влияний»¹. Политический вопрос с этой точки зрения имеет второстепенное значение. «Все же толки о славянских федерациях, — уточнял Ламанский, — без предварительного решения вопроса об общеславянском языке, принадлежат к величайшим бессмыслицам. От нас требуется много энергии, сильного напряжения духа, чтобы добровольное принятие нашего языка славянами за общеславянский язык сделалось для них внутренней, нравственной необходимостью. Для этого нужно, чтобы русский язык стал носителем великих начал любви и свободы, необходимым деятелем общечеловеческого просвещения»². Ученый подчеркивает, что не русскому языку нужны южные и западные славянские народности, а, напротив, эти народы нуждаются в русском языке, поскольку он имеет общечеловеческое, цивилизационное значение. Создается впечатление, что парадоксальность такого положения Ламанским до конца не осознавалась. Славяне могут стать историческими народами только при условии выработки самобытной культуры, что невозможно без опоры на русский язык, как носитель общечеловеческих начал. Только приняв русский язык, славяне могут проявить себя как историческое племя, но для этого нужно, чтобы сам русский язык и, соответственно, его носитель — русский народ, достиг уровня цивилизационной зрелости. Принятие или непринятие русского языка — это вопрос не о политическом влиянии России, а о цивилизационных приоритетах славянских народов и об их культурной состоятельности. То, что было достигнуто славянами в области культуры, — достойно уважения и сохранения, но их дальнейшая

¹ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 91.

² Там же. С. 92.

успешная творческая деятельность без ориентации на русский язык невозможна. Вопрос не в том, стоит или нет принимать русский язык, а в том, способно ли славянство на дальнейшее творческое развитие и сможет ли оно сохраниться как национально-культурное целое. Альтернативой принятию русского языка будет ассимиляция, денационализация, а затем и историческое небытие. Осознать это должны сами славяне и добровольно признать русский язык общеславянским дипломатическим, научным и литературным языком. «Для принятия славянами русского языка дипломатическим языком и общим органом высшей образованности прежде всего потребно их добровольное согласие, ибо о насильственном распространении не может быть и речи»¹.

Правда, одного желания славян принять русский язык мало; должно быть встречное движение со стороны русского общества. А в нем, с горечью констатирует Ламанский, славянское самосознание развито чрезвычайно слабо. Русская идея — славянская идея. Она проявилась в государственном строительном таланте русского народа, она приняла в себя имперскую идею из Византии не для политического самодовольства, не для упивания своей государственной мощью, а для того, чтобы поддержать другие славянские народы. Русское государство не самоцель, а опора для других славян в их борьбе за свою политическую независимость, в их историческом и культурном развитии. У Ламанского не было иллюзий относительно того, насколько современная ему Россия соответствовала своему историческому предназначению.

Цель исторического существования любого народа — развитие самобытной культуры. Из всех славянских племен только русский народ, полагал Ламанский, в настоящее время способен к такому развитию. Остальные славянские народы вынуждены ориентироваться на более продуктивные в культурном отношении и более крупные народы. Но только при поддержке русского народа славяне смогут поднять свою национальную культуру. Для таких совместных усилий необходим общий орган культурной деятельности, а им может быть только русский язык. «Что славянский мир, — с надежной писал Ламанский, — может выйти из своего нынешнего жалкого, служебного и рабского положения не иначе, как самостоятельным развитием оригинальной славянской образованности, что никакого сильного, мощного развития не могут достичь ни в искусстве, ни

¹ Там же. С. 91.

тем более в науках, 9 маленьких литератур, обрабатываемых народами, которые в совокупности не составляют и полных тридцать миллионов — в этом не может быть ни малейшего сомнения, точно так же, как и в том, что русский язык и литература в своем дальнейшем развитии должны достичь колоссальных размеров. Ввиду этих двух фактов — малочисленности, внешней и внутренней слабости 9 славянских народностей вне России, и многочисленности, внешней и внутренней силы нашего народа, мы, русские, не можем не верить в будущность русского языка, как общего литературного языка для всех славян. Чем более мы будем узнавать славян, тем яснее будет представляться нам необходимость и неизбежность такого исхода. Вместо всяких грез и мечтаний, на славянский манер, о значении и последствиях такого явления, которое во всяком случае лежит в довольно далеком будущем, мы, русские, обязаны усердно изучать все народности славянские в их прошедшем и настоящем, знакомиться со всеми господствующими у них направлениями и заботиться о распространении русского языка вне пределов России, об устройстве правильных книжных сношений с разными землями славянскими»¹. Поддержка и развитие славяноведения в России, таким образом, воспринималось Ламанским в качестве необходимого шага к сближению славянских народов, а на перспективу — распространения среди славян русского языка и, безусловно, исполнения Россией своего исторического призвания. «Вообще, — замечал историк, — объединение племен, не только политическое, но и литературное, всегда происходит очень медленно»². Упоминая об этом, Ламанский приводил примеры из истории Древней Греции, Италии, современной Франции.

Говоря об отдаленной перспективе принятия славянами русского языка, Ламанский тем не менее имел в виду вполне конкретные сроки. Сознывая себя не только ученым, но и политическим мыслителем и даже имея склонность к политической деятельности, правда, не востребовавшей, Ламанский предлагал не утопический проект, а исходил из политических и культурных реалий своего времени. Он полагал, что отношение к русскому языку в славянских землях может измениться в продолжение жизни одного поколения, т. е.

¹ Ламанский В. И. Из записок о славянских землях. Сербия и южно-славянские провинции Австрии. С. 689—690.

² Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. С. 20—21.

в течение 25—30 лет. «Привязанность различных племен славянских к своим родным наречиям и местным писателям, — отмечал он, — заслуживает всякого почтения и уважения. Но ее разумные основания и деятельность не потерпят никакого ущерба с признанием игемонии русского языка. <...> С увеличением железных дорог, с расширением торговых и литературных связей русских со славянами, с успехами русской гражданственности и литературы, можно смело надеяться, что к концу нашего столетия, каждый образованный южный или западный славянин будет вменять себе в обязанность точное знание русского языка»¹. Почему этого не произошло? В чем ошибся Ламанский, давая свой прогноз? Неоднократно бывая в славянских землях, он достаточно трезво оценивал складывающуюся там ситуацию. Это хорошо видно даже не столько из его статей, сколько из его писем. Русский язык может стать общеславянским дипломатическим и литературным языком только при условии взаимного стремления к этому русских и других славянских народов. Но такого встречного движения не было. Русская внешняя и внутренняя политика не была проникнута целями сближения славян, славянское самосознание не получило широкого распространения в русском обществе. Идею славянской взаимности пропагандировали отдельные энтузиасты, типа самого Ламанского. Русское правительство так и не смогло оценить геополитическую силу русского языка. И, надо заметить, что в понимании этого Ламанский не только превосходил современных ему политиков, но и во многом опережал свое время, полагая, что на смену военно-политическому противостоянию приходит борьба цивилизационных начал.

Из других причин, препятствующих принятию славянами русского языка, Ламанский называл скудость самой русской литературы. Еще в своей магистерской диссертации он писал: «Едва ли теперь не время нам убедиться и сознаться, что слабое поныне распространение русского языка вне пределов России имеет главнейшею своею причиною не недоброжелательство к нам европейцев, а ничтожное в нас, русских, развитие производительности и самодеятельности. Говоря вообще, не потому русских сочинений не читают и не переводят на западе, что не хотят: а и хотели бы иногда, да нечего!»² Конечно, долгий жизненный путь ученого способствовал

¹ Там же. С. 21.

² Ламанский В. И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». С. 114.

тому, что он пересмотрел свое отношение к русской литературе. Мировое значение русской литературы — лучший залог успеха в распространении русского языка. Это, к сожалению, не всегда замечают славяне, но отмечают внимательные европейцы. В конце жизни (1910 г.) он писал своему бывшему коллеге по кафедре славянской филологии И. В. Ягичу: «Впрочем, в семьях часто бывает, что ни родители, ни братья, ни сестры, хотя и любят своего свата и брата, но не признают за ним ничего особенного, хотя чужие уже давно его высоко оценили»¹. В еще одном недатированном письме И. В. Ягичу, вероятно, относящемся также к 1910 г., он рассуждал об успехах русской литературы и языка, который в полной мере может называться языком всемирным: «Смерть нашего великого писателя Л. Толстого напомнила мне Ваше письмо ко мне о том, что русский язык еще не мировой, благодаря силе нашей бюрократии, и благодаря ей он и быть не может. Но так ли это? Пушкин и Грибоедов, Гоголь, Достоевский, Толстой — ведь это великие, гениальные писатели не в славянстве лишь, но в целом европейском мире, а частью и в Америке (сев<ерной>). Русский язык — мировой и потому что на нем говорят сотни тысяч наших инородцев и нескольких сотен и даже тысяч японцев и китайцев, живущих в России. Нынче летом в Гунгербурге (верстах пятидесяти от Петербурга) я спросил одного китайского разносчика шелковых материй, сколько их теперь в Петербурге — не менее 30 чел., а в Москве еще больше — и все они очень свободно говорят по-русски, а внутри Европ<ейской> России и в Сибири, а также и в нашей Манджурии и Владивостоке. Мне говорили наши студенты, что студенты наши китайцы много читают русских писателей, есть между ними большие поклонники Чернышевского, а также Толстого. Сколько миллионов наших инородцев финской, тюркской, монгольской рас знают хорошо по-русски. Припомните, что в Англии в Оксф<орде> и Ливерп<ульском> универс<итете> преподают историю России, русской литературы и русского языка. Как же русский язык не мировой? Сколько тысяч в России немцев, французов, итальянцев и англичан, прекрасно владеющих русским языком, и сколько из них обруселых, женатых на русских.

Вообще западные европейцы знают Россию гораздо больше и лучше западных славян. Конечно, западные славяне Добровский, Миклошич, Вы лучше европейцев-славистов знаете русский язык и нашу старую письменность, но европейские политико-экономи-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 8.

сты или историки искусства — лучше всех зап<адных> славян знают и понимают нашу старую архитектуру и современную живопись и изящную словесность, нашу промышленность и нашу торговлю, нашу армию, нашу науку — наших математиков, натуралистов, наших знатоков востока, наших географов-путешественников по сев<ерной> и средней Азии, а также по южной М<алой> Азии и Палестине. ... Наша литература представляет целый ряд больших томов наших путешественников в Монголию и в Китай. Мы имеем несколько важных трудов о буддизме Васильева (синолога), Захарова, Минаева, Щербатского и друг. Как же, скажите, русский язык не мировой язык»¹.

Главное убеждение Ламанского, которому он следовал в своей жизни, состояло в том, что наука, литература, искусство могут развиваться только на национальной почве. Народность — основа творческих достижений культуры каждого народа. Кроме того, результаты культурного творчества зависят, если можно так выразиться, от национально-государственного масштаба субъекта такого творчества. От малочисленного народа, не имеющего своего государства, едва ли стоит ожидать больших культурных достижений. Не без некоторой доли иронии Ламанский замечал: «Явление известных великих дарований в той или другой стране вовсе не так случайно, как то может казаться взгляду поверхностному. Для них всегда нужна известная подготовка — богатая народная почва, хорошее историческое возделывание. Странно бы было, например, ожидать когда-либо от Лифляндии не только Шекспиров, но и Пушкиных, Мицкевичей, Гоголей, Аристофана от острова Эзеля или Сервантеса от Курляндии»².

Уходит в прошлое время, когда всемирно-историческую роль играли отдельные народы и образованные ими государства. Настало время, когда всемирно-историческое значение приобретают языки, а отсюда и культурно объединяемые ими народы. Из современных европейских языков три романских языка (французский, итальянский и испанский) и два языка германских (английский и немецкий) занимают господствующее положение и «достигли более или менее значения всемирно-исторического»³. Языки немногочисленных славянских народов в силу политических и культурных обстоятельств оказались в сложном положении. Старые народы Греко-Славянского

¹ Там же. Л. 12.

² Ламанский В. И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». С. 114—115.

³ Ламанский В. И. Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе. СПб., 1871. С. 48.

мира, такие как греки, армяне, грузины, имеющие богатую культурную традицию, ныне не только малочисленны, но и слабы политически и культурно. Поэтому Ламанский настаивал: «В нашем мире ни один из современных языков, кроме русского, не может иметь притязания на значение всемирно-историческое, на сколько-нибудь большое распространение вне пределов своих тесных родин. Для всех этих славянских народностей и многочисленных инородцев орудием обоюдного понимания и взаимной связи, общим дипломатическим органом и даже языком высшей образованности может быть только язык русский»¹. В настоящее время лишь русский язык может взять на себя цивилизационную роль объединения и общения народов Греко-Славянского мира, а следовательно, и приобрести всемирно-историческое значение.

Языковое сближение славян, конечно, представляет собой разновидность идеологии панславизма и, соответственно, является достоянием романтической эпохи. Различные варианты панславизма, в частности, теория австрийского панславизма, иллирийская теория Л. Гая, Й. Ю. Штроссмайера и Ф. Рачкого, чешская теория панславизма Ф. Палацкого, К. Гавличка и Ф.-Л. Ригера в той или иной степени предполагали оживление и возрождение национальных славянских языков. Но все это было не более как романтическое увлечение народностью, ее этнографическим бытом, историей, словесностью. Это, безусловно, принесло известные плоды в отдельных славянских литературах. Задача же распространения русского языка — задача другого порядка. Ее решение стало возможным именно с подъемом национальных литератур. Распространение русского языка в славянском мире имеет значение не литературное, а цивилизационное. «Настоящее распространение русского языка у южных и западных славян, — отмечал Ламанский в своей первой лекции в университете, — стало возможно только после пробуждения их народностей и, следовательно, после образования или возрождения всех славянских наречий и словесностей. Его утверждение, как языка дипломатического и органа высшей образованности у всех племен славянских, не только не угрожает дальнейшему развитию их особых наречий, но даже обеспечивает их будущее, ибо есть единственное средство, которым эти племена могут освободиться от преобладания и господства у них языков иноплеменных»².

¹ Там же. С. 49.

² [Ламанский В. И.] Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского. М. : В тип. Бахметьева на Малой Дмитровке № 14, 1865. С. 27, примеч.

Если же русский язык займет подобающее ему место в Греко-Славянском мире, а русская наука и литература получат всеобщее признание, то изучение русского языка станет потребностью не одних только славян и народов, населяющих Средний мир, но всякого образованного и культурного человека. «Со временем, — писал Ламанский в работе о М. В. Ломоносове, — знание русского языка станет обязательным для каждого европейца, как теперь знание французского, английского и немецкого языков. Русская академия наук, как и все ученые учреждения в России, должна быть одушевлена этим благородным и высоким стремлением русского общества и народа к мирному и свободному (не насильственному) распространению русского языка вне пределов России»¹. Говоря об этом, Ламанский недвусмысленно намекал, что это может произойти только после русификации самой Академии наук в Петербурге.

Без принятия русского языка и, как следствие, без политической и культурной ориентации славян на Русское государство и русский народ, все малочисленные славянские народы обречены на политическое ничтожество и культурное прозябание. Еще в 60-е гг. XIX в. Ламанскому казалось, что такая ориентация заметна в славянских землях. Об этом он, в частности, писал в предисловии к работе словацкого панслависта Л. Штура «Славянство и мир будущего». Здесь же Ламанский указывал и на возможное направление распространения русского языка: «Если русскому языку действительно суждено быть общеславянским дипломатическим языком, то его распространение у славян произойдет преимущественно через Угорскую Русь и словаков»². Еще вскоре после возвращения из своей первой командировки в славянские земли Ламанский, не будучи уверен в том, что сможет получить место преподавателя в университете, всерьез задумывался о переезде в Угорщину, где надеялся найти возможность для практической реализации своих представлений. Практическая деятельность необязательно означает участие в политической жизни. «Но одна политика в жизни народов, — замечал Ламанский в книге “Три мира Азийско-Европейского материка”, — далеко не первой важности дело. Ее значение в истории скорее второстепенное или

¹ Ламанский В. И. Столетняя память М. В. Ломоносову. 4-го апреля 1865. С. 8—9.

² Ламанский В. И. Предисловие к сочинению Л. Штура «Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная». С. VI.

третьестепенное»¹. Более существенно распространение русского языка и литературы, знакомство других народов с православием. «Распространение русского языка и русской литературы за границей есть конечно один из высших интересов русского народа», — констатировал мыслитель².

Конечно, совершенно отстраниться от политики в этом деле невозможно. Нужно лишь, чтобы политические цели не расходились с потребностями русского народа, чтобы интересы политики совпадали с интересами народа. Правда, политическими средствами следует поддерживать и укреплять русский язык внутри страны, а не на внешнеполитическом поприще, где это начинание при топорности русской дипломатии примет форму большего или меньшего насилия. «Свобода мысли и устного и печатного слова, распространение грамотности в народе и знания русского языка у инородцев, утверждение его государственного значения во всех окраинах России, — писал Ламанский в статье “Непорешенный вопрос”, — все это принадлежит к важнейшим задачам русской внутренней политики и вместе составляет различные стороны одного и того же вопроса о важнейших правах и задачах русского языка»³. Примечательно, что мысль о развитии русского языка сопровождается у Ламанского обязательным славянофильским требованием свободы слова.

Итак, для Ламанского вполне выясненным является вопрос о преимущественном праве именно русского языка быть общекультурным и дипломатическим органом славянских народностей. «В нашем мире, — писал он, — нет национальности и образованности, нет языка, которые бы могли оспаривать первенство у русской национальности и образованности, у русского языка»⁴. Посредством распространения русского языка, интеллектуально и культурно сближающего славян, осуществляется и историческое предназначение русского народа. Иными словами, в расколотый и раздробленный славянский мир русский народ вносит начало единства. Центростремительная сила, воплощенная в русском народе, посредством русского языка и литературы, должна преодолеть вековое политическое дробление

¹ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. С. 98.

² Ламанский В. И. Русский язык вместо немецкого, славянское богослужение вместо латинского // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 10. С. 482.

³ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I. С. 161.

⁴ [Ламанский В. И.] Лекции по славянским наречиям ... С. 58—59.

на западе и юге славянского мира. «В этом отношении, — замечал Ламанский, — есть параллель между развитием литературным и развитием историко-политическим, т. е. как литературное развитие привело к тому, что на Западе индивидуализировались небольшие славянские словесности, т. е. что их язык ограничился небольшою площадью, так и историко-политическое развитие привело к образованию маленьких и слабых государственных территорий. Таким образом, в продолжение с лишком тысячелетия раскрываются два явления, обратно противоположные. Они совершаются не только в наречиях и письменности, но и в жизни политической. С одной стороны, история сплачивает, объединяет, централизует (громадное Русское государство), с другой — раскалывает, разъединяет (западные и южные славянские государства)»¹.

В фонде Ламанского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН отложился фрагмент неоконченной рукописи, озаглавленной «М. П. Погодин. Характеристика его деятельности. Речь». Датировка рукописи точно не определена, потому что вначале Ламанский говорит о столетии со дня рождения М. П. Погодина (1800—1875), а затем упоминает о смерти А. Н. Пыпина, который скончался в конце 1904 г., и о М. М. Ковалевском, который продолжал преподавать за границей (М. М. Ковалевский вернулся в Россию только в августе 1905 г.). Ламанский в своей речи описывает те положительные изменения, которые произошли в русской науке, литературе и распространении русского языка за последнюю четверть века, т. е. со времени смерти М. П. Погодина. Приведем этот текст полностью. «Сегодня ровно целое столетие, как родился М. П. Погодин. Через без мала месяц будет ровно 25 лет, как он умер. За эти же четверть <века> сошли в могилу не только его старшие и младшие сверстники, но и большая часть его лучших учеников, его младших сотрудников, его друзей и младших противников. Сошли в могилу Соловьев, Григорьев-ориенталист, Бычков, Пыпин А. Н., Бестужев-Рюмин, Бодянский, Срезневский, Григорович, Буслаев, Самарин Юрий, Чижов Ф. В., Аксаков Иван, Островский, Григорьев Аполлон, Попов Н. А., Калачев, Костомаров, Катков, Кавелин, Дмитриев Ф. М. и мн. др. Еще в 1871 г., когда минуло пятьдесят лет учено-литературной деятельности Погодина <...>. Через 4 года после этого юбилея скончался Погодин 8 дек<абря> 1875 г. и в кратких и подробных некрологах были снова положены и высказаны прежние заявления об его за-

¹ Там же. С. 60—61.

слугах. Но за эти четверть века совершилось в России и в соседних с нами странах столько событий, сильно отразившихся на внутреннем и внешнем положении России, народились и назревали новые социально-экономические и государственные вопросы, восстание <в> Герцеговине 1876 г. и война с Турцией 1878 г. за освобождение Болгарии, оконченная Берлинским миром, отдавшим Боснию и Герцеговину в руки Австрии, внутренние дела княжества Болгарского с 1884 г. положили конец благоговейному почтению к Потсдаму, не убили в нас природных и исторических симпатий к Славянам, но стали требовать от нас более трезвых и разборчивых к ним отношений и вызвали сознательную потребность спокойного и внимательного изучения разнообразного прошлого и современного положения всего зап<адного> не-русского Славянства. В Прибалтийском крае явились русские гимназии и русский университет вместо прежних немецких. Русская живая и письменная речь не считается уже неприличием или неизбежным как в стенах Императорской Академии Наук и даже в ее Мемуарах и Бюллетенях. И это не удивительно, так как в Пруссии и в управляемой ею Германии распространение русского языка как и во всей Зап<адной> Европе сделало большие успехи не только среди германских офицеров, торговых и промышленных людей, благодаря официальному введению преподавания русского языка в военных школах и в коммерческих училищах. На немецком, а также на французском, английском, итальянском и даже испанском языке явилось за последние 25 лет множество переводов русских писателей. Сотни русской молодежи обоего пола, со средним образованием или с недоконченным, не находя себе доступа в наших университетах и в технических училищах, отправляются ежегодно за границу довершать свое образование. Эта молодежь выписывает себе из России русские газеты, журналы и книги и таким образом распространяет в Европе русскую книгу и русскую речь. Не многие из них дают за деньги иностранцам уроки русского языка или совершенно безвозмездно, по-товарищески обучают своему языку и иноплеменных и западно-славянских приятелей. Один из моих университетских коллег и приятелей, по дороге в Болгарию, на одном Дунайском пароходе встретил целую кучку молодых Болгар, ворочавшихся из различных высших французских и других западных школ (Парижа, Лиона и пр.). Все они прекрасно говорили по-русски, на вопрос его, где они выучились, они отвечали: очень просто, от русских товарищей, там было их везде много. Не все эти Русские молодые люди по окончании своих занятий сейчас же ворочаются

в Россию. Иные из них находят себе работу и места в Европе, напр. Яблочков в Париже, Добровольский в Берлине. Но не одни студенты, а русские профессора и ученые продолжают в Европе покинутые ими службы в России. Таковы де Роберти, Ковалевский, Исаев, Гамбаров уже не первый год читают свои курсы на юридическом факультете Брюссельского Университета, и читают по-русски для 40 русских студентов. Некоторые из русских профессоров получали приглашения из иностранных университетов и других учреждений прочесть несколько лекций о России и Славянстве. Так проф. Ковалевский читал не раз во Франции, Швеции и Англии, проф. Виноградов в Англии, проф. Зигель в Англии (Оксфорд) и С<еверной> Америке. Что удивительного после этого, если русская мысль и русская речь, так мало еще уважаемая в России, завоевывает себе уважение и авторитет в Европе. Еще совсем недавно (прошлым летом) один из представителей Баварского сейма барон Вирцбург заметил, что знание русского языка нужно немцам не из-за одних практических целей, но и в интересах высшего образования, так как русская литература, как художественная, так и научная, представляет глубокий интерес. Посему г. Вирцбург и предложил ввести усиленное изучение славянских языков и русского в особенности и учредить для того кафедры славянской филологии в баварских университетах, а в гимназиях и вообще в средних школах ввести факультативное преподавание русского языка. Вообще в последнее время в Баварии явилось несколько любителей нашего языка и нашей литературы. Баварская принцесса Луиза свободно читает и говорит по-русски, гимназический учитель М. Гантнер, выучившийся русскому языку по учебнику Голотузова еще в 1891—<189>2 г. и затем, живя по близости Киссингена, постоянно туда летом приезжавший для русских разговоров с русскими гостями этого курорта, где и я имел удовольствие с ним познакомиться в <18>92 г. Впоследствии Гантнер переехал в Мюнхен, где вскоре затем был образован русский кружок (Verein) для бесед на русском языке. Здесь принимал и, кажется, поныне принимает живое участие известный Византист Крумбахер. Он нарочно выучился по-русски, чтобы читать русских византистов и исследователей древностей, средневековой истории и письменности юго-западных Славян, судьбы коих были тесно связаны с судьбами Византии. Ученый монах ордена ассумпсиотистов (вероятно, августирианцев-ассумпционистов. — А. М.) Итальянец Aurelio Palmieri, хороший же знаток русского языка, недавно начал печатать в изд. Bessarione свой любопытный труд “Gli studii bizantini

in Russia”, где, между прочим, говорит: “Жестоко ошибаются, называя варварскою эту могучую Империю. Россия ученая, образованная, освобождаясь от иностранного влияния, не замедлит предстать перед ослабевшим латинским гением и померяться с наступающей немецкой наукой. В настоящем случае мы имеем в виду лишь одно из проявлений русской мысли, изучение Византии, так как она есть ключ к национальной истории русской империи и подобно Ариадниной нити вводит нас в лабиринт событий, стремлений и политико-религиозных идеалов великой славянской семьи”. Отличный арабист, профессор в Риме, Итальянец Гвиди, свободно читая по-русски, всегда внимательно следил за исследованиями Болотова и нетерпеливо ждал присылки отдельных оттисков его статей. Труды русских ориенталистов Иакинфа <Бичурина>, Васильева, Палладия, Захарова, равно как и труды Ханькова, Савельева и Григорьева по арабской нумизматике, Хорасане, Афганистане, Минаева об языке Пали, о Буддизме, о современной Индии и о среднеазиатских странах между Индией и среднеазиатскими владениями России, Позднеева о монгольских монастырях и о Монголии, Ильминского знатока тюрко-татарских языков, нашего Арабиста Розена и его молодых учеников, прекрасно редактируемые им записки Восточного Отделения Археологического Общества приучили мало-помалу Европейских ориенталистов обращать внимание на русские труды по азиатскому Востоку. Недавно барон Розен, печатавший все свои труды только по-русски, за исключением Описи арабских рукописей нашего Азиатского музея (на Французском языке), и проф. Менделеев, не только не писавший, но и не говоривший ни на одном иностранном языке, были избраны в Почетные Члены Берлинской Академии, а много лет ранее Кембриджский Университет произвел в свои Почетные Доктора <...>¹. На этом рукопись обрывается.

Объединяя народы и территории, язык не только выполняет коммуникативную и культурную функции, но и становится политической, а точнее, геополитической силой. Ламанский даже готов объяснять геополитическую роль языка действием исторического закона. По его словам: «Существует выработанный историей с помощью наблюдений закон, что чем отдаленнее друг от друга, чем разнообразнее и различнее земли и народности, между которыми ощущается потребность в усвоении известного чужого языка, тем

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 93. Л. 1—7.

этот язык приобретает значение всеобщего и мирового языка. Этот мировой характер языка зависит не от того, что, например, каждый испанец лучше француза и англичанина, или каждый русский лучше словинца, чеха или немца. Нет. Это вырабатывается силами, не зависящими от личной воли человека, именно: географическими условиями, площадью страны, количеством душ, чувствующих потребность в усвоении известного языка, и тем, сколько пустого еще пространства находится в обладании известного народа, т. е. сколько условий для развития языка»¹. В другом своем лекционном курсе он уточнял: «Распространение русского языка есть распространение русской мысли, русского влияния»².

В начале своей научно-педагогической деятельности залог успешного геополитического влияния русского языка Ламанский видел в тех внутренних преобразованиях, которые начались в России в первые годы царствования Александра II. Распространение русского языка за пределами России должно быть следствием эффективных внутренних преобразований. В этом, безусловно, проявляется теснейшая связь политических мероприятий с культуртрегерскими достижениями русского языка. «В самой России, — с надеждой провозглашал Ламанский, — знамения новой, наступающей исторической эпохи выражаются еще очевиднее. Освобождение с землей 20 с лишком миллионов крестьян, различные внутренние преобразования, открывающие простор народной, земской деятельности, убедительно нам предсказывают, что русская литература, наука, искусство, вообще русское просвещение не замедлят вступить в новый, высший и, разумеется, уже вполне самобытный период развития. Русская литература не только станет чисто национальной, славянской, но и приобретет всемирно-историческое значение. Русский язык начнет распространяться вне пределов Русского государства, подобно древним языкам эллинскому и римскому, и новейшим немецкому, французскому и английскому. По всей вероятности, он сделается дипломатическим языком и органом высшей образованности у всех славянских племен. Только русский язык может вытеснить нынешнее господство немецкого и других иноплеменных языков в южных и западных землях славянских»³. Уже в этой первой лекции хорошо заметен акцент на русском, а не славянском, что за-

¹ [Ламанский В. И.] Лекции по славянским наречиям ... С. 62.

² Ламанский В. И. Чтения о славянской истории ... С. 152.

³ [Ламанский В. И.] Вступительное чтение ... С. 7—8.

ставляет усомниться в однозначной характеристике Ламанского как панслависта. Ламанский как раз противопоставлял свою концепцию панславистским учениям Л. Гая, Ф. Палацкого и др. Он говорит лишь о славянском общении и взаимности, основой которых может быть только русский язык.

Принятие единого славянского языка способно кардинальным образом изменить политическое состояние неромано-германских народов Центральной и Восточной Европы. Ламанский подчеркивает принципиальное значение единого языка для превращения Греко-Славянского мира в цивилизационную общность. Среди всех распространенных в Греко-Славянском мире языков лишь русский язык имеет больше шансов и прав стать общим литературным и дипломатическим языком. Это право подкрепляется не только политическим могуществом Русского государства, но и тем, что русский язык сохранил больше общеславянских форм, чем другие языки. Рассуждая о геополитических перспективах единого славянского языка, Ламанский писал: «Природные богатства невозделанных и малонаселенных южных земель Греко-Славянских не утратили своей прелести для Романо-Германского запада <...> Теперь останавливает Европу небывалое прежде явление могущественной державы Греко-Славянской. Романо-германцев не пугает мысль о завоевании Россией этих земель: это только ослабило бы ее. Их смущает и страшит уверенность, что с легким принятием русского языка за язык дипломатический и общелитературный эти рассыпающиеся, несплоченные обломки получают возможность кристаллизироваться и из ингредиентов чужих племен станут наконец живою, органическою частью нового исторического мира с его особливим призванием. Такая уверенность Европы, принося великую честь ее прозорливости, предлагает замечательное объективное доказательство действительной возможности, внутренней необходимости и громадной важности искусственного, смешанного письменного и культурного общеславянского языка»¹. Языковое единство Греко-Славянского мира, служащее основой дальнейшего сближения населяющих его народов, предпочтительнее чисто политического объединения, связывающего Греко-Славянский мир в единое государственное целое. Политически объединить Средний мир способен только русский народ — единственный имеющий свою государственность. Языковое же сближение может предполагать различные варианты.

¹ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I. С. 132.

В то же время, считал Ламанский, принятие русского языка другими народами Греко-Славянского мира откроет новую эпоху в развитии самого русского языка, обогатит русское искусство и литературу. По словам Ламанского, «с обличением славянского призвания России, великого будущего, ожидающего наше слово, и его далекого не чаемого самим Пушкиным распространения, русское искусство обретет себе давно искомые положительные идеалы и смело вступит на широкий, царский путь всемирно-исторического развития»¹. Но даже и теперь, еще не став общим литературным и дипломатическим языком, русский язык может отстаивать свой всемирно-исторический статус. В докторской диссертации Ламанский отмечал, что «в настоящее время при всей великой скудости населения Русской империи, при слабом развитии русской гражданственности, науки и литературы, наш язык все-таки вместе с англосаксонским есть один из самых распространенных языков земного шара и не менее англосаксонского может хвалиться богатым будущим»².

Не только личный опыт Ламанского и историософские самовнушения убеждали его в реальности и близости столь чаемого принятия славянами русского языка. Ученики Ламанского также неоднократно подмечали проступающие черты этой новой «славянской эпохи». Они указывали учителю в письмах на факты распространения русского языка за границей, согревая эмпирическими свидетельствами его теоретические ожидания. Например, А. Л. Петров делился в 1889 г. своими впечатлениями от заграничной командировки: «Симпатии к России и даже не инстинктивные, а более сознательные, несомненно, у большинства чехов весьма сильны. От городских, от носильщиков (которые мне ничего не носили), от служащих на железной дороге, от рабочих лишь приходилось слышать заявления, что русские наши братья, что им приятно услышать русскую речь. При заявлении, что я русский, делалось с их стороны все возможное, чтобы мне услужить, делали для меня то, что другим не было позволено, и т. п. При разговорах с интеллигенцией (я сам не высказывался и часто говорил противное тому, что я думал) я слышал мнения о польском, болгарском, сербском вопросах, совершенно в нашу пользу. О значении русского языка, как литературного общеславянского, постоянно мне все говорили, даже когда я упорствовал, доказывая ненужность

¹ Ламанский В. И. Чтения о славянской истории ... С. 122.

² Ламанский В. И. Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе. С. 38.

этого, или выражал в этом сомнение. На практике довольно много лиц знает русский язык. Слышал я <жду> <очим> одного инженера чеха, бывшего в России только 14 дней. Он пришел в Музей и прямо стал говорить с Патерой по-русски и довольно свободно. Потом я с ним был познакомлен и оказывается, что он всегда с Патерой или другими чехами, знающими по-русски, говорит только по-русски. Таких примеров довольно много. В нескольких семействах детей с 6—8 лет начинают учить по-русски. Еще больше людей, не говорящих по-русски, но свободно читающих и интересующихся русской литературой. И странно лишь показалось, будто эти, не умеющие говорить по-русски, лучше знают русскую литературу, серьезнее ее изучают, чем лица, старающиеся научиться говорить. Не берет ли последнее слишком много времени, и не считают ли они, что они уже сделали все, болтая с грехом пополам по-русски?»¹ В письме А. Л. Петров также отмечал боязнь русского языка со стороны австрийского правительства, указывал на то, что русский язык преподается только в частных школах как необязательный предмет. Тем поразительней казался интерес к русскому языку в славянских землях при полном равнодушии русских властей к его распространению и популяризации. Лишь деятельность и увещевания славянофильски ориентированных энтузиастов поддерживали это встречное движение к русскому языку и литературе в славянских землях. Их сил, конечно, было недостаточно, поэтому успехи русского языка казались Ламанскому проявлением исторической справедливости и действием неизбежной исторической необходимости, приближающей новую историческую эпоху.

Претензии русского языка на всемирно-историческое значение подкрепляются всем ходом культурно-исторического развития Среднего мира. В этом отношении русский язык выступает наследником греческого языка и общеславянского письменного языка, созданного свв. Кириллом и Мефодием. В Греко-Славянском мире у него нет конкурентов. Иная ситуация сложилась в Европе, где французский, испанский, итальянский, немецкий и английский языки ведут между собой борьбу. Однако исход этой борьбы, полагал Ламанский, предрешен. В будущем значение немецкого и французского языков сохранится лишь в Европе, в то время как значение испанского языка, а особенно английского, благодаря обширным колониям будет постоянно возрастать. За этими языками — историческое будущее.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1106. Л. 37 об.

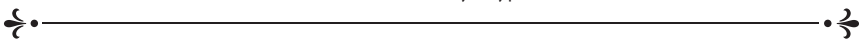
Возможно, делал предположение русский ученый, со временем даже южноамериканские колонии испанцев перейдут под власть англосаксов¹. Лидерство английского языка в Америке постепенно приведет к тому, что в Новый Свет переместится центр западного мира. Старая культура европейских народов уступит первенство Америке. «Между тем англосаксонская речь и национальность, — писал Ламанский, — располагая громадным пространством пустопорожних земель, может и будет неудержимо распространяться и множиться до размеров едва ныне предвидимых, постоянно обновляясь и освежаясь до бесконечного почти разнообразия самыми разноплеменными и разнокультурными элементами. Естественно поэтому предполагать, что в будущем английская литература и образованность... будет отличаться наибольшим разнообразием, свежестью и сочностью содержания, широтой и самобытностью воззрений, большею чуткостью к потребностям человечества, большею универсальностью идей и стремлений. Таким образом есть полная вероятность заключать, что Европа не может навеки, говоря относительно даже едва ли надолго, сохранить свое первостепенное значение в мировой политике и образованности. Вследствие неудержимого размножения англосаксов в Новом Свете, от естественного прироста и от переселений из Европы, все прочие романские и германские национальности и языки Старого Света принуждены будут ранее или позже снизойти до речи второстепенных деятелей в мире романо-германском»².

Мировое господство английского языка не является следствием его исключительных потенций или богатства англоязычной литературы, с которой успешно конкурирует романоязычная литература. Преобладание английского языка обеспечено колониальной системой Британской империи. «Таким образом, — заключал Ламанский, — английский язык распространен на всем земном шаре, и можно сказать, что рано или поздно английский язык приобретет всемирное значение, и значение всех других языков в сравнении с ним станет ничтожным»³. Аналогичное всемирно-историческое значение должен приобрести и русский язык, став общим литературным и дипломатическим языком Греко-Славянского мира. Однако преобладание в Среднем мире русского языка не должно идти в ущерб языков и литературы других народов. Языковое единство

¹ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. С. 34.

² Там же. С. 37—38.

³ [Ламанский В. И.] Лекции по славянским наречиям ... С. 25.

не должно подавлять многообразия. Одним из первых требований славянофилов, которое они стремились выразить при каждом удобном случае, было требования свободы слова. Неслучайно ученик Ламанского Н. В. Ястребов в статье, посвященной памяти своего учителя, отмечал: «Борец за идею о всемирно-историческом призвании русского языка, В. И. Ламанский всегда настаивал и на том, что “необходимо давать жить и развиваться и местным языкам”, настойчиво боролся против стеснений и свободы печатного слова у всех народностей России»¹.

¹ *Ястребов Н. В.* Памяти Владимир Ивановича Ламанского как друга книги // Библиологический сборник. Т. II, вып. 1 : Материалы по истории библиотековедения в России. Пг. : Тип. «К. Биркенфельд», 1916. С. 52.

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКАЯ ИДЕЯ

Последнее крупное произведение академика Владимира Ивановича Ламанского было посвящено хазарской миссии Константина-Кирилла Философа. Задуманное как серия статей, оно было опубликовано в девяти номерах «Журнала Министерства народного просвещения» за 1903 и 1904 гг. В недатированном черновике письма Э. Л. Радлову, редактировавшему «Журнал Министерства народного просвещения», Ламанский анонсировал продолжение своего исследования: «Дальше Вы увидите, что статья вся моя касается очень существенных вопросов русской, византийской, южно-славянской, западно-славянской истории в IX в. До сих пор Вы видите, что в некритичности меня обвинить нельзя. То же самое будет и дальше. Если же все окажется справедливым и более чем вероятным, то большая литература о затронутых здесь вопросах (русская, западно-славянская и западно-европейская) подвергнуться должна значительной переделке»¹. В этом же письме он просил для продолжения печатания либо не назначать ему гонорара, либо не платить за превышение заранее оговоренного объема, либо потратить гонорар на покупку бумаги для следующих номеров. Ожидая продолжения статьи, Э. Л. Радлов отвечал Ламанскому 3 октября 1903 г.: «Усердно благодарю Вас за обещание доставить продолжение Вашей превосходнейшей статьи, которую немедленно отправлю в типографию тотчас по получении. Очень жалею, что не мог Вас видеть вчера. Было заседание совета философского общества, в котором мне необходимо было присутствовать»². Через неделю в своем письме он затронул и вопрос о гонораре. «Лишать Вас гонорара я отнюдь не намерен: Вы оказываете услугу, а Журналу великую честь; за что же я буду лишать Вас гонорара?», — признавался Э. Л. Радлов³. Вероятно, Ламанский неоднократно обращался с предложением не выплачивать ему гонорар, потому что через полгода (23 марта 1904 г.)

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 252. Оп. 2. № 861. Л. 14.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1192. Л. 12.

³ Там же. Л. 13—13 об.

Радлов вновь писал ему: «Мы Вас печатаем с великим удовольствием и ценим честь, которую Вы оказываете Журналу. Все Ваши желания поэтому будем исполнять по мере сил. Не платить Вам гонорара считаю совершенно не возможным, так как Вы не миллионер, а живете собственным трудом, работа же Ваша служит украшением для Журнала. Я заехал бы к Вам, если бы не Ваша приписка»¹. Заведения редактора в заинтересованности продолжением публикации статьи встречаются в письмах Э. Л. Радлова неоднократно², и столь же часто он выражает готовность выполнить все пожелания автора, связанные со статьей.

В своей работе Ламанский, казалось бы, сосредоточился на чисто исторических вопросах, поэтому ее сложно назвать итоговым произведением не только в силу незаконченности. Однако в ней нашли отражение и его историософские взгляды. Так, он усматривал в ранней истории Руси не одну борьбу христианства с язычеством, но и историософское противостояние славянского элемента германскому (варяги), описанию которого Ламанский посвятил многие свои труды. На примере древнерусской истории он демонстрировал государство- и культуuroобразующую роль религии, признаваемую большинством славянофилов. Христианство не только способствовало становлению и укреплению Древнерусского государства, но и создало условия для формирования цивилизации, которую Ламанский называл Греко-славянским или Средним миром. Самобытная культура (цивилизация), полагал Ламанский, не может возникнуть вне сильной государственности и без развитого литературного языка. Значение деятельности свв. Кирилла и Мефодия как раз и заключается в том, что они стояли у истоков греко-славянской цивилизации. Неслучайно на знамени Славянского съезда 1867 г., одним из организаторов которого выступил Ламанский, были изображены именно эти святые.

С миссией Кирилла Философа Ламанский связывал и первое крещение Руси. По его словам, «при первом крещении Руси (861 г.) были принесены к нам и славянское письмо и славянское богослужение»³. Этим он, в частности, объяснял успех крещения при кн. Владими-

¹ Там же. Л. 16—16 об.

² «Статья Ваша служит украшением журнала». 27 февраля 1904 г. (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1192. Л. 15).

³ Ламанский В. И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Критические заметки. Пг. : Сенат. тип., 1915. С. 168.

ре и последующее распространение христианства. «Будь *первым* крещение Руси при Владимире в исходе X века, будь выкинута без мала 130-тилетняя жизнь этой маленькой киевской христианской общины, история русской церкви, письменности и вообще культуры XI и первой четверти XII века была бы совсем иная, и вовсе не похожая на известную нам теперь. Этот постепенный рост маленькой христианской общины среди русского язычества объясняется лишь мудрою и благодатною деятельностью великих солунских братьев и славянских апостолов, принесших с крестом и славянские книги в далекую северную, неизвестную дотоле образованному миру, страну»¹. «Начатки нашей летописи, как и значительной части летописей западноевропейских, — отмечал он, — совпадают с начатками христианства и государственности. Первые наши летописные записки были официального характера. Они были начаты в исходе IX века, лет через двадцать после первого крещения Руси славянскими первоучителями, Солунскими братьями Константином Философом и Мефодием, в 855 г. составившими славянские письма и переложившими на славянский язык ряд молитв и нужные для богослужения Евангельские и Апостольские чтения. Крещено ими было в так называемой хазарской (русской) миссии двести человек чади с женами и детьми. С тем вместе было основано патриархом Фотием епископство для крещения Руси»². В то же время Ламанский осуждал практику государственной религии, введенную римским императором Константином, покровительствовавшим христианам. Здесь ученый подразумевал параллель с церковной реформой Петра I. Государственная религия на практике нередко приводила к ущемлению свободы совести, а значит, и свободы слова, столь ценимых славянофилами.

П. А. Лавров в некрологе кратко передавал содержание последней крупной работы Ламанского: «...что славянское письмо изобретено в 855 г. согласно Храбру, что хазарская миссия есть миссия русская, что первое крещение Руси было в 861 или 862 г., что наша Русь была первым славянским народом, воспользовавшимся славянскими письменами и переводом книг священного писания»³.

¹ Там же. С. 200.

² Там же. С. 151—152.

³ *Лавров П. А.* Владимир Иванович Ламанский : [некролог] // Отчет о состоянии деятельности Императорского Петроградского университета за 1914 год. Пг. : Тип. Б. М. Вольфа, 1915. С. 19.

К исследованию Ламанского критически отнеслись историки церкви, в частности, Е. Е. Голубинский¹. Не все слависты приняли интерпретации Ламанского. Так, его коллега по Санкт-Петербургскому университету и Академии наук И. В. Ягич в письме академику А. А. Шахматову, отзываясь об одном из учеников Ламанского Т. Д. Флоринском, писал: «Как все ученики Ламанского, он историк, конечно, с известной славянофильской окраской, с тем же некритическим отношением к делу, как его учитель, застроивший в последнее время кирилло-мефодиевское здание такой же массой ненужных пристроек, как и проф. Брикнер»². Тем не менее в издававшемся И. В. Ягичем в Берлине журнале «Archiv für slavische Philologie» (1906. XXVIII) было помещено конспективное изложение работы Ламанского. В свою очередь А. А. Шахматов отмечал в некрологе исследовательскую широту и тематическое разнообразие последнего труда Ламанского. «Тонкое и вместе с тем глубоко содержательное противоположение западноевропейского и русско-славянского мира, — писал он, — характеристика западного славянства, попавшего в сферу германо-романской культуры, мировые задачи Византии и Рима, определившие расхождение греко-славянского и романо-германского мира, причины отсталости южного и восточного славянства, его культурная миссия, спасавшая Европу в течение многих веков от азиатских варваров, необходимость внутреннего единения в славянстве, горячий призыв к развитию у нас в России просвещения»³.

Гипотеза Ламанского о русской миссии Кирилла и Мефодия и о крещении ими Руси еще в 861 г. нечасто привлекает внимание специалистов, отвергающих большинство доводов ученого. Тем не менее, как пишет С. М. Шумило: «Исследование В. И. Ламанского с его четкой системой аргументов, великолепным знанием языков, древней политической географии, истории, текстологии и широчайшим диапазоном приводимых текстов заставляет по-новому взглянуть на ту гипотезу о миссии Кирилла и Мефодия, которая по сей день

¹ Голубинский Е. Е. Святые Константин и Мефодий — апостолы славянские // Богословские труды. 1985. Вып. 26. С. 95—155.

² И. В. Ягич — А. А. Шахматову. 9 (22) февраля 1907. Вена // Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. С. 273.

³ Шахматов А. А. Владимир Иванович Ламанский : некролог : (Читан в заседании Общего Собрания 29 ноября 1914 г. академиком А. А. Шахматовым) // Известия Императорской Академии наук. 1914. С. 1341.

является общепринятой. Если бы академик В. И. Ламанский жил хотя бы на полвека позже и его текстологические находки оказались бы подкреплены шагнувшей в XX в. далеко вперед текстологией, если бы его труды не были безжалостно раскритикованы таким авторитетным ученым-норманистом, как Е. Е. Голубинский, а западничество не стало господствующей идеологией, то, думается, мы сейчас называли бы гипотезу В. И. Ламанского одним из величайших открытий русской исторической науки XIX—XX вв.»¹.

Обращение Ламанского к истории распространения христианства на Руси еще Константином Философом нельзя назвать случайным. Он работал над этой темой около четверти века. Так, еще в 1880 г. он писал одному из своих учеников, К. Я. Гроту, что собирает материалы для исследования о Кирилле и Мефодии². Отказ от преподавания в университете и переход на службу в Академию наук в 1900 г. позволили ему сосредоточиться на давно задуманном исследовании. Ламанский предварительно обсуждал свои идеи с учениками. В одном из писем Т. Д. Флоринский, в то время декан историко-филологического факультета Университета Св. Владимира в Киеве, писал своему учителю 10 января 1902 г. о том, что история о моравской миссии «и мне всегда казалась подозрительной, но сама рукопись, по-видимому, не вызывает подозрений. Если это и подделка, то во всяком случае очень искусная. При первом же досуге постараюсь присмотреться к ней повнимательнее»³. Публикуя исследование в журнале, Ламанский продолжал собирать новые материалы, о чем свидетельствует его переписка с П. А. Лавровым, сменившим его на кафедре славянской филологии Санкт-Петербургского университета. Разыскивая по просьбе Ламанского глаголические рукописи, П. А. Лавров писал ему 20 октября 1904 г.: «Киевских старопеч<атных> служб К<ириллу> и М<ефодию> нет, что касается упоминания о св. Кир<илле> как составителе азбуки, постараюсь поискать и Вам сообщу, если найду»⁴. К сожалению, старческие недуги не позволили ученому завершить работу над этим трудом. Отдельным изданием исследование Ламанского вышло уже после его смерти.

¹ Шумило С. М. Научное наследие академика В. И. Ламанского и теория хазаро-русской миссии Кирилла и Мефодия // Начала русского мира. СПб. : Жих Максим Иванович, 2014. С. 203.

² СПбФ АРАН. Ф. 281. Оп. 2. Ед. хр. 267. Л. 1, 1 об., 2.

³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1447. Л. 113.

⁴ Там же. Ед. хр. 817. Л. 2.

Наследие свв. Кирилла и Мефодия или, как чаще предпочитал выражаться Ламанский, «кирилло-мефодиевская идея», служило одной из основ его цивилизационной концепции. В узком смысле кирилло-мефодиевская идея означала восстановление славянской церкви (греко-славянского богослужения на славянских языках) с женатым духовенством. В широком смысле она служила примером цивилизационной роли языка, обоснованию которой Ламанский посвятил многие свои труды и которую можно считать главной мыслью ученого, пронизывающей как его филологические, так и публицистические и исторические труды.

Ламанский действительно был убежден в возможности восстановления богослужения на славянских языках. «Нет сомнения, этой мысли принадлежит будущее», — провозглашал он в своем выступлении в Санкт-Петербургском славянском благотворительном Обществе¹. Более того, Ламанский полагал, что в случае поддержки восстановления государственности Папской области в Италии Россия может выхлопотать разрешение на греко-славянское богослужение среди славян-католиков². Предлагаемая Ламанским политическая авантюра призвана была восстановить историческую справедливость — вернуть славянам церковное и языковое единство, недолго существовавшее на заре славянской истории благодаря просветительской деятельности свв. Кирилла и Мефодия. Со временем славянское письмо и богослужение погибли в Моравии и Паннонии, «никли и пали» у болгар и сербов «по мере воцарения грубого невежества, вследствие постепенного исчезновения высшей народной иерархии, от измены вере и народности богатых классов, от огречения и отуречения множества народа, от внешнего насилия и грубых притеснений турецкого произвола»³. Дело славянских первоучителей было удержано и сохранено в России — единственном славянском государстве, отстоявшем свою независимость. «Дальнейшая судьба славянской церкви и письменности тесно связана с историческим ростом Русского государства», — заключал Ламанский⁴. Богослужение на родном языке способствовало как лучшему усвоению в народе

¹ Ламанский В. И. Кирилло-Мефодиевская идея // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1885. № 4. С. 210.

² Ламанский В. И. Западный вопрос // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 11 и 12. С. 535—536.

³ Ламанский В. И. Кирилло-Мефодиевская идея. С. 211.

⁴ Там же.

гуманистических начал христианства, так и литературному развитию языка. Еще в 1865 г. в неоконченном биографическом очерке о М. В. Ломоносове он отмечал: «Вообще наша наука совсем еще не оценила того великого преимущества, которым все православные народы отличаются перед народами романо-германскими. Русский народ уже несколько веков пользуется возможностью ежедневно слышать в храмах божиих, на родном почти языке, высочайшие образцы чистой христианской поэзии»¹.

В лекционных курсах по истории западных славян, которые он читал в Санкт-Петербургском университете, Ламанский указывал в качестве главного истока гуситского движения сохранение в Чехии традиции церкви Кирилла и Мефодия и православных симпатий у чехов. По его словам, сам Иероним Пражский «приводил учение Гуса в связь с древнею славянскою церковью в Чехии»². Обобщая, Ламанский заключал, что «все почти протесты, все почти движения религиозные против Рима были некоторым образом под влиянием восточной церкви»³. Он приводил факты проявления интереса к православию среди чехов и в свое время⁴. Все это внушало надежду на реактуализацию кирилло-мефодиевской идеи.

Согласно Ламанскому, условиями формирования самобытной культуры, определяющей всемирно-историческое значение народа, являются политическая независимость и богатая литература. Заслуга свв. Кирилла и Мефодия состояла в создании церковнославянского языка, который стал первым всеславянским языком. И ныне, полагал Ламанский, перед славянами стоит задача принятия общего литературного, научного и дипломатического языка, без которого разрозненные славянские культуры не смогут преодолеть то провинциальное прозябание, в котором пребывают, и занять достойное место в мировой культуре. Сотворенный свв. Кириллом и Мефодием «древнецерковный язык славянский не есть собственно одно известное народное наречие, а язык искусственный и смешанный»⁵. Однако в современных

¹ Ламанский В. И. Михаил Васильевич Ломоносов : биографический очерк. Первые четыре главы. СПб. : В тип. А. А. Краевского, [1865]. С. 37.

² Ламанский В. И. Записки о истории славян Венгрии и Чехии (курс профессора Ламанского для специалистов). 1878/79 год. [СПб.] : Литогр. Гробовой, [1879]. С. 45.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 48—49.

⁵ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I : Об историческом образовании древнего славянского и русского языка // ЖМНП. 1869. Ч. СХLI. С. 127.

условиях объединяющую литературную роль в славянстве должен взять на себя русский язык. Для Ламанского кирилло-мефодиевская идея — это частный случай вопроса о цивилизационной роли языка. Именно признание национального языка богослужebным и письменным определило цивилизационное значение православия для русского народа и греко-славянского мира в целом. Вне церковной поддержки родного языка не смогла бы в полную силу развиваться и литература, в своих лучших проявлениях преодолевающая национальные границы и приобретающая общечеловеческое значение.

Свв. Кирилл и Мефодий поставили славянский язык вровень с развитыми культурными языками античности, что впоследствии позволило оспаривать господство языков романских и германских. Историческая и этнологическая борьба германства со славянством сказалась, в числе прочего, в непризнании культурного значения славянских языков. Свв. Кирилл и Мефодий, писал Ламанский, «создают славянам письменность. Они вступают в открытую борьбу с представителями латинства и германства за права славянского языка на культурное развитие, одинакие с языками греческим и латинским. И до новейшего времени и часто от лица лучших своих представителей романо-германский запад не перестает отрицать эти права у славянства, признавая его полезным в истории элементом лишь в качестве дрожжей романо-германской образованности, присвояя ему одну служebную роль в человечестве»¹.

Период существования славянской церкви, общего богослужebного и литературного (для своего времени) языка показывает, что предвкушаемое славянофилами объединение славян — не политические фантазии или кабинетные мечтания. Единство славян имело место в истории. Свв. Кирилл и Мефодий становятся символами славянского единства. «Наш древнеславянский церковный язык был первою попыткою славянского народного гения создать самостоятельную образованность с ее особым органом. Это был один из видов проявления внутренней потребности славянского мира в одном общем или все-славянском языке; тут сказалось стремление народного духа к самосознанию, ценности и единству», — писал Ламанский в статье «Непорешенный вопрос»². Объединение славян должно быть результатом развития народного (славянского) самосознания, которому

¹ Ламанский В. И. Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках. Историко-литературные и культурные очерки // Славянский сборник. СПб., 1875. С. 455.

² Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I. С. 132.

ученый придавал исключительное значение в своих философских построениях¹. Проявлением же народного самосознания служит наука, литература, философия. Вместе с христианством славяне приняли из Византии и «практическое любомудрие», на почве которого сформировалась и «собственно русская христианская философия»². Исторический опыт славянства убеждал Ламанского, что такое единство может быть в первую очередь культурным, опирающимся на общность литературного, научного и дипломатического языка. В исследовательской литературе Ламанский нередко оценивается как представитель культурного панславизма³. Впрочем, сам ученый считал себя в большей степени политическим мыслителем, чем филологом-славистом, поэтому он не закрывал глаза на политическую сторону славянского единства, хотя и относил решение вопроса о его политической конфигурации к отдаленному будущему. Ход рассуждений Ламанского был вполне логичен: если самостоятельная культура не может возникнуть и развиваться вне независимой государственности, то и общеславянская самобытность предполагает какое-то более определенное политическое оформление.

Следует добавить, что именно свв. Кирилл и Мефодий заложили основы политического бытия славян. Первые славянские государства формировались под сильным влиянием христианской идеологии. По мнению Ламанского, «переложение слова Божия на язык славянский вызывало и требовало осуществления христианского общежития в славянском государстве. Независимое государство нуждалось в национальной церкви и национальная церковь нуждалась в самостоятельном государстве»⁴. «Кирилло-мефодиевская идея, неся славянам христианскую проповедь о царствии Божием, о мире и благоволении в людях, — писал он, — вызвала в них и стремления к совершенствованию гражданских отношений и форм государственного общежития. <...> Судьбы развития Кирилло-Мефодиевской идеи в тысячелетней

¹ См.: *Гостева С. Р., Золотарев Д. П.* Русское национальное самосознание и изучение славянства в трудах поздних славянофилов (на примере В. И. Ламанского и К. Я. Грота) // *Общество и цивилизация*. 2014. № 3 (10). С. 54—61.

² *Симосато Т.* О формировании образа Платона как символа русской философии в сочинениях В. Н. Карпова // *Философский полилог*. 2017. № 1. С. 35—36.

³ *Прокудин Б. А.* Историческое и геополитическое идеи В. И. Ламанского // *Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова. Серия 12 «Политические науки»*. 2013. № 2. С. 117—127.

⁴ *Ламанский В. И.* Кирилло-Мефодиевская идея. С. 211.

жизни славянства тесно связаны с судьбами всех его опытов государственного строения»¹. Впрочем, социальный идеал христианства, рисующий светлый образ справедливого общественного устройства, мог приходить в противоречие с политической реальностью исторического христианства, а в перспективе и единой христианской империи. Религиозное и культурное единогласие имплицировало и единство политическое.

Христианство, выстраивавшее славянскую государственность, и само укреплялось и поддерживалось государством, перерождаясь из проповеди благой вести во власть. Сливаясь порой до симфонической неразличимости с властью государственной, оно демонстрировало всю историческую правду диалектического взаимоопределения. «Если утверждению и распространению Кирилло-Мефодиевской идеи много способствовало славянское царство, то еще быть может более помогала она его росту и крепости. <...> Кирилло-Мефодиевские заветы и предания благословляли, освящали и в значительной степени воспитывали стремления русского населения к единству государственному», — замечал Ламанский². Верность кирилло-мефодиевской традиции обеспечила сохранение самого Русского государства.

Однако в идейном наследии свв. Кирилла и Мефодия Ламанский видит не столько оправдание национальной государственности или даже идеал единой христианской империи, сколько славянофильский принцип соборности. Соборность составляет «внутренний смысл истории славянства, как одного органического целого»³. Впрочем, Ламанский не употребляет термин «соборность». По его словам, «это широкое чувство братства народов и племен разного происхождения смело может быть приписываемо православному миру, как его исключительная особенность. Ничего подобного нельзя заметить во взаимных отношениях римских католиков, итальянцев, французов, немцев и славян. Все они связаны не чувством братства, а внешним авторитетом, общим самодержцем над их совестью и умами — *святым отцом, римским папою*»⁴. В истории славян он видит как силы центростремительные, так и центробежные. Носителем первой из них выступает по преимуществу русский народ, в то время как другие

¹ Там же.

² Там же. С. 211, 212.

³ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I. С. 151.

⁴ Ламанский В. И. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб. : В тип. А. А. Краевского, 1865. С. 78.

славянские племена стремятся к партикуляризму и обособлению. Однако Ламанский убежден, что раздробление — это всего лишь «верное средство для лучшего достижения прочного и более обширного единства»¹. Он не говорит прямо об общеславянском государстве, но под «единством» подразумевает политическую форму. «Славянское племя не нуждается в организации расчлененной, как у романского племени, на несколько более или менее равных групп или народных величин, а требует многостороннего разнообразия с крепким, сильным единством»². Политическое объединение не должно подавлять региональное, народное, бытовое своеобразие. Более того, без сильной политической формы славяне рискуют подвергнуться ассимиляции со стороны более успешных и агрессивных в политическом отношении соседей, прежде всего итальянцев и немцев. «Так утверждение прочного общего единства необходимо славянству для сохранения его разнообразия», — подытоживал Ламанский³. Единство во множестве, основанное не на насилии и принуждении, а опирающееся на свободу и любовь, составляет, согласно учению славянофилов, определение соборности.

Кирилло-мефодиевская идея — это идея всемирно-историческая или вселенская. Недаром Ламанский называл свв. Кирилла и Мефодия «всемирно-историческими деятелями, которые родятся не веками, а тысячелетиями»⁴. «Они раскрыли славянству вселенскую идею и из славянства же взяли материал и образовали форму для ее воплощения. Они создали славянам орган просвещения, обратив их к познанию и божественного откровения, и сокровищ человеческой мудрости, собранных вековыми усилиями образованнейших народов мира. Они дали славянам и общий орган взаимного разумения»⁵. Свв. Кирилл и Мефодий заложили основы греко-славянской цивилизации, или Среднего мира. По словам Ламанского, как есть Европа Карла Великого, так есть и Европа свв. Кирилла и Мефодия. Славянские первоучителя «останутся незримыми вдохновителями, хранителями и строителями славянского единства»⁶.

¹ Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья I. С. 151.

² Там же.

³ Там же. С. 157.

⁴ Ламанский В. И. Кирилло-Мефодиевская идея. С. 208.

⁵ Там же. С. 210.

⁶ Там же.

НАУКА И СВОБОДА СОВЕСТИ

Требование свободы слова и совести входило в программу славянофилов. По словам Н. И. Цымбаева, «славянофильство возникло и развивалось как направление раннего русского либерализма <...> Славянофильство — система взглядов антикрепостнических, либеральных»¹. Славянофилы неоднократно выступали против любых притеснений в делах веры, по-христиански полагая, что вне свободы нет спасения. Так, например, А. С. Хомяков откликнулся стихотворением «Давид» (1844) на гонения против старообрядцев со стороны митрополита Филарета (Дроздова):

*И ты — когда на битву с ложью
Востанет правда душ святых —
Не налагай на правду Божью
Гнилюю тягость лат земных.
Доспех Саула ей окова,
Саулов тягостен шелом;
Ее оружие — Божье слово,
А Божье слово — Божий гром!*

Идеи ранних славянофилов были восприняты следующим поколением их последователей, в том числе представителями академической науки. Они нашли отклик и в трудах Ламанского. Владимира Ивановича нельзя назвать религиозным мыслителем, а тем паче богословом. Более того, в своей историософской концепции решающее значение он отводил не вере, а языку. Тем не менее Ламанский вполне определенно выразил свое отношение к свободе совести и свободе слова, следуя либеральным установкам славянофильства. В письме И. С. Аксакову 17 октября 1858 г. он признавался: «Православный христианин *обязан* требовать в том государстве, где живет,

¹ Цымбаев Н. И. Славянофильство. (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 231.

свободу совести»¹. Три года спустя (19 октября 1861 г.) в письме тому же адресату он связывал принцип свободы слова с более широкой социальной программой: «Для меня прежде и выше всего свобода совести, слова, самое широкое развитие и применение совещательного и выборного начала, постепенная децентрализация»². С годами Ламанский не изменил свои взгляды, используя любую возможность для пропаганды свободы слова и совести. В редактируемых им «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» он отмечал: «Как себя помню, я никогда не стоял за насилие в делах веры и совести»³. Учение и деятельность Ламанского не дают основание относить его к консервативно-националистическому направлению в славянофильстве, как это нередко встречается в исследовательской литературе.

Среди обширного научного наследия Ламанского нет работ по истории церкви, хотя он четверть века преподавал в Петербургской духовной академии. Он не тяготел к богословским рассуждениям в духе А. С. Хомякова, поэтому его взгляды на свободу совести могут быть реконструированы только на основе отдельных высказываний, которые встречаются в его исторических исследованиях. Лишь изредка в научных работах и частных записях он позволял себе выразить религиозные чувства и убеждения. Так, он писал в дневнике 8—9 июня 1887 г.: «Вера есть акт личного свободного духа и благодати. Благодать не нудиться»⁴. Любые запрещения в делах веры приводят только к распространению безверия.

В то же время Ламанский не отделял свободу совести от общегражданских свобод и свободы слова, так же видя их исток в христианском учении. «Из всецелого признания христианского учения, — полагал он, — непосредственно вытекает обязательное для христиан признание самой полной широкой свободы совести, проповедь устной и письменной, свободы преподавания, учения, сомнения и исследования. Эта неограниченная свобода духа подразумеваемо и прямо содержится в провозглашенном и требуемом Христом, его учениками, апостолами и верными их духу преемниками, начале свободы церкви от государства. Этот принцип отделения власти

¹ Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. IX. С. 7.

² Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. XII. С. 103.

³ Ламанский В. И. Западный, славянский вопрос // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887. № 11 и 12. С. 539.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 4 об.

духовной от гражданской, разграничения области нравственного закона и внутренней правды от области юридической, сферы мысли, убеждения, совести и их свободного выражения в слове от сферы внешних поступков и деяний, могущих подвергаться известным стеснениям и ограничениям извне, этот великий плодотворный принцип принадлежит собственно к величайшим умственным стяжаниям нового христианского человечества»¹. Широкое понимание свободы делало ее необходимым условием постижения истины и самого научного исследования. Еще только приступая к чтению лекций в Санкт-Петербургском университете, он обозначил восходящую к христианству моральную норму, устанавливающую связь между истиной, свободой и добросовестностью мышления: «Если есть *Истина*, то она и должна быть только *едина*. Но *Истина* должна и может быть постигаема людьми только *свободно*. И так *единство* и *свобода* два необходимые условия постижения истины, оба эти требования исполнимы только в начале *Любви*, в основном законе христианства»². В свободе совести берут свое начало свобода мнений и развитие науки. Знание не противоречит истинам религии, разум не противостоит вере. Рассуждения Ламанского развивают намеченное А. С. Хомяковым и И. В. Киреевским учение о верующем разуме. Следование принципу свободы совести в делах веры, убежден Ламанский, только укрепит науку. «Все будущее русского просвещения, — писал он, — прежде всего зависит не столько от частных, отдельных, правда полезных и нужных, мероприятий по умножению и улучшению всякого рода училищ в их внешних и внутренних условиях, сколько от возвышения и очищения господствующих у нас воззрений на веру, на дух человеческий, на дух Господень, от развития и усиления не внешней обрядности и формализма, а внутреннего христианского строя и созерцания. Тогда в огромном большинстве людей верующих исчезнет страх перед знанием и наукою, невозможно без свободы мнений и сомнений, без свободы мысли, пропадает всякое желание и поползновение прибегать ко внешней силе или

¹ Ламанский В. И. Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках. Историко-литературные и культурные очерки // Славянский сборник. СПб. : Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество, 1875. С. 490.

² Ламанский В. И. Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского. М. : В тип. Бахметьева на Малой Дмитровке № 14, 1865. С. 4.

помощи для успеха проповеди христианской»¹. И далее продолжал: «С уразумения важности признания свободы человеческого духа в области веры и знания тесно связано сознание великого значения начала разнообразия в просвещении и образованности»². Свобода лежит в основе как веры, так и знания.

К сожалению, социальный идеал христианства, которому следовали славянофилы, не был в полной мере воплощен в истории, властолюбивые притязания церкви и сакрализация власти искажали христианское учение. История Византии и Руси дает тому немало примеров. «Строго логически развитие христианского учения было, конечно, желанно, и его сохранение в целостности и чистоте могло и должно было быть внутренне обязательно для каждого христианина, для церкви в особенности, но оно не могло и не должно было быть для каждого лица внешне обязательно и принудительно, наподобие законов гражданских, государственных, пока они действуют и законодательной властью не отменены. Внутренние же отношения души христианской к Богу составляют тайну и никакому надзору и попечению внешней власти не подлежат. Этой простой истины Византия не признавала», — отмечал Ламанский в своей последней крупной работе³. С этой точки зрения он критически оценивал последствия покровительства христианству со стороны императора Константина. «Пока Константин Великий строго держался Миланского эдикта 313 г., деятельность его была благотворна для христианского просвещения, но когда он стал покровительствовать христианам мерами государственными, то церковь и христианское просвещение, благодаря внешнему покровительству и ряду стеснительных мер против иномыслящих и иноверующих, начали много терять в своем благотворном влиянии на возвышение духа и полет мысли, на очищение общественных нравов, на проникновение христианскими началами гражданских и государственных законов и порядков. С того времени, когда императоры стали христианами и начали христианству покровительствовать, весь придворный, окружавший их мир, все государственные люди и чиновники, во-

¹ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб. : Типо-хромолитограф. А. Траншеля, 1892. С. 119—120.

² Там же. С. 120—121.

³ Ламанский В. И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Критические заметки. Пг. : Сенат. тип., 1915. С. 174.

енные и гражданские, быстро становятся христианами не столько из внутреннего убеждения, сколько из-за и для карьеры. Таким образом мало-помалу христианство становится верою государственною»¹. Превращение христианства в государственную религию привело к искажению как самого христианского учения, так и негативно сказалось на развитии государственности.

В полной мере отрицательные последствия такого союза проявились в истории западного христианства. «Грубость и вещественность духовных понятий, наложенных на западную церковь германскими завоевателями, — писал Ламанский, — произведенный главнейшее ими упадок образования в Италии, Испании, Галлии, Британии, затертое Римом и германцами благотворное влияние на Европу более чистой и возвышенной Ирландской церкви, содействовали распространению и утверждению в западном христианстве начала принуждения и насилия, высшее освящение которому с радостью находили в таких великих светилах, как Иероним и особенно Августин.

С возвышением же папства до новой небывалой прежде силы и власти в церкви, начало принуждения и насилия насквозь охватило просветительное начало романо-германских народов. Признание внутренней законности и необходимости принуждения в делах веры и совести легло в основу духовного воспитания и исторического развития этих народов. Оттого у них истинная терпимость и свобода совести и убеждений слишком слабо и медленно развивались сравнительно с быстрыми успехами их цивилизации»². Насилие и нетерпимость проникли в религию и церковную жизнь из государственного управления, уходящего корнями в практику языческой империи. Реформация, во многом вызванная властными притязаниями римских пап, на деле лишь закрепила ложные понятия об отношении церкви и государства. «Протестанты проводят начало полного подчинения церкви государству, и теоретически признают главу государства видимою главою церкви. Поэтому в протестантских обществах христианская нравственность обыкновенно отождествляется с господствующими в них современными правилами общественного приличия и гражданского благочиния, с чувствами государственного и национального патриотизма. Католическое учение открывает церкви, собственно ее иерархии, обширное поле

¹ Там же. С. 172.

² Ламанский В. И. Видные деятели западно-славянской образованности ... С. 498—499.

вторжению и вмешательству в сферу и права государства, обращает самое церковь в всемирную неограниченную монархию, с папою самодержцем, с высшею аристократиею прелатов-князей церкви, с войском из монашеских орденов, с явною и тайною полициею-инквизицией»¹. Смещение светской и духовной власти способствовало десакрализации церкви и ее обмирщению. Неслучайно усиление власти церкви приводило к новым репрессиям против инакомыслящих и подавлению всех других проявлений свободы. И наоборот, завоевание общегражданских свобод шло в истории западноевропейских народов в ущерб вере.

С этой стороны Ламанский противопоставлял историю католицизма исламу, не без основания видя причины его политических успехов в большей религиозной терпимости, в то время как европейская толерантность была вынужденным компромиссом между равными по силе противниками (католиками и протестантами). «Вообще, за немногими исключениями, мусульманство всегда отличалось большею терпимостью относительно православия, чем католичество, а большинство азиатов, гунны, хозары, старые мадьяры, монголы и турки питали к славянам гораздо меньше племенной вражды и ненависти, чем немцы», — отмечал Ламанский в своей докторской диссертации². Религиозная терпимость турок способствовала их завоеваниям. Ламанский замечал, что иго латинское для православных народов «нередко во многих отношениях было тяжелее турецкого»³. Население Балкан охотнее принимало власть турецкую, чем латинскую. Период религиозных войн в Европе совпал с расцветом Османской империи. Синхроническое сопоставление ренессансной Европы с турецким государством будет явно не в пользу просвещенных европейцев: «Турки XVI в. и позже в религиозных делах далеко превосходили своею терпимостью, особенно к христианам восточным, которые и составляли огромное большинство христианских подданных Турции, и Францию, и все прочие европейские государства. Не у Франции Варфоломеевской ночи учиться было религиозной терпимости преемникам Магомета II и Солимана, у которых восточные христиане искали и находили себе защиту про-

¹ Там же. С. 499—500.

² Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб. : Тип. Майкова, 1871. С. 26.

³ Там же. С. 32.

тив фанатизма латинян, франков»¹. По словам Ламанского, «великий Солиман, который отличался замечательною веротерпимостью, не грабил и не разорял своих подданных, и вообще относительно насилия чужих совестей заслуживает упрека менее, чем кто-либо из его современников, христианских государей. Вообще еще в 1570 году, уже при Селиме II, турецкие подданные, православные христиане, с полным основанием указывали западу на турок в пример веротерпимости и уважение к православию»².

Ламанский был убежден, что более «чистое» учение о церкви и его отношении к государству сохранилось в греко-славянском мире, но и оно не получило полного воплощения в реальности. «Но восточно-христианский мир, — писал он, — был тем счастливее романо-германского запада, что его верховное просветительное начало осталось в сущности чуждо началу принуждения и насилия. Восточно-христианское человечество часто и не менее западного искажало и нарушало в жизни, искажает и нарушает поныне возвышенное учение христианства, но не по внутренней, логической необходимости и строгой последовательности своему верховному нравственному закону и идеалу, а вследствие грубости умственной или расстройств нравов и быта, не умея воплотить этот идеал»³. Греко-славянский мир — носитель православного начала принимает требования единства и свободы. Выше христианства, считал Ламанский, не появилось ни религии, ни философии. Основополагающий принцип восточного христианства он выразил следующим образом: «Единомыслие в постижении истины достижимо только в любви, вполне свободной, отвергающей всяческое принуждение и насилие»⁴. Однако он признавал, что господство православного начала еще не делает его носителей лучше романо-германцев.

¹ Там же. С. 296.

² Ламанский В. И. Болгарская словесность XVIII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. CXIV. С. 118.

³ Ламанский В. И. Видные деятели западно-славянской образованности ... С. 502.

⁴ Ламанский В. И. Вступительное чтение ... С. 5.

В КРУГУ СОВРЕМЕННОКОВ

А. С. Хомяков

Традиционное деление на «ранее» и «позднее» славянофильство не исчерпывает всего разнообразия славянофильского движения, которое вовсе не было постоянной величиной, не отличалось идеологическим единством и было далеко от догматического изложения взглядов. Возникнув в Москве в качестве формы свободного времяпрепровождения обеспеченных и родовитых молодых дворян, оно со временем вышло за пределы узкого философского кружка, скрепляемого кровными узами. В Петербурге славянофильство проникло в ученую среду, идеи славянофилов были восприняты университетской наукой и легли в основу преподавания некоторых дисциплин: историографии (К. Н. Бестужев-Рюмин, М. О. Коялович), истории литературы (О. Ф. Миллер), славистики (В. И. Ламанский), даже математики (московская философско-математическая школа), что позволяет помимо «раннего» и «позднего» указать и на «академическое славянофильство». К заслугам «академического славянофильства» необходимо отнести попытку систематизировать славянофильское учение, предпринятую К. Н. Бестужевым-Рюминым и О. Ф. Миллером¹, с которыми был дружен Ламанский.

Со своей стороны Ламанский мог несколько опосредованно относиться к родоначальникам славянофильства, поскольку не только принадлежал к другому поколению, но и другому социальному слою дворянства, живущему службой и литературным трудом, принадлежал к столичной университетской профессуре, а не досужему московскому барству. Он оставил ряд рассуждений о деятелях славянофильского движения, в том числе о А. С. Хомякове. Оценка

¹ *Бестужев-Рюмин К. Н.*: 1) Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья первая // Отечественные записки. 1862. Т. CXL. № 2 ; 2) Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе. Статья вторая // Отечественные записки. 1862. Т. CXLI. № 3; Т. CXLIII. № 5 ; *Миллер О. Ф.* Основы учения первоначальных славянофилов // Русская мысль. 1880. Кн. I. С. 77–102; Кн. III. С. 1–44.

Ламанского тем интереснее, что, подобно Хомякову, он отдал дань философии истории. Если главный философско-исторический труд Хомякова «Семирамида» был начат еще во второй половине 1830-х гг., а опубликован только в 1860 г., то последнее историософское сочинение Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» вышло в 1892 г. В нем нашло законченное выражение философско-историческое учение, которое он разрабатывал с начала 1860-х гг. Три десятилетия, разделяющие труды Хомякова и Ламанского, демонстрируют эволюцию, которую претерпело славянофильство. Если историософия Хомякова преимущественно религиозна, то Ламанский следует в интерпретации истории уже природно-климатическому фактору и относит свое исследование к области политической географии, а не философии истории в строгом смысле. Концепцию Ламанского можно в большей степени назвать цивилизационной. В основных чертах она сложилась во второй половине 1860-х гг., но оказалась в тени опубликованной в те же годы книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Вышедшая в один год с отдельным изданием «России и Европы» докторская диссертация Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871) содержала близкий круг идей. Дружеские отношения и общение Ламанского с Данилевским не позволяют говорить об одностороннем заимствовании. Более того, ряд принципиальных соображений (о значении языка и политической независимости для формирования самобытной культуры, антагонизме романо-германского и греко-славянского миров) Ламанский, вероятно, сформулировал ранее Данилевского. Неслучайно ученики Ламанского были убеждены в первородстве идей своего учителя. Однако современные исследования не дают однозначного ответа на этот вопрос. Трактат Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» еще не оценен по достоинству в русской философии. Между тем его можно считать завершающим текстом славянофильства, показывающим то направление философско-исторической и геополитической мысли, которое получило развитие уже в евразийстве. В истории Ламанский видит не столько противоборство религиозных мировоззрений, сколько соперничество языков, осложненное географическими различиями, от которых зависит развитие цивилизаций.

Еще в студенческие годы Ламанский проявил свои симпатии к славянофильству, о чем упоминал его друг-оппонент А. Н. Пыпин¹. Увле-

¹ Пыпин А. Н. Мои заметки. Саратов : Соотечественник, 1996. 332 с. С. 113.

чение славянофилами было для Ламанского не только своеобразной компенсацией отсутствия философского образования, упраздненного в то время в российских университетах, но и важнейшим фактом его биографии, способом личностного и национально-культурного самоопределения. Зная славянофильские пристрастия своего университетского друга и желая его позабавить, Д. Л. Мордовцев писал Ламанскому из Саратова 11 апреля 1860 г.: «...у меня в той комнате, которая выходит на балкон и к Волге, на особо устроенной и обвитой плющом “божнице” стоит портрет Хомякова, так что Алексей Степанович поставлен затылком к Волге и мне хочется повернуть его спиной в комнату. Портрет этот поставлен таким странным образом, что, когда к нам приходят попы с крестом, они ошибкой молятся на Хомякова, что несказанно радует Анну Никаноровну»¹.

Вероятно, в эти годы или вскоре после окончания университета состоялась его единственная встреча с Хомяковым, которая произошла у И. И. Срезневского. Скорее всего, результатом этого беглого знакомства стало приглашение вступить в члены Общества любителей российской словесности, председателем которого был Хомяков. Он извещал Ламанского об избрании официальным письмом от 7 апреля 1860 г. Это единственное послание Хомякова, отложившееся в фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

«Милостивый Государь, Владимир Иванович, Общество Любителей Российской Словесности, в заседании 6-го сего Апреля, избрало Вас в Действительные Члены.

С особенным удовольствием извещая Вас о сем избрании, покорнейше прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Алексей Хомяков»².

Последовавшая вскоре смерть московского славянофила преврала начавшееся общение, однако не охладила интереса Ламанского к личности и учению Хомякова. Четыре месяца спустя после неожиданной смерти Хомякова Ламанский писал И. С. Аксакову (5 февраля 1861 г.): «Я считаю себя счастливым, что мне удалось видеться с Вашим братом, также не перестану никогда бранить случая, помешавшего мне познакомиться с Хомяковым»³.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 992. Л. 14 об.

² Там же. Ед. хр. 1474. Л. 1.

³ Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. XII. С. 85.

Научная деятельность Ламанского началась в Публичной библиотеке и Государственном архиве Министерства иностранных дел, а его первые работы были посвящены русской истории XVIII в., в частности, истории Академии наук. С 1859 г. и в 1860-е гг. он опубликовал большой массив архивных материалов по русскому XVIII в., а также ряд исследований о М. В. Ломоносове, правда неоконченных (всего более полусотни работ). К этому времени относится и его письмо М. П. Погодину, в котором речь кратко заходит о Хомякове: «Я ставлю в заслугу покойному Хомякову и то, между прочим, что он чуть не первый указал на значение царствования Елисаветы, которую во многом напрасно оболгала Екатерина. Эта барыня для России совершенный Лудовик XIV... Елисавета... вообще была добрая, искренно любившая Россию, уважавшая человеческое достоинство из простоты души своей гораздо больше Екатерины, которая была только деликатнее в обращении...»¹ Сорок лет спустя Ламанский повторил свое заключение в отзыве на одно из конкурсных сочинений. «Справедливость требует заметить, что честь первой верной оценки ее значения в нашей истории принадлежит Хомякову», — писал он². Здесь же Ламанский приводил мнение Хомякова 1845 г. о русской императрице. Оценка Ламанским царствования Елизаветы Петровны во многом повторяла заключения Хомякова и С. М. Соловьева. «В самом деле, — продолжал он, — отмена смертной казни, значительное ослабление деятельности Тайной Канцелярии по оскорблению Величества (при Анне Иоанновне и Анне Леопольдовне сюда относились и все резкие выражения частных лиц о Петербургских немцах), заметное смягчение нравов, помилование Ломоносова — не вступи на престол Елисавета, он был бы приговорен к смертной казни или ссылке в Сибирь (Юсуповская комиссия), — основание Московского университета — все эти дела царствования Елисаветы приготовили лучше явления так называемого века Екатерины. Под влиянием благотворных и освободительных мер этой доброй, умной, чисто

¹ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. Кн. XVIII. С. 373.

² Ламанский В. И. Разбор сочинений заслуженного профессора Императорского Новороссийского университета Ал. Кочубинского «Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории Восточного вопроса. Война пяти лет (1735—1739)» Одесса, 1899 // Отчет о сорок втором присуждении наград графа Уварова (Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. VIII série. Т. VI. № 2). СПб. : б. и., 1902. С. 143.

русской государыни, искренно, не для показу любившей Россию, русский народ, всегда сознававшей непосредственную, кровную и духовную с ним связь, росли и воспитались многие, лучшие наши деятели второй половины XVIII в. — Болтин, Десницкий, Лепехин, Поповский, Порошин, Поленов, Новиков, Радищев, Фон-Визин и другие птенцы гнезда Ломоносовского»¹.

Уже в первой публичной лекции в Петербургском университете, обозначавшей направление его ученой и педагогической деятельности, Ламанский прямо относил себя к продолжателям дела славянофилов, ставя им в заслугу распространение интереса к славянству в русском обществе. «Говоря об успехах Славистики в России, — замечал он, — не могу умолчать о деятельности М. П. Погодина и той Московской школы, которая у нас известна под именем славянофилов. Хомяков, Киреевский, К. Аксаков и др. сами не оставили никаких строго ученых трудов в области Славистики, но они имели огромное влияние на ее успехи своими изданиями (Валуевский, Московский Сборники, Русская Беседа и пр.), своим смелым обличением жалкого умственного бессилия, на которое добровольно обрекло себя Русское общество, вследствие своего подражательного направления и Молчалинского отношения к Западу: “как нам сметь свое суждение иметь”. Хомяков занимает сверх того очень важное место в истории панславистических идей. У Славян Южных и Западных его имя пользуется общею сочувственною известностью: Словаки справедливо его назвали пророком Славянства»². Сам Ламанский за свою исследовательскую и преподавательскую деятельность на поприще славянской филологии и истории заслужил наречение «патриархом славяноведения». Успехи славистики во второй половине XIX в. уже во многом были связаны с работами самого Ламанского и его учеников. В отличие от ранних славянофилов и Хомякова, бывших дилетантами, Ламанский и его школа заложили основы научного изучения славянства. Благодаря Ламанскому и его школе история славянских народов отделилась от славянской филологии и стала самостоятельной научной и учебной дисциплиной. Первая крупная работа Ламанского — магистерская диссертация «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859) — была и первым в России

¹ Там же. С. 143—144.

² [Ламанский В. И.] Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского. М. : В тип. Бахметьева на Малой Дмитровке № 14, 1865. С. 2.

историческим трудом по истории славян, написанным со славянофильских позиций. В ней впервые был высказан славянофильский взгляд на исторические судьбы славянских народов.

Хорошее знакомство со славянскими землями, историей и языками славянских народов сформировало у Ламанского целостное восприятие славистики как дисциплины, побуждало комплексно рассматривать и оценивать историю и культуру славянских народов. С этой точки зрения категоричные и крайне односторонние высказывания Хомякова не могли удовлетворить университетского профессора. В письме И. С. Аксакову 17 ноября 1880 г. он замечал: «Вы, Иван Сергеевич, очень талантливый писатель и хороший человек. Но Вы не требуете от себя той строгости, которой я требую от себя, хотя и очень плохой писака. Наприм<ер>, Гёте с Бекетовым я не сравнивал, я только хотел Вам примером показать, что часто бывает в истории — люди совершенно на разных концах и друг другу неведомые или несочувствующие работают в одном направлении, для одного дела. Хомяков предъявлял запрос на самостоятельность русской мысли в положительном значении, а в это же время и даже раньше выступали отдельные русские умы и на деле заявляли самостоятельность и творчество русской мысли, которую сам Хомяков проявлял в философии и богословии, но не в филологии, в которой он был ужасен. Хомякову честь и слава, что он угадал гений Глинки и силу Иванова, и я не ставлю ему в вину, что он не знал некоторых русских ученых. Он был только неправ, говоря, что мы не выдумали даже мышеловки. Не презирайте так деятелей знания. ...В области духа — Фет, А. Майков величины меньшие, чем, напр<имер>, Менделеев, открывший и объяснивший не какой-нибудь факт, а закон, который подтверждается и объясняется другими работами, опытами и открытиями. Нужно строго относиться к дуракам, тупицам и фанфаронам, но надо же образованным русским людям не только требовать самостоятельности русской мысли, но и уважать ее там, где она, слава Богу, проявляется»¹. Главную заслугу Хомякова и славянофильства в целом Ламанский видел в развитии самостоятельной русской науки, философии, культуры. Пришла пора завершить подражательный период русской истории и начать мыслить самостоятельно, без оглядки на европейские авторитеты. Только так русская наука сможет встать вровень с западной наукой и приобрести мировое значение.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 149—149 об., 147.

Примером такого взросления русской науки Ламанский считал открытие Д. И. Менделеева, своего университетского коллеги. Первый опыт русского научного мышления Ламанский видел в творчестве М. В. Ломоносова.

Заслуга же Хомякова состояла в пробуждении самостоятельности русской мысли и самодеятельности русской науки, хотя конкретные достижения самого Хомякова он оценивал достаточно скромно. «Несмотря на множество ошибок, всяких натяжек и крупных недостатков, неизбежных у всех самородков и самоучек сильных в высшей и слабых в низшей критике, Хомяков является в истории Русской мысли, литературы и образованности великим деятелем и писателем, но не в чем-нибудь целом, а в избранных отрывках. Такие гениальные самородки были у всех европейских народов. Их значение в истории как бы прообразовательное, их значение — предтеч. Они собою намечают и предсказывают будущих гениев»¹. Хомяков, полагал Ламанский, не создал нового направления в науке, не основал школы, не сделал важных открытий. Его значение в другом. Он указал путь, по которому должны последовать русская наука и культура, если они хотят выйти из провинциального прозябания и малопродуктивного подражания. Это путь самостоятельного поиска истины и опоры на народные начала в искусстве и литературе, раскрывающие гуманистическое содержание русской культуры. Недаром, признавая случайность и даже неуместность закрепившейся за этим направлением номинации — славянофильство, Ламанский предлагал называть его народным или гуманистическим.

Ламанский не оставил крупных или даже отдельных работ о Хомякове. В отличие от своих друзей — К. Н. Бестужева-Рюмина и О. Ф. Миллера, он не посвятил ему самостоятельного исследования, хотя и ощущал живую связь с лидером славянофилов. Упоминания Хомякова встречаются в трудах Ламанского редко. Не сохранилось сведений об откликах Ламанского на столетнюю годовщину Хомякова (1904). Тем интереснее набросок речи о Хомякове, отложившийся в архивном фонде Ламанского. Речь готовилась для выступления в Отделении русского языка и словесности Академии наук, поскольку после ухода из университета деятельность Ламанского

¹ Ламанский В. И. [Рецензия] : Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. II. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. СПб., 1891. IV + 428 стр. // Живая старина. 1890. Вып. II. С. 229.

сосредоточилась в Академии наук. В архиве рукопись датирована «после 1906 г.», вероятно потому, что Ламанский упоминает в ней «недавно умершего» своего друга В. В. Стасова (1824—1906). В библиографии работ Ламанского, составленной П. Д. Драгановым в 1905 г. и включавшей в том числе неопубликованные сочинения ученого, также нет ссылок на рукописи, которые можно было бы сопоставить с «Речью памяти А. С. Хомякова»¹. Обращение к личности и учению Хомякова послужило для Ламанского поводом дать краткий очерк зарождения славянофильского движения в целом, из которого видно, насколько близко он воспринимал славянофильство. К большинству деятелей раннего славянофильства он высказывает личное отношение, вписывает их в свою биографию. К сожалению неоконченный и черновой характер рукописи не позволяет представить ее в виде самостоятельной публикации, но дает возможность привести ее составе исследовательского текста.

«В последнем заседании II отделения с разрядом изящной словесности почетный академик Н. А. Котляревский предложил отделению посвятить памяти Хомякова публичное заседание, что он и прив.-доц. С. А. Адрианов готовы представить свои сообщения об этом писателе († 1872 году)².

Много обязанный Хомякову в этическом самовоспитании, в расширении умственного кругозора, за оригинальное освещение и анализ исторических культур Романской и Германской Европы и исторических судеб Греко-Славянского мира, я считал моим нравственным долгом просить Отделение и Разряд о позволении мне присоединиться сегодня к двум нашим писателям.

Не думая и не позволяя себе становиться на одну доску с двумя нашими покойными писателями — Д. А. Валуевым и А. Ф. Гильфердингом — двумя даровитыми питомцами и учениками Хомякова, — я считаю себя, однако, вправе называть себя их соревнователем и продолжателем, хотя и был непосредственным учеником многоуважаемого профессора и академика Срезневского. Валуев умер очень рано, едва ли достигши 25 лет в начале 50-ых годов, и оставил

¹ Драганов П. Д. Библиография учено-литературных трудов В. И. Ламанского и материалов для его биографии // Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905. С. XI—LVIII.

² Указан год смерти А. Ф. Гильфердинга, о котором далее идет речь. — А. М.

по себе немного работ, но все труды многоценные по истории России и земель Славянских. Старше меня лишь двумя годами Гильфердинг умер жертвою научной любознательности, заразившись тифом на пароходе на Онежском озере во вторую свою поездку в Олонецкий край, при записывании былин. Гильфердинг совершил в разные годы еще два плодотворных путешествия — по Боснии и Герцеговине и по Македонии, оставил по себе целый ряд важных трудов по истории Балтийских Славян, истории Сербии и Болгарии и много статей о разных исторических и политических Западно-Славянских вопросах, наконец, он соорудил себе прекрасный памятник превосходным сборником Онежских былин.

Оба (Валуев и Гильфердинг. — А. М.) эти даровитые птенцы гнезда Хомякова оставили по себе большой след и в русской истории и в славяноведении. С сочинениями Хомякова я стал знакомиться еще студентом, но лично был с ним незнаком и только один вечер, навсегда мне памятный, как-то зимой 50-х гг., в Петербурге на дому у Срезневского я видел и слушал Хомякова, неожиданно приехавшего с отцом Гильфердинга. Когда я бывал в Москве в 50-х и 60-х гг. очень, впрочем, нечасто зимою, я ни разу не мог увидеть Хомякова, проживавшего тогда в деревне, не видал ни разу и братьев Киреевских; но близко, впрочем, познакомился с В. А. Елагиным, их братом, и К. Аксаковым. Впоследствии я познакомился ближе с Ю. Ф. Самариным. От В. А. Елагина, очень образованного человека и занимавшегося историею Венгрии, я слышал очень много интереснейших подробностей о Хомякове, Киреевских и особенно Валуеве, воспитанном Киреевскими. Еще мальчиком он поражал их всех не только выдающимися способностями, но необыкновенною энергиею и силою воли и главное спокойным беспристрастием — ничем, бывало, нельзя его было испугать. Окончивши университет в один год с С. М. Соловьевым, Валуев прибрал к рукам своих дорогих и обожаемых им воспитателей и всем им заказывал работы для задуманных им сборников о России и славянских землях. Сам приготовил прекрасную работу о местничестве и выпустил в свет известный “Симбирский сборник”.

Валуева я не знал, так как он умер, когда еще о нем я и не слышал и не был еще студентом. Гильфердинг почти половину своей жизни провел в Петербурге, и я был близко с ним знаком и принадлежал к кругу его близких приятелей. Отец Гильфердинга, кончившего Московский университет, был очень близок к Хомякову, старому приятелю его отца. От Гильфердинга отца и сына его, считавшего

себя учеником его, от А. Н. Попова, воспитанника Московского университета, старого знакомого и почитателя Хомякова, автора прекрасной книги о Черной Горе, известного историка-юриста, много работавшего по русской истории, особенно от В. А. Елагина — родного брата по матери братьев Киреевских, от близко мне знакомого, сильного и энергичного деятеля и писателя, часто бывавшего в нашей семье — Ф. В. Чижова, от двух братьев Аксаковых — Константина, с которым я по-недолгу и редко видался в Москве и короткое его пребывание в Петербурге, когда совсем больной он уезжал на остров Корфу, где и скончался, я получил много ценных сведений и воспоминаний о Хомякове и его ближайшем круге друзей. С Иваном же Аксаковым, последним представителем этой даровитой семьи и младшим сыном крупного художника-писателя, я был постоянно до его смерти в дружеских отношениях и тоже много слышал о Хомякове. Сверх Аксаковых я имел случай познакомиться с Ю. Самариним.

Этот так называемый “славянофильский” кружок (кружок Хомякова, Аксаковых, Киреевских) не пользовался <поддержкой> ни нескольких молодых тогда профессоров М<осковского> Унив<ерситета>, ни Белинского в Петербурге, тогдашнего властителя дум молодого поколения, ни также третьего Отделения и его правителя — Дубельта, чему я и представил свидетельства в статье моей о Чижове.

Самый даровитый и сильный из тогдашних противников этого кружка — А. И. Герцен — в своих воспоминаниях за границей всегда вспоминал с чувством любви и уважения о Хомякове и его друзьях, называя их друзьями-противниками и противниками друзей. Прибавлю, что и Хомяков в свою очередь отозвался об умершем Чаадаеве — своим главным антагонисте — с любовью и глубоким уважением.

У нас пока мало замечали, что эта кучка и кружок московских Славянофилов имели своих давних предшественников и как бы родоначальников в учениках Ломоносова — Поленове, Лепёхине и других крупных писателях Екатерининской эпохи и в других русских замечательных деятелях к<онца> XVIII и первого тридцатилетия XIX в. — Болтине, Фонвизине, Новикове, Чулкове, Суворове, Ермолове, Крылове, Грибоедове, Пушкине, братьях Александре, Сергее и Николае Тургеневых, Надеждине, Дале, Погодине, стремившихся к самостоятельности русской мысли и не немногих из них, почти вполне успевших освободиться от подражательности. Таковы в особенности были — в русской литературе и нашем просвещении — Грибоедов и Пушкин.

Преждевременная их смерть прервала внутреннюю и внешнюю связь, соединявшую их с так называемым кружком Славянофилов, выступавших уже на поле деятельности в 40-ых, 50-ых и 60-ых годах. В конце 40-ых до вступления на престол Александра II они были вынуждены к молчанию. Но связь их с Жуковским, кн. Вяземским, Веневитиновым, Баратынским, Гоголем, кн. Одоевским всего лучше доказывает, что кружок так называемых Московских Славянофилов — Хомякова, Киреевских, Аксаковых — далеко не случайное и не напрасное явление русской образованной жизни и литературы. Напротив, она имела свои исторические корни и медленно, но естественно распускала свои отпрыски. Она же дала не одного крупного писателя-художника — С. Т. Аксакова, Кохановскую. Алексей Толстой примыкал к ней, как и Островский вместе с талантливым и образованным критиком, но несколько опустившимся Ап. Григорьевым. То же самое могу сказать о довольно близко мне известном, таком образованном критике — Страхове и нашем гениальном писателе Ф. М. Достоевском, уважавшем Славянофилов и во многом им сочувствовавшем.

Яростные противники Славянофилов в 50—60-х годах не умели или не хотели признать их возрастающего влияния в просвещенных и образованных кругах русского общества. Москвичи — Погодин, Шевырев, профессора — Лешков, Беляев, петербургские профессора — Срезневский, Калмыков, Неволин, Бестужев-Рюмин, Ор. Миллер, ориенталисты, близко мне знакомые, Григорьев, Равентев <?>, Васильев, Захаров — все они в борьбе “Русского Вестника” с “Русскою беседою” по вопросам о народности, самостоятельности русской науки принимали сторону “Русской беседы”.

Хомяков не принадлежал, конечно, к нашим великим, правда, очень немногим поэтам, но нельзя отрицать его поэтического дарования, признанного Пушкиным. Но как прозаик он, конечно, один из лучших наших писателей. У него, как у всех писателей быстрых мыслями с художественным дарованием и сильным оригинальным умом, мы находим целые страницы превосходных образцов русского прозаического языка, полного меткостью, богатством слов и удачных выражений.

Хомяков после первого виденного им представления “Жизни за царя” приветствовал в Глинке первого русского оригинального композитора. “Руслана и Людмилу” Хомяков, вероятно, не видал, в Петербурге первоначально она не имела успеха и поэтому долго ее не возобновляли в Петербурге, а в Москве, вероятно, и не давали.

Эпилог “Жизни за царя” Хомяков первый назвал *чудное создание современного искусства*.

У Хомякова есть прекрасные страницы о многолетнем подражании западных художников греческой архитектуре, пластике... “Та же участь постигла и все другие самобытные стили. Все они усвоены новейшею Европою, а особенно Германиею: но надобно отдать честь Баварии, она в этом роде перещеголяла всех. Чего ни попросишь, она всем готова подчиняться и Греческим и Римским и Готическим и Византийцем. Бавария готова и картины писать во всех возможных стилях...”

Германия говорит своему художнику: «лепи мне фигуру в греческом вкусе», и художник принимается за дело. Ему бы следовало сказать, что он не Эллин, что он не поклоняется богам олимпийским, что он родился не под тем небом, воспитан не тою жизнью, — а он лепит себе да лепит. Грек в последствии своего исторического развития обоготворил вещественную красоту и силу, поклонявшийся с религиозным трепетом своим пластическим идеалам, созидал формы, одушевленные чудною гармониею и передавал покорному камню часть того художественного духа, той глубокой и чистой любви к вещественному, которыми сам жил во всей полноте своей жизни. Это делал Эллин и никто, кроме Эллина, не сделал и сделать не может. Когда и для него настала минута отвлеченной мысли, когда Платон и Аристотель открыли новую область красоты духовной и знания, тогда поблекли прежние идеалы. Вещественная красота перестала быть предметом религиозного поклонения, она перестала также посылать художникам полное вдохновение. И неужели после стольких веков и стольких опытов и стольких прямых и кривых мудрствований, Немец или Европеец вообще возвратит улетевшее вдохновение эллинского ваятеля? Когда Анакреон с глубокою и безотчетною любовью воспевае дивную красоту вещественных форм, или Пракситель передает ее камню, в них дышит какая-то невинность младенческого невежества, незнающего еще сомнения, и по этому — порока. Венеры новейших скульпторов сладострастны: и когда великий Гёте нанизывает стихи своих Римских элегий, беспристрастный читатель (если он одарен истинным духом изящного) видит сквозь искусство поэта уродливое сочетание важной и задумчивой головы Немецкого ученого с полуживотным туловищем козлоного Сатира. Это вечный диссонанс. Зодчество древнее также мало дается новейшим, как и ваяние...

Не легче греческого досталось и Готическому стилю. Красота же его как будто доступнее и меньше требует изучения. Были бы столбики, да высокие стрельчатые своды, да стрельчатые окна, да башенки с каменными кружевами: вот и готическое здание. Недостает малости: недостает той жизни средних веков, которою веет от старых соборов Запада; недостает той силы дикого разгула личности и таинственно грозящей религии, с глубоким сокрушением сердечным, с постоянною борьбою между страстями, не привычными к покорности и бурными восточными суевериями, *искушающего внутреннего разврат человека вечными страданиями и подвигами*. Нет того, чем двигались крестовые походы, или того, чем кипела и волновалась Европа. Нет ни бури сердца человеческого. Кто строил храмы среди волков? Кто слагал народные песни? Жизнь народная во всей ее полноте. А теперь и рационалист, чуждый всякому верованию, кроме верования в самого себя, и протестант, недогадливый предшественник рационалиста, и пиетист образованный <— все жилки и крылья у души для того, чтобы она не впала в ложные пути>, все берутся за готические храмы. Зато, — так как они не созданы горячим вдохновением, они ничьей души и не греют; так как они не созданы потребностью молитвы, молитва в них не заходит. И все-таки ни одному художнику западному и особенно Немецкому не придет в голову, что он не способен воскрешать Готическое искусство”.

Статьи Хомякова о безнародности и мертвенности тогдашнего русского и вообще европейского искусства — живописи, скульптуры и архитектуры, силившихся подражать чужим прошедших веков стилям — нашли себе даровитого и искреннего продолжателя в недавно умершем крупном деятеле нашем — В. В. Стасове. Точно так же он раньше Стасова приветствовал в Глинке и Иванове двух великих самобытных русских художников. В статьях Стасова “Наши художественные дела о судьбах искусства за последнее столетие” 1869 г., в нескольких страницах о Хрустальном дворце в Лондоне (в статье “Столицы Европы” имела быть она 1876 г.), <“>Русский народный орнамент, ткани, кружева<”> и вообще в главных, больших трудах Стасова, посвященных русскому искусству, старому и новейшему, вы найдете дальнейшее развитие и не немногих (так в оригинале. — А. М.) высказанных Хомяковым мыслей, наблюдений и чаяний относительно древнего, старого и ожидаемого будущего русского искусства: музыки, живописи, ваяния и архитектуры.

Строго внимательно изучал Хомяков Канта, Шеллинга и Гегеля, в постоянном дружеском общении с Киреевским Иваном и Самари-

ным Юрием, одинаково развившим и закалившим свой ум в чистых, холодных струях Кантовской философии, он убедился, что историк обязан вникать в начала и судьбы умственных движений, господствовавших в тех или других странах и народах разных веков, так как говорил Хомяков, “развитие судеб человечества темно для того, кто не понимает его духовного развития”. Значение исторических эпох и народов растет и поднимается, поскольку сильнее и ярче проявляется близость ума и свободная жизнь духа. Так, остановясь на Арабах VII—IX в<в>., Хомяков указал на развитие наук и искусств (зодчества и поэзии), об усовершенствовании торговых путей, о смелых и предприимчивых путешественниках Арабских и при этом непрерывные войны, раздоры, набеги. “Там, где жив дух, жизнь кипит во всех его проявлениях и во всем многообразии общественного организма. Ислам еще не совершил своих путей и не обличил себя в безысходной лире. Человечество еще черпало в нем вдохновение и надежду: от того-то и области его цвели богатством вещественным и духовным, несмотря на вечную войну, а эти самые области (Испания, Персия, Африка, Сицилия и др.) в наше время в руках тех же мусульман и христиан обратились, несмотря на долгий мир, в пустыню для глаза и в пустыню для души. Бесчувственная дремота *убийственное меча* для народов и для человечества”.

При всей ограниченности Ислама и недолговечности его процветания, Хомяков старается выставить все прекрасное, что было у Арабов в цветущую пору их развития.

“Едва ли какая-нибудь царская династия может представить лица столь чистые в нравственном отношении, как некоторые из первых халифов. Так, напр., этот Омар, владыка бесконечного царства от берегов Инда до Атлантики, довольствовался для своего домашнего расхода суммою, которою пренебрег бы даже небогатый частный человек. Все лишнее шло на милостыню. Одна жена была подругою магометанина, которому закон разрешал многоженство. Рогожа и подушка, набитая шерстью, были единственной роскошью его царской палаты. Отравленный, как кажется, родственниками, он отвечал приближенным, предлагавшим ему врачебную помощь: «к чему мне мучиться? Разве не благ мой Бог да пойду к нему?», а тем, которые предлагали ему отыскать отравителей, он отвечал: «я не хочу их знать, чтобы не быть в необходимости казнить их». Многие другие халифы были подобны этому царскому отшельнику; но самые их добродетели были несовместимы с новым государственным значением халифата”. Ислам требовал войны и насилия для обращения в него народов покоренных.

Приведу еще одно прекрасное место из Хомякова относительно Византии при Иконоборцах. “Династия восточных иконоборцев на престоле Византийском заслужила благодарность империи, несмотря на распри и раздоры религиозные, и пробужденная ими энергия продолжала еще проявляться несколько времени после их прекращения.

Такова разница между раздорами, проистекаемыми из какого бы то ни было движения мысли религиозной, нравственной или общественной, и раздорами, возникающими из частных выгод и требований. Споры мелких Итальянских династов или Немецких князей губят Италию и Германию. Английская и Французская революции возвышают Англию и Францию<”>.

Хомяков написал несколько французских брошюр и несколько английских писем к одному духовному лицу Английскому — посвященных объединению церковей.

Объединение христианства и прекращение войн и восстановление мира и братства между народами давно признаны огромным большинством и благоразумных и практичных людей. Наша духовная и светская цензура долго не допускала в Россию эти французские и англ<ийские> брошюры. Но мало-помалу, особенно после русского перевода их, изданного Самариным в Праге, они проникли в наши Духовн<ые> Акад<емии>, и молодые поколения ознакомились с Хомяковым.

Самарин в своем предисловии сказал, что Хомякова следует называть Учителем Церкви. Это сравнение Хомякова с Отцом Церкви первых 5 веков христианства возмутило у нас многих благочестивых людей из высшего и низшего духовенства.

Но не один Самарин выразился так о Хомякове. — В 60-х гг.»¹.

На этом рукопись обрывается. Повторы и обширные цитаты указывают на то, что перед нами черновик. Достоверно неизвестно, по какой причине «Речь памяти А. С. Хомякова» не была окончена. Вероятно, последовавшие в скором времени физические недуги остановили работу ученого. «Речь памяти А. С. Хомякова» — один из немногих текстов Ламанского, в которых он дает общую, хотя во многом и сумбурную, характеристику славянофильского движения. Работ по истории славянофильства он не оставил. Тому, вероятно, есть несколько причин, главная из которых состоит в том, что он не считал дело и учение славянофилов завершенным, а значит, еще не пришло время для написания его истории. Сознывая свою

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 104. Л. 1—8.

причастность к славянофильству, он не был готов подводить итоги, фиксируя исчерпанность славянофильской программы. Общим для Хомякова и Ламанского было следование гуманистическим и христианским ценностям, присущим славянской культуре¹. Если Хомяков стоял у истоков славянофильства, то учение Ламанского показывает те перспективы, которые открывались перед славянофилами. Первая мировая война положила конец иллюзиям о славянской взаимности и братстве, а формирование отдельных славянских государств подтвердило его опасения в их культурной и политической несамостоятельности. Однако концепция Греко-славянского мира, предложенная Ламанским, получила развитие в теории евразийцев, наглядно показывая преемственность этих двух направлений русской мысли.

И. С. Аксаков

Среди деятелей славянофильского движения Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886) занимает особое место. Родственно связанный с московским кружком так называемых ранних славянофилов, он продолжил их дело и на целую четверть века стал символом, а во многом и идеологом славянофильства. Благодаря его публицистике славянофильство вышло за пределы московских кружков и салонов и стало достоянием общественной мысли России. «Созданное им за это время, — пишет А. А. Тесля, — оказалось, пожалуй, решающим по значимости в интеллектуальной истории славянофильства — не столько в разработке отдельных положений славянофильского учения, сколько в самом внесении славянофильства в публичное пространство, обеспечение ему долговременного присутствия в нем <...> сделать славянофильство фактором общественной жизни, трансформировать славянофильское учение из взглядов небольшого кружка в мировоззренческую позицию, открытую широкому кругу участников — это преобразование является преимущественно его заслугой»². Аксаков был связующим звеном между ранними и поздними славянофилами. При этом философское значение Аксакова

¹ Савицкий А. Что значит быть славянином в современном мире? : К проблеме славянской идентичности // Философский полилог. 2017. Вып. 2. С. 7—16.

² Тесля А. А. «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб. : Владимир Даль, 2015. С. 168.

заметно скромнее его предшественников и многих последователей. Однако его биография, литературная, публицистическая, общественная и редакторская деятельность дают богатый фактический материал для изучения как его жизни, так и славянофильского движения и даже целой эпохи.

Под непосредственным влиянием или даже присмотром Аксакова формировалось и петербургское славянофильство, ставшее в последней трети XIX в. заметным интеллектуальным явлением. В отличие от Москвы, столичное славянофильство концентрировалось по большей части в профессорских кабинетах и Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе. В Петербурге славянофильство отличалось научным уклоном, преодолев семейную замкнутость московского кружка. Это позволяет говорить об академической разновидности славянофильства. Можно указать по крайней мере две причины, по которым петербургские славянофилы теснее сходились с Аксаковым. Во-первых, Аксаков был ближе к поколению петербургских славянофилов, чем к А. С. Хомякову и И. В. Киреевскому. Во-вторых, в Аксакове импонировал практицизм, проявлявшийся в первую очередь в его активной издательской и редакторской деятельности, организации помощи южным славянам и т. п. Он охотно привлекал к сотрудничеству в своих изданиях петербургских единомышленников. Идеинная близость, скрепляемая совместной работой, подтверждалась и отказом от дистанцированности, которой грешили многие московские славянофилы, демонстративно отдалявшие от себя людей, не входивших в их родовой круг. У Аксакова не было того «московского генеральства», которое так задевало, например, Ламанского. Впрочем, в Петербурге никто не оспаривал славянофильского первородства Аксакова.

Владимир Иванович Ламанский был знаком с Иваном Сергеевичем Аксаковым без малого тридцать лет, сотрудничал со многими славянофильскими журналами, начиная с «Русской беседы» (1858), хотя сам признавался, что во многих аксаковских изданиях участвовал посредством переписки с редактором и, в меньшей степени, статьями. После смерти Аксакова он писал 21 марта 1886 г. его вдове Анне Федоровне: «Лучшие воспоминания моей жизни (с 1858 г.) связаны с моими сношениями с Иваном Сергеевичем. Немудрено, что, вспоминая о нем, становлюсь неумеренно болтливым. Много я нравственно ему обязаный. Переписка его со мной была всегда для меня утешением и ободрением, исправляла во многом меня

и подымала на добрые дела нравственные»¹. Опубликованные письма позволяют проследить темы, которые взаимно волновали Аксакова и Ламанского. Сознывая себя продолжателем дела московских славянофилов, Ламанский придавал особое значение своим отношениям с Аксаковым. В 1859 г. для аксаковской газеты «Парус» Ламанский подготовил «Исторические письма об отношении русского народа к его соплеменникам», в которых наиболее полно высказались славянофильские убеждения Ламанского той поры. К сожалению, из-за цензурного запрета газеты «Исторические письма» так и не были опубликованы. Именно Аксакову в Москву в 1863 г. Ламанский через своего старшего брата Порфирия отправил для публикации трактат Л. Штура «Славянство и мир будущего». Аксаков, правда, публикацию отклонил.

После получения первой книги Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» Аксаков писал в ответном письме 14 июля 1859 г. из Москвы: «Что важно в Вашей деятельности, что возбуждает к ней сильное сочувствие, — это то, что Ваша ученая речь дышит жизнью, что в прилежном исследователе слышишь человека с плотью и кровью, что в изысканиях видишь не только искренний интерес археолога, но присутствие или, так сказать — веяние высшей идеи, дающей истинный смысл, расширяющей значения, раздвигающей тесный горизонт археологических интересов. Чувствуешь — во имя чего совершен этот труд, преодолены препятствия, поставляемые кропотливою, сухою работою. <...> Предсказываю Вам, любезный Владимир Иванович, что Вам суждено ввести Слав<янский> вопрос в область ученых вопросов первой важности, придать ему общественное значение, сделать его вопросом жизненным. Тогда и трудности не покажутся трудными, и изыскания не сочтутся сухими, и явится много деятелей»². Ламанский и впрямь как по завету Аксакова со временем стал крупнейшим европейским славистом, создавшим свою научную школу. Его славянофильское исповедание непринужденно перетекало в славяноведческие исследования, где филия находила продолжение в воле к знанию. Правда, Ламанскому, несмотря на все попытки, не суждено было переработать славянофильские идеалы в политическое мировоззрение. Общественное влияние и значение его трудов было минимальным.

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 6. № 66. Л. 2 об.

² Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. IX. С. 28.

Речь Ламанского «при публичной защите диссертации на степень магистра» и диссертационные «положения» были опубликованы в 1860 г. в «Русской беседе», редактировавшейся Аксаковым¹. Для аксаковской газеты «День» Ламанский в 1861 г. готовил статью «Россия — мир славянский»². Об этом он сообщал в письме 29 сентября 1861 г.: «Пишу для Вас и целый ряд статей — Россия — Мир Славянский. Это собственно profession de foi Москаля всем южным и Западным Славянским патриотам»³.

Защита магистерской диссертации позволила Ламанскому сначала выхлопотать заграничную командировку для продолжения ученых занятий по истории и языку западных и южных славян, а по возвращении приступить к чтению лекций в Санкт-Петербургском университете. Вступительная лекция Ламанского была опубликована Аксаковым в газете «День», а также издана отдельной брошюрой⁴. Об этом Ламанский упоминал в одном из писем: «Иван Сергеевич. Вот Вам конец статьи о Безбардисе, отправленной вместе с моим вступительным чтением вчера утром. Я забыл Вам написать об оттисках. Лекции прикажите изготовить до 300 оттисков, не менее 250, — надо разослать побольше Славянам. Меня теперь там читают, хотя и бранят. Недавно Drien. Ziter. посвятил несколько статей моей брошюре Нац<иональности> Ит<альянская> и Слав<янская> в политическом и литературном отношениях». Да закажите оттисков 25 статьи о Безбардисе. Пожалуйста, не изменяйте в ней и не выкидывайте ничего, тем более конца. Не бойтесь. Начатая недавно агитация против Немцев Остзейских развивается гораздо быстрее, чем можно было предполагать»⁵.

В письмах Ламанский, естественно, не касается личности своего адресата, почти избегает оценок. Он чаще и охотнее (в том числе

¹ Ламанский В. И. Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» // Русская беседа. 1860. Кн. 19, № 1. С. 119—132. Публикуется в наст. изд. (С. 431—433).

² Публикуется в наст. изд. (С. 434—439).

³ Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. XII. С. 90.

⁴ Ламанский В. И.: 1) Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского // День. 1865. № 50—51. С. 119—1203; № 52. С. 1239—1242 ; 2) Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского. М. : В тип. Бахметьева на Малой Дмитровке № 14, 1865. 32 с.

⁵ РО ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 4. № 323. Л. 5.

и в статьях) упоминает о старшем брате Аксакова, Константине Сергеевиче. Одна из редких характеристик Ивана Сергеевича содержится в письме родителям, отправленном в июне 1863 г. из Вены во время первой заграничной командировки: «Мужественная, энергическая личность. Действительно натура Прокопия Ляпунова. Борьба и препятствия его закаляют. Дай Бог ему сил и воли. Он принесет много добра Русской земле»¹. В другом письме, отправленном родителям уже во время второй заграничной командировки из Венеции (23 марта / 4 апреля 1869 г.), Ламанский косвенно ссылался на социальный идеал славянофильства в формулировках, близких аксаковским: «Мы все сыновья, братья, племянники рабов или рабовладельцев. Еще недавно или мы били или нас били. Еще и по сие время у нас есть податные и неподатные сословия, есть дворяне, свободные от важнейшей государственной повинности — военной службы. Я не удивляюсь, что наши министры хотят зажать рот Аксакову. Мне странно, что наша журналистика и литература так мало делает для распространения здравых понятий о податной системе. Напр<имер>, в <“>Заре<”> пишет Градовский о конституционных теориях французов. Моя Синьория, старая Венеция, была во многих случаях препоудейшее правительство. Но за одно я особенно глубоко ее уважаю. Здесь все правление б<ыло> в руках аристократии, но она никогда не освобождала себя от податей и службы, напротив, платила и служила более всех»².

В Аксакове Ламанский ценил прежде всего организаторские и редакторские дарования, способствовавшие распространению славянофильских идей как в русском обществе, так и среди западных славян. Именно на влияние славянофильской публицистики Аксакова за границей ссылался Ламанский в письме министру народного просвещения А. В. Головнину, ратуя за продолжение издания газеты «День»³.

В письме Аксакову Ламанский признавался, что «Головнин приказывал мне писать ему в частных письмах о политических партиях, о народных движениях, симпатиях, поручал мне обращать внимание на народное образование, народные школы»⁴. Большое, предельно откровенное и чрезвычайно содержательное

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 57.

² Там же. Л. 84—84 об.

³ См. письмо В. И. Ламанского А. В. Головнину (наст. изд. С. 463—470).

⁴ Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1917. Кн. III—IV. С. 66.

письмо министру (в котором речь шла не только о газете «День») возымело свое действие. Издание «Дня» было возобновлено под редакцией Ю. Ф. Самарина.

А. В. Головнин оценил аргументацию Ламанского. Его ответы были краткими, но достаточно определенными:

«Царское Село.
21 июля 1862

Милостивый Государь
Владимир Иванович.

Сегодня я получил Ваше в высшей степени любопытное письмо от 2/14 июля и спешу выразить Вам искреннюю признательность за сообщаемые сведения и мысли, которым в целом сочувствую. Могу удостоверить Вас, что письма Ваши принесут родине истинную пользу, и с удовольствием уведомляю, что газета День не бесследно запрещена, а И. С. Аксаков вследствие непростительных поступков лишен звания редактора и газета по его же желанию предана Юр. Фед. Самарину.

Примите уверение в отменном почтении
А. Головнин»¹.

«Милостивый Государь
Владимир Иванович.

Письмо Ваше из Вены, от 5/17 июля я получил и искренно благодарен Вам за откровенное и обстоятельное сообщение весьма полезных сведений о умственном направлении в Славянских землях и степени сочувствия, с которым встречают там наши периодические издания. Прошу Вас продолжать писать мне столь же откровенно и по всем предметам, которые Вы признаете достойными внимания и сочувствия.

Примите, Милостивый Государь, уверение в моем почтении и преданности
А. Головнин

“3” Августа 1862 г.

Его Высокобл-дию В. И. Ламанскому»².

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 454. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

Приближение славянофильских воззрений к действительности, согласование их с нуждами современного общества и претворение их в конкретные практические шаги Ламанский считал предпочтительной задачей петербургских славянофилов. Московское славянофильство заявило о себе как реактивное и критическое направление. Ранние славянофилы не дали целостного, законченного изложения своих взглядов, предпочитая лишь реагировать на обвинения по своему адресу и критиковать суждения оппонентов. Пришло время славянофилам, полагал Ламанский, выступить с положительной программой и принять более деятельное участие в жизни общества. В этом он видел преимущество петербургских славянофилов. В этом же направлении, надеялся он, в Москве действует Аксаков. В одном из писем Аксакову (23 сентября 1866 г.) Ламанский писал: «Вообще я все больше убеждаюсь, что наше общество вовсе не так дурно, как часто нам кажется. Оно само теперь понимает, что надо зажить по-иному. Оно сердится на некоторых своих наставников не за то, что они осуждают его, а за то, что ничего более не делают, как только осуждают. Признайтесь, что все наши лучшие люди виноваты в том, что выпустили нашу молодежь из рук, что наш Черныш<евский> и др. действительно проявили замечательную энергию. Когда мы рассуждали о том, что надо жить и действовать, они в самом деле жили и работали, жертвовали собою, поучали, направляли, увлекали молодежь, указали ей цели и задачи. В том ограниченнейшем кружке, в котором мне приходилось иногда жить и что-нибудь улаживать мне удавалось только тогда, когда немного подыгрывали, тотчас давали людям уроки и задачки, и затем стирался и не напоминал им о себе. Люди не любят учителей и власти, которая дает себя чувствовать. Да при том же, самый умный, самый гениальный человек не в силах исполнить многих уроков и задач, им же самим предложенных, или по крайности так, как исполняли люди простые, но хорошие. Наконец, поняв однажды мысль, человек ее усваивает, и ему бывает обидно, когда ему твердят, что это не его собственность. И грешно досадовать на то, что Ваша мысль, напр<имер>, повторяется многими без признания Вашей заслуги. Не останавливайтесь на одной мысли, развивайте ее далее, пускайте в оборот новые, всего лучше не иметь времени на оценку своих подвигов. Скажете — Петербургская мысль. Кстати. Отличнейшие люди и по сердцу, и по дарованию, часто на Вас сердятся за Вашу ругань Петербургу. Поверьте, Ив<ан> Сер<геевич>, у нас многое лучше, чем у Вас, в Москве. Вы заладили себе одно, что петерб<ургские> славянофилы только немцев ненавидят. Кста-

ти вспомните как, что Вы недавно писали о Пруссии и Бисмарке. Агитировать против немцев — надо непременно в газете. В чем же и состоит славянское призвание России, как не в том, чтоб победить немцев. Турок-то не трудно, а вот немцев побейте. Теперь есть хоть союзники хорошие»¹. Главное оружие славянофилов — правдивое слово, которое Ламанский пытался обращать к своим студентам. Аксакова же он призывал издавать еженедельную славянофильскую газету: «Я кое-что тут делаю, но сам лучше других чувствую, что одним таким манером еще ничего не поделаешь. С кафедры стараюсь, как умею, воспитать молодежь в русском, славянском духе, но понимаю, что одними лекциями не завладеешь умами. Нужен орган литературный и политический, который бы направлял наше общество, долбил бы ему об одном постоянно, пробуждал бы его и т. д.»². Письмо датировано 30 сентября 1866 г. Сетования Ламанского вызваны окончательным закрытием в 1865 г. газеты «День».

Правда, высоко оценивая политическую публицистику Аксакова и во многом разделяя его социально-политические взгляды, Ламанский тем не менее не видел в Аксакове политического лидера, считая его неспособным к успешной политической борьбе. Об этом он, в частности, писал из Венеции 25 октября 1868 г. этнографу Александру Ивановичу Артемьеву: «Впрочем одно меня занимает судьба и влияние Самар<инских> изданий. Прислали мне недавно статью Аксак<ова> в <“>Москве<”> уже торжествующую и даже предлагающую Немцам руку примирения. Я решительно не знаю ч-ка менее политического, менее Аксакова способного к борьбе политической. Нам в этом вопросе вовсе не важно и не желательно, чтобы Немцы сейчас покорились. Нам нужно не окончание этого дела, а правильное, систематическое ведение борьбы. Тогда она будет иметь великое образовательное для нас значение. Аксаковское и вообще наше Русское добродушие и слишком вещественное созерцание, воспитанное в нас долгим сожителем и грубою борьбою с Азиатскими племенами, готово таким образом все испортить. Немец нас хорошо знает и сумеет вовремя нас разжалобить, увлечь, одурачить»³.

Однако политическая дисквалификация Аксакова в глазах Ламанского не мешала ему обсуждать со своим московским корре-

¹ Там же. Ед. хр. 1. Л. 71 об.

² Там же. Л. 72 об.

³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 5. № 23. Л. 1 об.

спондентом политические вопросы, особенно в ту пору, когда сами события неизбежно занимали умы славянофилов. Таковы были результаты Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и последовавшего за ними Берлинского конгресса. Аксаков, председательствовавший в Московском славянском комитете, 22 июня 1878 г. выступил с речью, осуждающей итоги Берлинского конгресса. После этой речи Московский славянский комитет был закрыт, а Аксаков выслан из Москвы во Владимирскую губернию. Сохранилось два письма Ламанского, отправленных Аксакову в эти дни.

«Дражайший Иван Сергеевич.

Вы, вероятно знаете, что мы готовимся к войне с Австриею. Правительство, по крайности Военное Ведомство, просило моего содействия, как одного из ревнителей Слав<янского> дела в России. Меня недавно в Штабе просили о доставлении разных сведений. Между прочим спрашивают, в какой степени можно рассчитывать на содействие и помощь Буковинских раскольников. Я отвечал, что я тут ничего не знаю и всего лучше мог бы это разъяснить Аксаков. Лицо, с которым просил меня иметь дело генерал Обручев, полковник Бенеvский, просил меня самого написать Вам и просить Ваших сведений и указаний. Из Буковины нужны верные и постоянные сведения о движениях войск и об укреплениях горных проходов.

Узнайте-ка, Иван Сергеевич, посекретнее, через Ваших Моск<овских> староверов, в какой степени можно на Буковинских рассчитывать, отпишите и научите, что делать.

Не знакомы ли Вы со Словаком Эм. Черним, служащим, если не ошибаюсь, в лицее у Каткова? Напишите, пожалуйста, что это за человек. Я его когда-то знал патриотом и интересуется ли родиною, и заботится ли о ней? Или же махнул на все рукою. В таком случае нечего с ним связываться. Иначе я бы вошел с ним в маленькую переписку.

Страшно тяжелые времена переживаем теперь. Как слышу из одного источника (не Игнатьев), то во всем виноват кн. Никол<ай> Ник<олаевич>, который по переходе через Балк<аны> спешил только в Петерб<ург>, портил все дело Игнатьеву; его вина, что мы не заняли Кон<стантинопо>ля, ни при нем, ни после, когда приехал Тотлебен, который нашел армию деморализованною: так Ник<олай> Николаевич> внушил ей, что война кончена и все будто распущены.

Конгресс был уже необходим для проволоочки времени и для военных и морских приготовлений. Я полагаю сам от себя, что раз решились отступать, то чем больше уступок делали, тем лучше, потому что все равно война неизбежна. Разумеется, унижительно и гадко даже на словах уступать горную Болгарию и Балканы. Но что делать, если не можем по неготовности начать войну сейчас.

Мне кажется, что война неизбежна осенью или зимою. И к войне с Австриею мы готовимся. Относительно же Англии чуть ли не ограничимся демонстрациями. Так по крайней мере мне говорили военные люди. Но мне что-то не верится. Но что против Австрии принимаем разные меры, того не скрывали от меня.

Опять бы Вам мало погода обратиться с прошением о разрешении издавать газету или журнал. Теперь в беде не откажут, Бог даст. Я уже говорил Обручеву, что газета Ваша была бы необходима.

Живу на даче и хотя бываю в городе, но Моск<овские> Вед<омости> редко вижу, и не знаю, была ли напечатана Ваша речь. Если напечатана, пришлите, пожалуйста, а то не знаешь №, где искать, и найдешь ли еще в лавке. Да и приезжая в город всегда по делам, торопиться и не успеешь справиться»¹.

«Благодарю Вас, любезнейший Иван Сергеевич, за письмо и за сведения. Едва ли только Багинский, если это тот, кого я знал, из Венгрии. Семенович же Галичанин. Его я хорошо знаю. Но дело не в том. Ионин написал официальную жалобу на Васильева. Но, кажется, Ионину бы лучше было написать прямо нам и раньше. Я был с самого начала против посылки Вас<ильева> и теперь упрекаю себя, что не воспротивился его выбору решительнее. Он не худой молодой человек, но положительно глуп и упрям. Теперь к нам бумага от М<инст>ра Вн<утренних> Дел с сообщением Выс<очайшего> повел<ения>, состоявшегося вследствие доклада Гирса об отправке всех пособий не иначе как через Аз<иатский> Департ<амент>. Нужно мне с Вами повидаться и поговорить о многом. Вероятно, я съезжу к Вам в Москву на несколько дней, но если поеду, то после 15 Июля. Вы, вероятно, тоже на даче и, быть может, не всякий день бываете дома или на службе в Москве. Бываете ли Вы в ней по вечерам? Если я буду в Москве, то намерен заняться немножко в Синод<альной> Б-ке, в Рум<янцевском> Муз<ее>. Поэтому мне бы хотелось заниматься беседами только вечером. Во всяком случае долго оставаться в Москве не могу. Где Вы на даче, т. е. лучше как

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 4. № 323. Л. 1—2 об.

к Вам ехать: по железной ли дороге или в экипаже, и долго ли? Если это далеко и долго и вообще неудобно, то не лучше ли видаться утром, до открытия библиотеки. Но бываете ли Вы рано утром в Москве? Забираться же на целый вечер на дачу и потому неудобно, что мне хотелось бы повидать разных старых знакомых и сделать также визиты некоторым новым лицам. Нужно бы съездить и к Троице, в Академию. Все это возьмет много времени, а более 6—7 дней я не могу отлучаться из Петербурга по домашним делам и по карманным, да и в Славянском Обществе теперь никого нет: Бестужев уехал.

До отъезда в Москву (если поеду) хочу повидать здесь кое-кого, чтобы привезти Вам вестей если не хороших, то более верных. До отъезда же надеюсь получить от Вас пару слов с Вашими адресами, где Вас в какое время можно застать и когда Вам свободнее?

Итак, может быть, до свидания.

Ваш Ламанский.

8 июля 1878. Знаете, что я жду? что Бисмарк нам вскорости предложит конвенцию на манер Англо-Турецкой. Говорят, не только там, но и в Литве ходят Австро-Венгерские агенты. Поляки ждут избавления от Австрии. В Августе Франц Иосиф приедет во Львов на торжественную закладку или открытие (наверное не знаю) Польского театра. Вот как бы мы умнее были, то устроили бы всероссийскую подписку на Русский театр во Львове и послали бы несколько тысяч рублей в день Австро-Польского праздника во Львов. Это бы имело смысл и значение. Кое-какие личные сношения с нашим официальным миром (заметьте, еще самым умным и дельным) производят на меня всякий раз самое тяжелое впечатление. Вы чувствуете что-то старческое, дряблкое. Отсутствие инициативы и энергии, полнейший канцеляризм и решительная бездеятельность и беспечальность. Иной раз еще думаешь, что Западная Европа, знающая нас преимущественно по этому миру и с этой стороны, еще слишком мало нас презирает.

Вчера в вагоне железной дороги во всеуслышание два соседа друг другу совершенно незнакомые ругали Берлинский мир и посла-жандарма. Говорят, что Шувалов решительно не хочет ехать в Лондон, метя в Министры, но им-де очень недовольны и посылают назад в Лондон или оставляют в Государственном Совете. Грейс будто бы принял портфель Министра Финансов со слезами на глазах, умоленный и упрощенный: и как пажу не поправить наших Финансов! Его же товарищ, паж и жандарм,

хочет и может быть М<инист>ром Иностр<анных> Дел. Да, нашим поколениям не видать красных дней. В войне, в одной войне я вижу спасение для России. Иначе все так называемое внутреннее развитие теперь рекомендуемое будет заключаться в разных полицейских мерах.

8 Июля

Выборгское шоссе, 11ая верста дом 53»¹.

Ламанский не только принимал участие в аксаковских временных изданиях, но и сам преуспел на редакторском поприще. Пожалуй, только Ламанский из всех славянофилов оказался наиболее успешным издателем. Редактировавшийся им журнал «Живая старина», выходявший с 1890 г. до 1916 г., был лучшим отечественным этнографическим изданием своего времени. И хотя журнал не был в строгом смысле славянофильским, его замысел вырос из славянофильских проектов издателя-редактора. Двумя годами позже Ламанский предпринял попытку организовать славяноведческий журнал «Славянский мир», славянофильский подтекст которого был более очевиден. О проекте нового журнала славянофильской направленности Ламанский писал Аксакову еще в письме 30 января 1882 г., воспринимая его если не в качестве возобновления, то по крайней мере продолжения самого известного славянофильского журнала «Русская беседа»: «Теперь вопрос и совет, вопрос от меня, совет от Вас. Что Вы скажете? Идет у нас речь об издании ежемесячного журнала (в 15 л<истов> книжку), без переводов, с отделами: 1. Словесность (от 2 ½ до 3 л<истов>), 2. Науки (до 5 л<истов>), Крит<ика> и библиография (русская и иностранная) до 2 и 2 ½, Внешнее и внутреннее обозрение (до 4 ½ и 5 л<истов>). Словесностью заведовал бы гр. Кутузов (Арсений), философией, литературно-критическим, естественным — Страхов, науками историко-нравственными — может быть я.

Главное участие приняли бы некоторые наши провинциальные профессора русского направления. Для внутренних земских дел будем искать людей и рекомендаций и сведущих людей у земцев непарламентаристов. Хороших сотрудников по этой части всего труднее найти в Питере. Обратимся и к Вам. Статьи Ваших сотрудников слишком большие для Руси могут находить себе место в нашем журнале. Хочется его назвать «Русская Беседа», даже с тем же

¹ Там же. Л. 3—4 об.

эпиграфом. Что Вы на это скажете? Хотелось бы в первых же книжках поместить что-либо ненапечатанное Хомякова, брата Вашего, Самарина. Нужно, чтобы и Вы дали и свое имя в программу и какую-нибудь статью, для Руси не годящуюся. За последовательностью и выдержанностью направления будет наблюдаемо строго. В таком журнале, который бы противодействовал разным либеральным, конституционным и социальным радикальным журналам, есть крайняя надобность, как есть потребность в журнале с серьезным литературно-научным характером, дабы прямо и косвенно бить всю эту часто великую дрянь, московскую и петербургскую, величающую себя интеллигенциею и забывающую, что есть целая группа людей гораздо поинтеллигентнее и иначе о многом думающих.

Пока имеется капитала только 30 тыс<яч>, но есть надежда, что еще прибудет. На большее и даже вообще на барыши не рассчитываем, лишь бы окупалось.

На этой недели мы, вероятно, окончательно условимся на счет программы и подачи прошения о дозволении. Коли дело уладится, начнем с сентября. Выпустим, значит, в нынешнем году только 4 книжки.

Знаю, что дела у Вас много и писать много некогда. Но надеюсь все ж таки, что мне отпишете откровенно»¹.

Аксаков охотно принимал в Москве учеников Ламанского. Один из них, Т. Д. Флоринский, сообщал своему учителю 23 февраля 1878 г., что встречался в Москве с Д. Ф. Самарина, И. С. Аксаковым, Н. А. Поповым, Д. Иловайским. «Был я у И. С. Аксакова в обычный приемный его день — четверг, — писал он. — Принял он меня весьма ласково и радушно, расспрашивал о занятиях и, узнав о роде их, тотчас же познакомил меня с бывшими у него в числе других П. А. Безсоновым и А. М. Евреиновой. <...> Беседа на вечере у И. С. все время велась очень оживленно и была отчасти поучительна для меня. Своею простотою <и> внимательностью И. С. вполне расположил меня к себе. В четверг на этой неделе постараюсь еще побывать у него. Вообще всюду в Москве я встречаю самый радушный прием»².

Одну из своих статей, написанную в пору, когда разгоралась борьба за освобождение южных славян, Ламанский озаглавил словами Аксакова и посвятил ее своему многолетнему московскому

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 165—166 об.

² Там же. Ед. хр. 1447. Л. 2.

корреспонденту¹. На смерть Аксакова он откликнулся некрологом в «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества»². Граф Н. П. Игнатьев, не лишенный панславистских симпатий, с которым Ламанский познакомился, вероятно, в бытность его послом в Константинополе (1864—1877), обращался к Ламанскому и О. Ф. Миллеру с предложением издать политические статьи по славянскому вопросу Аксакова. В свое время Аксаков приветствовал назначение Н. П. Игнатьева министром внутренних дел (1881—1882), высоко оценивая результаты его дипломатической службы и верность «национальному русскому направлению». В итоге активное участие в издании сочинений Аксакова принял О. Ф. Миллер. Об участии в подготовке этого издания Ламанского свидетельствует его переписка с Анной Федоровной Аксаковой. Так, он писал 21 марта 1886 г.: «Зимняя Дорога имеет положительные художественные достоинства и несомненно важное историко-литературное значение, как для биографии Ивана Сергеевича, так и для генезиса развития Славянофильского учения и для истории нашей словесности как отразилось в ней то возбуждение умов, которое возникло в Русском обществе с появлением требований самостоятельного развития русской мысли, Русской народности. Тарантас гр. Сологуба, Две Судьбы Ап. Майкова и Зимняя дорога И<вана> С<ергеевича>. Замечательно, что, сравнивая эти 3 произведения между собою, придем к очевидному выводу, что 23-летний Аксаков целою головою неизмеримо выше стоял в своем миросозерцании, по серьезности, строгости своего воззрения»³.

Ламанский был соратником Аксакова в пору его наиболее плодотворной редакторской активности. Аксаков для него во многом оставался образцом русского национального мыслителя, который не замыкается в тиши кабинета или уединяется среди пыльных архивных документов, а направляет свою энергию на осуществление славянского дела. В Аксакове он видел прежде всего политического мыслителя и практического деятеля.

¹ Ламанский В. И. Россия уже тем полезна славянам, что она существует : (Посвящается И. С. Аксакову) // Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. СПб. : В тип. А. А. Краевского (Литейная № 38), 1876. С. 10—33.

² Ламанский В. И. Памяти И. С. Аксакова // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 2. С. 54—55.

³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 6. № 66. Л. 1 об.—2.

Ю. Ф. Самарин

...мы признаем каждую народность, что народная русская политика — полное признание самобытности каждого племени, способного к самобытности.

*Из письма И. С. Аксакова В. И. Ламанскому.
3 сентября 1858 г.*

Откликаясь в 1878 г. на смерть князя В. А. Черкасского, В. И. Ламанский писал И. С. Аксакову: «Что за печальный удел почти всех наших выдающихся людей. Как они все умирают рано. Удивительно ли, что так бедна наша образованность? И без того мало умственных сил, да и наличные не выслуживают своего срока. Все эти преждевременные смерти составляют в общем итоге огромнейший расход русских производительных сил. <... > Где мало умных стариков, какая может быть последовательность действий, какая непрерывность, какая кратость преданий»¹. Обобщение Ламанского не выглядит преувеличением, если вспомнить, насколько неоправданно рано ушли из жизни почти все представители московского славянофильского кружка, из которых никто не изжил шестой десяток. Смерть В. А. Черкасского последовала спустя два года после внезапной и, казалось бы, нелепой кончины Ю. Ф. Самарина. Дружба В. А. Черкасского с Ю. Ф. Самариним началась в 1859 г. с исповеди, которую он принял от «умирающего» Самарина². Долгий жизненный путь самого Владимира Ивановича Ламанского составил исключение в скорбном синодике отечественного славянофильства. Ламанский застал еще первых участников славянофильского движения, вошел в круг плодотворных деятелей так называемого «позднего» славянофильства, был свидетелем перерождающего сближения славянофильства с государственно-националистической идеологией и его возрождения в неославянофильстве начала XX в., пережил многих своих друзей и учеников (О. Ф. Миллер, В. В. Стасов, И. П. Минаев, А. С. Будилович, М. И. Соколов, Ю. С. Анненков и др.) и под конец жизни мог бы оценить крушение иллюзий о славянском единстве в начале предвиденной им Мировой войны.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 119, 120.

² См.: *Скорородова С. И.* К вопросу о философии религии Ю. Ф. Самарина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19, № 1. С. 230.

Среди петербургских славянофилов Ламанский был одной из наиболее ярких фигур, а его оригинальное политико-географическое учение позволяет поставить его в один ряд с Н. Я. Данилевским и К. Н. Леонтьевым. Ламанский принадлежал уже ко второму поколению славянофилов, поэтому ни по возрасту, ни по роду своих занятий, ни по жительству он не мог быть тесно связан с «московским кружком». Его знакомство с московскими славянофилами было кратковременным и единичным. У Гильфердингов он лишь однажды встречался с А. С. Хомяковым и А. И. Кошелевым, в 1858 г. в Москве общался с К. С. Аксаковым. С братьями Киреевскими лично познакомиться ему не довелось. В архивах отложилось всего два письма Ламанского К. С. Аксакову: одно датированное 1856 г., а другое — 1860 г.¹ Ближе всего Ламанский сошелся с И. С. Аксаковым, сотрудничал в редактировавшихся им изданиях («Русская беседа», «День», «Русь»).

Ламанский довольно рано определился в своих славянофильских пристрастиях. Записи студенческой поры (1850—1854) раскрывают формирование его славянофильских взглядов. Так, в дневнике 24 июля 1853 г. он отмечал: «Чувствую, что должен все больше, и больше, и больше становиться Русским человеком, как читаешь сочинения таких людей, как Хомяков, Чижов, Самарин, и особенно эти мысли Валуева обнадеживают как-то, уваженье и любовь выступают к Русской старине»². Ламанский родился и вырос в Петербурге. Его отец был директором кредитной канцелярии Министерства финансов. Семья Ламанских, не владевшая ни единой крепостной душой, не жила в имениях и не знала народного быта даже в той мере, в какой это было доступно помещикам. В доме Ламанских закрепилось презрительное отношение к крепостному рабству и уважение к человеческой личности вне зависимости от ее происхождения. Владимир Иванович вырос в чиновничьей среде, скорее даже в полунемецком, чем русском окружении. Неслучайно самым близким его другом до конца жизни оставался О. Ф. Миллер, славянофильствующий историк русской литературы. Старшие братья (Евгений и Порфирий) были членами кружка петрашевцев. Их книги, интересы и друзья невольно влияли и на взгляды Ламанского. В этой оторванной от народной жизни, по преимуществу книжной и кабинетной атмосфере

¹ Письмо В. И. Ламанского К. С. Аксакову // Вече : журнал русской философии и культуры. 2009. Вып. 19. С. 172—176. Публикуется в наст. изд. (С. 440—445).

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 56.

и формировалось мировоззрение Ламанского. В его славянофильстве первоначально не было почти ничего ни русского, ни славянского. Славянофильство Ламанского выросло из теоретических пристрастий, философских убеждений и публицистических увлечений.

Интерес к славянофильству зародился у него из книг, точнее, из чтения славянофильских изданий. Правда, вначале он даже не называл свои взгляды славянофильскими, признавая лишь историческую и культурную оппозицию Москвы и Петербурга. В одном из писем своему гимназическому другу М. Устиновичу, в то время обучавшемуся в Харьковском университете, он писал в начале 1850-х гг.: «По-моему, Петерб<ург> и Москва имеют теперь громадное значение в том отношении, что малейшая склонность к внутреннему значению одной из этих двух столиц — указывает на то или другое направление, на то или другое начало, которым следует в настоящее время всякий образованный (гармонически развитый) человек русский. Два направления, которые следует назвать — восточным и западным... Я же, как тебе хорошо известно, склоняюсь более к восточникам»¹. Можно вспомнить, что и сами славянофилы предпочитали называть себя московским направлением, сопротивляясь навязанной им номинации.

В Петербургский университет Ламанский вернулся десятилетие спустя после его окончания, уже защитив магистерскую диссертацию «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1860) и предприняв длительную поездку в славянские земли (1862—1864). Непосредственное знакомство со славянами, завязавшиеся дружеские отношения со славянской интеллигенцией, конечно, значительно скорректировали его взгляды на славянство, сделали их более прагматичными, но не поколебали его славянофильства. На университетскую кафедру он вступил уже не только убежденным, но и, так сказать, практическим славянофилом, что вскоре в полной мере проявилось в его трудах по приему славянских гостей в 1867 г. и организации Славянского благотворительного комитета. Более того, в славянофильской идеологии он видел истоки самого отечественного славяноведения, искренне полагая, что славист не может не быть славянолюбом, а значит, и славянофилом. Во вступительной лекции, предварявшей его почти сорокалетнюю педагогическую деятельность в Петербургском университете, Ламанский прямо указывал не только на значение славянофилов в деле пробуждения

¹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 44 об.

народного самосознания русской интеллигенции, но и на становление славистики как научной дисциплины.

Первые самостоятельные исследования Ламанского были посвящены русской истории XVIII в., в частности истории Академии наук и М. В. Ломоносову. С начала 1860-х гг. и до своего прихода в университет он опубликовал значительный объем архивных материалов по русской истории XVIII в. Приобретенные познания складывались в представление об истоках славянофильской идеологии. Он не без основания записывал в предшественники славянофилов не только М. В. Ломоносова, но и И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина, А. С. Грибоедова, митрополита Платона. В том же «Вступительном чтении» он замечал: «Эти Русские деятели никогда не проповедовали вражды к Западу, всегда относились с глубоким уважением к великим подвигам в области науки, искусств и практической деятельности. Они даже утверждали, что наше сближение с Западом принесло нам не один вред, но и огромную пользу, дозволив нам овладеть современными приемами диалектического познания и обогатиться громадной опытностью Запада. Только благодаря этому сближению стало наконец возможно у нас строго-научное определение взаимных отношений Романо-Германского Запада и Греко-Славянского Востока, высоты и превосходства нашего просветительного начала»¹. Критика европеизма, нарастающая с последней трети XVIII в., формирование национальной культуры и становление национального самосознания, пришедшиеся на этот же период, действительно можно рассматривать в качестве предыстории славянофильства².

Знакомство с западноевропейской культурой, бездумные заимствования чужих культурных образцов и практик способствовали постепенному формированию в русском обществе критического отношения к источнику заимствований и осознанию специфики своего исторического бытия. Славянофильство было следствием и одним из результатов петровской европеизации России. Оно не могло возникнуть вне европейской культуры, а представляло собой критическую рефлексию в рамках той же европеизации. В одной из

¹ Ламанский В. И. Вступительное чтение доцента Петербургского университета В. И. Ламанского. М. : В тип. Бахметьева на Малой Дмитровке № 14, 1865. С. 6—7.

² См.: Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века. СПб. : Наука, 2004. 277 с.

работ 1884 г. Ламанский, в то время декан историко-филологического факультета Петербургского университета, писал: «Многое из того, что было для этого кружка (западников. — А. М.) в 1840—1849 гг. особенно противного в Хомякове, Киреевском, в Тютчеве, Языкове, Чижове, К. Аксакове, А. Попове, Д. Валуеве, Самарине, было более или менее сознательно высказываемо или хранилось в зародыше и заключалось подразумевательно у всех лучших деятелей нашего просвещения Петровского периода: у Ломоносова, Державина, Новикова, Фон-Визина, Болтина, Карамзина, Крылова, Грибоедова, Пушкина, Ден. Давыдова, Лермонтова. Жуковский, Баратынский, Веневитинов, Гоголь до конца своей жизни высоко ценили и горячо любили первых наших славянофилов и совершенно не сходились, напр., с Белинским, в своих взглядах на них. Первые наши славянофилы: Хомяков, Киреевские, Тютчев, Чижев, Языков, Кошелев, К. Аксаков, Д. Валуев, Ю. Самарин, А. Попов, князь Черкасский были людьми прекрасных дарований и возвышенных характеров, большею частью принадлежали к сильным умам и замечательным деятелям. Они бы принесли честь любой европейской стране с богатою образованностью, были бы ее гордостью и славою. Все это были люди превосходно образованные, истинно просвещенные, с большими историческими заслугами»¹.

Так же как и западники, славянофилы были русскими европейцами, часто выезжали в Европу, хорошо знали и любили ее культуру. Коренное различие между ними состояло не в умалении заслуг европейской культуры, а в той роли, которую они отводили религии. Ни состав славянофильского кружка, ни их учение не позволяли придавать особого значения национальности, поэтому столь нелепым казалось им навязываемое именование — славянофилы. По словам Ламанского, «они никогда не выдвигали одну народность и племя, или расу, а придавали и громадное значение просветительному началу, в новом человечестве христианству»². «В этом по-моему и состоит великая бесконечная заслуга нашего славянофильства, оно показало раз навсегда, что настоящее христианство в православии, что русский нормальный человек никаким иным христианином быть не может», — рассуждал Ламанский в од-

¹ Ламанский В. И. О том, что будто немецкой культуры нет, никогда не бывало и быть не может. СПб. : Тип. Е. Евдокимова, 1884. С. 13—15.

² Там же. С. 13.

ном из писем И. С. Аксакову¹. Далее он продолжал: «Они (ранние славянофилы. — А. М.) не только очистили русское самосознание. Они пережили на себе и за всех нас томительный, трудный процесс воссоединения петровской унии с древнерусским православием, органического соединения русского европейца с древнерусским человеком»². Только в согласии разума с верой (православием) видели славянофилы возможность развития самостоятельного мышления, а значит, и самобытного любомудрия. Об этом гласило их учение о «цельной личности» и «верующем разуме», к сожалению, лишь намеченное и не высказанное до конца.

Распространенная классификация славянофилов в качестве консерваторов, а западников — либералов, до сих пор тиражируемая некоторыми учебниками, не только упрощает восприятие этих философских кружков, но и искажает смысл их учения. Среди русских западников было немало людей консервативных взглядов. Ламанский и О. Ф. Миллер, например, таким консервативным западником считали М. Н. Каткова, возмущаясь любыми попытками вписать его государственно-националистическую идеологию в славянофильство. В то же время большинство славянофилов разделяли либеральные идеи свободы слова и совести, выступали за отмену крепостного права и бессловное государство. Неслучайно Ламанский в этой ситуации, желая избежать путаницы в характеристике славянофилов и западников при необдуманной проекции европейских понятий на русскую жизнь, предлагал простую аксиологическую градацию. «Кажется, западничество наше как консервативных, так и либеральных оттенков справедливее было бы назвать, по отношению к России, направлением отрицательным, а названное ими славянофильством направление русское — положительным», — заключал он³. Как западники, так и славянофилы одинаково были убеждены в необходимости развития образования и преодоления невежества в русском обществе, в равной мере ратовали за распространение просвещения. По словам Ламанского, «разногласие их состоит в разрешении вопроса о том, какой характер будет иметь будущее русское просвещение. Одни говорят, что характер западной образованности будет характером и нашей образованности, когда она будет. Другие утверждают, что

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 99.

² Там же. Л. 99 об.

³ Ламанский В. И. О том, что будто немецкой культуры нет, никогда не бывало и быть не может. С. 50—51.

в России образуется своя философия, которая даст другой смысл образованности западной и проникнет ее господством другого начала. Таким образом, разногласие в этом отношении касается более будущего, чем настоящего»¹. Приведенная цитата взята из ранней программной статьи Ламанского в журнале «Современник», опубликованной в 1857 г. при поддержке Н. Г. Чернышевского. Сам факт такой публикации указывает, насколько близки были многие идейные позиции западников, даже таких радикальных как Н. Г. Чернышевский, и славянофилов. «И та и другая сторона, — продолжал Ламанский, — равно убеждена, что с развитием науки в отечестве нашем она все более и более будет приобретать себе сторонников. И те и другие горят любовью к русской земле и исполнены веры в великую будущность, ее ожидающую; вместе с тем обе стороны равно убеждены, что Россия займет почетное место в человечестве и будет в силах начать оплату Западу в занятых у него со времени Петра сокровищах, не прежде, однако, чем перенесет к себе науку Запада и проникнется должным сознательным благоговением ко всем его чудесам. Далее уже обе стороны совершенно расходятся: вопрос о том, западная ли образованность подчинится русскому народному началу, как началу высшему, или русское народное начало, как низшее, подчинится западной образованности; вопрос этот разрешается ими совершенно противоположно. Но те и другие свои упования в истинное его разрешение возлагают одинаково на науку и на духовные силы народа русского»². Аксиологические характеристики (положительное, отрицательное), предлагаемые Ламанским, усиливаются и пространственной метафорикой (высшее, низшее), выбор которой указывает на оценку самой русской культуры. Высшее, положительное и самостоятельное противопоставляется низшему, отрицательному и заимствованному. Выбор в предложенной системе координат кажется очевидным. Соглашаясь с западниками в оценке наличного состояния русской культуры и просвещения, Ламанский ненавязчиво стремится показать, что последовательное осуществление западнической программы для русской культуры оказывается бесперспективным.

В Петербургском университете Ламанский занимал кафедру славянской филологии. Занятия славистикой помимо чисто позна-

¹ Ламанский В. И. О распространении знаний в России // Современник : литературный журнал. 1857. Т. LXIII. С. 9.

² Там же. С. 10.

вательного интереса, полагал он, способны пробудить национальное сознание интеллигенции, познакомить с историей и бытом других славянских народов, а значит, и невольно заинтересовать исторической судьбой славян, в единстве которой он не сомневался. Если для русского народа положительный смысл имела выработка самобытной культуры и стимулирование самостоятельного мышления, следствием которого будет философия, то и другие славянские племена должны возрождать свои народные начала в противоположность заимствованию готовых культурных форм. Изучение истории и языков славянских народов неизбежно приведет к сознанию их культурно-исторического единства и отличия от германо-романского Запада. Общим для западников и славянофилов, был убежден Ламанский, является «сознание необходимости взаимного общения между отдельными ветвями славянского племени, крепкая вера в его великие судьбы»¹. «Мысль о необходимости и великой важности общения и сближения славян между собою — одинаково воодушевляет и славянофилов и европейцев», — подытоживал он в статье «О распространении знаний в России»².

В работах 1850-х гг. Ламанский неслучайно противопоставлял Москву и Петербург, подразумевая при этом славянофилов и западников. Петербургское славянофильство — явление более позднее. Если споры западников и славянофилов пришлось на 1840—1850-е гг., то в Петербурге славянофильство заявило о себе лишь с середины 1860-х гг. Не последнюю роль в его становлении сыграл и Ламанский. Поколение его университетских учителей, в частности, И. И. Срезневского, при всех их симпатиях к славянам, нельзя было отнести к славянофилам. В брошюре, посвященной недавно ушедшему из жизни учителю, Ламанский писал, что молодежь в Петербурге «в то время (1840-е гг. — А. М.) никакими вопросами о народности или родной старине не интересовалась, только разве глумилась над Москвитянином Погодина, а о Московской школе Хомякова, Киреевского и ее Сборниках <...> вторило лишь неблагоприятным отзывам Отечественных Записок и Современника»³. «В апреле 1847 г., — продолжал далее Ламанский, — произошли аресты Костомарова, Шевченка, Белозерского, затем Кулиша, Чижова (1847), затем в марте

¹ Там же.

² Там же. С. 11.

³ Ламанский В. И. Измаил Иванович Срезневский (1812—1880). М. : В Синод. тип., 1880. С. 22.

1849 г. Самарина, несколько позже и И. Аксакова. Славянофильское направление было найдено зловердным»¹. Ламанский неслучайно ставил в один ряд членов киевского Кирилло-Мефодиевского общества и славянофилов. Он небезосновательно считал украинофильство середины XIX в. разновидностью славянофильской идеологии. И. И. Срезневский не только был учителем Н. И. Костомарова, но и явно симпатизировал и даже действовал в том же направлении, что и украинофилы. Однако в отзывах на ранние работы Ламанского, в частности на его магистерскую диссертацию, И. И. Срезневский без сочувствия отзывался об «увлечениях» автора, имея в виду его славянофильские убеждения.

Отвечая на полемические выпады А. А. Киреева, вызванные редакторскими статьями Ламанского в «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» 1887—1888 гг., он вспоминал: «С начала 50-х годов я всею душою примкнул к этому направлению. Как нимало вообще я печатался, я принимал некоторое участие в их органах, в “Русской Беседе”, “Дне”, “Москве”, “Руси”. Для “Паруса” были приготовлены мною Славянские письма. Они и теперь у меня хранятся вместе с письмами о них И. С. Аксакова. В трех Аксаковских журналах (“Дне”, “Москве” и “Руси”) я, впрочем, принимал больше участия частною перепискою с покойным Аксаковым, особенно же при открытии и первых начатках этих изданий. С первых же дней основания Петербургского отдела Славянского комитета и потом Петербургского Славянского Общества произносил я в их собраниях кое-какие речи, печатал в “Славянском Сборнике” и в “Известиях” некоторые статьи. И всегда я был и оставался самым собою»². Славянские письма, о которых упоминает Ламанский, — это, вероятно, «Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам».

В Петербурге славянофильство заметно преобразилось; и хотя оно не стало массовым явлением, но все же вышло за пределы домашних кружков и аристократических салонов. В Петербурге славянофильство стало в большей степени явлением ученой и учебной среды. У славянофилов появились последователи среди преподавателей (К. Н. Бестужев-Рюмин, В. И. Ламанский, О. Ф. Миллер, М. О. Кояло-

¹ Там же.

² Ламанский В. И. Открытый ответ генералу Кирееву // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1888. № 4—5. С. 213—214.

вич и др.), которые продолжили разработку славянофильских идей в применении их к конкретным научным дисциплинам. Если беседы и споры московских славянофилов 1840—1850-х гг. были формой барского досуга, то в Петербурге мы можем с полным правом говорить об «академическом славянофильстве». В «Открытом ответе генералу Кирееву» Ламанский обозначил круг ученого славянофильства, сложившийся в Петербурге. Он признавался, что «мне всегда были наиболее близки по направлению, по душе Гильфердинг, К. Н. Бестужев-Рюмин, О. Ф. Миллер, А. И. Васильчиков, А. С. Будилович, И. С. Пальмов, М. И. Соколов, А. А. Петров и проч.»¹.

Ю. Ф. Самарин оставался для Ламанского представителем старого московского славянофильства. В отличие от И. С. Аксакова, Самарин не стал связующим звеном между московскими и столичными славянофилами и даже не воспринимался петербургскими славянофилами в качестве той фигуры (опять же в отличие от И. С. Аксакова), которая обеспечивает и символизирует преемственность между славянофилами разных поколений. В чем причина такой отчужденности Самарина от Ламанского и петербургских славянофилов? Ответ на этот вопрос отчасти давал сам Ламанский. В письме И. С. Аксакову 9 декабря 1876 г. он сетовал: «Вообще некоторых Вас москвичей недаром называют генералами. Я гордость умственную понимаю, но она имеет свои пределы. Я визитами не считаюсь, живу далеко, на краю города, и тесно и высоко»². Приезжая в столицу, московские славянофилы нередко игнорировали Ламанского. Так, в том же письме он упоминал графа Орлова, назначенного в Вену, которому Ф. И. Тютчев советовал перед отъездом побеседовать с Ламанским, но «он почел за лучшее объяснить с Кельсиевым». «Так бывало и с покойным Юрием Фёдоровичем <Самариным>, — продолжал Ламанский, — который долгом считал всякий раз, как бывал в Петербурге, видеться с Градовским и никогда обо мне и не осведомлялся. Вы не подумайте, Иван Сергеевич, что бы я вспоминал об этом с чувством ожесточения. После разных личных оттолкновений со стороны людей, которых я привык уважать (я князя Орлова привел здесь только для примера генеральства, ему конечно так и следовало поступить), и после одной особенно ругательной статьи в Отеч<ественных> Зап<исках> о моей книге (Об изучении Греко-славянского мира в Европе), где меня называли по уму идиотом, по знаниям гимназистом

¹ Там же. С. 214.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 104 об.

3-го класса, я пришел серьезно к убеждению, что я ни к какой общественной и литературной деятельности не способен, и стал удаляться, укрываться и сторониться от людей и литературы. Прежде я вел большую переписку. Я ее оборвал. У меня явилось множество писем написанных и неотправленных, между прочим, и к Вам. Напишу, а потом думаю — зачем, к чему это? У меня начаты и написаны даже статьи, которые не отдал в печать. Бог с ними, опять еще обругают. У меня готов целый том... Венец<ианский> сборн<ик>, и я не могу приложить к нему последнюю руку. Я знаю, что все это худо, и потому положил себе за правило в обращении с молодежью, с которою имею дело, не допускать генеральства»¹. В словах Ламанского звучит явная обида на Самарина, свидетельствующая о том, что отношения между ними не сложились. Внешние обстоятельства, эпизодические наезды Самарина в Петербург не объясняют личного отчуждения двух славянофилов. Между ними не было и переписки, которая могла бы компенсировать редкость непосредственного общения. В фонде Ламанского отложилось лишь одно формальное послание Самарина. В письме И. С. Аксакову 4 апреля 1876 г., т. е. вскоре после смерти Самарина, Ламанский признавался, что видел «его только урывками в длинные промежутки»². Еще в 1865 г. в письме тому же адресату, по поводу публикации в газете «День» своей статьи «Господин Безбардис и немцы», Ламанский вопрошал: «Самарин недаром долго молчал: это целый великолепный трактат. Да познакомлюсь ли я когда с ним? — право досадно странно, что не удастся мне нигде его видеть»³. Ламанский, вероятно, чувствовал социальную дистанцию, отделявшую его от родовитых московских славянофилов.

Первые контакты Ламанского с Самариным завязались, скорее всего, в период подготовки к проведению Славянского съезда в 1867 г. От имени Комиссии, организующей прием славянских гостей, Самарин направил И. И. Срезневскому и Ламанскому приглашение принять участие в намечавшихся в Москве торжествах. Письма Самарина и А. Патеры Ламанскому о приготовлении Славянского съезда опубликованы⁴. Впрочем, так и не сложившиеся частные отношения не помешали Ламанскому позднее высоко оценивать личность

¹ Там же. Л. 105—105 об.

² Там же. Л. 98.

³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 4. № 323. Л. 5.

⁴ Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. С. 54—59.

Самарина. Однако примечательно, что Ламанский практически не упоминает о взглядах Самарина, не касается высказанных им идей.

В рецензии на книгу А. Н. Пыпина «История русской этнографии» Ламанский замечал: «По *робости ума* не сделавшийся Европейцем, Самарин занимает весьма высокое место в истории Русской мысли, науки и образованности»¹. Выделенное курсивом выражение «робость ума» — слова А. Н. Пыпина, известного своим критическим отношением к славянофилам. Труды Самарина, констатировал Ламанский, «отличаются замечательным трудолюбием, строгою точностью и добросовестностью настоящего ученого, все носят печать сильного ума и крупного литературного таланта, великого мастера языка. Редкого дара слова, отличный вполне парламентский оратор Самарин превосходно владел и французским и немецким языком»². Петербургский славянофил намеренно указывал на язык сочинений Самарина, поскольку считал, что развитый литературный язык является первым признаком самобытной культуры. Точнее, язык самаринских произведений свидетельствует о высоком уровне всей русской культуры, о ее самостоятельном цивилизационном пути. Здесь же Ламанский говорит о сильном уме и даре иронии Самарина. «Она, — писал Ламанский об иронии в неоконченном цикле статей “Новейшие памятники древнечешского языка”, — во всяком случае дар Божий, и каждый писатель, им наделенный, волен и даже обязан им пользоваться. Сократ и Платон у греков, Паскаль и П.-Л. Курье у французов, Ю. Самарин у нас оставили неувядаемые образцы этого дара, неразлучного спутника умов критических и изящных»³. Ироническая стратегия способна существенно корректировать исторические иллюзии, утопии, культуростроительные идеи. Она вносит в текст дополнительные смыслы, наполняет его некоторой избыточностью смысла, раскрывая его в новых коннотациях и контекстах, за счет чего делает текст более «объемным», и даже может включать свое отрицание (онтологическая ирония). Как правило, ироническое освещение событий указывает на рас-

¹ Ламанский В. И. [Рецензия] : Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. II. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. СПб., 1891. IV + 428 стр. // Живая старина. 1890. Вып. II. С. 231.

² Там же.

³ Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки о древнем и новом по истории славистики (памяти аббата Иосифа Добровского) // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. ССIV. Июль. С. 22.

хождение между идеальным планом развития и реальным ходом вещей¹. В речи, произнесенной в заседании петербургского отдела Славянского благотворительного комитета 28 марта 1876 г., посвященном памяти Самарина, Ламанский отмечал, что «крупная черта личности Самарина состояла в счастливом сочетании трех дарований, которые не часто встречаются и порознь в такой степени развития, в какой они достигли в покойном: критический талант, способность историка-исследователя, замечательный ораторский талант в лучшем и строгом значении общественного деятеля»². Приведенные немногочисленные цитаты практически исчерпывают характеристики Самарина, принадлежащие Ламанскому.

Не только идейная близость и сознаваемая сопричастность к славянофильскому движению роднили Ламанского с Самариным; можно указать на некоторые содержательные совпадения в их учениях. Задача поиска совпадений отчасти упрощается тем, что, как признавал еще К. Д. Кавелин, Самарин был «самым разносторонним деятелем славянофильства»³. Прежде всего, — это борьба с немецким элементом. Начиная с «Писем из Риги» (1849) и заканчивая последним своим сочинением — «Окраины России» (1868—1876), Самарин доказывал коренную и систематическую вражду немцев к русским и России. История публикаций и содержание этих работ Самарина в последнее время неоднократно рассматривались в исследовательской литературе, поэтому не нуждаются в повторении⁴.

¹ См.: Серкова В. А. Пространство контекста в иронико-судьбических и иронико-исторических конструкциях и моделях истории // Метафизические исследования. 1997. № 2. С. 92—107.

² В память Юрия Федорович Самарина. М. : В Унив. тип. (Катков), 1876. С. 36.

³ Михайлова Е. Е. Смысловая значимость славянофильства в оценке К. Д. Кавелина // Философский полилог : журнал Международного центра изучения русской философии. 2017. Вып. 2. С. 133.

⁴ Скорородова С. И.: 1) «Письма из Риги» в историософии Ю. Ф. Самарина // Соловьевские исследования. 2011. Вып. 4 (32). С. 101—113 ; 2) Философия истории Ю. Ф. Самарина в контексте русской философской мысли XIX — первой четверти XX века. М. : Прометей, 2013. 432 с. ; Гиренок Ф. И. Самарин: русские и окраины России // Философия хозяйства. 2014. № 3 (93). С. 197—203 ; Бадалян Д. А. Книга Ю. Ф. Самарина «Окраины России» и цензура // Труды Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры. 2016. Т. 213. С. 60—69 ; Пирожкова Т. Ф. «Страшная книга» Ю. Ф. Самарина («Окраины России» в восприятии современников) // Вестник Московского ун-та. Серия 10 «Журналистика». 2017. № 3 С. 130—150.

Ламанский, возможно не без влияния «Писем из Риги», начал свою публицистическую деятельность с критики немецкого засилья в Академии наук. В своей историософской концепции он показывал вековой антагонизм немцев и славян. В докторской диссертации «Об изучении Греко-славянского мира в Европе», анализируя мнения немецких ученых о славянах, Ламанский демонстрировал как негативное отношение немецкой науки к славянам сказывается на политике германских государств. В учении Ламанского германизм поднимается на уровень исторической силы, ведущей борьбу с греко-славянским Востоком. Ламанский расширяет представления Самарина и говорит уже не просто о вражде немцев к русским, но рассматривает с этой точки зрения историю славян и даже всего Среднего мира. Частным случаем такой борьбы, например, полагает он, является гуситское движение и войны таборитов в Чехии XV в. Из этого же противостояния он дает и предсказание неизбежной Мировой войны. Упоминаемый Ламанским в брошюре о И. И. Срезневском арест Самарина и И. С. Аксакова в 1849 г. был вызван как раз распространением «Писем из Риги».

Самарина и Ламанского нередко упрекают в пропаганде русификаторской политики. Критика привилегий остзейских немцев и проводимой ими насильственной германизации прибалтийских народов, протесты против бездействия русской администрации и засилья немецких ученых в Академии наук порой интерпретируются как проявление нетерпимости к представителям других национальностей. При этом упускается из виду принципиальное для славянофилов положение, согласно которому необходимо всячески развивать и поддерживать народные начала, вне зависимости от их происхождения, создавать национальные школы, содействовать формированию национальной интеллигенции. Приведу мнение по этому вопросу Ламанского.

Ламанский, как известно, был убежден в необходимости принятия славянами русского языка в качестве общего литературного, научного и дипломатического языка. Более того, русский язык, по его мнению, должен стать средством общения и среди неславянских народов Среднего мира. В связи с этим Ламанский рассматривал два способа распространения русского языка среди инородцев: посредством развития путей сообщения, экономики, «живой связи» общения и путем устройства школ. При этом он выступал против открытия русских школ среди нерусского населения, поскольку полагал, что в результате инородцы и язык должным образом не вы-

учат, и знания не приобретут. «Любви и уважению (к русскому языку и культуре. — А. М.) еще скорее научит народная школа с языком родным», — писал он¹. Незнание родного языка приведет к утрате народных начал, а обезнароденная интеллигенция будет не в силах развивать никакую культуру, ни русскую, ни свою собственную. Человек, не ведающий и не уважающий свою национальную культуру, будет столь же презрительно относиться к любой другой культуре, в том числе и русской. «Не дано никогда забывать, — напоминал Ламанский, — что инородец, презрительно отзывающийся о своей народности на ломаном русском языке, есть явление глубоко противное, и всякий трезвый добропорядочный крестьянин-инородец, не знающий ни слова по-русски, во сто, в тысячу раз для России полезнее отбивающегося от родного своего народа и дела любого разбитного, но малопорядочного инородца, даже хорошо знающего по-русски <...> В значительной части нашего образованного или полуобразованного общества слышны нередко самые дикие и грубые мнения и выражения об инородцах. Это совсем не по-христиански да и большое заблужденье. Это решительно наше несчастье. Пора, давно пора понять, что начало разнообразия только пополняет и оплодотворяет начало единства»².

Ламанский осуждал равнодушное отношение и пренебрежение русских образованных людей и чиновников к языку местного населения, считая незнание языка народа, с которым приходится проживать, бедой и слабостью русской администрации и русских поселенцев. А между тем изучение и развитие национальных культур и языков способно существенно обогатить не только русскую культуру, но и культуру всего греко-славянского мира. «В языках, народных преданиях, песнях, обычаях всех наших инородцев, — писал Ламанский, — содержится великое богатство данных, важных не для одной, а для нескольких наук. Собранные с любовью и знанием дела (тут преимущественно нужны развитые, любящие свою народность туземцы из священников и народных учителей) эти данные выяснят много теперь темного, раскроют много тайн, обогатят, раздвинут человеческое знание. В этих уцелевших остатках больших некогда племен имеется столько разнообразных тем, мотивов поэтических, художественных (орнаменты), музыкальных. Они могут, должны

¹ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб. : Типохромолитогр. А. Траншеля, 1892. С. 122.

² Там же.

впоследствии придать много новых элементов свежести, сочности, разнообразия нашей поэзии, живописи, архитектуре, скульптуре, музыке»¹. «Вообще дело инородческое в России требует внимательного, обстоятельного изучения», — заключал Ламанский². Строки эти были написаны в одном из поздних сочинений ученого. Однако и тремя десятилетиями ранее, в речи при вступлении в должность председателя отделения этнографии Императорского Русского географического общества, он указывал на необходимость всестороннего изучения населяющих Россию народов. В этом он видел главную задачу отделения этнографии. «Точнейшее определение Русской этнографии, как науки, имеющей своим предметом *систематическое описание всех обитающих в России племен и народностей, в их физических, лингвистических и религиозно-бытовых особенностях и сравнительно-генетическое изложение, с помощью возможных точных статистических данных, как взаимных отношений инородцев между собою, так и отношений их к господствующей Славяно-Русской народности, изучение способов и мер, облегчающих или задерживающих процесс поглощения инородческих элементов народностью господствующей*», — провозглашал Ламанский³. В общей сложности Ламанский возглавлял отделение этнографии более четверти века (1865—1868, 1887—1910). Цель изучения населяющих Россию народов преследовал и редактировавшийся Ламанским этнографический журнал «Живая старина».

Правительство должно не только заботиться о распространении русского языка, посредством которого российские инородцы могут приобщиться к достижениям мировой культуры и поддерживать общение внутри страны, но и поощрять преподавание инородческих языков в духовных школах (для миссионерской деятельности) и в светских учебных заведениях. «Такие знатоки инородческих языков не только нужны для администрации, — писал Ламанский, — но и для успехов русской науки, вообще для русской образованности, для рассеяния сонливости мысли, для развития пытливости ума, для возбуждения здоровых умственных интересов в провинциальном нашем обществе, часто убийственно до тупости равнодушном

¹ Там же. С. 123.

² Там же. С. 126.

³ Ламанский В. И. Речь при вступлении в звание председательствующего в отделение этнографии — в заседании 29-го января 1865 г. // Известия Императорского Русского географического общества. 1865. Т. I. Отд. I. С. 152—153.

к важным по внутреннему смыслу интересам и нуждам всего их окружающего населения»¹.

На переключку взглядов Ламанского и Самарина по инородческому вопросу косвенно указывал и один из его учеников, А. Л. Погодин, впоследствии профессор Варшавского, Харьковского и Белградского университетов. Занимаясь изучением литовского языка и литовской народности, он писал своему учителю 26 мая 1896 г.: «Я имел уже как-то дерзость говорить Вам, что, по моему мнению, главные черты (результаты. — *Зачеркнуто*) Вашей деятельности — изучение и интерес к русским инородцам и, кроме того, способность устраивать ассоциации, общества. Что касается этой последней черты, то у меня ее совершенно нет, но зато интереса и уважения к инородцам довольно. Узнав Вас за этот год ближе, я горжусь тем, что оставлен при университете Вами; и хотел бы, сколько могу быть Вашим учеником в тех областях, которые считаю лучшими сторонами Вашей деятельности. Если судьба пошлет мне когда-нибудь политическую деятельность, то я хотел бы особенно заняться нашими окраинами. Мне бы очень хотелось познакомиться с сочинением Самарина “Наши окраины”, но оно малодоступно, кажется»². Ламанский был одним из главных защитников сохранения латинской графики для литовского языка, добившихся от министерства отмены решения о переводе литовской письменности на кириллицу.

Равно как и Самарин, Ламанский в широком смысле использовал термин «униатство». Самарин толковал «униатство» как исторический тип, понимая под унией явление не только религиозное, но и политическое, и научное, относил унию к области как частной, так и общественной жизни³. Ламанский нередко использовал термин «уния» в качестве синонима западничества, придавая ему негативное значение не только измены религии, но и отказа от основ народной культуры, родной истории и языка. Униатством, показывая он, заражена прежде всего европеизирующаяся интеллигенция. Он придавал униатству тот же смысл, который, например, подразумевал Н. Я. Данилевский, когда писал о «европейничаньи как болезни русской души». Указывая на христианские истоки как германо-романской, так и греко-славянской цивилизации, Ламан-

¹ Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. С. 126.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 41 об.—42.

³ Скорородова С. И. Понятия «униатство» и «иезуитизм» в контексте историософии Ю. Ф. Самарина // Наука и школа. 2012. № 5. С. 178.

ский, в отличие от ранних славянофилов, полагал, что расхождение этих двух цивилизаций было вызвано не только религиозными различиями, но и «проводниками цивилизации», т. е. языками. Единому языку богослужения и просвещения на Западе противостояли национальные языки на греко-славянском Востоке, позволившие глубже усвоить христианское вероучение и мировоззрение. Более того, благодаря деятельности свв. Кирилла и Мефодия возник общий для славян язык, наследником которого на христианском Востоке является язык русский. «Унианство», по мысли Ламанского, означает отказ от идеи русского языка как общего литературного, дипломатического и научного языка для славян и других народов греко-славянского мира.

Ламанский, так же как и Самарин, обладал значительным «государственным смыслом», но, в отличие от своего старшего единомышленника, не реализовался на поприще государственной службы. Он нередко высказывал досаду на невостребованность своих знаний и навыков, которые могли бы, как он полагал, принести пользу русской дипломатии. Пожалуй, лишь однажды, в пору Русско-турецкой войны за освобождение Болгарии, поездка Ламанского в славянские земли имела не только научные цели, о чем сохранились свидетельства гр. Н. П. Игнатьева. Впрочем, австрийская полиция всегда с подозрением относилась к командировкам Ламанского и его учеников в славянские земли, вероятно, не совсем безосновательно. К Ламанскому в полной мере можно отнести слова М. О. Гершензона, высказанные о Самарине: «Это ум положительный, одаренный редким чутьем реального и практически нужного, охотно и легко ориентирующийся в действительности»¹. Учение Самарина и Ламанского в большей степени принадлежит русской политической мысли, чем «чистой» философии. Они оба преуспели в журналистике, а их главные произведения в равной мере могут быть отнесены как к области отечественной публицистики, так и русской философии.

¹ Гершензон М. О. Учение о природе сознания (Ю. Самарин, главы из книги «Исторические заметки») // Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. М. : Эксмо, 2003. С. 266.

Н. И. Кареев

Научная биография крупнейшего русского историка Николая Ивановича Кареева (1850—1931) изучена достаточно полно. Ему посвящены несколько монографий, диссертаций, переизданы некоторые его работы и опубликованы рукописи. Судьба связала Кареева с тремя университетами. Он учился в Московском университете, где его руководителем был В. И. Герье¹, там же защищал диссертации, магистерскую и докторскую, и непродолжительное время (1878—1879) как сторонний преподаватель читал курс по истории XIX в. В 1879 г. Кареев был приглашен в Варшавский университет на должность экстраординарного профессора, а в 1885 г. был принят на кафедру всеобщей истории Петербургского университета, в котором с перерывами работал практически до конца жизни. Учебные курсы, которые Карееву пришлось читать в университетах, нашли отражение в многочисленных пособиях: «Введение в курс новейшего времени» (1881); «Введение в курс Древнего мира» (1882); «Введение в курс нового времени» (1884); «Философия культурной и социальной истории нового времени» (1893); «Главные обобщения всемирной истории» (1903); «Общий ход всемирной истории» (1903). Вершиной исследовательского творчества Кареева стала семитомная «История Западной Европы в новое время» (1892—1917). Согласно авторитетному мнению В. Бузескула, «по широте масштаба, точности и объективности равного этому труду нет ни в русской, ни в западноевропейской литературе»².

В то же время исследовательская практика Кареева была связана не только с изучением истории нового времени, но и разработкой философских (теоретических, методологических) вопросов историографии. Уже его докторская диссертация «Основные вопросы философии истории» (1883) в значительной своей части (по крайней мере практически весь второй том) была посвящена социологической проблематике. Это была первая защищенная в России докторская диссертация по философии истории. Дважды десятилетиями ранее учитель Н. И. Кареева В. И. Герье так же планировал подготовить диссертацию по философии истории, намереваясь проследить влияние идей Г. В. Лейбница на историографию. В результате его диссертация

¹ Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 110—147.

² Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Часть первая. Л., 1929. С. 164.

действительно была посвящена Г. В. Лейбницу, но это было исследование скорее в русле истории идей, чем философия истории. Одним из последних крупных исследований Кареева, правда, неопубликованных, была «Общая методология гуманитарных наук»¹, в которой он вновь обращался к философским и теоретическим вопросам.

Философские наклонности Кареева, возможно, не в последнюю очередь сыграли положительную роль во время его избрания в Петербургский университет. Дело в том, что выбор Кареева был во многом определен предпочтениями декана историко-филологического факультета — Владимира Ивановича Ламанского. История личных и профессиональных связей Кареева и Ламанского мало известна. Тем не менее архивные документы позволяют раскрыть некоторые особенности их взаимоотношений. Наверное, трудно было найти человека менее мировоззренчески близкого Ламанскому, чем Кареев. Убежденный и деятельный славянофил, с одной стороны, и последовательный западник — с другой. Однако это не мешало Ламанскому и Карееву сохранять взаимное уважение на протяжении трех десятилетий. Более того, Ламанский никогда не позволял себе столь резких высказываний по адресу Кареева, которые допускали его коллеги-историки, поскольку Кареев так и не смог стать «своим» в «петербургской школе историков»². Впрочем, основанием если и не сближения, то уважения служили общие либеральные взгляды. Ламанский в полной мере разделял либеральную программу славянофилов (свобода слова и вероисповедания, отмена крепостного права, бессловесное государство и т. п.), но столь же по-славянофильски отказывался видеть в Европе образец социально-исторического

¹ Долгова Е. А.: 1) Концепция «Общей методологии гуманитарных наук»: Теоретические поиски в гуманитарном знании в 1920-е годы // Стены и мосты : Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М. : РГГУ, 2012. С. 222—234 ; 2) Из истории издания работы Н. И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук». 1922—1924 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 239—245 ; 3) «Общая методология гуманитарных наук» Н. И. Кареева (1850—1931) // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6. № 2. С. 185—198.

² См. подробнее: Ростовцев Е. А. Н. И. Кареев в среде историков петербургской школы // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель. Сыктывкар, 2002. С. 183—186; Дворниченко А. Ю., Ростовцев Е. А., Баринов Д. А. Опыт коллективного портрета историков столичного университета Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. История. 2019. Т. 64, вып. 1. С. 46.

развития и даже доводил до крайнего противопоставления цивилизационные начала германо-романского и греко-славянского миров.

В фонде Ламанского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН отложились письма Кареева, начиная с «прошения о зачислении в кандидаты на вакантную кафедру»¹. Выбор Кареева Ламанский объяснял как надеждой (впрочем, неоправдавшейся), что из него еще может «выработаться» национальный мыслитель, так и более «порядочной наружностью» молодого историка. В последнем варианте заметна личная симпатия, которую Ламанский испытывал к Карееву, несмотря на его западничество. В письме одному из своих наиболее идейно близких учеников, А. С. Будиловичу, в то время декану историко-филологического факультета Варшавского университета, в котором работал Кареев, Ламанский признавался: «О Карееве я лично не высокого мнения, но знаете ли Вы, какие у нас кандидаты? Трачевский, он и Лучицкий. Можно еще прибавить еврея Гуревича. Вот Вам и выбор. Молодой будущий магистр Форстен — ученик Бауэра, лютеранин и швед, хороший очень парень, но еще совсем не опытен. Да, многие у нас боятся, что его точка зрения и мирозерцание уже слишком односторонни и узки. Первые три — одинаково легки и западники. И все же из них Кареев еще лучше тем, что он молод и может еще выработаться. При том же по наружности он порядочнее других и, след<овательно>, обещает больше. Наконец, у нас еще ничего не решено. Да и мы не знаем, теперь по новому уставу возьмут да и назначат»². Будилович отвечал своему учителю в том смысле, что русская партия в Варшавском университете не будет сожалеть об уходе Кареева. «Наш Университет, — писал он, — бесспорно, только выиграл бы, избавившись от такого ярого западника, которого даже “Новости” признали крайним в своих взглядах»³.

Кареев почувствовал определенную предвзятость со стороны Ламанского. В мемуарах он отмечал, что Ламанский «в самом начале моей профессуры в Петербурге относился ко мне не очень благосклонно и вследствие моего “западничества”, и по тем сведениям обо мне, которые ему сообщил Будилович»⁴. Кареев, впрочем, напрасно грешил на А. С. Будиловича. В письмах своему учителю А. С. Будилович объяснял общее положение дел в Варшавском университете,

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 48. Л. 130.

² Там же. Ед. хр. 51. Л. 21.

³ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 112.

⁴ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 203.

которое не могло удовлетворить славянофилов. «Здесьшний университет, — писал он Ламанскому из Варшавы 12 октября 1884 г., — уже 12 лет считается русским по языку и правам, но он и теперь польский по духу преподавания большинства профессоров. Хотя поляков считается 20, а русских 25 или 26, однако в действительности отношение другое, ибо между этими 25 русскими есть по крайней мере 15 космополитов, т. е. западников, т. е. полуполяков»¹. К последним он явно относил и Кареева. Однако приведенное выше упоминание Кареева — единственное в сохранившихся письмах А. С. Будиловича Ламанскому. Конечно, он мог дать более подробную и содержательную характеристику Карееву в личной беседе, но о факте такой беседы сведений не сохранилось.

Месяц спустя после письма А. С. Будиловича Кареев направил Ламанскому письмо, дополняющее его официальное обращение в историко-филологический факультет. «Извините, что, не имея чести знать Вас лично, — писал он 12 ноября 1884 г., — я обращаюсь к Вам с этим письмом. Дело в том, что в Вашем университете освободилась кафедра всеобщей истории, и я желал бы выставить свою кандидатуру на вакантное место. Не будучи знаком почти ни с кем из профессоров Петербургского Университета, я, конечно, не имею никаких оснований быть уверенным, что эта кандидатура будет принята, но у меня нет другого средства заявить Вашему факультету о своем желании, как обратившись к Вам и некоторым другим профессорам с указанием на себя, как на человека, который с величайшей охотой занял бы место, освободившееся вследствие кончины В. В. Бауэра. Вот мой краткий curriculum vitae. Я кончил курс в Московском Университете в 1873 году и пробыл четыре года учителем истории в одной из московских гимназий, будучи в то же время оставлен при Университете. Выдержав магистерский экзамен, я был послан с ученою целью за границу, откуда вернулся с готовой диссертацией “Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века”; тогда же я был назначен сторонним преподавателем в Московском Университете, а по защите диссертации принял в 1879 г. предложение в Варшавский Университет, где и состою экстраординарным профессором по сие время. Отсюда я имел также ученую командировку за границу для работы над докторской диссертацией “Основные вопросы философии истории”,

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 97 об.

изданной потом в Москве в двух томах и доставившей мне степень доктора Московского Университета (в марте этого года). Кроме того, я издал “Очерки истории французского крестьянства с древнейших времен до 1789 г.”, четыре общие введения в свои курсы и печатал статьи в “Филологических Записках”, в “Юридическом Вестнике” и др. журналах. Недавно, наконец, я напечатал брошюру “Моим критикам” по поводу разных статей, написанных о моих “Основных вопросах”. Я выслал бы Вам теперь же все эти книги, если бы имел сам и мог достать здесь хоть один экземпляр одного из этих изданий. Что касается до моих преподавательских способностей, то позволю себе приложить вырезку из “Варшавского дневника” о публичной лекции, которую я читал в здешнем Русском Собрании (заглавие лекции — “О духе русской науки”, и я собираюсь ее напечатать). Извините, что так много распространяюсь о себе: причина лежит не в нескромности, а в том, что, не зная, насколько известна моя деятельность провинциального профессора в столичном университете, я вынужден сам себя рекомендовать.

Прошу Вас принять уверение в совершенном моем к Вам уважении. Быть может, в скором времени я буду иметь удовольствие лично засвидетельствовать Вам мое почтение, с каковым имею честь быть готовым к услужению»¹.

Тогда же, вероятно, для того чтобы закрепить новое знакомство, Ламанский обратился к Карееву с просьбой отыскать в университетской библиотеке книги польского политического мыслителя XVI в. Фрич-Моджевского. Умышленность этой просьбы становится очевидной, если вспомнить, что в это время в Варшавском университете преподавали ученики Ламанского слависты А. С. Будилович, К. Я. Грот, Ф. Ф. Зигель, ранее всегда откликавшиеся на его обращения. Вместе с отчетом об изданиях XVI в. Кареев отправил в Петербург и оттиск своей статьи «Борьба шляхты с духовенством на польских сеймах середины XVI в.»².

Вопрос об избрании Кареева решился положительно, и, желая помочь новому сотруднику, Ламанский хлопотал о выдаче Карееву для продолжения занятий книг из университетской библиотеки. 15 февраля 1885 г. Кареев извещал Ламанского: «Пользуясь Вашим любезным предложением, посылаю Вам записку в факультет о разрешении мне пользоваться книгами Университетской библиотеки.

¹ Там же. Ед. хр. 684. Л. 1—2 об.

² Там же. Л. 20.

Я занес бы эту записку сам завтра вечером, но, быть может, завтра же будет у Вас заседание, а я хотел бы поскорее получить разрешение, в котором нуждаюсь. Будьте так добры, если факультет действительно соберется завтра, доложить ему мою просьбу, изложение которой найдете на отдельном листке.

Пользуюсь этим случаем, чтобы сделать Вам маленькое заявление, чего я не успел сделать, когда был у Вас в последний раз: не могу ли я получить доступ к печатанию мелких заметок библиографического и иного свойства на столбцах «Известий Славянского Благоотворительного Общества»?¹ Зная о славянофильских убеждениях Ламанского, Кареев высказал желание принять участие в издании «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». Ламанский стоял у истоков этого общества. Он составил «Заметку» о преобразовании Петербургского комитета по приему славянских гостей в постоянный славянский комитет (с 7 мая 1868 г.), преобразованный 12 апреля 1877 г. в Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество, был председателем общества (1879—1880) и редактором его «Известий» (1887—1888). Кареев, безусловно, был интересен Ламанскому как специалист по истории Польши, и можно предположить, что одним из мотивов для продолжения Кареевым полонovedческих исследований было влияние Ламанского.

С сентября 1885 г. Кареев начал вести в Петербургском университете занятия по истории Европы в новое время, о чем сообщал Ламанскому в письме 2 сентября: «Честь имею известить Вас, как декана, что приступить к чтению лекций по новой истории я намерен в понедельник 9-го сентября в назначенный мне час, т. е. это 11 ч. утра»². Постепенно между Ламанским и Кареевым установились ровные уважительные отношения. В мемуарах Кареев отмечал: «Потом как-то его отношение ко мне улучшилось <...> но теперь я увидел, что Ламанский и по-человечески ко мне расположен»³. Последнее замечание касается посещения Ламанским Кареева в больнице в конце 1898 г.

Сохранившиеся в архиве письма Кареева Ламанскому немногочисленны. Кареев так и не вошел в круг близких Ламанскому людей

¹ Там же. Л. 3.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 684. Л. 4.

³ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. С. 203.

и единомышленников. Не упоминается он и среди посетителей известного учено-музыкального салона, собиравшегося по субботам на квартире Ламанского (особенно в последней его квартире на ул. Звенигородской 32, кв. 1). Вероятно, их общение ограничивалось встречами в университете. Отчасти на это указывает редкость и деловой характер дошедших до нас писем Кареева. «Вас, многоуважаемый Владимир Иванович, — писал он 3 мая 1890 г., — как человека, с сочувствием ко мне относящегося и мною уважаемого, как декана нашего факультета, считаю долгом своим поставить в известность, что сегодня я был у министра народного просвещения и предъявил ему свои права на занятие ординатуры, так как, обсудив общее положение дел в Университете и посоветовавшись с несколькими уважаемыми мною лицами, я не нашел иного способа оградить свои права от грозящего им нарушения. Права мои, — 17-ый год службы, 12-ый чтения лекций в Университете, 11-ый пребывания в звании экстра-ординарного профессора, 7-ой докторства, шесть больших исторических работ, напечатанных после выхода в свет докторской диссертации, наконец, то, что меня уже два раза обходили представлением в ординарные профессора в Варшаве. Действуя прямо и открыто, я сообщаю Вам, уважаемый Владимир Иванович, и о том значении, какое я придал своему посещению, заявив министру, что моему терпению пришел конец и что я, по крайней мере, желал воспользоваться своим правом не молчать о делаемой мне несправедливости, ибо я и теперь ничем не гарантирован от новых повторений того, что я уже испытал два раза в Варшаве. Моя точка зрения на все это дело Вам, Владимир Иванович, известна, и я продолжаю думать, что человек, пассивно покоряющийся делаемой ему лично несправедливости, едва ли бывает способен отстаивать вверенные ему законом общие интересы науки и права»¹. В воспоминаниях Кареев давал краткую характеристику министру И. Д. Делянову: «Человек очень лукавый, но прикидывающийся добродушным простаком, по природе не злой и по личному почину, пожалуй, не делавший пакостей, но угодливый по отношению к влиятельным лицам»². В 1890 г. Ламанский вышел в разряд заслуженных профессоров, и, хотя и оставался членом Совета факультета, едва ли мог повлиять на решение Совета, а тем более министра. Впрочем, Карееву было известно о принципиальности и обостренном чувстве справедливо-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 684. Л. 5.

² Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. С. 182.

сти Ламанского, который в случае обсуждения его кандидатуры мог выступить на его стороне. Следует заметить, что в соперничестве группировок, сложившихся на историко-филологическом факультете, Ламанский и Кареев поддерживали не только друг друга, но и учеников. Так, например, перед голосованием по кандидатуре Н. В. Ястребова (ученик Ламанского) на новую вакансию по истории славян (открытую во многом благодаря усилиям Ламанского) Н. В. Ястребов в письме своему учителю 13 октября 1909 г. выражал уверенность, что Кареев прислушается к мнению Ламанского. Несколькими днями ранее (7 октября) П. А. Лавров, занимавший в университете кафедру славянской филологии, через Ламанского передавал Карееву для подписи бумагу о трудах Н. В. Ястребова.

Выступлением на стороне Ламанского в конфликте с ректором В. И. Сергиевичем Кареев объяснял и свое увольнение из университета в 1899 г. Видя в решении Ламанского покинуть университет жест поддержки, Кареев пригласил его к себе на встречу с университетскими товарищами, также ему сочувствовавшими. «Мне очень было бы приятно видеть Вас у себя вечером 5 дек<абра>, накануне Николина дня (в самый день у меня много конкурентов) бывших товарищей по университету, которые были у меня после моего изгнания и тем показали, что остаются товарищами. Буду очень признателен, если не откажетесь приехать», — писал Кареев¹.

Надо заметить, что это был не единственный случай, когда Кареев приглашал Ламанского, хотя, судя по всему, домашние визиты не были частыми. В фонде Ламанского отложилось письмо, в котором Кареев зазывал своего адресата на, вероятно, важную для него встречу. «Будьте так добры ответить поскорее (на сей конец посылаю готовый бланк), — писал он, — могу ли я рассчитывать на то, что Вы будете располагать вечером в пятницу 9 декабря, чтобы посетить меня. Я думаю собрать маленькое общество, как Вам говорил, но предварительно хотел бы узнать, удастся ли мне собрать в один день всех, кого бы я желал. Если в пятницу Вам нельзя, то укажите на другой день (напр<имер>, четверг)»². Вероятно, речь шла о встрече Ламанского, А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича у Кареева с редактором издававшейся в Петербурге польской газеты «Край», Э. И. Пильцем для обсуждения русско-польских отношений³.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 684. Л. 10.

² Там же. Л. 21.

³ *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. С. 203.

В Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе Кареев, как и следовало ожидать, не прижился. С конца 1880-х гг. и Ламанский снизил активность в славянском обществе, а после скандалов, вызванных его редакторскими статьями в «Известиях» общества, принял решение сосредоточить свою деятельность в руководимом им Этнографическом отделе Русского географического общества и вместо политической публицистики славянских «Известий» издавать чисто научный этнографический журнал — «Живая старина», который начал выходить под его редакцией с 1890 г. Помимо университета еще одним «местом» совместной работы двух ученых стало Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд), одним из учредителей которого в 1859 г. был Ламанский. Кареев в разные годы был секретарем, товарищем председателя, а в 1909 г. председателем Комитета Литературного фонда.

На записку Ламанского, не заставшего его дома (10-я линия В. О., д. 9), Кареев отвечал кратким письмом 1 мая 1896 г.: «Просьбу Вашу я доложил бы лично Комитету Литературного Фонда, если бы заседание было до моего отъезда в деревню. По новым правилам Комитета, впрочем, Кораблёв, как лицо, не имеющее печатных трудов, пособия или ссуды получить бы не мог, и те же правила запрещают выдавать ссуды за поручительством членов Комитета. Поэтому я позволил бы себе предложить Вам такую комбинацию: я Кораблёву дам 35 р. из своих денег, а обратно получу их осенью или от него самого или от Вас. Если бы не страшная нужда в деньгах, на помощь Кораблёву могло бы прийти Общество пособия студентам, но оно — в том-то и дело — само бедствует»¹. Из письма видно, что Ламанский ходатайствовал перед Литературным фондом о пособии своему ученику Василию Николаевичу Кораблёву (1873—1936), известному впоследствии историку и филологу-слависту, специалисту по сербохорватской литературе. Для Ламанского это была обычная практика. Его переписка лишь отчасти приоткрывает масштабы той помощи, которую он оказывал ученикам, их братьям, сестрам и даже практически незнакомым людям (например, подруге сестры своего ученика, или вышедшему в отставку с военной службы брату П. П. Пекарского, или столяру в Академии наук и т. п.). Хлопоча по их делам, Ламанский доходил до ректора, министра и даже премьер-министра (П. А. Столыпина); искал ученикам стипендии и пособия,

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 684. Л. 6.

помогал материально из своих скромных средств, хотя нередко сам вынужден был закладывать в ломбард собственные ордена и часы до жалованья.

В письмах января—февраля 1897 г. Кареев просил Ламанского согласиться на выдвижение его кандидатуры в «суд чести» Литературного фонда. Так, он писал 31 января 1897 г.: «Обсуждая вопрос о том, кого выбирать в судьи чести нового Союза, многие его члены очень желали бы, чтобы в числе этих судей были Вы (вместе с К. К. Арсеньевым, А. Н. Бекетовым, В. Г. Короленко, Г. Н. Потаниным и В. И. Покровским, а также В. А. Манассеиным). Конечно, трудно решить вопрос, кто пройдет, но я думаю, что Вы — человек, у которого наиболее шансов пройти. Например, очень может быть, что Потанин и Покровский не соберут достаточно голосов. Я знаю, что многие будут подавать голоса и за других лиц (В. Д. Спасовича, Вс. С. Соловьёва и т. п.). Лично я очень просил бы Вас не отказываться от участия в суде чести, где желательно было бы сосредоточить весь авторитет (нравственный) Союза. Помните, что заседание будет 7-го февраля и что выборы будут происходить сначала записками (предложение кандидатов), потом шарами»¹. Ламанский, по-видимому, не принимал участие в самой процедуре выдвижения кандидатов, поэтому уже 6 февраля 1897 г. Кареев извещал его: «Пишу Вам тотчас после заседания Комитета Союза писателей. Все присутствовавшие члены очень сочувственно отнеслись к Вашей кандидатуре в члены суда чести, и каждый пропагандирует ее между своими знакомыми. Было бы очень важно, чтобы Вы не отказались. Если позволит время, я зайду к Вам перед заседанием»².

В 1909 г. отмечалось пятидесятилетие Литературного фонда. Ламанский был одним из немногих оставшихся в живых его основателей, поэтому Кареев, в это время председатель Литературного фонда, обратился к нему с приглашением принять участие в обеде, на котором предполагалось обсудить планируемые осенью юбилейные мероприятия. Однако старческие недуги не позволили Ламанскому присутствовать на обеде, поэтому на следующий день Кареев отправил ему на бланке Общества письмо, в котором отмечал: «Общее собрание Литературного Фонда 2 февраля постановило единогласно приветствовать Вас, как одного из членов-учредителей этого Общества, и выразить Вам чувство глубокого уважения. Исполнив

¹ Там же. Л. 7—7 об.

² Там же. Л. 8.

это местное поручение общего собрания, присоединяю к этому, что участники товарищеского обеда 2 февраля были искренне огорчены, что нездоровье помешало Вам быть в нашей среде»¹. Письмо сопровождалось рукописным приветствием на программе-приглашении празднования 50-летия Литературного фонда, подписанном девятью членами комитета Литературного фонда². Хронологически это последнее письмо Кареева Ламанскому, сохранившееся в архиве. В последние годы жизни Ламанский окончательно отошел от дел не только в университете и Литературном фонде, но и в Академии наук.

На рубеже веков Кареев привлек Ламанского, как крупнейшего отечественного слависта, к написанию общей статьи о славянах для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», о чем свидетельствует несколько кратких деловых писем. В одном из них (23 января 1900 г.) он просил ранее самой статьи выслать в редакцию карты³. Перед отъездом за границу письмом от 5 апреля Кареев вновь напомнил о статье, которую следовало доставить в редакцию, а в послании на почтовой карточке из Лозанны 4 июля 1900 г. сообщал: «Вчера я прочитал (в корректуре) начало статьи о славянах (до середины изложения древнейшей истории ю<жных> славян). Я предложил выделить столбцы о словаках и переселении народов в особую статью, а то, что говорится о болг<арской> и сербской истории в XIX в., является повторением того, что уже было в словаре. Желательно, чтобы Вы продержали корректуру и приложили библиографию. Окончена ли статья? На все жду ответа»⁴. Статья Ламанского «Славяне» была опубликована в 1900 г. в тридцатом томе «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (С. 287—293).

Еще один сюжет, детали которого приоткрывают письма Кареева, касается знакомства Ламанского с украинским историком М. С. Грушевским. 8 марта 1902 г. Кареев отправил Ламанскому почтовую карточку, в которой извещал, что «в П<етер>бург на самое короткое время приехал из Львова проф<ессор> Грушевский, который в 8 ч. в<ечера> в пятницу обедает у меня. Он был бы рад, если бы <Вы> приехали ко мне. Независимо от этого Грушевский хотел бы побывать и у Вас»⁵. Немногочисленные письма Грушевского Ламанско-

¹ Там же. Л. 17.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 14.

му опубликованы¹. Первое из них датировано еще 1898 г., но оно адресовано не Ламанскому, а «Високоповажному Добродію» в связи с передачей в Петербургский университет «Записок» и «Этнографического сборника». Личная переписка начинается только с 1903 г., т. е. после знакомства у Кареева. Ламанский привлек Грушевского и украинских историков к участию в «Сборнике статей по славяноведению» и планировавшемуся в Петербурге в 1904 г. конгрессу славистов. Об этом в основном и идет речь в письмах. Из черновика письма Ламанского И. В. Ягичу также видно, что Грушевский посещал Ламанского в 1911 г. «На днях у меня был и просидел довольно долго проф<ессор> Львовского университета хохол Грушевский, — писал Ламанский, — незадолго перед тем прислал мне свою Историю Киевской Руси (по-русски, а не по-украински). В этой истории нет ни слова о сношениях с Новгородом, Владимирским Суздаlem. Губернатор Бобринский (историк) покровительствует украинцам и преследует учителей и учеников, читающих московских писателей (Пушкина и друг.).»

Все это уже поздно. Наша художественная и научная литература растет и развивается, приобретает себе уважение все более и более в Западной Европе, романской и германской². Зять Ламанского, В. П. Семёнов-Тян-Шанский в мемуарах тоже описывал эту историю: «Интересен случай, бывший у Владимира Ивановича с украинским историком, с “бабькой” Михайлой (Михаилом Сергеевичем) Грушевским. Он подарил как-то Владимиру Ивановичу свою книгу “История Украинской Руси” на украинском языке. Владимир Иванович внимательно ее изучил, не прибегая, конечно, к словарю, и при свидании спросил автора, почему у него так мало говорится про Новгородскую Русь, бывшую в тесной связи с Киевской Русью. Грушевский ответил, что его интересовал в данном случае только юг, а не север, и он намеренно сузил свою задачу. Через несколько лет Грушевский подарил Владимиру Ивановичу второе издание своей книги, на этот раз на общерусском литературном языке, созданном столько же усилиями великорусов, как украинцев и белорусов. Владимир Иванович удивился и спросил его, почему же не на украинском? “Не расходится”, — сконфуженно ответил Грушевский. “То-то, — ответил Владимир Иванович, — поздно вы свое дело затеяли, вот если бы

¹ Копылов С. А. Письма Михаила Грушевского Владимиру Ламанскому // Гуманитарный вектор. 2010. № 4 (24). С. 10—13.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 8—8 об.

лет на полтора года раньше — было бы другое”. Владимир Иванович находил, между прочим, что гениальность Гоголя проявилась именно в его сознательном отказе от “украинской мовы” (“бандуры”, по выражению одного моего статистического сотрудника, долго работавшего на Украине) в пользу общерусского литературного (“великолепного рояля”, по выражению того же сотрудника). Все это я слышал от Владимира Ивановича лично»¹. Вероятно, это была последняя встреча Ламанского с Грушевским.

Ламанский и Кареев принадлежали к разным поколениям ученых. Еще больше различались их философские взгляды. Мировоззрение Ламанского сформировалось в 1850-е гг. под сильным влиянием немецкой науки, прежде всего В. фон Гумбольдта, и романтического увлечения народностью. До конца жизни он оставался убежденным славянофилом и одним из самых влиятельных славистов не только в России, но и в Европе. Благодаря многолетнему преподаванию Ламанского в Петербургском университете и деятельности его учеников, славянская история отделилась от славянской филологии в самостоятельную научную дисциплину. Кареев, как известно, первоначально выбрал в университете специализацию по славяно-русской филологии у Ф. И. Буслаева, лишь позже перейдя к В. И. Герье. Помимо всеобщей истории Кареев внес значительный вклад и в историю славян², в частности полонистику³, кроме чисто исторических исследований, издав свои статьи по польскому вопросу отдельным сборником⁴. В философско-исторических построениях Кареев не чуждался эклектизма. Стремление интегрировать в славистику идеи славянофилов привело Ламанского к формулированию оригинального учения о трех цивилизационных мирах, которое он сам относил к области политической географии. Не сторонился философско-исторических обобщений и Кареев. Интерес к философии истории, несомненно, способствовал сближению Ламанского и Кареева, по крайней мере служил основанием для взаимного уважения. Между

¹ Семёнов-Тян-Шанский В. П. То, что прошло : в 2 т. Т. 1 : 1870—1917. М. : Новый хронограф, 2009. С. 623—624.

² Лантева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 467—494.

³ Кручковский Т. Т., Нечухрин А. Н. Польская проблематика в творчестве Н. И. Кареева // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Ч. 2 : Сусветная гісторыя. Мінск, 1995. С. 116—123.

⁴ Кареев Н. И. Polonica : сборник статей по польским делам (1881—1905). СПб., 1905.

двумя учеными, вероятно, существовала и личная взаимная симпатия, сглаживавшая мировоззренческие противоречия.

А. С. Лаппо-Данилевский

Отношения Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского и Владимира Ивановича Ламанского еще не становились предметом специального рассмотрения. В обширной библиографии работ, посвященных Лаппо-Данилевскому, Ламанский упоминается крайне редко. Создается впечатление, что этих двух деятелей русской науки мало что связывало, хотя это далеко не так. Конечно, Ламанский и Лаппо-Данилевский принадлежали к разным поколениям ученых, даже придерживались, можно сказать, различных мировоззренческих установок. Ламанский в открытую называл себя славянофилом. Для поколения, к которому принадлежал Лаппо-Данилевский, культурно-историческая идентификация с западниками и славянофилами не была уже столь актуальной. Характер мышления, образ жизни, даже внешность Лаппо-Данилевского выдавали в нем русского европейца, больше всего, вероятно, симпатизировавшего взглядам западников на пути развития русской истории и культуры. По крайней мере он не отделял Россию от европейской (западноевропейской) цивилизации и всячески старался поддерживать связи русской науки с европейским ученым миром. Лаппо-Данилевский уже мог себе позволить смотреть на споры западников и славянофилов более отстраненно, так же как, например, на полемику между восточниками и западниками среди русских книжников XVII в.¹ Можно сказать, что Лаппо-Данилевский, как М. М. Ковалевский и П. Г. Виноградов, был «лицом» русской исторической и в целом социальной мысли на Западе. По деятельности и работам Лаппо-Данилевского европейские ученые во многом судили о ходе развития и состоянии русской исторической науки. Впрочем, надо признать, известность Лаппо-Данилевского до сих пор ограничивается почти исключительно русскоязычным научным контентом.

Иное дело Ламанский, прямо противопоставлявший русскую цивилизацию или в его терминологии греко-славянский мир миру германо-романскому. Известность Ламанского в научных кругах

¹ Дзянов К. С. А. С. Лаппо-Данилевский о борьбе восточников с западниками // Вестник Омского ун-та. 2011. № 3 (61). С. 81—85.

ограничивалась славистами, преимущественно восточноевропейскими и австрийскими. Лишь латино-франко-итальянское издание архивных документов по истории Венеции «*Secrets d'État de Venise et rapports de la République avec les Grecs, les Slaves et les Turcs au XVI siècle. Documents, extraits, notices et études*» (1884) нашло отклики в европейской науке. Однако, как и в случае с Лаппо-Данилевским, Ламанский упоминается почти исключительно в отечественных исследованиях.

Можно сказать, что хотя Лаппо-Данилевский и не относил себя к последователям славянофильского кружка, но отчасти старался привести в реальность славянофильский идеал самостоятельной и оригинальной русской науки, согласованно развивающейся с наукой западноевропейской. Достичь этого было тем сложнее, что область научных интересов самого Лаппо-Данилевского ограничивалась русской историей XVII—XVIII вв., в изучении которой преобладание европейских концепций было не столь очевидно. Оставаясь европейцем по складу мышления и методологическим приемам исследования, Лаппо-Данилевский вынужден был искать свой путь в науке. Не будет преувеличением сказать, что в ученых Лаппо-Данилевский больше всего ценил самостоятельность мышления, смелость обобщений в сочетании с работоспособностью историковеда и архивиста. Всеми этими качествами в полной мере обладал Ламанский.

Знакомство двух ученых произошло в Санкт-Петербургском университете. В годы обучения Лаппо-Данилевского на историко-филологическом факультете Ламанский исправлял должность декана. Вероятно, тогда же были заложены основы того глубокого уважения, которое Лаппо-Данилевский испытывал к своему старшему товарищу. Уважение это базировалось, надо думать, в первую очередь на личных качествах Ламанского — человека принципиального и готового пожертвовать административной карьерой ради науки. В 1885 г. он покинул должность декана историко-филологического факультета, не желая быть проводником министерской политики по пересмотру положений университетского Устава 1863 г., а в 1899 г. Ламанский окончательно оставил преподавание в Петербургском университете в знак протеста против увольнения Н. И. Кареева и И. М. Гревса.

Ламанский проявил себя не только в славистике, но и на поприще русской историографии. Его ранние работы, преимущественно архивного характера, сосредоточились на русском XVIII в., в том числе

истории Академии наук и М. В. Ломоносове. В фонде И. И. Срезневского в Архиве РАН отложилось недатированное письмо Ламанского К. Н. Бестужеву-Рюмину, в котором он ссылался на свои работы по русской истории XVIII в. как на свою научную заслугу. «В записке, которая у Григорьева, — писал он, — указаны почти все мои статьи и документы, напечатанные мною в Чтен<иях>, Архиве, Летописях Тихонравова. Взятые вместе, они, может быть, при известных натяжках докажут, что и моего меду капля есть в новейшем движении Русской литературы относительно знакомства с 18 в. и что мои якобы голословные рассуждения о Петербургском периоде (в ст<атье> о Лом<оносове> и Акад<емии>) были основаны на непосредственном знакомстве с источниками. Можно указать, что и печатно обо мне вспоминали с благодарностью Пекарский (I том). Не знаю, говорил ли обо мне Чистович, которому я много сообщил и указал для Феофана»¹. В письме упоминается список работ Ламанского, составленный К. Н. Бестужевым-Рюминым и В. И. Межовым. В том же фонде сохранился этот список, доведенный лишь до 1869 г.² По косвенным свидетельствам из письма Ламанского (ссылка на новое издание Ф. Палацкого 1869 г.) также следует, что его можно датировать 1869 г.

XVIII век стал главной исследовательской темой и Лаппо-Данилевского, на протяжении двух десятков лет работавшего над докторской диссертацией «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики». В конце жизни, перейдя на службу в Академию наук, Ламанский вновь вернулся к изучению XVIII столетия, а после смерти М. И. Сухомлинова с 1902 г. редактировал готовившееся собрание сочинений М. В. Ломоносова. К сожалению, старческие недуги уже не позволили ему представить крупное исследование. Однако можно не сомневаться, что Лаппо-Данилевский внимательно следил за ходом работ своего академического коллеги. Более скрупулезное исследование, возможно, обнаружит и больше содержательных совпадений в изложении и интерпретации событий и личностей XVIII в., Ламанским и Лаппо-Данилевским.

Уже первая публикация Лаппо-Данилевского (еще студенческая) была откликом на издание Ламанским документов из венецианских архивов. Ламанский снабдил издание предисловием, написанным со славянофильских позиций, примечаниями и собственными иссле-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 209. Л. 1.

² Там же. Ед. хр. 330. Л. 1—1 об.

дованиями на французском языке. В рецензии Лаппо-Данилевский остановился лишь на тех сюжетах обширного труда Ламанского, которые содержали сведения по «собственно русской истории». В начале рецензии он также кратко характеризовал архивные публикации известного византиниста Ф. И. Успенского — ученика Ламанского¹.

Еще одной точкой сближения двух ученых была философия истории. Оба они тяготели к теоретическим обобщениям и философско-историческим исследованиям. Впрочем, философия истории хорошо показывает и то, в чем они расходились. Философско-историческое учение Ламанского начало формироваться еще в первой половине 1860-х гг. и нашло законченное выражение в докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» и трактате «Три мира Азийско-Европейского материка». Учение Ламанского имеет содержательные параллели с теорией культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского и может считаться развитием славянофильской историософии. Сам Ламанский относил свою концепцию к области политической географии, показывая влияние природно-климатической среды на становление цивилизаций и ход исторического развития. Ключевым фактором формирования самобытной культуры он считал богатый литературный язык, а современную цивилизационную борьбу воспринимал как соперничество языков. В трактате Ламанского можно найти не только зачатки геополитики, но и идеи, которые позднее стали разрабатывать евразийцы.

Подход Лаппо-Данилевского к философии истории был иным. Если концепцию Ламанского следует отнести к области историологии (теории исторического процесса), то Лаппо-Данилевский, напротив, сосредоточился на разработке вопросов исторической гносеологии (методологии истории). Отчасти это объяснялось необходимостью читать курс «Методологии истории» на историко-филологическом факультете. Однако, вероятно, Лаппо-Данилевский и сам тяготел к изучению прежде всего теоретико-методологических вопросов исторической науки. Ламанский, скорее всего, уже не мог оценить первые философско-исторические опыты Лаппо-Данилевского, которые были опубликованы, когда престарелый академик практически полностью отошел от дел.

¹ Лаппо-Данилевский А. С. Из старинных сношений России с Западною Европой // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. ССXXXIII. Май. С. 21—38.

Сочинения Лаппо-Данилевского и его переписка не содержат оценок славянофилов и их учения. Нет в них и рассуждений в славянофильском духе. Тем не менее можно предположить, что к славянофильствующей университетской профессуре он относился исключительно уважительно. Прежде всего, речь идет о К. Н. Бестужеве-Рюмине, которого Лаппо-Данилевский неоднократно посещал, еще будучи студентом, и который, пожалуй, первым оценил его философские и теоретические наклонности. Необходимо упомянуть убежденного славянофила О. Ф. Миллера, по инициативе и под руководством которого в университете было основано Научно-литературное общество, в котором во многом проходило интеллектуальное становление Лаппо-Данилевского. С неменьшим почтением относился он и к Ламанскому — ближайшему другу О. Ф. Миллера еще со студенческих времен. В мае 1891 г., т. е. вскоре после начала преподавания на историко-филологическом факультете, Лаппо-Данилевский писал М. А. Дьяконову, что «на нашем факультете из старых профессоров — Ламанский человек хороший и стойкий. Васильевский тоже симпатичен кое в чем. С остальными не хочется иметь дела»¹.

Избрание Ламанского в Академию наук в 1900 г. проходило уже при непосредственном участии адъюнкта Лаппо-Данилевского, незадолго до этого избранного в АН. Вероятно, это было первое голосование в Общем собрании АН, в котором он принимал участие. Голосование проходило 15 января 1900 г. Приказ же об утверждении Лаппо-Данилевского адъюнктом (с 4 декабря 1899 г.) вышел только 8 января 1900 г., а отношение министра народного просвещения на имя Августейшего Президента АН, согласно протоколу общего собрания АН, появилось лишь 15 января 1900 г., т. е. в день голосования². Записку об ученых трудах Ламанского составлял акад. А. А. Шахматов. Избрание Ламанского во многом соответствовало плану Лаппо-Данилевского по русификации Академии наук, т. е. избранию на освобождающиеся кафедры в первую очередь русских ученых вместо немецких. Сразу после голосования в Академии наук по кандидатуре Ламанского Лаппо-Данилевский первым приехал его поздравить, что отметил в своем дневнике новоизбранный академик. Подчеркнем еще раз, Лаппо-Данилевский не разделял

¹ Цит. по: *Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа.* Рязань : НИИР, 2004. С. 61.

² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101. Л. 18 об.—19.

славянофильских взглядов Ламанского, поэтому помимо личного уважения основой для такого поступка могло быть признание научных заслуг и убеждений старого профессора.

С избранием Ламанского ординарным академиком начался наиболее плодотворный и тесный, хотя и непродолжительный, период их сотрудничества. Фонды Ламанского и Лаппо-Данилевского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН отчасти позволяют проследить хронологию их общения. К сожалению, переписка носила исключительно деловой характер, поскольку содержательные контакты сводились к личным беседам и обсуждениям в Отделении АН. В записках Лаппо-Данилевский чаще всего пытается согласовать даты заседаний различных академических комиссий, в которых он состоял вместе с Ламанским. Однако та же переписка показывает, что их сотрудничество началось значительно раньше избрания обоих в Академию наук, а именно в связи с участием в Археологической комиссии (1893). Письма были отправлены с домашних адресов Лаппо-Данилевского (10-я линия В. О., д. 17, кв. 8 — 1893 г.; 9-я линия В. О., д. 44 — 1904 г.; Николаевская набережная, д. 1 — после 1904 г.) на домашний адрес Ламанского — ул. Звенигородская, д. 32, кв. 1.

Первое из дошедших до нас писем не датировано. «Заседание Русского отделения можно назначить на четверг, 21-го января, — писал Лаппо-Данилевский. — Надеюсь, что этот день не окажется для Вас неудобным. 15-е число, которое Вы указывали мне при свидании, оказалось неудобным для второго референта: А. В. Половцова; он просил переместить заседание на неделю, на что согласился и наш председатель»¹. Вскоре он вновь сообщал Ламанскому: «Опять без вины виноват перед Вами. Гр. Бобринский не располагает вечером 21-го, поэтому придется собраться 25-го января, в понедельник, если у Вас этот вечер будет свободен. Будьте добры, известите меня об этом возможно скорее»². В этом же послании он сетует на то, что не застал Ламанского в университете. Скорее всего, упомянутое заседание состоялось только в начале февраля 1903 г., о чем Лаппо-Данилевский извещал Ламанского 1 февраля 1903 г.: «Собрание Отделения Русской и Славянской Археологии назначено на пятницу 5-го февраля, о чем я уже говорил и Вам с неделю тому назад при случайной встрече. Начало

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 830. Л. 10.

² Там же. Л. 1.

собрания в 8 часов, причем надеюсь Вам не трудно будет читать *первому*, так как не хотелось бы давать первое место представлению с волшебным фонарем, которым Половцев думает открыть археологическую масляницу»¹.

Одной из академических комиссий, к работе в которой десятилетие спустя Лаппо-Данилевский привлек Ламанского, была комиссия по архивной реформе. 14 октября 1903 г. он отправил Ламанскому «открытое письмо» следующего содержания: «Вы просили напомнить Вам, что завтра 15-го в среду в 1 ½ д<ня> назначено заседание Комиссии об архивной реформе (до заседания Историко-Филологического Отделения, назначенного на 2 часа)»². Вероятно, к этому же заседанию может быть приурочено и недатированное письмо, в котором Лаппо-Данилевский обращался с просьбой: «Будьте добры пришлите с подательницей моего письма бумаги, касающиеся проекта архивной реформы. Если позволите, я принесу их завтра на заседание, назначенное Вами в 2 часа»³. В скором времени в «Известиях Академии наук» появилась «Записка А. С. Лаппо-Данилевского о деятельности губернских ученых архивных комиссий»⁴.

В письме от 16 марта 1904 г. Лаппо-Данилевский уже обращался к Ламанскому за консультацией. «Если позволите, — писал он, — я зайду к Вам в четверг между 3—5 или раньше 3-х с тем, чтобы воспользоваться Вашими указаниями относительно исторической Галиции в XIV в.; за них я буду Вам очень благодарен.

Вы просили меня уведомить дня за 2, когда я соберусь к Вам, почему я и решаюсь <нрзб.> отправляя это письмо»⁵. Ламанский не оставил крупных и даже отдельных сочинений о Галиции, хотя неоднократно бывал там и поддерживал отношения с галицийскими москвофилами. В лекциях по истории славянских народов, которые Ламанский читал в университете, он неоднократно касался исторической судьбы русской Галиции. Безусловно, Лаппо-Данилевский мог рассчитывать воспользоваться не только знаниями, но и уникальной библиотекой Ламанского. Скорее всего, сведения

¹ Там же. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 9.

⁴ [Лаппо-Данилевский А. С.] Записка А. С. Лаппо-Данилевского о деятельности губернских ученых архивных комиссий // Известия Императорской Академии наук. V серия. 1905. Т. XXII, № 1. С. OIII—OVII.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 830. Л. 4.

о Галиции XIV в. были необходимы Лаппо-Данилевскому в связи с началом работы над изданием сборника «Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси» (СПб., 1907), включавшего статью историка «Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников» и ряд «заметок»¹.

Однако Ламанский и сам прибегал к познаниям своего молодого сослуживца. В одном из недатированных писем Лаппо-Данилевский в ответ на просьбу Ламанского сообщал ему библиографию о «древнем янтаре», рекомендуя, в частности, исследование Г. Клебса².

Интерес к русскому XVIII в. сближал двух историков и, отчасти, сглаживал мировоззренческие противоречия. При этом в опубликованном первом томе докторской диссертации Лаппо-Данилевского³ нет ссылок на работы Ламанского. Одной из форм их совместной деятельности в Академии наук были заседания различных комиссий, в состав которых Ламанский и Лаппо-Данилевский избирались в качестве представителей второго и третьего отделений АН соответственно. Так, 20 марта 1909 г. в письме Лаппо-Данилевский замечал Ламанскому: «Предлагаемую Вами тему, конечно, желательно иметь в виду для одной из премий; но на премию имени Шубинского мы можем только предлагать уже вышедшие в свет за последние 5 лет сочинения, преимущественно касающиеся рус<ской> истории XVIII-го века. Нет ли у Вас на примете такого сочинения?»

В субботу мы поджидали Вас; заседание не состоялось, но мы решили предварительно частным образом навести справки о вышедших за последнее время трудах по рус<ской> истории, а затем уже собраться еще раз для окончательного решения.

Жалею, что в ближайшие дни не успею зайти к Вам, а потому и пишу Вам сегодня»⁴.

Возможно, отголоском обсуждений в комиссии на премию С. Н. Шубинского является и единственное письмо Ламанского, отложившееся в фонде Лаппо-Данилевского. Приведу его полностью.

¹ Лаппо-Данилевский А. С. Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907. С. 211—308.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 830. Л. 8.

³ Лаппо-Данилевский А. С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag Gmb&Cie, 2005. 462 с.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 830. Л. 5—5 об.

«16 мая» 1909.

Многоуважаемый
Александр Сергеевич.

Не согласитесь ли Вы и Дьяконов М. А. на следующую тему: “Деятельность Прав<ительствующего> Сената в царств<ование> Елис<аветы> Петровны” или просто “Пр<авительствующий> Сен<ат> в ц<арствование> Ел<изаветы> П<етровны>”. Эта последняя Романова была ленива, правда, и мало образована, но умна и добрая сердцем. Семилетняя война, уничтожение или отмена смертной казни, Московск<ий> Унив<ерситет>, покровительство Ломоносову, которого по настоянию Св. Синода и немецкой партии (за члена борьбы и за борьбу в ак<адемии> с Шумахером и др.) чуть было не сослали в Сибирь или не предали казни (докум<ент> напечатан мною в Русск<ой> Бес<еде>). О насильственной смерти Ел<изаветы> П<етровны> я привел несколько указаний в моих Вам известных Secrets d’État de Venise стр. 425—6. Покойный В. Гр. Васил<ьевский> мне говорил, что в одном засед<ании> съезда историк<ов> в Берл<ине> на предложен<ный> вопрос Мин<истерству> (каф<едры?>) Нар<одного> Просв<ещения> (Прусс<кого>) отчего Правит<ельство> не продолжает издан<ие> писем Фридр<иха> II, был дан ответ: остановлено продолжение во избежание возможного недовольства и огорчения дружественной <нрзб.> державы. Болотов в св<оих> зап<исках> (в моей кн<иге> стр. 425) и П т. Бартеневск<ого> Арх<ива> гр. Воронцова) довольно ясно указал на насильственную смерть Ел<изаветы> П<етровны> (Фридр<их> II и Екат<ерина>).

Как бы то ни было, но царствование Елис<аветы> Петров<ны> и по внешним и по внутренним делам (Фон Визин, Болтин, Десницкий — воспитались и образовались при Елис<авете>).

Наконец отмена смертной казни — чего-то стоит. Да и к Радищеву (он сам отнесся бы иначе к Елис<авете>, чем к Екат<ерине>) Елис<авета> отнеслась бы иначе, чем Екатерина. Она не любила и Ломоносова, но отнеслась к нему потом любезно, благодаря лишь настояниям Орлова, человека необразованного, но как цельного и неглупого русского человека, умевшего ценить Ломоносова.

Как бы то ни было, но деятельность Сената при Елис<авете> Петр<овне> была самостоятельнее, чем при Ек<атерине> II.

Простите старческую болтовню.

Ваш В. Ламанский»¹.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 209. Л. 2.

Письмо выдает непоследовательность и незавершенность мыслей Ламанского. Он явно предлагает исследовательскую тему на одну из академических премий, но тут же по ходу изложения дает свою характеристику Елизаветы Петровны и ее правления. Предложение Ламанского не содержит исследовательской программы, а скорее выражает отношение к исторической личности и ее эпохе. Любопытно, что он характеризует императрицу Елизавету почти в тех же выражениях, что и в письме М. П. Погодину, написанном полувеком ранее¹.

Последнее датированное письмо Лаппо-Данилевского относится к 30 октября 1910 г. и вызвано необходимостью назначить заседание очередной премиальной комиссии: «В Общем Собрании Академии 9 января с<его> г<ода> была образована комиссия для присуждения премии Симбирского дворянства, а 6-го ноября она должна представить доклад Общему же собранию о результатах конкурса.

Вы состоите членом этой комиссии, а потому я и решаюсь побеспокоить Вас просьбою сообщить, когда устроить нам собрание (до 6-го ноября). На будущей неделе 3-го ноября (в среду) назначено, м<ежду> пр<очим>, “Соединенное Собрание Отделений — Рус<ского> яз<ыка> и Слов<есности> и Историко-Филологического”. Не устроить ли нам заседание нашей комиссии в этот день в 1 ½, т. е. до соединенного Собрания? Если Вы согласны, я уведомя и других членов комиссии (они также должны быть 3-го). Если в ближайшую среду Вам неудобно, не откажите сообщить, когда нам собраться? М. А. Дьяконов, тоже член комиссии, к сожалению, живет за городом, и не всегда может быть; но на этой неделе он был в другой комиссии в пятницу.

Вернее было бы, однако, иметь в виду среду.

Во всяком случае ожидаю от Вас указаний и жалею, что не могу лично побывать у Вас для того, чтобы сговориться: до среды еще много дел»².

В 1903 г. в Петербурге состоялся Предварительный съезд русских филологов-славистов, который предшествовал планировавшемуся в 1904 г. международному съезду славистов. Предполагалось и издание славянской энциклопедии, проект которой был составлен А. А. Шахматовым. Работу по историческому разделу энциклопедии

¹ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. Кн. XVIII. С. 373.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 830. Л. 6, 6 об., 7, 7 об.

фактически возглавили Лаппо-Данилевский и Ламанский. Лаппо-Данилевский председательствовал на заседаниях подсекции истории и права, на которых обсуждался план исторического раздела, а Ламанский возглавил созданную по просьбе подсекции истории комиссию Отделения русского языка и словесности по разработке программы исторической части энциклопедии¹.

Впрочем, были и менее формальные поводы для переписки. В одном из недатированных посланий Лаппо-Данилевский выражал благодарность «за присланные мне билеты и жалею, что не могу воспользоваться ими, т<ак> к<ак> поймал бронхит и избегаю пока посещать людные вечерние собрания. Билеты отослать не успел, ибо получил их в четверг днем»². Можно предположить, что живое общение двух ученых давало и другие примеры не только формальных и деловых отношений. На один из них указывал А. Е. Пресняков. По субботам на квартире Ламанского проходили собрания, в которых участвовали университетские ученые, приезжавшие в Петербург славянские политические деятели и ученые, музыканты. Субботние вечера нередко превращались в импровизированные концерты. В ближайший круг общения Ламанского входили М. А. Балакирев и Н. А. Римский-Корсаков, а пасынок Ламанского Н. М. Штруп считался женихом дочери Н. А. Римского-Корсакова (свадьба не состоялась из-за болезни Н. М. Штрупа). Яркое описание суббот у Ламанского оставил его зять В. П. Семёнов-Тян-Шанский³. А. Е. Пресняков был дружен как с В. П. Семёновым-Тян-Шанским, так и с Н. М. Штрупом и В. В. Ламанским (сыном Владимира Ивановича). По свидетельству А. Е. Преснякова, Лаппо-Данилевский также посещал эти вечера⁴.

В отечественную историографию Ламанский и Лаппо-Данилевский вошли как основатели собственных научных школ⁵. При этом Лаппо-Данилевский оказывал поддержку ученикам Ламанского

¹ *Лаптева Л. П.* Петербургский съезд русских филологов и историков-славистов в 1903 г. // *Славянский мир в третьем тысячелетии : К 1150-летию славянской письменности.* М. : Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 54–55.

² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 830. Л. 11.

³ *Семёнов-Тян-Шанский В. П.* То, что прошло : в 2 т. Т. 1 : 1870–1917. М. : Новый хронограф, 2009. С. 265–270, 442–443.

⁴ Александр Евгеньевич Пресняков : Письма и дневники 1889–1927. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. С. 129.

⁵ *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М. : Индрик, 2005. С. 375–431 ; *Ростовцев Е. А. А. С.* Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. С. 295–297.

как в университете, так и в Академии наук, добиваясь выделения им стипендий и т. п. В качестве примера приведем несколько выдержек из писем последнего университетского ученика Ламанского Н. В. Ястребова, который узнал о решении своего учителя оставить преподавание и о его избрании в Академию наук, находясь в заграничной командировке. И уже 8/20 февраля 1900 г. он сообщал ему из Вены, что «телеграфировал, как было условлено, А. С. Лаппо-Данилевско>му; но пока из Академии ничего нет»¹. Речь шла о материальной поддержке молодого ученого, который был направлен университетом за границу для подготовки диссертации по славянской истории. Еще одно письмо дает представление о существовавшем противостоянии на историко-филологическом факультете. «То, что слышу от Ильинского о верховодстве в факультете Платонова и его близких (Форстена, Введенского и др.), — писал Н. В. Ястребов Ламанскому из Праги 10/23 июля 1901 г., — не особенно утешает, принимая во внимание отношения Платонова ко мне, как человеку, близко стоящему к Вам и Л<аппо>-Данилевскому (к слову, последний недавно писал мне, что приедет из-под Дрездена в Прагу). А как Вы думаете, нужно будет мне обращаться к Платонову при ходатайстве о продлении командировки еще на ½ года? или довольно будет, чтобы Вы один и сами о том хлопотали? Ильинский рассказывает, Платонов сказал ему при отъезде: “Смотрите, помните: кто нас забывает, так тех и мы забываем”»². Ламанский не был антагонистом С. Ф. Платонова, однако в борьбе факультетских партий числился на одной стороне с Лаппо-Данилевским. В одном из писем Н. В. Ястребов признавался, что был обязан «всемерной поддержкой» В. Г. Васильевскому, А. С. Лаппо-Данилевскому и В. И. Ламанскому³.

Примечателен факт выступления Ламанского на стороне Лаппо-Данилевского в споре с С. Ф. Платоновым во время защиты Лаппо-Данилевским магистерской диссертации⁴. Рассказывая о защите М. А. Дьяконову, Лаппо-Данилевский отмечал, что, когда он явился в аудиторию, опоздав на десять минут, первым его встретил Ламанский. «Ламанский взял меня под руку (он еще раньше одо-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1606. Л. 12 об.

² Там же. Л. 84.

³ Там же. Л. 204 об.

⁴ Бухерт В. Г., Корзун В. П. «Я никакого смущения не чувствовал, а только некоторое возбуждение, как всегда перед битвой...» // Мир историка : историографический сборник. Омск : Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2014. С. 63.

брительно отзывался о книге, лобызал меня и мычал)», — писал молодой историк¹. Из других фактов, свидетельствующих об особых отношениях между двумя историками, можно указать на то, что в фонде Ламанского отложилась телеграмма президента АН вел. кн. К. К. Романова, в которой он выражал удовлетворение избранием Лаппо-Данилевского ординарным академиком. Телеграмма была направлена на имя Ламанского.

Последним крупным издательским начинанием Лаппо-Данилевского в Академии наук стал сборник «Русская наука»², публикация которого растянулась на целое столетие³. Интересно отметить, что идея аналогичного проекта была высказана Ламанским в одной из его первых статей «О распространении знаний в России», опубликованной в журнале «Современник» в 1857 г. Ламанский сформулировал целую просветительскую программу, в том числе предложил создать «Общество Распространения Знаний», главную цель которого он видел в «издании полной русской энциклопедии наук»⁴. Ламанский не смог реализовать свой проект. Уже после его смерти Лаппо-Данилевский возглавил в 1916 г. комиссию Академии наук по подготовке сборника «Русская наука», идеология (в частности, восприятие науки как формы национального самосознания) и отчасти структура которого восходила к мыслям Ламанского. Было ли это совпадение сознательным выбором или следствием объективных потребностей отечественной науки, однозначно сказать трудно. Возможно, переписка Лаппо-Данилевского способна прояснить детали его замысла. Также можно надеяться, что эпистолярное наследие ученого содержит дополнительные оценки личности и творчества Ламанского, реакцию на его работы или отклики на кончину старшего товарища.

¹ Там же. С. 62.

² Смагина Г. И. «Достоинным образом представить русскую науку»: К 100-летию создания комиссии по изданию сборника «Русская наука» // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 1. С. 9—22; Корзун В. П., Колыватов Д. М. Сборник «Русская наука»: к вопросу о причинах неудач великого замысла // Мир историка и пространство истории: Сборник статей к юбилею профессора Н. Н. Алеврас / под ред. Н. В. Гришиной, Т. А. Андреевой. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 118—132.

³ Судьба проекта «Русская наука». 1916—1920: (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): статьи и документы / отв. ред. чл.-кор. РАН Ю. М. Батулин; ред.-сост. В. М. Орёл, Г. И. Смагина. СПб.; М., 2016. 848 с.

⁴ Ламанский В. И. О распространении знаний в России // Современник: литературный журнал. 1857. Т. LXIII. С. 39.

Часть вторая

В. И. Ламанский

**ПОЛОЖЕНИЯ [МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ
«О СЛАВЯНАХ В МАЛОЙ АЗИИ, В АФРИКЕ
И В ИСПАНИИ»]¹**

1. История новой Европы должна различать две главные действующие группы народов — мир романо-германский и мир греко-славянский. Характеристические их особенности и несогласия впервые резко обозначились в IX в., в эпоху монархии Карла В<еликого> и отпадения Рима от вселенского единства. Слабая обработка истории греко-славянского мира оправдывается, впрочем, многими обстоятельствами, составляет тем не менее важный недостаток современной исторической науки.

2. Задача истории, как науки, неисполнима без отчетливого изучения вопроса о значении каждого из племен и народов, самих по себе и во взаимном влиянии их друг на друга. Племенные и народные особенности выражаются и в жизни целых обществ, и в подвигах отдельных личностей. В силу физиологических законов, в исторической жизни немаловажное принимают участие взаимные народные симпатии и антипатии, племенные сочувствия и племенная вражда.

3. История славянского мира должна представить славян и в их внутренней народной жизни, и в их внешних отношениях к чужим племенам и народностям, так как историческая их деятельность проявляется и в их собственных, и в чужих землях, куда выселились они, вследствие различных причин, как отдельными лицами, так и целыми массами.

4. По самому географическому положению Малая Азия издревле должна была принимать в себя стихию славянскую, которая в ней доселе не получила должного развития, сначала от

¹ Публикуется по изд.: Русская беседа. 1860. № 1. Смесь. С. 145—148.

преобладания греков, притеснявших славян и тем заставлявших их переходить на сторону арабов во время их войн с Византией, а потом от господства турецкого, которое и поныне тяготеет над миллионами наших соплеменников и единоверцев.

5. Внимательное обследование исторических данных не позволяет — ни отрицать непрерывности в сношениях славян с М<алою> Азией с VII в. по настоящую пору, ни назначать времени первого их ознакомления с этою странюю, которое теряется в отдаленной древности. Если справедливо мнение о славянском происхождении венецов пафлагонских, то в них следует видеть ту часть славян, которая, при выселении всего племени в Европу, осталась в Азии, своей прародине. Основательность же этого мнения опирается на критическом разборе достоверных данных.

6. Отношения славян к арабам и обратно вполне заслуживают внимательного изучения. Богатая арабская письменность должна содержать в себе значительный запас новых сведений и подробностей о внутренней и внешней жизни славянского племени, первые сношения которого с арабами завязались в М<алой> Азии не позже половины VII в. Высокое мнение арабов о славянской воинственности и особенный склад их государственного быта побуждал их принимать и приглашать к себе на службу славян, которые, в течение VII—XI вв., являются в их владениях в Азии, Африке и Испании, в качестве беглых, охочих, вольных и гулящих людей (авантюристов и кондотьеров), а не только как рабы и военнопленные.

7. В исторические изыскания необходимо допускать метод аналогий и сравнений, почерпая их преимущественно из жизни народов соплеменных. При изучении истории отношений славян к арабам необходимо собирать и принимать во внимание все известия и данные касательно вольных и гулящих людей в славянских землях вообще, и относительно значения славянской стихии в Средней Азии, в Порте Оттоманской, братских чешских рот в Средней и Восточной Европе XV в., морских дружин адриатических славян во флоте испанском в XI—XVII вв. и проч. В стремлениях юго-восточных и юго-западных славян в М<алою> Азию, в Африку и в Испанию выразились их попытки к распространению своего влияния и к колонизации, которая, впрочем, удалась только одним восточным славянам по тем же причинам, по которым из всех народов славянских только русский смог и сумел сложиться в крепкое государственное тело.

8. История отношений адриатических и других славян к Испании, располагающая большим количеством богатых и наукою еще не тронутых материалов, составляет только часть истории отношений славян к народам романским, которые подпавшим исключительно влиянию Рима языческого и христианского не могли совершенно обеспечить своей самостоятельности от германцев, возобладавших, с помощью римской иерархии, и над славянами, которых в то же время отвлекала непрерывная борьба с завоевательными народами Азии. Эта же борьба славян много содействовала свободному развитию западной образованности. Чехи (XV в.) впервые выразили потребность славянского мира к устройству взаимных союзов и к сближению с народами романскими.

9. Падение славянских государств постоянно сопровождалось следующими внешними и внутренними явлениями: во-первых — утратою церковной самобытности, т. е. славянской иерархии и славянского богослужения, пробуждением вражды и распрей с соплеменниками, покорением чужеземцам — грекам, немцам и туркам; во-вторых — ослаблением общинного духа и быта, чужеземным образованием высшего сословия, его оторванностью от народа и его подчинением чуждым стихиям — византийской, немецкой и мусульманской, появлением особого среднего городского сословия с правами и привилегиями, в ущерб селам, и обеднением и разорением поселян, этих, по преимуществу, хранителей славянской народности.

10. Южные и западные славяне для успешного развития своих народностей имеют в настоящее время крайнюю необходимость — в введении у себя в круг общего образования — изучение русского языка и русской литературы, которая, в свою очередь, не прежде и не иначе достигнет значения всемирного, как по общему распространению в России знакомства с языками и литературами славянскими и по утверждению умственного и литературного общения с ее соплеменниками. Без основательного изучения их прошедшего и настоящего невозможны успехи нашего самосознания и столь для него необходимого критического разложения византийской и западной европейской образованности. Распространение русского языка вне пределов России, как одно из воздействий восточноевропейского мира на западный, последует, хотя и видоизмененными, согласно народному духу, и усовершенствованными современною наукою способами, теми же, однако, путями, какими проникало влияние романо-германского мира на греко-славянский.

В. И. Ламанский

РОССИЯ — МИР СЛАВЯНСКИЙ¹

1

Замечательное явление представляет нам современная европейская действительность. Недалеко то время, когда князь Меттерних² в одной из неизданных своих заметок 30-х годов, указывая с своей точки зрения на опасности современного состояния умов Европы, с ужасом замечал между прочим об исчезновении повсюду патриотизма, привязанности к своей родине и ее прошедшему, о распространении космополитизма, безразличного равнодушия общества ко внешней политике правительств, полного их нежелания охранять или оберегать единство и целостность своих государств. Современный Меттерних сказал бы теперь совершенно другое. Нынешний европейский либерализм кажется враждебнее самого Меттерниха относится к идеям космополитическим и опирается на самые тонкие исторические и этнографические изыскания. Правительства умеряют воинственный пыл своих подданных к расширению своих территорий, к усилению войска и флота. Пламенные желания либералов в Италии, ускорение похода на Рим и Венецию, в Германии усиление флота, приобретение Шлезвига, Киля и вообще увеличение береговой линии не только на западе, но и на востоке, в королевстве Греческом приобретение Ионических островов, Фессалии, даже Константинополя. Есть патриоты в Бельгии, Италии, Швеции, Венгрии и т. д., которые предлагают более или менее любопытные проекты о необходимости новых территориальных приобретений, о расширении нынешних или восстановлении прежних пределов, названия *народа* и *нации*. Не каждый народ может быть нацией.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 118. Л. 1—8.

² Меттерних Клемент Венцель Лотар, фон (1773—1859) — австрийский государственный деятель, дипломат, министр.

Самоеды, лопари, мордва, зыряне не могут быть названы нациями, ибо собственно только при двух условиях народ может быть нацией — общем литературном языке, органе общей образованности, и своем самостоятельном государстве. При одном из этих условий не трудно приобрести и другое. Так, достигши государственного единства, Франция, Англия, Россия образовали себе общий литературный язык, так образовавши себе последний, Итальянцы, Немцы стремятся к единству государственному. Мелкие политические организмы обречены на вечное бессилие, на безучастие в общей мировой жизни человечества, всегда подвержены опасности быть поглощенными сильным соседним государственным организмом, к которому они служат как бы прихвостнем. Народности единоплеменные, довольствующиеся своими местными, провинциальными литературами, обличают свою юность до строгого мышления, до мужественного сознания необходимости подчинять своей мысли все окружающее, вырабатывать свои собственные понятия и распространять их между другими народами. Когда народности единоплеменные лишены общего литературного языка, то в них нет ни школы, ни науки, ни философии, а без них самая даровитая народность не может приобрести всемирно-исторического значения. Без общего литературного языка самое существование народностей очень шатко, особенно таких, как славянские, которые даже внешним образом подчинены чужим образованным народностям, следовательно, с богатою литературою и общим языком, напр<имер>, греческой, итальянской и особенно немецкой. Пока славянские народности не выработают себе или не примут себе общего литературного языка, до тех пор они вечно будут в умственной опеке немцев. Представьте себе микроскопический народец в 100 тысяч душ — сербо-лужичан, имеющих свою народную словесность. Понятно, что на своем языке сербо-лужицкие писатели могут издавать календари, словари, народные песни, стихи, но не могут печатать чисто-ученых изысканий. По отсутствию общего литературного славянского языка свои ученые труды, заслуживающие всеобщей известности, они принуждены теперь писать по-немецки. Так для славянства пропадают частные силы и дарования. Представьте себе, какой бы страшный шаг назад сделала бы теперь русская национальность, если бы, например, новгородцы, пермяки, рязанцы захотели бы иметь свою литературу, обрабатывать свое местное наречие. Зачем нам, сказали бы они, употреблять чужое московское наречие, у нас есть свой прекрасный язык новгородский, пермский, рязанский, имеющий свои особен-

ности, существующий очень давно. Москва нас обижала в период уделов, мы не хотим подчиняться ей. Предположим, например, что наши малороссияне в один прекрасный день объявили, что не хотят писать по-московски, а все *по-украински*. У нас есть Артемовский¹, Осполнененко, Шевченко² и Марко Вовчок³, будут и свои украинские Ньютоны, Канты, Лапласы. Как ни одна порядочная литература не может, например, обходиться без переводов ученых иностранных сочинений, то, преследуя мысль об украинской литературе, жители губерний Киевской, Полтавы, Черниговской, Волынской, Подольской начинают теперь трудиться над переводами на украинский язык многотомных сочинений Гумбольдта⁴, Риттера⁵, Шлоссера⁶, Ранке⁷, Маколея⁸ и т. д. Все это, без сомнения, и смешно и нелепо, так же как если бы шотландец, неаполитанец, шваб, северный немец стали бы переводить на *свои украинские языки* иностранные сочинения, уже переведенные на их общий литературный язык. А разве не так же, например, смешно и нелепо, если бы то же самое стали делать сербы и болгары. Правда, в настоящее время они еще не сознают потребности в переводах таких авторов, как Гумбольдт, Риттер и др., но ведь если сербам и болгарам суждено жить и развиваться, то не могут же они обойтись без подобных переводов. Попробуйте, однако, заявить такую мысль образованному болгарину или сербу, и вы узнаете, что такое местный славянский патриотизм. Как, скажут они вам, нам принять ваш литературный язык, да ведь это в высшей степени обидно и оскорбительно! Действительно, еще, кажется,

¹ Гулак-Артемовский Петр Петрович (1790—1865) — украинский поэт.

² Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861) — выдающийся украинский поэт и художник.

³ Марко Вовчок (литературный псевдоним Марии Александровны Вилинской, по первому мужу — Маркович, по второму — Лобач-Жученко; 1833—1907) — украинская и русская писательница и поэтесса, переводчица.

⁴ Гумбольдт Александр, фон (1769—1859) — немецкий ученый-энциклопедист, физик, метеоролог, географ, ботаник, зоолог.

⁵ Риттер Карл (1779—1859) — немецкий географ, один из основоположников современной западной географии.

⁶ Шлоссер Фридрих Кристоф (1776—1861) — немецкий историк, профессор Гейдельбергского университета (с 1817).

⁷ Ранке Леопольд, фон (1795—1886) — немецкий историк, представитель историзма, разработал методологию современной историографии.

⁸ Маколей Томас Бабингтон (1800—1859) — лорд, английский писатель, историк, политический деятель.

много лет пройдет, пока образованные сербы и болгары сознают, что для их народности писать по-русски сочинения, заслуживающие всеобщей известности, так же оскорбительно, как оскорбительно для северных немцев или для швабов, что Кант и Гегель писали не на *platl-deutsch* и не по-швабски.

Нет, итальянцы и немцы гораздо скорее нас, славян, достигнут единства и самобытности. Как одно из ярких доказательств нашей незрелости — непонимание тех опасностей, которые предстоят ученому развитию Славянского племени с утверждением единства итальянского и немецкого. Национальные силы их удесятерятся, материальная и умственная производительность возрастет в необычайных размерах. Что тогда представят им в отпор различные народы и народцы славянские с одними своими *украинскими* литературами, лишенные войска, флота, финансов? Славянская история могла бы, кажется, научить, что единая сильная Италия и единая сильная Германия не станут заботиться, не имеют в том никакого интереса, о том, как бы сплотить славян южных и западных, даровать им полную независимость. Независимость славян? От кого? От северного колосса! Но что в нем и смущает их, т. е. Италию и Германию и вообще Романо-германские племена, как не то обстоятельство, что русский народ — единственный народ славянский, смогший и сумевший создать сильное государство. Слова Кавура¹ о значении Дунайских княжеств позволяют догадываться о будущих отношениях единой сильной Италии к народностям славянским. Где ваше ручательство, что с приобретением Венеции откажется Италия от ее прежних прав и видов на Далмацию, где и теперь не бессильна слабая числом стихия итальянская, а тогда будет покровительствуема сильною державою? На Италии лежит прямой долг и священная обязанность всячески помогать и содействовать итальянскому элементу в Истрии и Далмации. Чем отбиваться славянам, как им избежать неминуемой зависимости от Италии, которая уже прежде царила на Леванте. Обратятся ли хорваты за помощью к мадьярам? Но разве мадьярские цели и стремления совершенно совпадают со славянскими? Трудно разве предвидеть, что по вопросу славянскому обоюдные выгоды

¹ Кавур Камилло Бенсо (1810—1861) — граф, итальянский государственный деятель и дипломат. Премьер-министр Сардинского королевства (1852—1861, кроме 1859). Глава правительства объединенного Итальянского королевства (1861). Сыграл важную роль в процессе объединения Италии путем династических и дипломатических сделок.

заставят сойтись мадьяр и итальянцев? Обратятся ли хорваты за помощью к Франции и ценою дорогих уступок купят ее участие? Но в состоянии ли она вытеснить итальянское влияние? Из-за чего, как не из собственных выгод, станет она хлопотать за славян? Что приобретут они, подпавши новому влиянию французскому? Обратятся ли хорваты за помощью к немцам? Единая, сильная Германия, без сомнения, не будет равнодушно относиться к ним, но только потому, что еще долго не откажется от своих смелых замыслов и притязаний, высказанных еще Меттернихом и полнее развитых Бруком¹, замыслов о соединении Австрии с Германиею, Бельгией, Голландиею в одном союзе.

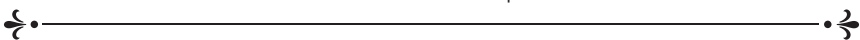
<...>

(обрыв в рукописи. — А. М.) Сербского княжества мы нисколько не жалели, ибо оно не только законно, необходимо, но даже и в высшей степени полезно, пока миллионы турецких славян находятся в самом постыдном рабстве. Положение же сербов в Австрии до последнего времени было слишком печально для того, чтобы и у них могла явиться богатая умственная и литературная деятельность. Итак, болгарские патриоты в свою очередь совершенно правы, всячески отвергая предложения о принятии сербского языка орудием своей образованности.

(обрыв в рукописи. — А. М.) некоторая любовь к свободе. Все наоборот у этих полуазиатов москалей, безнравственность жизни семейной, коммунистический быт, направление эмпирико-скептическое и материальное, тупое азиатское послушание и полная апатия к идее свободы. Москали, по своей азиатской натуре, мечтают только о захватах, о завоеваниях, о всемирном господстве. Так, избегайте с ними сближения и общения, оно несет вам смерть. Москва — коренной враг славянства, надежды на Москву грозят ему верною гибелью. Таковы все подобные мнения, распространяемые у южных славян врагами русского народа и поборниками католицизма.

Нисколько не сочувствуя таким мнениям, мы радуемся, однако, такой разработке самосознания южного славянства, хотя и сознаем если не опасности, то все трудности предстоящей ему умственной работы и борьбы. Едва оно вышло из состояния непосредственности, как целый мир новых представлений и понятий, вопросов теснится перед юным самосознанием. Мы, русские, или, если угодно, моска-

¹ Возможно, речь идет об английском политическом деятеле, основателе династии Белых Раджей в Сараваке Джеймсе Бруке (1803—1868).

ли, могли бы предаваться печали и отчаянию. Отчуждение южных славян от русских или, если угодно, москалей, нанесло бы нам глубокие раны. В том нет никакого сомнения. Но мы, как заметили, не предаемся печали и отчаянию, потому что верим в народные силы южных славян. Им советуют и внушают удалиться <от> нас, избегать общения, не завязывать с нами никаких близких сношений и в то же время им налагают, им предписывают глядеть на нас, думать <о> нас так, а не иначе. Им обещают внешнюю независимость и в то же время куют для них новые цепи умственного рабства. Глядите на этот предмет, думайте о нем, как мы велим, но не старайтесь, не смейте изучать его сами, не дерзайте проверять нас, сомневаться в наших словах, относиться к ним критически. Если южному славянству суждено развитие, будущее, если оно богато силами, то мы, русские, не только не можем не радоваться при виде подобных посторонних о нас внушений, но, напротив того, должны желать, чтобы неотвязчиво носились перед пробуждаемым сознанием южных славян. Пусть подобные мнения о нашем народе не остаются только достоянием отдельных кружков южнославянских патриотов, пусть, напротив того, проникают они все глубже и шире в народные массы. Они, слава Богу, не страдают истощением сил, не вымирают, а, напротив, полные жизни, готовы выступить на историческое поприще. Выбившись из внешнего рабства, они не преклонят головы под умственное иго, после долгих потемок невежества они жаждут света истины, томятся желанием все знать, все испытать, все проверить. Итак, первым поводом пробуждения самосознания южных славян будет не отчуждение от России, а сближение и общение с нею с целью узнать побольше наш народ, сличить и проверить все эти толки и мнения, распускаемые о нем некоторыми лицами из западных славян и большинством деятелей Романо-германского мира. Россия становится для южных славян запрещенным плодом знания. Им представляется выбор одного из двух путей — умственного рабства и отчуждения от России, свободного духовного развития и общения с Россией, знакомства с нашим языком и народом. Мы, русские, или москали, не говорим южным славянам бежать Запада, избегать с ним общения.

ПИСЬМО К. С. АКСАКОВУ¹

Многоуважаемый Константин Сергеевич. Весьма благодарен Вам за письмо Ваше, рад, что статья будет помещена в «Беседе»². Будет Вам досуг, пожалуйста, сообщите мне Ваши замечания. Вы пишете мне, что думали поговорить со мною о некоторых серьезных вопросах, но вместо того браните Петербургскую публику. Будьте спокойны, Константин Сергеевич, я не стану Вам защищать ее. Я был на обоих этих несчастных диспутах и у Перозио³ и у Погодина⁴. Брата моего ругали не в меру. По глубокому нашему убеждению, он сделал ошибку, взявшись за это дело. Читая их программу, нельзя было ожидать никакого толку. Но если бы Вы знали, Константин Сергеевич, как держала себя публика, какие нелепые выходки, какие грубые замечания раздавались со всех сторон! Брат вел диспут слабо, но он был

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 3. Оп. 9. № 50. Л. 1—2 об.

Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) — философ, поэт, историк, лингвист, один из лидеров славянофилов. С К. С. Аксаковым Ламанский познакомился в 1858 г. в Москве.

² «Русская беседа» — славянофильский журнал, издававшийся в Москве с 1856 по 1860 г. А. И. Кошелевым. Соредакторами в разное время выступали Т. И. Филиппов, П. И. Бартенев, М. А. Максимович, И. С. Аксаков. В журнале приняли участие К. С. Аксаков, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин и др.

³ Перозио Николай Павлович (1819—1877) — писатель по экономическим вопросам. Сын итальянского эмигранта из Генуи. В конце 1859 г. Перозио выступил обличителем Русского Общества пароходства и торговли, обвиняя в своих статьях его правление в различных злоупотреблениях. По предложению Перозио для разрешения полемики в декабре 1859 г. в Пассаже был устроен публичный диспут с представителем Общества Смирновым. Диспут собрал многочисленных слушателей, а ряд изданий («Современник», «Русское слово», «Искра» и др.) посвятил прошедшему диспуту свои публикации. В 1872 г. Перозио переселился в Геную.

⁴ Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, археолог и журналист, сын крепостного графа Строганова. Профессор Московского университета (1826—1844), академик (1841). Издавал журналы «Москвитянин» и «Московский вестник».

на стороне более правой. Герой тогдашнего дня, Полетика¹, человек очень способный, ловкий, но далеко не честный. Он старый, давний товарищ старшего моего брата², горного. Чтобы разом обрисовать его и наше общество, я Вам расскажу случай, который был у нас недавно. Этот Полетика служил на Алтае и нажил себе там состояние, о чем он говорил громко, приехав в Петербург. Теперь он заводчик и занимается частными делами, носит, однако, горный мундир. Не очень давно читал он в Пассаже лекцию — о пошлинах на машины. Как Вы думаете, вся эта лекция состояла в подробных рассказах о мошенничествах горных наших инженеров на Алтае, где он сам служил и брал взятки. Перозиио — еще грязнее.

Диспут Погодина Вам известен из «Современника»³. Признаюсь Вам откровенно, я шел туда, как в балаган, я не ожидал и нельзя было ожидать ничего порядочного. Я знал наперед, что Погодин раскается, что Костомарову⁴ стоит только открыть рот и ему будут

¹ Полетика Василий Аполлонович (1823—1888) — горный инженер, заводчик. Более 25 лет служил в Западной Сибири управляющим рудниками Алтайского округа. В Петербурге занимался журналистикой, издавал газеты «Биржевые ведомости» и «Молву».

² Ламанский Яков Иванович (1822—1872) — горный инженер, командир горной школы при Технологическом институте, а затем директор Технологического института.

³ Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым // Современник. 1860. Т. LXXX. Отд. I. С. 273—300.

⁴ Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — историк, украинский поэт, один из деятелей украинофильского движения. С 1859 по 1862 г. профессор Петербургского университета. Вот как описывал диспут с М. П. Погодиным сам Костомаров: «В 1860 году напечатанная в первом номере «Современника» моя статья «Начало Руси» вооружила против меня Михаила Петровича Погодина. Старый ветеран истории никак не мог переварить смелости, с какою я отважился на разбитие системы происхождения Руси из норманнского мира. Он прибыл в Петербург и, встретив меня в Публичной библиотеке, предложил мне вступить с ним в публичный диспут по этому вопросу. Я, погорячившись, тотчас согласился, хотя впоследствии и не вполне был доволен тем, что позволил себе выставить такой специальный предмет на праздную потеху публики. Некоторые приятели тогда уже говорили мне об этом, но, давши слово и допустивши огласить в печати наше намерение, я не мог выдумать какие-нибудь предлоги к тому, чтобы это намерение не исполнилось; притом же доход с билетов, которые будут братья на этот диспут, предназначался в кассу для бедных студентов: самое наше намерение представлялось полезным делом в благотворительном отношении. Диспут наш состоялся 19 марта. Как и следовало ожидать, он кончился ничем: каждый из нас остался при своем мнении; впрочем, как я имел случай

аплодировать; накануне диспута я даже говорил Костомарову, что ему не мешало бы предварительно попросить студентов придерживать свои восторги; он сам наконец говорил, что прежде всего укажет на все неприличие выходки «Современника» в рецензии на книгу Погодина «Нормандский период». Ничего он этого не сделал. Сказать Вам по правде, я Погодина не жалею. Он также вел себя крайне неприлично. Не нужно было ему и затевать этого диспута. Я очень хорошо понимаю, что Погодин лицо замечательное, но вместе с тем как ученую, так и общественную его деятельность я считаю далеко не безупречною. Кроме непомерного его корыстолюбия, ему сильно всегда вредили желание выскочить вперед, подделаться, нелюбовь к постоянному и тихому труду, он никогда не исследовал, не пахал, а кое-как всковыривал. Это тем более досадно, что у него дарование не малое. Я долго думал и решительно теперь убежден, что в строгом смысле Погодин не ученый. Он любит хвастаться своим Норманизмом, но ведь он не знает ни одного Скандинавского наречия, Славянские ему знакомы очень мало. Я никогда не скажу, что он не принес никакой пользы Русск<ой> истории; он оказал услуги потому, что он человек даровитый. Впрочем, его мелкие статейки, заметки, письма гораздо выше его исследований. О теперешнем времени и говорить нечего, особенно в древнем периоде он вовсе не авторитет, тут он отстал страшно. Занимающиеся студенты на филологическом факультете IV курса имеют о многом лучшие сведения, и я искренно хохотал про себя, когда Погодин сказал, что он устроил этот диспут для поучения молодежи. Погодин вышел из залы об-

слышать мнение публики, большинство ее склонялось на мою сторону, тем более, что покойный Добролюбов напечатал в «Свистке», составлявшем приложение к «Современнику», очень остроумное и едкое описание нашего диспута, выставляя на вид несостоятельность норманской системы и стараясь представить самого Погодина в комическом виде. М. П. Погодин был очень недоволен этим и даже винил меня, подозревая, как будто бы у меня была какая-нибудь солидарность с тем, что печаталось о нем в «Свистке», которого сотрудникам он дал тогда печатно кличку «рыцарей свистопляски». Собственно говоря, ни Погодин, ни я не были абсолютно правы, на моей стороне было по крайней мере то преимущество, что я понимал чтение летописей в более прямом смысле и притом таком, какой, вероятно, имелся у самих летописцев» (*Костомаров Н. И. Автобиография*. Киев, 2007. С. 154—155).

лизанный, поджав хвост, Костомаров при нем просил студентов, чтобы они его взяли на руки. Для чего он подделывался публике, подличал перед нею, уверяя, что она созрела, и т. п.? Не думайте, Константин Сергеевич, чтобы я был за Костомарова. Он только наружно вел себя приличнее, тоньше, но он также позволял себе нелепые выходки, напр<имер>, «ссылаюсь на всех здесь присутствующих, можно ли производить *Синеус* от Скандинавск<ого>...» и всеобщий хохот. К<остомаров> избалован страшно, его подкупили эти похвалы толпы, которые губят всякий талант. Он далеко не свободен от шарлатанства, он не прочь заискать расположения во что бы то ни стало. Расскажу Вам два случая, бывшие на моем диспуте¹. В последнем моем тезисе сказано, между прочим, — воздействие России на Запад пойдет, хотя и другими способами, видоизмененными согласно народному духу и современной науке, теми же, однако, путями, какими протекало влияние Романо<->Германцев на нас. Он знал, что я разумел здесь пути литературы, торговли, промышленности и т. д., но ему надо было кончить свои замечания какою-нибудь фразою поэфффектнее. И вот он говорит: от души желаю, чтобы Россия не влияла на других так, как Немцы влияли на Славян. И тут гром рукоплесканий, продолжавшийся минут десять, если не более. По окончании диспута напали на меня мои знакомые и незнакомые Поляки — зачем, дескать, я говорю, что Русск<ий> народ один из всех славян создал могучее государство, а Польша... Стали тут мы спорить. Подходит Костомаров и говорит: «Да что, господа, ведь эти Славянофилы *всех нас* хотят обратить в Греческую веру и в Москалей», — и ушел, а перед тем только что целовался со мною. Его статьям о Руси особенно рады Поляки. Его филологические доказательства большею частью крайне нелепы, по моему мнению. Кстати, Константин Сергеевич, согласитесь ли Вы со мною, что имя *Утин* есть *Ант*, как были имена собственные Русин, Славко и пр. Варягов князей я признаю за Норманнов, хотя никак не могу согласиться с мнением Шлёцера²,

¹ Защита магистерской диссертации В. И. Ламанского на основе опубликованной в 1859 г. книги «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» состоялась в Санкт-Петербургском университете 31 января 1860 г.

² Шлёцер Август Людвиг (1735—1809) — немецкий историк, статистик и публицист. В 1761—1767 гг. работал в Петербургской Академии наук. Профессор Гёттингенского университета.

Шафарика¹, Куника², что *Русь* есть *Родзин*. У меня собрано из грамот Посольских XII, XIII в. много имен местных. Ruzsowo, Ruscow, Ruzsinowo в Моравии. Ruzsinowe у Сербов имена собственные — Руско, Русин (в грам<отах> XII в.), у Болгар *Русмир* и пр. Корень наш — русло, русалка, р. Ресь. Для меня словоупотребление на *Руси* очень любопытно, как на *Москве*, на *Лопасне*. В этом очень много темного. Костомарова статья может принести пользу тем, что заставит нашу молодежь заняться Литвою, что очень нужно для языка и для быта.

Я Соловьева³ считаю гораздо дельнее Костомарова. Но тому сильно вредит какая-то ремесленность занятий. Он теперь ежедневно бывает у нас в Государственном Архиве. Ему сильно также вредит посильность <?> работы, хотя он и говорил как-то мне, что обдумывает каждое свое слово. Не писал бы он тогда так скоро.

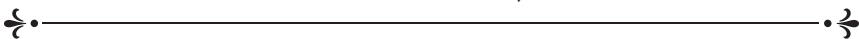
Теперь, Константин Сергеевич, позвольте мне сказать слова два об «Обществе вспоможения» бедным литераторам»⁴. Вы говорите, ему печально сочувствуют некрещенные жида. Я пошел добровольно в члены этого общества и его действия не могу считать презренными, — тогда бы я сейчас же из него вышел. Об адресе Жидов я думаю таким образом — или они пожертвовали деньги из тщеславия, или, действительно, из желания помочь бедным. Конечно, любовь истинно возвышенна и неисчерпаема в одном Христианстве, но не думаете же ведь Вы, Константин Сергеевич, что чувство любви не врожденно человеку, что ее не чужды все народы

¹ Шафарик Павел Йозеф (1795—1861) — словацкий и чешский славист, деятель чешского национального возрождения. Хранитель (1841) и директор (1848) библиотеки Пражского университета. Оказал влияние на развитие славяноведения в других странах, в том числе в России, под его руководством овладевали славяноведением И. И. Срезневский, О. М. Бодянский и др.

² Куник Арист Аристович (1814—1899) — российский историк немецкого происхождения, академик, сторонник норманской теории происхождения Руси.

³ Соловьёв Сергей Михайлович (1820—1879) — историк, ректор Московского университета, академик.

⁴ «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (Литературный фонд) было основано в 1859 г. в Петербурге. Учредителями помимо Ламанского выступили А. В. Дружинин, И. С. Тургенев, К. Д. Кавелин, П. А. Анненков, Н. Г. Чернышевский, А. В. Никитенко, А. А. Краевский, С. С. Дудышкин, А. Д. Галахов, А. П. Заблоцкий-Десятовский, Е. П. Ковалевский.

в мире, между прочим, и некрещеные Жиды. Их, действительно, могли тронуть известные протесты, печатавшиеся в «Вестнике» и пр. Я не стану никогда считать подлостью просить Общество помочь какому-нибудь бедняку, я буду только ругать себя, если я стану хвастаться этим и видеть в этом какой-нибудь особенный подвиг. Общество вспоможения нужно, потому что частная благотворительность недостаточна. Если не совестно собирать подписку в пользу какого-нибудь бедного семейства, то не вижу стыдного и в устройстве постоянного Общества для вспоможения по подписке. Дурно, конечно, если члены общества будут считать себя благотворителями и т. д. Этим частная благотворительность (нелепое слово) не исключается никоим образом. Тогда и Библейское Общество нелепость, ведь каждый Христианин обязан словом и примером проповедовать слово Божье. Если Вы, Константин Сергеевич, убедите меня, что этому Обществу принадлежать стыдно, то я из него выйду. Ведь, конечно, Петербург лишен всей народной почвы — но могут же и в нем жить честные и благородные люди. Я много знаю здесь людей в высшей степени нравственных, жизнь которых достойна уважения. Если Вам только досуг и есть охота писать, то ради Бога не смущайтесь моим Петербургским происхождением и толкуйте о серьезных вопросах. Я давно уже стал приучать себя строго и серьезно глядеть на жизнь, и никакие подобные рассуждения меня не утомят.

Мой адрес:
Торговая улица,
дом Гейдепрейха.

Душевно Вам преданный
В. Ламанский
23 апреля <1860>

Письмо А. В. Головнину¹

Милостивый Государь
Александр Васильевич.

В исполнение данной мне инструкции честь имею представить Вашему Превосходительству отчет о моих занятиях за границую.

При всем моем желании начать путешествие еще в конце апреля, различные внешние обстоятельства не позволили мне выехать из Петербурга раньше 5/17 мая². Первые две недели моего путешествия

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 93. Оп. 3. № 706. Л. 1—13 об.

Головнин Александр Васильевич (1821—1886) — государственный деятель, почетный член Петербургской Академии наук (1861). Сын адмирала В. М. Головина. Принадлежал к группе «либеральных бюрократов». В 1861—1866 гг. министр народного просвещения, провел университетскую, гимназическую, цензурную реформы. Авторы выражают благодарность Л. Налдониовой (Остравский университет, Чехия) и М. Мильчареку (Ягеллонский университет, Польша) за помощь в подготовке комментариев к письму В. И. Ламанского.

² В дневнике Ламанский следующим образом описывал свой отъезд: «5/17 мая выехал из Петербурга по Варшавской железной дороге, в 3 часа пополудни. Провожали все наши, кроме Евгения (старший брат В. И. Ламанского. — А. М.), папенька, маменька, Лиина, Яша с Глафирой, Нестор и Сережа (сестра и братья Владимира Ивановича, Глафира — жена Якова Ивановича Ламанского. — А. М.). Приехали проводить М. П. Анненков, Дм. Бер, вместе с ними из дому приехал Кругликов, Никитин (гимназические друзья Владимира Ивановича. — А. М.). Миша приехал прямо из деп., за ним я уже послал из дома и хорошо сделал, ибо он решительно не знал, когда я уезжаю. А. В. Гаркаев явился уже поздно, я заметил его только, когда уже был в вагоне и наш поезд тронулся. Чудесный Кругликов занял для меня место в новом вагоне, уложил туда мои вещи, уговорил наконец Мишу проводить меня до Гатчины, а потом до Луги. Как прежде, особенно за несколько дней до отъезда, меня точила странная тоска. Едва удерживался от слез при одной мысли о предстоящей разлуке на 2 года. Утром в субботу, горячо помолившись Богу, испросив себе Божьего благословения на путь на дорогу, я не чувствовал уже прежней тоски. Получив благословение папеньки и маменьки и наплакавшись на прощанье с нею и с Лииною, дай Бог увидеть мне всех наших живыми. Боже мой! Как только это долго — 2 года. Теперь я еще не опомнился и не могу прийти в себя, слишком многочис-

я провел в Кенигсберге, Берлине, Дрездене и Будишине, 19/31 мая я приехал в Прагу и оставался в Чехии до 1 июля нов<ого> стиля, затем 2 ½ дня прожил в Брне, столице Моравии, и в пятницу, 4 июля н<ового> с<тиля> в 4 часа пополудни прибыл в Вену, из которой на будущей неделе намерен отправиться в Южно-Славянские земли с целью пробывать в них до конца октября или начала ноября нынешнего года.

В Кенигсберге, старом Кролевце, основанном Чешским королем Оттокар¹, я пробыл только 1 ½ дня. Я был чрезвычайно доволен посещением этого старинного города, этой прусской Москвы. Старые ее достопримечательности, наружность, наличие и говор жителей, особенно простого народа, служат превосходною иллюстрацией для исторической и этнографической характеристики Северной, Нижне-Немецкой народности. Миниатюрные улицы и переулки, старинная застройка зданий, наряд и типы простого народа, особенно уличных торговцев-старух, совершенно иногда переносят посетителя в старинный Немецкий город XVI, XV в., живо напоминают картины и портреты старых Немецких мастеров Кранаха², Гольбейна³. В понедельник, по случаю праздника в память Фихте⁴, лекций в университете не было, а профессор философии, известный Гегельянец Розенкранц⁵ читал о Фихте торжественную речь, в присутствии довольно многочисленного собрания. При этом Розенкранц имел старую Немецкую мантию, что для постороннего наблюдателя

ленны и разнообразны новые впечатления. Из них в дороге конечно самым первым и сильным было для меня видеть лето через день после отъезда из Питера, где еще в четверг или в пятницу шел ладожский лед во всю Неву. Это особенно стало заметно, когда мы подъезжали к Вильну и Ковну. Тут уже прекрасные окрестности, особенно под Вильном. Но в народе наружность уже совсем не Русская. Что за огромная разница с нашим Великороссийским крестьянином» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 72 об., 73).

¹ Пржемысл Оттокар II (1230—1278) — чешский король с 1253 г. В 1255 г. во время крестового похода против пруссов заложил крепость Кенигсберг для Тевтонского ордена.

² Лукас Кранах Старший (1472—1553) — немецкий художник эпохи Возрождения.

³ Гольбейн Ганс Младший (1497—1543) — немецкий живописец и график эпохи Возрождения, иллюстратор Библии.

⁴ Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814) — философ, представитель немецкой классической философии.

⁵ Розенкранц Иоганн Карл Фридрих (1805—1879) — немецкий философ-гегельянец, профессор философии в Кенигсберге.

было несколько забавно, так же как и заключение этого Fichte-Fest¹ пением известной патриотической Немецкой песни, начинающейся вопросом: «Was ist des Deutschen Vaterland?»² На другой день я был в университете на 3 лекциях, на одной у проф. Фридлендера³ и на двух у Розенкранца. Фридлендер читает курс Римских древностей и в мое присутствие говорил о Римских надписях, причем главнейше распространялся о множестве подделок их и лучших их изданиях. Розенкранц не отличается самобытностью воззрений и строго держится своего учителя, разделяя его ошибочный взгляд, по которому формула, закон стоят прежде и выше явления, жизни. Так Розенкранц говорил: «Was wir mit Nothwendigkeit denken, das existirt auch»⁴. Этот несчастный предрассудок новой Немецкой образованности, это своего рода логический мистицизм и суеверное обожание отвлеченного, абстрактного мышления есть, кажется, одна из главнейших причин печального политического состояния Германии, впрочем, очень благоприятного для мира Славянского. С каждым месяцем страшно обогащается и без того уже громадная литература Немецкая о несчастном вопросе Германского единства, на самом деле нисколько не подвигается вперед. Большинство Немецкого общества продолжает твердо верить в *тождество мышления и бытия*, между тем как самые эти бесплодные философствования в необходимости единства Германии всего лучше доказывают, что не все существует, что необходимо мыслится. На лекции своей по предмету психологии Розенкранц читал о различии возрастов и полов. Меня особенно поразило в этой лекции то, что свою отвлеченную речь Розенкранц часто уснащал самыми пошлыми и грязными остротами и что эти последние очень нравились слушателям, юным филистерам. Характеристика полов стояла у него в развитии след<ующих> 2 положений: «Die vierwöchentliche Menstruation fasset das Weib an die Natur, das Weib ist durch die Natur gebunden und der Mann von der Natur frei gelassen»⁵. «Возрасты (Alterstuze) суть, — по

¹ Fichte-Fest — «Фихтевский праздник».

² «Что есть родина немцев?» — немецкая народная песня.

³ Возможно, речь идет об уроженце Кенигсберга, докторе философии и ординарном профессоре Дерптского университета Эбергарде Давиде Фридлендере (1799—1869).

⁴ «То, что мы с необходимостью мыслим, также и существует» (нем.).

⁵ «Четырехнедельная менструация привязывает женщину к природе, женщина к природе привязывается, а мужчина становится от природы свободен». — *Пер. ред.*

словам Розенкранца, — необходимые последовательные понятия родовой метаморфозы». Я расспрашивал моих студентов и получил от них почти единогласное удостоверение, что Розенкранц есть лучший профессор в Кенигсбергском университете. Он помещается пока еще в старом здании, в котором еще читал великий уроженец Кенигсберга, Кант¹. Но в городе уже строится новое и обширное здание для университета, который, впрочем, считает слушателей около 400 человек. Большинство Поляков-студентов, как я слышал, находится в медицинском факультете. Время не позволило мне ознакомиться с Польскою молодежью или собрать более подробные сведения о состоянии этого университета, в который собственно поступают юноши ближайших только местностей. Вообще при нынешнем все возрастающем разветвлении наук и необходимом от этого умножении кафедр, при развитии многих литератур, прежде всего неизвестных, содержание университетов и необходимых при них библиотек, лабораторий, музеев стоит так дорого, что едва ли Кенигсбергский университет может надеяться на великую будущность и, по всей вероятности, никогда не сравняется не только с Берлинским, но и с другими гораздо менее замечательными Немецкими университетами.

В Берлин я приехал утром 9/21 мая, в среду, и оставался в нем до субботы. Пользуясь этим временем, я осмотрел новый и старый музей, причем обращал особенное внимание на собрание древностей, преимущественно вырытых из могил в землях Прусского королевства. В этом собрании, столь тщательно составленном и достойном с нашей стороны полного подражания, я нашел множество вещей совершенно сходных с теми, которые вырыты у нас в России и хранятся в музеях Географического, Археологического обществ и Петербургской Академии Наук. Точно такие же вещи я видел и в прекрасном собрании древностей Чешского музея в Праге. Хотя эти древности Берлинского музея и открыты по большей части в землях древнеславянских, однако сходство их с Русскими и Чешскими едва ли должно быть приписываемо общему их, Славянскому происхождению, ибо несомненно они принадлежат совершенно иным, не-Славянским народам, которые уже задолго до славян населяли эти земли. Прежние археологи все, напр<имер>, бронзовые вещи

¹ Кант Иммануил (1724—1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии; профессор университета в Кенигсберге, иностранный почетный член Петербургской Академии наук (1794).

приписывали Кельтам, между тем новейшие открытия доказали неосновательность этого предположения, ибо совершенно такие же *Кельтские* вещи найдены в таких местах, в которых Кельтов никогда не было, между прочим, у нас на севере.

Собрание слепков с памятников древнего искусства, не только Классического, но и Египетского и Ассирийского, точно так же заслуживает нашего подражания, ибо оно живо, наглядно знакомит с образованностью древних народов и служит замечательным пособием для изучения их истории. Мне кажется, что в России такое собрание могло бы легко устроиться без особенно больших пожертвований со стороны правительства и частных лиц, если бы только Эрмитаж, Академии Художеств и Наук и некоторые другие общества согласились с образованием такого музея. Можно даже надеяться, что наше собрание не только не уступило бы Берлинскому, но еще бы превзошло его. То же самое еще с большим правом можно сказать об этнографическом собрании Берлинского музея. Когда этнографические музеи Географического общества и Академии Наук будут соединены вместе, то смело можно утверждать, что после некоторых новых приобретений наш музей будет богаче Берлинского во многих отношениях. При этом нельзя не пожелать, чтобы этот будущий музей не находился в исключительном заведении Петербургской Академии, ибо тем была бы закрыта дорога для новых обогащений. По своему почти исключительно Немецкому направлению, мало популярная у нас, она пользуется в Славянских землях, между тамошними учеными, самую дурную репутацию, как я убедился из личных бесед со многими знаменитыми в Европе Чешскими учеными в Праге. Меря все на свой аршин, Чешские ученые почти уверены, что у нас, кроме государя и вел. князя Константина¹, все наше правительство чисто Немецкое, и слабое развитие в нашем обществе чувства народности они приписывают насильственным мерам, как они говорят, Петербургской *влады*, которая хочет подобно Венской немечить Россию и для того содержит Немецкую Академию. Таким образом Славяне ни за что не станут посылать нам своих вещей в Этнографический Музей, зависящий от Петербургской Академии, а между тем Русский Этнографический Музей был бы страшно не полон без Славянских этнографических предметов.

¹ Константин Николаевич (1827—1892) — великий князь, второй сын российского императора Николая I.

Откровенно признаюсь Вашему Превосходительству, что знаменитые картоны Каульбаха¹ не произвели на меня того впечатления, которое я ожидал, судя по чужим отзывам. Рисунок, фигуры чрезвычайно правильны, часто очень красивы, но им сильно вредит преобладание в них символики и учености. Каждая картина требует долгих комментариев, которые нарушают целостность и художественность впечатления. Картон же «Hunnenschlacht» решительно поразил меня странностью замысла — изобразить на картине древнее Немецкое предание, по которому Римляне еще по смерти своей, уже падшие, с ожесточением дрались на воздухе с падшими также Гуннами. Огромные фигуры воинов, висящие или летящие по воздуху, производят самое дикое впечатление и заставляют серьезно задуматься, как могла такая нелепая мысль понравиться художнику, бесспорно умному и талантливому. В «Разрушении Иерусалима» одна группа должна, по мысли Каульбаха, представлять торжество христианства, и вот впереди одной толпы людей, уходящих от разрушающего Иерусалима, идет юноша с книгою (Новым Заветом) в руках, идет и читает ее. Не говоря уже о неуместности чтения при такой катастрофе, нельзя не заметить черты чисто-Лютеранской в мысли изобразить силу веры внимательностью чтения или учения. Черта глубоко характеристическая! В чем ином, как не в *учении*, состоит христианская вера, по мнению протестантства, для которого нет места церкви в смысле православном, в смысле общины христиан, связанных узами братства и любви. В этом отношении очень любопытен пример качества или интензивности, который приводил Розенкранц на своей лекции логики. «Die Kirche ist am wenigsten besucht, also der Prediger ist schlecht. Die Kirche ist voll, also der Prediger ist gut»². Церковь у лютеран есть храм, место, в котором читаются лекции. Хорош профессор — слушателей много, дурен — мало. Каульбах еще не кончил картона, имеющего изобразить новое время. Много было споров за сюжет. Каульбах хотел, и, кажется, покойный король одобрял изобразить торжество протестантства, но директор музея — католик и ни за что не позволял такого сюжета. Кажется, остановились на том, чтобы представить на одном картоне, с одной стороны, Лютеранство, с другой — католицизм в одинаково

¹ Каульбах Вильгельм, фон (1805—1874) — немецкий живописец и график, с 1849 г. директор мюнхенской Академии художеств.

² «Церковь менее всего посещается, следовательно, проповедник плохой. Церковь полна, следовательно, проповедник хорош». — *Примеч. ред.*

светлом виде, и таким образом тот картон назначен удовлетворить обе Пруссии, католическую и протестантскую.

Кроме музея я осматривал еще Публичную библиотеку. Русское отделение чрезвычайно бедно, Славянское тем более. Таким образом, Берлинская библиотека, при своих сравнительно не великих средствах, едва ли когда будет в состоянии иметь сколько-нибудь полное собрание Славянских литератур, ибо они растут с каждым десятилетием, а старые издания все более и более дорожают. Не так поступает Британский Музей, который ежегодно отпускает большие деньги на покупку Русских и других Славянских книг. Я очень сожалел потом, что обратился к директору Библиотеки г. Перицу, прося его позволения осмотреть бумаги Формея¹, бывшего секретарем Берлинской Академии Наук, с которым Ломоносов² находился в переписке. Вместо того чтобы отказать мне прямо, меня просили подождать. Я просидел два часа, а потом получил ответ с извинениями и сожалениями, что бумаги Формея не описаны и нет возможности отыскать в них писем Ломоносова. Я тем более сожалел о потере этих двух часов дообеденного времени, что на другой день попусту потерял с лишком четыре часа из-за лакейского парада, вследствие которого все главные улицы Берлина были закрыты для пешеходов и экипажей. Публика сильно негодовала на такие распоряжения, в разных журналах появились потом резкие о том статьи. Вообще в пребывание мое в Пруссии я успел заметить, что общество очень недовольно правительством, постоянно упрекало короля в его антиконституционных замашках, но больше всего обвиняло двор, который совершенно почти против конституции. Тогда только что окончились новые выборы в палату, которые еще более заключили в себе либеральных элементов, нежели прежняя палата, распущенная королем за либерализм. Правительство с своей стороны нисколько этим не стеснялось и продолжало задер-

¹ Формей Жан Анри Самюэль (1711—1797) — писатель, сын французского протестанта, бежавшего в Германию, был пастором в Берлине, профессором философии в Берлинской французской коллегии и непременным секретарем Берлинской Академии наук.

² Интерес Ламанского к М. В. Ломоносову не был случайным. В 1861 г. отмечалось столетие со дня рождения русского ученого, а в 1865 г. — столетие со дня его смерти. Ламанский принимал деятельное участие в подготовке этих торжеств, опубликовал несколько работ, посвященных деятельности Ломоносова в Петербургской Академии наук, а также ряд архивных материалов. Ламанский же предложил установить памятник Ломоносову в Петербурге между Академией наук и университетом.

жить отдельные №№ газет, запрещать целые брошюры. Вообще, по признанию самих беспристрастных Пруссаков, настоящая свобода печати в Пруссии еще не существует. После этих мер войско и его умеренный состав всего более возбуждает неудовольствия на правительство. Я сам слышал жалобы купцов, фабрикантов, помещиков на излишние расходы на войско, тяжелые для страны. Из разговоров моих с Пруссаками я заметил, что они вообще очень интересуются современным состоянием России, и в некоторых образованных людях я нашел замечательное понимание наших обстоятельств. Много при этом слышал я жалоб на нас, из коих некоторые совершенно неосновательны и слишком логичны. Так, фабриканты и помещики (Gutsbesitzer) в Пруссии особенно недовольны частыми вызовами работников в Россию. В своих жалобах на это руководятся они не заботами о благе своих соотечественников, переселяющихся в Россию, а собственно о своих личных или сословных интересах, ибо они сами мне признавались, что с эмиграциею работников в Россию поденная плата уже начала у них и должна все более возвышаться. Сверх того привилегированные классы Германии, и вообще Западной Европы, с величайшим несочувствием и опасением взирают на особенности наших поземельных отношений, замечая, что Россия таким образом может служить приманкою для их безземельных пролетариев, которым наши порядки не могут не нравиться. В самом деле, с течением времени все более и более должно обнаруживаться это раздвоение Западной Европы в отношении к России; все больше и больше будет раскрываться сочувствие к ней низших классов Запада, страх и недоверие высших, достаточных, обеспеченных классов. Знаков этого сочувствия нельзя искать еще в литературе, но они высказывались уже в жизни. Один очень умный и практически образованный инженер, мой хороший знакомый, прожил почти целый год на чугунных и железных заводах в Англии. Проводя целые дни с утра до вечера на заводе с работниками, прекрасно владея Английским языком, он приобрел у них такое доверие, что они откровенно высказывали свои жалобы не только на своих приказчиков и управителей (в присутствии которых они боялись разговаривать с нашим Русским), но и вообще на фабрикантов и капиталистов, прижимающих их, и на правительство, покровительствующее последним. Прочтя в журналах об освобождении наших крестьян с землею, Английские работники приставали к нашему инженеру с вопросами: правда ли, что каждый крестьянин имеет у нас свой дом, свою землю, правда ли, что царь освободил народ? Надо было видеть, передавал мне наш инженер,

с каким благоговением и восторгом говорили они об Александре II, шепотом прибавляя: «У вас лучше, нежели у нас. Узнайте, пожалуйста, как бы нам можно было переселиться в вам». Я должен прибавить, что этот инженер — прекрасный специалист, никогда в подробности не изучал экономические вопросы на Западе, не имеет ни малейшего пристрастия к социалистам, следовательно, человек непредубежденный. Он сам помещик и терпел в последнее время значительные убытки. Другой помещик рассказывал мне, как, путешествуя по Баварии с одним своим приятелем Немцем, известным Бодепсидендтом, долго жившим в России и знающим хорошо наши деревни, стали они за ужином у одного Баварского крестьянина, владельца Hof'a, по его же просьбе, рассказывать ему о нашем деревенском быте и об освобождении наших крестьян. Бодепсидендт живо, наглядно представил ему нашу общину, наши поземельные отношения. Надо было видеть при этом восторг Hausknecht'тов¹, которые были тут же за ужином. Хозяин же крестьянин все более хмурился и наконец просил Бодепсидендта и нашего Русского перестать вовсе говорить об этом. Но безземельные Hausknecht'ты этим не удовлетворились. Они еще после потихоньку от хозяина расспрашивали наших путешественников о наших порядках и нашем освобождении крестьян. Наконец я сам, прожив в Чешской деревне, лично убедился, какую страшную силу, какое сочувствие, каких новых, неожиданных союзников в Западной Европе приобретает Россия смирным разрешением нашего крестьянского вопроса.

В Берлине я хотел навестить замечательного филолога Як. Грима², но, к сожалению, не застал его дома. В университете мне удалось только быть на 2 лекциях Дройзена³, на одной из древней истории о мифологии арийцев, причем он почти буквально следовал новейшим изысканиям Куна, а на другой из новой истории об образовании Испанской монархии при Фердинанде Католике⁴

¹ Hausknecht — слуга, батрак, дворник.

² Гримм Яков (1785—1863) — немецкий филолог, основатель исторического языкознания и философской грамматики. С 1840 г. профессор Берлинского университета.

³ Дройзен Иоганн Густав (1808—1884) — немецкий историк, с 1859 г. профессор Берлинского университета.

⁴ Фердинанд II Арагонский, Фердинанд Католик (1452—1516) — король Кастилии, Арагона, Сицилии и Неаполя. Супруг и соправитель королевы Изабеллы Кастильской.

и Изабелле¹. Последняя лекция была очень жива, но при этом я не мог не заметить одного преимущества, которое нам дала наша история перед Немцами. Вся та лекция была исполнена намеков на современное состояние Германии, объединить которую, по мысли Дройзена, обязана Пруссия. Говоря об XV в., Дройзен прибегал к разным колким замечаниям об Австрийской династии, о разных Немецких государиках. Из слов профессора, из выражений лиц слушателей легко было понять, сколько мысленного труда, сколько чувства и желчи тратит современное Немецкое общество на вопрос, слава Богу разрешенный у нас еще в XV, XVI <в>в. Московскими собирателями Русской земли. В Берлине я видел несколько сот студентов, разговаривал с некоторыми, и меня, признаюсь, неприятно поразило то замечание, которое я еще сделал в Кенигсберге о прусской молодежи. Вы видели молодых людей, юношей, свежих, здоровых на вид, но с каким-то старческим, утомленным выражением лиц; вас поражает в них эта сухость и расчетливость, их ограниченность и самодовольство, нет в них ни идеальных стремлений, ни дерзких и отважных планов, всегда непрактических, но необходимых для молодежи. Так отражается на наружности Прусской молодежи влияние двух господствующих в ней философских школ, одинаково односторонних и узких в нравственном отношении, пантеистической школы Гегелевской умеренной, отождествляющей Божество с чистым, отвлеченным мышлением, и другой школы левой, хотя ей противоположной, но необходимого ее постулата, отвергающей все духовное, признающей одну материю. Так эти учения, законные результаты Немецкого протестантства, уже проникли в плоть и кровь молодых поколений Пруссии. У нас молодежь отдалась материализму вследствие долгого гонения у нас в литературе и университетах философии и вследствие, можно сказать, чисто католической и иезуитской, глубоко противной духу нашей церкви, системы воспитания в наших семинариях и духовных академиях. Эта система, как известно, перенесена к нам, Велико-Руссам, из Польши учеными, но сильно окатоличенными, Белорусскими и Малорусскими монахами, которые до второй половины XVIII в. исключительно господствовали в нашей высшей иерархии. Нынешние наши семинарии и духов-

¹ Изабелла I Кастильская (1451—1504) — королева Кастилии и Леона. Супруга Фердинанда II Арагонского, династический брак с которым положил начало объединению Испании в единое государство.

ные академии проникнуты тем же самым духом, находятся в исключительном заведывании монахов, сословия столь порочного, низкого и безнравственного, говоря вообще, как и католическое духовенство. Неслучайно, что самые отчаянные атеисты выходят из семинарий. Покойный Введенский¹, известный писатель, питал просто ненависть к Христу и говорил: этого Жиденка надо было не распять, а колесовать. Но смею уверить Ваше Превосходительство, что Введенский и множество других наших атеистов были в жизни гораздо более христиане, нежели их порочные, лицемерные учителя, которые внушали им эту ненависть к Евангелию. Многие наши монахи, ректоры семинарий и академий, архиереи гораздо более атеисты и материалисты на самом деле, нежели наши юноши, проповедующие атеизм. Только отстранив совершенно влияние монахов на духовные заведения и поручив их исключительно белому духовенству, только с доступом последнего на высшие места церковной иерархии может последовать в России нравственное очищение общества, только этими мерами и признанием полной свободы совести и слова истребитесь в России та зараза диких, безнравственных учений, которые разъедают наш общественный организм. Внешняя сила, политические строгости только усиливают их торжество. Юношеству, молодежи нравится все гонимое; страх и опасности, соединенные с исповеданием таких учений, послужат молодежи самую лучшую приманкою. Эти меры, эта свобода совести суть необходимые, непрременные требования православия. Русское государство не может действовать вопреки интересам и требованиям веры Русского народа, для которого, как, впрочем, и для всех народов, исключая, может быть, Римлян, интересы веры, т. е. вопросы духовные, нравственные, всегда были выше случайных интересов политических. Не подчиняясь этим высшим требованиям народа, государство само себя подкапывает, губит себя с двух сторон, с одной, усиливая и распространяя, против воли, дикие учения, с другой, в нравственной, здоровой части общества уничтожая к себе всякое сочувствие, всякую возможность помогать ему и поддерживать его.

В Дрездене я пробыл два дня, причем проводил целые часы в галерее, ознакомиться с сокровищами которой считал необходимым

¹ Введенский Иринарх Иванович (1813—1855) — русский переводчик, литературный критик, педагог.

для своего общего образования. В церкви я встретился с гр. Блудовым¹ и его дочерью и провел потом у них несколько приятных часов. Графиня мне дала рекомендации в Сербию и сообщила о тамошних политических деятелях несколько полезных мне сведений. В Дрездене я виделся также с Вольфзоном², редактором «Russische Revue». Он мне дал первый выпуск своего журнала и просил меня написать о нем в наших журналах. Я хотел написать о нем в «День» и при этом деликатно заметить редактору, что он мог бы действовать гораздо полезнее и для России и для Германии, если бы собственно старался знакомить свое отечество с нашим и избегал бы, впрочем, обще-Немецкой привычки учить нас Русских в наших собственных делах, что очень трудно и даже бесполезно делать из Дрездена. Чувствуя себя не совсем здоровым после частых переездов и надеясь еще не раз побывать в Дрездене, я не был там нигде, кроме галереи, а на третий день своего пребывания в нем решился отправиться за город подышать свежим воздухом. В тот же вторник вечером я воротился на пароходе по Эльбе из Саксонской Швейцарии, в которой я доходил до Бастея. Я был очень доволен этою прогулкою между прочим и потому, что имел случай видеть Саксонские деревни и разговаривать с Саксонскими крестьянами. Нельзя не заключить о Саксонских Немцах всех классов общества, что они гораздо приятнее в обращении Прусских Немцев; они приветливы и ласковы, гораздо более развиты художественно и эстетически, веселее, живее и изящнее Пруссаков, которых простой народ в Саксонии очень не любит. Вообще без кровопролития Пруссия никогда не присоединит к себе Саксонию, и Саксонская династия в личных своих интересах ловко умеет разрабатывать эту антипатию своих подданных к Пруссии. С тою же целью оно покровительствует маленькому Славянскому народцу Сербо-Лужичанам, живущим в Пруссии и Саксонии. Между прочим, как Пруссия гонит своих Лужичан, так называемых Дальних (числом до 70 тысяч) и притесняет их народность, Саксония, напротив того, сама поддерживает и питает народные стремления своих Лужичан, Горных, т. е. Верхних (числом до 80 тысяч). Ни один, быть может, Славянский народ не пользуется такою свободою, как эти

¹ Блудов Андрей Дмитриевич (1817—1886) — граф, тайный советник, камергер, дипломат.

² Вольфзон Вильгельм (1820—1865) — драматург и журналист. Родился в Одессе. С 1850 г. жил в Дрездене, где издавал вместе с Пруцом «Deutsches Museum», а с 1862 г. основал «Russische Revue» (с 1864 г. под названием «Nordische Revue»).

последние. На другой день, в среду, я отправился из Дрездена в Будишин и пробыл там 2 дня. В Смоляре¹, бывшем у нас в России и редактором «*Slavische Zeitschrift*»², я имел уже старого знакомого, который меня свел с другими тамошними учеными и литераторами. Из Будишина я ездил в одну деревню, к пастору Имишу, прекрасному человеку и горячему Славянину. Сербо-Лужичане будут, конечно, одними из первых Славян, которые примут наш язык для своих общих литературных произведений, сохранив, конечно, свое народное наречие для своих местных целей и потребностей. Нет сомнения, что наш язык был бы принят ими скорее, если бы было больше связей между ими и нами, если бы, напр<имер>, те сотни Русских, которые живут в Дрездене, были бы несколько развитее, заботились бы о том, часто бы навещали Сербо-Лужичан и если бы, наконец, между Саксонскими Лужичанами были бы одни Протестанты, но между ними есть и католики. Один из даровитейших нынешних их литераторов есть патер Мих. Горник³. Он был со мною очень мил и ласков, кажется искренен. Он говорит довольно свободно по-Русски. Правда, о России он со мною не говорил ни слова, но об его взглядах на Россию хорошо свидетельствовали портреты, которые висят в его кабинете. Кто это? Редактор Краковского «Часа», самого нелепого и подлого органа Польской католической журналистики, отличающегося самою тупою ненавистью к нам, Русским, или, как он обыкновенно говорит, Москалям. Горник заметил, кажется, мое удивление и сейчас завел речь о других предметах. Я хотел этим примером указать Вашему Превосходительству на отношения к нам католической партии во всех землях Славянских. Молодые люди Сербо-Лужичане католического вероисповедания воспитываются всегда в Праге, где издавна на счет Саксонского правительства существует для них особое Сербо-Лужицкое отделение в семинарии (по нашему духовной академии), а протестантского вероисповедания — в Лейпцигском университете, где они неме-

¹ Смоляр Ян-Эрнест (1817—1886) — писатель, журналист, фольклорист, крупнейший представитель лужицкого возрождения. Составил лужицкую грамматику и словарь серболужицкого языка.

² «Славянский журнал».

³ Горник Михал (1833—1894) — деятель серболужицкого национального возрождения, католический священник, писатель, языковед, редактор газеты «*Katolski Posoľ*», журналов «*Łužičan*», «*Serbski Hospodar*», председатель общества «Матицы сербской». Автор «Истории серболужицкого народа» (1844), один из авторов «Лужицко-сербского словаря» (1866).

чатся, тогда как католики в Праге бывают обыкновенно горячими Славянами. Лужицкая земля составляла в течение веков принадлежность Чешской короны, и существует договор, по которому снова она может достаться Чешскому королю. Нынешняя народная Чешская партия, в числе которой состоит Палацкий¹, Ригер² и другие, требует постоянно Австрийского императора короноваться в Праге и объявляет всегда, что она верна *своему королю*. Чехи сверх того сильно желают распространить у Лужичан свою литературную роль, и в самом деле каждый воспитанник Сербо-Лужицкой семинарии в Праге прекрасно владеет Чешским языком. О связях, о тесных сношениях с Лужичанами очень стараются Поляки, вообще очень мало знакомые с Славянскими племенами Поляки постоянно теперь пишут, что самая лучшая пора Лужичан была в эпоху их соединения с Польским королевством. Вообще они думают, что Лужичане должны быть снова соединены с ними. Того же хотят и Чехи, которые в настоящее время страшно ухаживают за Поляками. Все эти притязания на Лужицы очень хорошо должны быть известны Саксонии, которая не только не глядит недоверчиво, но всячески покровительствует Славянам. Меня давно стал занимать этот вопрос и тем более, когда узнал, что в нашей Польше есть или была, не скажу партия, а мысль об избрании вновь Саксонской династии, которая бы взамен Познани и Нижних Лужиц отдала Пруссии свои Немецкие земли. Об этой мысли Польской я слышал в прошлом году. Она может нравиться, конечно, духовенству, ибо Саксонский двор — католический и той Польской нереспубликанской партии, которая не желает Русской династии. Как сильна эта партия в нашей Польше, я решительно не знаю, точно так же, как не имею никаких положительных сведений об отношениях Чехов к Саксонии, знаю только, что Чехи хотя и толкуют публично о необходимости для них самих сохранять цельность Австрии, сами, однако, не верят в возможность сохранить,

¹ Палацкий Франтишек (1798—1876) — чешский историк, просветитель и политик, лидер чешского национального движения середины XIX в. Автор обширной «Истории чешского народа в Богемии и Моравии» и ряда других произведений, в том числе трактата «Идея государства Австрийского» (1865), в котором обосновал доктрину *австрославизма*. В 1860—1870-х гг. Палацкий пользовался среди чехов огромной популярностью, его часто называли «отцом нации».

² Ригер Франтишек (1818—1903) — один из лидеров (с 1874) партии старочехов, барон (1897), доктор права. Участник чешского национального движения 1830—1840-х гг.

напр<имер>, Венецию, знают очень хорошо, что Австрийские Поляки, их друзья и союзники в рейхсрате, решительно думают об отложении от Австрии. Если бы они, т. е. Краков и Западная Галиция, желали присоединения к Русской Польше, то Чехи не стали бы так систематически разрабатывать общественное мнение свое против России, как они это делают ныне. В прошлом году, зимою, Ригер в рейхсрате в одной из своих блестящих речей высказал ту мысль, что Западные Славяне должны создать такую сильную федерацию, которая бы служила оплотом против Германии, с одной, и против России, с другой стороны. Эта мысль постоянно повторяется и Поляками. По Венскому трактату Чехия с Моравиею принадлежит Немецкому Бунду, следовательно, в случае распада Австрии, которого желают и Венгерцы и большинство Славян, не принадлежащих к так называемым Немецко-Славянским землям, частям Немецкого Бунда, в случае, говорю, распада Австрии, которого желают и Италия и Германия и огромная Германская партия Nationalverein'a (хотя все из разных видов), Чехия должна будет отпасть к Германии. Очень возможно, таким образом, что народной Чешской партии пришла мысль о Саксонской династии, о которой мечтали или мечтают и некоторые Поляки. В одном разговоре со мною Ригер заметил мне раз: «Политический человек должен рассчитывать вперед на сто лет и более». В самом деле, в высшей степени странно бы было, если бы Чехам не представлялось о возможности распада Австрии в то время, когда об этом все говорят и пишут. Габсбургов, создавших им столько зла, они терпеть не могут. Мне Палацкий раз сказал: «Главное наше несчастье состоит в том, что судьба связала нас с династиею самую бездарною и ретроградною, наш сiсар — личный враг Славянства, он ненавидит нас». Если бы Чехам приходила мысль о федерации под Русским покровительством или о Чешском короле — одном из Русских вел. князей, то конечно, повторяю, нынешние политические вожди не действовали теперь против России. Что эта Польско-Чешская мысль может нравиться Саксонскому королю и Бейсту, в этом, кажется, нельзя сомневаться, ибо вообще Саксония — создание искусственное, в котором много участвовал Наполеон I. Нынешний повелитель Франции, конечно, не был бы против этой мысли, ибо такая комбинация совершенно соответствует планам Франции относительно Германии. Наконец, эта мысль улыбается всем католикам в Европе. Нет сомнения, что она не может осуществиться, но тем не менее может долго занимать политических мечтателей и мешать успокоению Польши. Из разговоров здесь

в Вене с одним Чешским представителем я мог заметить, что Поляки не думают и теперь отказываться от несчастной мечты восстановления Польши в исторических пределах. Мне этот представитель сказал между прочим, когда я ему доказывал безвыходность их положения в нынешней, цельной Австрии, «мы это знаем и потому всего надеемся разрешения Польского вопроса». «Скажите, прибавил он, как сильна в Малороссии партия, которая желает независимости? Могут ли Поляки рассчитывать на Малороссию?» Этот депутат Чешский принадлежит к партии Ригра и находится с Польскими депутатами в самой тесной дружбе. Талантливейший из последних, Смолка¹ еще недавно говорил и писал, что Польша должна быть свободна от Варны до Днепра.

В Прагу я приехал 31 мая н. с. и выехал из нее 1 июля н. с., но всего в Праге я прожил две недели, остальные две провел в одной Чешской деревне. В Праге я осматривал старые достопримечательности, музей Чешский, библиотеки, купил по случаю небольшое собрание книг по аукциону, по смерти одного Чешского ученого Крольнуса², причем приобрел несколько брошюр, не важных по содержанию, но составляющих библиографическую редкость. Я намерен их пожертвовать в Публ<ичную> Б<иблиоте>ку в Отделение Иностр<анных> Писателей о России. В Праге я старался ознакомиться с новейшими явлениями Чешской литературы, осмотрел некоторые рукописи и исторические памятники и составил себе план занятий ими будущей зимою. Но теперь в Чехии преобладает политическое направление, и потому я обратил на него особенное внимание, следил за журналистикою, бывал на всех праздниках и демонстрациях. В этом отношении мне особенно были полезны многочисленные знакомства. В Праге меня уже знали. Чехам особенно польстило то, что я посвятил свою магистерскую диссертацию Палацкому. О моем приезде в Прагу было напечатано в журн<але> «милый гость живет теперь у нас» и т. д. Я был у Палацкого 2 раза, однажды вечером, другой раз на обеде, но больше видался в Чешском клубе или беседе. Он приехал в Прагу через несколько дней после меня и уехал из нее за две недели еще перед моим отъездом в деревню. Итак, я виделся с ним раз пять или шесть. Не больше видел-

¹ Смолка Франц (1810—1899) — австрийский политический деятель польского происхождения. Неоднократно выступал с антирусскими лозунгами.

² Вероятно, Кролмус Вацлав (Krolmus Václav, 1790—1861) — католический священник, археолог, собиратель фольклора.

ся и с Ригром, его зятем. Палацкий, можно смело сказать, человек гениальный. Все, что есть теперь в Чехии образованного, или, как здесь в Австрии говорят, вся интеллигенция справедливо глядит на Палацкого, как на своего родоначальника. Необыкновенно светлый ум, прекрасное образование, энергический и скрытный характер составляют, кажется, его главнейшие черты. Он заправляет всем Чешским движением еще с 30-х годов, сначала незаметно, тайно, до 1848 г., по-видимому, только в литературе, а когда в 1848 г. он получил от Немецких депутатов во Франкфурте приглашение приехать на сейм, то он обнародовал свою, Чешскую программу. «Чехия желает всякого успеха свободе Германии, но послать своих депутатов на сейм Немецкий не может, ибо она земля Славянская и к Германии не принадлежит. Чехи, как и все Австрийские Славяне, должны желать сохранения Австрии, чтобы не подпасть одинаково опасному для них владычеству Германии, с одной, и России, с другой стороны. Австрия должна быть федерациею, одним из членов которой должна быть Чешская земля или коруна с Моравиею и Силезиею». На Славянском сейме в Праге 1848 г. был Палацкий выбран председателем. В период Баха¹ Палацкий снова стал предводителем. В настоящее время он член так называемой панской рады в Вене и заседает вместе с первыми магнатами Австрии. В Чехии он пользуется величайшей популярностью, как и талантливый его зять. Редкая Чешская деревня или община не выбрала их своими почетными членами. Они имеют тысячи три адресов благодарственных и проч. изо всех краев Чехии. Вся Чешская журналистика (в Праге издается до 6 журналов политических) направляется Палацким. При первом же моем свидании с ним я завел речь о Польше, желая выведать его мнения. Он мне стал говорить, к моему удивлению, за нас против Поляков. «Поляки соу без розуму». Как можно отдать Киев, колыбель Руси? Но, признаюсь, я не верю искренности его замечаний. За обедом, услышав, что я в разговоре с знаменитым медиком Гамерником² упомянул имя Лелевеля³, Палацкий отозвал-

¹ Бах Александр, фон (1813—1893) — австрийский политический деятель, министр юстиции (1848—1849), министр внутренних дел (1849—1859).

² Гамерник Иосиф (1810—1867) — чешский врач, депутат рейхстага (1848, 1861).

³ Лелевель Иоахим (1786—1861) — польский историк и идеолог польского национально-освободительного движения. Во время Польского восстания 1830—1831 гг. председатель Патриотического общества и член Временного правительства. В эмиграции возглавлял организацию «Молодая Польша».

ся о нем с полупрезрением. Он мне говорил также: «Мы были против вашей Влады, никогда против Русского народа. Мы столько уже терпели от Немцев из-за подозрения их, за сочувствие наше к России, что вы уже поэтому должны нам помочь». Впрочем, при своем здравом, светлом уме и при своем протестантстве Палацкий не может особенно уважать и Польской партии, состоящей преимущественно из фантазеров и завзятых католиков. Мне кажется, что Палацкий мог бы быть несколько более расположен в пользу России. Это было бы очень важно, ибо он держит в своих руках все Чешское движение. Впрочем, в последнее время его боязнь России несколько уменьшилась. Позволю себе привести один случай, совершенно достоверный и который я узнал стороною. В <онце> прошлого года один из молодых редакторов «Народные Листы» проф. Тоннер¹ ездил в Варшаву. Вернувшись оттуда, он написал несколько статей, в которых чрезвычайно резко, оскорбительно отзывался не о правительстве нашем, а о самих нас, Русских, называл нас дикарями, варварами и пр. Один из Русских, бывших в то время в Праге, послал И. С. Аксакову² в «День» очень сильный ответ. Аксаков, с своей стороны, прибавил несколько замечаний в том смысле, что Чехи теперь очень зазнались, воображая себя первым Славянским народом, и очень ясно им намекнул, что без нашей помощи им никогда не освободиться от Немцев. Когда «День» пришел в Прагу, то Тоннер и вся молодая партия, преимущественно сочувствующая Полякам, хотела уже изготовить Аксакову ответ *громовой*, но Палацкий и Ригер, узнав об этом, решительно воспротивились и дали сильный нагоняй Тоннеру за его статьи о Варшаве. Аксаков, хорошо знакомый со всеми политическими деятелями Славянскими, умел очень ловко задеть их, не называя имен. Вообще, я при том вынужден заметить Вашему Превосходительству, что запрещение газеты «День» будет иметь самые печальные последствия в землях Славянских, для нашего на них влияния. Я говорил об этом с В. П. Балабиным³, и он совершенно того же мнения. Вашему Превосходительству угодно было, чтобы я сообщал Вам сведения о партиях у Славян, об их симпатиях к Рос-

¹ Тоннер Эмануэль (1829—1900) — чешский педагог, журналист, переводчик, политик.

² Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886) — публицист, поэт, общественный деятель, один из лидеров славянофилов. В 1861—1865 гг. издавал газету «День».

³ Балабин Виктор Петрович (1811—1864) — тайный советник, посол в Вене.

сии. Император Александр II¹ пользуется у них большим уважением, точно так же и вел. князь Константин, но вообще Русского правительства они не любят и считают его совершенно Немецким. Но и они понимают или чувствуют силы и будущность русского народа. Наши партии, Западнические, всех толков пользуются у них малым сочувствием. Бакунина² они знают, но большинство понимает его сумасбродство, гораздо больше любят Герцена³, но лично знакомы с большею частью нашей партии так называемых Славянофилов. Только побывав в Славянских землях, можно вполне оценить те громадные услуги, которые оказали Хомяков⁴, Киреевские⁵, Аксаковы. Славяне сочувствуют в России только Русскому, Славянскому элементу, разумеется, самому многочисленному, создавшему Россию, как она есть. Они справедливо видят в нашей партии, к которой я за честь считаю принадлежать, наивернейших представителей этого элемента. Точно так же смотрят на нас и Немцы Прусские, Германские, Австрийские и Русские, Петербургские и Остзейские⁶, которые нас не терпят. Петербург Славянам не внушает ни малейшего сочувствия. На всякую другую Русскую партию смотрят они с недоверием. Только орган славянофилов может иметь у Славян сильное значение и влияние. Образ мыслей, характеры главнейших представителей Славянофильства, их труды, соединенные с самопожертвованием, для распространения идеи Славянства в России, очень

¹ Александр II (1818—1881) — российский император (1855—1881).

² Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — философ, революционер, один из идеологов народничества и анархизма. Разделял идеалы панславизма.

³ Герцен Александр Иванович (1812—1870) — философ, писатель, публицист, деятель революционного движения.

⁴ Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — философ, поэт, публицист, богослов, один из лидеров славянофилов.

⁵ Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — философ, литературный критик, публицист, один из лидеров славянофилов. Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — фольклорист, славянофил.

⁶ Один из наших Немцев, очень хороший человек и мой приятель, ныне живущий в Риге, сказал мне 2 года тому назад: «В. И., я Вас очень люблю, но если Вы будете Славянофилом, я Вас стану ненавидеть». Он сказал это сторяча, но искренно. — *Примеч. В. И. Ламанского.*

Речь в примечании Ламанского, вероятно, идет о Егоре Егоровиче Бергольце, редакторе «Baltische Monatschrift».

хорошо известны в землях Славянских. Ни одна даже Польская партия, всегда неразборчивая в нападениях, не осмеливалась заподозрить Славянофилов в искренности их убеждений, в благородстве и независимости характера. На всякий другой орган, который бы захотел теперь заменить «День», орган не Славянофильский, Славяне стали бы глядеть с недоверием. «Колокол»¹ и Бакунинские прокламации будут теперь наиболее читаться в землях Славянских. Поляки с удовольствием могут теперь взирать на Русскую журналистику, ни один орган не соберет себе таких с ними бойцов, каких имел «День». Ни один из Славянистов, знакомых с Славянским вопросом, не решится посылать своих статей к редакторам, которых надо учить азбуке в этом деле. Запрещение «Дня» в высшей степени пагубно и в другом отношении. В Чехии особенно, также и в других Славянских католических землях, есть одна партия, которая питает глубокое сочувствие к нашей церкви. Эта партия немногочисленна, но она может иметь великое будущее, в Чехах, напр<имер>, к ней принадлежал Ганка². Я знаю таких православно-мыслящих между молодежью и стариками, даже, к удивлению, встретил то же сочувствие в некоторых сельских священниках. Эти люди не только уважают Славянофилов, но и преданы им всею душою. Имя Хомякова для них просто священо. Запрещение «Дня» наносит удар этой партии или школе и в то же время чрезвычайно приятен ультрамонтанской партии в Чехах, которая с боязнью следила за успехами «Дня». Я в Праге разговаривал с одним их главных деятелей этой партии, ультракатоликом Штульцем³, редактором журнала «Pozor»⁴, в котором он постоянно пишет о Русской церкви, разумеется, с своей точки зрения, вызывает Чехов ходить в Россию и проповедовать в ней католицизм. Эта партия, к которой принадлежит глава Чешской аристократии граф Клем-Мартинец, главнейше блюдет союз Чехов

¹ «Колокол» — русская эмигрантская газета, издававшаяся на русском и французском языках А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне и Женеве с 1857 по 1867 г.

² Ганка Вацлав (1791—1861) — чешский филолог и поэт, деятель национального возрождения.

³ Возможно, Шульц Фердинанд (1835—1905) — чешский консервативный публицист и литературный критик.

⁴ «Pozor» — печатный орган хорватской национально-либеральной партии.

с Поляками, находится в тесной связи с Русскими иезуитами кн. Гагариным¹ и Голицыным², Мартыновым³ и др., а также и с другою сильною Католическою партией в Хорватии. В главе последней стоит епископ Штроссмайер⁴. Как ни богат он, но капиталы, которыми он располагает, заставляют думать, что он тесно связан с Римским обществом пропаганды в землях Славянских. Его агенты рассеяны ныне по всей Турции, в его епархии печатаются десятки Болгарских, Сербских книг и брошюр, проповедующих унию в православных Славянских землях Турции, на его счет воспитываются молодые люди в Пражском унив<ерситете>, основывается ныне в Загребе (Аграме) Южно-Славянская академия или университет. Некоторые профессора будут Чехи из партии ультрамонтанской. Он хочет в этот университет притянуть всю православную молодежь Южно-Славянскую, Сербов и Болгар. Должна ли, может ли Россия взирать равнодушно на такую пропаганду? Что может тут сделать дипломатия и правительство? Последнее, мне кажется, должно не мешать, а содействовать Славянофилам и их бывшему органу «День», который один из всех наших журналов мог с успехом бороться против этой Славянской католической партии. Конечно, Илье Арсеньеву⁵ или Н. Ф. Павлову⁶ можно приказать, и они также станут писать против католицизма и за православие. Но я убежден, что наше правительство никогда не решится на такие меры. Наши духовные журналы неизвестны вовсе в Славянских землях и мало могут возбуждать интереса, ибо, по нелепому устройству наших семинарий,

¹ Гагарин Иван Сергеевич (1814—1882) — князь, российский дипломат. В 1843 г. оставил Россию, поселился в Париже, перешел в католичество и вступил в орден иезуитов. Основал в Париже Славянскую библиотеку (ныне — в Медоне).

² Голицын Николай Борисович (1794—1866) — автор сочинения «О возможном соединении Российской Церкви с Западною без изменения обрядов православного богослужения» (1858).

³ Мартынов Иван Михайлович (1821—1894) — русский католический деятель, член ордена иезуитов, археолог.

⁴ Штроссмайер Иосип Юрай (1815—1905) — епископ Боснии и Сирмии, хорватский политический деятель, глава национально-либеральной партии Хорватии.

⁵ Арсеньев Илья Александрович (1820—1887) — публицист, сотрудник газет «Санкт-Петербургские ведомости» и «Северная пчела».

⁶ Павлов Николай Филиппович (1803—1864) — публицист, прозаик, поэт, критик.

в них не преподаются поныне даже древнеславянский язык, не только что новые Славянские наречия, литературы, политическая и церковная история Славян. Кроме двух наших священников и Раевского¹ в Вене и Войтковского² в Будине, все наши ученые духовные суть совершенные невежи в деле Славянском, а эти два священника были сотрудниками «Русской Беседы» и «Дня». Из разговоров с католиком Штульцем я убедился, как эта партия опасалась «Дня». Он следит, как видно, за каждым замечанием, каждую статью, имеющую какое-либо отношение к ним. Вот, Ваше Превосходительство, те глубоко негативные последствия запрещения «Дня», на которые указать повелевает мне долг совести.

Чтение газет и журналов, посещение различных публичных собраний, особенно так называемой Чешской беседы и знакомство с Палацким, Ригром, Браунером³, Клаудии⁴, Зеленым⁵, Чешскими депутатами в Венском рейсрате, учеными Эрбеном⁶, Томком⁷, Запом⁸,

¹ Раевский Михаил Федорович (1811—1884) — протоиерей, настоятель русской посольской церкви в Вене, писатель, деятель славянского движения.

² Войтковский Василий Миронович (1823—1904) — православный священник, в 1850—1868 гг. настоятель церкви в г. Иром (Венгрия), профессор церковной истории и богословия в Новороссийском университете (с 1869). Автор работ: «О православной церкви в австрийских владениях»; «Об униатской церкви в Австрии»; «О церковном положении глаголитов»; «О богослужении протестантской церкви»; «О религиозном движении в Галиции»; «О сверхъестественном в религии»; «Обрядовой вопрос в Галиции»; «Отношения между католичеством и протестантством»; «Об упадке богослужения в протестантской церкви»; «О церковном соединении Германии»; «Платон Атанацкевич, заслуженный сербский епископ в Австрии»; «Начатки христианства между мадьярами» и др.

³ Браунер Франтишек Август (1810—1880) — адвокат, чешский политический деятель, представитель старочешской партии.

⁴ Клауди Эдуард (1810—1884) — чешский политик немецкого происхождения, мэр г. Будейовиц, член чешского парламента и Имперского совета.

⁵ Зеленый Вацлав (1825—1875) — чешский педагог и литературовед. Директор пражской городской реальной гимназии.

⁶ Эрбен Карл Яромир (1810—1870) — чешский поэт и историк.

⁷ Вероятно, Томек Вацлав (1818—1905) — чешский историк, профессор Пражского университета.

⁸ Зап Карел Владислав (1812—1871) — чешский писатель, автор работ по чешской истории, географии и археологии.

Гамерником, Шмидтом¹, Венцигом², Коубою, Вртятком³, со многими другими литераторами и множеством молодежи было мне в высшей степени полезно в том отношении, что в самое короткое время позволило мне довольно близко ознакомиться с политическим и социальным состоянием Чехии, с ее современными насущными потребностями и со всеми волнующими ее вопросами. Всегда, когда мог, я старался в свою очередь распространять между Чехами более ясные понятия о России, особенно много говорил я с ними о наших отношениях к Полякам, на которые они глядели с самой крайней Польской точки зрения.

В две недели пребывания моего в деревне, в избе одного крестьянина, отца одного молодого Чеха⁴, моего приятеля и хорошего Славяниста, я сделал очень большие успехи в Чешском языке и уже мог довольно свободно, хотя и не без ошибок, разговаривать с крестьянами. Тут знакомств я сделал пропасть. Каждая пустая беседа возбуждала во мне множество новых вопросов, расширяла мой горизонт. Вторая половина июня была в Чехах очень дождлива, и, пользуясь ненастьем, я занимался чтением новейших Чешских исследований о Славянском праве в Чехии и духовного протестантского журнала «Гус», в котором много исторических статей о Чешских религиозных сектах, очень сходных с нашим расколом. Об этом сходстве я говорил с Палацким, который был сам поражен этою мыслью, читая сочинения Свегина и Щапова⁵ о нашем расколе. Зимой в Праге я буду заниматься рукописями этих Чешских реформаторов, ибо в Чехии католическая партия, ныне очень сильная, никогда не позволит их издать в свет.

¹ Вероятно, Шмидт Густав Иоганн Леопольд (1826—1883) — австрийский инженер-механик, профессор машиностроения Пражского политехнического института (позднее Немецкий технический университет), ректор этого института (1868—1869, 1876).

² Венциг Йозеф (1807—1876) — видный деятель чешской культуры немецкого происхождения.

³ Вртятко Антонин Ярослав (1815—1892) — чешский писатель и ученый, переводчик «Категорий» Аристотеля на чешский язык. Главный библиотекарь Чешского музея.

⁴ Речь идет об Адольфе Патере (1836—1912), чешском историке и языке-веде, сотруднике Чешского национального музея (1861—1904). С А. Патерой Ламанский поддерживал дружеские отношения до конца жизни.

⁵ Щапов Афанасий Прокопьевич (1831—1876) — сибирский историк, этнограф, публицист, один из деятелей областнического движения.

Из Праги я отправился в Брно, главный город Моравии, где прожил 2 ½ дня, закупил несколько книг и познакомился с патером Сумилою, хорошим патриотом, но ревностным католиком, с хранителем Музея Траппом¹ и историком Брандлем². С этим последним я проводил целые часы. Мои беседы с ним были мне в высшей степени полезны.

В Вене я был у В. П. Балабина, вручил ему письмо Вашего Превосходительства. Не могу при этом не выразить своей признательности за рекомендацию, ибо г. Балабин меня чрезвычайно обласкал, пригласил меня на другой день к себе обедать, познакомил меня с двумя Сербами, служащими при посольстве, которые сообщили мне много важных сведений.

Желая приготовиться к предстоящему путешествию в Пешт и Юго-Славянские земли, я приобрел здесь несколько новых и старых сочинений о Венгрии и целые дни провожу дома за чтением их. В остальное время я выдаюсь с некоторыми живущими здесь Славянами, как депутатами в здешнем рейсрате, так и с другими, напр<имер>, Словаком Кузмани³, одним из вождей современного Словацкого движения в Венгрии, он суперинтендант протестантской Словацкой церкви, проф. и декан здешнего университета. Это один из умнейших Славян, друг Хомякова и других Славянофилов. Я к нему явился без всякой рекомендации. Он меня чрезвычайно обласкал, как приятеля Аксакова и сотрудника «Дня». На Кузмани запрещение «Дня» произвело самое тяжелое впечатление. Вообще здешние Славяне думают, что настоящим тому поводом была статья 34 № «Дня» об Остзейских Немцах. Я не стану, Ваше Превосходительство, указывать, как вредно действуют все такие предположения на отношения Славян к России, как колеблют они то уважение к ней, которое снова стало в них усиливаться по освобождении крестьян и проч. Кроме Кузмани я часто выдаюсь

¹ Трапп Мориц Вильгельм (1825—1895) — немецкий историк, искусствовед, с 1859 г. помощник хранителя (с 1864 г. — хранитель) Моравского музея в Брно.

² Брандль Викентий (1834—1901) — чешский историк и политический деятель, член Чешской академии.

³ Кузмани Карл (1806—1866) — словинский литератор-патриот, журналист, профессор богословия в Венском университете.

здесь с Хорватом Ткалцом¹, редактором журнала «Ost und West»², с Я. Ф. Головацким³ из Галиции и с молодыми Русскими, здесь воспитывающимися. В субботу у меня были в гостях более 20 этих молодых людей с Головацким. Из них были представители всего Русского народа в Австрии — несколько человек из Галиции, несколько из Венгрии, один из Буковины, все Малорусы, но глубоко привязанные к России, желающие иметь с нами одну литературную речь и совершенно несочувствующие попыткам Кулиша⁴ образовать особую Малорусскую литературу. Кстати, замечу, что запрещение «Дня» и в этом отношении пагубно, ибо заставило молчать лучших и способнейших противников Кулиша, имеющих большое сочувствие в Малороссии, в Галиции и Венгрии.

По множеству занятий я не имел возможности посетить лекции некоторых здешних профессоров, о чем не сожалею, ибо теперь они не идут в порядке, по случаю экзаменов. Я надеюсь еще быть в Вене не раз. Здесь я посетил превосходное заведение Билки (Чеха)⁵, краткое описание которого при сем прилагаю.

В четверг 5/17 июля я уезжаю из Вены в Пешт, а в первых числах августа надеюсь быть в Белграде.

Позвольте мне, Ваше Превосходительство, заключить мой отчет изъявлением благодарности за отправление меня за границу, ибо польза этого путешествия для меня истинно громадна, ибо в течение этих 2 месяцев я обогатился массой новых сведений, которые бы в кабинете не приобрел и в течение нескольких лет. Каждая новая мысль ложится в голове твердо, ибо основана на собственном опыте,

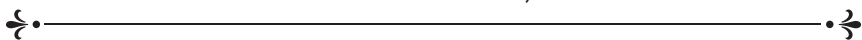
¹ Ткалац Имбро Игнатъевич (1824—1912) — хорватский публицист, сторонник объединения славян вокруг России и Сербии, сотрудник газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (1863—1865).

² «Ost und West» — общеславянская газета, издававшаяся в 1861—1865 гг. в Вене на немецком языке.

³ Головацкий Яков Федорович (1814—1888) — один из выдающихся деятелей галицко-русского возрождения, профессор кафедры русского языка и литературы и ректор Львовского университета (1848—1867). Униатский священник. С 1867 г. жил в России.

⁴ Кулиш Пантелеймон Александрович (1819—1897) — малорусский поэт, публицист, переводчик и историк, один из деятелей украинофильского движения.

⁵ Билка Петр (1820—1881) — чешский педагог, меценат. С 1840 г. жил в Вене; с 1844 по 1876 г. преподавал в Педагогическом институте в Вене (с 1850 г. — директор этого института).

на личных наблюдениях. Кроме разных заметок я написал вчерне одну статью о Польском вопросе в форме рецензии одного Польского журнала «Prawda», выходящего за границу. Здесь я изложил те мысли и замечания, которые проводил всегда в разговорах своих и спорах с Чешскими депутатами, совершенно настроенными в этом отношении Поляками. Статью эту, как и письма о своем путешествии, я желал посылать единственно Аксакову.

Вена 2/14 июля 1862 г.
Владимир Ламанский

ПИСЬМО О. Ф. МИЛЛЕРУ¹

Hall (Ober-Oesterreich)

3 июля 1863 г.

Здравствуйте, добрейший Орест Федорович.

Дня три, четыре тому назад получил я письмо Ваше и несказанно ему обрадовался, не собрался же отвечать ранее по лености. Не знаю, откуда узнал Патера, что я болен, вероятно от Потебни² и Палацкого,

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 156. Оп. 1. № 11. Л. 1—2.

Миллер Орест Федорович (1833—1889) — историк русской литературы, профессор Петербургского университета. Происходил из немецко-шведской семьи. Активный деятель славянофильского движения. Один из ближайших друзей Ламанского.

² Потебня Александр Афанасьевич (1835—1891) — украинский и русский языковед, литературовед, философ, первый крупный теоретик лингвистики в России. Это была единственная встреча Ламанского с Потебней. Тридцать лет спустя в некрологе, опубликованном в «Живой старине», он писал: «Только раз в жизни случилось мне встречаться с ним в Вене в 1862 г. И провести с ним в самой оживленной беседе несколько приятных часов в течение одного, двух или трех дней, теперь решительно не помню. Его красивое, выразительное лицо, его живая, блиставшая оригинальным умом и богатством продуманных, из первых рук добытых сведений речь, его любовь и художественная чуткость к народной поэзии, его редкое, особенно в тогдашней молодежи, уважение к свободе и разуму народной жизни и мысли, его убеждение в народности науки в каждой стране произвели на меня неизгладимое впечатление и внушили мне глубокое к нему сочувствие. О встрече нашей я ничего не записал, подробности наших разговоров мною забыты, помню, впрочем, что кроме языка и народной поэзии шла речь и о русской литературе и о разных наших славянских делах. Помню также, что с глубокою грустью вспомнил он о своем безвременно погибшем младшем брате, жертве юношеских увлечений, передал несколько подробностей о лично ему знакомой и высоко им ценимой писательнице нашей — Кохановской» (*Ламанский В. И.* Некролог А. А. Потебни // *Живая старина*. 1892. Вып. I. С. 128).

к которому я заходил однажды, когда он был в Вене. Венский доктор посоветовал мне в заключение моего лечения взять несколько йодистых ванн. Прежде я было хотел ехать в Галич, в Ивонич, но, рассудивши, что большая часть тамошних жителей и гостей Поляки, я, к сожалению моему, должен был отложить поездку. Теперь не знаю, удастся ли мне побывать в Галиче, а очень бы хотелось и даже следовало бы. Когда я объяснил доктору, что в Ивонич я не поеду, то он указал мне на Галич, где я нахожусь уже одиннадцатый день и пробуду еще столько же. Место здесь превосходное, воздух здоровый, горный, жизнь тихая, — все это вместе с лечением, питьем воды и купаньем принесло мне очевидную пользу и я, аки Бог даст, совершенно поправлюсь.

Давненько не видались мы с Вами, добрейший Орест Федорович. Впрочем, о Вас я имел некоторые сведения от наших и от Потемни, с которым я очень дружелюбно сошелся в Вене. Он хороший, добрый, честный парень. Мне сдается, что мы когда-нибудь с ним встретимся на поле литературной битвы по поводу... не знаю, как и назвать, Украинофильства, что ли. Совестно как-то провозглашать это Малороссийским вопросом, хотя предчувствую, предвижу, что с хохлами у нас много возни впереди.

Вы не поверите, как я рад, Орест Федорович, что Вы наконец отдаетесь славянщине. Мне кажется, знаете, пришло уже время, когда каждый образованный Русский, тем более ученый, если только он занимается науками историко-нравственными, а не математикою, науками естественными, прикладными и также Азиатским востоком, непременно должен быть в большем или меньшем смысле Славянистом. Изучение Славянского мира раскрывает и выясняет Русскому высокое призвание, великие судьбы Русского народа. Не знаю, бывал ли когда холоден или равнодушен к нашей святой Руси, но знаю, что никогда еще не любил я ее так сильно, никогда так в нее не верил, никогда так на нее не надеялся, как теперь, проживши в разных землях Славянских, лично, наглядно ознакомившись с их положением. Польские смуты, как во многих иных, так и в этом, больше приносят нам пользы, чем вреда. Вы, конечно, читали статьи Ригра и особенно Палацкого, различные Немецкие статьи о них, напр<имер>, Шуссельки и пр., знакомы также с прениями Рейсрата об адресе. Все это, все эти потоки грязи и ругательств, изливаемые на нас ежедневно Европою, особенно Австрийцами, несказанно полезны нам. В сердцах, в злости на кого человек высказывает свои темные опасения и желания. Расслабляющие действия йода и воды мешали мне пока, — но я на

днях примусь — обрабатывать для «Дня» задуманную мною статью по этому поводу. Материалы кое-какие имею при себе. Здесь я занимаюсь мало, впрочем, учусь по-Мадьярски, читаю Kinglake'a *Invasion of Crimea*¹. Очень любопытная книга. Прочтите, если попадетсЯ, хотя несколько в высшей степени интересных глав о Наполеоне III², об его похождениях, плутнях и злодействах (2 и 4 дек.). Англия все это знала и тотчас, по его укреплению во Франции, вступила с ним в дружественный союз против России. А теперь нравственное чувство Европы оскорбляется при виде усмирённого нами Польского восстания. За многое люблю и уважаю Запад, но не терплю его за его подлое лицемерие и ханжество. Откровенно признаюсь, мне жаль поляков, этой безумной шляхты, водимой за нос скверными ксендзами и испорченными ими женщинами. Европа поджигает их, пользуется ими, как средством, и под конец неизменно их выдаст, предаст, обманет. Не знаю, как Вы, Орест Федорович, но я теперь на Герцена гляжу с негодованием и сожалением. Бакунин никогда и не бывал порядочным человеком. Огарев³ просто глуп. На него даже сердиться нельзя. А Герцен, бедный Герцен! Как он пал! Он член или агент тайного Польского комитета<та>, Русского «Земли и Воли»⁴. Эти острые люди редко имеют твердые убеждения. Не он ли так зло смеялся над всякими тайными обществами, заговорами и казенными революционерами. Еще так недавно писал он о революционном мясе. Его теперешнюю злобу на Русских в Польше и вообще на наши отношения к ней я объясняю себе еще и тем, что он, вступая в союз с Польским комитетом, наобещал ему горы, ручался ему за содействие и участие Русских офицеров, Русского войска. Его надежды не

¹ *Kinglake A. W. The Invasion of the Crimea. Edinburg ; London, 1863. Vol. I.*

² Наполеон III (Шарль Луи Наполеон Бонапарт, 1808—1873), президент Второй Французской республики (1848—1852), император Второй Империи (1852—1871).

³ Огарёв Николай Платонович (1813—1877) — поэт, публицист, русский революционер.

⁴ Народническая революционная организация «Земля и воля» была создана в конце 1861 г. В нее входили Н. Г. Чернышевский, Н. Н. Обручев, А. А. Слепцов, братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, П. И. Боков, Н. И. Утин и др. В 1863 г. «Земля и воля» поддержала восстание в Польше. Накануне восстания петербургский центр «Земли и воли», а также за границей А. И. Герцен, М. О. Бакунин, Н. П. Огарёв и А. А. Потебня провели переговоры с представителями польского национально-освободительного движения, установив с ними дружественные и союзные отношения.

оправдались, и теперь все пуще раздражается он, ожидая или даже получая упреки от Поляков, всегда довольно щедрых на обвинения всех других, кроме самих себя, в собственных несчастиях. Не читал я ничего, что писал о нем Катков¹, но верно попал в его больное место, потому что он слишком что-то зол на «Моск<овские> Вед<омости>». Желал бы я знать, с каким чувством читает Герцен статьи Аксакова, который в последнее время, по-моему, вырос необычайно. Аксакова он всегда уважал, любил...

Не знаю, знавали ли Вы, Орест Федорович, Сераковского². Я знал его очень хорошо, познакомился с ним у Чернышевского³. Кстати, читали ли Вы его безобразный роман? Это не только бездарно, но и не умно. Я читал, впрочем, только первую часть.

Вы мне не написали, куда Вам писать. Пишите и давайте Ваш адрес. Мне пишите в Вену (*poste restante*). Через две недели буду, Бог даст, в Северной Венгрии и останусь в ней, вероятно, по конец октября, — потом в Кроацию, Далмацию и на зиму в Италию. Весною хотелось бы отправиться в Македонию.

Прошайте. Будьте здоровы. Читали ли Ренана «*La vie de Jésus Christ*»⁴. Я еще не видел, хочу купить в Вене.

Ваш Ламанский
6 июля 1863.

¹ Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — русский публицист, литературный критик, мыслитель консервативного направления, издатель. Преподавал философию в Московском университете. В 1851—1856 гг. редактор университетской газеты «Московские ведомости», затем — журнала «Русский вестник».

² Сераковский Зыгмунт (1826—1863) — капитан российского Генерального штаба польского происхождения, участник польского восстания 1863—1864 гг.

³ Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — философ, революционер, редактор, литературный критик, публицист и писатель.

⁴ Ренан Жозеф Эрнест (1823—1892) — французский писатель, историк и филолог.

ПИСЬМО В. М. ВЛАДИСЛАВЛЕВУ¹

Многоуважаемый
Владимир Михайлович.

Очень Вам благодарен за Ваше милое письмо: я послал Вам поклон не потому, что считал Вас славянофилом. Из писем Филиппова² (отчего он перестал мне писать? Уж не обиделся ли он, не дуется ли на меня? Или собирается скоро в Питер и предполагает встретиться со мною? — очень был бы рад) и из бесед со Всеволодом Срезневским³ во мне сложилось очень хорошее о Вас представление, как о человеке живом и искреннем и не шаблонном радикале-позитивисте. Этот тип нынешней молодежи, признаться, мне сильно надоел.

Благодарю Вас за Ваше прямое, откровенное *profession de foi*. Лично для меня самодержавие не нужно. Но России и всему нынешнему южному и зап. Востоку <?> царь нужен. И потому я за царя и царство. Конституции европейской я не желаю, у нас должна быть своя. Почитаю только одну английскую, но у нас она немыслима. Все ее копии на материке полны коренных недостатков. Относитель-

¹ РО ИРЛИ РАН. Р. II. Оп. 3. № 11. Л. 1—2 об.

Владиславлев Владимир Михайлович (1868—1943) — адвокат, экономист, публицист, историк, переводчик Тибула, Марциала и Горация. Был сыном профессора кафедры философии, а впоследствии декана историко-филологического факультета и ректора Петербургского университета М. И. Владиславлева (1840—1890). Приходился внучатым племянником Ф. М. Достоевскому.

² Филиппов Тертый Иванович (1825—1899) — государственный и общественный деятель, государственный контролер (1889), писатель славянофильского направления, собиратель и исследователь русских народных песен.

³ Срезневский Всеволод Измайлович (1867—1936) — филолог, исследователь южнорусской литературы и просвещения. Сын известного слависта, профессора, а затем декана историко-филологического факультета И. И. Срезневского (1812—1880). Сотрудник Императорской Публичной библиотеки. Заведующий рукописным отделом Библиотеки Академии наук (1893—1931). Член-корреспондент Академии наук (1906).

но земских соборов Вы во многом правы, тем более, что большая половина нынешней даже Европ<ейской> России этих соборов не знала и к ним не привыкла — Малая, Белая Русь, Литва, Польша, Приб<алтийские> губ<ернии>.

Относительно малых народностей Вы совершенно не правы. Народности гибнущие, забывающие свои языки, песни, обычаи — народности дрянные, подлые, развращенные. Инородцев же у нас несколько миллионов. Положим, мы можем их изнасиловать. Но мы этим испортим себя, развратим вдвойне: 1) учиненными неправдами и насилием, 2) воспринимая, всасывая в себя подлые, развратные элементы и, след<овательно>, искажая свой тип.

Между тем как при сохранении народностей наших инородцев, когда они будут bilingv¹, масса инородческих тем, мотивов, орнаментов, преданий, обычаев вольется в Русскую культуру, образованность, наша литература, наука обогатится множеством лингвистических, филологических, исторических исследований о народностях различных племен. Довольно с нас и того, что все инородцы, получившие образование, будут значительно обруселыми, полурусскими, но главное ни они, ни их народности не будут питать ни малейшей злобы и ненависти к Руси.

А насильственная русификация только будет их воспитывать в злобе и ненависти к нам. Посмотрите же на Славян Немецких.

Что касается до некоторого сочувствия Вашего к лютеранству, то в этом я вижу известный атавизм. Православные всегда оставались равнодушны к протестантству вообще — Лютер² был хороший типический Немец, но весьма посредственный мыслитель и богослов. Виклеф³ головой выше и его и прочих реформаторов XVI в. Это равнодушие православных объясняется тем, что, выходя из церкви, православный обыкновенно становится рационалистом, переставая верить в божественное откровение христианства. Лютеранское рассудочное <...> и какая-то фальшивая, приневоленная остановка на полудороге православному противна. Наконец, каждый православный сам по себе, в одиночку, — протестант, ибо понимает,

¹ Двужычны.

² Лютер Мартин (1483—1546) — вождь реформации в Германии, основоположник немецкого протестантизма, переводчик Библии на немецкий язык.

³ Виклеф Джон (1324—1384) — английский богослов, выступавший с реформаторскими идеями.

что всецелой Истины, открытой всему человечеству и охраняемой всем верующим миром прошедших и будущих веков — церковью, одному человеку ни воспринять, ни осуществить нельзя. Сознывая бессилие индивидуальности, только в церкви понимаешь христианство и Христа.

Недавно я, получив это письмо <...> одному из моих старых приятелей, мировых судей в Лифляндии. Оказывается, что губерн<атор> Зиновьев¹ все сильней и сильней выступает за Немец<их> баронов.

Да, в этом наша главная беда, что либерализм у нас связан с покровительством Немцам, Поляк<ам>, Армянам на Кавказе, словом, привилегированным народностям, я же требую уважения ко всем инородческим элементам, и тогда только Русск<ая> народн<ость> будет стоять на подобающем ей высоком месте.

<...>

Если будете когда в Петербурге, същтите, пожалуйста, старого Вашего знакомого (я Вас видел еще гимназистом в доме Ваших покойных родителей) преданного Вам В. Ламанск<ого>.

Мой привет и поклон Фили<ппову>. Отчего не пишет?

СПб.

7 дек<абря> <18>94.

Звенигородская 32.

¹ Зиновьев Михаил Алексеевич (1838—1895) — генерал-лейтенант, участник Туркестанских походов (1866—1869) и Русско-турецкой войны (1877—1878), губернатор Лифляндии (1885—1896).

ПИСЬМО Л. Н. МАЙКОВУ¹

на сон грядущему

Любезный
Леонид Николаевич.

Вчера, едучи от Вас, я невольно стал думать о последних словах Ваших.

По-моему, главное дело не в Петре Петровиче² — с ним мне как будто лучше самому объясниться. Мои сношения с ним теперь очень близкие, и мне сдается, что он увидел бы неприятное недоверие мое к нему, если б даже Вы, близкий к нему и ко мне человек, стали первый говорить об этом.

Все дело в том, чтобы достать мне 2000 р. взамен тех, что я получаю в Дух<овной> Акад<емии>. Ничего лишнего и ничего сверх этого мне не нужно, ни чина, ни креста. Надо, мне кажется, действовать на Делян<ова>³. Он сам для меня, конечно, и пальцем не пошевелит.

Дело в том, что я человек семейный — 5 человек детей⁴ — старшему 21 г<од>, студент, младшему 10 л<ет>, ничего, кроме жалованья и пенсии, не имею (Боров<ичевский> домик⁵, конечно, мне дохода не при-

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 3. № 615. Л. 60—60 об., 93—93 об., 61—61 об.

Майков Леонид Николаевич (1839—1900) — историк литературы, библиограф, этнограф. Академик (1891), вице-президент Академии наук (с 1893). Сын академика живописи Н. А. Майкова, брат поэта Аполлона Майкова и публициста Валериана Майкова. Один из друзей Ламанского.

² Семёнов-Тян-Шанский Петр Петрович (до 1906 г. — Семёнов; 1827—1914) — географ, статистик, общественный деятель, почетный член Петербургской АН (1873). Вице-председатель Русского географического общества (1873—1914). Член Государственного совета (1897).

³ Делянов Иван Давыдович (1818—1897) — граф, государственный деятель, директор Публичной библиотеки (1861—1882), министр народного просвещения (с 1882).

⁴ Дети Ламанского: Владимир (1874—1943), Вера (1875—1940), Ольга (1877—1930), Надежда (1878—1880), Анастасия (1881—1941), Сергей (1885—1941).

⁵ В Боровичах Новгородской губернии находилась дача Ламанского.

носит), кое-что для литературы и науки я сделал (сужу по отзывам посторонним, русским и иностранным). Хотя бы по истории Венеции (XV—XVI) и Англ<ийские>, и Французск<ие>, и Немецк<ие> настоящие ученые признали печатно мою книгу¹ важным и необходимым пособием, Греч<еские> ученые и Ион<ических> о-вов (Корфу) мне прислали благодарственное письмо и довольно редкую книгу в подарок (Crela Saera). Венецианцы очень были злы и обижены, что я раскрыл грехи царицы Адриатики, но без всякого даже ведома моего — я узнал случайно — выбрали меня в числе очень немногих иностранцев Sorio в новооснованное незадолго перед выходом моего труда Societa' di storia patria.

Совершенно хладнокровно и спокойно могу сказать на основании данных и примеров, что везде в Европе, кто хочет серьезно говорить о политической ли нравственности (в XV—XVI—XVII <в>в.), о Восточном ли вопросе (XV—XVI), о Карле ли V² (после победы его над Франциск<ом I>³ и его успехах в Италии в 27, 28 л.) о походе Солимана⁴ в Венгр<ию> и под Вену, о государственном строе Венеции и особенно о роли Совета X в республике — всегда прочтят и вспомнят известные страницы моей книги и мои заметки о внутр<енней> истории Венеции. Все там мною об этом написанное впервые и с полной доказательностью — значительно продвинуло понимание многих крупных явлений тогдашней великой эпохи и представило немало совершенно нового после Ранке, Мишле⁵, да Лева.

По-Русски написанное мною тоже смею думать не все сплошной вздор, о котором никто никогда не вспомнит. Лет через 50, через сто какой-нибудь критик благочестивый и трудолюбивый меня, Бог даст, вспомнит и отведет же мне известное место в истории русского просвещения и русск<ой> мысли и науки.

¹ Уникальное собрание документов из венецианских архивов «Secrets d'État de Venise», подготовленное Ламанским, было издано в Петербурге в 1884 г.

² Карл V (1500—1558) — император Священной Римской империи из династии Габсбургов, немецкий король, король Испании (Арагона, Леона, Кастилии, Валенсии), граф Барселоны, эрцгерцог Австрии.

³ Франциск I (1494—1547) — французский король (1515—1547) из династии Валуа.

⁴ Сулейман Великолепный (1520—1566) — турецкий султан, правление которого считается «золотым веком» Османской империи.

⁵ Мишле Жюль (1798—1874) — французский историк и публицист, представитель романтической историографии.

По-Русски имею <...> общего исторического труда о Слав<янском> мире — я этим делом занят постоянно и довольно давно, много лет. Обработать мои записки, переделать, написать вновь целые главы, дополнить, вставить извлечен<ия>, таблицы, годы, прибрать рисунки (старых церквей, зданий, костелов), приложить несколько карт. Все это я хочу сделать до моей смерти и этому делу посвятить последние годы моей жизни. Для этого мне нужно иметь дня три свободных в неделю, когда бы я мог спокойно, исключительно отдался этому делу.

Вот для этого-то пусть Мин<истр> и выхлопочет мне — 2000 р. аренды, к чему тут стесняться, есть ли у меня Анна и Тайн<ый> ли я советник. Тайн<ых> Советн<иков> в Рос<сии> очень много, и все они почти легко получают аренду. Мои товарищи гимназ<ические> и универ<ситетские> (не больше меня трудолюбивые и не гении какие) Беры, Перец и пр. давно уже Т<айные> С<оветники> и пр. Мне это не надо — вицмундира я никогда не ношу, орденов не надеваю (тем более, что почти все заложены в ломбард), к начальству представляться не езжу и являюсь во фраке когда надо, на торжеств<енных> панихидах и молебствиях не бываю, наконец, за орден нужно платить, а мне все приходится в обрез, и после 15 перед 20-м мы дома почти всегда без денег.

Пусть Министр окажет мне услугу во внимание к моим прежн<им> трудам и в надежде, что я, Бог даст, напишу и окончу полезный труд, во внимание к моей 42-х летней (в <18>96 г.) литерат<урной> деятельности. Если это представить Государю, то отчего бы он мог не согласиться на мелочь не чиновнику изв<естного> класса, а просто русск<ому> писателю и ученому, который никакой жадности и корыстолюбия никогда не преследовал. Демидовскую премию за диссерт<ацию> я получил совершенно неожиданно (пришел как-то в суб<боту> к Срезн<евскому>, и он меня поздравил, я был совершенно ошеломлен, так как ничего и не подозревал). Все мои материалы (больше пол<овины> еще не изданы), собранные в Венеции, переписаны мною и чиновник<ами> Архива из моего доцентского жалованья, за курьера<?> <...> в Венецию я платил уже из моего кармана. Вся награда за «Secrets d'État» составила 200 экземпл<яров>, не больше, кажется.

Петр Петрович может, если понадобится для Делянова, с своей стороны прибавить от себя о моей деятельности в Геогр<афическом> Общ<естве>.

Вот, Леонид Николаевич, на что, не обижая меня, следует указать Министру, пусть он сам забудет и Государю не говорит обо мне как Действительном> С<татском> С<оветнике>, а говорит и помнит как о преподавателе, члене Уч<еных> Общ<еств>, писателе и ученом.

Насчет моих политических статей, я знаю, Вы держитесь строго академич<еского> и научн<ого> взгляда Ягича¹ и друг<их> строгих ученых. Но я филол<огию> давно почти оставил, занимаясь ею в свободные лишь минуты, а много лет назад перешел почти исключительно на историю, а история — наука политич<еская>. И смешно, просто нелепо думать (простите великодушно), что историк особенно новых периодов (не Египтом и Ассирией я занимаюсь) может не интересоваться политикой. Современное не только объясняется прошлым, но и оно само выясняет прошлое. Имею основание думать, что некоторые, по крайней мере так называемые, политич<еские> мои статьи проходили не бесследно не у нас только, но и во всех Слав<янских> землях. Об этом свидетельствует обширная полемика в разных Слав<янских> литературах и разные меры Австр<ийского> правительства, разные официальные или <...> австрийские и мадьярские статьи и брошюры. Об этом наилучше знает Ягич, деятельный агент Австрии в <...> слав<янских> вопросах, в малору<сском> вопросе у нас, в сербскобосн<ийском> и болгарск<ом> вопр<осах> за Дунаем. Не министры только, но и сам Фр<анц> Иоз<еф>² спрашивает мнений и советов Ягича обо всех этих слав<янских> вопросах. Это, конечно, не мешает Ягичу, когда приезжает к нам, с простодушием <...> и с пожиманием плеч говорить о том, что как жалко, что я ухожу в политику.

Итак, добрейший Леонид Николаевич, хотите, можете удружить мне, направьте Ваши старания преимущественно пока на Делянова, а П<етр> П<етрович>, как и вообще мое слабое участие в трудах Г<еографического> Общ<ества>, может быть только одним лишним поводом и толчком.

Вот, во всяком случае, выгорит или не выгорит это дело, благодаря Вашим стараниям.

В. Ламанский

Я человек несколько суеверный. Я убежден, что дело удастся, если Богу оно угодно, и нет, если по-Божьему мне этого не надо и я прошу напрасно³.

27 окт<ября> <18>95

¹ Ягич Игнатий Викентьевич (1838—1923) — выдающийся славист, профессор Новороссийского (1872—1874), Берлинского (1874—1880), Петербургского (1880—1886) университетов.

² Франц Иосиф (1830—1916) — австрийский император (1848—1916).

³ Ламанский получил от Министерства народного просвещения дополнительное денежное содержание на четыре года в размере полутора тысяч рублей в год. Затем денежная «аренда» была продлена еще на три года.

В. И. Ламанский

ПРЕДИСЛОВИЕ
[«Государственные тайны Венеции»]

(Secrets d'État de Venise. Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV-e et au XVI-e siècle)¹

[Настоящее произведение является плодом моего пребывания в Венеции, где я провел 1868/9 академический год, около тринадцати месяцев, для того, чтобы провести исследования в Архивах Фрари, в Библиотеке Св. Марка, в Музее Корре, а также в архивах семьи графа Дона. Вначале все мое внимание было сосредоточено на ускоках и на истории государств Далмации и Истрии с конца XV до начала XVII вв. Поскольку в прошлом, в середине XVI века, ускоки все больше и больше становились предметом непрерывных взаимоотношений между Республикой, Австрией и Турцией, я почувствовал необходимость более пристально изучить отношения Венеции с этими двумя державами; мои исследования по этой теме, ограниченные вначале решениями и перепиской Сената, продолжались и после этого, что-

¹ Предисловие к «Secrets d'État de Venise et rapports de la République avec les Grecs, les Slaves et les Turcs au XVI siècle. Documents, extraits, notices et études» приводится по русскоязычной газетной публикации. Однако франкоязычное предисловие в самой книге (с. I—XXXVI) содержало ряд добавлений, которые в переводе на русский приводятся при републикации. См.: *Ламанский В. И.* «Государственные тайны Венеции» (Secrets d'État de Venise et rapports de la République avec les Grecs, les Slaves et les Turcs au XVI siècle. Documents, extraits, notices et études. St.-Petersbourg, 1884 (том в 65 листов убористой печати) 8) // Русь. 1883. 15 нояб. № 22. С. 23—41. Полный перевод названия на русский яз.: «Государственные тайны Венеции и отношения Республики с греками, славянами и турками в 16-м веке. Документы, выдержки, заметки и этюды».

бы направиться к хроникам Совета Десяти (Misti Secreti). Вначале я и подумать бы не мог о столь обширной сфере, поскольку, прибыв в Венецию, рассчитывал там провести только два месяца своих каникул; для меня это было бы невозможно, если бы покойный, мой старый и достопочтенный наставник профессор Срезневский, тогда бывший деканом историко-филологического факультета, который я до этого окончил, сообщая с другими профессорами, его коллегами, не добился у министра народного просвещения, господина графа Толстого, разрешения и средств для того, чтобы я продлил свое пребывание в Венеции сначала на шесть месяцев, а потом и еще на шесть. Я полагаю своим долгом напомнить это обстоятельство в знак моей глубокой признательности Совету нашего Университета и господину министру, поскольку только так я смог собрать материалы, которые я привез в Санкт-Петербург.

Возвратившись в Россию, я принялся за упорядочение моих записей и моих копий и приступил к публикации своего сборника, который я хотел составить из документов более общего интереса, чем то, что касается ускоков, Далмации и Истрии. Мои занятия в Университете и мои литературные труды — часто малосвязанные с Венецией, отправка корректуры господину Джиомо — ученому, работающему в Архивах Фрари, — который имел любезность сравнить их с текстами, значительно продлили печать моей книги, которая между тем в середине 1874 г. достигла 472-ой страницы. Вот почему первая половина этой работы была закончена так давно, что в ней теперь не найдется упоминаний более поздних трудов, чем этого года, и что в ней встретят, например, депеши венецианского посла Ант. Жустиньена, сборник которых тогда еще не вышел во Флоренции.

Вследствие всех этих личных причин и некоторых общих соображений я долгое время колебался с публикацией этого сборника и с продолжением его печати. Четыре или пять лет назад я принялся за свои занятия Венецией, ранее прерванные; в течение лета 1881 года в деревне я особенно предался своему труду, и в начале 1882 года печатание книги было возобновлено, чтобы больше не прерываться.

Весной 1882 года в связи со статьей графа Демалатри я передал Историческому журналу в Париже маленькую заметку с кратким обзором фрагментов, из которых сформирована первая часть моего сборника и которая связана с политическим убийством. В этой замет-

ке я анонсировал весьма скорое появление моей книги; я тогда еще не предполагал, что я буду писать и что я в нее вставлю целый этюд (обзор центральной администрации и социального состояния Венеции), который составит раздел третьей части работы и который под соответствующим названием должен будет составить введение к нему.

Вначале у меня было намерение опубликовать только документы, сопровождая их только лишь короткими заметками; поскольку речь шла о бумагах, написанных на латинском и итальянском языках, и вследствие более или менее общего интереса я пользовался иностранным языком — французским. Но коль скоро эти заметки были незначительны и, как бы сказать, против моей воли так увеличились, чтобы сформировать целые статьи, — эссе, или этюды — я должен был использовать для них тот же самый язык, но не русский.

Я сопроводил каждый документ и выписку указанием места или класса документов, из которого они взяты; когда место не указано, то речь всегда идет об Архивах Фрари. Наиболее часто встречающиеся аббревиатуры, M.C.X. и S.C.X., обозначают *Misti soit Secreti Consilii de Decem*; римская цифра (например, M.C.X. III, p. 20 t.) обозначает номер тома, а арабская цифра с буквой t. обозначает страницу на обороте. Я нашел бесполезным останавливаться на таких обозначениях как *Santo Mar*, *Esposizioni Principi*, и т. д. по трудам М. Чеккетти, Роудона Брауна, Баше, посвященным архивам Фрари. При передаче текстов я старался строго следовать орфографии оригинала, если он представлял особенности диалекта, или же если он написан кем-то малограмотным; в противном случае, если мои документы принадлежали современной эпохе, я не принуждал себя везде кропотливо следовать орфографии (например, одно или два t и b в *mettere*, *Repubblica*, t и z или c в словах *tia* и т. д.), ударениям и пунктуации латинских и итальянских текстов; в остальном я и здесь также чаще всего придерживался оригиналов, в особенности, когда речь шла о чем-то особенном, характеризующем эпоху или язык. Лишь некоторые из моих документов и выписок заимствованы не из коллекций, хранящихся во Фрари, а из более или менее старых копий, из рукописей из Библиотеки Св. Марка и из Музея Корре. В этой связи я сожалею, что у меня не было под рукой более чистой копии рассказа Фоскарини об острове Кандия. Я также признаю, что из-за предвзятого мнения или скорее по моей плохой фантазии в итальянских текстах я пренебрег ударениями на прописных буквах (например, *È* (*est*) не отличается от союза *E*). Чаще всего я не уточнял

содержание каждого документа. Этот недостаток компенсируется детальной аннотацией, помещенной в оглавлении. Что же касается документов двух последних частей, я полагаю, что этот недостаток исправляется их расположением в хронологическом порядке по группам, имеющим впереди общий заголовок, а также добавлением указателя, который я попытался сделать полным.

Императорскому Университету я обязан публикацией этой книги.

Я постоянно храню в памяти (и выражаю здесь свою глубокую признательность за это) любезность и поддержку, которой меня удостоил в связи с моими занятиями покойный Томазо Гар, тогда директор Архивов, а также неутомимый эрудит и глубокий знаток истории Венеции М. Барт. Чеккетти, а также М. Г. Джиомо, чья помощь была для меня столь драгоценной во время моих исследований в Венеции и чьей услужливостью я воспользовался после своего возвращения в Россию для того, чтобы исправить ошибки (в первой части моей работы) и получить выписки, которые у меня самого не было времени сделать. В общем, я должен поблагодарить всех сотрудников архивов Венеции, чья помощь и услужливость были мне так полезны. Также я всегда вспоминаю с большим уважением и искренней признательностью дружелюбие, которого я был удостоен со стороны покойного аббата Валентинелли, тогда директора Библиотеки Св. Марка, а также его помощника М. Веллудо и М. Н. Барроцци, директора Музея Корре. Именно из-за последнего я также должен был познакомиться с графом Дона, который столь великодушно разрешил мне просмотреть архивы его семьи, из которых я выписал столько важных заметок из досье Леонардо и Николо Дона, выдающихся предков графа, сколько мне позволяло время.

С глубоким чувством благодарности и скорби я также должен упомянуть В. Макушева, недавно умершего в Варшаве, где он был профессором Императорского Университета, и чья безвременная потеря недостаточно была оплакана; более сведущий, чем я в итальянской литературе и языке, архивах Венеции и других городов Италии, он был мне исключительно полезен своей сердечной любезностью, своей эрудицией и примером энергии трудолюбия; во многих местах своей книги я упоминаю его имя по случаю заметок, которые он мне передал.

Именно этим людям и организациям, если это действительно так, обязаны интерес и ценность настоящей публикации; ее же недостатки и несовершенства принадлежат мне одному.

Составляя свои записи на иностранном языке, я прибегаю к услугам людей, для которых французский является родным языком; я выражаю в связи с этим свою искреннюю благодарность М. М. Лассиме, Милькампу и особенно М. Ал. Тёпферу и Ал. Ромальду, с которыми я много работал в последнее время. Сверх того, я должен упомянуть имя покойного М. Эно, старого редактора Русского курьера, с которым я работал и провел приятные моменты в процессе печати первой части этого труда. Я, наконец, выражаю свою огромную признательность своему заслуженному коллеге И. Флёри, профессору французской литературы Университета, который был столь любезен бросить последний взгляд на ошибки на некоторых из последних страниц. Что касается оставшихся ошибок, прошу читателя не относить их ни к кому, кроме меня]¹.

Сочинение разделено на три части. Первая содержит в хронологическом порядке секретные бумаги Совета Десяти, относящиеся к политическому убийству в Венеции в XV—XVIII ст. (1415—1768)². Во второй части заключаются: 1) документы опущенные, но должныствующие войти в состав первой; 2) свидетельства как иностранного, так и венецианского происхождения, но неофициальные, касательно интриг того же рода в Венеции; 3) документы венецианские официальные касательно подозрительных смертных случаев, к которым венецианское правительство, как мне кажется, было более или менее причастно; 4) документы венецианские и другие свидетельства касательно политических убийств, замышлявшихся в ту же эпоху не венецианским, а другими правительствами; 5) документы, относя-

¹ Данный фрагмент текста является переводом части Предисловия, которое не вошло в публикацию в газете «Русь». Предисловие к книге начинается именно с этого вводного разъяснения обстоятельств ее написания.

² В Предисловии к книге Ламанский добавляет: «Около сорока первых документов, опубликованные здесь с другими своими аналогами, которые я упустил по невнимательности и случайно, вошли в интересную и важную публикацию выдающегося исследователя Венеции месье Фюлена («Старые ошибки и новые документы»), которая недавно вышла в связи с цитируемой статьей графа де Малатри». Ламанский имеет в виду здесь следующую работу: *Fulin R. Errori vecchi e documenti nuovi: a proposito di una recente pubblicazione del Co. Luigi Di Mas Latrè. Tip. di G. Antonelli, 1882.*

щиеся к отдельным случаям или эпизодам истории так называемого восточного вопроса, где были совершены политические убийства; таким образом сюда включены мною: а) по поводу убийства Тарпавалья, бана Хорватии, более тридцати декретов Совета Десяти, касающихся Далматии в царствование короля Матвея Корвина; б) по поводу убийства султана Джема две серии документов венецианских, французских и иных: декреты и переписка Совета Десяти относительно сего турецкого государя, — отрывки из переписки между Родосскими рыцарями, французским и римским двором, извлеченной из рукописи о султани Джеме, хранящейся в библиотеке Св. Марка. Наш сборник документов, относящихся к этому печальному эпизоду европейской политики на Востоке, занимает около сотни страниц (92). с) Затем следуют письма о смерти папы Льва X, извлеченные из *Diarii* М. Сануто, где, независимо от известий об этой смерти, сообщаются также интересные подробности насчет римского двора; d) отрывок из важного донесения де-Месса, французского посла в Венеции (1593 г.), в коем, кроме подробностей покушения на Генриха IV, содержится целый проект о том, как произвести вторжение в Испанию Турок при содействии восставших Мавров. Этот документ, который я заимствовал из важного манускрипта Императорской Публичной библиотеки дополнил примечаниями венецианского происхождения, мне кажется, прибавляет несколько любопытных подробностей об этом эпизоде французской политики по отношению к Турции и Испании. е) Далее, находятся документы, относящиеся к графу Оттавио Авогадро (1585), которого Совет Десяти считал за человека опасного и хотел отравить; f) несколько депеш венецианского посла при дворе императора, Том. Контарини (1597), уясняющих происшествие с монахом Киприаном; g) документы, касающиеся дел город. Скутари, Дульциньо, Клиссы (1595—1596), отрывок из неизданной истории Венеции Ник. Контарини о деле Клиссы (1596) и о порте Спалано; эти эпизоды представляют начало пресловутого испанского заговора 1618 г. i) Важная шифрованная депеша венецианского посла Марина Кавалли из Парижа (1602), по поводу заговора Бирона и испанских происков во Франции, и т. д. и т. д.

Наконец, во вторую часть входят две мои статьи, — одна, где мною собраны разные сведения о целом ряде покушений на жизнь пап с X до начала XVII столетия, к которым я присоединил свидетельства о насилиях и оскорблениях, презрении и ненависти, предметом коих было папство у различных католических населений

Европы в средние века. Писателя иноплеменного и иноверного эти данные естественно вынуждают остановиться на двух следующих вопросах: 1) если народы латинского и германского Запада чувствовали сильное отвращение к папам в средние века, а это не подлежит спору, то почему большинство из них по крайней мере не отложились от Рима гораздо ранее XVI века? и 2) если они сами столько страдали от произвола папства и так часто восставали на своих пап из ненависти к ним, то из-за чего набрасывались они на Греков, Славян, их единоверцев и других *схизматиков*, и учили их в течение веков за то, что они не оказывали папству требуемой оным покорности? Во второй статье я указал на несколько позорных политических приемов, практиковавшихся в ту же эпоху в других странах Европы, дабы напомнить, что Венеция, которая часто к ним прибегала, в этом отношении не составляет исключения. При всей неполноте этого очерка содержащиеся в нем факты, смею надеяться, могут послужить к ослаблению в большинстве публики застарелого предрассудка, будто Европеец может забыть свое историческое прошедшее и должен только изучать историю Византийской империи и России, чтобы понять и убедиться — до какой степени варварства и низости может подчас доходить человечество нашей христианской эры!

Третья часть содержит две статьи; из них первая состоит из кратких заметок об инородческих элементах Венецианской республики и о сходстве ее в этом отношении с современною Австрией, о злоупотреблениях венецианской морской администрации в XVI веке и об общих свойствах венецианской администрации в провинциях Леванта. Каждая из этих заметок сопровождается подтверждающими документами или в полном виде или в извлечениях. Здесь можно найти, между прочим, целый ряд свидетельств самых компетентных современников о постепенном упадке венецианского флота в XVI столетии, который состоял большею частью, если не исключительно, из Греков и Славян, а также важные донесения об оборонительных средствах, финансах, о земледелии и классах населения в греческих и славянских владениях Венецианской республики в том же столетии. Я признаю, что Далматия в этом отношении представлена слабо, хотя я собрал гораздо больше документов и заметок о Далматии, чем о венецианской Греции, так как вначале я занимался главным образом Ускоками и Далматинцами. Признавая всю великую важность, какую имела Далматия для Венеции, надо согласиться, однако, что в XVI веке, равно как

и позднее, вплоть до потери Кандии по меньшей мере, греческий элемент вообще имел больше веса и значения в глазах венецианского правительства, нежели славянский. Во-первых, Греки были более многочисленны, более предприимчивы и энергичны; затем, благодаря своей национальной церкви, оригинальности своей древней цивилизации и традиции империи, которые под венецианским владычеством сохранялись у них неизменно, при всей нелюбви к ним господствующего элемента, они больше чем Славяне сумели заставить уважать себя и бояться. Имея в виду большой объем, который принимала моя книга, я предпочел заняться более специально документами, относящимися к греческим владениям, нежели теми, которые касаются Далматии, так как, невзирая на замечательные труды Тафеля, Х. Гопфа, гг. Гейда, Томаса, Веллудо, Лунци и на новейшие публикации г. Сатаса, венецианская Далматия изучалась и изучается с большими подробностями нежели венецианские провинции Архипелага. Достаточно напомнить сочинения Луциуса, Фарлати и новейшие публикации Славянской Академии в Загребе, содержащие труды аббата Любича, которого по справедливости можно назвать далматинским Муратори.

К этому отделу оправдательных бумаг относятся, в смысле дополнения, документы и извлечения, напечатанные в конце книги. Они касаются: 1) злоупотреблений венецианской администрации на островах Леванта и частью в Далматии и XV веке; 2) состояния парий и рабства на островах Кипре и Кандии в конце XV и в XVI веке; 3) Восточной церкви и национального духовенства Греков в XV—XVII веках.

Вторая статья, или этюд, должна преимущественно служить введением к настоящему труду, который стоил мне много времени и усилий. Автор вовсе не имел притязания представить картину Венеции XVI века; это лишь опыт, ограничивающийся исследованием главнейших причин упадка республики, сказывающегося очевидно, между тем как наука в ней делает большие успехи, а искусства достигают апогея, — пункт, о котором я не счел нужным распространяться, потому что этот предмет не вмещался в мою раму — занял бы слишком много места, наконец, слишком известен, чтобы трактовать его в кратком этюде. Свойство темы требовало обратить внимание преимущественно на дурные, а не хорошее стороны республики; впрочем, приведенные в этом этюде официальные свидетельства, строго осуждающие пороки тогдашнего венецианского общества и администрации, должны

быть отнесены к этим светлым сторонам. К тому же надо сказать, Евангелие и история указывают нам образцы добродетели не в сословиях, обладающих богатством и силой...¹ Охотно отдавая справедливость мудрости венецианского правительства, не будем упускать из виду, что даже в области человеческой мудрости, столь высокой и вместе столь ограниченной, мудрость политическая не есть самая высокая и наименее поддающаяся заблуждению. Здесь, как и в частной жизни, честность в конце концов есть лучшее обеспечение от ошибок, и если Венеция часто ошибалась, то именно вследствие своей излишней веры во всемогущество человеческой подлости — заблуждение, к несчастью, довольно общее у государственных людей всех времен.

¹ В предисловии к книге Ламанский делает здесь следующее добавление: «Мораль большого мира, или высокого общества нигде не является поучительной»

*Valor vero e virtù, modestia e fede
E di giustizia amor, sempre in qualunque
Pubblico stato, alieni in tutto e lungi
Da' comuni negozi, ovvero in tutto
Sfortunati saranno, afflitti e vinti;
Perché die' lor natura, in ogni tempo
Starsene in fondo. Ardir protervo e frode,
Con mediocritá, regneran sempre,
A galleggiar sortiti.*

Шутливые слова старика Оксеншерна всегда сохраняют свой глубокий и серьезный смысл». В данном отрывке Ламанский цитирует фрагмент стихотворения известного итальянского поэта Дж. Леопарди (1798—1837) «Палинодия маркизу Джино Каппони». Стихотворение посвящено Дж. Каппони (1792—1876), известному политическому деятелю периода образования единой Италии. После создания Итальянского королевства стал сенатором. В приведенной цитате говорится о некоем представителе шведского дворянского рода Оксеншерна. О ком именно, установить не удалось. Стихотворение Леопарди имеется в переводе А. Ахматовой. Приводим перевод цитируемого Ламанским фрагмента:

И добродетель, вера, справедливость
Общественным удачам чужды, вечно
Посрамлены, побеждены пребудут —
Уж такова природа их: всегда
На заднем плане прятаться. А наглость,
Посредственность, мошенничество будут
Господствовать, всплывая на поверхность (пер. А. Ахматовой).

В статье и подтверждающих документах я прилагал все старания, чтобы рельефно выставить примеры просвещенного взгляда венецианского правительства на рабство, на отношения между государством и церковью и на сношения Венеции с Греческою церковью и духовенством. Сначала оно смотрело на это духовенство с такими же предубеждениями, как и остальной Запад, но, наученное опытом и неудачами с Турками, каковыми неудачами Греки умно воспользовались, венецианское правительство сумело изменить свою политику и вступило на путь терпимости — редкий, почти исключительный в Европе XVI века, причем дошло даже до защиты Греков от притеснений латинского духовенства и пап.

Читателю, слишком расположенному видеть зло в одной только Венеции, да в остальной Италии эпохи Возрождения, или предаваться слишком легкому оптимизму, автор берет даже смелость напомнить некоторые примеры, относящиеся к другим странам, которые в последующие века наиболее поработали для преуспевания европейской цивилизации. Английский парламент при первых Тюдорах отличается беспощадною политикой по отношению к народу, который все более и более изгонялся из отцовского наследия для обращения полей в пастбища; при Эдуарде VI (1547) парламент не отступил пред попыткой ввести настоящее рабство для *нищих и бродяг*, число коих естественно увеличивалось вследствие разорения земледельческого класса. Он остановился пред угрозой бунта, но не перестал, однако, осуществлять свои эгоистические планы обезземеленья крестьян вплоть до XVIII века, когда идти далее по этому пути стало невозможно. По завоевании Ирландии правящие классы Англии, в XVII и XVIII веках, лишают жителей собственности с тою же жадностью и жестокостью, какую они обнаружили в отношении к своим крестьянам, присоединяя к этому грабежу беспощадные преследования католиков. Во Франции партии, торжествующие или стремящиеся ко власти, — возьмем ли мы Варфоломеевскую резню или господство Террора, бросаются на противников с остервенением дикого зверя и истребляют их с бесстрашием палача. Государство, которое, правда, никогда не стояло в челе новой Европы, но все-таки служит представителем и со времени Пражского мира невидимым главою католической Германии, Австрия после Фердинанда II, в течение полутора века с лишком, по отношению к Чехам, Сербам Военной Границы, Угросам следует политике вероломной и развратительной, напоминающей самые мрачные эпизоды средних веков, а после просвещенного и гуманного царствования Иосифа II

не перестает от времени до времени возвращаться к старым своим козням *ad majorem Dei gloriam*, стараясь вводить римскую унию у Сербов в Далматии, Боснии и Герцеговине, у Румын в Венгрии, насаждая иезуитов и их заведения в Галиции между Русскими.

Восточная роскошь и разврат, господство временщиков и любовниц, чем неоднократно пятнали себя разные европейские дворы в новые времена, не создавали ль часто своего рода неприятельских лагерей среди наций, которые грабились ими и трактовались как завоеванные страны? Эта беспорядочная жизнь, это забвение долга со стороны государей не расшатывали ль престолов гораздо более, нежели революционные книги или недостаток твердости, в чем обвиняют министров Людовика XVI? Чтоб ограничиться нациями, шествующими во главе новой цивилизации, остановим взгляд на Соединенных Штатах Америки: великая республика в течение годов подтачивается инстинктами наживы, отчего подкуп и продажность приняли там колоссальные размеры. Для дополнения этих примеров другими — из области политики внешней, да позволено будет напомнить бомбардировку Копенгагена, дело Пачифико Греции, торговлю опиумом с Китайцами, не говоря о многочисленных инцидентах британской политики в Австралии, на Ямайке, в Афганистане, в Индии, каковая в новейшие времена до странности стала похожа на политику Венеции в Леванте.

Эти немногие примеры являют ли лицо христианского человечества более утешительным, нежели мрачные стороны Венеции XVI века? Наш век, будучи беднее XVI великими людьми, возвышается над ним значительно по количеству добра, благодаря распространению просвещения, а также, быть может, появлению на исторической сцене новых актеров; но, с тем вместе, — точно таков уж закон развития человечества! — он много превосходит его по сумме зла.

Даже приняв во внимание самую темную сторону старинной Венеции, тайную деятельность Совета Десяти по политическому убийству, — можем ли мы с полным сознанием поставить наш век выше XVI? С самого ведь начала его мы видим чередующихся между собой: карбонариев с их тайными клятвами перед Евангелием и кинжалом — *губителем тиранов*, — между коими Орсини с его бомбами, кажется, не последний; фанатических немцев вплоть до Кульмана, Гёделя и Нобилинга; польских мятежников 1830 и 1863 гг., с их жандармами-вешателями и другими тайными убийцами, снабжаемых благословением ксендзов и монахов; их сродников по духу

и союзников, воспитанников двух школ: польской (на практике) и немецкой (в теории, — крайняя левая гегельянства) — русских нигилистов-террористов, с их неслыханными преступлениями, совершенными и замышляемыми; наконец, французских коммунистов и ирландских фениев с их злодеяниями и зверствами.

Будущим историкам предстоит решить — составляли ли эти безумства и эти подлости исключительное дело тайных революционных общества, или же они были задуманы и приведены в исполнение с ведома и при некотором содействии разных политических групп и лиц, слывших вообще в свое время столпами консерватизма, порядка и религии. Только потомство будет в состоянии решить с полным знанием дела, — прекратилась ли политика тайных ухищрений с падением Венецианской республики. То небольшое, что мы знаем про Меттерниха, Прокеш-Остена, Буоля, Лудовика-Филиппа, Лудовика-Наполеона, Пальмерстона и Дизраэли — этих великих людей своего времени, — дает нам видеть в их нравственности и поведении те самые черты, которые суд истории строго осуждает во временах минувших. Кто скажет нам, что тайны политики современных государств так же хорошо известны, как и политики Возрождения? Если бы имя дожа красовалось ныне в Готском альманахе, секретные протоколы Совета Десяти могли ли бы составлять предмет исторических исследований в настоящее время?

Причины упадка Венеции заключались в ее легких завоеваниях в Леванте, не оттого — будто это сближение с Греческим Востоком было для нее вредно, но оттого, что незаслуженные приобретения и богатства возбуждали в ней лишь дух наживы и безразличия в выборе средств для достижения успеха. Став сильною за счет Славян и Греков, Венеция сделалась могущественною в Италии: вместе с папством республика стала сильною помехой итальянскому единству. Достаточно грозная, чтобы парализовать другие государства Италии при посредстве своих инородческих элементов, славянских и греческих, она казалась Итальянцам слишком чужою для того, чтобы они могли верить в ее гегемонию, как это имело место в наши дни с Австрией в Германии. Невзирая на все недостатки венецианской администрации, господство Венеции в Леванте было самое просвещенное и, быть может, самое сносное изо всех чужеземных режимов, какие возникали там из Крестовых походов и обломков Латинской империи в Константинополе. Противопоставляя благоденствие острова Кипра при Лузиньянах его обеднению при владычестве Венецианцев, слишком забывают о том, что Венеция получила этот

остров уже порядочно истощенный Французами, и если Киприоты впоследствии жалели подчас о французском господстве, то лишь оттого, что для населения, поработанного игом, более отдаленное всегда кажется менее тяжким. Нет сомнения, что венецианское правительство отличалось большим политическим пониманием и большею религиозною терпимостью нежели духовенство и французские рыцари, завоевавшие Кипрское царство и управлявшие им.

Турки мало-помалу вырвали у Венеции все ее греческие владения, за исключением Ионических островов; таким образом увеличение оттоманского могущества на Средиземном море совершилось за счет латинского господства, и в этом смысле оно было великим благом для Греков. Слишком слабые и слишком недостаточно солидарные, Греки были неспособны сбросить с себя чужеземное иго, сплотиться вокруг своего вождя; Турция является для них силой, которая, при всей своей бессознательности и грубости, исполнила отчасти функцию потерянной Греками Восточной империи, когда им стало непосильно сохранять гегемонию над Славянами и другими христианами Востока.

Нынче, когда Турция все более склоняется к упадку, положение христианских населений Леванта представляет на первый взгляд большое сходство с тем, в каком находились они пред четвертым Крестовым походом. Конечно, Европа не располагает нынче ни тогдашним единством, ни религиозным одушевлением, действительным или поддельным, которыми можно было бы воспользоваться для завоеваний; но чтобы возобновить свои приобретения в Леванте, который опять становится слаб и плохо защищен, для этого она всегда может найти стимул в выгодном помещении своих капиталов и в отлив избытка своего населения к странам плодородным или обилующим торговыми гаванями. Не должно обманываться насчет значения либеральных фраз о допущенном Европой праве народов располагать самими собой. Подобные хорошие вещи не для *низших* рас, каковы Греки и Славяне! Присоединение Кипра Англией и Боснии с Герцеговиной Австрией, в вознаграждение за понесенные ими расходы и оказанные Турции добрые услуги в последнюю войну с Россией, с одной стороны, объясняют нам истинный смысл положения, столь единодушно допускаемого и столь красноречиво защищаемого в Европе — о неприкосновенности Оттоманской империи, а с другой — представляют достаточное ручательство в том, что и в будущем не станут тоже спрашивать у греческих и славянских населений — желают они или нет европейского владычества.

Есть, однако же, разница между эпохой четвертого Крестового похода и нашею: тогда завоевания в Леванте были делом исключительно латинской расы, между тем как теперь, по видимости, германская раса на себя одну хочет взять эту задачу, которую в Европе любят называть «миссией возрождения Востока через Запад». Ни Французы, ни Итальянцы, ни даже, быть может, Испанцы не обнаруживают желаний отказаться от возобновления нити латинских завоеваний в Леванте, порванной вторжением и господством Турок. Но государства германской расы, Англия и Германия, как кажется, твердо решили не делиться с Латинцами ни уже совершенными завоеваниями (на Кипре, в Боснии и Герцеговине), ни теми, которые они еще только замышляют в Леванте.

Однако не должно упускать из виду двух обстоятельств, способных осложнить и сделать трудною эту миссию, на которую претендует раса германская. С одной стороны, Англия старается оправдать свои недавние и будущие приобретения в Леванте необходимостью упрочить свое владычество в Индии и влияние в Афганистане. Эти английские завоевания в странах Восточной империи никогда не заменят для Англии ее Индийской империи; они никогда не могут послужить ей надежным средством привязать ее к себе и сохранить, так как по мере водворения своего в Леванте Англия не только расстраивает свои добрые отношения с Францией и Германией, но даже естественно сообщит менее благоприятное течение своим имперским интересам в Индии и странах прилежащих. С другой стороны, Германия, невзирая на свое возвышение и колоссальное развитие своих военных сил, далеко еще не достигла объединения. Напротив, старая двойственность Германии пробуждается с неожиданной силой: она все еще представляется нам в форме двух империй, из коих одна воспринимает традиции Гогенштауфенов, продолжая борьбу с Римом, другая же, наоборот, продолжает традиции Габсбургов — «вооруженной мышцы» папства, протектора и *протеже* иезуитов. Напрасно кричат о сердечном согласии и дружбе отныне вечной этих двух императорских Германий и выставляют эту дружбу и согласие напоказ: антагонизм их традиций и преследуемых ими целей существует по-прежнему. На севере льстят себя мыслию, что Австрия нуждается в Германии из-за колонистов, а Германия в Австрии — из-за колоний. Немец-протестант дает свое благословение Австрии и толкает ее к Салоникам, радуясь наперед близкому распространению германского элемента до Эгейского моря. В этом отношении господствует большое заблуждение между Немцами-протестантами

севера и славянскими католиками Австрии, кои соперничают с первыми в мечтаниях о блаженном житье, долженствующем наступить, когда австрийское владычество водворится на месте турецкого. В самом деле, Германская Протестантская империя могла бы извлечь пользу из этого расширения Германской Католической империи лишь в случае присоединения к себе некоторых ее провинций — германских или славяно-германских. Что бы ни говорили, германский элемент есть тот цемент, который соединяет все разрозненные части империи Габсбургов. Слабые числом и теперь, Немцы Австрии в этом случае стали бы совершенно незначительны, а тогда кто поддержал бы Австрию, подобным образом урезанную, и кто стал бы распространять немецкий язык и культуру в Новой Австрии? Пусть Чехи делают все что могут для ослабления господствующего элемента в их Германской империи, пусть другие Славяне рукоплещут им, хоть и со слабой надеждой на их конечное торжество: мечта о Габсбургской Швейцарии никогда не приобретет симпатии среди населения других областей этой империи, более сильных, нежели Чехи числом или первобытною оригинальностью своей народности, а также привязанностью, которую питают к ним независимые от них соседи. Таким образом только Австрия сильная и нетронутая могла бы с успехом распространять немецкий язык и культуру в Боснии, в Герцеговине и в Македонии. Но эта Австрия, со своею германскою династией старинного происхождения, с традициями Рудольфа I и Фердинанда II, имеющая к исполнению так много священных обязанностей относительно католиков Германии и пользующаяся там столь неподдельными симпатиями партии центра, — никогда не согласится служить добровольно орудием германскому протестантству и его главе, преемнику Гогенштауфенов. Империя Габсбургов со своим германским элементом, при содействии Рима и дворянства с частью клира славяно-католических областей, напряжет все свои усилия для окатоличивания и германизации южных стран, которые будут ею присоединены или завоеваны. Но это увеличение и подкрепление Австро-Венгрии не может не нанести рокового удара делу, столь давно желаемому и до сих пор не совершенному — делу объединения Германии.

Эпоха, видевшая установление латинского господства в Леванте, еще в другом отношении отличается от той, в которую германское племя почувствовало себя призванным делать там завоевания за свой счет: тогда, в XIII и XIV веках, Греко-Славянский мир был разделен на группы малых народностей, слабо объединенных между собою; ни

Греки, властители империи, не могли более сохранять гегемонию, ни Славяне и другие народности, недовольные Греками, не были в силах занять их место, чтобы отстоять единство и неприкосновенность Восточной империи, равно дорогие и необходимые для тех и других. Тем временем стала возвышаться на христианском Востоке нация многочисленная, однородная и плотная по составу, распространенная на необъятной территории — факт, которому, после Римлян в Европе, Китайцев в Азии и Англо-Саксов в Америке, не было подобного во всемирной истории. При своем великом и чрезвычайном разнообразии географическом и этнологическом Россия, хотя не везде достигает она своих границ естественных и этнических, представляет громадный континент, коего острова и полуострова по большей части суть не русские области Европы и Азии. Таким образом они оказываются слишком индивидуализированы, слишком различны между собой и разъединены, чтобы когда-нибудь господствовать над этою континентальною массою, которая со временем все решительнее и решительнее станет действовать как нация компактная в своих прямых отношениях к этим изолированным группам. Невзирая на большое протяжение ее береговой линии и ее громадные горные массы, континентальные свойства страны значительно преобладают в России над свойствами морскими, равно как характер равнинный над горным, так что уже географически единство преобладает в ней над партикуляризмом. Среди множества племен население, по вероисповеданию принадлежащее к христианской Восточной Церкви и по происхождению к Славянскому племени — русский элемент господствует во всех отношениях материальных и моральных по своему числу, по громадности занимаемой территории, по богатству, по энергии, по оригинальности и по сознанию своего великого призвания. Если обаяние и воздействие России, распространение русской культуры и русского языка не ограничиваются в Азии политическими пределами, то тем менее можно считать Россию в Европе страной совершенно уединенною, без родства, без друзей и союзников.

Между Россией и странами романо-германскими или Европой собственно так называемую находится часть того, что некогда именовалось Славией или Славонией, и Грецией материковою и островною, то есть страны, из коих одни по племени, другие по религии, своему прошедшему, все по своему социальному состоянию, по культуре, по своим стремлениям и национальным интересам гораздо теснее связаны с Россией, чем с Европой. Мы не включаем сюда тех областей западнославянских, которые по своей истории до такой степени,

так сказать, объевропеились, т. е. латинизировались, германизировались, что славянский элемент доведен здесь до пропорции незначительной или до неспособности самостоятельно развиваться; мы разумеем лишь те западнославянские страны, где славянский элемент значительно преобладает над другими инородческими элементами. Следовательно, не к Западу или романо-латинской и латино-протестантской Европе должны быть причислены Греки и Румыны. Румыны, хотя они и романского племени, единоверцы Греков и Русских и наравне с Албанцами и Мадьярами должны быть отнесены к тому христианскому миру, который не есть ни Европа, ни Азия. Как по своему прошлому, так и по своему соседству, Албанцы и Мадьяры до такой степени переплелись, первые с Греками и Славянами, а вторые со Славянами и Румынами, что составляют нераздельную часть христианского мира Востока.

Пока эти греко-славянские населения будут охранять свою индивидуальность и свою национальную независимость, их хорошо понятый интерес и их организм всегда будут побуждать их, особенно в моменты критические, искать опоры в России против Европы, а не в Европе против России. Организм и интересы этой последней требуют только неприкосновенности, сохранения свободного развития этих народностей. России нужны только их верность своему прошлому и своему призванию, их дружба и их доверие, а вовсе не их земли для ее колоний. Располагая уже громадными невозделанными пространствами, Русский народ в видах колонизации открыл себе пути в Азию и безостановочно пролагает новые.

Документы моего сборника, касающиеся греческой народности, а также несколько моих заметок, посвященных рассмотрению ее важности в современной истории христианского Востока, быть может, не останутся без действия на укрепление в молодом поколении русских ученых все более развивающегося вкуса к историческому изучению Греции средних веков и нового времени.

Французский язык моей книги не может составить трудности для русских читателей, между тем как для читателей греческой народности он, быть может, облегчит пользование настоящим сочинением. Хотя русский язык довольно распространен и в употреблении у большого числа Греков, живущих в России или поддерживающих с нею постоянные сношения, приходится все-таки пожалеть, что образованные классы Эллинского народа не высказывают достаточно интереса и прилежания в изучении русского языка, столь необходимого греческим ученым, посвящающим себя трудам по истории

Византийской империи, Восточной церкви и Греции под латинским и турецким владычеством — истории, знание и понимание которой всегда будет недостаточно, куда будет в забросе изучение религиозной, общественной, политической и литературной истории России.

В течение последних двадцати лет призраком панславизма и греко-болгарскою распрей воспользовались кое-где для того, чтобы напугать Греков и ослабить историческую связь, соединяющую их с Русскими. Живое раздражение сказалось в текущей печати, которая подчас наполнялась оскорбительными выходками и злобными чувствами; но народные симпатии, образовавшиеся веками, покоятся глубоко в массах и не изменяются по ветру газетчиков политических партий, всегда столь многочисленных и столь непостоянных.

Пишущий эти строки с чувством душевного утешения вспоминает о своем путешествии и пребывании в Греции в 1864 г., когда в различных местностях Морей ему было оказано так много неподдельной симпатии единственно потому, что он Русский. Всякий добросовестный и умный Грек понимает очень хорошо, что Русские не могут допустить эллинизации Болгар, своих братьев по племени и вере. Но из этого вовсе не следует, чтобы во всяком препирательстве между Греками и Болгарами мы всегда и везде должны были принимать сторону последних.

Пора образованным классам Греции, со свойственною им умственную проницательностью, исследовать эти славянские стремления, которые принято называть панславизмом. Они видят, что все то, что он заключает в себе разумного и практического, большую частью есть результат векового воздействия Греков на Славян и воспитания данного им Церковью и Восточною империей, которая до последнего Комнина была вообще достойно охраняема Греками. Но со времени взятия Константинополя Латинцами вплоть до взятия его Турками Греки оказывались слабыми для сохранения своей гегемонии на христианском Востоке и для поддержания империи или конфедерации, которая долженствовала служить охраной свободы и независимости восточного христианства от покушений на них мира латино-германского.

Этот разумный и умеренный панславизм относится с почтением и симпатией ко всем справедливым и благородным стремлениям греческой народности. Русские, коих упрекают этим панславизмом, верят даже, что связи религиозные, общественные и исторические окажутся сильнее племенных и что в разных обстоятельствах и во многих отношениях интересы и стремления Румын и Греков, наших

единоверцев, ближе сердцу России, нежели интересы и стремления Поляков, Чехов и Хорватов, кои вообще столь горды и довольны тем, что состоят на службе у Запада под эгидой Рима.

Так как мы уже коснулись этого пункта, то в избежание всяких недоразумений изложим здесь с полною откровенностью существенные различия, отделяющие Русских от Поляков, Чехов и Хорватов, несмотря на симпатию, которую внушает нам общность племенного происхождения.

По отношению к Полякам мы вообще искренние друзья Польши этнографической и решительные враги Польши исторической, так как она есть чистое отрицание нашего национального единства. Что касается Русской Польши, которую Поляки называют *Kongresówka*, то, по нашему скромному мнению, было бы непростительно ошибкой со стороны русской политики отступать от главных основ программы Николая Милютина и возвращаться к проекту маркиза Велёпольского или чему-либо подобному. Потому мы отнюдь не посоветовали бы русскому правительству закрыть в Польше русскую среднюю и высшую школу и ввести вновь польский язык в администрацию и суды. Россия не Австрия, которая почти вся состоит из разных Польш, которая не обладает вовсе национальным единством и в которой господствующий элемент оказывается в значительном меньшинстве. Мы не желаем, однако, никаких ограничений в употреблении польского языка в церквах, театрах, печати и литературе — во всех проявлениях общественной жизни. Напротив, мы желаем от всего сердца всякой возможной свободы и всякого возможного процветания польской литературе и народности. В Польше по сию сторону Вислы пропорция населения по происхождению русского и литовского до того значительна, что было бы бессмыслицей и вопиюще несправедливостью вводить там обязательное употребление польского языка в публичном обучении, администрации и судах. Польша по ту сторону названной реки в таком количестве населена Евреями и Немцами, что было бы абсурдом со стороны русского правительства себе во вред полонизовать этих многочисленных подданных и колонистов империи, которые вовсе не польского происхождения и в то же время всячески заинтересованы основательно знать язык государства.

Мы испытываем живую радость при виде возрастающего экономического благосостояния Русской Польши, в чем нельзя отрицать доброго действия органических законов 1864 г. об устройстве сельского состояния. Мы искренне желали бы тех же выгод Полякам, обитающим по ту сторону границы, если бы оказалось, что в экономическом от-

ношении они уступают нашим. Мы постоянно с заботливостью следим за успехами польской литературы — в Варшаве ли, Кракове или Познани, равно и за возрождением польской народности в Силезии. Но мы энергично протестуем против той системы действия, какую практикуют нынче Поляки в Восточной Галиции, и скорбим об этом, видя в этом доказательство, что, к несчастью, они остались прежние, ничего не забыли и ничему не научились. От этого поведения Поляков по отношению к русской народности в Галиции можно ожидать только вреда и печальных последствий для самих Поляков.

По нашему воззрению совершенно личному и чисто академическому, мечта о соединении Варшавы с Краковом не представляется безусловно неосуществимой, если бы когда-нибудь могло состояться соединение с Киевом Львова, который связан со Всероссийей нерасторжимыми узами. Тогда наши Поляки, отделенные от нас границами и таможенным кордоном, могли бы по праву развивать свою национальность и придать официальный характер своему языку во всех сферах. Но, говоря откровенно, соединение Поляков варшавских и краковских с их познанскими братьями представляется нам невозможным, разве по добровольному согласию Пруссии, что маловероятно. Ни один разумный Русский никогда не решится посоветовать своему отечеству ссориться с Германией из-за Прусской Польши, германизация коей так уже далеко ушла вперед.

За сим обращаемся к Чехам. Не может быть сомнения в том, что мы с полнейшим сочувствием относимся к их настойчивым усилиям воскресить свою народность и твердо стать на ноги. Но мы не станем скрывать, что в их национальной политике есть черты, которым мы, Русские, никак не можем сочувствовать, а в их проектах будущего некоторые такие идеи, осуществление коих, как бы ни было далеко это будущее, представляется нам совершенно невозможным. Нам тяжело видеть возрастающую силу ультрамонтанского контингента, самого мрачного, среди Старо-Чехов. Он все более и более удаляет Чехию от Славянского мира и вовлекает ее в тот грязный поток, в котором она едва не утонула в 1620 г. и из которого начала было благополучно выбираться при Иосифе II, благодаря новому дуновению свободы и благородному духу лучших своих детей. Не испытывая ни малейшего чувства нерасположения к народной чешской партии, мы думаем, однако, что как Старо-Чехи, так и Младо-Чехи слишком часто ссылаются на историческое право Королевства Чешского. Эта ссылка на историческое право кажется мне оружием обоюдоострым, потому что исторические воспоминания этого рода представляют Чехию

нераздельною частью Германской империи. Между тем, опираясь твердо на право народности и поступая справедливо по отношению к северной части Чехии, которая, надо признать, стала безвозвратно немецкою, Чехи приобретают право пред всем миром считать и делать славянскою остальную часть своей страны. Можно ли серьезно думать, что миллион с лишком Немцев, сопредельных могущественной империи, дадут соблазнить себя тенью королевства, вызываемого патриотическим чувством несколько архаического свойства?

Что до Хорватов, на их стороне наша полнейшая дружба и наше уважение в их борьбе за народность против элементов мадьярского, германского и итальянского в Венгрии, в Хорватии, в Истрии и Далматии, равно как в нелегкой деятельности литературной и научной, которую они развили преимущественно в последние двадцать лет; славянская культура и наука вообще будут им за это глубоко благодарны. Но на нас производят тяжелое впечатление их отношения с Сербами в Хорватии, в Далматии, в Боснии и в Герцеговине. Хорватские патриоты, увлекшись своею мечтой об увеличении наследия баснословной короны *Звонимира*, оказывают свою, достойную сожаления, поддержку беззаконным и бесплодным попыткам отторгнуть православное сербское население Боснии и Герцеговины от его древней Церкви и народных центров. Таким образом, они становятся орудием врагов своего племени и будущности своей собственной народности.

Вообще, этот австрийский панславизм, мечтающий, сообразно с несчастным афоризмом Фр. Палацкокого, сделать из Австрии мнимую плотину, с одной стороны, против Германии, а с другой — против России, есть создание искусственное, неорганическое, не имеющее ни причины существования, ни будущности; но в руках Рима и Габсбургов он становится орудием могущественным, особенно когда приводится в действие вовремя и ловко. Его берегут, когда он не мешает, его чествуют, когда в нем нуждаются, его оттачивают либо против России, либо против Германии. Справедливость требует прибавить, что из всех Славян Австрии только Поляки Галиции, но не Силезии, и при том не народ, а только господствующие классы дворянства и духовенства, готовы почти во всякое время броситься в крестовый поход против России под знаменем папства и Габсбургов. Но миллионы Чехов, Словенцев и Хорватов, не говоря о других Славянах австро-венгерских, не питают никакой антипатии или ненависти к России и тем менее желают, чтоб их Германская империя затеяла открытую ожесточенную борьбу с нами. Напротив, они

наивно думают примирить свое славянское чувство с лояльностью относительного своего *Gesamtvaterland*'а, и как в журналах, так и в интимных разговорах мечтают о деятельном союзе Австро-Венгрии с Россией, с одной стороны, и с Францией — с другой. Поляки всегда строго порицают в своих славянских братьях это расположение к «Москве», но, не переставая кричать и горячиться против «Москалей», по зрелом размышлении, они, по-видимому, готовы бы были отказаться от осуществления своей *idée fixe* при помощи Австро-Венгрии. И это понятно. Сельское население Западной Галиции имеет довольно верные сведения о положении польских крестьян в Русской Польше и не питает никакой вражды к «Москалям» и их Царю; оно не увлекается также, по примеру образованных классов, ни конституцией 3 мая, ни золотым веком Сигизмундов, ни старыми границами от моря до моря. В глазах названных классов равнодушные слова ко всем этим волшебным словам, по всей вероятности, не имеет особого значения. Но что для них должно иметь большую важность — это то, что Австрия замышляла отторгнуть Царство Польское от России в Крымскую войну и вскоре после Виллафранкского мира (в 1862—1863), когда во Франции царствовал Лудовик-Наполеон. Нынче ни Франция, ни даже Италия и Испания, эти новые союзницы Австрии, вовсе не могут пригодиться ей в сем деле. Ей не остается ничего другого, как рассчитывать на главного своего друга и союзника — Германию; но г. Бисмарк в 1854 г., тогда прусский посланник во Франкфурте, находил, что в случае, если Польша будет отнята у России, полезнее просто присоединить ее к Пруссии. Позволительно сомневаться, чтоб он, сделавшись канцлером Германской империи, воспылал большею ревностью о благе Австрии или Поляков. Затем, весьма недавно старый противник германского единства в той форме, в какую оно облечено, г. Константин Франц, выразил свою любимую мысль о простом и недорогом способе посократить Россию — через прирезку Варшавы и Вильны к Пруссии, а Киева к Австрии. Благородный публицист надеется даже, что он покинет сей мир не прежде, как увидав осуществление своего великого плана. Комбинации этого рода относительно будущности Польши едва ли могут соблазнять даже Поляков галицких и должны необходимо содействовать к сближению их с другими Славянами Австрии, кои вовсе не желают разрыва с Россиею.

Этот же австрийский панславизм еще гораздо более могуч как орудие в руках Вены и Рима против протестантской Германии. Надобно признать, что если что-либо, что могло бы объединить это

великое собрание мелких славянских народностей Австро-Венгрии и заставить их действовать дружно, то только их старинное нерасположение к Германии. Не тайна, что и другие населения империи Габсбургов, не исключая даже Немцев, когда они ревностные католики, не любят тоже северных Немцев-протестантов, хотя, быть может, и не в такой степени, как Славяне. В то же время большая масса католического населения протестантской империи, руководимая столь хорошо организованною партией, как партия центра, прочною, хотя и невидимую связью соединена с Иннспруком и Римом и своими сердечными симпатиями влечется скорее к Вене, чем к Берлину. Да и не одна партия центра вздыхает о том порядке вещей, который существовал до 1866 года; к ней присоединяются обломки бывших федералистов, приверженцы государств малых и средней величины, последователи Триады и вообще старая партия Великой Германии. Партии республиканская и социалистическая, тяготея к республиканской и революционной Франции, естественно не чувствуют никакой симпатии к Риму или к Габсбургам, но как элемент антимонархический и стремящийся к перевороту, легко могут быть вовлечены в широкий католический союз Гвельфов против Гибеллинов. В эти последние времена партия Гвельфов испытала всюду чувствительные неудачи вследствие падения империи во Франции, объединения Италии со столицей в Риме и образования протестантской империи. Ультрамонтанизм в Италии и Испании, равно и в Германии, не побрезгает войти в сделку с республиканскою и социалистическою партиями, дабы сообща нанести удар гибеллинскому порядку, который торжествует нынче в этих странах. Все то, что мечтает в Европе о возмездии, о восстановлении равновесия, нарушенного трактатом Парижским и Франкфуртским, с горячим нетерпением ждет упрочения этой великой подземной лиги Гвельфов. Но могучая военная организация Германии, ее громадные оборонительные и наступательные средства, колоссальная деятельность гениального человека, стоящего в ней у кормила, — заставляют эту лигу медлить ударом, который она задумала нанести воскресшей империи Гогенштауфенов.

Таков антагонизм, разделяющий бóльшую часть Европы, или романо-германские страны Старого Света. Взаимная ненависть так глубока, принципы и интересы так несходны, что примирения и согласия между двумя враждующими лагерями можно ожидать не ранее, как после борьбы и решительного поражения одного из противников.

Та партия, что лежит ныне повергнутая во прах, но далеко еще не побеждена, наиболее желает отдалить срок этого столкновения и убаюкивает себя надеждой, что ей удастся сначала стравить победоносную Германию с Россией: пусть де пожирают друг друга ересь и схизма — *ad majorem Dei gloriam*, пусть две самые могущественные империи на континенте ослабляют и разоряют себя взаимно на пользу и во славу демократической и социальной революции. Это общее желание составляет пункт схождения черных и красных всей Европы. Как бы ни был счастлив исход этой борьбы наследников Гогенштауфенов, во всяком случае протестантская империя вышла бы из него ослабленная надолго экономически и в военном отношении. Тогда-то пробил бы час возмездия, тогда-то Гвельфы бросились бы на новое сооруженное здание и начали бы его растаскивать с запада и юга, между тем как с восточной стороны стоял бы у него непримиримый враг.

Таков смысл и такова задача ожидаемого и желаемого столкновения между Германией и Россией. Одна из главных ролей в этой подготовительной работе возложена на австрийский панславизм вообще и особенно на братьев наших Поляков, в качестве покорных слуг и испытанного орудия ультрамонтанства.

В России перед русскими либералами упирают на общность происхождения и призвания противодействовать нашествию германизма, — пред русскими консерваторами охранительный характер папства расписывают как единственное убежище от революционного духа, напоминают им счастливые времена Священного Союза и спасительные принципы великого Меттерниха. В Германии — внушают Немцам, будто Русская Польша ждет не дождется прихода Немцев, будто их встретят там с распростертыми объятиями, чтобы вместе предпринять поход на общего врага цивилизации.

Австрийский панславизм, у Чехов и Хорватов особенно, глубоко убежден в неизбежности борьбы Славянского мира с германизмом и в общности интересов Славян и Латинцев. По этому пункту различие воззрений между австрийским панславизмом и тем, который можно бы назвать русским, радикальное. Без сомнения, если борьбе этой суждено возгореться, Россия ее примет, повторяя слова Петра Великого по поводу Карла XII: «на начинающего Бог», и будет сражаться против германизма с большею верой, с бóльшим упорством и смелостью и более продолжительное время, чем то делали западные Славяне в своей отчаянной вековой борьбе с Германией.

Мы не думаем, однако, чтоб эта предполагаемая борьба зрела в лоне будущего и чтоб она была близкою историческою необходимостью. Старинная ненависть и ожесточенная борьба Славян западных с германизмом была прежде всего результатом того исторического воспитания, коего действия, благодарение Богу, Россия вместе с другими восточными Славянами на себе не испытала. В Славянских странах Запада романизм был главным вожатым германизма и заставил эти народы сделаться или вассалами или подданными империи Карла Великого и его преемников. Это он чрез иезуитов расслабил и развратил Словенцев, Хорватов и Поляков... Чехия после Белогорской битвы едва не была уничтожена... Хотя в последнее время папство изменило свои приемы относительно западных Славян и притворяется теперь другом Славян, нет сомнения в том, что, когда служба их будет исполнена, Лев XIII или преемники его пожертвуют ими Германии Габсбургов, как Григорий X в критический момент отступился от Оттокара I ради императора Рудольфа I.

Отношения России к Германии совершенно иного свойства. Заодно с Греками и другими христианами Востока мы всегда выказывали большое почтение к римскому епископу или патриарху, пока он не переступил основного закона христианства, которое поддерживало и поддерживает внутреннее единство церкви, и высокомерно не провозгласил себя Христовым наместником и главой церкви. В короновании Карла, короля Франков, мы всегда видели только акт узурпации со стороны епископа, взбунтовавшегося против законного своего государя, а Карла Великого и его преемников вовсе не считали истинными и законными наследниками Константина Великого и Юстиниана I, как в то время, когда мы признавали по праву императоров и империю в Константинополе, так и тогда, когда, по падении этой последней, Россия сама сделалась империей. В самом деле, мы признавали империю Карла Великого, где бы она ни существовала — во Франции ли или в Германии, и всегда старались быть с нею в добрых отношениях и воздавать услугой за услугу, лишь бы она не вмешивалась в нашу сферу. Если и бывала у нее борьба, как окончившаяся под Севастополем или на Березине и в Париже, — ни по размерам, ни по результатам она не может быть сравнима с борьбой западных Славян против империи Франков или Германов. Россия и Германия — слишком близкие соседи, чтоб от времени до времени не возникало между ними недоразумений из-за промышленного и торгового соперничества, но они не такого рода, чтобы вызывать войну на жизнь и смерть. Это было бы, пожалуй, возможно, если бы

германское единство совершила не протестантская империя, а католическая, т. е. не Гогенцоллерны, а Габсбурги, которые поставили бы свою задачей сделать из Германии армию папства и направить ее против греко-славянской *схизмы* и главного ее представителя — России. Император Фридрих II искал и нашел друга в императоре Никейском Иоанне Ватаци, и если бы не тогдашняя слабость Восточной империи, которая не могла оказать ему никакой действительной помощи, судьба Германской империи и Гогенштауфенов были бы без сомнения иные. Мы не можем придавать большой важности тому, что принято называть *Drang nach Osten*, и верить в прогрессивное нашествие германских масс на Славянские страны. Мы думаем наоборот, что ввиду постепенного уменьшения Европы вследствие безостановочного возрастания других частей света, пользуясь развитием своего военного и торгового флота, а равно тем естественным течением, которое приняла эмиграция, Германия последует примеру Англии и Франции и будет стараться заводить колонии в Африке, где таковой, если не испытает задержки в развитии, в течение какого-нибудь полустолетия может дойти до двадцати миллионов душ и даже более. Германской национальности предстоит в Америке блестящая будущность: так как Англичане не распространяются за пределы своих колоний, а любовь к родине (*home rule*) заставляет Ирландцев возвращаться в Ирландию, то остаются одни Немцы для населения и культуры этих обширных невозделанных территорий Северной Америки. Таким образом, цивилизация Нового Света могла бы только выиграть от того, что представителем ее является не одна национальность англосаксонская, но и другие еще, столь же богато наделенные от природы и обладающие теми высокими качествами германского гения, коих недостает первой. Там настоящее поле для распространения германского племени, а не в Славянских странах, где немецкие колонисты, не будучи желанными гостями, с каждым новым поколением встречали бы тысячи разных препятствий и житейских столкновений, которые сделали бы для них невозможным мирное житье и благосостояние, и где немецкий язык нашел бы все более и более преуспевающего соперника в языке русском, родственном всем наречиям, какими говорят в этих странах, и столь хорошо приспособленном к тому, чтобы некогда сделаться общим языком всего племени (ή κοινή διάλεκτος), не упраздняя, впрочем, литературной обработки всех этих наречий.

Что касается нынешней борьбы Славян западных с германизмом, то нужно согласиться, что по приемам как таковая ведется Славяна-

ми, они всегда будут в проигрыше. Было бы ошибочно думать, что немецкая культура успешнее распространяется между Славянами насилем. Какова бы ни была внутренняя организация Австрии, пока она будет иметь армию, рейхсрат и другие центральные учреждения, она должна будет сохранять государственный язык; Славяне этой империи, как бы ни были они многочисленны, довольствуясь своими наречиями и не имея общего славянского языка, никак не в состоянии будут обойтись без основательного знания языка немецкого как своего собственного. Один даровитый австрийский министр, барон фон-Брук, весьма справедливо говаривал, что германский элемент в Австрии может только выиграть, если славянским народностям и их наречиям будет предоставлена всевозможная свобода. Борясь с германизмом, Славяне нередко лишь защищают романизм, который утвердился у них вследствие изгнания учеников св. Мефодия и запрещения славянского обряда, а затем, после быстрых успехов реформации и гуситства, был восстановлен пресловутым апостольством Фердинанда II и иезуитов. В обоих этих случаях победа Рима привела к торжеству германизма в этих Славянских землях. Славяне-католики вращаются таким образом в заколдованном круге, забывая постоянно, что есть две Германии — протестантская и католическая, что, борясь с первой, они укрепляют вторую, коей являются послушным орудием. В своей национальной борьбе Славяне употребляют неравное оружие; они выступают на арену как малые племена против большой, объединенной нации, восторжествовавшей уже над тем состоянием партикуляризма, в коем им нравится пребывать. Литературному всемирному языку они противопоставляют свои наречия, ограниченные их малыми территориями и малым числом жителей. Не успели ль бы Немцы навязать Венеции, после присоединения ее к Австрии, свой язык, как орудие высшей культуры и как орган официальный, если бы Венецианцы ограничились своим диалектом и игнорировали бы наречие тосканское?

Как бы ни был пессимистичен взгляд на внутреннее положение России и других стран ей единоверных или единоплеменных, можно утверждать, что нынешнее состояние Греко-Славянского мира по отношению к Европе не внушает особенно тяжелых опасений и не дает основания предвидеть неизбежное и тем более удачное повторение четвертого Крестового похода, хотя на этот раз он должен бы был привести к торжеству Германцев, а не Латинцев.

Положение нашего Востока относительно Запада в прошлые века бывало неоднократно трудное и с виду отчаянное, но Провидение

спасало нас, как бы желая сохранить нас для будущих времен. Если бы великая и независимая роль не была припасена в истории этой значительной части христианского человечества, мы бы исчезли гораздо прежде, мы бы стали чем-нибудь в роде Фраков и Кельтов, ассимилированных другими народами, которые привили им свою цивилизацию. Мы верим, что наша судьба счастливее, что мы не будем поглощены, но что мы призваны создать новую культуру, разнообразную, оригинальную и богатую, распространить ее в разных странах и привить другим народам земного шара: все, что ни есть прочного и замечательного в том, что мы сделали в науке, искусстве и литературе — не более как слабый намек на то, что совершит некогда русский гений, достигнув своей зрелости.

Когда наш Восток был слаб и неспособен защищаться от могущественного и гордого своего противника, когда наши силы были разделены и рассеяны, Провидение посылало варваров нам на помощь, в последний раз Турок, которые долго были ужасом Запада и которые, угнетая нас и являясь для нас бедой, сохранили нас до того момента, когда должен был пробить час нашего выступления на сцену истории в качестве независимых актеров. Если теперь не появляется и не может явиться защитника из чужого мира — это, на наш взгляд, лучшее свидетельство, что наш Восток не нуждается в нем более и что у него довольно уж собственных сил, чтоб обеспечить свою целостность и свою независимость. Где покоится теперь зерно этих сил и путеводящая их мысль — на этот счет Славяне и христиане Востока не могут быть в неизвестности. В Русском народе, как ни мало он воинствен, живет некоторая непоколебимая, граничащая с фанатизмом вера в свою непобедимость. Илья Муромец, любимый богатырь наших эпических песен (былин), обыкновенно всегда побеждающий и ни разу не побежденный, имел однажды неблагоприятную встречу с чужим богатырем. Лежа под ним, Илья, как говорится в песне, думал: «У Св. отцов писано, апостолами предвидено, что Илья не может пасть на поле битвы, а вот Илья под пятой своего супостата! Как только он это подумал, к нему вернулась его сила втрое, и он убил противника».

Мы с своей стороны тоже думаем, что Россия не может пасть от открытой борьбы и не умрет, как только от глубокой старости, по примеру народов древних, окончивших свое поприще. Но, кажется, еще далеко до такой старости. Кроме того, мы не ужасаемся аспираций и не страшимся триумфов германского господства в Леванте по следующим причинам. Как ни разделены между собою латинские народности, как ни слабы они оттого в сравнении с германским

племенем, это последнее все-таки, в политике точно так же, как и в умственной культуре, не охватывает всей Европы, и народы романского племени далеко еще не стертые и не побеждены. Существуют в самом деле важные спорные вопросы между Францией и Германией, между Италией и Австрией, например, относительно Тироля и господства на Адриатике. Эти споры не могут быть улажены ни победами Немцев на Востоке, которые предстоит им одержать, ни дурного вкуса подражаниями Наполеоновских созданий, какова, например, попытка основать нечто в роде *Рейнской конфедерации* на Балканском полуострове. В самом Германском мире тоже нет недостатка в глубоких противоположностях. Голландцы, Датчане, а с ними Шведы и Англичане, по многим пунктам, имеют стремления совершенно иные, чем Немцы. Великобритания, став твердою ногой в Египте, для поддержания порядка в Индии и Афганистане, не нуждается вовсе в приобретениях каких-нибудь важных пунктов в странах бывшей Восточной империи. Она скорее отказалась бы даже от Кипра, как поступила некогда с Ионическими островами, чем помогать католической Германии овладеть Балканским полуостровом, или водвориться на Архипелаге протестантской Германии. Даже в этой последней, как известно, согласие установилось далеко еще не полное, и ее объединение без миллионов Немцев австрийских не может считаться оконченным. Австрийский панславизм и движение Австрии на юг — не есть путь, ведущий к этой цели. Независимо от этого несходства политических и национальных интересов, старая Европа представляется нам разделенною на несколько Европ, сильно обособленных: Европа Григория VII и Бонифация VIII, Пия IX и Льва XIII, Европа Лютера и Кальвина, Европа 1789 г. ... т. е. католицизм силлабуса, протестантизм, разбившийся на бесчисленные секты, верования, окончательно порвавшие с христианством, склоняющиеся то к оптимизму, то к пессимизму, как *новая* мещанская *вера* Штрауса, вера К. Маркса и четвертых слоев, *вера будущего* Гартмана, которую предстоит еще построить по результатам будущих солидных изысканий о древних религиях Востока.

Старое единство Европы заключается нынче только в том, что каждая страна воспроизводит или отражает более или менее глубокие разделения, разбившие на обломки европейское сознание, некогда единое. Так как вера более всего определяет характер людей и народов и образует, так сказать, их настоящее единство, то коренное несходство по предмету верований все более и более разделяет Европу на ревнивые и враждующие группы, из коих каждая стремится

составить свое отдельно единство. Видя исчезновение нравственного начала единства, не ухватились ли с жадностью за начало народности для того, чтобы в нем найти убежище и корректив против расторгающего все связи индивидуализма, который растет безостановочно?

Невзирая на искреннее наше расположение и чувства удивления, почтения и благодарности ко всему тому, что европейская культура создала прекрасного, великого и вечного, мы, признаемся, не находим в себе — будь это даже возможно, — не только смелости, но и побуждения желать нашему отечеству и всем народам нашего племени и нашей веры перестать быть самими собой и стараться стать Европой. Которую, праведный Боже! из всех этих Европ, — ибо их несколько и каждая из них себя самое выдает за настоящую, исключая все прочие? Да и не прямая ли выгода для всех их, что в тот момент, когда горячка национальностей утихла и с большей очевидностью сказывается нравственный разлад, все яснее и яснее обрисовывается на границах Европы образ народа, племени, страны, целого континента, который, не принадлежа вполне ни к одной из этих Европ, способен и готов отнестись с большей справедливостью и сочувствием к каждой из них, чем ее соперницы? Этим благоприятным положением Русские обязаны не своим заслугам, а своей судьбе и своему историческому воспитанию, которые соединили нас с Европой настолько, чтобы мы могли понимать и сочувствовать ей во многих отношениях, и вместе отделили нас от нее, дабы предохранить нас от порабощения ее началам религиозным, социальным и политическим. Арии и христиане, но ни Латинцы, ни Германцы, ни католики, ни протестанты, — мы не можем и не должны смотреть на первых глазами вторых, и наоборот. Ни Гвельфы, ни Гибеллины, ни феодалы-консерваторы, ни третье сословие — буржуа-либералы, ни демократы-социалисты — четвертые пласты, имея свое собственное социальное устройство, во многих отношениях отличное от такового Европы, мы должны внимательно изучать эти партии, эти мятежные согласия, эти секты, не вмешиваясь в их распри и не заражаясь их страстями... Но так же как Европа состоит из государств, которые суть реальные силы, имеющие каждая свои особенные интересы, то всякий честный Русский, по нашему мнению, должен желать для своего отечества, чтоб оно старалось жить в добрых отношениях со всеми ими и не входило бы в обязательства ни с кем иначе, как ввиду положительного интереса, хладнокровно взвешенного и рассчитанного, и притом на определенный срок. Для нас, столь еще мало успевших в науках и искусствах, в земледелии, промыслах

и торговле, положительный мир особенно необходим, и конечно не нами он может быть нарушен.

Я надеюсь, что нам извинят длину этого предисловия, если настоящим строкам удастся рассеять в благосклонных читателях ходячие ложные понятия о русском славянстве, которое нередко в Европе любят выставлять каким-то темным врагом европейской культуры и элементом разрушительным, тождественным с нигилизмом.

Европейский язык, который я избрал, и откровенность, какую я себе позволил, подвергая себя всем нападкам критики, быть может, помогут легче видеть ошибки и пробелы в моем сочинении; я сочту себя счастливым, если русские ученые молодого поколения, избегая моих ошибок и обратив внимание на большое разнообразие мнений, которые могут быть высказаны по многим материям, трактуемым в этом томе, — с тем же усердием, но с большим талантом и знанием, предадутся историческому изучению сходных предметов и обогатят русскую литературу сочинениями, посвященными как истории Венеции, так и других стран Европы и их отношениям с нашим греко-славянским миром.

Мне остается пожелать, чтобы моя книга, увеличивающая собою довольно уже большое число сочинений о Венецианской республике, писанных иностранцами, — была отнесена не к наименее полезным между ними.

В. Ламанский

С.-Петербург
1883.

ПИСЬМА О. Ф. МИЛЛЕРА В. И. ЛАМАНСКОМУ

№ 1

1859 г. в Коломне, в Торговой улице, в доме Гейденпрейха.

Мне ужасно досадно, любезный Владимир Иванович, что я позабыл сказать человеку, чтобы он просил Вас немного подождать меня: я вернулся не более как через четверть часа после Вас и мог бы провести с Вами приятный вечер. Ради Бога, не сердитесь на хлопотавшегося, не сердитесь тем более, что он сам на себя сердит, и верьте искреннему расположению

Вашего Ор. Миллера

13-го мая
1859.

Навестите когда-нибудь моих¹ в Лесном на даче Надьяни (где вы некогда жили, только на улице).

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 1.

№ 2

Вчера я узнал от Ососова², любезнейший Владимир Иванович, что Вы также готовы прочесть несколько лекций в пользу нашей

¹ Вероятно, имеются в виду дядя Иван Петрович Миллер (1800—1867) — генерал-лейтенант, член Совета Государственного контроля, и его жена Екатерина Николаевна (рожд. Чирикова) (?—1884).

² Ососов Василий Яковлевич (1-я пол. 1830-х—1877?) — экономист, переводчик, коллежский секретарь, автор книг «Городские общественные банки России. Обзор их деятельности по 1-е янв. 1871 г.» (СПб., 1872), «Обзор состояния русской промышленности за последние десять лет (1861—1871 г.)» (СПб., 1872) и др. Выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета по разряду общей словесности (1855). Учился на одном курсе с О. Ф. Миллером и В. И. Ламанским. Преподавал политическую экономию в Санкт-Петербургском практическом технологическом институте. Отец известного деятеля монархического движения А. В. Ососова.

школы¹. Хорошо бы нам переговорить на счет этого — и в четверг у меня будут некоторые из моих сотрудников по школе — не приехать ли и Вам, хотя бы и поздно — мне бы хотелось Вас познакомиться с этим, право, очень отрадным маленьким миром. Также хотел быть Благовещенский².

И так до свидания.

Ваш душою

Ор. Миллер

Вторник
17-го ноября 1859.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 3—3 об.

№ 3 <1860 г.>

И. И.³, ссылаясь на недавность своего возвращения, отказался экзаменовывать Макушева⁴, а потому Вам, Владимир Иванович, следует завтра, в пятницу, в 2 часа непременно быть в факультетском собрании.

¹ Возможно, речь идет о Второй Санкт-Петербургской гимназии, в которой в 1859 г. Миллер читал публичную лекцию по случаю юбилея Фр. Шиллера.

² Благовещенский Николай Михайлович (1821—1892) — филолог-классик, окончил историко-филологическое отделение Главного педагогического института в Петербурге (1842). Преподавал в Казанском университете (1845—1852), экстраординарный профессор Санкт-Петербургского университета (1852—1860) и Главного педагогического института (1852—1859), член Ученого комитета Министерства народного просвещения (1860—1872), ректор Варшавского университета (1872—1883). В 1859 г. в «Библиотеке для чтения» он опубликовал статьи по педагогическим вопросам «Наши гимназии» и «Наши университеты».

³ Вероятно, Измаил Иванович Срезневский (1812—1880) — русский славист, филолог и этнограф, академик (1851). Профессор Харьковского (1842—1847), Петербургского (1847—1880) университетов и Педагогического института (1848—1859). Декан историко-филологического факультета. Основатель петербургской школы славистов, учитель Ламанского.

⁴ Макушев Викентий Васильевич (1837—1883) — русский историк, славист, славянофил. Окончил Петербургский университет (1860), секретарь русского консульства в Дубровнике (1862—1865), профессор Варшавского университета (1871—1883), член-корреспондент Академии наук (1878).

Принесу Вам завтра туда печатное объявление о гимнастике, которая переведена еще ближе к Вам — на угол Невского и Б<ольшой> Садовой, туда, где был раньше трактир <<>Палкин<>>.

Ваш

Ор. Миллер

Четв<ерг> 21 сент<ября>

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 14.

№ 4 <1861?>

Вы забыли у меня, любезнейший Владимир Иванович, вместе со счетом и письмо от Вашего брата¹, которое Вам и препровождаю. Скажите, пожалуйста, каким образом переслали Вы лекции Ваши

¹ О каком из братьев В. И. Ламанского идет речь, не ясно. В семье Ламанских было 12 детей, в живых осталось 9 (8 братьев и одна сестра). В записных книжках Владимир Иванович упоминает семь своих братьев: Яков Иванович Ламанский (1822—1872) — служил в Корпусе горных инженеров (штабс-капитан), секретарь Горного комитета, редактор «Горного журнала», директор горного корпуса, директор Технологического института (с 1863); Порфирий Иванович Ламанский (1824—1875) — учился в Горном институте, изучал политэкономю в Петербургском университете, член кружка петрашевцев, знакомый Ф. М. Достоевского, губернский секретарь в Департаменте внешней торговли, чиновник Министерства путей сообщения, покончил жизнь самоубийством вследствие умственного расстройства; Евгений Иванович Ламанский (1825—1902) — крупнейший российский экономист и финансист, один из основателей и управляющий Государственного банка (1867—1883), создатель Общества взаимного кредита (1863), член комиссии по освобождению крестьян, один из основателей Литературного фонда, член кружка петрашевцев, член-корреспондент Академии наук по разряду историко-политических наук (политическая экономия и статистика) (1859); Александр Иванович Ламанский (1829—?) — военный, впоследствии ревизор Министерства государственных имуществ, историк и писатель по сельскому хозяйству (Опыт описания крестьянской промышленности Калужской губернии : (Материалы для хозяйственной статистики) // Калужские губернские ведомости. 1860. № 7 ; то же: Журнал Министерства государственных имуществ. 1860. Т. 73, отд. 4 ; О пожарах в селениях Калужской губернии // Журнал Министерства государственных имуществ. 1860. Ч. 74. № 1. Отд. II ; Граф Аракчеев накануне войны 1812 г. : Письмо его к брату Петру Аракчееву // Русская старина. 1874. Т. 10), по свидетельству В. П. Семёнова-Тян-Шанского, «очень скромный, небогатый землевладелец Лужского уезда Петербургской губернии, плодовод, имевший в селе Сёлах на реке Оредеж сад, славившийся на весь уезд» (Семёнов-Тян-Шанский В. П. То, что прошло : в 2 т. Т. 1 : 1870—1917. М. : Новый хронограф, 2009. С. 665, примеч.); Константин Иванович Ламанский (1839—1885) — видный судебный

Каткову¹; с кем-нибудь или по почте? Если последним способом, то напишите, как адресовали, и послали ли, как посылку или же как письмо? Сам бы был у Вас нынче, но хочется, пользуясь прохладным днем, позаняться. Когда едете и когда вернетесь?

Весь Вам
О. Миллер

Скажите, пожалуйста, получили ли от Свят<обрыв письма>ник Ваши книги? У меня там остался том Шекспира², и совестно, как-то, явиться за ним.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 9.

№ 5 <начало 1860-х гг.>

Любезнейший Владимир Иванович.

Завтра соберутся у нас некоторые знакомые, и мои родители просят Вас сделать им одолжение, попросить к нам завтра вечером батюшку и матушку Ваших³, а равно и сестри-

следователь в Санкт-Петербурге, писатель; Нестор Иванович Ламанский (1840—?) — юрист, экономист, общественный деятель и публицист, основатель кооперативного союза переводчиков и наборщиков, издававшего переводную политико-экономическую литературу, долгое время проживал за границей, где и скончался от психической болезни; Сергей Иванович Ламанский (1841—1901) — физик и физиолог, ученик Г. Л. Гельмгольца, профессор Медико-хирургической академии в Петербурге, затем Варшавского университета (до 1879), физик Главной физической обсерватории в Петербурге, старший техник при городской комиссии по надзору за освещением столицы (1884—1887), инспектор Главной палаты мер и весов (с 1893 г.).

¹ Катков Михаил Никифорович (1817—1887) — публицист, издатель и литературный критик. Миллер крайне негативно относился к деятельности и публицистике Каткова, как в ту пору, когда Катков входил в кружок русских западников, так позднее, когда Катков получил известность в качестве публициста консервативного направления. Миллер неоднократно выступал с критикой взглядов Каткова. В фонде В. И. Ламанского сохранилось одно письмо М. Н. Каткова (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 648), в котором он объясняет причину задержки публикации статьи Ламанского (в письме Каткова также названной «лекциями») в «Русском вестнике» и оправдывается за публикацию заметки Я. К. Грота «Два слова об Академии наук» (Русский вестник. 1861. Т. 32. Март — апрель. С. 149—152), в которой Ламанский усмотрел осуждение своей критики положения дел в Академии наук.

² Шекспир Уильям (1564—1616) — английский поэт и драматург.

³ Ламанский Иван Иванович (ок. 1790—1879) — действительный тайный советник, директор особой канцелярии Министерства финансов по кре-

цу¹; они надеются, что и Вы не поскучаете провести с нами время и примете на себя труд, передать их приглашение Якову Ивановичу². Присоединяю к сему ноябрьскую книжку <<Журнала Министерства народного просвещения>> и в ожидании с Вами завтра увидеться,

Остаюсь весь Ваш

О. Миллер

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 10.

№ 6

Прага, 10/22 июня <18>63.

Пользуясь случаем хотел немножко побеседовать с Вами, любезнейший Владимир Иванович. Надеюсь, что Вы уже оправились после болезни, о которой говорил мне добрый А. О. Патера³. Что касается

дитной части, сенатор. И. И. Ламанский происходил из бедной дворянской семьи, проживавшей совершенно по-крестьянски в дер. Ламаниха Вологодской губернии. В возрасте 8—10 лет вместе со страшим братом Ильей он пешком пришел в Петербург, поэтому впоследствии ни он сам, ни его дети не могли даже точно определить год его рождения. В автобиографических записках Владимир Иванович Ламанский указывает различные даты рождения своего отца (1787, 1788, 1790, 1791). В литературе указывается условная дата рождения И. И. Ламанского — 1793 г. Вера Ивановна Ламанская (урожд. Малоземова) (1800—1876).

¹ Ламанская Олимпиада Ивановна (1837—1915) — жена (с 18 октября 1864 г.) Матвея Васильевича Поленова (1823—1882), русского юриста, сенатора, одного из реформаторов судебной системы России, организатора и первого руководителя Московского окружного суда. М. В. Поленов был единокровным братом отца художника Василия Дмитриевича Поленова (1844—1927).

² Яков Иванович Ламанский — старший брат В. И. Ламанского.

³ Патера Адольф (Адольф Осипович, 1836—1912) — чешский филолог, директор библиотеки Чешского музея в Праге, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (1877). С А. Патерой Ламанский познакомился во время своей первой заграничной командировки. В письмах родителям он отзывался со своим новым другом: «Другой мой самый близкий мой знакомец и приятель молодой чех, лет 23, только что ныне сдающий экзамен в университете. По всей вероятности, он займет здесь кафедру славянских литератур. На этого Патеру надо возлагать большие надежды, из него может выйти нечто в роде Шафарика. Он хорошо говорит по-польски, отлично изучил лужичан, посреди которых прожил 3 месяца, знает и говорит по-русски, как не многие из наших немцев. Сын простого мужика, этот Патера, при

меня, то я все еще горе мыкаю, сделавшись жертвою проклятой берлинской кухни, которую успели отлично меня уходить в продолжение проведенных там шести месяцев. Сперва все сходило, потом разом отозвалось. Хотелось мне хоть на некоторое время пробраться в Вену, но я здесь лечусь водою, устроил себе домашний стол и, кажется, поправляюсь; ехать же в Вену боюсь, потому что каждая не <нрзб.> пища мне вредит. Грустно, Владимир Иванович, чувствовать себя обессиленным именно в то время, когда напал наконец на настоящую стезю. До сих пор я только блуждал, благодаря радужным фразам <нрзб.> и неодолимой для меня сухости <нрзб.>. Только появление сборников Рыбникова¹ и Киреевского² открыло мне глаз, указало мне на сокровища, таимые в русской народности. Хотелось бы изучению ее отдаться вполне, хотелось бы примкнуть к кругу тех немногих людей, которым принадлежит будущее России. А тут немцы опять лишили кое-как восстановившегося здоровья! Напишите, Владимир

всей своей учености, сохраняет всю прелесть того добродушия и наивности, которым отличается крестьянин вообще, славянский в особенности. Трудно Вам описать его ласки и его предупредительность. Он знает многих русских, Лавровского, Ровинского, Троянского, Петровского с женою, который недавно только выехал из Праги. Этот Патера много читает по-русски, очень любит Хомякова, постоянно читает День» (7 июня 1862 г. из Праги. СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 25 об.), «Адольф, мой приятель — будет в чехах вторым гудлицким Юнгманом. Он будет профессором славянских наречий в Пражск<ом> унив<ерситете> и профессором прекрасным» (9 июня 1862 г. из дер. Гудлицы. СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 28 об.). Ламанский путешествовал по Чехии вместе с Патерой и жил в деревне в доме отца Патеры. Сохранилось несколько писем Патеры Ламанскому, опубликованных в «Документах к истории славяноведения в России (1850—1912)» (М. ; Л., 1948). Последнее письмо Патеры (неопубликованное) было написано по-русски.

¹ Рыбников Павел Николаевич (1831—1885) — русский этнограф и фольклорист, собиравший материалы преимущественно на русском Севере (Олонецкая губ. и др.), опубликованные в четырех частях в издании «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (Ч. 1. М., 1861; Ч. 2. М., 1862; Ч. 3. Петрозаводск, 1864; Ч. 4. СПб., 1867). Четвертая часть вышла под редакцией и с предисловием Миллера.

² Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — русский фольклорист, писатель и переводчик, славянофил. «Песни, собранные П. В. Киреевским» были опубликованы уже после его смерти (Ч. 1. Вып. 1—4. М., 1860—1862; Ч. 2. Вып. 5—7. М., 1863—1868; Ч. 3. Вып. 8—10. М., 1870—1874).

Иванович, хоть строчки две человеку, который давно привык Вас уважать, теперь же особенно ценит избранную Вами дорогу. Я пробуду здесь еще неделю, может быть, если водяное лечение будет все более и более помогать мне, и две недели. Потом отправлюсь в Киль для купания в море, в котором можно будет сладить знакомство с Вейнгольдом¹. Еще одна просьба, Владимир Иванович: доставьте эти карточки Востокова² по принадлежности — кому сами, кому через Раевского³. Они были отправлены со мною Срезневским⁴, думавшим, что я буду в Вене. Прошу Вас еще об одном: как-нибудь случайно не напишите Вашим, что я писал Вам такое грустное письмо. Это могло бы дойти до моих добрых родных и только понапрасну встревожить: я теперь все-таки значительно поправляюсь. В ожидании от Вас весточки, остаюсь Вам истинно преданный.

Ор. Миллер⁵.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 4—5.

№ 7 <1865 г.>

Павловск, 29-го июля.

Любезнейший Владимир Иванович. Некий белорус, А. И. Барановский⁶, желал бы весьма с Вами познакомиться. Напишите мне, бываете ли Вы в городе, и когда бы я мог его адресовать к Вам. Я же обитаю здесь на Солдатской, д. Куна. Не грешно бы Вам когда-нибудь

¹ Вейнгольд Карл (1823—1901) — немецкий филолог, профессор Берлинского университета, член Академии наук.

² Востоков Александр Христофорович (наст. имя Александр Вольдемар Остенек, 1781—1864) — российский поэт, филолог, славист немецкого происхождения. Член Российской академии (1820) и Санкт-Петербургской Академии наук (1841).

³ Раевский Михаил Федорович (1811—1884) — протоиерей, настоятель русской посольской церкви в Вене, писатель, деятель славянского движения.

⁴ См. письмо 2. примеч. 1.

⁵ Ответно письмо В. И. Ламанского см. в наст. изд. (С. 472—475).

⁶ Вероятно, Антоний Барановский (1835—1902) — католический священник, филолог, поэт. Окончил Католическую Духовную академию в Петербурге (1862), профессор Императорской Римско-католической Духовной академии в Санкт-Петербурге (1865), профессор Ковенской Духовной академии (1866—1884), епископ Сейны (с 1897), преподаватель и исследователь литовского языка.

заглянуть сюда, — так бы уж на целый день. Присылаю остаток и мою брошюру¹, на которую, говорят, Пыпин² готовит ответ.

Ваш

О. Миллер

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 15.

¹ Вероятно, речь идет о брошюре О. Ф. Миллера «Славянский вопрос в науке и в жизни (По поводу «Обзора истории славянских литератур А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича». СПб., 1865). Антиславянофильская позиция А. Н. Пыпина была выражена во введении и главе «Возрождение и панславизм». Критику славянофильства А. Н. Пыпин открыто высказал еще в рецензии на издание магистерской диссертации В. И. Ламанского (*Пыпин А. Н. О славянах в Малой Азии, Африке и в Испании. Сочинение В. Ламанского // Современник. 1860. № 4. С. 309—328*) и в последующих работах неоднократно выступал с антиславянофильских позиций. Брошюра Миллера была частью полемики славянофилов с Пыпиным. Пыпин откликнулся на нее статьей в журнале «Современник» (*Пыпин А. Н. Несколько слов о «народных началах» и о «цивилизации» (В ответ на книжку: «Славянский вопрос в науке и в жизни» Ореста Миллера. По поводу «Обзора истории славянских литератур А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича». СПб., 1865) // Современник. 1865. Т. CVIII. Отд. II. С. 143—164*). Знакомство Миллера с Пыпиным относится еще к студенческим годам. Несмотря на то что Миллер учился двумя курсами младше Пыпина, он вместе с ним принял участие в конкурсе на золотую медаль, представив сочинение о комедиях Сумарокова, Фонвизина, Княжнина и кн. Шаховского. Золотую медаль получили оба, но Пыпин позднее отмечал, что Миллеру в этом конкурсе «протежировал» А. В. Никитенко (*Пыпин А. Н. Мои заметки. Саратов : Соотечественник, 1996. С. 112*). Публицистическую направленность работ Миллера Пыпин отмечал в обзоре отечественного славяноведения (*Пыпин А. Н. Русское славяноведение в XIX-м столетии // Вестник Европы. 1889. № 9. С. 262*). В том же году он опубликовал некролог О. Ф. Миллера (*Пыпин А. Н. Орест Федорович Миллер // Вестник Европы. 1889. № 7. С. 438—442*). Во втором издании своего исследования Пыпин несколько ослабил его антиславянофильскую направленность (*Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Изд. 2-е. СПб., 1879—1881. Т. 1—2*). Критическую рецензию на этот раз опубликовал В. И. Ламанский (*Ламанский В. И. История славянских литератур А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича // Русь. 1880. № 1, 3, 5, 7; 1881. № 8*). Об откликах на книгу А. Н. Пыпина и В. Д. Спасович см.: *Лантева Л. П. История славяноведения в России XIX в. М. : Индрик, 2005. С. 451—464*.

² Пыпин Александр Николаевич (1833—1904) — историк русской литературы и общественной мысли, публицист, переводчик, этнограф. В 1860—1861 гг. экстраординарный профессор Петербургского университета. Ординарный академик (1898). С Пыпиным Миллер познакомился еще во время учебы в университете. Со студенческих лет дружеские отношения связывали

№ 8 <1868 г.>

Вы обещали, добрейший Владимир Иванович, быть у меня в четверг с Риголи¹; но у меня намечено приходское собрание (весьма важное) в этот вечер, а потому нельзя ли Вам назначить другой день? Подумайте об этом, а завтра сообщите в университете. Кстати, нельзя ли отменить этнографическое до будущей недели? Приезд родных по делам не дает мне возможности порядочным образом подготовиться к бою со Стасовым.

Ваш Ор. Миллер

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 16.

№ 9

Давно собирался писать Вам, любезнейший Владимир Иванович, да все не хватало времени. С половины ноября я приступил к печатанию своей диссертации², которую надеюсь окончить к маю. Вы, надеемся все мы, привезете с собой готовую диссертацию и притом политическую³. Бог помочь Вам там — вдали от всяческих треволнений настоящего мига. Нам здесь не работается так спокойно и так легко!

Слышали Вы, конечно, о новой официальной газете. Издателем будет — и это почти уже верно — В. В. Григорьев⁴. Я долго не хотел этому верить — но нет ничего невозможного под луною.

А. Н. Пыпина и с В. И. Ламанским, что не мешало им быть научными оппонентами. Об оценке Пыпным взглядов В. И. Ламанского см.: *Аксенова Е. П. А. Н. Пыпин о славянстве*. М.: Индрик, 2006. С. 343—347.

¹ Вероятно, имеется в виду «Кодекс Риголи» — сборник латинских басен Эзопа.

² *Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское*. СПб., 1869. XXVI + 830 + XXV с.

³ Докторская диссертация В. И. Ламанского «Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе» в 1870 г. печаталась частями в журнале «Заря», в 1871 г. вышло отдельное издание.

⁴ Григорьев Василий Васильевич (1816—1881) — русский историк и востоковед, выпускник Петербургского университета. Профессор восточных языков в Решельевском лицее (1838—1844), служащий Департамента духовных дел и редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (1844—1851), начальник пограничной экспедиции в Оренбургском крае (1851—1862), профессор кафедры истории Востока Санкт-Петербургского университета (1862—1878), начальник Главного управления по делам печати (1874—1880). В 1869—1870 гг. был главным редактором «Правительственного вестника». В 1868—1870 г. В. В. Григорьев возглавлял отделение этнографии Императорского Русского географического общества.

Новый журнал «Заря»¹ навлек было на себя нарекания соредакторством Стебницкаго². Теперь из редакции он себя исключил, и это относительно успокоило всех нас, сотрудников. Романы его, однако же, будут печататься.

Со Стасовым³ была у меня новая «пря»⁴ в Этнографическом»

¹ Ежемесячный литературно-художественный журнал «Заря» выходил в Петербурге в 1869—1872 гг. Издателем журнала был Василий Владимирович Кашпирев (1836—1875), фактическим редактором — Николай Николаевич Страхов. Журнал имел славянофильскую направленность. В нем, в частности, печатались книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», В. И. Ламанского «Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе», произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, стихи Ф. И. Тютчева, А. Н. Майкова, А. А. Фета и др.

² Стебницкий — псевдоним писателя Николая Семеновича Лескова (1831—1895). Первоначально предполагалось, что соредакторами журнала «Заря» будут Н. Н. Страхов, В. П. Ключников и Н. С. Лесков, но в 1869 г. у Н. С. Лескова возник конфликт с В. В. Кашпиревым из-за публикации продолжения хроники «Божедомы».

³ Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — русский историк искусства, художественный и музыкальный критик, общественный деятель. Один из ближайших друзей В. В. Ламанского.

⁴ Полемика Миллера с В. В. Стасовым была вызвана публикацией работы В. В. Стасова «Происхождение русских былин» (Вестник Европы. 1868. № 1—4, 6—7) и докторской диссертации О. Ф. Миллера «Илья Муромец и богатырство киевское» (СПб., 1869). Считается, что в вопросе о происхождении былинного эпоса Миллер исходил из положений «мифологической школы», а Стасов придерживался теории заимствований. С критикой подхода Стасова выступили многие фольклористы, в частности, А. Ф. Гильфердинг (Происхождение русских былин В. В. Стасова. М., 1868) Ф. И. Буслаев (Отзыв о сочинении В. Стасова «Происхождение русских былин». СПб., 1869), П. А. Бесонов (Заметка // Песни исторические Петрова времени. Песни собранные П. В. Киреевским. М., 1870. Вып. 8). Получив письмо Миллера в Венеции, где в то время В. И. Ламанский работал в архиве, он писал Л. Н. Майкову 10 декабря 1868 г., высказывая свое мнение о Стасове в связи с его полемикой с Миллером: «Это натура страстная, необузданная и неотесанная. Но смешно и жалко же думать, что он невежа и глупец, как хочет доказать Миллер в своей статье в Голосе. Стасов очень даровит, много знает, энергичен и умеет самостоятельно работать. Это нигде не безделица, а у нас тем паче. Его выводы о былинах конечно неуместны и преувеличены, но его статьи чрезвычайно полезны. Если он увлекается и преувеличивает, то и Миллер точно так же увлекается и преувеличивает. Что баба в Илье Муромце не баба просто и даже просто не баба, а громовая туча. Для меня это нисколько

Отд<елении>¹. Он отомстил двумя статьями в <<>Петербур<ургских> Вед<омостях><>>², где под именем «блистательного триумвирата» площадно обругал меня вместе с Бессоновым³ и Гильфердин-

не лучше самых крайних Стасовских преувеличений. На Стасова так нападать не следует, хотя бы он и забылся в своей статье, Стасов имеет положительные заслуги и вовсе не такие малые, как могут думать некоторые» (РО ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 3. № 615. Л. 7—7 об.). Помимо устной полемики О. Ф. Миллера со В. В. Стасовым в Этнографическом отделе Русского географического общества продолжалась и печатная полемика: со стороны Стасова в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Вестнике Европы», со стороны Миллера в «Голосе» и «Заре». Ламанский, скорее всего, в полемике своих друзей старался оставаться в стороне, порой высказывая недоумение о самой основе спора. «При всем моем уважении и к Миллеру, и к Стасову, — писал он в статье “Непорешенный вопрос”, — не могу понять, какая может быть связь народных былин и сказок с тою или другою современною школою, с известными философскими, этическими, социальными и политическими воззрениями. Кому придет в голову учиться мудрости, нравственности, политике у Васек Буслаевых, Дюков Степановичей и Ильев Муромцев? И что может быть обидного, унижительного и ужасного в том, например, что некоторые наши былины сходны с былинами и сказками Тюрков, Монголов, Киргизов? Разве они не такие же люди? Разве не все народы в период младенчества похожи друг на друга? У всех народов был эпический период, одни его благополучно переживают и проходят дальнейшие периоды развития, другие при былинах остаются и, не успев или не сумев создать своего государства и выработать самостоятельной образованности, мало-помалу гибнут, поглощаемые другими сильными наionalностями» (*Ламанский В. И. Непорешенный вопрос. Статья II : Болгарское наречие и письменность в XVI—XVII веках (И. И. Срезневскому) // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. СХLIII. С. 349—378. С. 119—120, примеч.*).

¹ Этнографическое отделение Императорского Русского географического общества. Открыто в 1845 г. В. И. Ламанский был председателем Этнографического отделения в 1865—1868 и 1887—1910 гг. Полемика Миллера со Стасовым опубликована в «Известиях императорского Русского географического общества» (СПб., 1869. Т. 4. № 2, 8).

² *Стасов В. В. Блистательный триумvirат // Санкт-Петербургские ведомости. 1868. 20 нояб. № 318; 21 нояб. № 319.*

³ Бессонов Петр Алексеевич (1828—1898) — русский филолог-славист, фольклорист. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1851), сотрудник Московского архива Министерства иностранных дел (1855—1857), Московской синодальной типографии (с 1858), председатель Виленской археографической комиссии (1865—1866), библиотекарь Московского университета (1867—1878), профессор Харьковского университета.

гом¹. На ноги поднята даже старая моя диссертация²: посмотрите, мол, что за обскурант выдумал на меня нападать! Статья моя³, вызвавшая такие перуны, напечатана будет в «Заре» — уввы!, в журнале, где сотрудником Стебницкий и редактор⁴ <<«Прав<ительственного> вестника<»>!>

Председателем Этногр<афического> Отд<еления> выбран он же — редактор <<«Прав<ительственного> вестника<»>!> Это состоялось, правда, еще в то время, когда никому и не снилось...

Наш комитет еле-еле перебивается — денег мало... Как все мы и как все вокруг пошло, ничтожно и мелко — а какие задачи кругом!

Был я в сентябре в деревне — в благодатном краю — Воронежской губернии. Что же? Те же курные избы, что и в годы моего детства, и тот же недостаток каких-либо запасов у свободных уже крестьян — все еще ведущих борьбу за существование! Когда же мы хоть своих-то накормим и действительно поставим на ноги?

Недавно вспоминались мне слова какого-то современного словацкого поэта, читанные Вами мне из Вашей Славянской хрестоматии⁵: «позорно иметь над собой господина, но еще позорнее быть самому господином» — что-то в этом роде. Мне бы надо привести слова эти в моей диссертации; напишите, прошу Вас, чьи они и не

Издатель русского, сербского, болгарского фольклора, в частности, сборников П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова, сочинений Ю. Крижанича и др.

¹ Гильфердинг Александр Федорович (1831—1872) — российский фольклорист немецкого происхождения, славянофил. Окончил Московский университет (1852), русский консул в Боснии (1856—1859), первый председатель Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета (1867—1872), председатель Этнографического отделения Русского географического общества (1870—1872). В 1873 г. были изданы «Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года».

² Магистерская диссертация Миллера «О нравственной стихии в поэзии на основании исторических данных» была издана в Петербурге в 1858 г. Она была критически воспринята демократической печатью, в частности, Н. А. Добролюбовым.

³ Вероятно: Миллер О. Ф. Прощальное слово Стасову // Заря. 1870. № 3.

⁴ Имеется в виду В. В. Григорьев.

⁵ Возможно, речь идет об «Исторической хрестоматии славянских народов», которая в библиографии В. И. Ламанского, составленной П. Д. Драгановым, датирована 1870 г. и отнесена к «не появившимся в свете» (Драганов П. Д. Библиография учено-литературных трудов В. И. Ламанского и материалов для его биографии // Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их

могу ли я найти их в Ваших бумагах, оставленных у Нестора Ивановича¹. Кстати, не там ли и статья моя о стихах Хомякова², которую Вы собирались было отдать на редактуру Толстому³ и которой не получил я обратно. Если она не пропала, то можно бы напечатать ее, так как о чтении и думать нечего. Ответьте, пожалуйста, на эти вопросы и сообщите, чем именно Вы теперь занимаетесь и далеко ли подвинулась Ваша работа.

Пора кончить — дела столько, что не знаешь за что приняться. Прощайте и не поминайте лихом

Вашего Ор. Миллера
30 ноября

1868
СПб.

Соляной пер. д. Швенгельса

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 6—7 об.

№ 10 <1880 г.>

Многоуважаемый
Владимир Иванович.

Сазонович⁴ получил тревожную телеграмму из дому, вследствие чего ему бы надо раньше держать экзамен. Нельзя ли Вам условиться

учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905. С. XLV). Скорее всего, эта хрестоматия была составлена В. И. Ламанским с учебными целями и использовалась во время преподавания в университете.

¹ Ламанский Нестор Иванович.

² Статья О. Ф. Миллера «Стихотворения Хомякова со стороны их руководящих мыслей» была впоследствии опубликована и июльской книжке журнала «Заря» за 1869 г. В октябре 1875 г. Миллер прочитал статью с некоторыми сокращениями на литературном вечере в пользу герцеговинцев, и она с дополнениями и изменениями вошла в сборник «Братская помощь» (СПб., 1875) под заглавием «Хомяков в своих лирических стихотворениях». Перепечатана в сборнике статей и речей О. Ф. Миллера «Славянство и Европа» (СПб., 1877) под заглавием «Хомяков — поэт славянства».

³ Вероятно, Толстой Феофил Матвеевич (1809—1881) — музыкальный критик, композитор и беллетрист; член Главного управления по делам печати, внук М. И. Кутузова.

⁴ Сазонович Иван Петрович (1855—1923) — исследователь славянской, византийской и скандинавской литератур, профессор Варшавского университета, депутат II и III Государственной думы.

на счет этого с профессорами факультета, находящимися теперь в совете. Я могу в любой день, кроме завтрашнего, но не позже 2-х часов.

Вам преданный

Ор. Миллер

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 17.

№ 11 <1880 г.>

Многоуважаемый

Владимир Иванович,

Рекомендую Вам вновь оставленного при Университете магистранта г. Венгерова¹, позволяю себе просить Вас не отказать ему в Ваших указаниях по гуситству, а также, если возможно, и в снабжении его книгами по этой части.

Вам душевно преданный

Ор. Миллер

20 дек<абр>
В Университете

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 19.

№ 12 <начало 1880-х гг.>

Многоуважаемый

Владимир Иванович.

В общем собрании 14 февраля И. Ф. Шрамак² передал мне, что у него было бы весьма важное сообщение совету касательно веро-

¹ Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — историк литературы, библиограф, критик. Учился в Медико-хирургической академии (1872—1874), закончил юридический факультет Петербургского университета (1879). Преподавал в Петербургском университете историю русской литературы (1897—1899, с 1906), профессор Высших женских курсов и Психоневрологического института (с 1910), председатель Литературного фонда (1916—1919), организатор и первый директор Российской книжной палаты (1917). С 1880 г. в журнале «Слово» опубликовал серию статей «Народные движения славянского племени», а в 1881—1882 гг. в «Русской мысли» и «Вестнике Европы» статьи «О гуситах и таборитах». О. Ф. Миллер был инициатором оставления Венгерова в 1880 г. при кафедре русской литературы.

² Шрамак Иван Федорович (1818—1884) — чешский писатель, педагог. В 1866 г. переехал в Россию, а в 1874 г. принял русское подданство. Председатель «Чешского вспомогательного общества в Санкт-Петербурге».

исповедного движения в чехах. Я позволил себе просить его в среду к 9 часам в совет, а затем сообщил об этом К. Н.¹ Вам, разумеется, надобно непременно быть.

Преданный Вам
Ор. Миллер

20 февраля
Вторник

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 13.

№ 13 <начало 1880-х гг.>

Многоуважаемый
Владимир Иванович.

Мы с Вами разменялись письмами. Сообщение И. Ф. Шрамка было так важно, что задержало нас на долгое время. После этого ехать к Вам было уже поздно. Что касается К. Н.², то его не было в Совете.

Вам истинно преданный
Ор. Миллер

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 23.

Преподавал латинский язык в гимназии, с 1872 г. директор 5-й гимназии в Санкт-Петербурге. Автор «Чешской грамматики» (СПб., 1868); «Этимология греческого языка для гимназий, составленная на основании сравнительного языкознания» (СПб., 1872); «Гомеровской этимологии для гимназий» (СПб., 1874); «Подробного словаря к запискам К. Юлия Цезаря о Галльской войне» (СПб., 1882). С И. Ф. Шрамеком Ламанский был знаком еще с конца 1850-х гг. В письме В. И. Ламанскому (ноябрь 1859 г.) В. В. Ганка упоминал, что из писем своего русского адресата И. Ф. Шрамеку узнал «Ваши благородные чувства, которые внушили мне истинное уважение к Вам» (СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 397. Л. 1).

¹ Вероятно, Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829—1897) — русский историк, славянофил, профессор Петербургского университета (1865—1882), первый директор Высших женских курсов (1878—1882), председатель Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества (1878—1882), академик (1890). В письме речь, вероятно, идет о заседании Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

² К. Н. Бестужев-Рюмин.

№ 14 <1883 г.>

Многоуважаемый

Владимир Иванович. Не являюсь в совет, желая посвятить последние дни в Павловске (до 9-го) писанию речи о Тургеневе¹ для акта Высших женских курсов. По переезде в город мне первое время не дадут работать.

Позвольте же передать Вам мой голос.

Я бы с своей стороны полагал, что всему нашему факультету in corpore следует принять участие во встрече и проводах тела².

Студентов на этот день от лекций освободить, а равно и в субботу 10-го дать им возможность быть на панихиде в Казанском соборе.

Приготовить венок от профессоров и студентов на деньги, собранные с профессоров.

Вам истинно преданный

Ор. Миллер

5 сент<ября>

Павловск.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 20, 21.

№ 15 <1883 г.>

Многоуважаемый

Владимир Иванович.

Не найдете ли нужным отменить диспут Сырку³. В воскресенье 30-го после заупокойной обедни в Лавре последует открытие памят-

¹ Речь О. Ф. Миллера «Женские образы у Тургенева» была прочитана на Высших женских курсах 20 сентября 1883 г. Опубликовано в журнале «Русское богатство» (1883. № 12).

² Имеются в виду похороны И. С. Тургенева.

³ Сырку Полихроний Агапьевич (1855—1905) — российский славист румынского происхождения. Окончил Петербургский университет (1878), ученик В. И. Ламанского. Приват-доцент, затем экстраординарный профессор Петербургского университета (1884—1905). В 1891 г. защитил магистерскую диссертацию «К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Т. 1. Литургические труды патриарха Ефимия Терновского», а в 1898 г. — докторскую «Время и жизнь патриарха Ефимия Терновского». В письме, вероятно, идет речь о защите сочинения П. А. Сырку «Византийская повесть об убиении Никифора Фоки в старинном болгарском пересказе» (СПб., 1883) pro venia legendi, т. е. на право чтения лекций.

ника Ф. М. Достоевскому (день его рождения)¹. Думаю, что, несмотря на тургеневские овации, многие из студентов, да и из нашей братии, захотят вспомнить и Достоевского: не у всех же коротка память!

Преданный Вам

Ор. Миллер

20 окт<ября>

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 12.

№ 16 <1884 г.>

Многоуважаемый

Владимир Иванович.

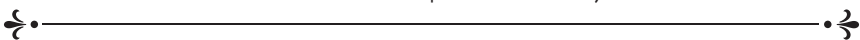
Пользуюсь тем, что в филол<огическом> обществе² соберутся многие из членов факультета, чтобы обратить внимание на празднуемое 18-го числа 80-летие Моск<овского> общ<ества> ист<ории> и др<евностей Российских>³. Университет Московский по этому поводу делает Забелина⁴ почетным членом. Нам бы не грех, мне кажется, почтить того, кто теперь душа Общества

¹ Открытие памятника (архитектор Х. К. Васильев, скульптор Н. А. Лаврецкий) на могиле Ф. М. Достоевского состоялось 30 октября 1883 г. Миллер входил в конкурсную комиссию, рассматривавшую проекты надгробия писателю.

² Филологическое общество при Санкт-Петербургском университете было основано в 1869 г. На базе его Романо-Германского отделения в 1887 г. возникло Неофилологическое общество, существовавшее до 1918 г. В. И. Ламанский возглавлял Филологическое общество с 1880 г., но после избрания в 1887 г. председательствующим в отделении этнографии Императорского Русского географического общества перенес свою деятельность в ИРГО, вследствие чего Филологическое общество фактически перестало существовать.

³ Московское Общество истории и древностей Российских — научное общество, объединяющее историков и археологов. Основано при Московском университете в 1804 г., закрыто в 1810 г., возобновлено в 1815 г. Просуществовало до 1929 г.

⁴ Забелин Иван Егорович (1820—1908) — русский историк и археолог, председатель Московского Общества истории и древностей Российских (1879—1888). По инициативе Ламанского и А. А. Шахматова И. Е. Забелин в 1907 г. был избран почетным академиком по Отделению русского языка и словесности АН.

Е. В. Барсова¹ за его научные труды званием почетного доктора Р<усской> Слов<есности>. Прилагаю добытый мною из Москвы список его работ. Самая выдающаяся из последних значится под № 70: Новое исследование Слова о П<олку> И<горе́ве>². В Москве дело не может выгореть надо думать, ради того, что университет в руках ультразападников. Подумайте — можно бы ведь и экстренно созвать факультет. Оставьте в Университете для передачи мне завтра ответ Ваш.

Преданный Вам
Ор. Миллер.

16 марта

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 27—28.

№ 17

Любезнейший Владимир Иванович! Вы, вероятно, забыли мою просьбу о 3-м <<Московском Сборнике>> (где «Бродяга» Аксакова³). Пожалуйста, захватите его с собою в будущий Ваш приход в Университет и оставьте в шинельной для передачи мне.

Преданный Вам
Ор. Миллер

Окт<ябрь> 23-го
Четверг.

СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 18.

¹ Барсов Елпидифор Васильевич (1836—1917) — русский фольклорист, этнограф, исследователь древнерусской литературы. Секретарь Общества истории и древностей российских при Московском университете (1891—1907), член-корреспондент Академии наук (1873).

² Миллер, вероятно, имеет в виду первый том трехтомного исследования Е. В. Барсова «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси», который первоначально печатался в «Чтениях Общества истории и древностей Российских» (1883. Кн. 1; 1884. Кн. 2, 3). О. Ф. Миллер опубликовал рецензию на первый и второй тома книги Е. В. Барсова: «Капитальный труд по древней русской литературе» (Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Сентябрь).

³ «Бродяга» — поэма И. С. Аксакова, над которой он работал в 1846—1850 гг. Послужила поводом к увольнению И. С. Аксакова с государственной службы. Впервые частично опубликована в 1852 г. в «Московском сборнике».

№ 18

К крайнему прискорбию, я нашел у себя, по возвращении домой, записку от А. В., в коей он извещает нас о том, что сегодня не может принять нас: он получил повестку — явиться в Театральный комитет¹, коего он член. А. В. просит у Вас извинения и приглашает завтра — но завтра Вам нельзя — или в среду в 8 ч. вечера. Напишите, пожалуйста, можете ли Вы с среду.

Ваш

О. Миллер.

СПБФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 25.

Послесловие

В историю отечественной науки Орест Федорович Миллер (1833—1889) вошел как историк русской литературы, исследователь эпоса и биограф Ф. М. Достоевского. Впрочем, «известность» Миллера нельзя назвать широкой. О нем напоминает, пожалуй, только маленькая табличка перед входом в университетскую столовую, когда-то носившую его имя. Он не был творцом в строгом смысле этого слова, не создал теории или научной школы. Экзистенциальное одиночество Миллера (профессиональное и личное) не преодолевала даже его активная общественная и благотворительная деятельность. Его попытки теоретизировать или даже философствовать на основе историко-литературного материала вызывали либо уничижительную критику (со стороны Н. А. Добролюбова) или пристрастную полемику (со стороны В. В. Стасова). Лекции Миллера по истории русской литературы были собраны в трехтомнике «Русские писатели после Гоголя», выдержавшем до 1915 г. шесть изданий. Как интерпретации русской литературы лекции Миллера вполне заслуживают внимания, однако интерпретацией его интерпретаций уже почти никто не занимался. Можно указать лишь несколько исследовательских работ, появившихся за последние три десятилетия. В 1995 г. была опубликована посмертная статья Ф. М. Селиванова «О. Ф. Миллер — исследователь эпоса»²; биографии Ф. М. Достоевского, составленной

¹ Театрально-литературный комитет — совещательный орган при Дирекции императорских театров, существовавший в 1855—1917 гг.

² Селиванов Ф. М. О. Ф. Миллер — исследователь эпоса // Русский фольклор. СПб., 1995. Вып. 28. С. 20—31.

Миллером, посвящена статья Н. М. Перлиной¹; в 2010 г. в Магнитогорске была защищена диссертация К. А. Окишевой «Ф. М. Достоевский и О. Ф. Миллер: история взаимоотношений»², а в Челябинске опубликована статья Д. А. Винокурова, в которой рассматривалась полемика О. Ф. Миллера с К. И. Невоструевым по поводу диссертации И. П. Хрущова о Иосифе Волоцком³. Этим в основном исчерпывается все современное миллероведение. Неизданной остается поэзия Миллера и его мемуары. Практически не изучена и не оценена его славянофильская публицистика, недавно переизданная⁴. Воспоминания учеников (Б. Б. Глинского, И. А. Шляпкина, С. Ф. Платонова, И. М. Гревса) сохранили привлекательный образ университетского профессора: монаха в миру, бессребреника и убежденного славянофила.

Для славянофильства фигура Миллера особенно примечательна. По происхождению полунемец, полушвед, он, как и некоторые другие инородцы (А. Ф. Гильфердинг, В. И. Даль), был страстным последователем славянофильского учения. Взгляды Миллера лучше всего демонстрируют либеральные идеи славянофилов. Славянофильский кружок сложился на рубеже 1830—1840-х гг. как чисто московское явление, показательно противопоставлявшее себя «петербургскому направлению». В столице идеи славянофилов подхватило следующее поколение национальных мыслителей. С Петербургом в большей степени связано «позднее» и «академическое» славянофильство. На столичной почве славянофильство дало и несколько иные результаты. Если московское славянофильство изжило себя в полемической стихии литературно-философских кружков и аристократических салонов, то в Петербурге славянофильство дало более концептуальные результаты. Достаточно указать, что в столице был опубликован

¹ Перлина Н. М. Первая посмертная биография Ф. М. Достоевского — анализ источников // Статьи о Достоевском. 1971—2001. СПб., 2001. С. 121—134.

² Окишева К. А.: 1) Ф. М. Достоевский и О. Ф. Миллер: история взаимоотношений : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2010. 23 с. ; 2) Ф. М. Достоевский и О. Ф. Миллер: история взаимоотношений. Набережные Челны: Набережнoчелнинский гос. пед. ун-т, 2019. 150 с.

³ Винокуров Д. А. Из истории научных конфликтов в отечественной историографии XIX в.: полемика вокруг магистерской диссертации И. П. Хрущова (1868—1870) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. № 18 (199) : История. Вып. 41. С. 25—31.

⁴ Миллер О. Ф. Славянство и Европа / сост., предисл., коммент. Ю. В. Климаков ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2012. 880 с.

крупнейший славянофильский труд — «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского.

Многолетняя дружба, начавшаяся еще в студенчестве, и славянофильские убеждения связывали Миллера с Владимиром Ивановичем Ламанским. В письме И. С. Аксакову, датированном 1877 г., Ламанский аттестовал себя следующим образом: «Вы сами знаете я — петербургский славянофил, не занимающийся исключительно бранью немцев, не член Общества любителей православия (так, кажется, оно называется) под председательством Конст<антина> Ник<олаевича>. Для одних, как для добрейшей и искренно мною уважаемой за ее чистоту и горячность, но уже слишком много говорящей и уверенной, что она все это лучше Вас понимает, графини Блудовой — я полунигилист. Для других, как Вестн<ик> Европы, я полуклерикал и т. д. и т. д.»¹. Дважды десятилетиями ранее в письме тому же адресату Ламанский пояснял свое понимание того, кто такой славянофил, «т. е. Русский образованный человек, питающий глубокое уважение к преданию и обычаю, Христианин и Славянин...»² Можно сказать, что в 1860—1880-е гг. В. И. Ламанский, О. Ф. Миллер, К. Н. Бестужев-Рюмин, М. О. Коялович составляли ядро петербургского славянофильства, во многом концентрировавшегося вокруг Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета. Их деятельность хорошо показывает, что, в отличие от Москвы, где славянофильство изначально было представлено свободными, обеспеченными и досужими мыслителями, в Петербурге славянофильские идеи получили большую поддержку в университетской, академической среде. В. И. Ламанский, О. Ф. Миллер, К. Н. Бестужев-Рюмин были университетскими профессорами, М. О. Коялович — профессором Санкт-Петербургской Духовной академии. Их влияние на студентов, впрочем, не стоит переоценивать. Мало кто из их учеников разделял славянофильские пристрастия своих учителей. Тем не менее они сумели интегрировать идеи славянофилов в содержание научных дисциплин: Ламанский — славистики, Миллер — истории литературы, Бестужев-Рюмин и Коялович — историографии. Правда, книга Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871), вышедшая одновременно с трактатом Н. Я. Данилевского, не встретила сочувственного интереса за пределом узкого круга

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 107.

² Переписка двух славянофилов (сообщила О. В. Покровская-Ламанская) // Русская мысль. 1916. Кн. IX. С. 7.

единомышленников. Не более успешной оказалась и его поздняя попытка дать концептуальное изложение своих взглядов в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892).

Славянофильские взгляды Миллера полнее всего представлены не в его лекциях, а в публицистике, часть которой была издана в виде сборника «Славянство и Европа. Статьи и речи 1865—1877 г.» (СПб., 1877). Открытое же выступление Миллера перед студентами с пропагандой славянофильских идей стало поводом к увольнению его из университета в 1887 г. В лекции «Славянофилы и Катков» он старался показать, насколько принципы славянофилов расходятся с тем государственно-националистическим направлением, проповедником которого был незадолго до этого скончавшийся М. Н. Катков. В интерпретации Миллера, славянофильство полнее всего воплотилось в либеральных реформах императора Александра II, в то время как охранительная идеология М. Н. Каткова выросла из консервативных зачатков русского западничества.

Несколько наивное, хотя и неподдельно искреннее толкование Миллером славянофильства нередко раздражало даже его друзей. В письме И. С. Аксакову от 8 октября 1875 г., сохранившемся в архиве и, вероятно, неотправленному, В. И. Ламанский признавался: «Об Оресте М<иллере> Вы напрасно со мною так церемонитесь. Я признаю его добрым и честным человеком, образованным и трудолюбивым. Но он ограничен, самодоволен, помешан на либеральных приличиях. Вообще до того претит мне, что я давно уже не могу с ним серьезно ни о чем говорить более 2, 3 минут. Мне как-то с ним неловко. Лекции его совершенно глупы и еще смешны, благодаря его напускному пафосу, несколько гнусавому тону в местах самых либеральных о крепостном праве. Надо дивиться только публике, что может восхищаться такими пошлостями. Читает, напр<имер>, о Байроне — идет путешествовать с лакеем. Сейчас подчеркивает гнусаво и протяжно и сейчас тирада — о барстве... о лордах... Пока писал он о Муромце, было еще хорошо, потому что он немец, трудолюбив, начитан, аккуратен, и собирает разные подробности и мелочи. Но конечно он и там очень смешон, когда начинает от себя разглагольствовать. Отрицательно он очень полезен для славянофилов. Как он ни заискивает у студентов, однако те, кто постарше и поумнее, над ним посмеиваются. У нас уж писано давно, что на любом диспуте, где бы Орест ни говорил, непременно будет патетическая тирада о крепостном праве, о народных громадах. Это необходимо, как масло к каше. Статьи его о Гоголе я не читал, но могу предполагать

безошибочно, что именно о любимой теме он должен сказать. Иногда, впрочем, и зная его слышишь от него чего не ожидаешь»¹. Получив известие о смерти Миллера, В. И. Ламанский, проживавший в то время на даче в Боровичах, записал в своем дневнике: «2 июня пришла ко мне телеграмма от Васильевского о смерти Миллера. Эта весть меня страшно поразила, и долго я не мог очнуться и опомниться. Никогда не думал я, что переживу Ореста. Как часто бывало, особенно в ранней молодости, ни посмеивался над Орестом, но всегда я глубоко и высоко уважал эту добрую, благородную и высокого строя душу. Это был человек действительно добродетельный в истинном и серьезном <...> значении этого слова. Да, он был и большой трудолюбец. Для литературы он много и потрудился. Жаль, что не успел приготовить к изданию своего курса русской литературы. В нем было много хорошего, хотя и не без некоторых странностей и излишеств»².

Издательский бум конца XX в. не затронул сочинения Миллера и Ламанского. Исследования их творчества до сих пор малочисленны. Не им принадлежат первые строки в рейтингах отечественной науки. Однако их не следует считать простыми эпигонами славянофильства. Научное наследие Миллера и Ламанского вполне самостоятельно и оригинально. Надо признать, что письма Миллера Ламанскому мало что поясняют и добавляют к характеристике их славянофильских взглядов. Они скорее раскрывают бытовую и личностную стороны взаимоотношения двух ученых.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 90 об.—91.

² Там же. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 13.

И. И. Срезневский

ЗАПИСКА ОБ УЧЕНЫХ ТРУДАХ ПРОФЕССОРА В. И. ЛАМАНСКОГО¹

Историко-филологический факультет, вследствие предварительного, в своей среде, избрания В. И. Ламанского в звание ординарного профессора, вошел в Совет университета с представлением об окончательном баллотировании своего сочлена в означенное звание в Совете, и ныне имеет честь дополнить свое представление заявлением тех оснований, на которых утверждается его решение.

Почти за девятнадцать лет перед этим (в июне 1854 г.) В. И. Ламанский окончил университетский курс со званием кандидата историко-филологического факультета — юношею по летам, по пылу стремлений, но уже не юношею самодовольным и доверчивым, как это обыкновенно бывает с юношею, в отношении к науке. Уже на скамье студентской, умея пользоваться тем, что давали ему его наставники на лекциях, он требовал от себя гораздо более того, чем бы мог ограничиться, как хороший студент; жадно увеличивал запас своих знаний не в одном только избранном им круге, но широко и далеко кругом сравнивал и проверял писателей одних с другими и с источниками, изучал источники самостоятельно, насколько было это возможно, и для этого не жалел усилий для владения разными языками, и все свои работы подчинял самостоятельной критике. Некоторые из нынешних сочленов его по факультету и Совету помнят это, как его товарищи по студенчеству, и без сомнения закрепили в себе уважение к нему с того давнего времени, так как и те, уже теперь очень немногие, из преподавателей его знавших студентом.

¹ *Срезневский И. И.* Записка об ученых трудах профессора В. И. Ламанского // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за вторую половину 1872—1873 академического года с приложениями. № 8. СПб. : В тип. В. Безобразова, 1874. С. 45—49.

Один из них живо, как очень недавнее, помнит, как он должен был усиленно готовиться к лекции из-за ради Ламанского, который тем менее записывал в свою тетрадку, чем менее нового необщедоступного сообщал с кафедры профессор. Таким был В. И. Ламанский студентом: таким — и еще резче — выразил он себя в своей медальной диссертации, которая, к сожалению, осталась неизданною. Таким, а еще более резко — стал он себя выражать в печати, выступив на учено-литературное поприще почти непосредственно после выхода из университета, и все более привлекая внимание к своему слову самостоятельностью мысли и многообразием знаний. Значение печатаемых им трудов возрастало так же постоянно, как и их количество, — и дало ему место в ряду писателей самых замечательных по своеобразию мыслей, умению их доказывать и богатству припоминаний. Пересчитывать их было бы здесь неуместно, тем более, что обозрение их представлено в «Истории нашего университета». Из всего того, что В. И. Ламанский издал до поступления его в наш университет доцентом, необходимо отметить одно, давшее ему право на это звание. Диссертация его на степень магистра «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (Ученые записки второго отделения Академии наук, книга V. СПб. 1859 г.) — книга в 600 страниц большого формата — издана в 1859 г. Академией наук и осталась в науке, как вклад, восполнивший в ней один из немало-важных пробелов, как произведение, давшее ему право на уважение во всем круге ученых, занятых славянской историей и этнографией и у нас, и за границей. Путешествие В. И. Ламанского по славянским землям, на которое он был вызван Министерством народного просвещения по представлению университета, продолжавшееся два с половиной года (в 1862—1864 гг.), еще более расширило и утвердило уважение к нему, как к ученому деятелю, столько же даровитому, как и самостоятельному исследователю. По возвращении из путешествия его достоинствам, все живее всеми признаваемым, открылось, благодаря новому университетскому Уставу, и то поприще, на котором давно желал его видеть наш университет, — поприще преподавателя: он был избран и утвержден доцентом нашего факультета по славянской филологии. В. И. Ламанскому не было трудно оправдать этот выбор, но он не мог смотреть на это слегка с уверенностью самодовольного человека: в своих лекциях с самого начала он поставил себе долгом соединять требования исследовательской науки с литературным достоинством передачи, а вместе с тем расширить круг университетского изложения славянской

филологии. Нельзя не отметить, что В. И. Ламанский первый начал преподавать подробно критически историю славян, и для этого должен был выработать многое непечатое и перерабатывать по источникам вновь то, что сделано было прежде без должной внимательности к правде и к полноте сопоставления событий. Нельзя не отметить и того, что, заботясь о своих лекциях как о средстве для передачи студентам необходимых для них знаний приемов их усвоения расширения, он не менее того старался быть им полезным советами и указаниями, задачами для работ и рассмотрением их трудов вне лекций у себя дома, и сделался для них важным руководителем не только по своему предмету, но и по другим. Так между прочим при его участии выработаны были труды наших достойных молодых ученых: А. Будиловича о Ломоносове, Зигеля о законнике Стефана Душана и Успенского о первых славянских монархиях на северо-западе Европы. И не могли они не уважать такого руководителя, сильного не только готовностью и сочувствием, но и изумительным не для них одних разнообразием знаний и умением разнообразно их сопоставлять, — сильного столько же и постоянством в труде, неутомимостью в чтении и в изысканиях и тою самостоятельностью характера и уважения к науке и к человеку, которая никогда не позволяла ему пользоваться чужим добром, как своим, и вместе побуждала его вносить как можно более от себя в достояние общее. Опять опуская множество его трудов, напечатанных в течение его службы в университете и постоянно проводивших новые мысли новыми исследованиями, нельзя не отметить двух одинаково замечательных, одинаково выделанных и новых. Один из них «Непорешенный вопрос» яркими доказательствами выясняет его взгляды на изменение славянского языка и дает новые, прежде никем не отмеченные указания на особенности старого болгарского наречия по памятникам; другой «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе», решая новый, нетронутый и вместе важный вопрос в истории науки не только славянской, но и вообще европейской, замечателен и как доказательное выражение мысли, что при господстве таких приемов, какие употребляются очень многими историками, этнографами и филологами, науке, как науке, не только успевать, но и прилично существовать нельзя, что с ними она может быть только средством для достижения временных, вовсе не научных целей. И тот и другой труд отдельно, не говоря уже о всей ученой деятельности В. И. Ламанского, были одинаково достойны степени Доктора — даже по одной внешней, ученой постановке их, — и однако

только вследствие усиленных убеждений своих сотоварищей В. И. Ламанский решился представить второй труд. С каким достоинством защитил он его, памятно всем, — так же как и тот блестящий выбор В. И. Ламанского в звание Экстраординарного Профессора, который непосредственно последовал за его диспутом. А между тем у него готовился труд новый, обширный или, лучше сказать, целый ряд трудов, вызванных множеством новых, доселе никем не тронутых, им открытых, источников. Работы его над раскрытием новых источников для Истории Славян начались издавна, с 50-х годов. Он отыскивал их в архивах и библиотеках, наших и заграничных, издавал, пояснял, пользовался ими для исследований и все более овладевал умением отыскивать важное, помогающее глядеть верно на явления в жизни народов и на значение действующих в ней лиц. В изданиях Академии Наук, здешнего Археологического Общества, Московского Общества Истории и Древностей, Общества Географического и пр. издано им очень многое. Последнее его путешествие в Италию, когда он в продолжение 13 месяцев посвятил себя архивным работам в Венеции, в библиотеке С. Марко, в архивах dei Frari и граф. Донá, в Музее Каррера, для расследования новых источников по истории южных славян, нашел много нового по истории Венеции, важного и для верной оценки Западной Европы в средние века и позже, и сделало его обладателем огромного запаса. Он привез с собою целый сундук выписок из книг и бумаг: тут есть и постановления Совета Десяти для освобождения Республики от врагов явных и тайных — между прочим и помощью тайных убийств, особенно отрав, и меры Совета в отношении к свободе слова, устного и печатного, свободы совести и веры, и постановления, касающиеся церкви и духовенства — латинского и греко-православного, и многие новые источники по истории сношений Венеции с другими государствами, между прочим с Турцией и славянами, новые данные и для истории славян не только южных, но и северных, и т. д. и т. д. Изучение этих новых источников в связи и сравнительно с доселе изданными и с произведениями писателей, ими пользовавшихся, выяснило ему многое и естественно вызывает его на труды. Двумя занят он теперь особенно: составление хрестоматии по истории славян, где рядом с известным явится и новое, не менее достойное места в таком выборе, и издание сборника актов Венецианского архива. Этот последний труд начал он печатать полтора года тому назад и теперь довел до пятой сотни страниц мелкой печати, труд в ученом отношении замечательный не только по важности содержания актов, но

и по объяснениям, из которых многие потребовали разнообразных исследований.

Все следящие за успехами самостоятельной научной деятельности русской одинаково признают значение Ламанского, как одного из самых замечательных ее участников. Так и должно быть: на это дали ему право его многообразные труды, его даровитость и обширные знания, счастливое соединение в уме его умения вникать в мелочи с выдержкою широкого общего кругозора любознательности, своеобразия помыслов и домыслов с неутомимою изыскательностью, и вместе со всем этим его готовность содействовать работам других, его теплое усердие в помощи молодым любителям науки.

Очень естественно членам историко-филологического факультета дорожить таким сочленом, желать выразить признание его достоинств и заслуг знаком их достойным и быть уверенным, что их уважению к В. И. Ламанскому сочувствуют члены Совета других факультетов.

А. А. Шахматов

**ЗАПИСКА ОБ УЧЕНЫХ ТРУДАХ ЗАСЛУЖЕННОГО
ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКОГО
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В. И. ЛАМАНСКОГО¹**

Научная деятельность Владимира Ивановича Ламанского началась еще в 1854-м году, когда он в Вестнике Императорского Русского Географического общества поместил рецензию на изданные А. Метлинским «Народные южно-русские песни». В течение следующих сорока пяти лет, т. е. до нынешнего года, В. И. Ламанский успел напечатать около двухсот более или менее крупных произведений. Среди них небольшое место занимают издания и переводы: бóльшая же часть принадлежит к сочинениям оригинальным. Конечно, мы находим здесь не одни только крупные вклады в науку, но также полемические статьи и публицистические заметки. Замечательно, однако, что почти в каждом произведении Ламанского можно найти новые мысли, своеобразную постановку волновавших общество или ученый мир вопросов, самостоятельную разработку научных и общественных явлений. Замечательно и то, что в основание всего написанного в разное время Ламанским легла одна общая глубокая идея — необходимость самопознания. Самопознание возможно лишь при известной широте кругозора: расширение же нашего русского кругозора достигается прежде всего приобщением к нему всего греко-славянского мира, с которым мы так тесно связаны исторически и политически. Вот почему в Ламанском тесно соединяются интересы слависта и русского историка с деятельностью общественной и публицистической. В 1857-м году в Современнике появилась статья Ламанского, озаглавленная: «О распространении знаний в России». Автор сам себя называет в ней лицом темным, ни литературе, ни обществу никаких услуг не оказавшим. Но высказанные им мысли

¹ Печатается по: Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1901. Т. 69. С. XXXIX—XLVII.

так замечательны, вложенная в статью идея так оригинальна, что это небольшое рассуждение должно быть признано блестящим началом предстоявшей молодому ученому общественной деятельности. Автор в прочувствованных строках рисует поразительное невежество и отсталость современного ему общества; он негодует на поверхностность его образования, не захватывающего массы народной, которая лишена поэтому возможности выделять из себя более густой слой просвещенных людей и таким образом содействовать умножению столь нужных России ученых и писателей. Но Ламанскому, как это показала вся последующая его жизнь, совершенно чуждо одно только скептическое и отрицательное отношение к окружающей действительности: указав на недуг, он спешит ему помочь и предлагает для этого образование грандиозного общества распространения знаний в России, общества, которое будет содействовать появлению и способствовать изданию переводов замечательных произведений западной науки, популярных учебников, а также оригинальных сочинений. Мысль о Всероссийской Матице, как определяет это общество Ламанский, появилась у него вследствие знакомства с подобными просветительными учреждениями у южных и западных славян. Юному слависту кажется, однако, недостаточным высказаться в общих чертах о целях образования такого общества: он хочет ускорить осуществление своей идеи и предлагает для этого проект внутренней организации Матицы, намечая те ближайшие задачи, которые предстоит исполнить ее восточноевропейскому или славяно-русскому классу. Задачи эти сводятся на первый раз к переводу некоторых иностранных сочинений по истории и этнографии восточной Европы, а также к исследованию указанных автором вопросов, настоятельно, по его мнению, необходимому для русского и славянского самосознания. Мы остановились на этой статье Ламанского так долго потому, то в ней уже ярко обрисовались его нравственная личность и его ученые интересы: с одной стороны, мы видим в ней горячего патриота, мечтающего о скорейшем просвещении своего отечества, с другой — ученого, уже полюбившего ту отрасль знания, которой он остался верен до сих пор, — славяноведение, но полюбившего ее прежде всего для того, чтобы извлечь из нее духовную пользу своему отечеству. Ламанский начинает свою деятельность с того, что предлагает русскому обществу учиться и учиться между прочим у славян: вот реальные основы единения и братства между родственными народами. Важно отметить, что в числе научных задач, возлагаемых молодым ученым на славяно-русский класс Всероссийской Матицы,

находится история ускоков: исполнение этой задачи Ламанский взял на себя. Он занимается ускоками с 1868 года, а в 1883 году обнаружил важные для их истории материалы. Любопытно сопоставить сделанные юным деятелем в 1857-м году призывы к просвещению с его же предложением, навеянным ему в 1865-м году ближайшим интересом к гениальному Ломоносову, с предложением открыть по всей России подписку и образовать Ломоносовский капитал для поощрения и вызова в свет самостоятельных ученых изысканий в области филологии и естествознания. Предсказывая успех такому начинанию, Ламанский ссылается на образование Словенской Матицы, возникшей почти на его глазах во время заграничной поездки.

В 1859-м году появилась магистерская диссертация Владимира Ивановича, напечатанная в V книжке Ученых Записок нашего Отделения: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». Важное по множеству собранных в нем исторических данных, сочинение это было ценным вкладом в историю славян вообще и в русскую историю в частности, так как в нем не только затронуты, но и разрешены многие вопросы, связанные с древнейшей судьбою славянских племен, а также с первоначальным распространением русского племени на юго-восток; в исторических замечаниях к этому сочинению помещено немало документов и доподлинных сведений, развивающих и подтверждающих положения автора. В 1862—64 гг. Владимир Иванович совершил путешествие по славянским землям и дал о них ряд живых очерков в Отечественных записках за 1864 г. под заглавиями: «Сербия и южно-славянские провинции Австрии», «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях». Результатом той же поездки была весьма важная для филологического изучения церковнославянского и других славянских языков статья — «О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене» (напечатанная в приложении к VI тому Записок Императорской Академии Наук). Всего описано Ламанским не более десяти рукописей, но описание это было так обстоятельно, оно сопровождалось таким обширным лингвистическим и филологическим комментарием, что сразу обогатило научное изучение церковнославянского языка множеством новых и важных по своему значению фактов. Оно свидетельствует вместе с тем о том, как разнообразны были интересы молодого слависта: грамматические и лексические наблюдения чередуются с историческими и историко-литературными экскурсами в прошлое сербов и болгар. С 1865 г. Ламанский занял в С.-Петербургском университете кафедру славяноведения. Неболь-

шая статья его, напечатанная в Журнале Министерства Народного Просвещения за 1867-й год, под заглавием «Чтения о славянской истории в Императорском С.-Петербургском университете», знакомит нас с содержанием и направлением лекций Ламанского. Первое чтение (Изучение славянства и русское самосознание) разрешает вопрос: Какое имеет отношение изучение славянства к успехам русского образования, гражданственности и внешней политики? Указав на общее коренное сходство и внутреннее единство всего славянского мира, талантливый профессор обращает внимание слушателей на удивительное разнообразие форм, в которых проявилась славянская жизнь, в особенности благодаря разнообразию элементов, вошедших в славяно-русскую образованность. Распространение верных сведений как о русской народности, так и о всем славянском мире вообще, о его прошлом и настоящем, усиленное изучение его русскими учеными должно иметь, по мнению Ламанского, благотворное влияние на русскую образованность, русские искусства и науки.

В 1869 году появляются три замечательные статьи Владимира Ивановича, написанные им за границей и объединенные общим заглавием «Непорешенный вопрос». Статьи эти вызваны изучением знаменитой болгарской рукописи XVII в., хранящейся в Любляне, и болгарского исторического сборника XVIII века, принадлежавшего Н. Г. Герову. Подвергнув эти рукописи историко-литературному анализу, Ламанский открыл в них несколько оригинальных произведений болгарской словесности и отметил не менее любопытные вставки и редакционные поправки, сделанные болгаринном в переводных статьях византийского происхождения. Все это вызвало несколько важных соображений о литературном прошлом болгар XVI—XVIII веков и дало повод высказать весьма дельные замечания об отношении новоболгарского и так называемого среднеболгарского языка к языку старославянскому: Ламанский думает, что звуковые и формальные особенности, характерные для болгарского языка, должны восходить к первым векам нашей письменности, т. е. к IX и X веку. В 1871-м году Ламанский защитил свою докторскую диссертацию. Его знаменитая книга «Об изучении греко-славянского мира в Европе» должна была выяснить то понятие, которое связывается с греко-славянским миром, «его главнейшие отличия от мира романо-германского, характер и силу, продолжительность и значение в средней и новой истории внутренней борьбы и взаимодействия этих двух миров Арийско-Христианского человечества Старого Света». Разрешив ту главную свою задачу, автор делает обозрение господствующих в Европе,

преимущественно же в Германии, воззрений, мнений и взглядов на славянство и подвергает их обстоятельному критическому разбору. В 1875 году, в I томе Славянского сборника, издаваемого Петербургским Отделением Славянского Комитета, помещены предисловие и обширное введение, посвященное памяти Ф. И. Тютчева, к исследованию, не увидевшему, к сожалению, света; оно озаглавлено «Видные деятели западнославянской образованности в XV, XVI и XVII в.». Введение имеет целью выяснить те главные элементы культуры, которые в средние века и в начале новых столетий столкнулись на востоке Европы, в западно-славянских землях, лежащих на границе греко-славянского и романо-германского миров. Автор с замечательным блеском и остроумием проводит некоторые оригинальные воззрения на сущность западноевропейской культуры, созданной не средневековыми варварами, а Римскою империей, обновленную христианством. В ярком очерке определяется историко-культурное значение во всемирной истории Византии — этой прямой наследнице Рима, и таким образом обосновывается мысль, что элементы культуры, полученной Западною Европой и славянством, в источнике своем однородны. Такая точка зрения позволила автору сблизить самым тесным образом историю славянства с историею романо-германского мира, который в средние века сочувственно относился к восточному православию, к греческому христианству, и не было потому так чуждо славянству, как то может показаться поверхностному наблюдателю. В результате Ламанскому удается доказать великое, мировое значение Восточной Римской империи и восточной церкви, содействовавшей подъему духа и идеальных стремлений, а также развитию высших идей в средневековом романо-германском западе. В 1879 и 1880 гг. Владимир Иванович поместил в Жур. Мин. Нар. Просв. замечательное исследование, содержание которого определяется самим насмешливым его заглавием: «Новейшие памятники древнечешского языка». В живом изложении автор раскрывает всю историю знаменитых подделок, прославивших древнейшую чешскую литературу и едва ли не содействовавших национальному возрождению Чехии в начале нынешнего столетия. Вопрос о поддельности чешских глосс в *Mater Verborum*, любовной песни короля Вячеслава, песни о Вышеграде, Любушина Суда и отрывок Евангелия от Иоанна — решается Ламанским утвердительно еще в то время, когда подлинность их находила горячих защитников не только между чешскими патриотами, но и среди русских ученых. Тонкий психологический анализ позволил автору разобраться в сложной и запутан-

ной драме, действующие лица которой — Ганка, виновник подделок, Палацкий и Шафарик, его защитник; его противники: Добровский, Копитар, Челяковский, Небеский, Фейфалик и др. восстают перед читателем, как живые. Обвинительный акт, написанный Ламанским, всесторонне рассматривает не только личности, замешанные в это темное дело, но и самый объект преступления: подделанные путем подчисток и приписок тексты подвергаются строгому лингвистическому и филологическому анализу. Читатель без утомления следит за мастерским изложением беспристрастного обвинителя, горячего защитника не только славянской идеи, но также правды и чести: его внимание развлекается то художественно написанной характеристикой разных слоев чешского общества начала XIX в., то любопытным экскурсом в область русского славяноведения, поставленного Ламанским в связь с различными явлениями русской жизни и между прочим с самобытными чертами южнорусской образованности. Во всяком случае это исследование Владимира Ивановича вполне оправдало ожидания, выраженные в 1880 году историком чешской литературы: «замечательные статьи Ламанского, говорит он, — обещают быть самой полной и категорической постановкой вопроса, как с научно-критической, так и общественно-политической точки зрения». В 1883 году вышел в свет объемистый том, озаглавленный *Secrets d'État de Venise et les relations de la république à la fin du XV et au XVI siècle avec les Grecs, les Slaves et les Turcs*. Содержание этого труда Ламанского весьма разнообразно: в основание его положено издание документов, извлеченных им из Венецианских архивов в течение 1868 и 1869 гг. Они снабжены историческими комментариями и вводными статьями и отражают те многосторонние интересы, которыми жил и продолжает жить Владимир Иванович: его занимает судьба славянских эмигрантов, бежавших от турецких насилий, и вызванные ими дипломатические сношения Венецианской республики с Австрией и Турцией; он следит за системой политической убийств, которой придерживался Совет Десяти; старается разгадать причины падения Венеции и обнаруживает недостатки ее администрации; объясняет успехи турок-османов на Леванте, подробно останавливаясь на религиозной вражде греков к латинскому духовенству, дворянству и купечеству, собирает многочисленные данные о покушениях, которым подвергалась жизнь римских пап с X и по XVII в., и ставит их в связь с отвращением средневекового Запада к папскому абсолютизму. В обширном предисловии к этому сборнику Ламанский развивает свои политические взгляды на современное славянство и весьма обстоятельно рассматривает то по-

ложение, которое в настоящее время занял греко-славянский мир в отношении к Западной Европе.

К этому вопросу Ламанский вернулся в 1892 году с новыми данными и новыми соображениями в статьях, озаглавленных «Три мира Азийско-Европейского материка» (помещены в I томе Славянского Обозрения). Здесь во всей полноте развито политическое и философское мировоззрение нашего знаменитого слависта. С ним можно не соглашаться, его можно оспаривать и опровергать, но нельзя не признать в авторе Трех миров беззаветной преданности великой идее, положенной в основание всех его ученых и публицистических трудов. Это идея — необходимость культурного и нравственного подъема нашего общества, для охранения и развития русской народности, для успешного выполнения нашим отечеством той исторической миссии, которая выпала ему, как главному представителю Среднего мира на Азийско-Европейском материке. «Наша образованность, — говорит Ламанский, — мало еще отвечает потребностям и задачам России, мало опознала духовные и насущные нужды славянства, всего нашего мира, где ей досталось первое место. Образованность наша изобилует всякого рода ложью, болезненными наростами и недугами, обычными приметам полуварварских обществ, наскоро без разбору прививавших себе старые цивилизации». Итак, Владимиру Ивановичу в 1892 году пришлось повторить то же, что он тридцать пять лет перед этим высказал в своем рассуждении «О распространении знаний в России». Но зато сам он всею своею продолжительною деятельностью, научною и общественною, доказал, что сделал все, что было в его силах, для того чтобы помочь недугу и содействовать насаждению в нашем отечестве истинной образованности и учености.

Сказанного о трудах В. И. Ламанского вполне достаточно для того, чтобы объяснить тот выбор, на котором остановилось Отделение, когда оно получило возможность расширить состав своих членов. После отъезда академика И. В. Ягича за границу славяноведение — важная отрасль деятельности II Отделения — остается до сих пор не представленным в нашей Академии. Оно найдет достойного представителя в лице старейшего из наших славистов, ученые труды которого уже давно упрочили за ним славу настоящего русского академика.

Вот почему В. И. Ламанский, с разрешения Его Императорского Высочества Августейшего Президента Академии, предлагается к избранию в ординарные академики по Отделению русского языка и словесности.

<...>

27 ноября 1899 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августин Аврелий 353
Авогадро Оттавио (Avogadro O.) 488
Адам Бременский 103
Адрианов Сергей Александрович 363
Аксаков Иван Сергеевич 4, 43, 50, 54, 67, 78, 79, 89—92, 96, 98—100, 103, 104, 105, 107, 111, 114, 116, 121, 137, 159, 203, 215, 217, 230, 263, 292, 310, 328, 349, 358, 361, 365, 366, 371—379, 382—386, 390, 393—395, 398, 440, 463, 469. 471, 475, 531, 534, 535
Аксаков Константин Сергеевич 30, 43, 50, 54, 72, 78, 92, 187, 188, 202, 210, 230, 263, 360, 364—366, 375, 386, 389, 440
Аксаков Сергей Тимофеевич 366
Аксакова (Тютчева) Анна Федоровна 384
Александр II 464
Александр III, российский император 160
Александр III, папа римский 171
Александр Македонский 31
Аксёнова Елена Петровна 67, 522
Анакреон 367
Анна Иоанновна, императрица 359
Анна Леопольдовна 359
Анненков Юрий Семёнович 137, 183, 205, 385
Анненков П. А. 444
Анненков М. П. 446
Анненский Иннокентий Федорович 183
Аржакова Лариса Михайловна 11, 184
Аристотель 17, 367, 468
Аристофан 324
Арсеньев Илья Александрович 466
Арсеньев Константин Константинович 270, 412
Артемов Александр Иванович 99, 150, 378
Аттила 84
Афанасьев Александр Николаевич 42
Ахилл 31
Ахматов Михаил Николаевич 284
Ахматова Анна Андреевна 491
Багинский 380
Багницкая (Бодуэн де Куртенэ) Ромуальда 134
Бадалян Дмитрий Александрович 79, 397
Бакунин Михаил Александрович 153, 464, 465, 474
Балабин Виктор Петрович 463, 469
Балакирев Милий Алексеевич 426
Балугьянский Михаил Андреевич 87
Бан Матия 307
Барановский Антоний 520
Баратов Петр Николаевич 10
Баратынский Евгений Абрамович 366, 389
Баринов Дмитрий Андреевич 404
Барроцци Николо (Barozzi N.) 486
Барсов Елпидифор Васильевич 531
Барсуков Николай Платонович 90, 257, 258, 276, 359, 425
Басаргина Екатерина Юрьевна 286
Батюшков Помпей Николаевич 282
Бауэр Василий Васильевич 162—164, 405, 406
Бах Александр, фон 462
Баше Арман (Baschet A.) 485
Баязет 185
Безбардис Каспар Эрнст 374
Безлепкин Николай Иванович 187
Безсонов Петр Алексеевич 383
Бейст Фридрих Фердинанд 150, 460
Бекетов Андрей Николаевич 412
Бекетов Николай Николаевич 361
Белинский Виссарион Григорьевич 365, 389
Белозерский Василий Михайлович 392
Беляев Иван Дмитриевич 366
Беневский Аркадий Семенович 379
Бердяев Николай Александрович 12, 13
Беркгольц Егор Егорович 464
Берков Павел Наумович 255, 260
Бессонов Петр Алексеевич 524
Бестужев-Рюмин Константин Николаевич 105, 109, 127, 157, 204, 208, 271, 328, 356, 362, 366, 381, 393, 418, 528, 534
Билка Петр 470
Бирон, заговорщик 488

- Бисмарк Отто, фон 378, 381, 504
 Благовещенский Николай Михайлович 515
 Благослав Ян 102
 Блудов Андрей Дмитриевич 457
 Блудова Антонина Дмитриевна 90, 534
 Бобринский Михал 101
 Бобринский Александр Алексеевич 414, 421
 Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович 38, 39, 101, 126, 132, 134, 135
 Бодянский Осип Михайлович 8, 194, 235, 328, 444
 Боков Петр Иванович 474
 Болдин Владимир Алексеевич 9
 Болеслав-Юрий II 423
 Болотов Василий Васильевич 164—166, 331, 424
 Болтин Иван Никитич 360, 365, 388, 389, 424
 Бондаренко Наталья Александровна 10
 Бонифаций VIII, папа римский 511
 Борис Годунов 281
 Боссюэт Жак Бенин 31
 Брандль Викентий 469
 Брандт Роман Федорович 137, 183, 275
 Бранка 155
 Браун Роудон (Brown R.) 485
 Браунер Франтишек Август 467
 Брешинский В. А. 281
 Брук Джеймс 438
 Бринзей Георгий Васильевич 10
 Будилевич Антон Семенович 35, 39, 105, 109, 131, 137—141, 151, 166, 167—175, 205, 230, 314, 385, 394, 405—407, 539
 Булгарин Фаддей Венедиктович 32
 Булич Николай Никитич 69, 70
 Бунге Николай Христофорович 115
 Буоль-Шауенштейн Карл Фердинанд, фон (Buol-Schauenstein K. F., von) 494
 Буслаев Федор Иванович 32, 40, 105, 328, 415, 523, 524
 Бухерт Владимир Генрихович 427
 Бычков Афанасий Федорович 52, 328
- Вайсман** Маргарита Игоревна 95
Валентинелли Джузеппе (Valentinelli G.) 486
 Валуев Дмитрий Александрович 363, 364, 386, 389
 Варнек Александр Иванович 287
 Васенко Платон Григорьевич 143
 Васильев Афанасий Васильевич 380
 Васильев Василий Павлович 324, 331, 366
- Васильев Хрисанф Константинович 530
 Васильевский Василий Григорьевич 141, 143, 420, 427, 536
 Васильчиков Александр Илларионович 153, 394
 Васкул Анастасия Игоревна 11
 Ващенко Михаил Сергеевич 10
 Введенский Александр Иванович 427
 Введенский Иринарх Иванович 456
 Вейнберг Петр Исаевич 123
 Вейнгольд Карл 520
 Велёпольский Александр (Wielopolski A.) 501
 Веллудо, историк Венеции 486, 490
 Венгеров Семен Афанасьевич 123, 527
 Веневитинов Дмитрий Владимирович 366, 389
 Венелин Юрий Иванович 87
 Венциг Йозеф 468
 Вернадский Владимир Иванович 267
 Веселовский Алексей Николаевич 105, 116, 288, 295
 Виклеф Джон 477
 Вико Джамбаттиста 31
 Виктор-Эммануил II 156
 Викторов Алексей Егорович 39
 Виноградов Павел Гаврилович 416
 Винокуров Дмитрий Александрович 533
 Витте Сергей Юльевич 237, 238
 Владимир Святославович, князь 340
 Владиславлев Владимир Михайлович 54, 72, 117—119, 141
 Владиславлев Михаил Иванович 476
 Войтковский Василий Миронович 467
 Волков Владимир Константинович 16, 17
 Вольфзон Вильгельм 457
 Воронцов Семен Романович 424
 Воскресенский Григорий Александрович 39, 127, 183
 Востоков Александр Христофорович 33, 38, 40, 127, 212, 235, 520
 Врятко Антонин Ярослав 468
 Вшегорд (Вшегрд) Викторин Корнел 102
 Вяземский Петр Андреевич 366
- Габсбурги**, монаршая династия Европы 173, 180, 308, 460, 480, 496, 497, 503, 505, 507, 508
 Гавличек (Гавличек-Боровский) Карел 325
 Гагарин Иван Сергеевич 466
 Гай Людевит 308
 Галахов Алексей Дмитриевич 124, 444
 Гамбаров Юрий Степанович 330
 Гамерник Иосиф 462, 468

- Ганка Вацлав 71, 465, 528, 547
Гантнер М. 330
Гар Томмазо (Gar T.) 486
Гартман Эдуард 511
Гвиди Игнацио 331
Гегель Георг Вильгельм Фридрих 214, 227, 368, 437
Гейд, историк 490
Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд 74, 517
Генрих IV, король Англии 488
Гердер Иоганн Готфрид 31, 111
Гердт Яна Владимировна 9, 24
Геров Найден Хаджиберович 108, 545
Геродот 31
Герцен Александр Иванович 464, 465, 474, 475
Гершензон Михаил Осипович 402
Герье Владимир Иванович 403, 415
Гёдель 493
Гёте Иоганн Вольфганг 361, 367
Гильфердинг Александр Федорович 39, 89, 104, 109, 124, 139, 168, 363, 364, 386, 394, 523, 525
Гиренок Федор Иванович 397
Гирс Николай Карлович 292, 380
Глинка Михаил Иванович 361, 366, 368
Глинский Борис Борисович 533
Гогенцоллерны, германская династия 508
Гогенштауфены, династия южно-германских королей и императоров Священной Римской империи 496, 497, 505, 508
Гоголь Николай Васильевич 45, 87, 283, 323, 366, 389, 415, 532, 535
Голицын Дмитрий Дмитриевич 466
Голицына Елизавета 153
Головацкий Яков Федорович 470
Головнин Александр Васильевич 30, 54, 71, 72, 98, 375, 376, 446
Голотузов 330
Голубинский Евгений Евгеньевич 341, 342
Гольбейн Ганс Младший 447
Гомер 32
Гопф Х. (Hopf Ch.) 490
Горник Михал 458
Гостева Снежана Руслановна 10, 11, 346
Градовский Александр Дмитриевич 109, 375, 394
Грановский Тимофей Николаевич 115, 116, 203
Гребёнка Евгений Павлович 87
Гревс Иван Михайлович 123, 128, 129, 131, 132, 417, 533
Грибоедов Александр Сергеевич 323, 365, 389
Григорий VII, папа римский 171, 511
Григорий X, папа римский 180, 507
Григорович Виктор Иванович 99, 235, 328
Григорьев Аполлон Александрович 328, 366
Григорьев Василий Васильевич 328, 331, 366, 418, 522, 525
Гримм Эрвин Давидович 128
Гримм Яков 212, 454
Грот Джордж 43,
Грот Константин Яковлевич 7, 10, 115, 116, 119, 126, 136—140, 142, 143, 176, 183, 205, 342, 346, 407
Грот Яков Карлович 517
Грушевский Михаил Сергеевич 413—415
Гудков А. Д. 8
Гулак-Артемовский Петр Петрович 436
Гумбольдт Александр, фон 436
Гумбольдт Вильгельм, фон 40, 61, 212, 213, 214, 227, 415
Гуревич Арон Яковлевич 10
Гуревич Яков Григорьевич 405
Гурницкий Лука (Лукаш) 508
Гус Ян 102, 103, 128, 344
Давыдов Денис Васильевич 389
Даль Владимир Иванович 533
Данилевский Николай Яковлевич 175, 182, 188, 189, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 251, 259, 295, 318, 357, 386, 401, 419, 523, 534,
Даничич Джуро 127
Данте Алигьери 260, 264
Дастон Лоррейн 260
Дашкевич Николай Павлович 197, 198
Дворниченко Андрей Юрьевич 404
Де Месс Андре Юро (De Maise A. H.) 488
Де Роберти Евгений Валентинович 330
Делянов Иван Давыдович 119, 178, 200, 235, 237, 238, 409, 479, 481
Демалатри Луи (De Mas Latrie L.) 177, 484
Демченко Адольф Андреевич 78
Державин Гавриил Романович 389
Десницкий Семен Ефимович 360, 424
Джем, султан Турции 156, 185, 488
Джиомо Джузеппе (Giomo G.) 484, 486
Дизраэли Бенджамин (Disraeli B.) 494
Диянов Константин Сергеевич 416
Дмитриев Игорь Сергеевич 266
Дмитриев Федор Михайлович 328
Добровский Иосиф 37, 38, 156, 190, 202, 207, 281, 323, 396, 547

- Добролюбов Николай Александрович 39, 442, 525, 532
 Добрянский Адольф Иванович 173
 Долгова Евгения Андреевна 404
 Дона Леонардо (Donà L.) 169, 483, 486
 Дона Николо (Donà N.) 486
 Достоевский Федор Михайлович 30, 159, 323, 366, 476, 516, 523, 530, 532, 533
 Драганов Петр Данилович 363
 Драгоманов Михаил Петрович 82
 Дринов Марин Степанович 153
 Дройзен Иоганн Густав 454, 455
 Дубельт Леонтий Васильевич 365
 Духинский Францишек 244
 Дьяков Владимир Анатольевич 90
 Дьяконов Михаил Александрович 420, 424, 425, 427
 Дякиева Балджа Батнасуовна 11
- Егоров Борис Федорович 218
 Евреинова Анна Михайловна 383
 Екатерина II 143, 359, 424
 Елагин Василий Алексеевич 364, 365
 Елизавета Петровна, императрица 359, 424, 425
 Емельянов Евгений Павлович 78, 79
 Ермолов Алексей Петрович 365
- Жданов Иван Николаевич 237, 270, 275
 Жугра Альвина Венедиктовна 11
 Жуковский Василий Андреевич 42, 366, 389
 Жустиньен Антуан (Justinien A.) 484
- Забелин Иван Егорович 75, 285, 530
 Задорожнюк Элла Григорьевна 9
 Залеман Карл Германович 287
 Замысловский Егор Егорович 105
 Зап Карел Владислав 467
 Захаров Иван Ильич 324, 331, 366
 Звонимир, хорватский король 503
 Зеленый Вацлав 467
 Зернин Александр Петрович 40
 Зигель Федор Федорович 137, 140, 141, 183, 205, 330, 407
 Зиновьев Михаил Алексеевич 478
 Золотарев Дмитрий Петрович 10, 11, 346
- Иакинф (Бичурин Никита Яковлевич) 331
 Иван Грозный 50
 Иванов Александр Андреевич 361, 368
 Ивановский Игнатий Иакинфович 51
 Игнатъев Николай Павлович 114, 121, 132, 292, 379, 384, 402
- Иероним Пражский 59, 344
 Иероним Стридонский 353
 Изабелла I Кастильская 455
 Иловайский Дмитрий Иванович 105, 383
 Ильинский Григорий Андреевич 135, 427
 Ильминский Николай Иванович 331
 Илья Муромец 510, 522, 523
 Иннокентий III, папа римский 171
 Иоанне Ватаци, никейский император 508
 Ионин Александр Осипович 380
 Иордан Ян Петр 307
 Иосиф II, император Священной Римской империи 492, 502
 Иосиф Волоцкий 533
 Исаев Андрей Алексеевич 123, 330
 Исаева Оксана Сергеевна 9
 Исаков Яков Алексеевич 51
 Истомина Федор Михайлович 163, 164, 183
- Кавалли Марен (Cavalli M.) 488
 Кавелин Константин Дмитриевич 40, 124, 328, 397
 Кавур Камилло Бенсо 156, 437
 Калачов Николай Васильевич 124
 Калмыков Петр Давыдович 366
 Каль Алексей Федорович 129
 Кальвин Жан 511
 Кант Иммануил 368, 436, 437, 449
 Кантор Владимир Карлович 73
 Капони Джино (Carroni G.) 491
 Капустина Ирина Олеговна 10
 Карамзин Николай Михайлович 65, 388, 389
 Каратыгин Василий Андреевич 45
 Кареев Николай Иванович 123, 124, 127, 132, 220, 403—415, 417
 Карл V 480
 Карл Великий 174, 224, 348, 507
 Карпеев Энгель Петрович 265
 Касторский Михаил Иванович 70
 Катков Михаил Никофорович 50, 104, 105, 114—116, 328, 379, 390, 475, 517, 535
 Кашпирёв Василий Владимирович 10, 523
 Каульбах Вильгельм, фон 451
 Каченовский Дмитрий Иванович 72
 Кельсиев Василий Иванович 394
 Киприан, монах 488
 Киреев Александр Алексеевич 393, 394
 Киреевский Иван Васильевич 15, 43, 100, 210, 230, 263, 351, 360, 364, 365, 366, 368, 372, 386, 389, 392, 440, 464,
 Киреевский Петр Васильевич 364, 365, 366, 386, 389, 464, 519, 523, 525

- Кирилл (Константин Философ) 11, 72, 125, 174, 224, 293, 295, 303, 335, 338—348, 352, 402
- Клауди Эдуард 467
- Клацел Франтишек Матоуш 307
- Клебс Георг 423
- Ключевский Василий Осипович 105
- Клюшников Виктор Петрович 523
- Книпович Николай Михайлович 123
- Князев Гавриил Михайлович 137, 183
- Ковалевский Максим Максимович 161, 293, 328, 330, 416
- Ковыльникова Татьяна Сергеевна 10
- Колеватов Дмитрий Михайлович 428
- Коллар Ян 33, 220—222, 227, 307
- Коменский Ян Амос 102
- Кондаков Никодим Павлович 269, 283, 284
- Константин Великий, император 340, 352
- Константин Николаевич, вел. кн. 450, 464
- Константин Константинович, вел. кн. 270, 291
- Константин Порфирородный (Порфирирогенез) 280
- Контарини Николо (Contarini N.) 488
- Контарини Томмазо (Contarini T.) 488
- Копитар Эрней Бартол 293, 547
- Кораблев Василий Николаевич 411
- Корелкин Николай Павлович 39
- Корзун Валентина Павловна 427, 428
- Короленко Владимир Галактионович 412
- Корф Модест Андреевич 52, 53
- Корш Федор Евгеньевич 269, 270, 283
- Коссович Каэтан Андреевич 49
- Костомаров Николай Иванович 30, 38, 48, 63, 68—70, 75, 76, 79, 87, 90, 124, 203, 209, 328, 392, 393, 441—444
- Котляревский Александр Александрович 39, 111
- Котляревский Нестор Александрович 363
- Котов Александр Эдуардович 11
- Кохановская Надежда Степановна 366
- Кочубинский Александр Александрович 359
- Кошарный Валерий Павлович 9
- Кошелев Александр Иванович 230, 386, 389, 440
- Коялович Михаил Осипович 126, 139, 195, 356, 534
- Кракау Василий Александрович 183
- Красинский Наполеон Станислав Адам Феликс Зигмунд 101
- Крижанич Юрий 266, 307, 308, 525
- Кролмус Вацлав 461
- Крумбахер Карл 330
- Кручковский Тадеуш Тадеушевич 415
- Крылов Иван Андреевич 365, 389
- Крюков Дмитрий Львович 115
- Кудряшев Вячеслав Николаевич 10
- Кузмани Карл 307, 469
- Кулаковский Платон Андреевич 7, 117, 136, 237, 239
- Кулиш Пантелеймон Александрович 87, 392, 470
- Кульман 493
- Куник Арист Аристович 40, 59, 60, 139, 444
- Куприянов Виктор Александрович 4, 21
- Курье Поль-Луи 396
- Куторга Михаил Семёнович 31, 32, 33, 41, 43
- Кутузов (Голенищев-Кутузов) Арсений Аркадьевич 382
- Лаверецкий Николай Акимович 530
- Лавров Петр Алексеевич 33, 36, 128, 130—132, 135, 340, 342, 410
- Лавровский Николай Алексеевич 39, 519
- Лавровский Петр Алексеевич 39, 52, 88, 89, 93, 97, 111, 519
- Ламанский Александр Иванович 41, 516
- Ламанский Владимир Владимирович 426, 479
- Ламанский Евгений Иванович 50, 51, 134, 446, 516
- Ламанский Иван Иванович 517, 518
- Ламанский Константин Иванович 48, 516
- Ламанский Порфирий Иванович 30, 516
- Ламанский Сергей Иванович 446, 479, 517
- Ламанский Яков Иванович 30, 441, 446, 516, 518
- Ламанская (Халютина) Александра Ивановна 125, 479
- Ламанская Анастасия Владимировна 125, 479
- Ламанская (Малоземова) Вера Ивановна 479, 518
- Ламанская (Чебаевская) Глафира Евгеньевна 446
- Ламанская Надежда Владимировна 479
- Ламанская Олимпиада Ивановна 518
- Ламанская Ольга Владимировна 479
- Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич 166, 269, 275, 285, 296, 416—423, 425—428
- Лаптева Людмила Павловна 5, 7, 36, 137, 205, 235, 236, 426, 521
- Лапшин Григорий Иванович 32
- Лассим М. (Lassime M.) 487
- Латышев Василий Васильевич 284

- Лацарус Мориз 60
 Лебедева Галина Николаевна 11
 Лев X, папа римский 488
 Лев XIII, папа римский 179, 507, 511
 Лейбниц Готфрид Вильгельм 403, 404
 Лелевель Иоахим 462
 Леонтьев Константин Николаевич 12, 98, 116, 295, 386, 523
 Леопарди Джакомо (Leopardi G.) 491
 Лепехин Иван Иванович 360, 365
 Лесков Николай Семёнович 523
 Лешков Василий Николаевич 366
 Линниченко Иван Андреевич 190
 Лодий Петр Дмитриевич 87
 Лойола Игнаци 152
 Ломоносов Михаил Васильевич 86, 87, 150, 157, 191, 202, 253—268, 271, 275—278, 286—288, 290, 298, 307—309, 312, 326, 344, 346, 359, 362, 365, 388, 389, 418, 424, 452, 539, 544
 Лонгворт Джон 238
 Луиза Баварская 330
 Лукас Кранах Старший 447
 Лунци (Lunzi) 490
 Луциус (Lucius) 490
 Лучицкий Иван Васильевич 405
 Любимов Николай Алексеевич 114, 115, 116
 Любич, аббат (Lubic) 103, 490
 Людовик Бонапарт 474
 Лютер Мартин 255, 260, 264, 477, 511
 Ляпунов Прокопий Петрович 375
- Майков Аполлон Александрович 111, 293
 Майков Аполлон Николаевич 257, 361, 384, 523
 Майков Леонид Николаевич 30, 39, 54, 56, 72, 99, 108, 109, 150, 154, 160, 166, 178, 179, 273, 275, 280, 297, 479—482, 523
 Макарова Елена Алексеевна 10
 Маколей Томас Бабингтон 436
 Максим Грек 50
 Макушев Викентий Васильевич 39, 99, 112, 126, 147, 150, 153—157, 486, 515
 Малинин Василий Николаевич 39, 127, 183
 Малинов Алексей Валерьевич 4, 21, 30
 Манассеин Вячеслав Авксентьевич 412
 Маркевич Алексей Иванович 99
 Марко Вовчок 436
 Маркс Карл 511
 Масарик Томаш Гарриг 10
 Матвеева Александра Михайловна 9
 Матьяш (Матвей) I Корвин, венгерский король 488
- Межов Владимир Измайлович 157, 418
 Мельников Павел Иванович 255, 256
 Менделеев Дмитрий Иванович 74, 100, 114, 141, 331, 362
 Меншуткин Борис Николаевич 286
 Меттерних Клемент Венцель Лотар, фон 435, 438, 494, 506
 Метлинский Амвросий Лукьянович 288
 Мефодий (в миру Михаил) 224, 341, 342, 345, 456, 348
 Миклошич Франц Ксавер 127, 293, 323
 Миллер Алексей Ильич 90
 Миллер Иван Петрович 514
 Миллер Орест Федорович 30, 46, 54, 72, 109, 159, 203, 230, 356, 362, 384, 385, 386, 390, 393, 394, 420, 472—475, 514, 514—536
 Миллер (Чирикова) Екатерина Николаевна 514
 Миллькамп (Millescamps) 487
 Милютин Дмитрий Алексеевич 292
 Милютин Николай Алексеевич 121, 501
 Минаев Иван Павлович 141, 324, 331, 385
 Минаков Аркадий Юрьевич 90
 Михайлова Елена Евгеньевна 397
 Михутина Ирина Васильевна 76
 Мицкевич Адам 324
 Мишле Жюль 480
 Мордовцев Данил Лукич 39, 44, 45, 47, 48, 71, 72, 358
 Муратори Лудовико Антонио (Muratori L. A.) 490
 Мухаммад II, турецкий султан 174
 Мягков Герман Пантелеймонович 10
- Надеждин Николай Иванович 365
 Наполеон I Бонапарт 32, 224, 460
 Наполеон III 240, 474, 494, 504
 Небеский Вацлав Болемир 547
 Неволин Константин Алексеевич 366
 Невоструев Капитон Иванович 533
 Недашковская Надежда Игоревна 10
 Нечухрин Александр Николаевич 415
 Никитенко Александр Васильевич 30, 33, 46, 98, 256, 257, 444, 521
 Никитин (друг Ламанского) 446
 Никитин Афанасий 37
 Никитин Петр Васильевич 118
 Никитский Александр Васильевич 105
 Нобилинг 493
 Новиков Николай Иванович 192, 360, 365, 389
 Нольде Борис Эммануилович 402
- Обручев Николай Николаевич 379, 380, 474

- Огарев Николай Платонович 465, 474
 Одоевский Владимир Федорович 366
 Окишева Карина Анатольевна 533
 Оксеншерна, дворянский род 491
 Ольденбург Сергей Федорович 123
 Он Оя 78
 Орлов Григорий Григорьевич 424
 Орлов Николай Алексеевич 394
 Орсини, итальянский род 493
 Ососов Василий Яковлевич 72, 75, 194, 514
 Остерман Андрей Иванович 359
 Островский Александр Николаевич 45, 328, 366
 Островьяненко (Квитка-Островьяненко) Григорий Федорович 87
 Оттокар I, король Чехии 180, 447, 507
- Павлов 39**
 Павлов Николай Филиппович 466
 Павлов Павел Александрович 9
 Павский Герасим Петрович 32
 Палаузов Спиридон Николаевич 39
 Палацкий Франтишек 34, 56, 71, 72, 101, 157, 220, 325, 333, 418, 459—463, 467, 468, 472, 473, 503, 547
 Палладий (Кафаров Петр Иванович) 331
 Палмерстон Генри Джон Темпл (Henry Temple, 3rd Viscount of Palmerston) 494
 Пальмов Иван Саввич 10, 126, 137, 141, 183, 205, 237, 394
 Панченко Алексей Борисович 9
 Паскаль Блез 396
 Патера Адольф 38, 335, 395, 468, 472, 518, 519
 Пачифико (Pacífico) 493
 Пашаева Нина Михайловна 90
 Пекарский Петр Петрович 261, 411, 418
 Перлина Нина Моисеевна 533
 Перозии Николай Павлович 440, 441
 Перро Юлий Иванович 30, 31
 Петкович Константин Дмитриевич 39
 Петр I 15, 17, 61, 101, 122, 193, 256, 259, 260, 262, 264, 277, 278, 340, 391
 Петров Алексей Леонидович 126, 127, 137, 141, 143, 183, 296, 334, 335
 Петровский Мнемон Петрович 519
 Пий IX, папа римский 511
 Пильц Эразм Иванович 410
 Пирожкова Татьяна Федоровна 397
 Писарев Дмитрий Иванович 39
 Писемский Алексей Феофилактович 109
 Пичета Владимир Иванович 145
 Платон 346, 367, 396
 Платон (Левшин), митрополит 388
- Платонов Сергей Федорович 118, 129, 130, 142, 427, 533
 Платонова Наталья Николаевна 118
 Победоносцев Константин Петрович 179, 274
 Погодин Александр Львович 205, 401
 Погодин Михаил Петрович 43, 63, 90, 195, 230, 257, 258, 276, 328, 359, 360, 365, 366, 392, 425, 440—442
 Позднеев Алексей Матвеевич 331
 Покровская (Ламанская) Ольга Владимировна 30, 75, 131, 479, 534
 Покровский Василий Иванович 412
 Поленов Алексей Яковлевич 360, 365
 Поленов Василий Дмитриевич 518
 Поленов Матвей Васильевич 141, 518
 Полетика Василий Аполлонович 441
 Половцов Анатолий Викторович 421
 Попов Александр Николаевич 39, 109, 365, 389
 Попов Нил Александрович 105, 328, 383
 Поповский Николай Николаевич 360
 Поржезинский Виктор Карлович 283
 Порошин Семен Андреевич 360
 Потанин Григорий Николаевич 412
 Потенба Александр Афанасьевич 39, 472, 474
 Практитель 367
 Праус Йозеф 307
 Преис Петр Иванович 235
 Пресняков Александр Евгеньевич 124, 143, 144, 426
 Пржемысл Оттокар I 180, 507
 Пржемысл Оттокар II 447
 Прокеш-Остен Антон, фон (Prokesch-Osten A., von) 494
 Прокопович Феофан 157
 Прокудин Борис Александрович 9, 221, 231, 346
 Пташицкий Станислав Львович 183, 237
 Пушкин Александр Сергеевич 11, 78, 323, 324, 334, 365, 366, 389, 414
 Пыпин Александр Николаевич 8, 39, 44, 46, 47, 63—68, 71—75, 95, 105, 124, 201, 220, 270, 283, 285, 295, 313, 328, 357, 362, 396, 410, 521, 522
- Радищев Александр Николаевич 360, 424
 Радлов Василий Васильевич 294
 Радлов Эрнст Львович 338, 339
 Раевский Михаил Федорович 146, 467, 520
 Разин Степан Тимофеевич 68, 75
 Райковский Андрей Иванович 30, 31, 41, 74
 Раковский Иван Иванович 89

- Ранке Леопольд фон 179, 436, 480
 Рачный Франьо 103, 325
 Рачинский Сергей Александрович 293
 Регель Василий Эдуардович 137, 183, 205
 Ренненкампф Николай Карлович 153
 Ренан Жозеф Эрнест 475
 Репин Илья Ефимович 293
 Ригер Франтишек Ладислав 71, 325, 459—462, 463, 467, 473
 Римский-Корсаков Николай Андреевич 426
 Риттер Карл 436
 Робинсон Михаил Андреевич 7, 136, 144, 215
 Ровинский Павел Аполлонович 519
 Розен Виктор Романович 331
 Розенкранц Иоганн Карл Фридрих 447—449, 451
 Ромальд (Romald Al.) 487
 Романов Константин Константинович, вел. кн. 269, 270, 288, 291, 296, 428
 Романов Николай Николаевич, вел. кн. 379
 Ромашов Юрий Викторович 9
 Ростовцев Евгений Анатольевич 4, 51, 117, 119, 136, 143, 144, 404, 420, 426
 Рудольф I, император Священной Римской империи 180, 497
 Румянцев Николай Петрович 235
 Рыбников Павел Николаевич 519, 525
- Савельев Павел Степанович 331
 Савицкий Адам 371
 Савицкий Петр Николаевич 9
 Сазонович Иван Петрович 526
 Самарин Дмитрий Федорович 383
 Самарин Юрий Федорович 4, 65, 139, 210, 230, 265, 328, 364, 365, 370, 376, 383, 385, 386, 389, 393—398, 401, 402, 440
 Сануто Марино (Sanuto M.) 488
 Саприкина Ольга Вячеславовна 7, 92, 144—145, 190
 Сатас К. Н. (Sathas K. N.) 490
 Саул 349
 Свешников Митрофан Иванович 123
 Селиванов Федор Мартынович 532
 Селиверстов Сергей Васильевич 9, 10, 161, 229
 Селим II 355
 Семенович (галичанин) 380
 Семенович А. Г. (ученик В. И. Ламанского) 183
 Семёнов-Тянь-Шанский Вениамин Петрович 9, 137, 142, 291, 296, 414, 415, 426, 516
- Семёнов-Тянь-Шанский Петр Петрович 479, 481
 Сераковский Зыгмунт 475
 Сервантес Мигель, де 324
 Сергеевич Василий Иванович 119, 122, 123
 Серкова Вера Анатольевна 397
 Серно-Соловьевич Александр Александрович 474
 Серно-Соловьевич Николай Александрович 474
 Сидорчук Илья Викторович 117
 Симосато Тосиюки 346
 Скворцов 39
 Скороходова Светлана Игоревна 385, 397, 401
 Сладкевич Наум Григорьевич 73
 Слепцов Александр Александрович 474
 Словацкий Юлиуш 101
 Смагина Галина Ивановна 428
 Смирнов Яков Иванович 123
 Смит-Сетенли (Станлей) Эдвард 150
 Смолка Франц 461
 Смоляр Ян-Эрнест 458
 Соболев Владимир Семёнович 4, 270
 Соболевский Алексей Иванович 123, 127, 131, 237, 270, 283, 284
 Собольщиков Василий Иванович 52
 Соколов Иван Иванович 137, 159, 183, 292
 Соколов Матвей Иванович 10, 137, 141, 161, 183, 205, 275, 385, 394
 Сократ 396
 Солдатенков Козьма Терентьевич 282
 Соллогуб Владимир Александрович 384
 Соловьев Владимир Сергеевич 13, 270, 412
 Соловьев Сергей Михайлович 34, 40, 54, 65, 195, 328, 359, 364, 444
 Спасович Владимир Данилович 67, 124, 410, 412, 521
 Срезневская Елена Ивановна 39
 Срезневский Всеволод Измайлович 476
 Срезневский Измаил Иванович 5, 30, 32—42, 44, 45, 47, 48, 54, 55, 59, 60, 70, 73, 99, 100, 108, 109, 122, 124, 127, 135, 141, 146, 147, 199, 209, 212, 225, 235, 271, 328, 358, 363, 364, 366, 392, 393, 395, 398, 418, 476, 484, 515, 520, 524, 537
 Стасов Владимир Васильевич 50, 52, 123, 291, 363, 368, 385, 522—525, 532
 Стасов Дмитрий Васильевич 124
 Стасюлевич Михаил Матвеевич 90, 124, 257, 276, 359, 425
 Стенник Юрий Владимирович 388
 Стефан Душан 55, 99, 106, 147, 539
 Столыпин Петр Аркадиевич 138, 411

- Стоянович Любомир 9
 Страхов Николай Николаевич 109, 127, 159, 366, 382, 523
 Суворин Алексей Сергеевич 104, 138, 139
 Суворов Александр Васильевич 240, 365
 Сулейман Великолепный 174, 178, 354, 355, 480
 Сумароков Александр Петрович 45, 521
 Сухомлинов Михаил Иванович 33, 39, 124, 270—273, 275, 282, 286, 418
 Сырку Полихроний Агапиевич 137, 183, 205, 237, 273, 275, 529
- Талызин Матвей Иванович 43**
 Тамерлан Тимур 185
 Тарпаваль, бан Хорвати 488
 Тафель Готлиб Лукас Фридрих (Tafel G. L. F.) 490
 Тесля Андрей Александрович 371
 Тёпфер Ал. (Toerfer Al.) 488
 Терновский Ефимий 529
 Титмар Мерзебургский 103
 Тихонравов Николай Саввич 418
 Ткалац Имбро Игнатъевич 470
 Тойнби Арнольд 229
 Толстой Алексей Константинович 366
 Толстой Дмитрий Андреевич 119
 Толстой Лев Николаевич 110, 270, 323
 Толстой Феофил Матвеевич 526
 Томас, историк 490
 Томек Вацлав 467
 Тоннер Эмануэль 463
 Топильский Алексей Геннадиевич 90
 Торнтон Эдвард 120
 Тотлебен Эдуард Иванович 379
 Трапп Мориц Вильгельм 469
 Трачевский Александр Семёнович 405
 Троянский 519
 Трушковский Николай Павлович 45
 Тураев Борис Александрович 128
 Тургенев Александр Иванович 365
 Тургенев Иван Сергеевич 444, 529
 Тургенев Николай Иванович 365
 Тургенев Петр Николаевич 285
 Тургенев Сергей Иванович 365
 Тютчев Федор Иванович 14, 122, 168, 180, 230, 389, 394, 523, 546
- Уваров Сергей Семёнович 168, 235, 277, 281, 359**
 Успенский Федор Иванович 61, 137, 141, 142, 183, 205, 296, 419, 539
- Устинович Михаил 30, 34, 42, 43, 46, 235, 387
 Устрялов Николай Герасимович 33, 45
 Утин Борис Исаакович 124
 Утин Николай Исаакович 474
- Фадеев Ростислав Андреевич 230**
 Фаминцын Андрей Сергеевич 292
 Фарлати (Farlati) 490
 Фатеев Валерий Александрович 14
 Фейфалик Юлиус 547
 Фердинанд II, император Священной Римской империи 101, 492, 497, 509
 Фердинанд Арагонский 454, 455
 Фет Афанасий Афанасьевич 361, 523
 Филарет (Дроздов Василий Михайлович), митрополит 349
 Филиппов Третий Иванович 440, 476
 Фихте Иоганн Готлиб 214, 277, 447
 Фишер Адам Андреевич 41, 46
 Флёри Жан (Иван Иванович; Fleury Jean) 487
 Флоринский Тимофей Дмитриевич 127, 137, 138, 141, 183, 205, 237, 292, 341, 342, 383
 Фока Никифор 529
 Фома Сплитский 103
 Фонвизин Денис Иванович 45, 360, 365, 389, 424, 521
 Формей Жан Анри Самюэль 452
 Форстен Георгий Васильевич 405, 427
 Фортунатов Филипп Федорович 39
 Фоскарини Антонио (Foscarini A.) 485
 Фотий I, патриарх 340
 Франц Иосиф I, австрийский император 14, 281, 381, 482
 Франц Константин 504
 Франциск I, французский король 178, 480
 Фридрих II, император Священной Римской империи 508
 Фрич-Моджевский Анджей 407
 Фюллен Ринальдо (Fulin R.) 487
- Хагнер М. 268**
 Ханьков Николай Владимирович 331
 Хартанович Маргарита Федоровна 122
 Хельчицкий Петр 102
 Хирш Ф. (Hirsch F.) 177
 Хмельницкий Богдан Михайлович 68
 Хомяков Алексей Степанович 4, 12, 13, 14—21, 25, 43, 53, 67, 100, 101, 141, 168, 173, 176, 180, 210, 229, 230, 263, 264, 349—351, 356—372, 383, 386, 389, 392, 440, 464, 465, 469, 519, 526

- Храбр Черноризец 340
Хрущов Иван Петрович 533
- Ц**
Цветаев Иван Владимирович 39
Циммерман 84
Цицерон 32, 179
Цыганков Дмитрий Андреевич 403
Цымбаев Николай Иванович 349
- Ч**
Чадаев Петр Яковлевич 168, 180, 211, 365
Чарторыйский Адам Ежи 157
Чебышев Пафнутий Львович 141
Чеккетти Бартоломео (Cecchetti V.) 485, 486
Челяковский Франц Ладислав 33, 547
Чемшит Александр Александрович 9
Черкасский Владимир Александрович 385, 389
Черний Эммануил 379
Чернышевский Николай Гаврилович 4, 63, 71, 73—80, 83, 85—88, 91—97, 111, 323, 391, 444, 474, 475
Чернышевская Ольга Сократовна 74
Чечулин Николай Дмитриевич 143
Чижов Федор Васильевич 328, 365, 386, 389, 392
Чистович Иларион Алексеевич 157, 418
Чулков Михаил Дмитриевич 365
- Ш**
Шайноха Карл 101
Шафарик Павел Йозеф 33, 34, 71, 212, 220, 293, 307, 444, 518, 547
Шахматов Алексей Александрович 57, 127, 132, 134—136, 145, 189, 237, 268—270, 272, 273, 275, 283, 285, 292, 294—296, 341, 420, 425, 530
Шаховской Александр Александрович 45, 521
Шварц Иван Григорьевич 192
Шевченко Тарас Григорьевич 87, 392, 436
Шевырев Степан Петрович 366
Шекспир Вильям 30, 264, 324, 517
Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф 368
Шенгеля Иосиф Шалвович 9
Шилов Леонид Александрович 11
Ширинянец Александр Андреевич 8, 9, 11
Шифнер Антон Антонович 40
Шлоссер Фридрих Кристоф 436
Шляпкин Илья Александрович 533
Шмеллер Иоганн Андреас 111
- Шмидт Густав Иоганн Леопольд 468
Шпенглер Освальд 229
Шракем Иван Федорович 527, 528
Штейнман Иван Богданович 32
Штейнталь Герман 60
Штитный Фома (Томаш) 102
Штраус Давид Фридрих 511
Штроссмайер Йосип Юрай 325, 466
Штруп Николай Мартынович 426
Штур Людовит 10, 157, 312, 326, 373
Шубинский Сергей Николаевич 284, 423
Шувалов Петр Андреевич 381
Шульц Фердинанд 465
Шульга Марина Андреевна 9, 97
Шусселька 473
Шумахер Иван Данилович 424
Шумило Светлана Михайловна 11, 341, 342
Шустер Ура Абрамович 145
- Щ**
Щапов Афанасий Прокопьевич 468
Щербакос Дмитрий Андреевич 95
Щербатской Федор Ипполитович 324
Шлецер Август Людвиг 213, 257, 443
- Э**
Эдуард VI, английский король 492
Эбергард Давид Фридрихендер 448
Эзерия Светлана Аркадьевна 11
Эно М. (Hainaut) 487
Эрбен Карел Яромир 71, 467
- Ю**
Южаков Егор Дмитриевич 75
Юнгман Йозеф 307, 519
- Я**
Яблочков Павел Николаевич 330
Ягич Игнатий Викентьевич 10, 52, 101, 116, 125, 127, 135, 156, 257, 270, 275, 280, 281, 285, 323, 341, 414, 482, 548
Языков Николай Михайлович 389
Ястребов Николай Владимирович 53, 96, 125—132, 135—137, 139, 140, 184, 205, 279, 280, 292, 296, 337, 410, 427
Яхимович Григорий Иванович 77
- Garcin de Tassy Joseph Héliodore Sagesse Vertu 313
Kingleake A. W. 474
Léger L. 177
Palmieri Aurelio 330
Wallon H. 177

Содержание

Предисловие	5
-----------------------	---

Часть первая

Студенческие годы	29
Магистерская диссертация	52
Полемика с Н. Г. Чернышевским	73
Университетская карьера	98
«Государственные тайны Венеции»	146
Политическое славяноведение	190
Панславизм и славянская взаимность	212
«Славянский мир» — нереализованный издательский проект	235
История русской науки в контексте национального самосознания	253
Служба в Императорской Академии наук	269
Язык, нация, культура	297
Кирилло-мефодиевская идея	338
Наука и свобода совести	349
В кругу современников	356
А. С. Хомяков	356
И. С. Аксаков	371
Ю. Ф. Самарин	385
Н. И. Кареев	403
А. С. Лаппо-Данилевский	416

Часть вторая

<i>В. И. Ламанский</i> . Положения [магистерской диссертации «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании»]	431
<i>В. И. Ламанский</i> . Россия — мир славянский	434
Письмо К. С. Аксакову	440
Письмо А. В. Головнину	446
Письмо О. Ф. Миллеру	472
Письмо В. М. Владиславлеву	476
Письмо Л. Н. Майкову	479
<i>В. И. Ламанский</i> . Предисловие [«Государственные тайны Венеции»]	483
Письма О. Ф. Миллера В. И. Ламанскому	514
<i>И. И. Срезневский</i> . Записка об ученых трудах профессора В. И. Ламанского	537
<i>А. А. Шахматов</i> . Записка об ученых трудах заслуженного профессора Императорского С.-Петербургского университета В. И. Ламанского	542
Указатель имен	549

Научное издание

Куприянов Виктор Александрович
Малинов Алексей Валерьевич

АКАДЕМИК В. И. ЛАМАНСКИЙ.
МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Редактор Ю. В. Смородинова
Компьютерная верстка Л. В. Соловьевой
Художественное оформление А. П. Баклановой

Согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Общероссийский классификатор продукции
по видам экономической деятельности
ОК 034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — Книги печатные

Подписано в печать 16.11.2020
Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 32,9. Печ. л. 35. Усл. печ. л. 35.
Тираж 300 экз. Заказ 7791

Филиал «Чеховский Печатный Двор» АО «Первая Образцовая типография»
142300, Московская обл., Чеховский р-н, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
8(495)988-63-76, т/ф. 8(496)726-54-10

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>